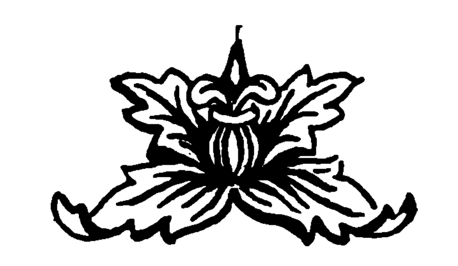


ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ПРАВА

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. Л. В. ЧЕРЕПНИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1956

ПАМЯТНИКИ ПРАВА ПЕРИОДА УКРЕПЛЕНИЯ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1956

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем, четвертом, выпуске «Памятников русского права» публикуются юридические материалы XVI— начала XVII вв. Это был важный период в истории нашей страны, характеризующийся укреплением Русского централизованного государства. Усиление классовых противоречий в связи с ростом феодального гнета и оформлением в России системы крепостного права вылилось в начале XVII века в грандиозную крестьянскую войну под руководством И. И. Болотникова.

В четвертый выпуск памятников включены материалы, относящиеся как к XVI веку, так и ко времени крестьянской войны и героической борьбы русского народа с иноземными интервентами, которая закончилась их изгнанием из страны. С 20-х годов XVII века начинается новый период русской истории, когда в недрах феодально-крепостнической системы, еще полностью сохраняющей свое господство, постепенно зарождаются элементы новых, буржуазных отношений. Новые явления в области экономики оказывали влияние на политическую и правовую надстройку. Документы юридического характера, относящиеся к этому периоду, войдут в следующие выпуски «Памятников русского права».

* * *

Процесс укрепления Русского централизованного государства в XVI веке был подготовлен экономическим развитием, вызванным ростом производительных сил. В центре страны уже господствовала паровая система земледелия с трехпольным севооборотом. Пашенное земледелие распространялось на окраины. В результате народной колонизации создавались новые очаги земледельческой культуры. Выделяются районы производства технических культур. Получило дальнейшее развитие скотоводство.

Хотя в стране господствовали натурально-хозяйственные отношения, однако уже несколько расширились связи барского и крестьянского хозяйств с рынком, на который поступали излишки производившихся продуктов.

В результате происходившего отделения промышленности от сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности от добывающей росли старые города и возникали новые торгово-ремесленные поселения (торжки, рядки). Появились элементы территориального разделения труда; стали выделяться районы производства специальных ремесленных изделий. Усилилась специализация в области ремесла (число отраслей ремесленного производства доходило до 200). Возникла первая казенная мануфактура — Пушечный двор.

Объем работы мелких производителей на рынок увеличивается, развивается товарное производство в городах. В сельских местностях возникали торги и ярмарки, создавались местные рынки. Складывались межобластные связи и намечались предпосылки всероссийского рынка.

В связи с развитием товарно-денежных отношений усиливалось имущественное неравенство в городах. Наиболее зажиточные представители торгово-промышленного населения входили в состав трех привилегированных корпораций («гостей», «гостиной сотни», «суконной сотни») и по своему положению приближались к господствующему классу феодалов. Посадское население по степени имущественной состоятельности делилось на людей «лучших», «середних» и «молодших».

Происходила также имущественная дифференциация крестьянства. Появилась новая категория крестьян — бобыли, которые в силу обнищания не имели возможности пользоваться наделом земли, «положенным в тягло», то есть обложенным государственными повинностями. Обедневшие крестьяне использовались в хозяйствах духовных феодалов в качестве «детенышей», отрабатывавших выданную вперед денежную плату.

В ряде стран Западной Европы в XV—XVI вв. в связи с развитием товарного производства, постепенным образованием внутреннего рынка, развитием денежной ренты, созданием предпосылок для разложения феодализма ослабевали узы крепостной зависимости крестьян.

На Востоке же Европы (в том числе в России) образование централизованных государств имело свои особенности по сравнению с западноевропейскими странами. В России, экономическое развитие которой было подорвано монголо-татарским игом, приспособление феодального хозяйства к рынку происходило, как и в некоторых других восточноевропейских странах, главным образом путем расширения барской запашки (хотя одновременно рос и хлебный оброк и развивалась денежная рента). Это приводило к усилению крепостничества.

Развитие барщины было связано с распространением и укреплением новой формы феодальной собственности на землю — поместной системы (так называлась система раздачи государством земель во владение своим слугам, дворянам, под условием несения ими военной службы).

Феодализму вообще присущ условный характер земельной собственности, которая экономически не стала еще товаром. Различные виды условного землевладения типа поместья существовали уже в период феодальной раздробленности. Но поместное землевладение, как система, сложилось лишь в период образования централизованного государства, и в нем растворились другие виды условных держаний. Для поместной системы характерна новая иерархическая структура земельной собственности: наличие верховного (номинального) собственника — государства и собственника фактического, юридически лишенного, однако, права распоряжения землей. Подобная иерархическая структура была признаком земельной собственности времени централизованного государства, так же как для феодальной раздробленности типична иерархия, основанная на наличии крупных привилегированных сеньорий в отдельных феодальных княжествах.

В развитии поместной системы имеют большое значение экономический, социальный и политический моменты. Вряд ли может быть достаточно убедительно обоснована существующая в литературе точка зрения о большей экономической рентабельности поместья по сравнению с боярской вотчиной, о более передовых методах ведения хозяйства, якобы присущих дворянам-помещикам, в противоположность боярам. Столь же не убедительно противопоставление мелкого землевладения (как более

рентабельного) крупному. Экономическое значение поместной системы заключалось в другом — в хозяйственном освоении все большей земельной площади и, следовательно, в расширении и углублении сферы феодальных отношений. В раздачу помещикам шли (обычно участками небольших и средних размеров) земли как конфискованные у бояр когда-то политически самостоятельных феодальных центров (Новгородской, Псковской аристократических республик, Тверского княжества и т. д.), так и черные (верховным собственником которых было государство) и дворцовые (на которых велось царское дворцовое хозяйство). При помощи внедрения мелкого и среднего поместного землевладения на территории конфискованных боярских вотчин удавалось включить в сферу хозяйственной эксплуатации бо̀льшую земельную площадь. Во владениях крупных бояр в условиях потребительского хозяйства значительная часть земли часто пропадала даром. Разделенная на участки и розданная помещикам, она вся становилась объектом хозяйственного использования.

Поместная система играла большую роль в хозяйственном освоении новых территорий, например, на юге страны). При ее посредстве феодальные отношения распространялись вширь. Помещик иногда только часть своего оклада (причитающейся ему нормы земельного обеспечения) получал в виде «жилой» земли (то есть находящейся под пашней, приносящей доход и обложенной государственными налогами), другая часть поместья «лежала в пусте», то есть не обрабатывалась и обложению не подлежала. Новый землевладелец должен был трудом зависимого крестьянства превратить «пустую» землю в «живущую». Помещику иногда предоставлялось самому право приискивать себе «порозжую» землю, проявляя при этом определенную хозяйственную инициативу. Найденная земля закреплялась за ним в качестве поместья. Практиковалась система так называемой земельной «наддачи», то есть условной замены земли определенного качества землей пониженной ценности, но большей площади. Правительство различало по качеству земли «добрые», «середние» и «худые». Если помещику полагалось по окладу (норме) какое-то количество «доброй» земли, а он получал земельную площадь тех же размеров, но худшую по качеству, то эта земля зачиты-

валась не в полный его оклад и за ним оставалось право на добавок («наддачу»). Такими приемами правительство преследовало цели расширения реально эксплуатируемой и подлежащей обложению налогами площади феодального землевладения.

Социальный смысл поместной системы заключался в том, что она служила интересам материального обеспечения нового, выдвигавшегося на политическую арену разряда феодалов, дворянства (военных слуг, в большинстве своем средних и мелких земельных собственников, составлявших опору централизованного государства). При этом происходило пополнение господствующего класса. Так в Новгородской земле были испомещены боярские «послужильцы» (военные холопы). С получением поместий они прочнее связывались с землей и меняли свое социальное положение, переходя в разряд феодалов.

Развитие поместной системы было связано с ликвидацией части мелкого вотчинного землевладения. Хозяйство ряда мелких вотчинников (в Новгороде называвшихся своеземцами) иногда приближалось к крестьянскому, но они были свободными собственниками земли. Среди них имелись представители духовенства, ремесленников, торговых людей. Их земли вливались в число поместных, а сами они переходили в состав служилых людей, живших за счет чужого труда.

В то же время во вновь присоединенных областях (например, в Новгородской земле) испомещались и представители титулованных боярских родов, московские и уездные дворяне. Это — не случайное явление. В исторической литературе процесс общественного развития на протяжении XVI века часто характеризуется весьма схематично, под углом зрения в первую очередь борьбы дворянства с боярством. В действительности взаимоотношения внутри господствующего класса были сложнее. Формирование его основного ядра, являвшегося опорой централизованного государства, шло за счет разных элементов.

Поместное дворянство было той социальной силой, которая поддерживала государственную власть в ее борьбе с феодальной раздробленностью. Ликвидация следов былой автономии отдельных земель и княжеств подготавливалась экономическим развитием и была ускорена активным

воздействием надстройки. В этом заключается политическое значение поместной системы как формы феодальной собственности, типичной для времени образования и укрепления Русского централизованного государства. Поместная земля была закреплена в собственность господствующего класса в целом, а его отдельные представители зависели от верховного собственника — великого князя (затем государя). Поскольку процесс формирования Русского централизованного государства происходил на феодальной основе, поместная система содействовала укреплению феодального базиса. Но сыграв значительную роль в этом отношении, в дальнейшем поместная система становилась тормозом экономического развития, ибо она сковывала возможности мобилизации земельной собственности, необходимой для роста производительных сил.

Внедрение поместной системы было связано с процессом дальнейшего крестьянского закрепощения и изменения форм феодальной эксплуатации. Расширение реальной площади феодального землевладения приводило к усилению крепостнических отношений, увеличению борьбы среди помещиков за крестьянские рабочие руки. Количество прибавочного продукта, взимаемого с непосредственных производителей феодалами, могло расти путем или расширения земельных владений или углубления эксплуатации крестьян. Первый путь был возможен, например, в крупных монастырских вотчинах, разбросанных по ряду уездов. Здесь была распространена система отдачи земли крестьянам в оброчное держание. Расширять площади отдельных поместий было трудно, и наиболее приемлемым для помещика оставался путь заведения собственно господского хозяйства и увеличения барщины. Земля под барскую запашку отбиралась у крестьян. Таким образом, соотношение между частным крестьянским хозяйством на полученном от помещика наделе и хозяйством самого помещика изменялось в пользу последнего.

С развитием поместного землевладения усиливалось и внеэкономическое принуждение. Помещики получали от государства право на изменение крестьянских повинностей в свою пользу. Новое значение в качестве одного из средств внеэкономического принуждения приобрел иммунитет (совокупность прав феодалов в области суда над зависимым

населением в своих владениях и сбора с него налогов). Иммунитет, оставаясь попрежнему атрибутом феодальной собственности, контролируется и ограничивается верховной властью, использующей его в целях централизации, в то время как в период феодальной раздробленности он являлся выражением политической независимости крупных боярских сеньорий.

Важные этапы на пути оформления крепостного права в России отмечены такими законодательными актами, как Судебники 1497 и 1550 гг., разрешавшие выходы крестьян от землевладельцев ежегодно лишь в определенный срок после формального «отказа»; указы о «заповедных годах» третьей четверти XVI века, временно вообще запретившие выход крестьянам; указы 1597 года о сыске крестьян, бежавших от землевладельцев, и об установлении пожизненной зависимости от феодалов кабальных людей (должников, отрабатывавших проценты с долговой суммы).

Усиление крепостничества вызывало протест широких народных масс. Классовая борьба крестьян и городской бедноты против феодального гнета проявлялась в различных формах (побеги, насильственная запашка помещичьих земель и порубка лесов, убийство феодалов и их приказчиков, нападения на помещичьи деревни и захват документов, удостоверявших права землевладельцев на крепостное население, и т. д.). Происходили и восстания в городах, из которых наиболее крупным было восстание в Москве в 1547 году. Большое значение, особенно в городах, приобрели ереси, представлявшие собой выражение социального протеста в религиозной оболочке. Беглый холоп Феодосий Косой, идеолог крестьянства и городской бедноты, выступал с проповедью идей равенства, призывал к неповиновению властям, отрицал церковные догматы и каноны. В конце XVI века уже назревала массовая крестьянская война.

Господствующий класс стремился укрепить свою власть над трудовым народом путем централизации государственного аппарата. В середине XVI века в России оформляется феодальная монархия с сословным представительством. Для нее, как и для монархий ряда других европейских стран, характерно наличие учреждений, через

которые осуществляли участие в управлении страной представители различных сословий феодального общества: боярство и дворянство, духовенство, горожане (посадские люди).

Верховным органом власти являлась боярская дума, выносившая вместе с царем законодательные решения, обсуждавшая вопросы административные, военные, судебные и т. д.

С середины XVI века стали собираться земские соборы — собрания представителей феодалов (церковных и светских) и горожан. Земские соборы созывались непериодически. Часть представителей на них (дворян) назначалась правительством, часть была выборной. Основной класс феодального общества (крестьяне) не имел своего представительства на земских соборах. Решения соборов, выражавшие интересы правящих сословий, в значительной мере определяли основные линии внутренней и внешней политики правительства. Земские соборы, так же как боярская дума, являлись органами, укреплявшими феодальную монархию.

Сословное представительство осуществлялось и через органы губного и земского управления. Губные учреждения, вводившиеся с конца 30-х годов XVI века, ставили своей задачей обеспечить силами местного дворянства (в лице выборных или назначенных правительством губных голов или старост) борьбу с важнейшими преступлениями против феодального правопорядка, с «разбоем», «татьбой», опасными для государства. Этими терминами представители господствующего класса часто называли антифеодальные выступления.

Органы земского управления в лице выборных (из числа посадского населения и черносошного крестьянства, жившего на государственных землях) старост и целовальников, ведавших сбором податей и выполнявших судебные и полицейские функции, заменили в середине 50-х годов XVI века в ряде областей наместников и волостелей (назначавшихся из бояр, не получавших жалованья из казны и собиравших «кормы» с населения). Через выборные органы земского управления, формировавшиеся в условиях имущественного расслоения в черносошной деревне и на по-

саде, правительство стремилось обеспечить себе поддержку тяглого (торгово-ремесленного и земледельческого обложенного повинностями в пользу государства) населения.

В истории централизованного государства в XVI веке выделяются две важные грани, из которых одна падает на середину 50-х, другая на середину 60-х годов.

Первая грань совпадает с периодом обострения классовой борьбы в городе и деревне, когда вспыхнул ряд восстаний в Москве, Пскове и т. д. На почве угрожавшей опасности снизу внутриклассовая борьба в лагере феодалов (за землю, рабочие руки, политические привилегии, участие в государственном управлении), особенно обострившаяся во время боярской реакции 30-х годов XVI века (в малолетство Ивана Грозного), временно отошла на второй план. Произошла консолидация сил господствующего класса. На основе блока его различных группировок было создано правительство (так называемая «Избранная рада»), проводившая политику, направленную к укреплению централизованного государства в форме феодальной монархии с сословным представительством.

В 1550 году был издан новый Судебник, подтверждавший привилегии господствующего класса, введены земские учреждения. «Уложение» 1556 года установило число ратников, которое должны были выставлять на военную службу дворяне из числа зависимых от них людей в соответствии с размерами своих земельных владений (как поместных, так и вотчинных). Таким образом, на вотчинников переносились те обязанности, которые несли владельцы поместий. В интересах дворян-помещиков, нуждавшихся в земле, принимались меры к ограничению роста монастырского землевладения. Было создано стрелецкое войско. Постепенно возникали новые органы центрального управления — приказы, способствовавшие укреплению государственного аппарата.

Реформы 50-х годов XVI века, содействовавшие политической централизации и росту военной мощи Русского государства, обеспечили правительству Ивана IV возможность успешного выполнения ряда внешних политических задач (присоединение Казанского и Астраханского ханств, укрепление южных границ государства в целях его обороны от набегов отрядов крымских татар).

В состав Русского многонационального государства вошел ряд нерусских народов (казанские татары и другие народы Поволжья, башкиры).

В 1558 году началась борьба России за прибалтийские земли, входившие еще в состав Древнерусского государства, за выход к побережью Балтийского моря, необходимый для дальнейшего экономического и культурного развития страны. Русские войска разгромили Ливонский орден, чему в значительной мере содействовала помощь со стороны латышских и эстонских крестьян, поднимавших восстания против немецких помещиков. После этого России пришлось вести военные действия против ряда западноевропейских стран, стремившихся к разделу территории бывших владений Ливонского ордена: Польшей (в ходе войны объединившейся вместе с великим княжеством Литовским в одно государство — Речь Посполитую), Швецией, Данией.

В этой осложнившейся международной обстановке часть представителей реакционной боярской аристократии (в большинстве случаев потомков когда-то самостоятельных удельных князей), противившаяся делу государственной централизации и стремившаяся к восстановлению ряда утраченных привилегий, стала на путь прямой измены родине и поддержки польского короля. Орудием разгрома этой реакционной части феодалов, а следовательно, и борьбы с пережитками феодальной раздробленности, явилась опричнина, учреждение которой знаменовало новый, важный этап в развитии Русского централизованного государства.

Опричниной в период феодальной раздробленности назывался земельный удел, выделяемый князьями на содержание княгиням-вдовам. Этот старый институт был использован правительством Ивана Грозного для укрепления новых порядков, характерных для централизованного государства. Правительству необходимо было, учитывая размежевание, происходившее в среде господствующего класса, выделить в его составе те элементы, на которые можно было опереться и обеспечить их землей и крестьянами, что должно было содействовать укреплению экономической основы феодализма, усилению крепостнических отношений. В этих целях в опричнину были взяты для испомещения опричников (входивших в состав вновь организуемого

дворянского войска — опричного корпуса) земли, конфискованные у представителей княжеской и боярской аристократии, которые выселялись и переводились в другие места. Тем самым подрывались корни экономического и политического могущества старой, княжеской аристократии.

Опричнина имела предпосылки в тех выводах из своих владений бояр и испомещения на их землях военных слуг, которые назначались великими московскими князьями в Новгородской и других областях с конца XV века. Только тогда эти меры проводились в отдельных областях и княжествах; теперь пересмотр земельных отношений принял характер мероприятия, проводимого по всему государству (не только на окраинах, но и в центре) — характер большой реформы, связанной с созданием новых органов центрального управления (финансовых приказов — четвертей) и т. д.

Понять социальный и политический смысл опричнины можно, лишь рассмотрев ее не только в связи с борьбой внутри господствующего класса, а прежде всего в связи с развитием классовых противоречий. На трудовое население ложились всей тяжестью последствия внутренних и внешних политических мероприятий правительства Ивана Грозного. На период опричнины падает усиление захватов феодалами крестьянских земель, обострение борьбы помещиков и вотчинников за крестьян, рост крестьянских повинностей. Формы классовой борьбы в это время значительно усложняются. Расширяется арена крестьянских выступлений, так как в связи с ростом многонационального Русского государства в антифеодальное движение включалось национальное крестьянство присоединенных территорий (бывшее Казанское ханство). Нерусские феодалы начинают использовать в целях отделения от России движение социальных низов, направленное против фискального гнета со стороны царизма. Такая угроза стала особенно реальной в 60-х годах XVI века, когда часть татарских феодалов предполагала воссоздать мусульманское ханство в Поволжье под протекторатом Турции, в связи с чем намечался поход турецкого султана Селима на Астрахань. Крестьянский вопрос вступал в тесную связь с вопросом национальным.

Разделение государства на опричнину и земщину имело глубокий классовый смысл. Этим путем достигался не

только разгром старинных феодальных гнезд родовитой боярской аристократии, но и обеспечивались рабочие руки широким кругам поместного дворянства, создавались условия, которые, по мысли правительства, должны были парализовать возможность массового стихийного крестьянского движения.

Противопоставление аппарата опричнины нараставшему антифеодальному движению привело наряду с Ливонской войной, вызвавшей перенапряжение сил трудового народа, к массовым крестьянским побегам и глубокому экономическому разорению.

Опричнина сыграла определенную роль не только в централизации государственного аппарата. Земельная политика правительства в годы опричнины приводила к подрыву экономической мощи части старой княжеской и боярской аристократии и вела к ломке сохранявшихся еще политических перегородок, чем облегчались условия для развития рыночных связей. Но крепостническая по своей сущности и методам реформа 60-х годов XVI века, выразившаяся в учреждении опричнины, имела следствием упрочение системы крепостнических отношений, в условиях которых должно было продолжаться дальнейшее экономическое развитие страны.

Крестьянская война под предводительством И. И. Болотникова была первым массовым широким стихийным антифеодальным движением в России, охватившим громадную территорию. Крестьянские войны представляли собой новую форму классовой борьбы, характерную для антифеодальных выступлений в России в XVII и XVIII вв. Наряду с широким территориальным охватом, характеризующим крестьянские войны, следует также отметить наличие массовых лозунгов антифеодальной борьбы (перераспределение земельной собственности в пользу крестьян, уничтожение самих знаков собственности и документации на землю, отказ от подчинения эксплуатации), применение в борьбе с феодалами военных действий. Первая крестьянская война, являющаяся важным событием в истории нашей родины, служит и гранью, которой заканчиваются материалы, вошедшие в настоящий выпуск «Памятников русского права».

* * *

Первый раздел настоящего издания составляют «Акты феодального землевладения и хозяйства». Одну группу правовых материалов, помещенных в этом разделе, представляют собой документы, укрепляющие феодальную собственность на землю и рисующие борьбу между феодалами за земельные владения. Это — грамоты данные (дарственные акты на землю), деловые (акты раздела недвижимого имущества), духовные (завещания, содержащие распоряжения земельных собственников, касающиеся их имущества, зависимых от них людей, долговых обязательств), закладные (фиксирующие денежный заем под залог недвижимости), купчие и меновные (акты купли-продажи недвижимого имущества и обмена им), записи об отказе от претензий на отчуждаемую родственниками землю, рядные (договорные записи о женитьбе и о приданом, которое дается невесте).

Другая группа документов характеризует положение феодально-зависимого населения. Земельные отношения в пределах черносошных волостей (в которых жили крестьяне, находившиеся в зависимости непосредственно от государства и исполнявшие повинности в его пользу) характеризуют отступные грамоты. Это акты передачи (за определенную сумму) одними черными крестьянами другим находившейся в их владении земли (верховным собственником которой являлось государство) с обязательством исполнять все повинности, обусловленные пользованием данным земельным участком.

Положение владельческих (зависимых от светских феодалов или церковных феодальных корпораций) крестьян рисуют грамоты послушные, порядные и уставные. Послушная грамота представляет собой акт, фиксирующий передачу феодалу органами власти земли, населенной крестьянами, и устанавливающий обязательства последних по отношению к землевладельцу. Обычная статья послушных грамот, требовавшая от крестьян, чтобы они «слушали» земельных собственников, «пашню на них пахали и оброк им платили», оформляла юридически систему внеэкономического принуждения в деревне как средство взимания феодальной ренты.

Порядные грамоты (акты, оформлявшие переход крестьян в феодальную зависимость от землевладельцев) характеризуют как условия ведения единоличного крестьянского хозяйства, так и обязанности крестьян по отношению к феодалам. Крестьянин получал от феодала земельный надел, ссуду (подмогу) на обзаведение хозяйством, пользовался определенное количество лет льготой от податей в государеву казну и от повинностей в пользу собственника земли. Ссуда, полученная крестьянином, должна была быть им употреблена на возведение на переданном ему в пользование участке земли жилых и хозяйственных построек и организацию пашни. По истечении срока податной льготы крестьянин — новопорядчик привлекался как к несению государственных повинностей (тягло), так и к уплате оброка землевладельцу и выполнению в его хозяйстве барщинных работ. Таким образом, порядные грамоты укрепляли крепостнические отношения, которые охватывали все большие массы населения. Особенно тяжелые условия получения крестьянином земельного надела отражены в половничьих порядных. Они составлялись от имени крестьян, которые брали на себя обязательство работать на полученной от феодала земле «исполу», то есть отдавать землевладельцу определенную долю урожая.

В уставных монастырских грамотах, большинство из которых относится к концу XVI века — ко времени усиления крепостнического гнета и углубления классовых противоречий в феодальной деревне, — фиксируются повинности крестьян. Таким образом, уставные грамоты рисуют формы феодальной эксплуатации. В публикуемой в настоящем издании уставной грамоте начала 90-х годов XVI века, предназначенной для крестьян Иосифова-Волоколамского монастыря, имеется статья о привлечении к ответственности монастырского приказчика, который «станет не по сей грамоте ходити». Появление этой статьи в условиях нарастающего антифеодального протеста со стороны крестьян было, очевидно, вызвано необходимостью для монастырских властей выступить с гарантией того, что установленные в грамоте нормы повинностей будут соблюдаться.

Положение холопов отражено в докладных грамотах и служилых кабалах. Докладные грамоты — это акты, оформляющие самопродажу в холопство по докладу орга-

нам власти, которые утверждали указанные акты. Появление докладных грамот свидетельствует о том, что правительство брало под свой контроль документацию, касающуюся дел о переходе в холопство, с одной стороны, защищая интересы холоповладельцев, с другой — стремясь ограничить возможности похолопления разорявшихся дворян и тяглых людей (посадских и крестьян, выполнявших ряд повинностей в пользу государства).

Служилые кабалы оформляли отношения зависимости от феодала его должника, обязанного погашать своей работой в хозяйстве кредитора проценты со взятой в долг денежной суммы. Некоторые кабалы содержат условия о том, что кабальный человек получит от феодала вместе с денежной ссудой участок земли, на котором он должен выстроить избу, завести пашню с тем, чтобы по истечении обусловленного срока уплачивать землевладельцу оброк. Такого рода кабальные записи близки к крестьянским порядным; ими закреплялись крепостнические отношения в деревне.

Второй раздел настоящего выпуска «Памятников русского права» составляют «Жалованные и указные грамоты». Три из них составлены от имени великого князя Василия III, остальные — от имени великого князя (затем царя) Ивана IV. Жалованные грамоты выданы духовным и светским землевладельцам, указные — адресованы представителям местной администрации.

Среди жалованных грамот выделяются акты, утверждающие собственность феодалов на землю (путем пожалования им недвижимого имущества за службу, закрепления за ними слобод, поставленных на территории черного землевладения, передачи им принадлежавших государству пустующих земельных участков в хозяйственное пользование под условием уплаты оброка и т. д.). Значительно реже встречаются грамоты, содержащие пожалования землевладельцам (обычно монастырям) дворовых участков или дворов с жилыми постройками в городе.

Особую разновидность актового материала представляют грамоты несудимые (содержащие привилегии землевладельцам в области суда), тарханные и льготные (фиксирующие податной иммунитет привилегированного феодального землевладения или дающие феодалам временные льготы по податям, взимаемым с населения их земель).

С укреплением Русского централизованного государства верховная власть стала проводить политику ограничения иммунитета. С начала XVI века прекратилась выдача светским землевладельцам тарханных грамот; с середины XVI века — выдача им грамот несудимых. Наметилась политическая линия и к сокращению иммунитетных прав монастырей, проводимая путем предоставления им жалованных грамот, содержащих судебные и податные льготы в урезанном виде. Такая политика служила целям изживания феодальной раздробленности в стране. Сокращение иммунитетных привилегий отдельных феодалов сопровождалось усилением центрального государственного аппарата, защищавшего интересы землевладельческого класса в целом.

Большое значение в качестве документов правового характера приобретают в рассматриваемый период великокняжеские (затем царские) указные грамоты, адресуемые различным представителям власти на местах. Являясь, как и жалованные грамоты, проводником политики центрального правительства, направленной к укреплению позиций господствующего класса и прежде всего его основной массы — среднего и мелкопоместного дворянства, указные грамоты касаются вопросов, связанных с земельными спорами между феодалами, с предоставлением иммунитетных прав отдельным земельным собственникам, с запрещением незаконных отказов и вывозов крестьян. Большой интерес представляет одна публикуемая в настоящем издании грамота 30-х годов XVI века, в которой говорится о репрессии в отношении монастырского крестьянина, не платившего монастырским властям оброка и отказавшегося быть им подсудным.

В третий раздел издания включены «Акты местного управления». Это — материалы, характеризующие деятельность губных и земских учреждений.

Введение с 30-х годов XVI века губных органов было одним из первых опытов реформы местного управления. Система кормлений, характерная для периода феодальной раздробленности, уже не отвечала потребностям развития централизованного государства, аппарат наместников не справлялся со стоявшими перед ним задачами. Усиление антифеодальных выступлений в стране требовало новых форм борьбы с ними, ведя которую правительство стремится опе-

реться прежде всего на местное дворянство, а также на верхушку посадского населения и черносошного крестьянства. Губным головам (старостам), избранным из среды дворян на специальном уездном съезде или назначенным правительством и действовавшим вместе с выборными же целовальниками и дьячками из числа зажиточной части черного крестьянского населения, поручалась борьба с «разбоями» и «татьбой». Этими терминами феодалы часто называли различные проявления классовой борьбы крестьян и горожан против феодального гнета. В то же время данные источников об усилении «разбоев» и «татьбы» свидетельствуют о росте уголовных преступлений среди различных элементов общества в связи с теми явлениями социально-экономического и политического характера, которыми сопровождался процесс укрепления Русского централизованного государства (роспуском холопов — военных слуг из имений, конфискованных у бояр, массовым перераспределением земельных фондов, обострившейся борьбой между различными слоями господствующего класса и т. д.).

Организацию губного управления рисуют три документа, публикуемые в настоящем издании: древнейшая из известных грамот о введении губных учреждений, выданная от имени Ивана IV населению Белозерского уезда в 1539 году; наказ губным старостам Медынского уезда 1554 года и текст «крестоцеловальной записи» (присяги) губных старост. Эти документы содержат данные о порядке организации губных учреждений, говорят о тех мерах, которые должны применяться в целях выявления «лихих людей» и борьбы с ними («повальный обыск», или опрос населения данного уезда, допрос под пыткой оговоренных людей, очная ставка оговоренного с теми, кого он назовет в качестве своих соучастников), о видах наказаний, применяемых к тем, кто будет признан виновным в «татьбе» и «разбое» (битье кнутом, отсечение руки, смертная казнь). Устанавливается ответственность землевладельцев за преступления их холопов.

Следующим шагом на пути реорганизации системы местного управления вслед за введением аппарата губных старост явилась отмена кормлений в середине 50-х годов XVII века и передача функций наместников и волостелей (прежде всего в тех уездах, где не было поместного

землевладения) земским учреждениям. Органами земского управления являлись «излюбленные головы», выбранные из зажиточной части (из числа «лучших людей») посадского населения или черносошного крестьянства. Они выполняли функции, как финансовые (раскладка и взыскание податей), так и судебные (суд по гражданским и уголовным делам), наконец, обязанности полицейского характера. С введением земского управления правительство пыталось в целях централизации суда и сбора налогов опереться на состоятельные слои черного крестьянства и горожан, сделав земские учреждения звеном государственного аппарата.

Публикуемые в настоящем выпуске «Памятников русского права» наиболее ранняя (из известных исследователям) уставная грамота 1552 года о введении земского управления в трех волостях Двинского уезда, а также текст «крестоцеловальной записи» (присяги) выборных земских властей рисуют деятельность последних.

Четвертый раздел «Памятников» занимает Судебник 1550 года, издание которого знаменовало важный этап в развитии законодательства Русского централизованного государства.

Если Судебник 1497 года говорит о суде бояр и окольничих, с участием дьяков, то Судебник 1550 года добавляет в качестве судей к боярам и окольничим дворецких, казначеев, «всяких приказных людей» и ставит дьяков в один с ними ряд. Царская казна и дворцовое ведомство становятся центральными административными и судебными органами, в которых важную роль играют представители приказной бюрократии (дьяки). В ведомстве («приказе») дворецких, казначеев и дьяков находились и отдельные территории Русского государства, население которых было им подсудно.

Созданный в обстановке обострения классовой борьбы и внутриклассовых противоречий Судебник 1550 года в целях укрепления авторитета аппарата власти централизованного государства в глазах населения декларирует обязанность судей рассматривать жалобы по своему ведомству («своего приказа») или, в случае невозможности удовлетворения этих жалоб, передавать их на «управу» царю. Тому из судей, кто явится ослушником этого постановления, грозит государева «опала».

Целям усиления роли и значения судебных органов, призванных защищать основы существующего правопорядка и укреплять феодальный строй, служит ряд статей, посвященных ответственности судей за неправильные решения дел, составление подложных протоколов судебного разбирательства («судных списков»), подделку речей истца или ответчика, взяточничество, взыскание сверх установленной нормы судебных пошлин и т. д. Привлекая должностных лиц к ответу за подобные незаконные действия, законодательство исходило из их положения в системе государственного аппарата. Казначеи, дворецкие несли за указанные преступления материальную ответственность (уплата суммы иска, возврат в повышенном размере судебных пошлин и т. д.); дьяка ждала тюрьма; подьячему, так же как недельщику (приставу), грозила торговая казнь (битье кнутом на торгу).

Стремясь поднять авторитет феодальной монархии и декларируя право населения подавать жалобы верховной власти, Судебник запрещает подьячим брать деньги за написание челобитных. В то же время государство принимает меры к тому, чтобы сократить поток поступающих жалоб, обезопасить от них свой аппарат. В этих целях вводятся строгие наказания (торговая казнь, тюремное заключение) для тех, кто будет выступать с ложными обвинениями должностных лиц или без основания «докучати государю».

Ряд постановлений Судебника посвящен системе делопроизводства, приобретающей особо важное значение в связи со складыванием и укреплением приказного аппарата централизованного государства. Определяются обязанности дьяков и подьячих по оформлению судопроизводственных и других документов. Более детально указываются функции недельщиков и устанавливается контроль за их действиями со стороны кормленных дьяков («дьяков у кормлений»), у которых находились книги с записями недельщиков.

Многие постановления Судебника 1550 года направлены к реорганизации системы местного (наместничьего) управления; тем самым подготавливалась отмена кормлений. В целях централизации суда и управления и укрепления органов власти на местах устанавливается ответственность наместников и волостелей за свой административный аппарат («за своих людей») по жалобам населения. Для

усиления контроля за деятельностью агентов наместничьего управления и предотвращения возможности социальных волнений, вызванных их злоупотреблениями, Судебник требует, чтобы на суде дела наместничьих людей рассматривались отдельно от дел простых горожан и сельского населения уезда (даже при наличии общего ко всем им иска). Особое внимание уделяет Судебник искам, предъявляемым к наместникам со стороны «иногородних людей» (жителей территории, ему не подведомственной). Тем самым преодолевалась типичная для феодальной раздробленности изолированность отдельных областей.

В Судебнике 1550 года получают более четкое определение права наместников с «боярским судом». Они могли без доклада в центральные органы власти составлять грамоты «полные и докладные» (т. е. оформлять акты о переходе в холопство), но не имели права самостоятельно (без доклада) решать спорные дела о владении холопами. Таким образом, полномочия даже тех наместников, которым принадлежало право «боярского суда», значительно ограничивались. Из их ведения изымалась значительная часть наиболее важных дел, касающихся владения феодалами зависимыми от них людьми.

Имевшиеся уже в Судебнике 1497 года постановления о вызове в Москву наместников, в случае предъявления к ним исков со стороны населения, в Судебнике 1550 года значительно детализируются и видоизменяются (в сторону усиления контроля со стороны центрального государственного аппарата за местными судебно-административными органами).

Судебник свидетельствует о том, что в системе местного управления стали играть роль губные учреждения. Хотя, судя по Судебнику, наместникам и волостелям в ряде случаев поручалось еще расследование дел о «татях» и «душегубцах», «всяких лихих людях», однако в этом законодательном памятнике имеется и статья об обязанности наместников передать «ведомого разбойника» для разбора его дела губному старосте.

Целым рядом мероприятий, относящихся к организации местных органов власти и отраженных в Судебнике, подготавливалось введение земского управления. В этом документе говорится, что во всех черных волостях должны

быть старосты и целовальники и требуется их обязательное участие на суде наместников, волостелей и тиунов. Судные списки (протоколы судебного разбирательства) составлялись земскими дьяками, скреплялись рукоприкладством (подписями) дворских (приказчиков дворцовых волостей), старост и целовальников и хранились у наместников. Противни же (вторые экземпляры) судных списков писали наместничьи дьяки, наместники прикладывали к этим документам печати и передавали их на хранение дворским, старостам и целовальникам. В том случае, если посланный на доклад в центр судный список встречал протест со стороны одного из тяжущихся, то для выяснения правильности протеста вызывались присутствовавшие на суде дворский, староста, целовальники. В присутствии последних должна была производиться выдача привлекаемых к ответственности лиц на поруки, наложение на них оков и т. д.

Староста и целовальники выясняли на основании «разметных книг» (от слова «размет» — раскладка податей) степень имущественной состоятельности посадского человека, который предъявлял к кому-либо иск, так как несоответствие величины иска достатку истца служило основанием для его обвинения.

Таким образом, старосты и целовальники рассматривались государством как судебно-административные агенты.

Судебник 1550 года является памятником классовой юстиции. Поэтому, как и Судебник 1497 года, он устанавливает суровые наказания за преступления, направленные против феодального правопорядка и целости государства, за убийство представителей господствующего класса, покушение на феодальную собственность и т. д. Смертной казнью караются убийцы своих господ (феодалов), изменники (в частности, предатели, передавшие врагу крепость), поджигатели, похитители церковного имущества и т. д. В числе тяжких преступников Судебник называет «татя», «оманщика», «разбойника», «душегубца» (убийцу) «ябедника» (клеветника), «подписчика» (поддельщика документов) и т. д. Некоторые из этих действий, квалифицируемые феодальным законодательством как преступления, представляли собой проявления классовой борьбы.

Видное место в Судебнике 1550 года занимает раздел о феодальном землевладении. Устанавливая вслед за

Судебником 1497 года сроки давности для исков о земле, принадлежавшей собственникам различных категорий, памятник повышает роль органов государства в разрешении земельных споров. Запрещается посылка для разбора земельных тяжб двух судей. Судья должен быть один, и не по выбору истца или ответчика, а по назначению органов власти.

Ряд статей устанавливает правила выкупа родственником владельца вотчины отчужденной им земли. Вопрос о вотчинном праве приобретал в XVI веке большое значение в связи с той борьбой за землю, которая шла в среде господствующего класса (между боярами, дворянством, церковными феодалами).

Судебник отразил процесс мобилизации земельной собственности. В памятнике предусматриваются случаи купли-продажи, мены, заклада вотчины. Характерно, что Судебник употребляет терминологию, взятую из торгового быта («продавец» — «купец»). Но эта мобилизация стеснялась теми правовыми нормами, которые защищали социально-экономические устои привилегированного землевладения боярской аристократии. Так существовал институт родового выкупа: родственники землевладельца имели право выкупить отчужденную им землю. Судебник вносит известные изменения в право родового выкупа, ограничивая его действие сорокагодичным сроком, по истечении которого родственники лица, продавшего землю, уже не могут ставить вопрос о ее возврате. Если при отчуждении вотчины родственники владельца выступают в качестве свидетелей земельной сделки, то это обстоятельство также лишает их в дальнейшем права на выкуп земли. Таким образом, Судебник делает шаг на пути создания условий для более свободной мобилизации земельной собственности.

В Судебнике нет специальной статьи о поместьях. Это говорит о том, что еще не существовало разработанного и обобщенного в законодательстве комплекса правовых норм, относящихся к поместной системе.

В Судебнике ставится вопрос о феодальном иммунитете. В целях сужения податных привилегий феодального землевладения была запрещена выдача тарханных грамот, (фиксировавших освобождение от важнейших государствен-

ных налогов). Дворяне освобождались от подсудности наместникам по всем делам, кроме «душегубства», «разбоя» и «татьбы с поличным». Эти изменения в области податного и судебного иммунитета были связаны с постепенной ликвидацией пережитков раздробленности, укреплением централизованного аппарата власти, усилением поместного дворянства.

Наряду с укреплением права феодалов на землю Судебник касается и крепостнических отношений в деревне. Сохраняя правило прежнего Судебника о Юрьеве дне осеннем, как сроке крестьянского «отказа», рассматриваемый памятник уточняет ряд моментов, связанных со взаимоотношениями между крестьянами, с одной стороны, и землевладельцами и государством — с другой, после выхода крестьян. Устанавливается право «отказавшегося» крестьянина на посеянный им на полученном от прежнего феодала наделе хлеб при условии, что он будет платить за этот надел подати в казну. Проводится принцип ответственности феодала за своего крестьянина, в силу чего крестьянину, замешанному в «лихом деле» и взятому на поруки землевладельцем, выход от него разрешается лишь в том случае, если будет поручительство со стороны нового владельца.

Разрешение попу свободно покидать владения феодала без уплаты пожилого указывает на тенденцию землевладельцев закрепощать представителей низшего духовенства, живших на их земле.

Судебник разрешает также крестьянам в любое время (независимо от правила о Юрьеве дне осеннем), без уплаты пожилого, продаваться «с пашни» в холопы. Эта статья указывает на развитие крепостнических отношений, так как если экономически холопы, работавшие на пашне, сливались с крестьянами, то развитие крепостного права вело к постепенному перенесению на юридические отношения между феодалами и крестьянами черт личной зависимости, характерных для холопства.

Судебник посвящает большой раздел вопросу о холопстве, что объясняется дальнейшим ростом крепостничества.

Устанавливаются источники полного холопства (рождение от холопа, женитьба на «рабе» или выход замуж за холопа, поступление в сельские ключники с докладом органам власти).

Проводится принцип оформления государственными органами ряда актов, связанных с отношениями холопства. Так, акт вступления кого-либо в число тиунов или сельских ключников сам по себе не делал данное лицо холопом. Холопы не имели права продавать в холопство своих детей, родившихся у них тогда, когда они были еще свободными людьми, так как в качестве несвободных они не могли принимать участия в составлении докладных или полных грамот на свободных. Лишены были права продажи своих детей в холопство и родители, постриженные в монашество, так как и они не обладали правом на участие в оформлении соответствующей документации. Устанавливаются правила выдачи отпускных холопам. В целях усиления контроля за всей документацией, касающейся крепостнических отношений со стороны государства, регистрация отпускных сосредоточивается в трех городах: в Москве, Новгороде и Пскове.

В случае представления в суд двумя владельцами документов (полных или докладных грамот), удостоверяющих зависимость от них одного и того же холопа, действительным считается более ранний документ.

Холоп, бежавший от своего владельца за границу, по возвращении из бегов снова возвращается в холопство.

Все эти факты свидетельствуют о том, что государство стояло на страже крепостнических отношений.

По вопросу о кабальном холопстве проводится та же крепостническая линия. Предписывается правительственная регистрация «старых кабал». Запрещается выдача кабал на людей, которые уже перешли в холопство, оформив этот акт составлением полных и докладных грамот.

В то же время Судебник должен был взять под защиту служилых и тяглых людей, которым часто грозило закабаление. Отсюда требование не принимать в холопы детей боярских (за исключением отставленных от службы), запрещение феодалам заставлять работать в своем хозяйстве должников, взявших в долг деньги под проценты, наконец, ограничение суммы, на которую давались служилые кабалы, пятнадцатью рублями.

Классовый смысл законодательства, памятником которого является Судебник, виден из того, что бесчестье (штраф за оскорбление) устанавливается в зависимости от

того положения в феодальном обществе, которое занимает пострадавший. Так за бесчестье детей боярских, находящихся на кормлении, взыскивается сумма в зависимости от получаемого ими дохода; за бесчестье детей боярских, получающих денежное жалованье, — в зависимости от нормы жалованья. Если за бесчестье «гостя» (представителя верхов посадского населения) взыскивается 50 рублей, то честь «середних» посадских людей оценивается в 5 рублей, а крестьян и рядовых горожан — в один рубль.

В пятый раздел «Памятников» вошли уставные (или указные) книги приказов. Такие книги создавались в отдельных приказах в результате приписки к тексту Судебника 1550 года последующих царских указов и боярских приговоров по вопросам, относящимся к компетенции каждого приказа. В настоящем издании публикуются книги Разбойного приказа и Приказа холопья суда.

Первая книга содержит указы за 1555—1556 гг. Основание в середине XVI века Разбойного приказа (именуемого в документах «Губной избой», «Разбойной избой») — центрального учреждения, ведавшего организацией борьбы с «лихими людьми», «разбойниками», «татями», было связано с обострением классовых противоречий и усилением антифеодального движения. В книге Разбойного приказа разработаны детально формы розыска «лихих людей». Данные повального обыска (опроса населения) и оговора (заявления отдельного лица — «языка») являются решающими доказательствами виновности подозреваемого в «разбое», и при наличии этих данных он подлежит смертной казни даже в том случае, если сам отрицает свою вину. В отношении оговоренного во время повального обыска в качестве «лихого человека» при отсутствии конкретных доказательств его виновности применяется в качестве кары пожизненное тюремное заключение. Устанавливаются наказания (штраф, битье кнутом) за неверные показания во время повального обыска. Проводится принцип ответственности землевладельцев за ложные сведения, даваемые при повальном обыске их крестьянами. Детально разрабатываются мероприятия по организации сыска «разбойников», которые переходят из пределов одной губы (единицы губного управления) в другую.

Специальное внимание Уставная книга уделяет вопросам, связанным с преследованием «татей». Законодательство говорит о различных видах «татьбы» (ограбление двора, кража лошадей и другого скота, находившегося на поле, и т. д.). В целях борьбы с конокрадством предписывается производить клеймение («пятнение») лошадей при продаже.

В Уставной книге подробно говорится о содержании тюрем. Принимаются меры для того, чтобы помешать бегству заключенных, которых иногда «выбивают разбойники». Устанавливается обязанность населения «ставить» тюрьмы, выделять сторожей и палача для охраны тюремных сидельцев и их казни. В случае побега заключенных предписывается привлекать к ответственности тех представителей местного населения, которые уклонялись от выполнения повинностей по строительству и укреплению тюрем.

Особо останавливается Уставная книга Разбойного приказа на вопросе о мерах воздействия в отношении губных старост, не исполняющих свои обязанности, предлагая наказывать их тюремным заключением.

Специальные постановления, вошедшие в состав Уставной книги, касаются форм взыскания (правежа) долговых сумм по искам кредиторов. При наличии у должников движимого или недвижимого имущества оно идет на покрытие иска.

Таким образом в Уставной книге Разбойного приказа разработаны нормы по охране феодального строя, жизни и собственности представителей господствующего класса.

В составе Уставной (указной книги) Приказа холопья суда сохранилось законодательство о холопах конца XVI — начала XVII вв.

Первый указ, которым в настоящем издании открывается Уставная книга, относится к 1597 году — ко времени, когда уже созрели предпосылки развернувшейся вскоре крестьянской войны при широком участии холопов. Этот указ представляет собой подробное уложение, посвященное вопросам холопьего права. По приговору царя Федора Ивановича с боярской думой в целях укрепления крепостнических отношений («большого для укрепления») объявлялась регистрация (с записью в особые книги) до-

кументов (полных, купчих, докладных, служилых кабал и пр.) на право владения холопами (как беглыми, так и находящимися у своих господ). Подтверждалась принадлежность феодалам полных холопов (вместе с семьями), перешедших к ним во владение на основе грамот полных, купчих, рядных (договоров о браке и приданом). Выдвигалось требование об оформлении, согласно уложению 1593 года (до нас не дошедшему), новых крепостных документов на холопов взамен тех, которые были утрачены во время пожара 1571 года или позднее, о чем холоповладельцы своевременно сделали официальное заявление («и в том у них даваны явки»). Холопы, получившие отпускные от своих владельцев, считались законом свободными людьми.

Специальный раздел указа 1597 года посвящен служилому кабальному холопству. Прежде всего из текста памятника видно, что в 1586 году (не дошедшим до нас «уложением» царя Федора Ивановича) была установлена обязательная регистрация служилых кабал и запись их в кабальные книги в Москве в Приказе холопьего суда, а в провинциальных городах — в приказных избах. Указ 1597 года объявлял лиц, записанных с семьями (женами и детьми) в кабалы, холопами своих господ (до смерти последних не имеющими права вернуть им взятые в долг деньги и выйти на свободу, а после их смерти освобождающимися безденежно). Дети, родившиеся у кабальных холопов после оформления ими кабал и не записанные в последних, также считались находящимися в состоянии холопства до смерти холоповладельца, на имя которого выдал кабалу их отец. Таким образом, общая крепостническая линия указа 1597 года, проявляющаяся не только в стремлении государства ввести строгий учет всех крепостных документов, но и в запрете кабальным людям выйти из холопства, уплатив долг кредиторам, несколько смягчается статьей закона об ограничении срока кабальных отношений временем жизни холоповладельца, который не может передать права на лиц, значащихся в кабале, своим наследникам. Эта двойственность указа 1597 года понятна в условиях обострения классовых противоречий, на которое должно было реагировать государство.

Крепостническая тенденция указа 1597 года проявилась и в статье об обязательной выдаче служилых кабал на

лиц, «добровольно» служивших у кого-либо в течение не менее чем годичного срока. Уход таких «добровольных холопей» от своих господ расценивается законом как побег, и они подлежат возврату «старым их государем».

Следующий помещенный в составе Уставной книги Приказ холопья суда законодательный акт — это указ Бориса Годунова 1603 года. Он появился в условиях значительного разорения населения, чему способствовал сильный голод, продолжавшийся три года, и в обстановке нараставшего антифеодального движения (восстания народных масс под предводительством Хлопка). Холопы были недовольны действиями своих господ, которые, чтобы не кормить зависимых людей, высылали их из своих дворов, однако без выдачи отпускных (в целях сохранения на них прав). Указ 1603 года предписывает холоповладельцам выдавать в таких случаях отпускные холопам, а если они откажутся сделать это, предоставляет холопам право получить отпускные в Приказе холопьего суда. В целях ослабления волнений закабаленных людей этот указ было велено оглашать по городам в течение нескольких дней.

В обстановке массового народного движения были изданы законы 1606 и 1607 гг., представляющие собой попытки, сохраняя полностью крепостнические порядки, в то же время отвлечь от восстания холопов путем внесения некоторых отдельных изменений или разъяснений в крепостническое законодательство.

Так, боярским приговором 1606 года было запрещено при оформлении служилой кабалы записывать в нее имена двух холоповладельцев (отца и сына, двух братьев и т. д.). Подобная (очевидно, частая) практика проводилась в целях обхода указа 1597 года об органичении срока кабального холопства жизнью господина, ибо наследники последнего получали права на кабальных людей своего отца. Однако приговор 1606 года по существу не нарушал интересов холоповладельцев, которым представлялась возможность оформлять наследственную зависимость кабального человека путем составления на него сразу двух кабал (причем в каждой фигурировало имя одного из двух владельцев, являвшихся родственниками).

Указом 1607 года во изменение закона 1597 года о принудительной выдаче кабал на лиц, добровольно по-

служивших в холопстве» в течение полугодичного срока, запрещалось отдавать в «неволю» таких «добровольных холопов». В то же время в интересах холоповладельцев закон обращается к ним с предупреждением о том, чтобы они сами заботились о своевременном оформлении кабал на живущих у них людей.

По окончании крестьянской войны правительство отменило постановление 1607 года и вернулось к крепостническому Уложению 1597 года.

Боярский приговор 1608 года представляет собой попытку укрепить крепостнические отношения после грандиозного восстания под руководством Болотникова, в обстановке борьбы правительства Василия Шуйского с отрядами Лжедмитрия II, в которых участвовали холопы и крестьяне, видевшие в нем доброго царя. Приговор говорит о казни холопов, изобличенных «в воровстве» (противоправительственных выступлениях) или об отдаче их старым владельцам «по крепостям», даже при наличии у них отпускных, предлагая прощать лишь тех, которые «сами принесли вину свою». Приговор декларирует преемственность крепостнической политики Лжедмитрия I и Василия Шуйского и признает законными отпускные, выданные холопам при Лжедмитрии. Устанавливается порядок иска беглых холопов и разрешения споров о них между отдельными представителями господствующего класса.

Вместе с тем в целях привлечения на свою сторону массы населения для борьбы с отрядами Лжедмитрия II правительство было вынуждено допускать известные отступления от общей линии своей закрепостительной политики. Так, специальный указ Василия Шуйского, изданный в 1608 году, запрещал холоповладельцам регистрацию в Приказе холопья суда записей на «вольных людей» о пожизненной «службе». Разрешалось оформление записей о поступлении «вольных людей» в зависимость от феодалов лишь на определенный срок («на урочные лета»).

В 1609 году были подтверждены (с некоторыми дополнениями) основные положения закона 1597 года.

Своеобразный памятник права представляет собой Судебник 1589 года, включенный в шестой раздел четвертого выпуска «Памятников русского права». Он сохранился в двух редакциях, взаимоотношение которых еще не выяснено

окончательно в исторической литературе. В настоящем издании публикуется пространная редакция текста.

Заголовок Судебника указывает на то, что этот памятник является «приговором» и «уложением» царя Федора Ивановича вместе с представителями высшего духовенства, князьями, боярами и «Вселенским» (очевидно, Земским) собором, предназначенными для «всей... государеве Русской земли». В то же время об утверждении Судебника государем говорится лишь в будущем времени («как государь укажет», «с которого дни уложить...»). Отсюда видно, что Судебник 1589 года не получил царского утверждения, и заголовок к памятнику представляет собой лишь проект текста, которым он должен был бы открываться по одобрении его царем и боярской думой.

Не отвечает действительности и указание заголовка на то, что перед нами уложение для всей Русской земли.

Судебник 1589 года является переработкой и дополнением текста Судебника 1550 года, произведенными в целях создания руководства для земских судей, действовавших в черносошных волостях (на севере России) после отмены кормлений. Судебник, хотя и не был утвержден верховной властью, однако практически признавался официальным памятником права в приказных учреждениях, и на его основе производился суд.

Повторяя постановления Судебника 1550 года о судопроизводстве, Судебник 1589 года дополняет в ряде случаев имевшиеся там статьи о суде бояр, окольничих, дворецких, казначеев, наместников указанием на земских судей и видоизменяет эти статьи, приспособляя их к условиям деятельности земских учреждений. Те дела, которые не могли быть разрешены земскими судьями, согласно Судебнику, направлялись в Москву («ино строчити к нам на Москву») в приказы («четверти»), ведавшие отдельными территориями Русского государства. Судебник стремится, с одной стороны, подчеркнуть ответственность земских судей за свою деятельность, с другой — поднять их авторитет. То и другое достигается тем, что все жалобы на судей подлежат разбору лишь по выполнении ими своей должности, продолжавшейся обычно в течение годичного срока.

Судебник 1589 года воспроизводит яркую картину социально-экономических отношений в пределах черных

волостей. Социальный состав населения выступает из раздела памятника, устанавливающего нормы штрафа за нанесение бесчестья. Данные Судебника 1550 года дополняются материалом, рисующим специфические условия, характерные для общественного развития на севере России. Бросается в глаза имущественное неравенство на посаде. Памятник выделяет в зависимости от величины штрафа за бесчестье различные категории торгово-промышленного населения («гость большой», «середний гость», «меньший гость», «торговые люди посадские средние», «молодчий человек посадский» и т. д.). Точно так же наряду с обычным пашенным крестьянином Судебник называет крестьянина богатея («доброго крестьянина»), занимающегося торговлей, отдающего «в рост» деньги и хлеб; за его бесчестье взимается вдвое бо́льшая сумма, чем за бесчестье рядового крестьянина. О росте имущественного расслоения свидетельствует указание Судебника на нищих. Довольно детально разработана шкала штрафов за бесчестье земских властей (судей, целовальников, сотских, пятидесятников, десятских, дьяков).

Особый интерес представляют статьи Судебника 1589 года, касающиеся поземельных отношений среди черных крестьян. В памятнике переработан (и дополнен новым материалом) ряд постановлений Судебника 1550 года о феодальных вотчинах применительно к условиям крестьянского землепользования в черносошных волостях. Под «вотчиной» Судебник 1589 года подразумевает участок черной (государственной) земли (находящейся под усадьбой и под пашней), которым владеет крестьянин, имея право его продать, променять, заложить, передать по наследству. Судебник устанавливает правила выкупа отчужденной вотчины родственниками ее бывшего владельца. В то же время при существовании общинных порядков на черных землях наследственное владение дворовыми и пашенными участками со стороны отдельных крестьянских семей не перерастает в собственность на них. Поэтому Судебник предполагает возможность передела земли по требованию вновь прибывшего в деревню «жильца».

Распространенной формой хозяйства было «складничество», основанное на совместном пользовании дворовой и пашенной землей несколькими крестьянскими семьями.

Однако Судебник предусматривает возможность выдела «складника», который захочет перенести свой двор и жилые постройки («хоромины») на отдельный земельный надел, предоставленный ему общинными властями.

В общем крестьянском пользовании находились леса, причем крестьяне могли даже свободно заводить там пашни, не подвергая разделу лесные участки. Существовала практика совместного владения крестьянами отдельных деревень охотничьими угодьями («путиками»). У крестьян имелись общие выгоны, причем изгороди между деревнями разрешалось возводить только до сентября, а позднее скот мог свободно ходить по полям, и с его владельцев не бралась потрава.

Статья Судебника 1550 года об «отказе» владельческих крестьян была трудно применима к общественным отношениям, сложившимся на севере России, где отсутствовало феодальное поместное и вотчинное землевладение. Перерабатывая ее, составитель Судебника 1589 года внес статью об обязательстве черного крестьянина, продающего свой земельный надел другому крестьянину, уплатить подати в царскую казну.

О развитии товарно-денежных отношений в черносошной деревне свидетельствуют статьи Судебника, посвященные кабальным сделкам. Срок действия кабалы устанавливается в 15 лет. Разрешается отдача денег в долг крестьянам из 20 процентов годовых и взыскание «роста» в указанных размерах пять лет подряд — срок, в течение которого долговая сумма удваивается. Судебник останавливается на порядке рассмотрения спорных дел о «переемных деньгах», то есть о процентах, взятых сверх установленной нормы. Очевидно, такие дела не были редкостью, и ростовщичество получило достаточное распространение в среде черносошного крестьянства, что в свою очередь говорит об имущественном расслоении среди них. В интересах богатеев из среды крестьян и посадских людей Судебник устанавливает правило о том, что несостоятельные должники должны отрабатывать свой долг кредиторам.

Составители Судебника 1589 года не подвергали значительной переработке текст Судебника 1550 года, в котором рассматривались вопросы холопства, так как он не представлял практического интереса для населения черносошных

волостей, где не было развито холоповладение. Заслуживает внимания статья Судебника 1589 года, запрещающая обращать в кабальные холопы казака (вольного наемного человека), взявшего взаймы под проценты деньги. Побег такого казака от своего закабалителя и снос его имущества не считались преступлением. Напротив, закон гласил, что кредитор теряет выданные казаку по кабале деньги. Очевидно, защищая вольных людей — казаков от похолопления, государство стремилось ко включению их в тягло.

Специальная статья о взаимоотношениях «наймита» и «государя» (хозяина) свидетельствует о наличии наемного труда в черносошной деревне. Статья отражает интересы нанимателя, который может отказаться от работника до истечения срока найма, выдав лишь ему плату за проработанное время, тогда как работник, ушедший от хозяина досрочно, лишается права требовать с него уплаты суммы найма.

Подобно Судебнику 1550 года, Судебник 1589 года ведет борьбу с преступлениями, направленными против феодального порядка, с нарушениями права феодальной собственности и т. д. Правительство считает ответственной за поимку «татя» всю крестьянскую общину (волость). Пособничество «татю» со стороны любого члена общины влекло за собой тюремное заключение. Новым по сравнению с нормами Судебника 1550 года является введенное Судебником 1589 года правило о проверке посредством «мирского обыска» (то есть опроса всей общины) показаний «добрых людей», объявляющих какого-либо человека «лихим». И в данном случае видно стремление правительства опереться на общину как на низшее звено административного аппарата в борьбе с антифеодальными выступлениями. Декларативно выдвигая крестьянский «мир» как общественную организацию, которая должна, отрешившись от родственных связей («отставя их род, и племя, и кумовство, и сватовство»), установить, сколь правильно обвинение определенного лица в «лихом деле», столь же декларативно устраняя от участия в «мирском обыске» «миропродавцов» (то есть лиц, не заслуживающих доверия «мира»), Судебник стремится связать черносошных крестьян круговой порукой и возложить на них ответственность за все нарушения норм феодального права В то же

время за ложные обвинения устанавливается наказание кнутом.

Целый раздел Судебника 1589 года о судопроизводстве построен на основании приговора Ивана IV с боярской думой 1556 года (он вошел в состав Уставной книги Разбойного приказа). Этот приговор относится к деятельности губных органов. При использовании приговора Судебник имеет в виду общественные отношения на севере России и говорит об организации расследования «татиных и разбойных дел» не губными, а земскими старостами.

Новыми (по сравнению с Судебником 1550 года) являются постановления Судебника 1589 года об ответственности за незаконное уничтожение чужого скота и домашней птицы. Эти новые статьи появились, очевидно, потому, что суду часто приходилось разбирать столкновения хозяйственных интересов среди черных крестьян, живших в одной деревне, но отличавшихся по степени своей зажиточности.

В Судебнике 1589 года имеется специальный раздел, посвященный наследственному праву. О более свободной мобилизации земельной собственности на севере России (в условиях черносошного крестьянского землевладения), чем в центральных областях государства (где были расположены старинные боярские вотчины), говорит статья, разрешающая передачу наследства (движимого имущества земли), при отсутствии прямых наследников, боковым родственникам не только по отцовской, но и по материнской линии. Особое внимание уделяется вопросу о судьбе приданого после смерти женщины, которая его получила при выходе замуж; об обеспечении жены по смерти мужа из его имущества. Определяется порядок составления завещания (духовной грамоты).

Судебник рассматривает те казусы, которые возникают в результате торговых сделок. Это свидетельствует о развитии товарно-денежных отношений в северных областях России. Судебник говорит, что при покупке подержанных вещей («что поношено») на торгу или в лавке необходимо требовать с продавцов поручительство в том, что приобретенные товары являются доброкачественными. В условиях развитого торгового быта сложилась пословица: «один обманывает, а другой догадывайсе, а не мечися на дешевое», — которой Судебник мотивирует постановле-

ние о наказании кнутом обманщика без привлечения его, однако, к материальной ответственности за обман при совершении торговой сделки. В ряде статей Судебника рассматривается порядок «пятнения» (клеймения) лошадей при продаже.

Торговым людям Судебник запрещает проживание на земле, принадлежащей монастырям. Очевидно, имеются в виду так называемые «закладчики», которые, селясь на землях духовных феодалов и пользуясь предоставленным последним иммунитетом, уклонялись от платежа торговых пошлин.

В условиях развивающихся товарно-денежных отношений были распространены договоры о передаче имущества на хранение («поклажа»). Этому вопросу посвящена специальная статья Судебника 1589 года (новая по сравнению с Судебником 1550 года).

Последним памятником правового характера, публикуемым в настоящем издании (VII раздел), является так называемый Сводный Судебник, изданный в 1606 или 1607 году (в последние месяцы царствования Лжедмитрия I или в начале царствования Василия Шуйского).

В основу Сводного Судебника положены Судебник 1550 года и последующие за ним указы (по февраль 1606 года включительно). Весь этот материал систематизирован (сведен — откуда и название Сводный) по отдельным рубрикам («граням»), каждая из которых посвящена какому-либо определенному вопросу или целому комплексу вопросов правового характера.

Издание Сводного Судебника было вызвано, очевидно, тем, что в обстановке обострения классовых противоречий и политического ослабления государства в связи с внутриклассовой борьбой и началом иностранной интервенции необходимо было в целях укрепления центральной власти и позиций господствующего класса использовать нормы феодального права, сложившиеся в процессе государственной централизации.

В Сводном Судебнике имеется 25 «граней». Некоторые из этих «граней» очень невелики по размерам, другие, напротив, весьма развернуты и состоят из целого ряда глав. Для развития феодального права показательно выделение в Судебнике в особые «грани» вопросов, связанных

с землевладением, с крестьянским закрепощением, с холопсвладением, с передачей имущества по наследству. В отдельные «грани» объединены и процессуальные вопросы.

В Сводном Судебнике помещен целый ряд законсв, появившихся после Судебника 1550 года, которые касаются феодальной собственности на землю и показывают борьбу за недвижимые имущества между различными слоями господствующего класса. Одна группа правительственных постановлений имеет целью ограничение церковного землевладения. В этом были заинтересованы светские феодалы, значительная часть имений которых различными путями переходила к монастырям и другим церковным учреждениям. Приговором 1551 года была запрещена покупка вотчин монастырям, архиепископам, епископам под угрозой конфискации у них приобретенных земель, без возврата затраченных сумм. Предписывалось взять у монастырей и других духовных феодалов поместные и черные земли, отнятые ими за долги у детей боярских или крестьян или незаконным образом полученные от писцов (описывавших, по правительственному поручению, владения земельных собственников различных категорий). По приговору 1551 года были отобраны у церкви и оброчные (отдаваемые государством на оброк) земли, перешедшие к ней после смерти Василия III, в период боярского правления. Правительство тем не менее было вынуждено считаться с церковными иерархами, поэтому оно признало право монастырей на земельные владения, поступившие в качестве вкладов, и запретило их выкупать родственникам вкладчиков.

Закон 1572 года запретил вклады вотчин в крупные монастыри.

В 1580 году, когда страна переживала сильное хозяйственное разорение, состоялся приговор Ивана IV с церковным собором, ставивший своей целью создание условий для подъема дворянского землевладения. В интересах широких слоев светских феодалов была запрещена передача земель монастырям и другим духовным собственникам. Подтверждался также приговор 1551 года, запрещавший церковным учреждениям покупку недвижимых имуществ.

Другая группа законов, регулирующих мобилизацию земельной собственности, посвящена землевладению княжеской аристократии. Крупные владения княжат (потомков

когда-то политически независимых князей) определяли их экономическое могущество и создавали основу их политических притязаний, направленных к ограничению московской великокняжеской (затем царской) власти. Поэтому правительство берет под свой контроль землевладение княжат и стесняет их право распоряжаться своими вотчинами.

Приговор 1551 года, основанный в известной мере на не дошедшем до нас законодательстве Василия III запретил суздальским, ярославским, стародубским князьям продавать и давать свои вотчины без ведома царя в качестве вкладов «по душе» церковным учреждениям. Землевладельцы, вотчины которых были расположены на территории когда-то самостоятельных Тверского, Рязанского и других княжеств, не могли продавать их «иногородцам», то есть жителям других уездов.

В 1562 году действие приговора 1551 года было распространено на всех служилых (зависимых от Московского великого князя) князей (княжат), которые лишались права не только продавать, но и обменивать, и давать в приданое за дочерьми свои старинные вотчины. Проданные или другими путями отчужденные княжеские земли подлежали государственной конфискации. В случае смерти кого-либо из княжат, не имевших потомства, его владения отписывались на царя. При отсутствии прямых наследников вопрос о возможности передачи земли боковым родственникам решался царем.

Приговор 1562 года принадлежит к числу мероприятий, подготовивших введение опричнины, одной из задач которой являлся подрыв экономического могущества княжеской аристократии, противившейся политике государственной централизации, путем пересмотра ее землевладельческих прав. Конфискованные по приговору 1562 года княжеские владения должны были идти в поместную раздачу.

Боярский приговор 1572 года, в дополнение к постановлениям о старинных княжеских вотчинах, затрагивал вопрос о вотчинах «жалованных», то есть полученных владельцами от царя. При отсутствии в жалованных грамотах упоминания жены, детей и других родственников лица, которому предназначалось земельное пожалованье, после его смерти вотчина переходила в казну.

Приговор 1572 года ограничил круг лиц, имеющих право на наследство земель родственниками умершего землевладельца до четвертого колена (дети, братья, племянники, дяди, внуки). При отсутствии указанных родственников выморочное имущество отписывалось на государя. Из подобных земель составлялся фонд для пополнения поместий.

Наконец, в составе Сводного Судебника дошли правительственные постановления, регулирующие общие вопросы мобилизации вотчинных земель. Приговор 1557 года устанавливал правила оценки земель, выкупаемых «вотчичами» (родственниками лица, которым было отчуждено данное владение).

Приговор 1558 года посвящен вопросу о закладе вотчин. Срок уплаты долга кредитору, получившему от должника в залог землю, устанавливается в пять лет, с условием погашения ежегодно 20 процентов долговой суммы. После первого же взноса должнику возвращается заложенная земля, однако без права ее отчуждения вплоть до ликвидации с его стороны всех своих денежных обязательств в отношении кредитора. В случае прекращения платежа долга кредитор получал право снова взять заложенную землю в пользование; в случае же ее продажи должником на покупателя переходили все обязательства по закладной кабале. Наконец, приговор говорит о передаче кредитору неисправного должника для отработки долга личным трудом.

Постановления 1557—1558 гг. облегчали мобилизацию земельной собственности в интересах широких масс дворянства.

Тесно связанный с вопросом земельным крестьянский вопрос нашел отражение в специальных «гранях» Сводного Судебника. Из крестьянского законодательства туда вошел (кроме статей Судебника 1550 года о крестьянском «отказе») также указ 1597 года, согласно которому крестьяне, бежавшие от своего владельца не позднее чем за пять лет до этого закона, возвращались с семьями и имуществом в прежнее крепостное состояние. Крестьяне, бежавшие более пяти лет тому назад, если их владельцы не возбудили иск о их возврате до издания закона 1597 года, считались крепостными тех новых феодалов, во владениях которых они

поселились. Таким образом, указ 1597 года оформлял крепостнические отношения, устанавливая, что крестьяне, записанные в писцовых книгах 1592 года за определенными землевладельцами, должны быть возвращены им в случае побега. Закон требовал, далее, от землевладельцев, чтобы они сами заботились о своих правах и в случае бегства их крестьян своевременно подавали исковые челобитные.

Указ Бориса Годунова 1601 года разрешал крестьянам «выход» от их господ. Изданный во время голода и в условиях начавшихся крестьянских волнений указ этот представлял собой вынужденную меру. Все острие его при этом направлено на удовлетворение интересов широких масс дворянства. Начав с декларации о крестьянском «выходе», указ в дальнейшем говорит о «вывозе» землевладельцами крестьян друг у друга. Именно к этому и свелся «выход», так как крестьянин без посторонней помощи не мог расплатиться со своим владельцем и уйти из его имения. Право «вывоза» крестьян (в количестве одного-двух человек) получили служилые дворяне. Духовные феодалы, бояре, «большие» дворяне и приказные люди были лишены этого права. Не распространялось действие указа 1601 года на Московский уезд.

Включенный в состав Сводного Судебника приговор Лжедмитрия I с боярской думой 1606 года, так же как и выше разобранный указ Бориса Годунова, становится понятным, если учесть вызвавший его подъем крестьянского движения, усилившегося особенно в связи с трехлетним голодом в стране. Подтверждая крепостнические отношения, приговор особо касается крестьян, бежавших от землевладельцев в голодные годы (1601—1603 гг.), предписывая производить специальное расследование о причинах побега. Крестьяне, бежавшие от бедности, не подлежали возврату прежним владельцам; крестьяне же, ушедшие с имуществом, следовательно, не потому, что им нечем было прокормиться, возвращались их старым помещикам и вотчинникам. Подтверждался указ 1597 года, согласно которому суд о беглых крестьянах производился лишь по исковым челобитным, поданным вотчинниками и помещиками в течение пятилетнего срока с момента побега крепостного.

В Сводный Судебник не вошло Уложение Василия Шуйского 1607 года, представляющее собой развернутый памятник крепостнического законодательства. Уложение печатается в приложении к настоящему изданию. Этот памятник интересен тем, что в нем проводится официальный взгляд на то, как в России установилось крепостное право. Можно сказать, что это первая официальная историография крепостного права. Считается, что оно установилось при царе Федоре Ивановиче, «по наговору» Бориса Годунова. При Иване IV «крестьяне выход имели вольный», Федор Иванович «выход крестьянам заказал» (имеется в виду указ 1597 года) и «книги учинил» (то есть установил, что документом, подтверждающим владельческие права на крестьян, должны служить писцовые книги).

Законодательство Бориса Годунова (указ 1601 года) Уложение Шуйского рассматривает как меру компромиссную («выход дал, да не совсем»). Следствиями этого были загромождение делами судебных учреждений и разгоравшаяся социальная борьба в стране.

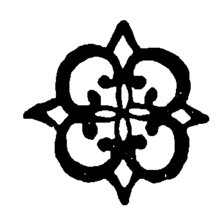
Изданное на последнем этапе борьбы с антифеодальным движением под предводительством Болотникова Уложение Шуйского проводит следующие линии крепостнической политики. Крестьяне находятся в крепостной зависимости от своих владельцев на основе писцовых книг 1592 года. Все владельцы крестьян, находящихся в бегах, должны возбудить о них дела по суду до 1 сентября 1607 г.; если они этого не сделали, то их беглые крестьяне будут записаны за теми землевладельцами, в имениях которых они поселились. Если феодалы, принявшие чужих крестьян, сами отдадут их прежним владельцам до 1 сентября 1607 г., то с них не будет браться пожилое, начиная с указанного срока пожилое уже взыскивается. Крестьяне выдаются землевладельцам с семьей и имуществом. Устанавливается штраф за прием беглых. Беглая крестьянка, вышедшая во время побега замуж, возвращается владельцу вместе с мужем. Устанавливается правило, согласно которому помещики и вотчинники могут «искать» своих крепостных (возбуждать о них судебные иски) в течение 15 лет.

В Сводный Судебник вошло и законодательство о холопах 1555—1597 гг. Это законы, касающиеся правил

оформления документов на владение холопами и выдачи им отпускных, похолопления полоняников, закабаления служилых людей и т. д.

В целом юридические материалы, опубликованные в четвертом выпуске «Памятников русского права», показывают роль правовой надстройки в укреплении феодального базиса в период создания сословно-представительной монархии.

Доктор исторических наук
профессор Л. В. Черепнин



ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В четвертом выпуске «Памятников русского права» публикуются важнейшие памятники права периода укрепления Русского централизованного государства и оформления сословно-представительной монархии.

В связи с тем, что по данному историческому периоду сохранилось много источников русского права, составители вынуждены в настоящем выпуске опустить целый ряд материалов правового содержания, знакомство с которыми не может считаться обязательным для учащихся. Так, в выпуске опущены памятники церковной юрисдикции, а из Стоглава извлекается лишь Приговор 1550 года. Поскольку за период с конца XV до начала XVII вв. сохранилось значительное количество международно-правовых актов, рисующих внешнеполитические связи Русского государства, составители полагают, что издание этих актов должно быть предметом особой публикации.

От второй половины XVI — начала XVII вв. сохранились лишь отдельные акты Земского собора и составители предполагают их использовать в следующем (V) выпуске «Памятников русского права», посвященных сословно-представительной монархии на Руси первой половины XVII века. В публикации не помещены также те из разновидностей актов местного и центрального управления, в достаточной мере представленных в третьем выпуске «Памятников русского права», которые мало изменили свой формуляр и отражали старые правовые нормы (например, княжеские духовные и договорные грамоты, наместничьи уставные грамоты и т. д.).

В целях более компактного издания «Памятников русского права» так называемая «Уставная книга казначеев» (или дополнительные статьи одной из редакций 50-х годов XVI века) помещается лишь в составе

Сводного Судебника, а не дается в виде отдельного памятника.

Хотя период укрепления Русского централизованного государства начинается с конца XV века, составители, учитывая, что акты XV века были уже приведены в выпуске третьем «Памятников», в данном выпуске их не помещают.

В приложении составители считают необходимым поместить некоторые из источников, содержащих не подлинный текст, а сокращенное изложение важнейших законов или их проектов, рисующие процесс оформления сословно-представительной монархии и укрепления Русского централизованного государства.

При публикации «Памятников русского права» составители руководствовались теми принципами издания, которые были изложены во введениях к предшествующим трем выпускам.

«Памятники» публикуются по лучшим изданиям или, в случае отсутствия таковых, по рукописи.

Текст «Памятников» сопровождается вводными статьями, в которых дается краткая оценка значения публикуемых документов, а также прилагаются историко-правовые обзоры и библиография.

В конце книги прилагается предметно-терминологический указатель.

Настоящий выпуск подготовлен к изданию *А. А. Зиминым, С. М. Каштановым, А. И. Копанезым* и *А. Г. Поляком.*

А. А. Зимину принадлежат введения и историко-правовые обзоры к разделам: «Акты феодального землевладения и хозяйства», «Сводный Судебник», «Приложения», а также «Уставные книги приказов» (раздел «Уставная книга Разбойного приказа» подготовлен совместно с *А. Г. Поляком).*

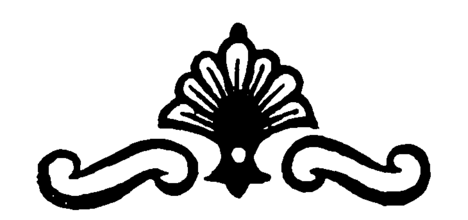
А. А. Зиминым также составлен «Список уставных грамот», подобраны и подготовлены к изданию все тексты памятников, за исключением текста «Судебника 1589 г.» и «Жалованных и указных грамот».

С. М. Каштанову принадлежит раздел «Жалованные и указные грамоты».

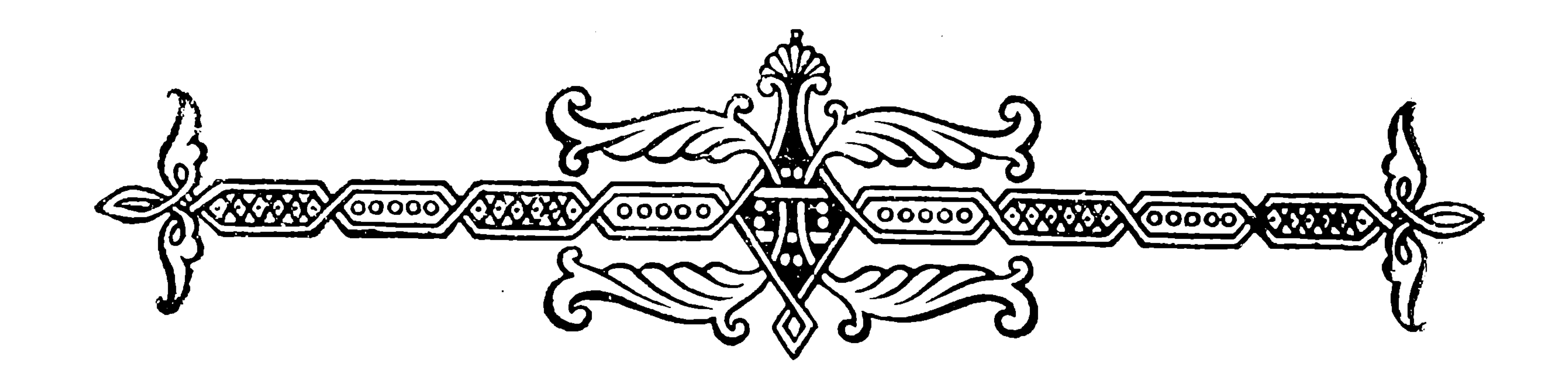
А. И. Копаневу принадлежит раздел «Судебник 1589 г.».

А. Г. Поляку принадлежат введения и историко-правовые обзоры к разделам: «Акты местного управления» и «Судебник 1550 г.», а также к «Уставной книге Разбойного приказа» (совместно с *А. А. Зиминым*).

Составители



АКТЫ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВА



ВВЕДЕНИЕ

Акты феодального землевладения и хозяйства XVI— начала XVII вв. содержат ценнейшие материалы по истории феодальной собственности на землю, по истории закрепощения крестьян и дают отчетливое представление о тех правовых формах, в которых протекали эти процессы. В XVI веке феодальная собственность на землю, как и в предшествующий период развития феодализма на Руси, составляла основу производственных отношений. Однако в связи с развитием производительных сил и ростом товарно-денежных отношений в форме этой собственности произошли существенные изменения.

Конец XV — начало XVII вв. в России были ознаменованы дальнейшим ростом поместного землевладения. В интересах помещиков — этой новой прослойки класса феодалов, на которую опиралось правительство, на повестку дня поставлен был вопрос о ликвидации (секуляризации) земельных богатств церкви, составляющих в середине XVI века до трети всех населенных земель. Из-за сопротивления церковников правительству Ивана IV удалось лишь несколько ограничить рост вотчин духовных корпораций (законы 1551, 1580 гг. и др.). В XVI веке наряду с расширением поместного землевладения наблюдается постепенный упадок вотчинного княжеско-боярского землевладения, своими корнями связанного с порядками феодальной раздробленности.

Публикуемые документы характеризуют борьбу феодалов за землю, показывают, какое оформление получили правовые отношения как в ходе, так и в результате этой

борьбы в данных, купчих, меновых и других грамотах. В этих документах также нашло отражение феодальное право наследования (см. духовные грамоты) и древние нормы залогового права (см. закладные). Рядные — договорные грамоты дают сведения о нормах семейно-брачного права.

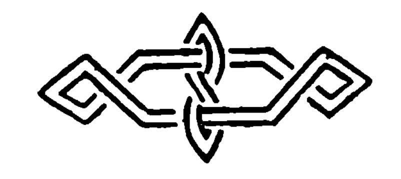
В XVI веке интенсивно росли денежная рента и барщина, получившие особенное распространение во второй половине этого столетия. Помещаемые ниже грамоты (послушные и др.) содержат материалы, характеризующие формы эксплуатации крестьян. Рост обезземеливания и обнищания крестьян втягивал в орбиту феодальной эксплуатации все новые группы непосредственных производителей. Появляются обезземеленные крестьяне-бобыли, половники, детеныши и др., часть которых работает во дворе феодала по найму (детеныши), а другая вынуждена поступать на тяжелых условиях на работу «исполу» (половники).

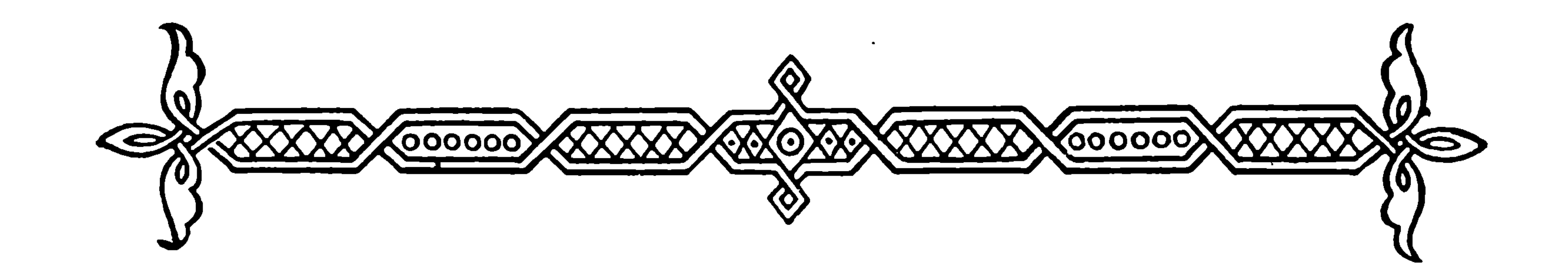
Формы закрепощения и эксплуатации крестьян новопорядников и половников фиксировались в порядных грамотах, первые из которых появляются в середине XVI века.

Многие из крестьян, попавшие в кабальные отношения вследствие займа у феодала, работали у него во дворе. Этот путь установления зависимых отношений отразился в служилых кабалах. Служилое холопство к концу XVI века вытесняет старинное полное и докладное холопство, ибо труд полных холопов становится все более непроизводительным. Отпуск полных и докладных холопов по духовным грамотам ярко свидетельствует о процессе изживания полного холопства.

В XVI веке произошли дальнейшие изменения в формуляре актов феодального землевладения и в их оформлении. Эти изменения, определявшиеся усилением борьбы феодалов на землю, сводились прежде всего к появлению ряда новых правовых разделов акта, обеспечивавших права приобретателя земли, и к большему вниманию к оформлению юридической документации (с 10-х годов XVI века в актах, как правило, уже точно указывается дата их составления, а также помещаются подписи свидетелей-послухов на обороте).

Публикуемые ниже грамоты принадлежат к числу наиболее распространенных разновидностей актов феодального землевладения и хозяйства. Однако ими, конечно, не исчерпываются все документы подобного рода, число которых для XVI века исчисляется многими тысячами. От XV—XVI вв. до нас, например, дошло около 2000 актов Троицкого монастыря, свыше 400 актов Волоколамского монастыря. Для XVI века, как и для XV века, в распоряжении исследователя находятся главным образом архивы духовных феодалов, сохранивших по преимуществу актовые материалы, подтверждавшие их земельные права. Этим объясняются некоторые особенности публикуемых документов (в них слабо отражены условия хозяйственной жизни крестьян, формы поместного землевладения и т. п.).





1561—1562 гг.

ДАННАЯ ГРАМОТА АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВИЧА КУТУЗОВА ИОСИФО-ВОЛОКОЛАМСКОМУ МОНАСТЫРЮ НА ДЕРЕВНЮ МИТИНО И ДЕРЕВНЮ ТАРАКАНОВО ЛОКНЫШСКОГО СТАНА РУЗСКОГО УЕЗДА

Се яз, Олександро Семенович Кутузов, дал есми в дом пречистые богородице в Осифов манастырь игумену Вавиле з братьею, или по нем иный кто игумен будет у пречистые богородице, деревню Митину пять вытей да деревню Тороканову пять же вытей в Руском уезде в Локнышском стану со всеми угодьи, покаместа ходила коса и соха и топор истори, с луги, и с лесом, з болотом, с пашенною землею и не с пашенною. А дал есми ту свою вотчину по отце своем по иноке Серепионе да по себе по Олександре да по сыне по своем по Иване в наследие вечных благ впрок без выкупа и без отмены игумену Вавиле з братьею, или кто по нем иный игумен будет у пречистые богородице в Осифове манастыре, поминати во вседневном списке и в сенанике, доколе манастырь пречистые богородице стоит. Ис повседневнаго списка и сенаника не выгладити. А та моя вотчина негде не продана, ни заложена, ни заменена, ни в коких ее крепостях нигде нет. А та моя вотчина две деревни после моего живота в монастырь.

А на то послуси. Иван Ондреевич Кутузов да Василей да Дмитрей Петровичи Кутузовы.

А даную писал [1] Васькя Позняков сын Ленина лета 7000 семьдесятного.

---

[1] *В тексте далее повторено* писал.

На обороте: К сей даней отец духовной Олександров, Кузьмыдемьянской священик Сава в сына своего место в Олександрово, руку приложил.

Послух Иван руку приложил.

Послух Василей руку приложил.

Послух Дмитрий руку приложил [1].

АФЗ и X, ч. II, № 286

1543—1544 гг.

ДЕЛОВАЯ ГРАМОТА ФЕДОРА, ЗИНОВИЯ, КИРИЛЛА, ТИХОНА, ИГНАТИЯ, ДМИТРИЯ, ДЕТЕЙ АЛЕКСАНДРА БЕЛЕУТОВА НА СЕЛО ЛИЧИЩЕВО С ДЕРЕВНЕЙ МУШКОВСКОЙ ВОЛОСТИ, ДМИТРОВСКОГО УЕЗДА (ПРОТИВЕНЬ ЗИНОВИЯ)

Се яз, Федор, да Зиновей, да Кирило, да Тихан, да Игнатей Дмитреевы дети Олександровичя Белеутова, поделились есмя отца своего вотчиною в Дмитровском уезде, в Мушковской [2] волости селом Личищевым, да деревнею Иванковым, да деревнею Новинкою, да деревнею Шарковым, да пустошью Сопрыгиною, да прикупью отца своего пустошью Савкиным, да пустошью Пустым Полем, что нас благословил дядя наш Федор Олександрович Белеутов.

И мне, Зиновью, досталось деревня Новинки, да деревня Шарково, да Пустова ж Поля жеребей. А межа деревне Новинке по старым межам по ямам, что к ней изстари потягло. А Шарковской деревни межа от реки от Ыстри к горе старою межею, что межа меж Шарковской деревни и Савкинской пустоши, да старою ж межею ко врагу, да врагом вниз, а изо врага направо подле гору Сопрыгынскую по ямам к Шарковским лугам; налеве —

[1] *Надписи на обороте сделаны почерками, отличными от почерка данной.*

[2] *В рукописи* — Мужковской.

земля моя, Зиновьева, Шарковской деревни, а направе — земля Личищевская и Сапрыгинской пустоши Кирилова да Тиханова, да Игнатьева.

Да мне же, Зиновию, досталось лугов от Федоровой межи Иванковской деревни ото врага от колодези по реке по Истре вверх до ям, что ямы копаны от реки от Ыстри, поперег лугу к Шарковскому полю: налеве — луги мои, Зиновьевы, Новинкиной деревни и Шарковские деревни, а направе — луги Личищевского села Кириловы да Тихановы да Игнатьевы.

А Пустому Полю межа: от Ыванковской от старой межи дорогою к Пречистой до Галицкого врага; да врагом вверх, направо до ям до Федоровы межи, что Федору достало тое ж пустоши Пустова Поля жеребей.

А на то послуси: Василей Доль Михайлов сын Кусаков, да Иван Офонасьев сын Бормасов.

А деловую грамоту писал Булгак Иванов сын Бормасов лета 7050-го второго.

На обороте: Яз, Федор, руку приложил.

Яз, Кирило, руку приложил.

Яз, Зиновей, руку приложил.

Яз, Тихон, руку приложил.

Яз, Иван Бормасов, послух, руку приложил [1].

АФЗ и Х, ч. II, № 174

1558—1559 гг.

ДУХОВНАЯ ИВАНА АФАНАСЬЕВИЧА ТЮТЧЕВА

Во имя святыя живоначальныя троица отца и сына и святого духа. Се яз, раб божий И[ван Офонасьев сын Тютче]ва [2], пишу сию духовную своим целым умом и разумом, кому ми что дать, на ком ми что взять.

Дати мне дяде своему Федору Данилову сыну Пересветову четыре рубли бескабально; да дати мне Окулине Дмитреевой жене Тютчева шапка черна лисья поношена,

---

[1] *Подписи на обороте написаны разными почерками.*

[2] *Грамота попорчена.*

а цена ей полтретья рубля, да ножи булатные, а цена им сорок алтын. Да взяти мне на тетке на своей, на Анне на Архиповой жене Ростопчина, и на ее детех, а на своей бретье, по кабалам четыре рубли без гривны, да хлеба ржи и овса пятьдесят четвертей по кобалам.

Да взяти мне на Володимире на Архипове сыне семь четвертей овса безкобально; да взяти мне на Иване на Григорьеве сыне Тютчева на брате на своем полтретья рубля по кабале; да на нем же взяти мне полтретьяцеть алтын безкабально да одиннацать четвертей овса по кабале, да дватцать четвертей овса безкабально. Да взяти мне на дяде на своем на Ондрее на Борисове сыне Тютчева восмь рублев денег бескабально да восмь четвертей ржи безкабально. Да взяти мне на дяде на своем на Федоре на Пересветове дватцать четвертей овса по кабале. Да взяти мне на Василье на Иванове сыне Тютчева да на Петре на Володимерове сыне Тютчева шесть четвертей ржи по кабале.

И яз, Иван, те кабалы хлебные и денежные приказал приказщиком своим и отцу своему духовному Рожественскому попу Семену выдать безденежна; а на ком мне что взяти хлеба и денег безкабально, и яз того не велел же взяти.

А что отчина моя купля деда моего Бориса Леонтьевича, село Совельева, а в нем храм Рожество святой Богородицы в Дмитровском уезде в Ыжевском стану, и то есми село Савельево дал в дом Пречистые Богородицы в Осифов монастырь игумену Пимину з братею, или по нем у Пречистые кто иной игумен будет, со всеми угодьи, покуды ходила соха и коса и топор по старине, с лесом, и с лугы, и з болоты, с пашенною землею, и не с пашенною, по деде по своем по Борисе по Леонтьевиче, и по отце по своем по Офонасье, и по себе в вечной поминак, в наследье вечных благ, впрок без выкупа и без отмены. А та моя отчина село Савельевское не заложена ни у кого нигде ни в кабалах, ни в записях, ни в какых крепостях: а купчая на то село Савельево лежит и Анны у Андреевы жены у Тютчева у тетки у моей, и ту бы купчюю тетка моя Анна дала в дом Пречистые в Осифов монастырь игумену Пимину з братьею, а игумену Пимену з братьею пожаловати написати во вседневной список и в сенаник деда

моего Бориса, да отца моего Офанасья, да меня Ивана, доколе и монастырь Пречистые стоит. И ис повседневнаго списка нас не выгладить. А братье моей и роду моему до тое отчины дела нет ни в чем.

А что моя отчинная деревня Сверчково, и яз тою деревнею благословляю тетку свою Анну Борисову дочь Тютчева да брата своего Ивана Григорьева сына Тютчева да Федора да Тимофея Ондреевых детей Тютчева, та им деревня по жеребьем со всеми угодьи. А люди мои старинные и полные, и докладные, и кобальные все на слободу; а дела до них никому нету роду моему и племяни, а наделку им, что у них есть моего жалованья, то им.

А божья воля станетца, меня, Ивана, в животе не станет, и приказщики бы мои пожаловали, положили мое тело грешное у Пречистые в Осифове монастыре.

А дадут приказщики мои по моей душе к Рожеству Пречистой рубль, да к Николе на Ижво рубль, к Успенью Пречистой в Щуколово полтину, да отцу моему духовному Рожественскому Семену два рубля.

А приказываю душу свою господам своим Ивану Иванову сыну Кусакову да дяде своему Федору Данилову сыну Пересветову душа помянуть и долг заплатить, и люди отпустить.

А на то послуси: Офанасей Федоров сын Кусаков, да Петр Степанов сын Сверчкова, да Степан Торхов сын Литвинова, да Пятый Злобин сын Курбатов. А у духовные сидел отец мой духовной Рожественской поп Семен Иванов сын. А духовную писал Рожественской поп Офонасей Семенов сын лета 7000 шестьдесят седьмаго. Да послух Иван Иванов сын Тютчева [1].

На обороте: Смиреный Макарие божиею милостию митрополит всея Русии [2].

У сее духовной сидел отець духовной Иванов поп Семен Рожественской, руку приложил.

К сей духовной яз, Иван Офонасьев сын Тютчев, руку приложил.

Прикащик Федр руку приложил.

---

[1] *Фраза — приписка иными чернилами.*

[2] *Почерк фразы митрополита Макария, см. ГБЛ Рум., № 204.*

Послух Петр Свирчков руку приложил.

Офонасей послух руку приложил.

Степан послух руку приложил.

Послух Пятой руку приложил.

Сия духовная господину преосвященному Макарию, митрополиту всеа Русии, явлена лета 7067-го марта в 3 день; а отец духовной Рожественской поп Семион и приказщики Иван Кусаков да Федор Пересветов и послуси Офонасей Федоров сын Кусаков да Петр Стефанов сын Сверчкова, да Стефан Тархов сын Литвинова, да Пятой Злобин сын Курбатова, да Иван Иванов сын Тютчева перед господином стояли и сказали, что они у сей духовные сидели и писана перед нами при Иванове животе Офонасьева сына Тютчева по его приказу, и рука у той духовной умершаго Ивана Тютчева. А дьяк рожественской поп Офонасей [1], которой тое духовную писал, перед господином стоял и сказал, что он сию духовную писал при Иванове животе по его приказу.

И туто ж били челом Макарью митрополиту всеа Русии на отца духовнаго да на приказщиков и на старца Осифова монастыря на Тихана Хворостинина Фирс Розтопчин да брат его Федор Ондреев сын Тютчева, а сказали, что та духовная лживая. И митрополит приказал бояром своим, а велел обоих исцов в том деле судити. И бояре обоих исцов Фирса Архипова и его братью Федора Ондреева сына да Ивана Григорьева сына Тютчевых с отцом з духовным Ивана Тютчева и с приказщики и с старцом с Тихоном с Хворостининым судили. И после того, не дожидаяся ищеи, Фирс з братьею, в том деле боярского приговору да били челом бояром, а сказали, что брата их духовная прямая и рука у тое духовные его и тое они вотчины отступились к Пречистой в Осифов монастырь, и дела им до тое вотчины нет; а на приказщиков и на отца духовного и на игумена Осифова монастыря з братьею сказали то, что они грехом своим взвели, не сысков того, что у тое духовные брата их прямая рука. И митрополит, выслушав сию духовную, да к ней руку свою приложил

---

[1] *Далее идут подписи Ивана Тютчева и др. (см. ниже). За ним* сей (Офонасей) *и дальнейшая часть подтверждения, написанная иными чернилами.*

да печать свою к ней велел приложити лета 7060 осмаго июня в 4 день.

Послух Иван Тютчев руку приложил.

По сей духовной мне, Ивану Григорьеву сыну Тютчева, не довотчины селца Совельевсково и руку приложил.

По сей духовной мне, Фирсу Архипову сыну Ростопчину, не до вотчины селца Савельева и руку приложил. И в брата своего место Федора Ондреева сына Тютчева Федор Тютчев руку приложил [1].

АФЗ и X, ч. II, № 275

1546—1547 гг.

ЗАКЛАДНАЯ ГРАМОТА НИКИТЫ АФАНАСЬЕВА СЫНА БАРТЕНЕВА, ЗАЛОЖИВШЕГО ТРЕТЬЯКУ ЛЕОНТЬЕВУ СЫНУ ГЛЕБОВУ ДЕРЕВНЮ ЧЕРНУЮ ХОВАНСКОГО СТАНА ВОЛОЦКОГО УЕЗДА

Се яз, Никита Офонасьев сын Бортенова, занял есми у Третьяка у Левонтьева сына Глебова восьмдесят рублев денег московских ходячих от крещенья Христова да до крещенья Христова на год. А в тех есмя деньгах заложил свою вотчину в Волотцком уезде в Хованском стану деревню Черную на речке на Чорной с лесы, и с луги, и со всеми угодьи, и со всем с тем, что к той деревне истари потягло. А жити Третьяку в той моей вотчине и пашня пахати и доход всякой со крестьян имати за половину росту. А другую половину росту мне, Миките, платить Третьяку по розщету, как идет в людех, на пять шестой. А полягут деньги по сроце, и Третьяку в той моей вотчине жити и пашня пахати и со крестьян доход имати потому ж за половину росту, а другая мне, Миките, половина росту платить Третьяку, как идет в людях, на пять шестой. А дворов в той деревне три. А на дворех хором по избе да по клетке да хлевы крестьянские. А что Третьяк

[1] *К середине нижнего поля грамоты приложена черновосковая печать с неясной надписью:* Макарей митрополит всея Руси.

в той моей деревне прибавит дворов и хором, и как яз учну Третьяку те деньги платити, и мне, Миките, Третьяку за те дворы и за хоромы деньги платити по цене, что чего стоит. А хотя что по грехом и згорит в той деревне дворов и хором, а Третьяк те дворы и хоромы наставит, и мне за то Третьяку деньги платити ж.

А на то послуси: Посник Иванов сын Румянцова, да Олеша Прокофьев сын, да Родя Юрьев сын, да Нечай Ондреев сын Шестаков, да Костянтин Васильев сын.

А кобалу писал Богдан Ондреев сын Матвеева лета 7050 пятого.

На обороте: По сей кобале яз, Микита, деньги занел и вотчину заложил, и руку приложил [1].

Послух Постничек и руку приложил.

Послух Олеша и руку приложил.

Послух Родивонец руку приложил.

Нечяец, послух, руку приложил.

Послух Костя руку приложил [2].

АФЗ и X, ч. II, № 194

1546—1547 гг.

ЗАПИСЬ ВАСИЛИЯ СЕМЕНОВИЧА СТУПИШИНА ОБ ОТКАЗЕ ОТ ПРЕТЕНЗИЙ НА СЕЛЦО НАЧАПИНО С ДЕРЕВНЯМИ, ПРОДАННЫХ ЕГО РОДСТВЕННИКАМИ ВОЛОКОЛАМСКОМУ МОНАСТЫРЮ

Се яз, Василей Семенович Ступишин, что мои братья Михайла, да Иван, да Данила, да Петр, да Менчак Васильевы дети Петровича Ступишина, продали есмя в Осифов [3] монастырь игумену Нифонту з братьею село Начапино, да деревню Иванково, да деревню Хомяково, да деревню Семениково, да деревню Скурлово, да пустошь Кузнечиково, и яз, Василей, тогды был в Новегороде, и

---

[1] *Далее в тексте* по.

[2] *Все надписи на обороте сделаны разными почерками, отличными от почерка закладной.*

[3] *В тексте описка:* сифов.

в купчей меня, Василья, в послусех нет, — и мне, Василью, и моим детем, да того села и да деревень дела нет.

А на то послуси: Верига Васильев сын Толбузин, да Федор Костентинов сын Садыкова, да Данила Абрамов сын Конанова.

А запись писал Ларька Якимов сын Попов лета 7055-го.

На обороте: К сей записи Василей руку приложил.

К сей записи яз, Верига, послух, руку приложил [1].

АФЗ и X, ч. II, № 195

1601 г., сентября 8

КУПЧАЯ НА ЧАСТЬ СУГРЕБА РАССОЛУ В НОВОЙ ВАРНИЦЕ НА ВЕЛИКИХ МЕСТАХ С ВАРНИЧНЫМ «ЗАВОДОМ» И УГОДЬЯМИ, ПРОДАННУЮ СТЕФАНОМ КОЛОГРИВОВЫМ НИКОЛАЕВСКОМУ КОРЕЛЬСКОМУ МОНАСТЫРЮ

Се яз, Стефан Васильев сын Кологривова, ненокшанин, продал есми в дом пречистые богородицы и Николы чюдотворца строителю старцу Боголепу, да игумену Парфенью, и всей братьи в Корельской монастырь треть двенатцатого сугреба росолу в Неноксе на Великих местех в Новой варнице, по прежной своей купчей, что есми купливал тот росол у брата своего у Фефилата Васильева да у жене его, а у своей снохи, у Федосьи Михайлове дочери Завերткина, и по той трети двенатцатого сугреба в варници, и в црене, и в колодязи в росольном, и в дугах, и в кострищех, и во всем варничном угодьи. А в сябрех тот росол с никольскими же старцы, да с Порошею с Вепревым и с-ыными сябры. А взял есми у них на том росоле на трети двенатцатого сугреба и со всеми угодьи, на всем на том, что в сей купчей писано, монастырских денег казенного серебра девять рублев московским числом, все вручь без останка. А продал есми тот росол и з старою купчею и отступился в дернь без выкупа. А выляжет какова

[1] *Надписи на обороте сделаны почерками, отличными от почерка записи.*

купчая или закладная на тот росол, и мне, Степану, очищать своими денгами, а монастырю в том убытка не учинити. А государева дань и оброк и всякие земские подати с того росолу платити старцом Корельского монастыря.

На то послуси: Григореи Федоров сын Осеева да земской дьяк Парфеней Поздеев сын.

Купчюю писал церковной Петровской дьячек Ненокоцкого Усолья Патрикеец Петров лета 7100 десятого сентября в 8 день.

На обороте: Стефан росол свои продал и руку приложил.

Послух Гришка Федоров сын руку приложил.

В послусех Паршец Позднев руку приложил.

Сб. ГКЭ, т. I, № 375

1559—1560 гг.

МЕНОВНАЯ ДЕВЯТОГО ДМИТРИЕВА СЫНА РЖЕВСКОГО, ВЫМЕНИВШЕГО У ЮРИЯ И ФЕДОРА ФЕДОРОВЫХ ДЕТЕЙ РЖЕВСКИХ СЕЛО ПЕТРОВСКОЕ СЕСТРИНСКОГО СТАНА РУЗСКОГО У. НА СЕЛЬЦО КОЖЕВНИКОВО СЕСТРИНСКОГО СТАНА ВОЛОЦКОГО УЕЗДА

Се яз, Девятой Дмитриев сын Ржевского, выменил есми у Юрьи да у Федора у Федоровых детей Ржевского отчину село Петровское в Руском уезде в Сестринском стану, а в нем церковь святых верховных апостол Петра и Павла, с лесы и с луги и з болоты и с рощеми, с пашенною землею и не с пашенною, и со всеми угодьи, что к тому селу истари потягло, куды ходил топор и коса и соха. А выменил есми у них ту их отчину село Петровское себе и своим детем впрок без выкупу и без отмены. А променил есми Юрью да Федору Федоровым детем Ржевского свою отчину сельцо Кожевниково в Волоцком уезде в Сестринском стану с лесы и с луги и з болоты и с рощеми, с пашенныю землею и не с пашенною, и со всеми угодьи, что к тому селцу Кожевникову исстари потягло, куды ходил топор, и коса и соха. А променил есми ту свою отчину

сельцо Кожевниково Юрью да Федору, им и их детем впрок без выкупу и без отмены. А придал есми им к той своей отчине к сельцу х Кожевникову двесте пятьдесят рублев денег. А та моя отчина селцо Кожевниково не заложена ни у кого ни в чем, ни в денежном долгу, ни в хлебном. А где будет вылягут на ту мою отчину в моем долгу кобалы хлебны или денежны, или какие иные крепости нибуди[1], — и мне, Девятому, тот свой долг денежной и хлебной платить самому и крепости очищать, а к Юрью да к Федору ни привести ничего.

А на то послуси: Михайло Ильин сын Ржевского, да Ондрей Васильев сын Ржевского, да Жита Андреев сын Кузьминского, да Офонасий Дмитреев сын Ржевского, да Ондрей Яковлев сын Щелканова.

А меновны есми писали меж собя по противнем слово в слово.

А меновные писал Степанец Петров сын лета 7068-го.

У подлинной меновной на обороте пишут тако: Юрьи вотчину менял да Федор.

Яз, Юрьи, руку приложил и в брата своего место Федорово.

Послух Андрей руку приложил.

Жита, послух, руку приложил.

Послух Андрей руку приложил.

Послух Афонасей руку приложил.

АФЗ и Х, ч. II, № 250

1551 г., февраля 11

ОТСТУПНАЯ («ПОСИЛЬНАЯ») ИВАНА И ОНТОМАНА АЛЕКСАНДРОВЫХ ДЕТЕЙ ТИМОФЕЮ БУШУЮ НА ПОЛОВИНУ ИХ ЗЕМЛИ С УГОДЬЯМИ НА ОСТРОВЕ СОЛОТКОВЕ И НА «ПОЛЬЦЕ ГОРНОЙ ЗЕМЛИ»

Се яз Иван да яз Онтоман Олександровы дети, два брата, отступилися есмя великого князя земли, а своего владенья, в Солотком острови Тимофею Левонтьеву сыну

---

[1] *В рукописи* — инбуди.

Бушую, пол жеребья земли, а другую половину тому же Тимофею отступилися попереди того, с орамими землями, и с пожнями, и с лесы, и с присадными землями, и с рыбными ловищи, и со всими угодьи, и где што ни есть без вывета к тои земли потягло истарь, и старыми грамотами, што наши грамотй обдержат. Да отступилися есмя тому же Тимофею горной земли польца, а тому польцу межа с верхного конца с Фомою с Омельяновым з дядею, а от лесу сгород межа, а с нижнего конца до улици межа; а то польце вручь по роду межа. А взяли есмя у Тимофея на своем владеньи на Солотком и на польци полтора рубли з гривною денег московское число. А отступилися есмя потому: не измогли ни службы служити, ни дани давати, ни хлеба в житницу сыпати, ни волостных розрубов платити. А ся посильная и отводная грамота на нашо владенье.

Но то послуси: Олунпей Лупачь Ульянов сын Смольникова да Фомо Омельянов сын, дядя продавцам.

А посильную писал грамоту Терентей Юрьев сын лета 7000 пятьдесят девятаго месяца февраля первынадесять день.

Сб. ГКЭ, т. I, № 135

1564 г., июля 11

ПОСЛУШНАЯ ГРАМОТА ЦАРЯ ИВАНА IV НА ДЕРЕВНЮ ПОПОВКИНО, ДЕРЕВНЮ РУНОВО И ДЕРЕВНЮ ОВСЕЕВО, ХОВАНСКОГО СТАНА, ВОЛОЦКОГО УЕЗДА

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Волотцкой уезд в Хованской стан Буегородцкого села в деревни, что остались [1] за мерою Осифова монастыря у игумена Леванида з братьею, в деревню Поповкину, в деревню Руново, в деревню Овсеево всем крестьяном, которые в тех деревнях живут.

---

[1] *В тексте описка* остали.

Пожаловал есми теми деревнями Осифова ж монастыря игумена Леванида з братьею, или хто по нем иным игумен в том манастыре будет, сверх их земель[1] к их же волоцким землям, что им дано против их волотцких же земель, что у них взято к нашим к дворцовым селом. А в книгах отделу Волотцкого губного старосты Григорья Чеглокова лета 7072-го в тех деревнях написано пашни сто шездесят чети в одном поле, а в дву по тому ж; сена сто дватцать копен, лесу на шесть чети. И вы бы, все крестьяне, которые в тех деревнях живут, Осифова монастыря игумена Левонида з братьею, или хто по нем иный игумен в том монастыре будет, слушали, пашню на них пахали и оброк им платили.

Писано на Москве лето 7072-го, июля в 11 день.

Оборот: царь и великий князь всеа Русии[1].

АФЗ и Х, ч. II, № 309

1529 г. августа

РЯДНАЯ ЗАПИСЬ О ЖЕНИТЬБЕ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ПРИКЛОНСКОГО НА ИРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ ЛУКИНОЙ

Мы, Алексеевы Лукина приказщики: Володимер Никитин сын Тараканова, да яз, Григорей Александров Великой, да яз, Митя Костянтинов, казенной подиячей, что нам приказал Алексей Лукин, по своей духовной грамоте, дочерь свою Орину, и мы сговорили с Васильем с Михайловым сыном Приклонского дати нам за его сына за Михайла Алексеева дочи Орина со всем с тем, чем ее благословил отец ее Алексей, что ей написал в духовной своей грамоте. А не дадим мы за его сына за Михайла Алексеева дочери Орины, и Колупаю на нас взяти двесте рублей по сей записи.

А на то послуси: Семен Борисов сын Трофимова да Макар Федоров сын, казенной подиачей.

---

[1] *Предыдущие три слова вписаны тем же почерком над строкой.*

А запись писал подьачей Гридя Белой Гаврилов сын Афонасьева, лета 7000 тритцать седмаго, августа.

На обороте:

К сей записи яз, Володимер Тороканов, руку свою приложил.

К сей записи яз, Григорей Александров, руку приложил.

К сей записи яз, Митя Костянтинов, руку свою приписал.

В сей записи и яз, Семен Борисов сын, послух, и руку свою приложил.

В сей записи яз, Макар Федоров, послух, и руку приложил.

Н. П. Лихачев, Сборник актов, СПб., 1895, стр. 104

1588 г., февраля 9

ДОКЛАДНАЯ ГРАМОТА О ПРОДАЖЕ МАТВЕЯ ДАНИЛОВА В ХОЛОПСТВО БАХТЕЯРУ ИЗЪЕДИНОВУ В СЕЛЕ ПЛИГИНО КИМРСКОГО УЕЗДА

Доложа [1] государева царева и великого князя Федора Ивановича всеа Русии постельничего и намесника трети московские Истомы Осиповича Безобразова, се аз Фома, а прозвище Незамах, Ларионов сын Савельева, поставя с собою Матфея Аврамова сына Данилова, тако рек: «тот, господине, Матфей человек вольной государя царя и великого князя, емлет у меня государя моего Бохтеяра Федорова сына Изъединова два рубля денег. А в тех денгах дается государю моему Бахтеяру на ключь в Кимрской уезд в его село Плигино, а по ключю и в холопи».

И постельничей и намесник трети московские Истома Осипович спросил Матфея Екимова сына: «емлешь ли ты у Фомы Незамахи государя его Бахтеяра Изъядинова два рубля денег, а в тех денгах даешь ли ся [2] Бехтеяру на

[1] *В тексте перед словом* Список з докладной слово в слово.
[2] *В тексте отсутствует.*

ключ в его село Плигино, а по ключю и в холопи?». И Матфей Якимов сын Данилова тако рек: «яз, господине, человек вольной государя царя и великого князя, взял есми у Фомы у Незамахи Ларионова сына Савельева государя его Бохтеяра Федорова сына Изъядинова два рубля денег, а в тех деньгах даю сь[1] Бохтеяру на ключь в его село Плигино, а по ключю и в холопи».

А на докладе были дети боярские кашинцы Богдан Иванов сын Лазарев да Иван Назарьев сын Глебов — тот на него и знахарь, что продался сам. А отца и матери у него в животе нет. А иному он не холоп никому. Пристав с ними приходил от постельничего человек его Осип Дмитреев сын Черной.

Докладную писал ямской Иван Федоров.

И постельничей и намесник трети московские Истома Осиповичь печать свою приложил лета 7096 февраля в 9 день.

Акты Юшкова, № 234

1594 г., октябрь 1

ЗАПИСЬ СЛУЖИЛОЙ КАБАЛЫ В НОВГОРОДСКИХ ЗАПИСНЫХ КНИГАХ ДЬЯКА АЛЯБЬЕВА

Октября в 1 день к дьяку к Дмитрею Алябьеву площадные подьячие Софейские стороны Ондрюша Дмитреев да Жданко Пупынин принесли к записке служилую кабалу на Олексейка Федорова сына и того Олексейка к дьяку к записке с собою ж привели. А сказали: «Пришод, господине, к нам на площадь тот Олексейко, и велел нам на себя служилую кабалу в трех рублех московских написати, а идет во двор служити ко князю Василью ко князю Степану ко княж Михайловым детем Мещерского. И мы, господине, по его Олексейкову веленью на его Олексейка и кабалу писали. Да положили перед дьяком тое служилую кабалу, а в кабале пишет:

«Се яз, Олексей Федоров сын, занял есми у князя Василья да у князя Степана у княж Михайловых детей Мещерского денег три рубли московских от Покрова Свя-

[1] *В тексте отсутствует.*

тей Богородицы да до того ж дни на год, а за рост мне, Олексею, служити у государей своих у князя Степана да у князя Василья по вся дни во дворе; а полягут денги по сроце и мне, Олексею, по тому ж у государей своих служити за рост по вся дни во дворе.

А на то послуси: Ждан Иванов сын Пупынин.

А кабалу писал Ондрюша Дмитреев сын, лета 7103-го, октября, в 1 день».

И дьяк Дмитрей Алябьев, выслушав служилую кабалу, спросил Олексейка Федотова: ты ли тем площадным подьячим на себя такову служилую кабалу в трех рублех писати велел, и деньги еси у князя Василья да у князя Степана у Мещарских взял ли, и за рост во двор к ним служити идешь ли, и наперед сего у кого служивал ли?

И Олексейко сказал: такову есми, господине, служилую кабалу тем площадным подьячим на себя в трех рублех писати велел, и денги у князя Василья да у князя Степана у Мещерских взял, и за рост во двор к ним служити иду, а наперед сего не служивал ни у кого, а родом ноугородец.

А ростом человек невелик, молод, волосом рус, очи серы.

И дьяк Дмитрей Алябьев велел тое служилую кабалу, записав в книги, отдати князю Василью да князю Степану Мещерским, а тем площадным подьячим — кабалному дьячку и послуху — велел к записным книгам руки свои приложити, а на них с тое служилые кабалы велел взяти пошлины по государеву царя и [1] великого царя Федора Ивановича всея Русии [1] указу с рубля по алтыну.

И с тое служилые кабалы на князе Василье да на князе Степане на Мещерских с трех рублев пошлин три алтына взято, а кабала отдана князю Василью да князю Степану княж Михайловым детем Мещерского.

К сей записи кабалной дьячек Ондрюша Дмитреев и руку приложил.

К сей записке кабалной послух Жданко Пупынин руку приложил.

Новгородские записные кабальные книги
100—104 и 111 годов, М.—Л., 1938, стр. 2—4

---

[1] *В публикации сокращено:* п[олный] т[итул].

1552—1553 гг.

«ДЕРЕВЕНСКАЯ КАБАЛА» МОИСЕЯ НИФАНТЬЕВА СЫНА С ДЕТЬМИ СПАССКОМУ ПРИЛУЦКОМУ МОНАСТЫРЮ НА ОДИН РУБЛЬ С УСЛОВИЕМ ЖИТЬ В МОНАСТЫРСКОЙ ДЕРЕВНЕ ЛЕВАШЕВЕ

Се яз, Мосий Нифантиев сын, да своими детьми, с Ыстомою да с Никифором, заняли есми у Спасково келаря у Прилуцкаго у Антония рубль денег манастырских казеных от Юрьева дни осеняго да до Юрьева дни в год. А за те нам деньги пахать в их деревни на Левашеве на трети, да поставить мне изба. А не стану жить на Левашеве на трети, ино на нас по сей кабале 2 рубли. Да и оброк мне дать по книгам. А кой нас в лицех, на том пашня или денги.

А на то послуси: Елизарий Яковль сын с Левашова до Олексий Кирилов сын.

А кабалу писал монастырской дияк Володька Якимов сын лета 7060 первого.

После текста: Умре.

На обороте: По сей кабале уплатил четыре гривны. Левашево.

На дитеныша, а живет на Тотьме.

В. Г. Гейман, Несколько новых документов:..., Сб. Росс. публ. библ., т. II, вып. 1, № 1 Пг. 1924, стр. 285

1576 г., ноября 23

ПОРЯДНАЯ КРЕСТЬЯН НИКИФОРА ЯКОВЛЕВА СЫНА И СОФОНТИЯ АФАНАСЬЕВА СЫНА ВЯЖИЦКОГО МОНАСТЫРЮ НА ДЕРЕВНЮ ЛИПОВЕЦ В ЗАВЕРЯЖСКОМ ПОГОСТЕ

Се яз, Микифор Яковлев сын, да яз, Софонтей Афанасьев сын, Васильевы крестьяне Басланова из деревни из Замошья дали есмя на себя запись Вежицкому слуги Ти-

мохы Павлову сыну в том, что порядилися есмя за Николу чюдотворца в Заверяжской погост на деревню в Липовец на штину обжы. А взяли есмя подмоге 2 рубля московскую да лготы на 2 годы — в монастырь дани не давати и не ходити на дело, от лета 7085 да до лета 87. А живучи нам той деревни, тягло государское всякое тянути с волостью вместе, как соху наставим. А за ту подмогу нам и за льготу деревня розпахати, и поля огородити, и старые хоромы починити, и новые поставити, 2 хлева да мылня. И как пройдут те лготные 2 годы, и нам давати в монастырь Николы чюдотворцу оброку по рублю по московскому на год и на дело на монастырское ходити, как иные крестьяне ходят. А не отживем мы тех лготных дву годов, и деревни не розчистив и поль не огородив и хором старых не починив и новых не поставив, да пойдем вон, и нам та подмога монастырская 2 рубля московская по сей записи отдати слуге Тимофею Павлову.

А на то послуси: Еремей Семенов да Конан Никитин.

А запись писал Матфеец Федоров сын Вежыцкой слуга лета 7085 ноября в 23 день.

Акты юридические, № 178

1599 г., октября 29

ПОРЯДНАЯ ПОЛОВНИКА ВОНДОКУРСКОГО СТАНУ НА ПОЛОВИНУ ДЕРЕВНИ КОШКИНА, ПРИНАДЛЕЖАЩЕЙ УСТЮЖСКОЙ СОБОРНОЙ ЦЕРКВИ

Се аз, Родион Иванов сын Бошарин, Вондокурского стану крестьянин, поредился есми с сыном своим с Михайлом вотчины пречистые Богородицы у протопопа Костянтина с братьею на половину деревни Кошкина в Вондокурском стану на доиме, что Тарас дал. А пахати нам та половина деревни половником на конех на своих, и снасть всякая древная наша половничья; а семяна ржаные, и еровые и всякие ватаманские, сколко земля подоймет. А за семяны что бог пошлет приполону, и мне половнику с сыном

делити[1] с ватаманом приполонной хлеб пополам, а гуменной корм половнику весь на собя. А сена что есть у тое полудеревни Кошкина, и то сено половнику все на себя. А порядился есми яз половник с сыном на три годы, ряд и выряд Юрьев день осенней. А поредился есми аз, половник, ко рже и к паром; а ржы сеяно пять четвертков домовые пречистые Богородицы. А пойду из деревни яз, половник, с сыном, отжыв урочные лета, и до ржы и до паров мне половнику с сыном дела нет. А дань и оброк и всякие государевы розметы ватаманские платить протопопу с братьею мимо половника. А хлеб всякий приполонной возити мне половнику с сыном на Устюг к прототопу с братьею, или где оне повелят, а мимо Устюг нигде не возити. А мелница у тое полудеревни, что есть Тарас дал, и что бог пошлет у тое мелницы денег от молотья, и те денги делить половнику с ватаманом пополам.

А что попортитца у мелницы, и починивать та мелница половнику своими денгами.

А на то послух Афонасей Григорьев сын Потапов да Третьяк Леонтьев сын Ражанинов.

А порядную писал Иванко Ананьин, лета 7108 году, октября в 29 день.

РИБ, т. 12, СПб., 1890, стр. 140—141

1591 г., сентября 9

УКАЗНАЯ (УСТАВНАЯ) ГРАМОТА ИОСИФОВА ВОЛОКОЛАМСКОГО МОНАСТЫРЯ КРЕСТЬЯНАМ СЕЛА БОЛАШКОВА

Таковы указные грамоты даны по селам во всю монастырскую вотчину Иосифова монастыря при старце, при Мисаиле Безнине. А в грамоте пишет:

Пречистые богородицы Иосифова монастыря се яз, игумен Иосаф, поговоря с старцам с Мисаилом з Безниным и з соборными старцы, с келарем с старцом с Венедиктом Зазиркиным да с казначеем с старцом с Никифором Мариным, да с старцом Измаилом Сназиным, да с старцом

[1] *Исправлено. В издании* велити

с Ефремом Нащекиным, да с старцам с Левкею Акишевым, да с старцом с Паисеею Мичюриным, да с старцом з Гермоном Чеглоковым, да с старцам Герасимом Нелединьским, да с старцом с Тихоном Ржевским, да с старцом [1] с Леонидом Недовесковым, да с старцом Арсением Тучиным и со всеми соборными старцы, — пожаловали есмя хрестьян своих села Болашкова. Давати им нашему приказщику въезжаго з дыму по деньге, а ключникова по деньге жа. А празнишные пошлины на Рождество Христово по три денги, на Велик день и на Петров день по тому ж, а ключникова — на празник по денге. А хлеба давати им приказщику с выти по осмине ржи, да по осмине жита, да по четверти овса, а ключнику — вполы. Да за поярки с выти по две деньги за куры по две деньги ж, масленичнаго по две денги; великоденского цаловального по две денги ж, а ключнику вполы.

А судити ему наших хрестьян. А з суда имати с рублева дела пошлин по алтыну с рубля. А будет дело выше рубля, и ему имати по тому ж по розсчету. А боле того не имати ничего.

А кто менит лошедь и ему имати с обе стороны по две денги. А кто менит за волость лошедь или купит, — ино ему с менаной две деньги, а с купленой — деньга. А кто купит лошедь или корову или менит, а не явит нашему приказщику, а наш приказщик его в том утяжет, — ино на нем протаможья два алтына. А которые наши крестьяне промеж себя продают или меняют [1] выти, — и оне посельскому являют, [а] [2] дают с обе стороны посельскому алтын.

А который нащ крестьянин продаст хоромину ветчаную, и он явит, с нее даст посельскому две деньги. А посельской возьмет по том крестьянине поруку, что ему в то места поставити новая хоромина.

А кто продаст струб, ино ему имати поугольного по две денги.

А кто про[да]ст хоромину бревен, и ему имати в полы с струба.

А с свадьбы имати розвинского с обе стороны в нашей волости алтын. Или случитца из села в село

[1] *В тексте* — старцу.

[2] *Текст рукописи попорчен. Здесь и ниже в квадратных скобках восстановлен по смыслу.*

к другому приказщику, ино одному приказщику взяти четыре деньги, з жениха, то ему и за пироги, а др[угому] с невесты потому ж.

А кто даст за [во]лость, и ему за выводную куницу два алты[на]. А посельскому с свадьбы блюда пирагов. А не любо блюдо пирагов, ино ему две деньги за пироги.

А случитца суд межной или протравной хлебнай, и ему имати за боран по три денги.

А которому нашему крестьянину за волостными людми какие сплетки, и наш хрестьянин позовет с собою посельского — и посельскому за ним ехати. А не поедет посельской за ним — и посельскому те убытки платити вьдвое.

А у кого будет пива — и приказщику имати дару, почему ево подарят и как у [них] что было.

А ключнику по деньге, а у кого [ст]анет, — и ему и дару с того нет.

А кото[ро]й наш приказщик станет не по сей нашей грамоте ходити, и нам на нем велети имати въдвое да отдавати крестьяном, а ево нам в том смиряти в монастыре по монастырскому обычаю.

Дана грамота в Осифове монастыре.

К сей грамоте стариц Мисаила Безнин велел печать свою приложити.

А грамоту писал [м]онастырской диачек Первушка Прокоф[ьев] лета 7100 году, сентября, в 9 день.

АФЗ и Х, ч. II, № 391

Историко-правовой обзор

1561—1562 гг. Данная грамота А. С. Кутузова

Данная грамота — акт, фиксирующий передачу имущества (обычно недвижимости) одним собственником другому. В XVI веке чаще всего среди этих актов встречаются данные — вкладные, оформляющие передачу землевладельцами земель или дворов духовным корпорациям «на помин души». Данные грамоты отражают процесс роста церковно-монастырского землевладения. Законодательный запрет земельных вкладов в 1580—1584 гг. (см. Сводный Судебник) резко сократил прирост монастырских земель.

После запрета в 1551 году покупки земель монастырями данные грамоты иногда являлись документами, прикрывающими эту покупку, то есть замаскированными купчими (в подобных случаях монастырь за земельный вклад давал вкладчику или его родственнику денежную «сдачу», размер которой приближался к цене передаваемой вотчины).

Главную массу земель, вкладывавшихся в монастыри, составляли вотчины лиц, не имевших прямых наследников мужского пола. Передавались в монастыри также части земельных владений, не связанные с основным массивом вотчины феодала, в силу трудности их освоения, например, полученные в приданое за женой «купли», а также части («жребия») деревень, полученные по разделу с родственниками.

Грамота А. С. Кутузова отмечает, что деревни Митино и Тараканово должны были поступить в монастырь только после смерти вкладчика. Часто «дача» земли в монастырь была средством установления прекарных отношений между монастырем и светским феодалом: вотчинник переходил под «защиту» (патронат) духовного феодала, то есть по существу поступал на положение зависимого от него держателя (об этом см. Л. В. Черепнин, Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв. — Исторические записки, 1940, кн. 9, стр. 46 и сл.). Особенно увеличилось количество случаев перехода под патронат в годы опричнины, когда опальные представители феодалов стремились с помощью монастырей обеспечить свою жизнь и имущество.

Олександро Семенович Кутузов. Кутузовы, среднепоместные землевладельцы Рузского уезда, издавна были связаны с Волоколамским монастырем, который пользовался поддержкой рядового дворянства Волоцкого и Рузского уездов. В данном случае землю передает в монастырь сам владелец. Иногда данные грамоты составлялись душеприказчиками во исполнение воли умершего завещателя.

Покаместа ходила коса и соха и топор — условная формула, означавшая передачу вотчины со всеми относящимися к ней угодьями (см. «Памятники русского права», вып. III, стр. 64). В ранних данных (начала XVI века

иногда указывались реальные границы владения («отвод»). Позднее, когда эти границы стали устойчивыми, они в актовых материалах особо не оговаривались. В случае, когда они устанавливались вновь, составлялись специальные межевые акты (см. ниже), где они тщательно описывались.

С пашенною землею и не с пашенною — с пашней, лугами и другими угодьями. К концу XVI века в период хозяйственного разорения вводились указания о том, что земля передается с хлебом «земленым» (ГКЭ Дмитров № 86/3798).

Впрок без выкупа и без отмены — вводя в грамоту специальную норму, запрещающую выкуп земли родичами вкладчика (ср. «роду моему и племени до тое вотчины дела нет»), монастырь стремился закрепить за собой приобретение земли и ограничить действие существовавшего в XVI веке права «родового выкупа» (см. ст. 85 Судебника 1550 года). В данные грамоты иногда вводились оговорки о возможности выкупа земель родственникам (особенно они учащаются к концу XVI века). Так, в данной вдовы Ивана Константиновича Замыцкого 1560—1561 гг. Троицкому монастырю на сельцо Поречье Дмитровского уезда, говорилось, что если на сельцо предъявят претензию братья покойного супруга вкладчицы, то они должны заплатить монастырю 240 рублей (ГБЛ Троицк., кн. 521, лл. 67—68).

Вотчина негде не продана, ни заложена. Монастырь стремился обеспечить себя от возможных претензий со стороны третьих лиц, ибо передаваемая «на помин души» вотчина могла быть раньше кому-либо продана, променяна и т. п. Если же возникал такой казус, то вкладчик должен был «очищать» объект договора от всяких обязательств, в частности от долгов, то есть платить их, и сам отвечать перед третьими лицами. Иногда составлялись специальные дополнительные «очищальные записи», содержащие обязательство вкладчика или продавца земель, «очищать» их от крепостей и т. п. (см., например, «Исторический архив», кн. III, стр. 242—250). К концу XVI века с ростом мобилизации земельной собственности раздел об «очищении» становился обширнее. Указывалось, например, что вотчина «в залог не отдана» (ГКЭ Волок., № 612457), что ее нет

«в прошлых царевых великого князя податех», а также «в поручных записях» (ГКЭ Волок., № 632456,59). Иногда в грамоте могло содержаться указание о передаче земли с купчими и другими документами, подтверждающими на нее право вкладчика (ГЭК Дмитров., № 97/2809). Именно этим прежде всего объясняется наличие актов из архива светских феодалов в фондах церковно-монастырских корпораций.

А на то послуси — в число свидетелей при составлении данных и других актов феодального землевладения обычно включались родственники вкладчика (как в разбираемом случае), или продавца земли, терявшие тем самым право на ее выкуп. Среди послухов часто встречаются феодалы, владения которых находились по соседству с землею, являвшейся объектом сделки, а также представители монастырской администрации. Эти послухи привлекались на судебное разбирательство в случае возникновения каких-либо споров по поводу объекта купли или вклада.

1543—1544 гг. Деловая грамота Белеутовых

Деловая грамота содержала запись о разделе недвижимого имущества. Публикуемый документ посвящен разделу земельных владений между детьми дмитровского вотчинника Д. А. Белеутова. Деловые грамоты составлялись в нескольких аутентичных экземплярах («противнях») по числу лиц, производивших раздел имущества. Каждый из противней составлялся от имени одного из участников раздела и содержал запись о переходе к нему во владение причитающегося «жребия» (доли). Кроме публикуемого «противня» Зиновия Белеутова, сохранился противень Кирилла, Тихона и Игнатия Белеутовых, в совместное владение которых поступало село Лечищево *АФЗ и X, ч. II, № 175*. В сохранившемся завещании Д. А. Белеутова указывалось, что село Лечищево передавалось его жене Авдотье до «ее живота», а после смерти должно было поступить детям «в дел по жеребьем» там же, № 172. Это село в 1562—1563 гг. было дано в Волоколамский монастырь, причем владелец выговорил себе право «жити до

его живота» в селе и постричься в монахи за этот вклад (ГБЛ, Беляев № 127).

Поскольку раздел земли был сопряжен с установлением новых земельных границ между владельцами, постольку в деловые грамоты часто вносились указания на новые земельные «рубежи» (межи), образовавшиеся в результате раздела. В грамотах иногда указывалось обязательство об окончательном разделе имущества. См., например, «А поделились есмя меж себя полюбовно и впред нам иново делу не чинити меж собя. А которой нас взочнет изново дел, ино на том сто рублев» (Акты Юшкова, № 139).

1558—1559 гг. Духовная И. А. Тютчева

Духовная грамота — акт, содержащий завещательные распоряжения его составителя. Духовные грамоты — ценный источник для изучения истории феодального хозяйства, наследственного права и договора займа. Помимо духовных, были еще изустные памяти — неофициальные завещательные акты. Они отличались от духовной грамоты лишь тем, что не утверждались в митрополичьей или епископской канцелярии и не имели четко выраженного формуляра духовной.

В формуляр духовной феодала XVI века обычно входили: 1) начальный протокол (так называемое «богословие». «Во имя отца и сына и святого духа», или «Во имя святыя живоначальные троица» и т. д.); 2) указание на составителя документа; 3) упоминание о «здравом уме и твердой памяти» составителя, как необходимом условии его дееспособности («пищу сию духовную своим целым умом и разумом»); 4) сообщение о причинах составления духовной (накануне какого-либо похода, во время болезни и т. д.); 5) сообщение о целях составления духовной («кому ми что дати и на ком ми что взяти»); 6) распоряжение о судьбах своего движимого и недвижимого имущества; 7) распоряжение о получении и уплате долгов; 8) распоряжение о судьбе несвободных людей (кабальных и холопов); 9) наименование душеприказчиков, духовника

и свидетелей; 10) конечный протокол (дата составления, подписи послухов и писца).

Для того чтобы духовная приобрела юридическую силу, она должна была быть подтверждена в митрополичьей или епископской канцелярии. (Подробнее о духовных см. П. И. Беляев, Анализ некоторых пунктов древнерусского завещания, М., 1897, а также Л. Руднев, О духовных завещаниях по русскому гражданскому праву, Киев, 1894).

Публикуемая духовная составлена одним из среднепоместных феодалов Дмитровского уезда И. А. Тютчевым и представляет собой типичный образец завещательных распоряжений XVI века. Тяжба о вотчине Тютчева во время подтверждения духовной рисует напряженную борьбу за землю между светскими и духовными феодалами, обострившуюся к середине XVI века, когда снова стал обсуждаться вопрос о секуляризации церковно-монастырских земель.

Село Савельево. Одновременно с составлением духовной И. А. Тютчев написал «данную» грамоту в феврале 1559 года Волоколамскому монастырю на село Савельево, закрепляя тем самым свое завещательное распоряжение об этом селе. (ГКЭ Дмитровского уезда, № 88/3800).

Во вседневной список и в секаник — то есть в церковные книги для ежедневного поминания умерших на молитвах.

Не выгладить — не вычеркивать. Синодики часто писались на пергаменте и имена вкладчиков по истечении определенного времени обычно выскабливались (отсюда термин «выгладить»). Поэтому вкладчики в данных грамотах и духовных специально оговаривали, чтобы их имена из синодиков «не выглаживались».

А люди мои ...все на слободу. Отпуск полных холопов и кабальных людей на свободу свидетельствовал о постепенном изживании применения холопьего труда в хозяйстве феодалов.

Практика отпуска кабальных людей на свободу по смерти господина явилась одним из основных источников законодательства 1586—1597 гг., согласно которому смерть хозяина влекла за собой освобождение его кабальных людей.

Завещатель не ограничивается предоставлением свободы холопам. Он также сохраняет за ними то имущество, которое ранее им было пожаловано. Поскольку речь идет о «наделке», то можно полагать, что часть из этих холопов сидела на земле завещателя. Сохранение за ними подобного «жалования» означало по существу превращение их в феодально-зависимое крестьянство.

Приказчики — душеприказчики.

Прямая рука — то есть подпись на духовной действительно принадлежит И. А. Тютчеву.

Запись в духовной о порядке ее утверждения показывает порядок ввода в право наследства. Наследники пытаются оспорить завещательное распоряжение, лишающее их части владений наследодателя. Спор о подложности духовной разрешается митрополичьей канцелярией.

Грамота показывает, что, опасаясь столь сильного противника, каким являлись духовные феодалы, наследники, не дожидаясь решения дела, по существу отказались от иска.

1546—1547 гг. Закладная грамота Н. А. Бартенева

Закладная кабала содержит запись о займе, обеспеченном залогом имущества (обычно недвижимого). В соответствии с залоговым правом XVI века собственник заложенного имущества лишался права владения этим имуществом лишь до уплаты долга. На этот срок, строго указанный в закладной грамоте, право владения предметами залога переходило к залогопринимателю. Обычно залогоприниматель получал право пользования заложенным имуществом на строго указанный срок. При залоге земли залогоприниматель получал право эксплуатации крестьян, «сидевших» на ней (см. в грамоте 1554 года «село... за рост пахати и крестьяны владети», АЮ, № 241).

В публикуемой грамоте доходы с заложенной земли и крестьян покрывали половину «роста», а вторая половина выплачивалась деньгами. Неисполнение залогодателем условий заклада и прежде всего невыплата долга иногда приводила к установлению собственности залогопринимателя на предмет залога. Тогда специально оговаривалось, что закладная становится купчей грамотой (Формула:

«А не станут деньги на срок... ино ся кабала на ту ножну купчая грамота»). В публикуемой грамоте, как и в значительном числе аналогичных документов, нарушение срока погашения задолженности к этому не приводило, а лишь влекло за собой продолжение права залогопринимателя пользоваться землей (до тех пор, пока долг не будет заплачен).

Залог земельных владений духовным феодалом часто был лишь ступенью к их окончательному присвоению. О заемных и закладных кабалах см. Д. Мейер, Древнее русское право залога, Казань, 1855. Н. Н. Товстолес, Сущность залога в историческом развитии — ЖМЮ 1898 г. № 8; В. Удинцев, История займа, Киев, 1908; А. С. Звоницкий, О залоге по русскому праву, Киев, 1911, рец. С. А. Ризникова на эту книгу — ЖМНПр 1912 г. № 11; П. И. Беляев, Заем и заклад по древнерусскому праву, «Русский исторический журнал», СПб., 1921 г. № 7; С. Г. Струмилин, Договор займа в древнерусском праве, М., 1929.

Если заем не обеспечивался закладом, то составлялась не закладная, а заемная кабала. Так, в 1515—1516 гг. Е. Кулешев с женой и детьми заняли у Ивана Хлудьева полтора рубля на год («от Юрьева дни до Юрьева дни на год») с обязательством «рост нам ему дати по розчету как идет на пять шестой. А поляжет серебро по сроце, и нам ему рост дати по тому же розчету. А кои нас в лицех, то там серебро и рост». (Акты Юшкова, № 128).

На пять шестой, то есть из 20 процентов — обычная величина процентов в XVI веке.

Деревню Черную — в том же 1546—1547 гг. Т. Л. Глебов купил эту деревню за 80 р. (ср. купчую грамоту, ГКЭ Волок., 38/2434), то есть залогодатель оказался не в состоянии ее выкупить и погасить свой долг. До 1552—1553 гг. деревня была передана Глебовым «на помин души» в Волоколамский монастырь (ГБЛ, Беляев, № 101).

1546—1547 гг. Запись В. С. Ступишина

Запись об отказе от претензий на землю, купленную или полученную монастырем по вкладу, давалась обычно родственникам продавца или вкладчика в том случае, когда

он не мог по тем или иным причинам скрепить своей подписью купчую или данную грамоту («в купчей меня, Василья, в послусех нет»). Добиваясь составления подобных записей, монастырь-вотчинник стремился предотвратить выкуп приобретенных им земель, возможность которого была не исключена в силу существования права родового выкупа (см. подробнее «Обзор к Судебнику 1550 г».).

«Записями» назывались часто совершенно различные документы, например, акты о приеме денег для платежа в Москве податей (см. П. Садиков, Очерки по истории опричнины, М.—Л., 1950, приложение, грамота № 1).

Село Начапино — Рузского уезда, Локнышского стана было куплено Волоколамским монастырем у Ржевских за 300 рублей еще в 1533 году.

1601 г. Купчая на часть сугреба рассола

Купчая грамота — акт, содержащий запись о купле-продаже имущества (обычно недвижимого). Характер условий совершения акта купли-продажи (запись о «невыкупе» земли, об «очищении» и т. д.) сходен с условиями данных и меновных грамот.

В XVI веке купчие обычно составлялись от имени продавца, а не покупателя (как было в XIV—XV вв.), тем самым их юридическая сила увеличивалась.

Купчая 1601 года С. В. Кологривова рисует развитие соляных промыслов на русском севере и правовые формы купли-продажи собственности посадских людей в начале XVII века. Купчая 1601 года рисует стяжательскую деятельность Николаевского Карельского монастыря в Ненокотском усолье и показывает стремление духовных феодалов воспользоваться неблагоприятными экономическими условиями начала XVII века для захвата соляных варниц посадских людей.

Стефан Васильевич сын Кологривова — Кологривовы зажиточные посадские люди Ненокотского посада. С. В. Кологривов, упоминающийся в актах еще с 1578 года, внук Игоря Ивановича Кологривова, одного из зачинателей солеварения в Неноксе. В середине

50-х годов Кологривовы владели там 37 варницами. С. В. Кологривов эту треть 12-го сугреба купил у своего брата еще в 1589 году (ОДРА, акты до 1600 г., № 514).

Ненокшанин — житель Ненокотского посада. Посад Ненокса Двинского уезда располагался на одноименной речке, впадавшей в Белое море, находился в 4—5 км от его берега. Впервые он упоминается в Двинской уставной грамоте 1397—1398 гг. (см. ПРП в III.). Первое сведение о существовании солеварения в Неноксе относится к 1530 году. К началу XVII века здесь работало не менее 18 варниц в Чепурьих, Смердьих и Великих местах, а также в Наволоке.

Корельский монастырь — Николаевский Карельский монастырь находился в устье р. Двины.

Треть двенадцатого сугреба — Сугреб (от слова «сгребать») — количество соли, полученное после одной вари (около 50 пудов). Сугреб выражал долю в варнице, находившейся во владении сябров. Каждая варница на Великих местах состояла из 12 сугребов. Эти сугребы (и их части) принадлежали различным совладельцам-сябрам. 12 сугребов образовывали «обвод», то есть определенное количество варь, из которых каждый совладелец получал часть продукции варницы, определявшуюся количеством сугребов, находившихся в его владении. В течение года варница на Великих местах, как это установил В. В. Цаплин, делала 9—11 обводов и производила 108—132 сугреба (6000—6600 пудов) соли.

Росол — источником сырья для соляных промыслов Ненокотского Усолья являлись подземные соляные ключи, дававшие рассол.

На Великих местах — первое сведение о варницах на Великих местах относится к 1539 году. К началу XVII века здесь было пять варниц: Новая, Григорьевская, Михайловская, Климишинская и Яковлевская. Эти названия связаны с деятельностью их создателей, посадских солеваров: Григорьевская названа по имени Григория Ивановича Кологривова (упоминается в 1526—1554 гг.), Михайловская — по имени его брата Михаила Ивановича (упоминается в 1511—1552 гг.), Яковлевская — по имени третьего брата — Якова Ивановича (упоминается с 1511 г.)

В црене — црен — противень, на котором происходила выварка соли.

Во всем варничном угодьи — со всем оборудованием варницы.

В сябрех — в совладельцах. В Неноксе, как и в других северных посадах, существовала долевая система владения варницами: каждый из сябров владел определенной долей варницы и ее продукции.

Вруч — наличными.

Очищать — возмещать убытки, возникающие при предъявлении претензий к покупателю варницы со стороны третьих лиц. Убытки возмещало лицо, продающее землю, варницы или какой-либо другой объект купли-продажи.

1559—1560 гг. Меновная Д. Д. Ржевского

Меновная грамота — акт, содержащий запись об обмене имуществом (обычно недвижимым) между двумя лицами. В грамоте указывались контрагенты сделки, ее объект и условия мены. В условиях феодальных отношений XVI века, когда грамоты составлялись главным образом на землю и частично на рыбные и соляные угодья, формуляр меновных приближался к данным и купчим. Мена для духовного феодала была одним из средств концентрации земельных владений, многие из которых он получал «вкладом» в разных уездах. Мена также (особенно после запрещения купли-продажи) была средством расширения земельных богатств церковно-монастырских корпораций. Последние часто «прикупали» большие села под видом мены своих небольших владений, в придачу к которым они давали определенные денежные суммы.

В публикуемой грамоте разницу (250 рублей) между стоимостями села Петровского и Кожевникова выплачивал Д. Д. Ржевский, поскольку размеры села, полученного им в результате обмена, значительно превышали размеры села, промененного родственникам Ржевского. О меновных грамотах см. С. А. Шумаков, Мена (ЖМНПр 1906 г. № 11).

1551 г. Отступная грамота на земли острова Солоткого

Отступная (посильная) грамота — акт, фиксирующий куплю-продажу черносошных земель или рыбных и солеваренных угодий на русском Севере. Поскольку верховным собственником этих земель был великий князь (а с 1547 года — царь), постольку их продажа и покупка оформлялась не в виде купчей грамоты, а в виде отступной (посильной), которая содержала отказ от прав владения этими землями («отступили есми») одного лица и передачу их другому за определенную денежную компенсацию с обязательным условием платить государственные подати согласно тяглоспособности («по силе» — отсюда название акта) (см. «Памятники русского права», вып. III, гл. 72—73). С течением времени (во второй половине XVI века), посильные заменяются обычными купчими, ибо разница между ними стирается.

А. И. Андреев полагает, что отступные или посильные грамоты фиксировали куплю-продажу только небольшой группы оброчных великокняжеских, а не всех черносошных земель (А. И. Андреев, Отступные грамоты, Историческое обозрение, т. XXI, Пг, 1916, стр. 177 и др.). Исходя из близости формуляра отступных к ст.ст. 175 и 177 Судебника 1589 года, А. И. Копанев возражает ему и считает, что отступные относились вообще к северному черносошному крестьянскому населению («Судебники XV—XVI вв.», Издательство Академии наук СССР, 1952, стр. 533).

Причиной составления Иваном и Артамоном Александровыми отступной грамоты было их разорение и неспособность к уплате всех податей, тяжесть которых ложилась на плечи черносошного крестьянства.

Отступился — то есть уступили право владения.

В Солотком острови — находился в устье Двины.

С орамыми землями — с пахотными землями.

Без вывета — без отмены.

Горний земли — холмистой земли.

Волостных разрубов — платежей по общинной раскладке.

А ся посильная и отводная грамота — Данная посильная грамота заменяла специальную отводную грамоту, содержавшую «отвод» земли, то есть ее отделение с указанием границ («меж»).

1564 г. Послушная грамота на деревню Поповкино

Послушная грамота — акт, закреплявший передачу земельных владений феодалу и определявший обязанности крестьян по отношению к собственнику земли. Послушные грамоты — ценнейшие документы, отражающие систему господства и подчинения в феодальной деревне и содержащие материалы для изучения развития феодальной ренты. В литературе (С. А. Шумаков и др.) иногда проводилось различие между послушными (на вотчины) и ввозными (на поместье) грамотами. Однако в практике XVI века эта разница не заметна.

Согласно И. И. Смирнову, основывавшему свои выводы на анализе новгородских послушных грамот, до 60-х годов XVI века в формуляре грамот содержалось указание на то, что повинности крестьян состояли из денежного и натурального оброка и определялись «стариной», то есть традицией. Упоминания о барщине, полагает И. И. Смирнов, появляется в послушных грамотах только с 60-х годов XVI века, причем одновременно исчезает указание на «старину», определявшую ранее размеры повинностей. В 70-годах XV века, по мнению И. И. Смирнова, в формуляре появляется упоминание о праве помещиков устанавливать по своему произволу размеры крестьянских повинностей («чем вас помещик изоброчит») (см. И. И. Смирнов, Восстание Болотникова 1606—1607 гг., 1951, стр. 41—42). Однако эти выводы И. И. Смирнова нуждаются в уточнении.

В центральных районах страны, как установил В. И. Корецкий, уже в 50-х годах XVI века появляются в послушных грамотах упоминания и о барщине и о помещичьем произволе. Так, в грамоте 1559 года, данной Иваном IV И. Чирковой на поместье Ярославского уезда, упоминается о барщинной повинности крестьян и отсутствует указание о старине («пашню на них пахали и оброк им помещиков

платили». Акты Юшкова № 185; ср. аналогичную грамоту 1557 года на владение Сретенского монастыря в Кашинском уезде, ААЭ, т. 1, № 251).

В послушной грамоте 1555 года Кириллова монастыря на села Вологодского уезда крестьянам предписывалось, чтобы они «пашню на них (монахов. — *А. З.*) пахали, где собе они учинят, и оброк им платили, чем вас изоброчат» (П. Садиков, Очерки по истории опричнины, М.—Л., 1950, Приложение № 9). Аналогично содержание и послушной 1555 года на село Судниково Рузского уезда, принадлежащее Иосифо-Волоколамскому монастырю (ГКЭ, Руза, № 63/10294).

Что им дано против их Волотцких же земель. В 1558 году Иван IV выменял у Волоколамского монастыря села Черленково и Furthermore Ярополч Волоцкого уезда в обмен на 47 деревень, тянувшихся к селу Буйгород. В 1564 году Иван IV «придал» (добавил) к этим деревням еще три.

Отделу губного старосты Григорья Чеглокова — Отдельные книги содержали записи об «отделении» (передаче) земель светским и духовным феодалам. В 60—70-х годах XVI века, кроме «разбойных» и «татиных» дел, губным старостам были подведомственны и земельные дела. Губные старосты, выбиравшиеся из числа рядового дворянства, сыграли, как полагает Н. Е. Носов, видную роль при мобилизации земельной собственности в годы опричнины.

1529 г. Рядная запись о женитьбе М. В. Приклонского

Рядная (или сговорная) запись (от слова «ряд» — договор) — акт, содержащий объявление о сговоре невесты — обязательство вступления в брак, а иногда и договор о приданом. Рядные грамоты — ценный источник, рисующий нормы семейно-брачного права. В дворянско-буржуазной науке было распространено мнение о том, что рядные записи заимствованы на Руси из Византии (К. П. Победоносцев и др.). Однако позднейшими исследователями доказано происхождение этих документов из старинных русских договорных (рядных) грамот

(о рядных грамотах см. «Памятники русского права», вып. II, стр. 277). Наиболее ранняя рядная грамота помещена в правой грамоте 1498 года (АФЗ и Х, ч. I, стр. 109); в ней говорилось о передаче зятю селища в качестве приданого. В конце XV — начале XVI вв., вероятно, акт составлялся при даче приданого, а уже с 20-х годов XVI века — при сговоре невесты. Формуляр акта с упоминанием о сговоре сделался трафаретным только с 60-х годов XVI века (Г. М. Котляров, К вопросу о времени появления на Руси свадебных актов, «Русский исторический журнал», кн. 6, 1920, стр. 162—163).

Публикуемый документ принадлежит к числу ранних рядных — сговорных. В нем еще отсутствует упоминание о дате сговора и сроке свадьбы, обычное для свадебных актов более позднего времени. Неустойка полагалась не за невыдачу невесты в срок (как в поздних актах), а за невыдачу невесты замуж вообще. Суд по рядным грамотам был подведомственен церкви (Стоглав, глава 68). О рядных грамотах см. также Г. М. Котляров, Рядные сговорные записи XVI—XVII вв., «Историческое обозрение», т. XXI, Пг., 1916, стр. 182 и сл.

Запись — в раннее время обычно употреблялся термин «рядная грамота», который исчезает из употребления к 50-м годам XVI века.

1588 г. Докладные грамоты о продаже в холопство

Докладная грамота — акт, фиксировавший продажу свободного человека в холопство и утверждавшийся представителем центрального и местного аппарата власти. Появление докладных грамот, сменивших обычные полные грамоты, которые к середине XVI века, как правило, исчезают, свидетельствует об ограничении полного холопства и усилении контроля над делами о похолоплении со стороны правительства (см. об этом «Памятники русского права», вып. III, стр. 78—79). Все это отвечало интересам широких кругов феодалов и ущемляло права феодальной аристократии, в распоряжении которой находилось больше, чем

у дворян, денежных средств для похолопления разорившегося крестьянства.

Постельничему и наместнику трети Московской Безобразова были подведомственны дела о полных и докладных холопах. См. об этом в указе 1 февраля 1597 г., в Уставной книге приказа Холопьего суда.

Трети Московские — О третном управлении Москвою см. «Памятники русского права», вып. III, стр. 168. В конце XVI века это управление было одним из остатков старинного управления столицей, характерного еще для XIV—XV вв.

По ключу и в холопи — Матвей Данилов поступил в холопы по сельскому ключу, что соответствовало нормам Судебника 1550 г. («по ключу по селскому с докладною холоп»).

Знахарь — свидетель, очевидец.

Докладную писал ямской — полные и докладные грамоты еще с конца XV века составлялись только ямскими дьяками (см. «Памятники русского права», вып. III, стр. 79).

1599 г. Запись служилой кабалы из новгородских записных книг

Публикуемый отрывок из новгородских записных книг дьяка Д. Алябьева содержит служилую кабалу на Алексейка Федорова, поступившего в состав служилых холопов к князьям Василию Михайловичу и Степану Михайловичу Мещерским.

Кабальная зависимость, получившая распространение с конца XV века в обстановке развития товарно-денежных отношений, была, с одной стороны, формой изживания полного холопства, а с другой — одним из путей закрепощения крестьянства. Первоначально «кабальные люди» входили в состав холопов, а не были просто свободными должниками (как полагали Н. П. Павлов-Сильванский и Б. Д. Греков). Об этом свидетельствуют многочисленные духовные грамоты, в которых «люди кабальные» всегда упоминаются в одном ряду с полными холопами. Только указами 1586 и 1597 гг. была установлена

зависимость служилого холопа лишь до смерти его господина. Сущность отношений по служилой кабале сводилась к поступлению в зависимые отношения к феодалу должника, обязавшегося за «рост» (проценты) работать у своего заимодавца до выплаты долга, бравшегося обычно сроком на год. В случае неуплаты долга в указанный срок отношения зависимости сохранялись вплоть до того времени, когда этот долг будет погашен.

Древнейшие дошедшие до нас кабалы составлялись в Рязани и датируются 1509—1510—1518—1519 гг. (Акты Юшкова, № 78, 93, 94, 98, 102, 106—108). Новгородские и московские служилые кабалы XVI века относятся ко времени после 50-х годов и сохранились главным образом в составе новгородских записных книг дьяка Алябьева конца XVI — начала XVII вв. (О них см. Е. И. Каменцева, Записные книги крепостям дьяка Дмитрия Алябьева «Труды Историко-архивного института», т. II, М., 1946, стр. 79 и сл.).

Публикуемая запись из книг дьяка Алябьева — один из многочисленных актов массового закабаления свободных людей, происходившего в конце XVI — начале XVII вв.

Древнейшая служилая кабала в Северо-Восточной Руси, сохранившаяся вне записных книг, датирована 1584—1585 гг. И. Ф. Боровлев занял у В. В. Ржевского 5 рублей от Петрова дни «на год». «А за рост мне, Ивану, у государя своего, у Василия Васильевича, служити во дворе по вся дни... А полягут деньги по сроце и мне... за рост служити по тому же по вся дни» *АФЗ и Х, ч. II, № 378.*

В записные книги, по крайней мере, с конца XVI века вносились согласно предписанию правительства все крепости на несвободных людей, в том числе полные, докладные и служилые кабалы. Эти книги с мест посылались государевым казначеям, которые были подведомственны холопьи дела до конца XVI века.

Пощадные подьячие — древнерусские нотариусы. Институт площадных подьячих сложился на Руси около середины XVI века. Основным занятием площадных подьячих являлось составление различных актов и иногда ведение дел челобитчика. Название «площадные» произошло от площадей у приказов и воеводских канцелярий, где обычно находились «палатки» (конторы) этих подьячих

и проходила их работа. Хорошо известная по материалам XVI—XVII вв., например, организация подьячих, работавших в Москве «на площади у Ивана Великого» (у колокольни Ивана Великого), члены которой составляли акты, предназначенные к записи в Поместном приказе. Подробнее см. М. Ф. Злотников, Подьячие Ивановской площади, «Историческое обозрение», Пг., 1916, т. XXXI, стр. 81 и сл.; Н. П. Лихачев, Площадные подьячие XVI столетия («Сборник статей по русской истории», посвященных С. Ф. Платонову, Пб., 1922, стр. 139 и сл.).

1552—1553 гг. Деревенская кабала Моисея Нифантьева

Публикуемый документ, названный В. Г. Гейманом «деревенской кабалой», отражает распространение некоторых форм кабальной зависимости на широкие круги крестьянства Вологодского Прилуцкого монастыря (В. Г. Гейман, Несколько новых документов, касающихся истории сельского населения Московского государства XVI столетия, «Сборник российской публичной библиотеки, т. II, Пг., 1924). Источник именует себя «кабалой» или «кабальной головной», «половничьей», «головной сельской» и др.

Как установил Б. Панеях, перед нами — одна из разновидностей порядных грамот, для формуляра которой использованы элементы служилой кабалы («Проблемы источниковедения», сборник V, печатается). «Деревенские кабалы» сохранились только в архиве Прилуцкого монастыря. «Кабала» М. Нифантьева показывает, что путем денежной ссуды (займа) духовные феодалы упрочивали крепостническую зависимость крестьян своей вотчины. М. Нифантьев, очевидно, выплачивал долг длительное время, до самой смерти, передав погашение своей задолженности детям (ср. помету «умре»). Распространение долговых обязательств не только на должника, но и на его детей укрепляло власть феодала. В некоторых монастырях имелись специальные записи крестьянских долгов или «головного серебра» (см. «Долговая книга 1532 года Волоколамского монастыря», «Книга ключей» и «Долговая книга» Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века», под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина, Издательство Академии наук СССР, 1948).

А не стану жить... ино на нас по сей кабале 2 рубли — нарушение условия кабалы влекло за собой выплату неустойки в размере двойной ссуды.

На дитеныша — Нифантьев, очевидно, был пашенным детенышем Прилуцкого монастыря. Детеныши — особая категория феодально-зависимого крестьянства XVI века. Они обычно работали на монастырской пашне или во дворе, получая за свою работу денежную плату («оброк»).

Большинство из них работало на монастырь с детства (отсюда и название «детеныш») и жило на монастырском дворе.

«Оброк» платился обычно за годовую работу вперед и обеспечивался системой поруки.

Уплатил четыре гривны — то есть примерно 40 процентов долга.

1576 г. Порядная крестьян Важицкого монастыря

Крестьянская порядная — договор, оформлявший установление зависимости свободного человека от феодала. Порядные грамоты появляются с середины XVI века в связи с ростом обезземеливания и обеднения крестьянства. Крестьяне новопорядчики, получая от землевладельца «подмогу» или ссуду, рассчитывали справиться с хозяйственными трудностями, но попадали в тяжелую зависимость от феодала и с течением времени сливались с массой крепостных-старожильцев. В отличие от служилых холопов и основной массы половников новопорядчики по истечении льготного срока («на строенье») платили все «государевы подати». В обычный формуляр порядных входят указания на новопорядчика, наименование светского феодала или церковного учреждения, к кому он поряжался, срок поряда и условия выхода по его истечении, на подмогу и ссуду, подати и повинности новопорядчика как в пользу феодала, так и государства, временные льготы и санкции.

Публикуемый документ отображает конкретные формы крестьянского поряда в новгородских землях.

Васильевы крестьяне Басланова — новопорядчики в данном случае были из числа крестьян светского феодала В. Басланова.

За Николу чюдотворца — то есть в Вяжицкий монастырь.

На штину обжи — на одну шестую часть обжи. Обжа в XVI веке — новгородская окладная и поземельная единица, обычно равная 5 десятинам в поле.

Подмога — в данном случае безвозвратная ссуда на освоение крестьянами земель, на которые они поряжены.

Не ходити в дело — не исполнять натуральных повинностей, важнейшей из которых являлась барщина.

Как соху наставим — когда освоят данные им земли.

Ноября в 23 день — порядная составлена за три дня до Юрьева дня, когда крестьяне имели право перехода от одного феодала к другому.

1599 г. Порядная половника Устюжского уезда

Одной из разновидностей крестьянских порядных является порядная половничья. Этот вид договора близок к договору аренды недвижимого имущества (земли), плату за которую составляет часть урожая. Половники XVI века — это обедневшие, часто обезземеленные крестьяне, вынужденные наниматься на известный срок к землевладельцу на условиях издольной аренды. Половничество было особенно распространено в северных черносошных районах страны, где половники составляли основную рабочую силу в ряде церковно-монастырских хозяйств.

Половник Р. И. Бошарин нанимался работать со своим инвентарем и лошадьми на земле Устюжской соборной церкви на условиях отдачи половины урожая. Бошарин, как и другие половники, «государевых податей» не платил (их вносил сам хозяин «мимо», то есть помимо половника. — *А. З.*). В его порядной указывался срок действия договора («урочные годы») — 3 года и время прекращения зависимых отношений («выряд») — Юрьев день. Половники иногда брали подмогу деньгами и зерном (РИБ, т. XIV, стб. 877—878).

Семяна... ватаманские — ватаман в данном случае административное лицо, ведавшее хозяйственной деятельностью Устюжской соборной церкви.

Приполону — урожая.

Розметы — подати по общинной раскладке.

1591 г. Указная (уставная) грамота села Болашкова

Монастырские указные, или уставные, грамоты выдавались зависимому населению духовной корпорации и устанавливали размеры поборов и судебных пошлин, взимавшихся с крестьянства церковно-монастырской администрацией. Указные, или уставные, грамоты, следовательно, рисуют формы эксплуатации крепостного крестьянства и показывают систему господства и подчинения в феодальной деревне. Древнейшей из числа подобных документов является уставная грамота митрополита Киприана 1391 года (см. «Памятники русского права», вып. III, стр. 423).

От XVI века до нас дошло около десяти подобных документов, большинство которых относится к началу 90-х годов XVI века. Посол императора Рудольфа II в Россию (1598 г.) Шиль сообщал, что при Борисе Годунове «для всякого дворянина, владевшего крепостными людьми или крестьянами, сделано положение, сколько должны служить и что именно давать ему его подданные, и теперь каждая деревня или каждый крестьянский двор знает, как велики его повинности господам» (Чтения ОИДР, 1875, кн. 2, отд. IV, стр. 17). Попытки правительства Бориса Годунова регламентировать крестьянские повинности были средством предотвратить дальнейшее нарастание крестьянских волнений в конце XVI века. Вероятно, с этими попытками связаны и уставные монастырские грамоты 90-х годов XVI века, определявшие крестьянские подати и повинности.

Грамоты строго регламентировали крестьянские повинности и не могли обойти молчанием вопрос об ответственности низших представителей церковной администрации за нарушение установленных предписаний. Крестьянам возвращалось обратно взятое у них сверх установленного, а виновный карался согласно правилам церковной юрисдикции.

При старце при Мисаиле Безнине — Михаил (в монашестве Мисаил) Андреевич Безнин — видный политический деятель, происходил из дворянской семьи Олферьевых-Нащекиных. В 1550 году он упомянут среди тысячников III статьи. В начале 80-годов XVI века входил в состав Ближней думы царя Федора. В 1584 году принимал участие в подавлении Московского восстания. К 1590 году

он постригся в монахи и возглавил всю хозяйственную деятельность монастыря. Безнин провел здесь ряд важных хозяйственных реформ. Так, в январе 1595 года он практиковал принудительную раздачу денег крестьянам «на животинный приплод» (на разведение скота) с последующим возвратом денежных ссуд зерном. В 1589—1590 гг. он перевел оброчные деревни на барщину. Деятельность Безнина привела к резкому усилению феодального гнета и вызвала в 1594—1595 гг. волнение крестьян в вотчинах Волоколамского монастыря. В конце 1595 года М. Безнин вследствие недовольства со стороны монастырских властей покинул Волоколамский монастырь.

З соборными старцами — с руководством монастыря. В состав его входили прежде всего постриженики из представителей господствующего класса феодалов (Е. Нащекин, Г. Чеглоков, Т. Ржевский, Н. Морин и др.).

Села Болашкова. Болашково — крупная вотчина Волоколамского монастыря в Городском стане Тверского уезда. Дано было в монастырь в 1515—1516 гг. вдовою известного деятеля времен Василия III — Василия Андреевича Челяднина.

Прикащику — приказчик ведал судебно-административной деятельностью в селе.

З дыму — то есть с хозяйства.

Ключникова — ключник был хозяйственно-распорядительным агентом монастыря в селе.

Празднишные пошлины — размер праздничных пошлин в Болашкове был неизменным с середины XVI века. Так, в 1550 году приказчик, которому в это время шла и ключникова пошлина, получал по 4 деньги в каждый из трех праздников и «попрос», всего 40 алтын («Книга ключей», стр. 29). В 1544 году он получал «указ» — 40 алтын из расчета по 2 алтына с выти. В этот «указ» входили «суд», довод, явка и раздвинское (там же, стр. 16).

С выти — выть — окладная единица. Обычно во второй половине XVI века равнялась 12—16 четвертям в поле.

По осмине — осмина, единица сыпучих тел, равная, примерно, трем пудам ржи.

Протаможье — в данном случае штраф за продажу лошадей без уплаты торговых пошлин.

Поугольного — пошлина за продажу строений.

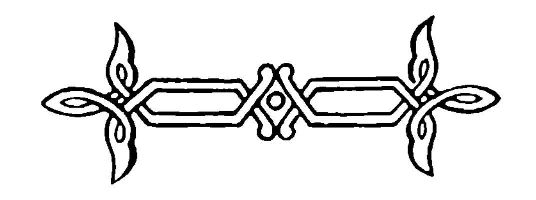
Роздвинского — пошлина за свадьбу.

За боран — пошлина за межевые дела.

Сплетки — тяжба.

Посельского — судебно-административное лицо из состава монастырской братии, выполнявшее функции контроля над деятельностью приказчиков и ключников; назначался посельский для группы сел (в так называемый «приказ»).

Дару — приношения посельскому.



РУКОВОДЯЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1950.

2. К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. IV.

3. Ф. Энгельс, Маркс, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV.

4. Ф. Энгельс, О разложении феодализма и возникновении национальных государств, в кн. «Крестьянская война в Германии», М., 1952.

5. В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3.

6. В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов, Соч., т. 1.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. Акты исторические, т. 1, СПб., 1841.

2. Акты, собранные в библиотеках и архивах империи Археографическою экспедициею, т. 1, СПб., 1836.

3. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., подготовил к печати Л. В. Черепнин, ч. 1, М., 1951; ч. II, М., 1956 г.

4. Акты юридические, М., 1838.

5. Акты, относящиеся до юридического быта древней Руси, СПб., 1857—87, т. I—III.

6. Архив П. М. Строева, т. I, РИБ, XXXII, Птр., 1915.

7. М. А. Дьяконов, Акты, относящиеся к истории тяглового населения, вып. I—II, Юрьев, 1897.

8. Записная книга крепостным актам XV—XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву, РИБ, т. XVI, СПб., 1898.

9. Н. П. Лихачев, Сборник актов, вып. I—II, СПб., 1895.

10. Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов, М.—Л., Издательство Академии наук СССР, 1938.

11. Д. Я. Самоквасов, Архивный материал, т. I—II, М., 1905—1909.

12. Сборник грамот Коллегии экономии, т. I—II, Птр., 1922; Л., 1929.

13. С. А. Шумаков, Обзор грамот коллегии экономии, вып. I—IV, М., 1898—1917.

14. А. И. Юшков, Акты XIII—XVII вв., представленные в разряд, М., 1898.

7 Зак. 982. Памятники русского права, вып. IV

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. И. Д. Беляев, Лекции по истории русского законодательства, М., 1879.

2. Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси, ч. II, Издательство Академии наук СССР, 1954.

3. С. В. Веселовский, Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв., т. I, Издательство Академии наук СССР, 1947.

4. М. А. Дьяконов, Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII вв., СПб., 1901.

5. А. И. Копанев, История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., Издательство Академии наук СССР, 1951.

6. В. Панков, Льготное землевладение в Московском государстве до конца XVI века и его политическое и экономическое значение, СПб., 1911.

7. А. Пресняков, Вотчинный режим и крестьянская крепость, ЛЗАК, вып. 34, Л., 1927.

8. С. В. Рождественский, Служилое землевладение в Московском государстве XVI в., СПб., 1897.

9. Н. А. Рожков, Сельское хозяйство в Московской Руси XVI в., М., 1899.

10. Очерки истории СССР. Период феодализма (конец XV — начало XVII вв., под ред. А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина и А. А. Зимина, Издательство Академии наук СССР, 1955.

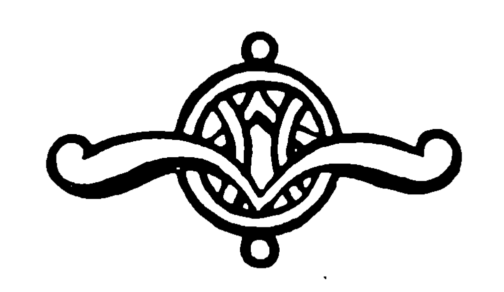
11. Л. В. Черепнин, Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.), «Вопросы истории» 1953 г. № 4.

12. П. П. Смирнов, Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. I, М.—Л., 1947.

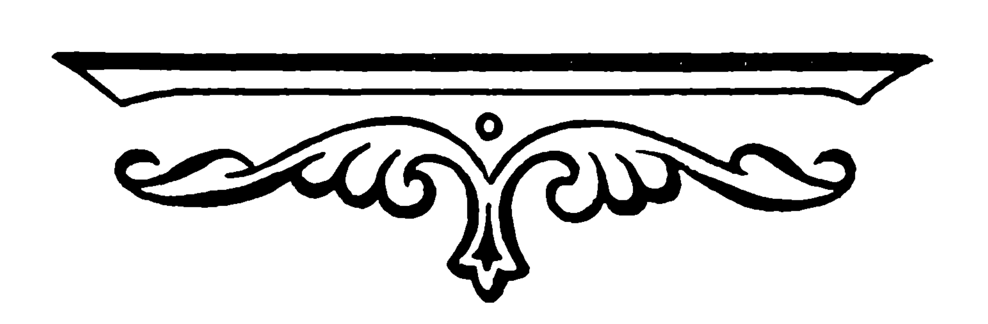
13. М. Н. Тихомиров, Монастырь-вотчинник в XVI в., Исторические записки, кн. 3, Издательство Академии наук СССР, 1939.

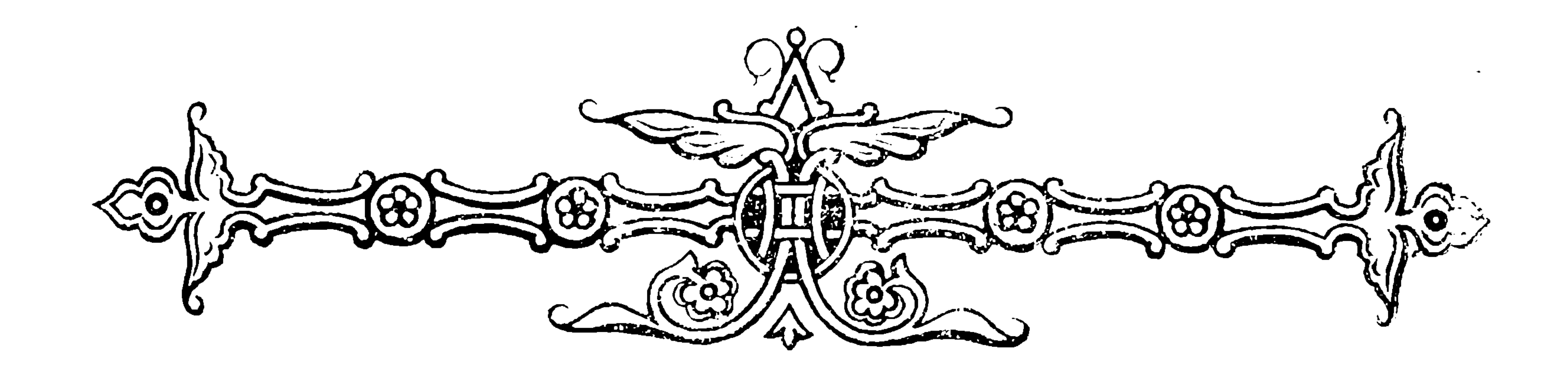
14. А. И. Копанев, Куроостровская область во второй половине XVI века, Сборник «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», Издательство Академии наук СССР, 1951.

15. С. А. Шумаков, Грамоты и записи в книге «Обзор грамот Коллегии экономии», вып. IV, М., 1917.



ЖАЛОВАННЫЕ
И
УКАЗНЫЕ ГРАМОТЫ





ВВЕДЕНИЕ

Жалованные и указные грамоты XVI века имеют большое значение для изучения русского права в период укрепления централизованного государства на Руси. Они характеризуют развитие правовых норм, оформлявших такие важнейшие институты феодализма, как феодальная собственность на землю, податной и судебный иммунитет, феодальные привилегии в отношении беспошлинной торговли и др.

Жалованные грамоты выдавались не только феодалам, но и в гораздо меньшем количестве отдельным группам торгово-ремесленного населения, основателям слобод, купцам и т. п. Грамоты, получаемые этими лицами или группами лиц, санкционировали их корпоративные привилегии, которые нельзя смешивать с феодальным иммунитетом, являвшимся прежде всего формой экономической и внеэкономической власти феодала в пределах его владения. Природу средневековых корпоративных привилегий объяснил Энгельс, указав, что привилегии служили средством оформления постепенно вызревавшей в недрах феодализма буржуазной собственности. Буржуазная собственность средних веков еще не развилась в чистую частную собственность: она «была еще сильно связана феодальными ограничениями, состояла ... главным образом, из привилегий» (см. Ф. Энгельс, О разложении феодализма и возникновении национальных государств, Крестьянская война в Германии, М., 1952, стр. 159). Иной характер приобретали эти привилегии в случае превращения, например, основателя слободы в феодала-землевладельца, иммунитет которого устанавливался на основе феодального права земельной

собственности. Показательна в этом отношении история возвышения солепромышленников Строгановых.

В XVI веке центральная власть настолько окрепла, что сумела ограничить иммунитет светских феодалов в общем порядке, прекратив практику выдачи им жалованных грамот. Но монастыри и церковь, служившие, по словам Маркса, «религиозной твердыней традиционных отношений собственности», дали могущественный отпор попыткам правительства сузить сферу церковно-монастырского землевладения и иммунитета. Правительство вынуждено было считаться с сопротивлением духовных феодалов. В связи с этим важная роль отводилась жалованным грамотам, которые, являясь внешне документами, предоставляющими новые права, на самом деле обычно сокращали прежние привилегии крупных землевладельцев. В целях ограничения иммунитета монашеских корпораций правительство не столько применяло общие меры, вызывавшие подчас острое недовольство духовенства, сколько использовало старый и испытанный способ борьбы за уменьшение числа и объема иммунитетных прав — выдачу жалованных грамот. Значение последних как средства частичной ликвидации церковно-монастырских привилегий в XVI веке усилилось. Поэтому выдача их по сравнению с XIV—XV вв. заметно участилась (до нас дошло свыше 1000 указных и жалованных грамот XVI века).

В XVI веке расширились функции указных грамот. Если в XV веке указные грамоты содержали распоряжения почти исключительно по вопросам перераспределения между феодалами земельных фондов и рабочих рук, оставляя фиксацию иммунитета на долю жалованных грамот, то в XVI веке обычным правилом стало разрешение всех дел и споров, связанных с иммунитетом, не только в жалованных, но и в указных грамотах.

Для жалованных грамот XVI века приемлема классификация одноименных актов XIV—XV вв., изложенная в III выпуске «Памятников русского права». В XVI веке, как и в предшествующий период, жалованные и указные грамоты выдавались великими и временно правившими в некоторых уездах удельными князьями, а также митрополитом (впоследствии патриархом), архиепископами.

Закрепляя иммунитет в урезанном виде жалованные грамоты способствовали изживанию остатков феодальной раздробленности в стране. В жалованных грамотах отразился процесс роста поместного землевладения. В XVI веке не имела места выдача жалованных грамот светским феодалам на слободы и городские дворы, что в значительной мере облегчало развитие посадов. Монастыри получали жалованные данные грамоты на села, деревни и городские владения в довольно редких случаях. Заметное увеличение монастырских вотчин за счет правительственных пожалований наблюдалось лишь в период боярской реакции 40-х годов XVI века.

Уже в начале XVI века (около 1506 года) прекратилось предоставление тарханных, а с середины столетия — и несудимых грамот светским феодалам, что связано с общим закреплением их иммунитетных прав в суженном объеме. Большим ограничениям подвергся в первой трети XVI века также иммунитет духовных вотчинников. После кратковременного расцвета монастырских привилегий в 40-х годах XVI века податные и судебные права духовных корпораций были снова существенно урезаны в 50-х годах, когда у власти стояло правительство А. Адашева. Нарастание иммунитетных привилегий монастырей в годы опричнины определялось, с одной стороны, необходимостью для правительства союза с монашеством в борьбе за искоренение боярского сепаратизма и решительный подрыв экономической мощи боярства путем конфискации боярских вотчин. С другой стороны, немалое влияние оказала на это (особенно в 70-х годах XVI века) хозяйственная разруха в Русском государстве. Меры по ограничению монастырского иммунитета, предпринятые в начале 80-х годов (в том числе отмена тарханов в 1584 году), оказались недостаточно эффективными во время пребывания у власти боярской группировки, управлявшей страной в первые годы царствования Федора Ивановича. Они стали более энергично проводиться в жизнь уже в период правления и царствования Бориса Годунова.

Лишение феодалов части их иммунитетных прав привело к усилению эксплуатации непосредственных производителей, так как наряду с возросшими запросами землевладельцев крестьяне должны были теперь удовлетворять

разнообразные требования правительства, состоявшие в принуждении платить налоги и исполнять натуральные повинности. Вместе с тем ограничение иммунитета укрепляло централизованное государство, создавая этим политические предпосылки для дальнейшего экономического развития страны.

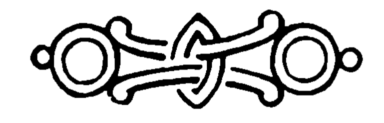
Централизованное государство выполняло задачу не ликвидации иммунитета, а сокращения объема иммунитетных привилегий. Получение феодалами земельной ренты было объективным экономическим законом феодализма. В условиях феодального способа производства феодалы не могли лишиться и судебно-административной власти в отношении крестьян, так как в силу структуры феодальной земельной собственности феодалам без этой власти не обеспечивалось доставление ренты. Только тогда, когда возникло полное несоответствие феодальных производственных отношений характеру производительных сил и на этой почве классовая борьба крестьянства приобрела характер борьбы за свержение феодального строя, ликвидация иммунитета встала на очередь дня.

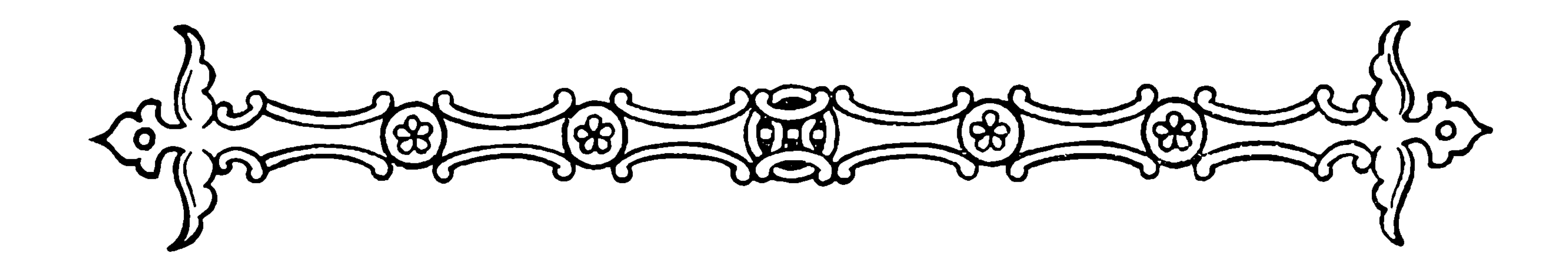
В первой половине XVI века жалованные и указные грамоты выдавались обычно либо дворецкими, либо казначеями при участии великокняжеских дьяков. Когда в 50 годах XVI века возникло новое финансовое учреждение — Большой Приход, функция составления жалованных грамот в значительной мере перешла к дьякам Большого Прихода, хотя жалованные и указные грамоты на некоторые уезды выдавались в территориальных (то есть ведавших определенной территорией) дворцах. После отмены наместничества в 1555 году стали возникать чети, превратившиеся к концу XVI века в территориальные приказы. В их компетенцию входила выдача жалованных и указных грамот.

Жалованные грамоты великокняжеского (царского) правительства скреплялись вислой государственной печатью на красном воске (до XVI века — на темнокоричневом или желтом). Указные грамоты запечатывались небольшими темновосковыми печатями, прикреплявшимися непосредственно к бумаге (без шнура).

Жалованные грамоты удельных князей, выданные в удельных центрах, также запечатаны печатями на «черном» (редко желтом) воске.

Жалованные и указные грамоты в настоящем выпуске расположены в таком же порядке, как и в III выпуске «Памятников русского права»: на первом месте помещены акты, отражающие приобретение феодалами прав на земельные владения (четыре документа), затем следует грамота, характеризующая борьбу феодалов за рабочие руки, после чего публикуются грамоты, заключающие в себе иммунитетные и другие привилегии (расположены они по разновидностям).





1523 г. апреля

ЖАЛОВАННАЯ ДАННАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ III ТИХМЕНЕВЫМ НА ЗЕМЛИ В КОСТРОМСКОМ И ЯРОСЛАВСКОМ УЕЗДАХ

Се яз, князь великий Василий Иванович всея Русии, пожаловал есми Ивана и Юрья Андреевых детей Тихменевых за службу их и службу их отца за литовскую в Костромском уезде село Кунетино на реке Васе, пустошь Душкино, деревня Малое Тремишино, пустошь Лыково Дубовое, пустошь Волково, в Ярославском уезде деревня Сверлово, деревня Ловцово, деревня Григорково, деревня Тимохино, пустошь Старо-Гришкино, пустошь Воробьево.

И кто у них в том селе и в деревнях и в пустошах и в дворех учнет жити людей, нашы князи, и боаре, и воеводы [1] ратные, и всякия ездоки в том их селе и в деревнях и в пустошах ставятся, кормов и подвод и проводников у них емлют.

И яз, князь великий, пожаловал их, Ивана и Юрья Тихменевых, за службу их за литовскую и службу их отца, пожаловал в Костромском уезде и в Ярославском уезде село и деревни и пустоши.

Писана на Москве лета 7000 тридесят перваго, апреля.

На обороте: Князь великий Василей Иванович всеа Русии.

ГКЭ, Ярославль, № 7/14755. Подлинник.
Печать у грамоты красная

---

[1] *В тексте* воеводы и.

1544 г. марта 23

УКАЗНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА IV ПРИКАЗЧИКУ СЕЛ КН. А. ШУЙСКОГО МЕДВЕДЮ КЛЕМЕНТЬЕВУ ОБ ОТДАЧЕ СПАСО-ЕВФИМЬЕВУ МОНАСТЫРЮ СЕЛА ПЕТРОВСКОГО В СУЗДАЛЬСКОМ УЕЗДЕ

От великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Суздальской уезд княж Ондреевских сел Шуйского приказщику Медведю Клементьеву. Что приказано тебе[1] ведати на меня, на великого князя, в Суздалском уезде в Масловском конце княж Ондреевская вотчина Шуйского село Петровское з деревнями и с починки и зс хлебом с стоячим и паханья, что купил княж Ондрей Шуйской у Спаского Ефимьева монастыря у архимандрита у Ермона з братьею, а купчую на них взял князь Ондрей на то село з деревнями и с починки и з хлебом с стоячим в девятисот рублех. И мне ныне архимандрит Герман з братьею бил челом, чтоб нам на тое их вотчину то село з деревнями и с починки велел отдати им назад, а денги велети взяти на себя в казну шестьсот рублев, а триста рублев оставити.

И яз, князь велики, пожаловал спаского архимандрита Ермана з братьею тем селом Петровским з деревнями и с починки: пожаловал велел отдати ему назад по старине и с хлебом с стоячим, что их паханья, а денги есми велел взяти на себя шестьсот рублев.

И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б того село Петровское з деревнями и с починки отдал Спаскому архимандриту Ерману з братьею по сей нашей грамоте.

Писана на Москве лета 7052-го марта в 23 день.

На подлинной грамоте на обороте подписано: Князь великий всеа Русии.

Да у той же грамоты восковая печать приложена.

ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьева монастыря, д. № 1, л. 304—304 об. Копия XVIII века

---

[1] *В тексте* себе.

1581 г. сентября 16

ЖАЛОВАННАЯ ПОДТВЕРДИТЕЛЬНАЯ ГРАМОТА ИВАНА IV АРХИМАНДРИТУ ДАНИЛОВА МОНАСТЫРЯ СЕРГИЮ НА ВЛАДЕНИЕ 5-Ю СЛОБОДКАМИ В Г. ПЕРЕСЛАВЛЕ-ЗАЛЕССКОМ

Се яз, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, пожаловал есми богомольца своего Данилова монастыря архимандрита Сергия з братьею, или хто по нем в том монастыре иной архимандрит будет. Что били челом на них переславцы посадские люди: поставлено Данилова монастыря в слободке на нашей, де, посадцкой земле на черных местах. А по памяти диака Ондрея Шерефединова, по сыску Савина Плещеева да Федора Отяева, тех монастырских слободок поставлено: слободка Всесвяцкая, что по конец Семеновские улицы, — едучи к Никите-чюдотворцу, а поставлена на поповъском месте да посадцких людей на дворех на Федкове да на Федоткове и на иных; да внутри города поставлена слободка на Суконниче на черном месте против трубы; да внутри ж города слободка Рождественская, что на монастырском на осадном месте; да внутри ж города слободка поставлена на черных на тяглых местех на Константиновском Изъединова, да на Федорове Пестрикова, да на попове месте богородицково; да слободка под Даниловым монастырем на дворовом черном месте Артема сапожника и иных посадцких людей; да слободка Луговая, что поставили ее Данилова монастыря прежние архимандриты на посадцком пазбище.

И яз, царь и великий князь Иван Васильевич все[а] Русии, пожаловал Данилова монастыря архимандрита Сергия з братьею в Переславле слободками внутри города: слободкою на Суконниче, что поставлено на черном месте против трубы; да внутри же города слободкою Рождественскою, что поставлена Данилова монастыря на осадном месте; да внутри же города слободкою, что поставлена на Константиновском месте Изъединова, да на Федорове Пестрикова, да на попове месте богородицкаго; да слободкою под Даниловым монастырем, что поставлена на посадцком

на черном на тяглом месте на Ортемове месте Сапожникова и иных посацких людей; да слободкою Луговою, что поставлена на посацком пазбище, з дворы и со крестьяны, которые в тех слободках жили, в дом живоначальныя Троицы и преподобного игумена Данила. И жаловальная наша грамота на те слободки архимандриту Сергию з братьею преж сево дана. Архимандриту Сергию з братьею владети теми слободками по прежней нашей жаловальной грамоте.

А слободку Всесвяцкую, что по конец Семеновские улицы, по сыску Савина Плещеева да Федора Отяева, велели есмя у архимандрита Сергия з братьею взяти на себя и приписати к Переславлю к посаду и подати всякие велели с тое Всесвяцкие слободки платити с посацкими людми ровно. А архимандриту Сергию з братьею в той слободке у посацких людей впредь вступатца не велели.

Дана грамота в Старице лета 7090 сентября в 16 день.

У подлинной великого государя грамоты позади написано было: Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии.

Лета 7155-го июня в 2 день божиею милостию мы, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец, сее жаловалные грамоты слушал, а выслушав, пожаловал ис Переславля Залеского Данилова монастыря архимандрита Корнилия з братьею, или хто по нем впредь иныя архимандриты и братья в том монастыре будут, велел им сее жаловалную грамоту подписать на свое государево, царево и великого князя Алексея Михайловича всеа Росии имя и сее у них грамоты рудити не велел никому ничем, а велел ходить во всем по тому, как в сей жаловалной грамоте писано.

А подписал государев царев и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии диак Иван Федоров.

Лета 7185 августа в 7 день великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевичь всеа Великия, и Малыя и Белыя Росии самодержец, сее жалованные грамоты слушав, указал подписать на свое, великого государя, царя и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и

Малыя и Белыя Росии самодержца, имя и чинить о всем, как в сей жалованной грамоте написано.

Диак Филип Артемьев.

Писана грамота в лист, печать красная, вислая.

В. Г. Добронравов, История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле-Залесском, Сергиев Посад, 1908, Приложение, стр. 35—36

1551 г. июля 29

ЖАЛОВАННАЯ ОБРОЧНАЯ И ЛЬГОТНАЯ ГРАМОТА ИВАНА IV ТИТУ МАРТЬЯНОВУ НА ОСТРОВ ШАБУРОВ И ЧЕРНОЕ ОЗЕРО В ВЯТСКОМ УЕЗДЕ

Се яз, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, пожаловал есми вятчанина Тита Мартьянова. Бил мне челом в ево место брат его Каша Мартьянов, о том, что, дал в Вятуком уезде остров Шабуров с Черным озером, меж Вяткою и Моломою, вниз Вяткою на усть Моломы, с верхнево конца по Рычаг да по Павлову просто на пять верст: а тот, дал, остров и озеро дичь, на оброце не бывал ни за кем, и ныне на оброк и во льготу и в поместье не отдан никому, и к волости не приписан ни х которой. И мне б Тита Мартьянова пожаловати: за его службу что он служит нашу казанскую службу с нашими воеводами зиме и лете по вся годы, дати ему тот остров и с Черным озером на лготу, и с ыстоки, и со всеми угодьи, которые на том острову.

И ож будет тот остров и озеро, и с ыстоком, и со всеми угодьи дичь, и на оброце не бывал ни за кем, и ныне на оброк, и на льготу, и в поместье не отдано никому, и к волости не приписано ни х которой, и яз, царь и великий князь, Тита Мартьянова пожаловал: дал есми ему тот остров Шабуров на два году на льготу — тем ему островом и озером и всеми угодьи, что на том острову, владети. А как отойдет льготе урошные лета, и Титу Мартьянову с того острова после лготы давати оброку з году на год по две гривны. А дати ему тот оброк впервые на Москве моим, царя и великого князя, дияком Юрью Сидорову да

Кожуху Григорьеву сыну Кроткого, или хто по них иные дияки будут, на Рожество Христово лета 7000 шестьдесят перваго.

А дана грамота на Москве лета 7059-го июля в 29 день.

На обороте: Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии.

ГКЭ, Котельнич, № 2/5964. Подлинник.

1555 г. сентября 5

УКАЗНАЯ ГРАМОТА ИВАНА IV НОВГОРОДСКИМ ДЬЯКАМ ФЕДОРУ СЫРКОВУ И КАЗАРИНУ ДУБРОВСКОМУ О СОДЕЙСТВИИ ВЫБОРНЫМ ГОЛОВАМ ПУСТОРЖЕВСКИХ ЧЕРНЫХ ДЕРЕВЕНЬ В ВЫВОЗЕ КРЕСТЬЯН У ДЕТЕЙ БОЯРСКИХ В УКАЗНЫЕ СРОКИ

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в нашу отчину в Великий Новгород дьяком нашим Федору Сыркову да Казарину Дубровскому. Били нам челом изо Ржевы из Пустые из черных станов выборные головы Чюнейко Левонтьев, да Манко Васильев, да Протаско Федоров, да Бориско Яковлев, да Офонаско Князев, и во всех крестьян место обеих половин Ржевы Пустые. А сказывают, что, деи, дети боярские ржевские, и псковские, и лутцкие, и из иных присудов вывозят за собя во хрестьяне жити наших крестьян из ржевских из черных деревень не по сроку, по вся дни безпошлинно; а как, деи, изо ржевских из наших деревень приедут к ним отказщики с отказом, в срок, хрестьян из-за них отказывати в наши в черные во ржевские деревни, которые крестьяне похотят итти жити в те в наши в черные деревни, и те, деи, дети боярские тех отказщиков бьют и в железа куют, а хрестьян, деи, из-за себя не выпущают, да, поимав, деи, их мучат, и грабят, и в железа куют, и пожилое, деи, на них емлют не по Судебнику: рублев по пяти и по десяти; и отказати, де, им хрестьянина из-за тех детей боярских немочно.

И на которых детей боярских и на земцов, и на ржевич, и на пскович, и на лучан учнут вам выборные головы Чюнейко Левонтьев с товарищи бити челом, что у них крестьян из-за собя в наши во ржевские в чорные деревни

жити, за их отказом, в срок не выпущают, и вы б им дали подьячего, или кого пригоже, а велели б естя ему с теми выборными головами с Чюнейком с Левонтьевым с товарищи из-за тех детей боярских и из-за земцов крестьян в наши в черные во ржевские деревни по сроку отказывати. А выход бы есте велели им тем крестьяном платити по нашему указу.

Писан на Москве лета 7064 сентября в 5 день.

ДАИ, т. I, № 56

1539 г. сентября 21

ЖАЛОВАННАЯ ТАРХАННО-НЕСУДИМАЯ, ДВУСРОЧНАЯ, ЗАПОВЕДНАЯ И ПРОЕЗЖАЯ ГРАМОТА ИВАНА IV ИГУМЕНУ ИОСИФО-ВОЛОКОЛАМСКОГО МОНАСТЫРЯ НИФОНТУ НА СЕЛО ФАУСТОВУ ГОРУ ЗУБЦОВСКОГО УЕЗДА

Се[1] яз, князь великий Иван Васильевич всеа Русии, пожаловал есми Иосифова монастыря игумена Нифонта з братьею, или хто по нем иный игумен будет, что у них в Зубцовском уезде село Фаустова Гора з деревнями.

И хто у них в том селе и в деревнях учнет жити хрестьян, и тем монастырским хрестьяном не надобе моя, великого князя, дань, ни оброк, ни ямские деньги, ни подводы, ни посошноя служба, ни городовое дело, ни мыт, ни томга; ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят; и к сотцким и десятцким с тяглыми людьми не тянут ни во что, ни в которые проторы; ни иные им никоторые пошлины не надобет, ни розвинского, ни поворотного, ни посошного корму, ни городчиковых пошлин не дают.

А коли пошлю свои, великого князя, грамоты по городом приказщиком на грамотчики, а велю им сохами своими[2] великого князя селы, что за бояры и за детьми за боярскими и за служилыми людьми в поместье, и митрополичими, и владычними, и вотчинами, и куплями, и монастырскими, и черными, и всеми без отмены, чей хто ни буди, свое, великого князя, дело делать, город делать, и пруды

[1] *Перед текстом заголовок* Список з грамоты великого князя.

[2] *В тексте слово* своими *повторено дважды.*

делати, и свои, великого князя, дворы ставить, или хлеб молотить и вести в которой город, — и наши городовые приказщики, или хто поедет моего дела делати сохами, теми их монастырскими хрестьяны моего, великого князя, дела делати никоторого не нарежают и к сохам не прикладывают ни х которым делом.

А на сю мою грамоту жаловальную моей, великого князя, грамоты дертной никоторой нет.

А наместницы наши зубцовские и их тиуни кормов своих у монастырских хрестьян не емлют, и не всылают к ним ни по что, и не судят их ни в чем, опричь душегубства одного. А праветчики и довотчики поборов своих на них не берут и не въезжают к ним ни по что. А ведоет и судит тех своих хрестьян игумен Нифонт з братьею сам во всем, и в татьбе с поличным, или кому прикажут. А случитца суд сместной тем их людем з городцкими людьми или становыми или с волостными, и наши наместницы зубцовские и их тиуни тех их людей судят, а игумен Нифонт з братьею, или их приказщик, с ними ж судит. А прав ли будет монастырской человек или виноват, и он в правде и в вине игумену Нифонту з братьею или их приказщику, а наши наместницы зубцовские и их тиуни ни в правого, ни в виноватого в их человека не вступаютца [1]. А прав ли, виноват ли будет городцкой человек или волостной, и он в правде и в вине наместником зубцовским и их тиуном, а игумен Нифонт з братьею, или их приказщик, у них в их человека не вступаютца ни в правого, ни в виноватого. А истцово доправят на виноватом.

А кому будет чего искати на монастырском приказщике, ино их сужу яз, князь великий, или мой дворетцкой Углетцкого дворца.

А пятно игумен з братьею в том селе и в деревнях держит свое.

А учинитца у них в селе и в деревнях душегубство, а не будет душегубца, и наместницы возьмут на всем стану и на их хрестьянех веры за голову четыре рубли, а боле того не имати ничего. А хто у них з древа убьетца, или в воде утонет, или згорит, или кого возом сотрет, или хто от своих рук утеряетца, и оне того явят наместником, а монастырским людем и хрестьяном в том продажи нет.

[1] *В тексте* не вступатца.

А наши князи и воеводы ратные, и дети боярские, и ловчие, и псари, и всякие ездоки в том их селе и в деревнях у их хрестьян не ставятца, ни кормов, ни подвод, ни проводников у них сильно не емлют.

А коли повезут те хрестьяне монастырские дрова, и бревна, и всякой лес из Олешни рекою Возузою мимо Хлепень, и наместницы хлепеньские и их тиуни с тех хрестьян с монастырских и с лесу мыта и всякой пошлины не емлют.

А которого своего зубцовского наместника пожалую, дам ему на грамотчики свою грамоту, а на сю мою грамоту грамоты нет.

А коли явят сю грамоту наместником зубцовским и их тиуном, и они с нее явки не дают ничего.

А хто ся ослушает сее моей грамоты, и тому от меня, от великого князя, быти в казни.

Такъже есми пожаловал игумена Нифонта з братьею. Кому будет до их хрестьян до монастырских каково дело, и в том по них ездит наш даной пристав да на поруки их дает и сроки на них наметывает. А чинит им два срока в году: зиме Крещенье Христово, а лете — Петров день. А опроче тех их дву сроков наш даной пристав на поруки их не дает и сроков на них не наметывает. А хто на них накинет срок не на те их сроки, и яз им к тем сроком ездити не велел. А хотя хто на них безсудную возьмет не по тем их сроком, и та безсудная не в безсудную.

Дана грамота лета 7048-го сентября в 21 день.

ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 330, оп. 1. Список XVI века

1546 г. июня 24

ЖАЛОВАННАЯ ДАННАЯ, ТАРХАННО-НЕСУДИМАЯ И ЗАПОВЕДНАЯ ГРАМОТА ИВАНА IV ИГУМЕНУ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ ИОНЕ НА ДВОР В Г. КОЛОМНЕ

Се яз, князь великий Иван Васильевич всеа Русии, пожаловал есми Троецкого Сергиева манастыря игумена Иону з братьею, или хто по нем иный игумен у Троицы

будет. Что мне били челом, а сказывают, что, де, приежжают их слуги и крестьяня манастырские на Коломну за манастырскими делы, а в городе, деи, у них на Коломне двора манастырского нету и ставити[сь] им негде. И мне бы Троецкого Сергиева манастыря игумена Иону з братьею пожаловати: дати им на Коломне в городе место, где им хоромы поставити, а податей бы своих на них всяких с того двора имати не велети.

И яз, князь великий Иван Васильевич всеа Русии, пожаловал Троецкого Сергиева манастыря игумена Иону з братьею, или хто по нем иный игумен будет: дал им на Коломне в городе двор у Пречистые у соборные церкви в Михайловской слободе Вамиревъской Григорьевъской двор Ворожихина и детей его Игнатия з братьею место. А за хоромы им и за городбу тем людем денги заплатити, чьи хоромы на том дворе стоят, и им с того двора хоромы здати.

И вперед им с того двора не надобе моя, великого князя, дань, ни ямские денги, ни оброк, ни посошная служба, ни наместничь, ни ти[ун] корм, ни ключнича пошлина, ни иная никоторая подать и пошлина. И с Михай[лов]скою слободою и с сотцкими, з десятцкими и с черными людьми с тяглыми не тянут ни с кем ни в какие подати, ни в розметы, оприч городового дела.

Также есми пожаловал Троецкого Сергиева манастыря игумена Иону з братьею, или хто по нем иный игумен будет. Наши воеводы, и князи, и дети боярские ратные у них на том дворе не ставятся, и у них не емлют ничего, и их не судят ни в чем. И гонцы наши подвод и проводников у них и у их крестьян не емлют.

И хто у них в том дворе учнет жити людей, и наместницы наши коломенские, и их тиуни, и наши тиу[ни], и приказщики, и ключники тех их людей не судят ни в чем, оприч душегубъства и розбоя с поличным. А сужю тех манастырских людей и их людей яз сам, князь великий, или мой дворецкой Большего Дворца. А случится суд смесной тем их людем з городскими людьми или с волостными, и наместницы наши коломенские, и волостели, и их тиуни, и наши тиуни, и приказщики их судят, а манастырской приказщик с ними ж судит; а прав или виноват манастырской, и он в правде и в вине игумену з братьею или их приказщику.

Писан на Коломне лета 7054-го июня [в] 24 день.

На обороте: Князь великий Иван Василь[е]вичь всеа Русии.

[Лета] 7059-го[1] ма[и]а в 17 [день] царь и [Велики князь Иван] В[асильевич всеа Русии] сеи грамоты [слушал и], выслушав сю грамоту, живоначальные Троицы [Сергиева мана]стыря богомольца с[воего] и[г]умена Артемия з братьею, или хто по нем иный игумен будет, пожаловал: велел им сю грамоту подписати [на] свое, царево и великого князя, имя и сей у них грамоты рушати не велел, оприч ямских денег, и посошные службы, и тамги: то их дворнику давати. А хто у них в том их дворе оприч одного человека дворника учнет жити, и тем людем всякие подати давати с черными людьми ровно, а наместницы коломенские и их тиуни судят и[х], к[а]к [ины]х [че]р[ны]х [поса]дцких людей.

А [подпи]сал царя и великого князя диак Юрьи Сидоров.

Помета на лицевой стороне в левом нижнем углу: А будет один двор, а не слобода, — подписати.

ГБЛ, Акты Беляева, № 1/76. Подлинник.
Печать у грамоты красная.

1548 г. марта 20.

ЖАЛОВАННАЯ ЛЬГОТНАЯ ГРАМОТА ИВАНА IV ПУТНОМУ КЛЮЧНИКУ ДУРОВУ НА СЕЛА И ДЕРЕВНИ В ДМИТРОВСКОМ, ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКОМ И МОСКОВСКОМ УЕЗДАХ

Се яз, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, пожаловал есми клюшника своего путного Василья Иванова сына Дурова. Бил ми челом, а сказывает, что его вотчина в Дмитровском уезде, в Инобожеском стану селцо Кузминское, да в Каменском стану деревня Серино, да деревня Тимошкина, да деревня Тчанниково, да в Переславском уезде, в Обоскотонском деревня Старое, деревня Сколепово, пустошь Иняково, да в Московском уезде, в

[1] *Текст подтверждения до слова* Артемия *различается с большим трудом. Испорченный текст восстанавливается с привлечением списков XVII в. (ГБЛ, Тр. кн. 527, 528, № 293).*

Запороховском стану мое царя и великого князя жалованье, а его поместье, деревня Еремеево, да в Дмитровском уезде, в Гулневском приселке деревня Колосово, деревня Бандиново с деревнями и с пустошми, — и то, де, его селцо Кузминское сгорело, а иные, де, его деревни запустели от моих, царя и великого князя, податей и от проезжих людей и от ратных. И мне б его пожаловати: дати ему на то его селцо и на деревни и на пустоши лготы.

И яз, царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии, путного своего клюшника Василья Дурова пожаловал: дал есми ему ту его вотчину и на поместье на селцо Кузминское с деревнями лготы на четыре годы ото всех своих пошлин — от лета 7056 до лета 7060. И кто у него в том селе и в деревнях и в пустошах учнет жити людей и крестьян, и тем его людем и крестьяном не надобе моя, царя и великого князя, дань, ни ямские, ни туковые денги, ни посошная служба, ни городовое дело, ни наместничь, ни волостелин, ни тиун корм, ни праветчиков, ни доводчиков побор, ни подымное, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, ни прудов моих не прудят, ни к городу камени и извести и колья не возят, ни на яму с подводами не стоят, ни ямского двора не делают. А как отсидят те свои урочные четыре годы, и тем его людем и крестьяном потянуть во всякие подати по старине, по книгам.

Писана на Москве лета 7056 марта в 20 день.

Подпись на грамоте: «Божиею милостию государь царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии». Печать красная.

ААЭ, 1, № 218

1551 г. мая 17

ЖАЛОВАННАЯ ОБЕЛЬНО-НЕСУДИМАЯ И ЗАПОВЕДНАЯ ГРАМОТА ИВАНА IV АРХИМАНДРИТУ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ ФЕОГНОСТУ НА СЕЛО ДУБКИ ЗУБЦОВСКОГО УЕЗДА

Се яз, царь и велики князь Иван Васильевич всеа Русии, пожаловал есми Чюдова манастыря и чюдотворца Олексея архимандрита Феогноста з братьею, или по нем

в Чюдове манастыре ины[й] архимандрит будет. Что мне били челом и положили передо мною отца моего, великого князя Василья Ивановича всеа Русии, жаловалную грамоту на свое село на Дубки з деревнями, что в Зубцовском уезде в волости в Горелинах.

А пожаловал их отець мой, князь велики Василей Иванович всеа Русии: того их села и деревень люди к сотцким и г десятцким с тяглыми людьми не тянули ни в какие проторы, ни в розметы, ни иных никоторых пошлин не давали, коня нашего не [ко]рмили [1], ни сен не косили.

А наместницы и волостели тех их людей не судили, оприч душегубства и розбоя с поличным, и кормов своих на них не имали и не всылали к ним ни по что. А праведчики и доводчики поборов своих у них не брали и не въезжали к ним ни по что. А коли лучитца сместной суд, и наместницы наши и волостели судили, а архимандрит з братьею или их приказщык с ними ж судили. А в правде и в вине манастырской человек манастырю, а наместницы и волостели вь их человека не вступались. А учинитца у них душегубство, а душегубца не будет, и они давали наместнику и волостелю веры рубль.

А наши князи, и бояря, и ратные воеводы, и дети боярские, и ловчие, и псари, и всякие ездоки в том их селе и в деревнях сильно не ставилися, ни кормов, ни подвод, ни проводников не имали.

А на лоси, и на медведи, и на волки, и на лисицы того их села и деревень люди не ходили. А на пир и на братчины к ним нихто незван не ходил. И попрошатаи у них не просили, ни скоморохи у них не играли.

А коли они ту грамоту являли, и они с нее явки не давали.

А дана им та грамота лета 7000 тритцатаго, июня.

А подпись на грамоте дияка Трифана Ильина. А на мое, великого князя Иваново, имя подписана лета 7000 четыредесят вторага марта в 9 [день] [2], а у подписи припись дияка Федора Мишюрина.

А у тое их отца нашего жаловалные грамоты в пятдесят пятом году в московской в большой пожар печать ростопилася. И мне б их пожаловати: велети им ту, отца

[1] *Буквы* ко *пропущены.*

[2] *Слово* день *пропущено.*

своего, жаловалную грамоту переписати на свое, царево и великого князя, имя Иваново слово в слово. И яз, царь и велики князь Иван Васильевич всеа Русии, чюдовсково архимандрита Феогноста з братьею, или по нем у Чюда и у чюдотворца у Олексея иный архимандрит будет, пожаловал: велел есми им ту, отца своего, жаловалную грамоту переписати слово в слово.

И хто у них в том селе в Дубкех з деревнями учнет жити людей, и те их люди к сотцким и к десятцким с тяглыми людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные им никоторые пошлины не надобе: коня моего не кормят, ни сен не косят.

А наместницы наши зубцовские и волостели Горелинские волости тех их людей не судят ни в чом, оприч душегубства и розбоя с поличным, и кормов своих у них не емлют, и не всылают к ним ни по что. А праведчики и доводчики поборов своих у них не берут и не въезжают к ним ни по что. А ведает и судит архимандрит Феогност з братьею тех своих людей сам во всем, или кому прикажют. А случитца суд сместной тем их людем з городцкими людьми и з становыми или с волостными, и наместницы наши зубцовские, и волостели Горелинские волости, и их тиуни судят, а архимандрит Феогност з братьею, или их приказщык, с ними ж судят. А прав будет или виноват гороцкой человек и становой или волостной, и он в правде и в вине наместнику и волостелю и их тиуном. А прав будет или виноват манастырской человек, и он в правде и в вине архимандриту Феогносту з братьею и их приказщику. А учинитца у них в том селе и в деревнях душегубство, а душегубца в лицех не будет, и наместником зубцовским, и волостелем горелинским, и их тиуном з душегубства веры рубль. А кому будет чего искати на архимандрите на Феогносте и на его братье, ино их судит отець нашь Макарей, митрополит всеа Русии, по новому Соборному Уложенью. А приказщика их сужю яз, царь и велики князь, или мой дворецкой.

Также есми пожаловал архимандрита Феогноста з братьею. Мои князи, и бояря, и ратные воеводы, и дети боярские и всякие ездоки, и мои ловчие, и псари в том селе и в деревнях сильно не ставятца, ни кормов, ни подвод, ни проводников у них не емлют и не всылают к ним

ни по что. А хто у них в том селе и в деревнях станет, и он корм свой и конской купит. А на лоси, и на медведи, и на волцы, и на лисицы не ходят. А на пир, и на братчины боярские люди и иной нихто незваны не ходят; а кто к ним на пир и на братчину придет незван, а учинитца у них в том пиру какова гибель, и тому незваному та гибель платить бес суда. А попрошатаем у них в селе и в деревнях, ездя, не просити и скоморохом не играти. А учнут у них попрошатаи, ездя, просити и скомороси играти, и яз тех велел имати, да давати на поруки, да ставити перед собою, перед царем и великим князем.

А явят сю грамоту наместником зубцовским, и волостелю горелинскому, и их тиуном, и они с нее явки не дадут ничего.

Дана грамота на Москве лета 7059-го маия в 17.

На обороте: Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии.

Ди[я]к Юрьи Сидоров.

ГКЭ, Зубцов, № 12/4830. Подлинник.
Печать у грамоты красная, на шнуре

1569 г. февраля 18

УКАЗНАЯ ГРАМОТА С ПРОЧЕТОМ ИВАНА IV ВЛАДИМИРСКИМ ГОРОДОВЫМ ПРИКАЗЧИКАМ О НЕВЗИМАНИИ ПОДАТЕЙ С СЕЛ СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ ЗИНОВЬЕВА И КУВЕЗИНА

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Володимер городовым приказщиком Григорью Домнину да Третьяку Мозолеву, да целовальником Якушу Феофанову с товарищи. Написано у вас в володимирской платежнице с книг писма Романа Образцова с товарищи в Володимерском уезде в Малом Рогу селцо Зиновьево-Петряево з деревнями да в Стародубе в Ряполовском селцо Кувезино з деревнями.

И в нынешнем в семьдесят седьмом году велел есми взяти Симанов' манастырь со всею вотчиною в свою оприч-

нину. И ямские, и приметные деньги, и за городовое, и за засечное, и за ямчюжное дело, и всякие наши подати велел есми с их манастырских сел имати в опричнине же.

И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Симанова манастыря с селца з Зиновьева с Петряева да с селца с Кувезина з деревнями на нынешней на семдесят седьмой год и вперед наших ямских, и приметных денег, и за городовое, и за засечное, и за ямчюжное дело, и всяких наших податей в земских не имали и не въезжали, и не всылали к ним ни по что.

А прочет сю грамоту и писав с нее противень, отдавали б есте Симанова манастыря слугам, которые с нею к вам приедут, назад, и они ее держат собе вперед для наших выборных старост, денежных зборщиков и всяких земских посланников.

Писан на Москве лета 7077-го, февраля в 18 день.

На обороте: Царь и великий князь всеа Русии.

ГКЭ, Владимир, № 46/1823. Подлинник. Печать у грамоты темновосковая

1538 г. августа 14

ЖАЛОВАННАЯ НЕСУДИМАЯ ГРАМОТА ИВАНА IV ТИМОФЕЮ ЗАМЯТНЕ НА ДЕРЕВНИ ПЕТРОВСКУЮ, КОЛЕДИНСКУЮ И ФЕДОРОВСКУЮ В ЗАМОСКОВНОЙ ВОЛОСТИ ВОРЕ И КОРЗЕНЕВЕ

Се аз, князь великий Иван Васильевич всеа Русии, пожаловал есми Тимофея Замятню Александрова сына Ругатина. Что его вотчина купля в Замосковской волости в Воре и в Корзеневе деревня Петровская, деревня Колединская да деревня Федоровская, и хто у него в тех деревнях учнет жити людей, и наши наместницы радонежские, и волостели, и их тиуни тех его людей не судят ни в чем, оприч душегубства и разбоя с поличным. А ведает и судит тех своих людей Тимофей Замятня сам во всем или кому прикажет. А случится суд сместной тем его людям з

городцкими людьми или с волостными, и наши наместницы, и волостели, их тиуни тех его людей судят, а Тимофей Замятня или его приказщик с ними ж судит. А присудом делятся на полы.

А кому будет чего искати на Тимофее Замятне или на его приказщике, ино их сужу яз, князь великий, или мой боярин введеный.

А дана грамота на Москве лета 7046-го августа в 14 день.

У грамоты печать на красном воску.

У подлинной пишет: «Князь великий Иван Васильевич всеа Русии».

ГБЛ, Тр. кн. 534, по Москве № 43, л. 14.
Список XVII века

1533 г. февраля 5

УКАЗНАЯ ГРАМОТА ВАСИЛИЯ III ФЕДОРУ РОМОДАНОВУ О ВЫСЫЛКЕ С ЗЕМЛИ РЯЗАНСКОГО БОГОСЛОВСКОГО МОНАСТЫРЯ КРЕСТЬЯНИНА БОТУРИНА ЗА НЕПЛАТЕЖ ОБРОКА И НЕПОДСУДНОСТЬ ИГУМЕНУ

От великого князя Василья Ивановича всеа Русии на Резань Федору Иванову сыну Ромоданова. Здесе перед нашим дворетцким, перед князем Иваном Ивановичем Кубенским искал богословской игумен Офонасей с братьею на Иванке на Гридине сыне Ботурине, а сказывает, что, деи, тот Ивашко жил за богословским игуменом на богословском селище на Иванчине на лготе, да лготу отсидел, а пошлин богословскому игумену с того селища никоторых не платил, ни под суд ся им не дает, а живет у них на том селище силно. И дворетцкой наш князь Иван Ивановичь в том богословского игумена с тем с Ивашком с Ботуриным судил, да богословского игумена оправил, а Ивашка Ботурина обвинил.

И ты б к тому Ивашку к Ботурину ехал да того бы еси Ивашка Ботурина из того селища выслал вон; а срок бы еси тому Ивашку дал возитись вон на месяц, а не вы-

возится тот Ивашко на тот срок, и ты б его одноличио выметал вон, часа того.

Писан на Москве лета 7041, февраля в 5 день.

На обороте: Князь великий всея Русии.

АИ, I, № 134

1512 г. февраля 15

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА ВАСИЛИЯ III АРХИМАНДРИТУ МИТРОПОЛИЧЬЕГО БЕЛОЗЕРСКОГО ВОСКРЕСЕНСКОГО ЧЕРЕПОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ АРСЕНИЮ НА ПРАВО ЕЖЕГОДНО БРАТЬ У БЕЛОЗЕРСКИХ ТАМОЖНИКОВ 50 РУБЛЕЙ

Се [1] яз, князь великий Василей Иванович всеа Руси, отца своего для Варлама митрополита всеа Руси, пожаловал есмь архимандрита его Арсениа з братьею и попов, что служат в его монастыре святого Воскресениа на Белеозере в Череповси, или по них иные архимандриты и попы учнут служити у святого Воскресениа. Что за ними мое жалованье в городе на Белеозере церковнаа пошлина померное, а сказывают, что тое им пошлины приходило на год пятьдесят рублев, и нынеча сказывают, что их в той пошлине обидят, ту им пошлину дают не по старине.

И яз, князь великий, пожаловал архимандрита з братьею и попов: велел есмь им давати своим таможником белозерским за ту пошлину за померное на всякой год на Збор из таможных денег по пятидесяти рублев. А дадут им те денги пятьдесят рублев мои таможники на Збор лета 7020. А вперед им имати. Мои таможники белозерские, хто ни учнет брати на Белеозере тамгу, дают воскресенскому архимандриту з братьею и попом те денги пятьдесят рублев на тот срок на Збор безпереводно по сей моей грамоте.

Писана на Москве лета 7020 февраля 15 день.

АФЗ и Х, I, № 294

---

[1] *Перед текстом:* Жаловальнаа грамота — имати из таможни по пятидесяти рублев.

Историко-правовой обзор

1523. Жалованная данная грамота Тихменевым

Жалованная грамота Тихменевым — документ, отражающий историю феодального светского землевладения в XVI веке. Грамота показывает правовое оформление земельных пожалований правительства в пользу его военных вассалов из числа военно-служилых людей. Отношения между феодальным государством и служилым дворянством в XVI веке строились по принципу отдачи земли в собственность за определенную личную службу и поборы. Поместное землевладение на Руси было одной из экономических форм изживания феодальной раздробленности. Лица, получавшие землю от правительства, связывались с ним чисто материальными интересами, во имя которых проявляли гораздо больше готовности служить великому князю, чем старинные вотчинники, имевшие свои родовые гнезда. Важные изменения вносило поместное землевладение в податной и судебный иммунитет. Предоставляя землю светскому феодалу в централизованном государстве, правительство санкционировало его иммунитетные права, вытекавшие из феодальной собственности на землю, сразу в ограниченном объеме. Частью ренты и судебных привилегий он непременно должен был делиться с государством. Служилое поместное землевладение, при котором право собственности на землю обусловливалось военной службой, было переходной формой феодального землевладения, типичной для периода образования и укрепления централизованного государства на Руси. Оно явилось дальнейшим шагом по пути усиления феодальной эксплуатации крестьянства (в силу ограниченности иммунитета). В первой половине XVI века поместная система получила распространение, помимо великого княжения, на территориях удельных княжеств и митрополичьего дома. Для буржуазной историографии характерно представление о поместье как *владении, собственность* на которое принадлежит не помещику, а государству (С. В. Рождественский). Однако Марксом неопровержимо доказано, что при феодализме в роли *владельцев* земли выступают непосредственные производители (крестьяне), феодал же является земельным *собственником.* Собственность помещика была обусловлена

военной службой и ограничена в части наследственного права (земля переходила от отца к сыну лишь в случае, если сын поступал на военную службу к сюзерену) и права пускать земли в оборот (помещикам запрещалось их дарить, продавать, менять).

В XVI—начале XVII вв. правительство, наряду с поместными дачами, допускало в своей практике предоставление земли светским феодалам «впрок», «в вотчину». Вотчины разрешалось завещать по наследству, продавать, менять и, как правило, дарить. Со второй половины XV века отдача земель «в вотчину» стала редким явлением и всегда была вызвана какими-нибудь исключительными обстоятельствами. Грамота Тихменевым не позволяет отчетливо понять, на поместном или на вотчинном праве получили они землю [1]. По мотиву пожалования (за уже выполненную службу) публикуемую грамоту можно отнести к числу вотчинных. Правда, условие наделения землей — несение военной службы в дальнейшем — обычно не оговаривалось и в чисто поместных грамотах. Важным мероприятием русского правительства XVI века было распространение требования службы в армии на обе категории светского феодального землевладения — как на поместья, так и на вотчины. С этой целью в 1556 году правительство выработало Уложение о службе. По мнению С. Б. Веселовского, в последней четверти XVI века принцип обусловленности землевладения военной службой приобрел характер обычного правила. Служилые вотчинники наряду с поместным дворянством являлись социальной опорой центральной власти в ее борьбе против родовых вотчинников, носителей сепаратистских тенденций.

В широких масштабах правительственная раздача земель стала возможной по мере централизации Русского государства — в результате сосредоточения в руках правительства большого количества присоединенных территорий и конфискованных вотчин.

Однако еще в первой трети XVI века начал ощущаться недостаток земли для обеспечения служилых людей

[1] Из одного документа середины 60-х годов XVI века известно, что некий Гр. Мих. Тихменев (очевидно, родственник Ивана и Юрия) владел в Костромском уезде деревнею Дрествино, которую он получил «в поместье» (АЮ, № 157).

поместьями. В это время поместный фонд расширялся за счет черных и в меньшей степени — дворцовых земель. Случаи пожалования дворцовых сел наблюдаются в основном в районах, близких к восточной границе Русского государства (Муромский уезд). Земли в вотчину в первой трети XVI века были отданы буквально считанное число раз и, как правило, в военно-стратегических целях: правительство поселяло своих слуг в западных (Вязьма, Медынь) и восточных (Муром) уездах, укрепляя этим территории, порубежные с Литвой и Казанью.

Происхождение грамоты Тихменевым уясняется в свете борьбы правительства централизованного государства за уничтожение остатков удельнокняжеского сепаратизма.

В начале 20-х годов XVI века, к которым относится публикуемая грамота, был ликвидирован соседний с Ярославлем Угличский удел (1521 г.). На него, возможно, претендовали оставшиеся в живых братья Василия III—Юрий и Андрей. В 1521—1524 гг. правительство укрепляло свои позиции в Угличе путем широкой раздачи жалованных данных и обельно-несудимых грамот влиятельным монастырям на угличские земли.

Выдача грамоты Тихменевым входила в цепь мероприятий по закреплению Угличского уезда в составе великого княжества.

После смерти Василия III сама практика предоставления жалованных данных грамот светским феодалам стала сводиться на нет. Боярские правительства подарили значительное число земель духовным вотчинникам. В этот период, очевидно, замедлился рост светского землевладения.

Только при правительствах князя И. Ф. Бельского (1541 г.) и Воронцовых (1544 — начало 1546 гг.), в известной мере продолжавших политику централизации, ряд помещиков получил жалованные данные грамоты. Воронцовы выдали поместные и несудимые грамоты феодалам на земли в Рязанском, Тульском и Нижегородском уездах. Правительство проявляло заботу об укреплении служилого землевладения в юго-восточных пограничных районах. Важность этих мер станет понятной при учете московско-казанских отношений 1545—1546 гг., когда были предприняты походы на Казань.

С конца 50-х годов XVI века выдача жалованных поместных грамот совершенно прекратилась. Их сменили так называемые «ввозные» грамоты, где наряду с определением объекта пожалования, кратко формулировался принцип, на котором должны были строиться взаимоотношения между феодалом и крестьянами: последние обязывались к «послушанию» феодалу и к уплате ренты (см. их выше). Эти требования устанавливали административный и податной иммунитет земельных собственников. Редкие случаи пожалования земель «в вотчину» оформлялись в жалованных данных грамотах прежнего типа, однако в них уже, как правило, не было указаний на судебный иммунитет владений грамотчика. Изменения в оформлении поместных и вотчинных дач, происшедшие в 50-х годах XVI века, связаны с перестройкой государственного административно-судебного аппарата. При упразднении наместничьей системы управления судебный иммунитет светских феодалов был окончательно унифицирован, сведен к общим для всех служилых людей нормам. Поэтому санкционировать его в отдельных грамотах, как это делалось прежде, становилось излишним.

Наши князи и боаре... ставятся. Эта статья несколько неожиданна в жалованной грамоте. Может даже возникнуть вопрос: не допущена ли здесь описка (не пропущена ли частица «не»)? В монастырских актах статья насчет ездоков везде сформулирована негативно («не ставятся»). Однако вследствие отсутствия формулы о ездоках в жалованных грамотах светским землевладельцам XVI века не лишено оснований предположение, что служилые люди не имели права отказывать в приеме правительственным посланникам.

1544 г. Указная грамота об отдаче села

Приводимая указная грамота отражает земельную политику правительства Русского централизованного государства по отношению к духовным вотчинникам.

В XVI веке земельные сделки между правительством и монастырско-церковными учреждениями фиксировались в жалованных данных, купчих, меновных грамотах. Продолжая посредством выдачи жалованных грамот юридическую

практику XV века, правительство, вместе с тем, начинает все чаще оформлять свои распоряжения, касающиеся монастырского землевладения, в указных грамотах.

С конца XV века московским великокняжеским правительством твердо был взят курс на ограничение роста монастырского землевладения.

Пожалование вотчин монастырям при Василии III и в период регентства Елены Глинской (1534—1538 гг.) приобрело характер исключений из общего правила и обусловливалась задачами ликвидации удельно-княжеского сепаратизма.

Совсем иное направление получила земельная политика после прихода к власти боярского правительства князей Шуйских (апрель 1538 — конец 1540 гг.; 1542—1543 гг.). Наиболее щедрые земельные раздачи в пользу монастырей Шуйские произвели в 1538 году, так как в этот промежуток времени их пребывание на руководящих государственных постах оспаривалось другой боярской группировкой во главе с князем И. Ф. Бельским. Непрочность положения боярских временщиков заставляла их искать союзников в среде крупнейших духовных феодалов.

Время, когда у кормила государственной власти стоял князь Бельский (в 1541 году), ознаменовалось большой скупостью правительства в смысле предоставления вотчин духовным феодалам.

В период правления Воронцовых (1544 — начало 1546 гг.), к которому относится публикуемая указная грамота, в число особо привилегированных корпораций выдвинулись монастыри, связанные со старомосковской знатью: Троице-Сергиев, Симонов, Московский Новоспасский и др. Это объясняется принадлежностью самих Воронцовых к старомосковскому боярству. Передача в Спасо-Евфимьев монастырь села Петровского — следствие междоусобной борьбы боярских группировок. В декабре 1543 года был убит по приказу великого князя глава правительства Шуйских князь Андрей. В 1544 году, как свидетельствует публикуемая указная грамота, купленное им у Спасо-Евфимьева монастыря село было приказано возвратить монастырю. В этом акте под видом пожалования ясно обнаруживается обыкновенная продажа земли, хотя и на льготных условиях (монастырю надлежало заплатить в великокняжескую

казну 600 рублей, то есть две трети суммы, полученной им от князя Андрея). Правительство Воронцовых, в отличие от расточительного правительства Шуйских, отдававшего монастырям земли совершенно безвозмездно, учло интересы казны. Из земель, конфискованных у приверженцев А. Шуйского, нужно отметить переданное в 1544 году Калязину монастырю село Городище в Кашинском уезде, принадлежавшее ранее близкому к Шуйским князю Горбатому. Отнимая земли у своих политических противников и вкладывая их в монастыри, каждое боярское правительство стремилось ослабить экономическую мощь оппозиционных ему сильных фамилий. Воронцовы отдали монастырям незначительное количество земель.

В 1546—1547 гг. власть в стране захватили ближайшие родственники Ивана IV — князья Глинские. В 1548 году руководящие посты в правительстве заняли князья Шуйские и их сторонники. 1546—1548 гг. явились временем значительных земельных пожалований в пользу монастырей.

* * *

В 1549—1551 гг., с приходом к власти Адашева и Сильвестра, практика предоставления монастырям жалованных данных грамот заметно ослабевает. В 1551 году, по мере общего пересмотра жалованных грамот, правительство ограничило некоторые данные грамоты, предписав забрать у отдельных монастырей часть их вотчин. Весьма экономно производило правительство раздачу земельных владений монастырям в 50-х годах XVI века. В обычном порядке монастыри приобретали земли за счет правительства только на крайнем севере и на востоке, где духовным корпорациям принадлежала еще важная роль в освоении земель. Имели они там и военно-стратегическое значение. В целом же земельная политика Адашева и Сильвестра не благоприятствовала росту монастырского землевладения.

В период подготовки к опричнине (1560—1564 гг.) правительство Ивана IV почти полностью отказалось от безвозмездной передачи монастырям черных и дворцовых земель. Из форм перераспределения земельных фондов между монастырями и правительством больше всего была распространена в это время мена.

В годы опричнины правительство Ивана Грозного воздерживалось от вкладов в монастыри дворцовых и черных земель. Вотчины, конфискованные у опальных бояр, также обычно не поступали в монастыри. В 60—90-х годах, как и в 50-х годах XVI века, монастыри получали от правительства земли главным образом на северных и восточных окраинах государства. Особенно часты стали такие пожалования во второй половине 70-х годов, в период общего хозяйственного разорения страны, когда возникла острая потребность в освоении пустых земель.

Специфическим способом контроля за монастырским землевладением в XVI веке было неоднократно выдвигавшееся правительством требование доклада монастырских властей великому князю (царю) о приобретаемых землях (главным образом княжеских). В тех случаях когда правительство давало монастырю разрешение на принятие земли светского вотчинника, в царской канцелярии составлялись жалованные подтвердительные данные грамоты.

1581 г. Жалованная грамота на владение слободками

Жалованная подтвердительная грамота Данилову монастырю на владение слободками относится к группе актов, характеризующих так называемое «беломестное» землевладение в городах. Городские дворы и слободы феодалов представляли собой «белые места» потому, что они, являясь частнофеодальной собственностью, выделялись в судебном и финансовом отношении из «черного» посадского мира, который по налоговой и судебной линиям был полностью подчинен власти правительства и его агентов. В городах XV—XVI вв. обычно различали торгово-ремесленный «посад» и собственно «город», то есть укрепленную, внешнюю полосу городской территории. Феодалы имели дворы как на посадах, так и в укрепленной части городов (во втором случае двор назывался «осадным»). Во время неприятельских набегов уездные крестьяне вотчинника могли спасаться в «осадном дворе». Здесь же останавливались представители вотчинной администрации, приезжавшие в город. Несколько дворов, расположенных на городской земле, принадлежавшей феодалу, часто объединялись в сло-

боду. В XIV—XV вв. наряду со слободами городского типа появилось большое количество сельских слобод, состоявших из селец, деревень и починков. Под слободой подразумевался поселок или группа поселков на владельческой территории, куда население привлекалось обещанием «свободы» от уплаты государственных податей (отсюда термин «слобода»). Основным занятием жителей слобод были торговля и ремесло, хотя слобожане обычно не порывали и с огородничеством.

Слободы нередко располагались вдоль границ различных удельных княжеств, притягивая к себе беглецов из соседних земель. В конце XV—XVI вв. развитие ремесла и торговли в слободах окончательно вышло за рамки простого вотчинного производства и обмена. Владельческие слободы с господствовавшими в них частнофеодальными отношениями превращались в тормоз для дальнейшего складывания посадского сословия. Беломестцы были освобождены в том или ином объеме от государственных податей и повинностей, вся тяжесть которых лежала на населении посада [1]. В белых слободах и дворах могли скрываться и «закладываться» (то есть отдаваться под патронат частных феодалов) отдельные посадские люди. Все это наносило ущерб интересам и посада в целом, и правительства централизованного государства. Кроме того, в результате образования Русского централизованного государства частные слободы утратили свое стратегическое значение на рубежах между бывшими уделами. В борьбе против собственников белых слобод еще при Иване III сложился союз великокняжеской власти с зажиточными слоями городского населения.

С начала XVI века светские феодалы совершенно перестали получать жалованные данные и иммунитетные грамоты на слободы и городские дворы. В первой трети XVI века некоторые духовные вотчинники сумели приобрести грамоты, подтвердившие иммунитет их городских владений, однако даже им правительство отказалось предоставлять новые дворы и слободы. Только в исключительных случаях монастырю удавалось добиться от великого князя земельного пожалования в городе.

---

[1] Сам термин «посадские люди», «посажане» появился в конце XV века.

Резкий перелом в политике по отношению к городскому землевладению монастырей связан с приходом к власти князей Шуйских, раздавших духовным корпорациям немало дворов в городах. Это нарушало права посадских людей, способствовало опутыванию торгово-ремесленных слоев тяглого населения цепями частнофеодальных отношений и шло вразрез с задачей укрепления государственных финансов.

Иной характер носила политика князя И. Ф. Бельского и Воронцовых, которые не выдавали монастырям данных грамот на слободы и дворы. Больше того, в ходе предпринятого правительством в 1544 году массового описания земель была приписана к посаду слободка Спасо-Евфимьева монастыря в Суздале, состоявшая из 26 дворов. С другой стороны, Воронцовы охотно поощряли строительство государевых слобод. Так, в 1545 году правительство подтвердило жалованную грамоту слободчику Ивану Новгородцеву, который обязался «копити... на меня, на великого князя, слободу» в бассейне рек Ижмы, Печоры и Цыльмы (ЦГАДА, Прик. дела старых лет, 1628, № 63, лл. 58—60. Ср. л. 81; Дневник В. Н. Латкина, СПб., 1853, ч. II, стр. 139—140).

Возврат к реакционной политике в области беломестного землевладения произошел в середине 1546 года. Вакханалия раздачи монастырям дворов в городах длилась до конца 1548 года. За это время один только Троице-Сергиев монастырь получил от правительства дворы в Коломне, Владимире, Балахне и на Двине. Расхищением посадской земли и притеснением посажан боярские временщики вызывали против себя острое недовольство в различных слоях посадского населения.

Правительство 50-х годов XVI века, приняв во внимание возросшую силу посадов и учтя опыт предшествующей политики, приведшей к ряду городских восстаний, начало энергично укреплять свою власть в городах в ущерб феодалам-беломестцам. В 1550 году был выработан царский приговор о слободах (см. о нем ниже). Прекратилось предоставление монастырям и городских дворов. Исключение составляют те случаи, когда дело касалось освоения пустынных или недавно присоединенных земель на крайнем севере и востоке государства. Например, в 1553 году,

то есть почти сразу после завоевания Казани, там по распоряжению Ивана IV приобрел двор Троице-Сергиев монастырь.

В годы опричнины беломестное землевладение также не могло сколько-нибудь существенно расшириться за счет правительственных пожалований. В период хозяйственного разорения 70-х годов XVI века отдельным монастырям удавалось получить от правительства дворовые места в городах и увеличить число монастырских дворников (то есть слуг, охранявших двор за право пользования им). Начало 80-х годов ознаменовалось, с одной стороны, созывом собора, ограничившего рост монастырского землевладения, с другой стороны, дальнейшими закрепостительными мерами правительства в отношении крестьянства. Некоторые исследователи полагают, что указ 1581 года о временной отмене переходов в Юрьев день коснулся не только крестьян, но и посадских людей. Так, П. П. Смирнов считает 1581 год «условной датой прикрепления посадских людей к посадскому тяглу». В 80—90-х годах XVI века в ряд городов были посланы грамоты, требовавшие возвращения на посад вышедших оттуда посадских людей «с женами и с детьми и со всеми их животы». Комментируемая грамота 1581 года может быть понята только в свете этих важнейших политических мероприятий начала 80-х годов. Грамота прежде всего показывает, что правительство ставило перед собой задачу четкого разграничения посадского и беломестного землевладения в Переславле. Такое разграничение являлось необходимым предварительным условием прикрепления черных людей к тяглу. В грамоте, далее, на примере слободки Всесвятской ясно прослеживается тенденция правительства сократить сферу монастырского землевладения в городах, включить отдельные монастырские слободы в посадское тягло.

Это направление политики Ивана Грозного не получило развития в первые годы царствования Федора Ивановича, когда у кормила власти стояла внутренне разобщенная группировка соперничавших между собой бояр. В середине 80-х годов XVI века наблюдалось даже известное расширение правительством беломестного монастырского землевладения в ущерб посадским людям. Зато в период правления, а затем и царствования Бориса Годунова было

широко развернуто «строение» (то есть устройство) черных посадов, имевшее большое значение в истории борьбы с беломестцами.

В посады брались владельческие крестьяне, бобыли, захребетники, дворники и др. «Строение» осуществлялось за счет окружавшего город белого землевладения (отписка на государя монастырских слобод и т. п.), часто без вознаграждения пострадавших.

Память диака Ондрея Шерефединова — Указ дьяка Шерефединова местным правительственным агентам о выяснении владельческих прав Данилова монастыря на слободки.

Сыск Савина Плещеева да Федора Отяева — документ, в котором содержались сведения относительно монастырских слободок. Этот сыск являлся, очевидно, ответом на память дьяка Андрея Шерефединова.

1551 г. Жалованная оброчная грамота Титу Мартьянову

Жалованная грамота Мартьянову дает представление об одной из распространенных в XVI веке форм феодального землевладения — оброчном держании государственных («черных») земель. В оброчное держание поступали главным образом не села и деревни (хотя случаи отдачи их на оброк и имели место), а разные угодья: девственные леса, бортные ухожаи (то есть участки леса, где находились пчелиные борти), пожни, озера, острова, реки и части рек, мельницы и т. п., — одним словом, объекты, имевшие большое промысловое значение. Использование их было обычно сопряжено с большими трудностями (самая важная из них — незаселенность интересовавших правительство территорий, отсутствие там людей, которые могли бы быть принуждены к труду обычными феодальными методами). Цель передачи на оброк заключалась в разработке ценных угодий при сохранении собственности на них в руках государства. Не случайно оброчные грамоты давались, как правило, на объекты, расположенные в неосвоенных или слабо освоенных областях (на севере, на востоке, реже — на юге). Такого рода примером служит, в частности, помещаемая выше грамота Титу Мартьянову. Из центральных

уездов оброчные держания были распространены во Владимирском и в Суздальском уездах, славившихся своими богатыми бортными ухожаями.

Оброчное держание государственных угодий и промысловых предприятий практиковалось представителями различных классов: как духовными вотчинниками, так и светскими феодалами, черными, а иногда и владельческими крестьянами, посадскими людьми. В любом случае государство выступало в роли собственника, держатель же — в роли арендатора. Эта аренда носила не капиталистический, а феодальный характер. Феодалы использовали оброчные статьи при посредстве зависимых от них лиц, доставлявших им прибавочный продукт, тождественный ренте. Часть его шла в государеву казну в качестве арендной платы. Из богатых землевладельцев держания на оброк давались только духовным учреждениям. Они обладали широкими возможностями для разработки угодий. Монастыри имели иммунитетные привилегии, более значительные, чем права рядовых светских феодалов, и легче могли заселить пустующие земли.

Большинство посадских людей и крестьян, получавших от правительства оброчные угодья, обрабатывали их своим трудом. Обычно они были объединены в замкнутые корпоративные группы, состоявшие из одного-двух, а иногда и трех-пяти десятков членов. По мере углубления имущественного расслоения посадских людей и крестьянства, из их среды выделялись люди, способные единолично взять угодье на оброк и обработать его с помощью попавших к ним в кабалу лиц или наймитов. Оброк, вносимый этими держателями в казну, приближался по своему характеру к налогу — ренте, типичному для взаимоотношений феодального государства с его непривилегированными подданными. Льгота являлась необходимым условием успеха практики оброчных держаний. Впрочем, феодалы, распоряжавшиеся трудом зависимых крестьян, были готовы, ради получения земли в аренду, платить бо́льший оброк, чем посадские люди и крестьяне. Последние часто не могли бороться с конкуренцией феодалов и оказывались перед необходимостью «отступиться» от оброчных статей. Такое увеличение оклада оброка называлось наддачей. Метод наддачи, возникнув, очевидно, не ранее конца первой трети

XVI века, получил широкое распространение в 60—70-х годах и позднее. Это свидетельствует об усилившейся во второй половине XVI века борьбе за землю.

Оброк собирался как в натуральной, так и в денежной форме. Натурой доставляли обычно оброк с бортных урожаев (мед). С рыбных ловель и других промыслов и угодий оброк платили обыкновенно деньгами на протяжении всего XVI века. Имелись, правда, особо ценные рыбные ловли (Переяславское озеро и др.). Выловленная там рыба отправлялась во дворец.

С начала 30-х годов XVI века в источниках появляются сведения о взимании с оброка еще специальных пошлин, которые назывались иногда «дьячьими». Они возникали как вознаграждение («корм») чинам государственного аппарата за прием оброка у держателей. Те из феодалов, кто «давал» оброк непосредственно «в волость», были избавлены от этих пошлин. Впрочем, во второй половине XVI века казначеевы, дьячьи и другие пошлины на содержание разросшегося финансового ведомства стали регулярным налогом, и владельцы оброчных угодий в той или иной форме принуждались к их уплате.

В первой трети XVI века практика оброчных держаний была развита еще довольно слабо. Редко оброчные угодья предоставлялись в этот период монастырям. Василий III даже запретил Троице-Сергиеву монастырю ловить рыбу в Переяславском и Сомине озерах (монастырь обладал этим правом со времен Василия Темного).

Правительство Елены Глинской продолжало ту же сдержанную политику в отношении распространения оброчных держаний. Но отдельные меры, предпринятые в годы регентства, позволяют думать, что правительство учитывало интересы торгово-ремесленных слоев посада. В 1535 году была выдана оброчная грамота 36 бортникам волости Талши Владимирского уезда. Бортники освобождались от суда наместников и получали заповедные привилегии. Оброк с них взимался «за дань и за посошной корм, и за мелкой доход» (Гос. Архив Владим. обл., ф. 575, № 1, лл. 19—20 об.).

Политика правительства князей Шуйских по отношению к оброчным держаниям земель и промыслов благоприятствовала развитию монастырского землевладения.

В конце 1538 года рыбные ловли в Нижегородском уезде, числившиеся на оброке за посадскими людьми, Шуйские отдали Троице-Сергиеву монастырю в безоброчное пользование, то есть в собственность. Этой же корпорации было возвращено давно потерянное ею право безоброчной ловли рыбы в Переяславском и Сомине озерах. Если учесть при обилии пожалований в пользу монастырей отсутствие в этот промежуток времени оброчных грамот посадским людям, крестьянам и помещикам, то реакционный характер политики Шуйских станет очевидным. Политика Шуйских вызывала обострение классовой борьбы посадских людей, направленной в первую очередь против привилегированных духовных феодалов. Нижегородские посажане продолжали отстаивать свои права на рыбные ловли, отданные в 1538 году Троице-Сергиеву монастырю. В монастырской челобитной 1541 года говорилось, что посадские люди «ловят... у них те их воды силно, да и ватаги на их водах ставят, и обиду их приказщиком и ловцом в тех водах чинят; а называют... те их монастырские воды нашими водами оброчными». В 1542 году возникла тяжба между Троицким Белопесоцким монастырем и посадскими людьми г. Каширы. Игумен Сергий задумал построить на посадской земле новую мельницу. Посадские люди решили охранять свою землю от посягательств монастыря: «стоят... у монастырские мельницы многие городцкие люди того для, что хочет игумен на их земле мельницу поставити, и мы, деи, ему мельницы ставити не дадим». Борьба приняла характер открытой схватки. Посадские люди напали на монастырскую мельницу и разнесли ее.

Политика князя И. Ф. Бельского в области оброчного землевладения отличалась большой осторожностью. Правительство И. Ф. Бельского не давало монастырям каких-либо новых выгодных оброчных статей, лишь подтверждая старые привилегии отдельных влиятельных корпораций. В правительственных указах 1541 года можно видеть известный, хотя и слабый, учет интересов как посадских людей, так и государевой казны.

В период правления Воронцовых монастыри обычно не получали оброчных грамот. Но слободчику Ивану Новгородцеву была пожалована в 1545 году подтвердительная оброчная грамота.

В конце 1546—1548 гг. не наблюдалось выдачи оброчных грамот посадским людям, светским феодалам и крестьянам. Монастыри же приобретали земли в полную собственность, безоброчно, причем часто в ущерб посадским людям и государевой казне.

После ликвидации боярского самовластья, уже в первой половине 50-х годов XVI века, метод оброчных держаний получил широкое применение.

Важным новым моментом в 50-х годах явилась усиленная раздача оброчных грамот помещикам. К 1551 году относится публикуемая грамота Титу Мартьянову. В 1551 же году грамоту на луг вблизи г. Котельнича в Вятском уезде была дана Каше Мартьянову. В 1553 году Петр Яковлев сын Сухово [1] приобрел в оброчное пользование луг среди Разбойничьего бора в Вятском уезде. Предоставляя оброчные держания служилым людям на восточных рубежах, Иван IV не только усиливал экономически класс помещиков, но и укреплял русские границы. Это имело большое значение в связи с присоединением Казани. Перечисленные грамотчики были, очевидно, людьми, особо преданными правительству А. Ф. Адашева. Петр Яковлев сын Сухово, например, сумел добиться пожалования из-за того, что находился под Казанью с воеводой Данилой Федоровичем Адашевым, братом главы правительства.

Если помещикам давались льготы, отсрочка в уплате оброка (см. публикуемую грамоту Титу Мартьянову), то крестьяне-держатели, наоборот, вынуждены были увеличить сумму оброчных денег. Крестьяне Васильевы, чтобы сохранить за собой «пашенку» и «пожeнки» в Двинском уезде, находившиеся в держании у их отца, «наддали» над старым оброком 4 ал. (АЮ, № 169). Правительство содействовало развитию промыслово-хозяйственной деятельности посадских людей. Двинским солеварам в 1551 году была выдана оброчная грамота на пожни и леса с разрешением брать принесенные водой дрова («приплавь»). Однако налоговый пресс не ослаблялся даже в случае запустения варниц: «А не учнут они варницами варити, и им и с лесов и с пожен оброк давати же» (АЮ, № 170).

[1] Возможно, он был посадским человеком г. Вятки: за него поручались московские и вятские слобожане.

Такими административными мерами солевары фактически прикреплялись к определенной территории. Ограничивая сферу влияния крупных вельмож, связанных с Шуйскими, Иван IV выдал в 1552 году оброчную грамоту ямщикам Целагинского яма в Суздальском уезде на пустоши, которые правительство изъяло из оброчного держания у крестьян князя Горбатого, близкого к Шуйским (ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьева монастыря, д. 1, лл. 587 об. — 588).

В ево место — вместо него.

Дичь — дикое, неосвоенное место.

Урочные лета — установленный срок.

Гривна — $^1/_{10}$ рубля, 20 денег.

1555 г. Указная грамота о содействии выборным головам в вывозе крестьян

Приводимая указная грамота Ивана IV новгородским дьякам характеризует острую борьбу феодалов за рабочие руки, которая велась в XVI веке. В ходе процесса закрепощения крестьянства в XVI веке укреплялась личная зависимость крестьян от феодалов. Согласно распоряжению Василия III, собственник одной полудеревни принуждался к выселению из нее вместе со своими крестьянами: «дали бы естя тем хрестьяном и Ефиму (феодалу. — *С. К.*) из тое полудеревни возитца вон срока на две недели» (АЮ, стр. 40). Следовательно, феодал, если он имел какую-то другую землю, мог переселить туда и крестьян.

Публикуемый документ показывает, что феодалы не ограничивались законными размерами пожилого, требуя «рублев по пяти и по десяти», чем фактически лишали крестьян возможности выхода. К этому присоединялись еще такие меры насилия, как сажание на цепь, в колодки («в железа куют»). Сходную картину раскрывает указная грамота 1574 года казанскому воеводе об отдаче угодий Илантову монастырю: «а которых, деи, крестьян они (власти Илантова монастыря. — *С. К.*) на пусто назовут из-за князей и из-за детей боярских, и князи, деи, и дети боярские на крестьянех, которые из-за них пойдут, емлют за

дворы пожилого да полувытного[1] по пяти рублёв» (АИ, т. 1, № 191). Насильственное задержание феодалами крестьян в пределах своих владений разными способами и, в частности, путем резкого увеличения пожилого было в XVI веке типичным явлением. Закрепощение крестьянства проводилось правительством Русского централизованного государства в интересах класса феодалов в целом. Однако со второй половины XVI века, и особенно в начале XVII века, когда помещики вплотную занялись своим хозяйством, это все в бо́льшей мере стало отвечать требованиям основной массы дворянства, мелких служилых людей, которые, с одной стороны, обладали менее широкими иммунитетными правами, чем остальные группы феодалов, и, следовательно, не могли привлекать крестьян обещанием льготы, а с другой стороны, не имели подобно боярам отрядов вооруженных холопов, с чьей помощью легко было нападать на владения соседей и вывозить крестьян силой. Наоборот, дворянство как раз страдало от такого рода притеснений крупных феодалов. Но само оно, конечно, всегда искало случай вывезти крестьян у более слабых соседей. Так, дети боярские, упомянутые в комментируемой грамоте, воспользовавшись слабостью выборной администрации «черных» станов, вывозили «за собя во хрестьяне жити наших крестьян... из черных деревень не по сроку, по вся дни безпошлинно». В указной грамоте Ивана IV 1559 года на Белоозеро говорилось о крестьянах, выходивших из черных волостей в села и деревни Кирилло-Белозерского монастыря «и за князей, и за детей боярских не в срок без отказу» (РИБ, т. II, № 36). Конечно, и здесь не обошлось без насильственного вывоза. Таким образом, рост крепостничества в XVI веке

[1] Полувытное, — очевидно, деньги за «повоз», собиравшиеся с двора каждого крестьянина, объявлявшего об уходе. Выть — тягловый участок, не имевший, по крайней мере, до середины XVI века определенных поземельных размеров. В конце XVI—XVII вв. размеры выти колебались от 12 до 16 четвертей (четверть равна половине гектара) на служилых (поместно-вотчинных), дворцовых и черных землях. Иногда средний крестьянский двор приравнивался к полувыти. Об этом содержатся сведения, например, в описании одной боярской вотчины XVI века (ГПБ, Q — IV — 113 б, лл. 684—691). В таком случае повоз взимался с двора, как с «полувыти».

в свою очередь делал борьбу за рабочие руки еще более напряженной.

В приводимой грамоте государство выступает в роли феодала-землевладельца, заботливо охраняющего свои интересы в черносошных деревнях. Крестьяне черных волостей были связаны с правительством феодальными отношениями, выплачивая налог-ренту и исполняя натуральные повинности. Правительство стремилось увеличить число рабочих рук в своих владениях, поэтому оно не только запрещало помещикам вывозить в неурочное время черносошных крестьян, но и настаивало, чтобы помещики не чинили препятствий в вывозе у них крестьян в «черные» деревни в «законный» срок. Недаром в случае сопротивления вывозу крестьян со стороны помещиков дьякам предписывалось командировать какое-нибудь ответственное должностное лицо в помощь черносошной администрации.

Ржева Пустая — уездный центр южнее Новгорода Великого. Уезд Ржевы сохранял деление на две половины, подобно тому, как Новгородский уезд — на пять пятин.

Станы — административные единицы, на которые подразделялся уезд.

Выборные головы — крестьянская администрация волости, стана, выбранная на волостном (или становом) сходе. Эта администрация всецело зависела от правительства и его агентов.

Во всех крестьян место — вместо (от имени) всех крестьян.

Присуд — судебный округ, уезд.

Отказщики — здесь представители черносошной администрации, обязанные заниматься перевозом крестьян с частновладельческих земель на черные земли в установленный Судебниками «законный срок. «Отказ» в данном контексте — предложение или разрешение вывезти (уйти). Ср. «отказщиков» с «заказчиками» XV века («Памятники русского права», вып. III, стр. 115). Своих «отказчиков» имели также крупные феодалы.

Земцы — мелкие неслужилые непривилегированные вотчинники. С. Б. Веселовский считает, что землевладение земцев было ликвидировано правительством в третьей четверти XVI века.

Выход — деньги за разрешение «отказаться» (выйти): пожилое (полтина и 2 алтына) плюс повозная пошлина (2 алтына).

1539 г. Жалованная тарханно-несудимая и заповедная грамота Иосифо-Волоколамскому монастырю

Публикуемая жалованная грамота Иосифо-Волоколамскому монастырю интересна как документ, показывающий, насколько широки и разнообразны могли быть иммунитетные привилегии крупных духовных феодалов XVI века в пределах их сельских вотчин.

Грамота относится к времени правления князей Шуйских. Ее выдачу нельзя не поставить в связь с изменениями в политической ориентации Шуйских. Посаженный ими на митрополичий стол нестяжатель Иоасаф оказался вовсе не последовательным сторонником боярской группировки, стоявшей у власти. Известно, что в июле 1540 года он добился освобождения И. Ф. Бельского и способствовал, таким образом, падению правительства Шуйских к концу 1540 года. Видимо, уже с осени 1539 года боярское правительство решило опереться на политических и идеологических противников нестяжателей — осифлян, цитаделью которых служил Волоколамский монастырь. Впоследствии близость Шуйских к осифлянам нашла свое выражение в союзе их с новгородским архиепископом Макарием, ставшим, благодаря Шуйским, митрополитом в 1542 году.

Грамота 1539 года была дана взамен грамоты Василия III 1522 года на то же село (Фаустову Гору). Грамота 1539 года резко увеличивала иммунитетные привилегии монастыря: в ней содержится освобождение от основных прямых налогов, чего нет в акте 1522 года. Расширялась и монастырская юрисдикция: по грамоте Василия III монастырь имел в Фаустове Горе право суда «оприч душегубства и разбоя с поличным», в 1539 году дела о разбое с поличным перешли в ведение монастыря. Грамота 1539 года была составлена по образцу жалованных грамот, выданных в первой трети XVI века Иосифову монастырю на его волоцкие и тверские вотчины.

В период правления Шуйских жалованные тарханные грамоты Иосифо-Волоколамскому монастырю (еще одну тарханную грамоту он получил от них в 1543 году) входили в число самых щедрых иммунитетных актов.

Этот монастырь вследствие своей особой политической роли сумел к 40-м годам XVI века сохранить свой иммунитет в более широком объеме, чем многие другие корпорации. Боярское же правительство Шуйских, заинтересованное в поддержке монастыря, не только санкционировало его старые крупные привилегии, но и распространило их на монастырские владения, раньше ими не пользовавшиеся.

Хто у них... учнет жити — формула, типичная для жалованных грамот XVI века. В актах XV века говорилось обычно: «кого назовет к себе жити из иных княжений, а не из моее... отчины». С ликвидацией феодальной раздробленности последнее постановление утратило свой смысл и было поэтому заменено новым. В выражении «хто... учнет жити...» самым существенным элементом является определение лиц, которые «учнут жити». Подавляющее большинство жалованных грамот, относящихся к периоду до начала 40-х годов, называет их «людьми». Время правления Шуйских представляет очень интересный момент в истории исчезновения из жалованных грамот термина «люди» и замены его словом «хрестьяне» («крестьяне») или выражением «люди и крестьяне», «слуги и крестьяне». В 1538—1543 гг. была по сути дела впервые в широких масштабах произведена такая замена. С 50-х годов формула «люди и хрестьяне» получила уже большое распространение, вытеснив из основной массы жалованных грамот термин «люди».

Можно выдвинуть следующее объяснение этих терминологических изменений. До развития писцовых описаний и четкого юридического оформления крестьянской крепости (XIV — начало XV вв.) «людьми» именовались как старожильцы, прочно попавшие в феодальную зависимость, так и новоприходцы. В начале XV века перезывали «*людей* из иных княжений» и «*людей* тутошных старожильцев» (АФЗ и X, т. 1, № 230). Во второй половине XV века в связи с ростом закрепощения крестьян их прикрепление к земле фиксировалось в официальной документации (сотницах и писцовых книгах). Приобрела особое

значение разница между людьми «письменными», то есть тяглыми, и людьми «неписьменными», нетяглыми. Внесенные в писцовые книги дворовладельцы становились «крепки земле», за ними утверждается название крестьян. Закрепостительные мероприятия этого времени затруднили выход крестьян-старожильцев. Феодалы в поисках рабочих рук привлекали в свои владения людей неписьменных и нетяглых, которых в конце XV века было еще, очевидно, немало. В отдельных жалованных грамотах начала XVI века призываемые «люди» выступают как «неписьменные и нетяглые» (ГИМ, Сим. кн. 58, № 6, по Галичу). Кроме того, вследствие усилившегося расслоения и разорения крестьянства выделилась категория новопорядчиков. Новопорядчики — обедневшие люди, не имевшие возможности своими силами справиться с тяглом, завести самостоятельное хозяйство, но надеявшиеся сделать это с помощью землевладельца. Они не были в достаточной мере «крепки» земле и скорее считались «людьми», чем «крестьянами». Если учесть наличие в конце XV — начале XVI вв. двух указанных групп «людей», то становится понятным, почему формула «кто ...учнет жити...», подразумевавшая в основном новых поселенцев, оперирует термином «люди».

Во второй трети XVI века отчетливо сказались результаты предшествовавшей острой борьбы за рабочие руки — исчезала категория «неписьменных и нетяглых» людей. Простое перезывание крестьян было далекой стариной. Все больше распространялась практика «вывоза» феодалами друг у друга крестьян, в том числе старожильцев. В этих условиях и был включен в анализируемую формулу термин «крестьяне». Упоминание о «людях» продолжало иметь определенный смысл, так как на протяжении всего XVI века новопорядчики оставались одним из источников увеличения числа рабочих рук в феодальных хозяйствах.

Не надобе... дань, ни оброк... ни мыт, ни томга — статья, освобождающая монастырскую вотчину от всех главных налогов и повинностей. Разрешение не платить основные подати (ямские деньги и др.) придавало акту характер «тарханной» грамоты. В первые десять лет княжения Василия III (1505—1515 гг.) духовные корпорации не получали тарханных грамот от великокняжеского пра-

вительства. Самая ранняя группа тарханов, выданных Василием III, относится к 1515—1518 гг. Ее появление связано с присоединением Волоцкого удела (1513—1514 гг.) и притязаниями на него братьев великого князя.

Серьезное увеличение иммунитетных привилегий монастырей в конце 20 — начале 30 годов XVI века наблюдается в жалованных грамотах на монастырские земли Вологодского уезда. Это проявилось главным образом в расширении судебного иммунитета. Но в 1531 году Вологодский Комельский монастырь приобрел также тарханную грамоту, отменявшую уплату дани, ямских денег, мыта, посошного корма и более мелких пошлин (ГПБ, Грамоты по описи Андреева, № 90). Сравнительно щедрое обеление монастырских вотчин в районе Вологды объяснялось резким обострением там классовой борьбы, вынудившем правительство усилить власть местных феодалов.

При Елене Глинской преобладающей формой тарханных грамот стали грамоты тарханно-оброчные, то есть освобождавшие от главных поземельных податей (дани, ямских денег, примета, посошного наместнического корма) в счет уплаты оброка. Эти акты касаются уездов, входивших в Дмитровский удел, ликвидированный в конце 1533 года (уезды Дмитрова, Кашина, Рузы, Звенигорода).

В большинстве отмеченных грамот Елены Глинской отсутствовало разрешение не исполнять главные натуральные повинности: городовое дело и посошную службу. Выдавая жалованные грамоты на рузско-дмитровские вотчины монастырей, правительство преследовало цель закрепления этих территорий в составе великого княжества и не ставило перед собой задачи сколько-нибудь существенного сокращения старых иммунитетных привилегий духовных корпораций.

В первый период правления князей Шуйских (1538—1540 гг.) тарханные грамоты на сельские вотчины получили, помимо Волоколамского монастыря, некоторые северные корпорации (например, Тотемский, Ефремов, Соловецкий, Гледенский монастыри). Появление этих грамот следует рассматривать в свете попыток Шуйских заручиться поддержкой феодалов Новгорода и прилегавших к нему уездов.

10 Зак. 982. Памятники русского права, вып. IV

В период вторичного прихода Шуйских к власти в число монастырей, добившихся освобождения своих владений от основных налогов и повинностей, вошли главным образом корпорации, находившиеся в Суздальском и Переславль-Залесском уездах, где Шуйские, чьи родовые вотчины концентрировались в районе Шуи и Суздаля, завязали весьма тесные экономические и политические связи с местными феодалами. Шуйские хотели превратить в свою опору суздальские и переславские монастыри.

Правительства князя И. Ф. Бельского (1541 г.) и Воронцовых выдавали, как правило, льготные, а не тарханные грамоты. Много щедрых тарханных грамот было пожаловано духовным землевладельцам в конце 1546—1548 гг., когда боярские временщики старались удержаться на руководящих постах при посредстве тесного союза с крупнейшими монастырями: Троице-Сергиевым, Кирилло-Белозерским, Спасо-Евфимьевым, Белопесоцким и др.

Дань, подводы, мыт, томга — см. «Памятники русского права», вып. III, стр. 126—133.

Оброк — под оброком здесь могут подразумеваться платежи двоякого рода. Во-первых, оброк в XVI веке взимался с разного рода промыслов, вод, непашенных угодий (лугов, пожень и др.), часто даже в тех случаях, когда они являлись не арендными держаниями, а собственностью феодала. Во-вторых, оброк иногда заменял собой дань или целую группу денежных податей. В данном контексте оброк надо понимать, очевидно, в последнем смысле. Формула «ни оброк» встречается в жалованных грамотах очень редко. В публикуемом акте она появилась, вероятно, потому, что Волоколамский монастырь вносил в казну оброк вместо дани, ямских денег, примета и наместничьего корма со своих рузско-дмитровских вотчин и был известен, таким образом, правительству как плательщик большого оброка.

Ямские деньги — один из основных денежных налогов XVI века.

Первое известное упоминание о «ямских деньгах» содержится в жалованных грамотах 1500 года волоцкого удельного князя Иосифо-Волоколамскому монастырю на половину слободки во Ржеве (ААЭ, I, № 136) и дворовое место в г. Волоколамске (ЦГАДА, кн. копий Волок. м-ря, № 153—II). Города, являвшиеся центрами развития то-

варно-денежных отношений, конечно, раньше сел и деревень переходили к взносу податей деньгами[1]. Уплата ямских денег не означала отмены натуральной ямской повинности. В первой половине XVI века монастырские крестьяне, как правило, стояли на яму с подводами. Население иммунитетных вотчин было, очевидно, в общем порядке освобождено от необходимости «гонять» подводы, то есть быть проводниками и ямщиками. Вместо этой повинности платились так называемые «прогонные деньги». Обязанность же стоять на яму с подводами и строить ямской двор стала заменяться для монастырских крестьян денежным побором лишь во второй половине XVI века. Пошлина, взимавшаяся взамен указанной натуральной повинности, носила название «подможных денег» или «денег ямским охотникам[2] на подмогу». Вносили ее обычно вместе с прогонными деньгами. Освобождение от уплаты ямских денег — характерная особенность тарханных и льготных грамот XVI века.

Посошная служба — существовавшая с XV века военная повинность. К отбыванию ее привлекались тяглые слои населения (крестьяне, посажане), обязанные выставлять «с сох» определенное количество людей для службы в армии.

Городовое дело — повинность, заключавшаяся в строительстве городских стен и прочих оборонительных сооружений в городе. Городовое дело раскладывалось по сохам. С каждой сохи надлежало исполнить определенную работу, которая измерялась количеством сделанных «городень»[3]. Для населения феодальных владений городовое дело, как и другие повинности, было расписано «особно» от «черных людей», выполнявших «государевы дела» в более высоком окладе по сравнению с частновладельческими крестьянами. Городовое дело стало заменяться денежной податью только

---

[1] В великокняжеских грамотах термин «ямские деньги» впервые появляется в 1514 году (см. льготную грамоту от 14 мая 1514 г. Спасо-Евфимьеву монастырю, ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьева монастыря, д. 1, л. 415).

[2] «Охотники», «охочие люди» (от слова «охота», желание) — лица, по собственному желанию взявшиеся на определенных условиях за исполнение какой-то государственной службы.

[3] Городня — сруб, засыпанный землей или камнями.

во второй половине XVI века. Деньги за городовое дело платились часто вместе с деньгами за засечное дело (обязанность строить укрепленные засеки), распространенное в натуральной форме в некоторых окраинных русских городах уже в первой трети XVI века. Засечное дело отбывали, например, в Каширском уезде (см. грамоту 1522 года, АГР, т. 1, стр. 102—103). В первой половине XVI века городовое дело являлось самой общеобязательной натуральной повинностью. Освобождение от него и от посошной службы встречается в жалованных грамотах реже, чем освобождение от ямских денег.

Розвинское, или роздвинское, — свадебная пошлина с брака между крестьянином и крестьянкой, жившими в одной и той же волости, если крестьяне были черносошными, или в пределах одного и того же феодального владения, если крестьяне принадлежали частным лицам. «Роздвинское» — местное (волоколамское) название убруса.

Поворотное — пошлина, которую давали черные люди наместнику (волостелю), очевидно, при вступлении его в должность, с каждого двора (или с ворот — отсюда термин «поворотное»). В уставной грамоте Иосифо-Волоколамского монастыря 1591 года аналогичный побор, взимавшийся монастырскими слугами-управителями, именуется «въезжее».

Посошный корм — корм, собиравшийся с сох в пользу наместников, волостелей и их тиунов. Население, жившее в феодальных владениях, не освобожденных от этого налога, платило так называемый «белый корм» (в отличие от «черного», который наместники получали с черносошного крестьянства и с посадских людей). «Белым» он назывался потому, что его взимали агенты самого феодала и отдавали волостным властям, которые и рассчитывались с правительственной администрацией (см., например, несудимую грамоту 1510 года Великоустюжскому монастырю, Амвросий, История Российской иерархии, ч. III, стр. 315—332). Феодальное владение оказывалось, таким образом, обеленным от волостной, «черной» раскладки наместничьего корма. Из книги ключей Иосифо-Волоколамского монастыря ясно, что монастырская вотчинная администрация требовала уплаты корма в свою пользу. Это

показывает классовую направленность жалованных грамот, охранявших интересы феодалов.

Городчиковы пошлины — побор, который в XVI веке шел в большинстве случаев в пользу наместников. Его возникновение связано, несомненно, с институтом городчиков, появившимся, по мнению Н. Е. Носова, в третьей четверти XV века, но не нашедшем, как нам кажется, широкого применения.

Городчики занимались организацией строительства городских крепостей. Упоминания о городчиковых пошлинах находятся в грамотах, относящихся главным образом к Волоколамскому, а также к Ржевскому, Тверскому, Клинскому, Зубцовскому, Старицкому, Рузскому и Костромскому уездам. Надо полагать, что и городчики не распространились далее перечисленных уездов. Посылка городчиков во второй половине XV века в такие города, как Волоколамск, Дмитров, Ржева, Руза, Старица и др., преследовала определенные политические цели. Она, несомненно, была вызвана задачей укрепления великокняжеской власти в присоединенных или подчиненных Москве удельных центрах для решительной борьбы за ликвидацию независимости порубежной с ними Твери, а также Новгородской феодальной республики. Наличие в XV веке городчиков в Костромском уезде определялось соседством с ним центра удельно-княжеской оппозиции — Галича, подступы к которому следовало усилить. С уничтожением феодальной раздробленности функция городчиков в значительной мере исчерпала себя, и этот институт был, вероятно, «отставлен», после чего городчиковы пошлины вошли в Волоколамске и других указанных городах в состав наместничьих доходов.

А коли пошлю свои... грамоты... — формула, освобождающая население монастырской вотчины от разных натуральных повинностей и прежде всего от городового дела. Эта статья присуща только жалованным грамотам Иосифо-Волоколамскому монастырю. Впервые она была помещена в двух тарханных грамотах, полученных монастырем в феврале 1515 года от Василия III.

Тот факт, что самые ранние сведения о городовых приказчиках содержатся в грамотах Волоколамскому монастырю на его клинские, тверские, а затем и волоцкие

вотчины, следует сопоставить с наличием именно в волоколамских актах формулы насчет городчиковых пошлин. Может быть, волоколамские и другие городчики вскоре превратились в городовых приказчиков, ибо, несмотря на ликвидацию института городчиков, в районе Волоколамска, Ржевы, Твери оставались условия требования введения здесь специальных агентов, главной обязанностью которых было бы заведование строительными и оборонными работами. Во всяком случае необходимость иметь хорошо укрепленные центры на недавно присоединенных территориях сыграла немаловажную роль в возникновении института городовых приказчиков. Функции последних в дальнейшем расширились. Уже в 20-х годах XVI века городовые приказчики отвечали за сбор с тяглого населения ямских денег и других поземельных денежных налогов. Как показывает исследование Н. Е. Носова, городовые приказчики в первой половине XVI века распространились по многим городам.

Без омены — без исключения.

Грамота дертная — грамота, нарушающая старое постановление (от слова «дернить» — нарушать).

А наместницы наши ... кормов своих ... не емлют ... и не судят... — статья, устанавливающая степень изъятия населения монастырской вотчины из юрисдикции правительственных агентов. В публикуемом акте судебный иммунитет предоставлен монастырю в очень широком объеме — «оприч душегубства одного». Характерной особенностью тарханных грамот XVI века является то, что в них освобождение от главных государственных налогов и повинностей, как правило, сочетается с расширенным судебным иммунитетом. Вообще же формула, фиксирующая вотчинную юрисдикцию «оприч душегубства», не типична для большинства жалованных грамот первой половины XVI века.

При Василии III наиболее употребительной нормой ограничения судебного иммунитета феодалов было изъятие из него права сеньориального суда по вопросам душегубства и разбоя с поличным. В конце 20 — начале 30-х годов XVI века статья, определявшая монастырскую юрисдикцию «оприч душегубства», появилась в отдельных несудимых грамотах, которые относятся к Вологодскому уезду,

где в это время заметно обострилась классовая борьба крестьянства (см. ниже). Такие грамоты получили Кирилло-Белозерский (ЦГАДА, ГКЭ, № 2575, 2580) и Ферапонтов (ЦГАДА, ГКЭ, № 2579) монастыри.

В годы регентства Елены Глинской в основной массе жалованных грамот, за исключением некоторых тарханных, монастырская юрисдикция санкционировалась «оприч душегубства и разбоя с поличным». То же самое наблюдается и в грамотах времен боярского правления до 1547 года.

В период пребывания у власти Воронцовых наряду с проведением в общем порядке старой линии возникли известные отклонения от нее, вызванные борьбой за осуществление губной реформы на севере (о ней см. историко-правовой обзор к губным грамотам). Так, в 1545 году в грамоте, выданной Антониеву Сийскому монастырю на деревни и слободки Двинского уезда, наместникам запрещалось вмешиваться в какие бы то ни было тяжбы между монастырскими крестьянами.

С 1547 года, когда монастыри стали в большом количестве приобретать тарханные грамоты, расцвел и монастырский судебный иммунитет, закреплявшийся «оприч душегубства», а иногда и вообще «во всем». То, что грамоты, изымавшие из юрисдикции иммунистов право суда лишь по вопросам душегубства, были выданы некоторым монастырям еще в 1550 году, объясняется резким усилением в этот промежуток времени классовой борьбы народных масс, вынуждавшей правительство в условиях расстройства государственной системы управления в значительной мере уступить крупным феодальным сеньорам функцию удержания эксплуатируемого большинства в узде.

А случитца суд сместной... — о практике сместного суда см. «Памятники русского права», вып. III, стр. 135—136. В XVI веке сместной суд подвергся существенным изменениям сначала в связи с губной реформой, а затем в результате отмены наместничества.

В январе 1541 года, например, правительство князя И. Ф. Бельского послало белозерскому наместнику Воронцову грамоту, в которой лишало его права участвовать в сместном суде с Ферапонтовым монастырем (наместнику предписывалось «ходить» «о всем по тому, как в их

жалованной грамоте писано в несудимой, оприч смесного суда». ААЭ, т. I, № 193). Реформа судебных органов, предпринятая в конце 30—40-х годов XVI века, решительным образом ограничила полномочия наместников как в отношении посадского и черносошного населения, так и в отношении крестьян иммунитетных вотчин.

А кому будет чего искати на монастырском приказщике — статья, изымающая монастырского приказчика из юрисдикции местных властей. Во многих жалованных грамотах первой половины XVI века, устанавливающих эту норму, наряду с приказчиком упомянуты также настоятель и братия, которые за все виды преступлений, кроме духовных, отвечали перед великим князем, а не перед иерархами церкви, что ущемляло влияние последних и подчиняло монашество светской власти.

Дворецкой Углецкого дворца — ведал территориями, входившими в бывшее Угличское княжество, то есть уездами Углича и Зубцова. Угличский дворец возник в 1521 году, после смерти князя Дмитрия Ивановича, в результате включения его удела в состав великого княжества. Существовали и другие территориальные дворцы, образованные для управления ранее самостоятельными областями (Тверской, Дмитровский, Рязанский). Наличие их свидетельствует о том, что в XVI веке далеко еще не были изжиты «следы прежней автономии» отдельных земель (В. И. Ленин).

Пятно — пошлина, платившаяся при продаже лошадей.

А учинитца у них в селе и в деревнях душегубство... — статья, рассматривающая казусы, которые могли возникнуть в связи с расследованием душегубства в пределах монастырской вотчины. В более полном виде эта статья жалованных грамот состоит из трех разделов: первый содержит предписание взимать штраф со всех крестьян данного владения, если душегубец, совершивший преступление, не выдан; во втором разделе снималась ответственность за убийство с остальных крестьян в случае передачи преступника правительственным агентам; третий раздел освобождал крестьян от штрафов в случае, когда было установлено, что смерть погибшего наступила в результате обстоятельств, не обусловленных злым умыслом членов данной общины. Четыре рубля — наиболее распро-

страненный размер штрафа за убийство при невыдаче душегубца. Впрочем, в некоторых грамотах XVI века этот штраф определен в размере рубля.

А наши воеводы... и всякие ездоки... не ставятца — формула, фиксирующая одну из основных сторон заповедного иммунитета. Статья о ездоках, как известно, издавна входила в жалованные грамоты. Появившиеся в XVI веке различные оговорки и дополнения к ней (ставиться не позволялось лишь насильно, корм брать было запрещено не вообще, а без соответствующей платы) лишали запрет той безусловности, которая характерна для ранних бережельных грамот. Развитие товарно-денежных отношений подтачивало заповедный иммунитет.

А коли повезут те хрестьяне монастырские дрова..., с тех хрестьян... мыта и всякой пошлины не емлют — разрешение беспошлинного провоза дров в монастырскую вотчину из отдаленного леса. Жалованные грамоты XVI века иногда предусматривают такое ограждение от проездных пошлин обычных хозяйственных операций, не связанных с торговлей или закупкой монастырских запасов. Вместе с тем жалованные грамоты дают богатый материал для изучения политики правительства в отношении монастырских торговых экспедиций.

Масштабы торговли монастырей хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами непосредственно зависели от размеров монастырского землевладения. Так, объем торговых операций крупного Иосифо-Волоколамского монастыря в первой трети XVI века в три раза превосходил объем торговли более мелкого Спасского Ярославского монастыря.

В первой трети XVI века русское великокняжеское правительство проводило весьма расчетливую таможенную политику. Если беспошлинный проезд еще санкционировался в жалованных грамотах, то освобождение монастырских торговых операций от тамги грамотами обычно не оговаривалось. Немногочисленные монастыри (Иосифо-Волоколамский, Спасский Ярославский), которым удавалось добиться права на покупку и продажу без уплаты тамги, могли пользоваться этой привилегией только в отношении регламентированного, «урочного» количества товаров. Такая же в целом выдержанная таможенная политика осуще-

ствлялась и в период боярского правления до прихода к власти князей Глинских. С 1546 года стали выдаваться жалованные грамоты либо резко увеличивавшие количество товаров, которые разрешалось беспошлинно продавать и покупать (ОДРА, Коллекция Шегрена, № 4), либо вообще не содержавшие регламента безмытной и бестаможенной торговли (Сб. ГЭК, II, № 118а). Этот политический курс боярских правительств 1546—1548 гг. шел вразрез с интересами посадского населения и, в частности его верхушки — купечества, получавшего в лице привилегированных духовных корпораций сильного конкурента на внутреннем рынке. Ограничение таможенного иммунитета монастырей началось с 1549 года. Удар в первую очередь был нанесен по мелким, недостаточно влиятельным корпорациям (см. РИБ, XXXII, № 172). Затем в результате проверки жалованных грамот в мае 1551 года право монастырей торговать без уплаты тамги и провозить продажные товары без уплаты мыта было в общем порядке отменено. Отныне беспошлинно разрешалось приобретать и провозить товары лишь «на монастырской обиход, а не на продажу». Жалованные тарханно-проезжие грамоты, не подписанные в мае 1551 года на царское имя, считались в 50-х годах XVI века утратившими силу (Сб. ГКЭ, I, № 137а). Таможенная политика правительства «Избранной Рады» знаменовала союз великокняжеской власти с посадами. Таможенный иммунитет духовных корпораций значительно увеличился в объеме в конце 60 и в 70-х годах XVI века. Особенно это коснулось Кирилло-Белозерского монастыря, которому было позволено беспошлинно торговать в различных городах «нашей опричнины».

Явка — здесь пошлина за предъявление грамоты наместнику.

Даной пристав — пристав, специально назначавшийся (дававшийся) для вызова в великокняжеский суд крестьян феодала-иммуниста в случае возникновения тяжб между ними и посторонними лицами, не подсудными наместнику, а также в случае безрезультатности сместного суда. Такого рода дела, «управу» которых чинил сам царь или высшие сановники государства, назывались «управными». Кроме данного пристава, другие великокняжеские приставы, площадные и дворцовые недельщики не имели права вызывать

в суд крестьян, живших в пределах владений грамотчика. Обязанность всякого пристава, в том числе и данного, заключалась прежде всего в обеспечении прихода в суд затребованного лица. Обычным приемом, которым пользовались при этом приставы, было установление «поруки» нескольких человек за своевременную явку подсудимого. Монастыри стремились получить данных приставов из числа связанных с ними правительственных агентов. Важным моментом в формуле о данном приставе является определение количества сроков вызова монастырских крестьян в великокняжеский суд. Сокращение числа сроков отвечало интересам феодалов, так как судебные тяжбы в Москве надолго отрывали крестьян от работы. Общим правилом для XVI века можно считать отмену практики трехсрочных вызовов.

В первой трети XVI века, когда правительство проводило резкое ограничение податного иммунитета духовных феодалов, последним была сделана значительная уступка в отношении вызова монастырских крестьян в великокняжеский суд, заключавшаяся в широком распространении односрочности. В период регентства Елены Глинской выдавались главным образом двусрочные грамоты. С 1538 года в грамотах встречается, как правило, один срок. В момент наивысшего расцвета монастырских иммунитетных прав в 1547—1548 гг. полный податной иммунитет тесно переплелся с односрочностью. В 50 годах XVI века общее ограничение феодальных привилегией монастырей коснулось и сроков вызова монастырских крестьян в царский суд. Число сроков было увеличено до двух. Со второй половины 60-х годов XVI века в жалованных тарханных грамотах снова восторжествовал принцип односрочности. Из всех сроков самым устойчивым был тот, который назначал суд на зимнее время, свободное от сельскохозяйственных работ (Рождество Христово — 25 декабря).

С 20-х годов XVI века в статью о сроках стала иногда включаться оговорка, касавшаяся так называемых «лихих людей, татей и разбойников». Правительство оставляло за собой право посылать для их поимки «безурочно» своих специальных агентов. Эта ограничительная формула впервые вошла в жалованные грамоты, относящиеся к северным уездам. Можно говорить об особенном обострении с

начала 20-х годов XVI века классовой борьбы именно в районах к северу от Москвы — в Бежецком, Угличском, Ярославском, Вологодском уездах. В экономически развитых областях с оживленной торговлей — Угличе, Вологде и др. — феодальная эксплуатация была более жестокой, чем в центрах, лежавших вдали от торговых путей, так как здесь, благодаря интенсивному товарному обращению, запросы феодалов постоянно увеличивались. Кроме того, крепостнические отношения на русском севере были сравнительно новым фактом, и поэтому в северных уездах усиление феодальной эксплуатации встречало наиболее резкий отпор. Результатом роста феодального гнета явилась активизация классовой борьбы угнетенного крестьянства. Статья о лихих людях включалась и в последующие жалованные грамоты — 30-х и главным образом конца 40-х годов, когда в период правления Глинских обострилась борьба социальных низов города и деревни против засилья феодальной аристократии.

1546 г. Данная и тарханная грамота Троице-Сергиеву монастырю на двор

Жалованная грамота 1546 года Троице-Сергиеву монастырю на коломенский двор характеризует иммунитет городских владений крупных духовных феодалов в период боярского правления. Правительство князей Глинских, удовлетворяя челобитье монастырских властей, отдало монастырю двор жителя государевой Михайловской слободы в Коломне. При этом слобожане были насильственно принуждены к продаже не территории двора, а тех построек, которые на нем имелись: монастырю следовало «за хоромы... и за городбу тем людем денги заплатити», слобожанам, в свою очередь, предписывалось «с того двора хоромы здати». Сам двор слобожан рассматривался как государственная, а не как частная собственность.

Даже за хоромы прежние владельцы не смогли ничего получить, пока власть в стране находилась в руках боярских временщиков, покровительствовавших крупным монастырям-вотчинникам. Только в 1552—1553 гг. сын Григория Ворожихина Иван «взял у Троицкого Сергиева монастыря у казначея ... за отца своего и за дядины за

Игнатьевы хоромы десять рублев за все» (ГБЛ, Тр. кн. 534, л. 48). Но и эта сумма была лишь половиной того, что причиталось Ворожихиным: коломенские городовые приказчики и ключник, отписывавшие в июне 1546 года двор «на» монастырь, оценили стоимость всех построек, которые оказались во дворе, в 21 р. 4 гривны (ГБЛ, Троицк., кн. 521, лл. 178 об. — 179 об.).

Ключнича пошлина — пошлина в пользу ключников. Здесь ключники — лица, заведовавшие дворцовыми землями в некоторых уездах — Нижегородском, Коломенском. К монастырю они могли иметь отношение главным образом как межевщики.

Отмена уплаты главных налогов с дворов и слобод духовных корпораций была новым явлением в годы боярского правления. В большинстве жалованных грамот Василия III, касавшихся монастырских дворов и слободок, не ставился даже вопрос относительно освобождения их от податей или мелких черных проторов и разметов.

В период регентства Елены Глинской жалованные грамоты, утверждавшие податные привилегии, правительство выдало только на дворы, расположенные в городских центрах присоединенного Дмитровского удела. Грамота 1534 года Иосифо-Волоколамскому монастырю допускала неуплату монастырским дворником в Дмитрове косвенных пошлин (мыта, тамги и др.), но не снимала с него обязанности давать главные прямые налоги. Юрисдикция монастыря не распространялась на душегубство и разбой с поличным (см. более щедрые грамоты тому же монастырю на села и деревни). Содержание грамот 1534 года на дмитровские дворы Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей совпадает. Это свидетельствует о наличии общих социально-экономических и политических моментов, определявших сравнительную скупость жалованных грамот, относящихся к дмитровским дворам. Очевидно, имели место экономический подъем дмитровского посада и рост его классовой борьбы против беломестцев.

Для укрепления иммунитета городских владений монастырей много сделало правительство князей Шуйских. В 1540 году, например, Шуйские расширили податной иммунитет двора Троицкого монастыря в Москве (ГБЛ,

Троицк., кн. 520, лл. 19 об. — 22) в ущерб интересам верхушки московского посада — гостей.

Особенно крупных привилегий монастыри добились во второй период правления Шуйских. Правительство Шуйских превращало монастырские дворы в белые «необрочные и нетяглые места», противопоставляя их черному посадскому миру (дворы Комельского монастыря в Вологде, Рождественского — в Муроме, Троице-Сергиева — в Переславле, Стародубе и Киржаче). Завершающим этапом расцвета иммунитетных прав монастырских дворов и слобод были 1546—1548 гг., когда тарханные грамоты на городские владения получили Троице-Сергиев, Симонов, Спасо-Евфимьев, Коряжемский и другие монастыри.

А сужю тех манастырских людей... яз сам, — эта формула предусматривает, очевидно, суд в отношении «управных дел» и не означает уничтожения права сеньориального суда, в чем можно убедиться хотя бы по наличию в грамоте статьи о сместном суде, согласно которой «монастырской... в правде и в вине игумену з братьею или их приказщику».

Объем юрисдикции монастырей в городских дворах и слободах изменялся до середины XVI века приблизительно так же, как судебный иммунитет сельских владений духовных феодалов.

Сей у них грамоты рушати не велел, оприч ямских денег... — подпись, ограничивающая податной иммунитет монастыря. 15—17 мая 1551 г. во исполнение ст. 43 Судебника 1550 года был произведен пересмотр монастырских жалованных грамот. Население сельских вотчин монастырей было принуждено к уплате в казну ямских денег, отбыванию посошной службы. Взимание тамги из рук монастырских приказчиков перешло в руки правительственных агентов. Эта мера являлась попыткой в общем порядке провести отмену старого феодального права сбора таможенных пошлин, которую частично осуществил Василий III в отношении пятна.

По иммунитету монастырских дворов ограничительные мероприятия правительства 50-х годов ударили еще сильнее. Все жители дворов, за исключением дворников, были обязаны полностью включиться в черное тягло.

Наместницы коломенские... судят их — подсудность населения монастырского двора, кроме дворников, наместнику, а не монастырским властям означала ликвидацию беломестной юрисдикции городских владений духовных феодалов. Таким образом, правительство Адашева и Сильвестра, формально подтверждая право монастырей владеть дворами в городах, фактически стремилось уничтожить его путем уравнения обитателей монастырских дворов с посадскими людьми в вопросах суда и тягла. Принципы, положенные в основу иммунитетной политики 50-х годов, претворялись в жизнь примерно до начала опричнины.

А будет один двор, а не слобода, — подписати — данная помета — ясный отголосок постановления 1550 года о слободах, в котором монастырям запрещалось ставить новые слободы. Слободы, возникшие в период боярского правления, считались новыми, грамоты на них в великокняжеской канцелярии не подписывались. Очевидно, эти слободы отбирались в пользу государства.

1548 г. Льготная грамота путному ключнику Дурову

Льготные грамоты, фиксировавшие временные податные привилегии, предоставлялись в XVI веке как духовным, так и светским феодалам. Великокняжеские и царские льготные грамоты XVI века существенным образом отличаются и от одноименных актов XV века, и от удельно-княжеских льготных грамот XVI века. Основным содержанием большинства льготных грамот XV века было временное освобождение только от дани; право не платить другие подати и пошлины в этих грамотах носило фактически постоянный характер.

В грамотах удельного князя Юрия Ивановича (1504—1533 гг.) льгота, как правило, касается четырех основных налогов: дани, яма, примета (с 1513 года) и наместничьего корма. Великокняжеские льготные грамоты XVI века делают дальнейший шаг вперед: в них временное освобождение распространяется на широкий круг податей и повинностей, которые после истечения срока льготы должны были отбываться крестьянами грамотчика. По льготным грамотам, таким образом, наиболее четко

прослеживается постепенное сужение правительством податного иммунитета феодалов, принуждение крестьян иммунитетных владений к исполнению всех основных казенных податей и повинностей. В большей мере это ограничение затронуло светских феодалов, но не составляют исключения и льготные грамоты духовным вотчинникам, указывающие на обязательность для их крестьян уплаты тех пошлин, которые перечислены в публикуемом документе.

Льготные грамоты в XVI веке феодалы получали обычно в связи с запустением отдельных территорий либо в результате неприятельского набега, либо вследствие неурожая, эпидемий и других стихийных бедствий.

Первая крупная серия льготных грамот появилась в 1522 году, после разорения татарами Московского уезда (1521 г.).

Во время регентства Елены Глинской льготные грамоты почти совершенно не выдавались. Шуйские в первый период своего правления пытались привлечь к себе льготными грамотами монастыри, имевшие вотчины в Переславль-Залесском и Суздальском уездах, в которых Шуйские пользовались особым влиянием. Льготные грамоты стали преобладающей формой пожалования монастырей в период правления князя Бельского и Воронцовых.

При Воронцовых льготные грамоты приобрели монастыри, служившие оплотом старомосковской знати — Троице-Сергиев, Симонов, Московский Новоспасский. В 1546—1548 гг. было выдано ничтожное количество льготных грамот. Пожалование льготной грамоты Василию Дурову в 1548 году, несомненно, объясняется его близостью к Шуйским. Не случайно в грамоте прежде всего упоминаются дмитровские и переславские владения Дурова (его «вотчины»), о которых Шуйские знали, вероятно, еще в годы своих тайных сношений с удельным князем Юрием Дмитровским.

Туковые деньги — побор, заменявший обеспечение натуральным кормом царских лошадей и реже — охотничьих собак. Слово «тук» означало корм. В одной грамоте князя Юрия Ивановича 1522 года говорилось: «и собак у них мои ловчие не ставят, и за тук за собачей на их христианех денег не емлют» (АФЗ и Х, I, № 106).

1551 г. Жалованная обельно-несудимая грамота Чудову монастырю

Жалованная грамота 1551 года Чудову монастырю санкционирует податной и судебный иммунитет в весьма ограниченном объеме. В отношении финансовых привилегий населению монастырской вотчины разрешалось лишь «не тянуть» с тяглыми людьми в разные «проторы и разметы», что гарантировало изолированность владений Чудова монастыря, обеление их от мелких земских расходов и общей раскладки тягла с «черными» людьми. Однако все основные подати и повинности, не упомянутые в грамоте, оставались в числе обязанностей монастырских крестьян. Обращает на себя внимание дата выдачи грамоты — 17 мая 1551 г. (день пересмотра монастырских жалованных грамот). Кроме Чудова монастыря, 17 мая 1551 г. аналогичные обельно-несудимые грамоты получили Спасо-Евфимьев, Иосифо-Волоколамский и некоторые другие монастыри. Акты, устанавливавшие более существенные права податного иммунитета (освобождение от главных налогов), были пожалованы лишь отдельным корпорациям, расположенным на крайнем севере, юге или востоке страны и имевшим там важное стратегическое значение.

Подавляющему большинству духовных феодалов уже с 1550 года выдача тарханных грамот прекратилась.

А пожаловал их отець мой князь велики Василей Иванович — в XVI веке обельно-несудимые грамоты типа публикуемой выше впервые появились в годы правления Василия III. Они были документами, фиксировавшими более широкий круг податных привилегий, чем основная масса жалованных грамот Василия III, в которых либо вообще отсутствовали финансовые статьи, либо содержалась только формула о проторах и разметах. Предоставление монастырям в первой трети XVI века актов, освобождавших от проторов, разметов и некоторых дворцово-княжеских повинностей («сен не косят, коня... не кормят»), обусловливалось стремлением правительства заручиться поддержкой монастырей в присоединяемых уделах (Бежецком в 1511 году, Угличском [1] в 1521—1522 гг.). Делалось это

[1] Зубцовский уезд, где находились вотчины Чудова монастыря, обеленные в 1522 году Василием III, входил в состав Угличского княжества.

в конечном итоге для того, чтобы укрепить позиции центральной власти на недавно присоединенных территориях, где велика была опасность княжеско-боярского сепаратизма.

К сотцким и к десятцким с тяглыми людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы — о значении термина «разметы» см. «Памятники русского права», вып. III, стр. 147. Проторы — расходы (возможно, главным образом судебные) местного характера. В жалованные грамоты Василия III статья насчет «проторов и разметов» начинает включаться с 1511 года. Интересно развитие этой формулы. В грамотах XV века она обычно называет сотских и дворских, грамоты же XVI века говорят преимущественно о сотских и десятских. Указанная перемена терминов отражает реальные изменения в аппарате уездного и волостного управления. Ликвидация института дворских связана с возникновением новой уездной администрации — городовых приказчиков, которым были подчинены в финансовом отношении сотские и десятские.

Дворские совершенно не упоминаются в жалованных грамотах волоцких удельных князей Иосифову монастырю еще в последней четверти XV века. В них безраздельно господствует формула «соцкие и десяцкие». Городовые приказчики в районе Волоколамска появились, очевидно, не позднее конца XV века.

Если власть дворских не распространялась на иммунитетные вотчины, то городовые приказчики осуществляли постоянный надзор за уплатой податей населением феодальных владений. Таким образом, «отставка» дворских и введение городовых приказчиков были формой борьбы за ограничение феодального иммунитета.

Знаменательна терминологическая эволюция той части анализируемой формулы, где определяются «люди», подведомственные сотским и десятским. В жалованных грамотах до 70-х годов XVI века преобладает в основном термин «тяглые люди». В последней четверти века он вытесняется выражением «черные люди». Некоторые из черных людей «сидели» на льготе (ЦГАДА, ф. Калязина м-ря, кн. I, гр. 29) и т. п., следовательно, не были в данный момент лицами, тянувшими тягло, имелись люди «неписьменные и нетяглые». В комментируемой формуле «черные

люди» выступают как черносошное население волости, обязанное тяглом государству. Таким образом, грамоты уже перестают различать в волости «тяглых» и «нетяглых» людей. Это позволяет говорить о попытках правительства резко сократить число «нетяглых» людей.

В разбираемой статье термин «тяглые» стал впервые в XVI веке заменяться словом «черные» в грамотах волоцкого, углицкого, дмитровского и старицкого удельных князей, причем, главным образом в грамотах, которые относились к городским владениям феодалов-иммунистов. Такую же картину можно наблюдать в отдельных иммунитетных актах периода боярского правления, особенно того времени, когда у власти стояло правительство Шуйских, и в 1546—1548 гг. Как удельные князья, так и боярские временщики, делая большие уступки в отношении иммунитета духовным корпорациям, вынуждены были усилить финансовый нажим на черносошное население, в первую очередь на посадских людей, имевших бо́льшие денежные сбережения, чем крестьяне. Этим и объясняется стремление указанных правительств первой половины XVI века «раскинуть» тягло на все черносошное население в целом, не выделяя в нем «тяглых» и «нетяглых» людей.

А наместницы... не судят ни в чом, оприч душегубства и розбоя с поличным — самая распространенная в первой половине XVI века степень ограничения судебного иммунитета.

С 50-х годов XVI века право монастырского суда стало подвергаться еще более значительному сужению. Из монастырской юрисдикции изымался разбор дел, касавшихся душегубства, разбоя и татьбы с поличным. Отмена наместничьего управления и введение выборных земских судей также способствовали ущемлению прав иммунистов. Выборные «черные» власти северных волостей были кровно заинтересованы в том, чтобы ликвидировать изолированность монастырских вотчин, привлекать их население к суду и к участию во всяких проторах и разметах. Наместники же в этом отношении проявляли гораздо меньше активности (см., например, ОДРА, Собр. актов до 1613 года, № 1/390). В 60—70-х годах XVI века наряду с исключением из юрисдикции духовных корпораций трех категорий преступлений наблюдаются случаи возврата к изъятию

только двух, а в ряде тарханных грамот — одного вида дел (душегубства). В 70-х годах судебный иммунитет предоставлялся иногда «во всем», то есть в полном объеме. Таким образом, в связи с политикой опричнины единую линию в области судебного иммунитета монастырей выдержать не удалось.

А кому будет чего искати на архимандрите... и на его братье, ино их судит отецъ нашь Макарей, митрополит всеа Русии, по новому Соборному Уложенью — новая статья, включавшая в жалованные грамоты 50-х — начала 60-х годов XVI века. Она же вошла 17 мая 1551 г. в подтвердительные подписи к тем старым грамотам, где говорилось, что настоятеля и братию судит великий князь (или его дворецкий, боярин введенный). Этот пункт имел в виду разбор не церковных («духовных») дел (ими и так ведала церковь), а всех гражданских и уголовных тяжб монастырского начальства, ведавшихся в первой половине XVI века великокняжеским правительством. Расширение сферы митрополичьей и архиепископской юрисдикции закреплялось в Стоглаве. Внесением анализируемой формулы в жалованные грамоты осуществлялось одно из решений церковного собора 1551 года. Новый принцип подсудности монастырского начальства был серьезной уступкой, отвоеванной церковными иерархами у Ивана IV.

В конце боярского правления Глинские настойчиво стремились к крайнему ограничению митрополичьей юрисдикции. В великокняжеские жалованные грамоты монастырям стали попадать такие разделы, которые фактически заменяли собой митрополичьи иммунитетные акты, освобождавшие духовных лиц, живших в монастырских вотчинах, от кафедральных пошлин и суда. Правительству Ивана Грозного, чтобы провести широко задуманное сокращение объема монастырского иммунитета, пришлось пойти на компромисс с верхушкой церковников. Однако царь не собирался надолго отдавать власть над монастырским начальством в руки церковных иерархов. Недаром в грамотах назван персонально Макарий и нет формулы, которая переносила бы его судебные полномочия на последующих митрополитов. В самом деле, после смерти Макария (1563 г.) комментируемая статья перестала входить в жалованные грамоты, а во многих актах прямо указыва-

лось, что настоятель с братьею подсудны царю или кому-нибудь из представителей высшего правительственного аппарата.

А приказщика их сужю яз... или мой дворецкой — статья эта приобретала для правительства Ивана IV большое значение вследствие установления подсудности монастырских властей митрополиту. Она уничтожала возможность привлечения к митрополичьему суду светского населения монастырских вотчин (разумеется, по недуховным делам). В некоторых грамотах и ограничительных подписях наряду с приказчиком названы монастырские крестьяне. Это не дает, однако, повода трактовать данную формулу как ликвидирующую институты вотчинного и сместного суда и ставящую монастырских крестьян в непосредственную подведомственность царскому правительству во всех тяжбах. Речь здесь шла только об «управных» делах (о них см. выше).

А на лоси, и на медведи, и на волцы, и на лисицы не ходят — право монастырских крестьян не участвовать в облавах на зверей во время царской охоты.

А попрошатаем у них... не просити и скоморохом не играти — решительные меры против нищих и скоморохов принимались правительством уже в начале XVI века. Увеличение числа «попрошаев» было следствием усиления феодального гнета в конце XV — первой половине XVI вв. Среди них находилось, очевидно, немало беглых крестьян. Таким образом, данная статья преследовала задачу мобилизации класса феодалов на борьбу с теми элементами, которые вносили брожение в среду крестьянства. Антифеодальный характер выступлений скоморохов также не мог не беспокоить правительство. В одном из вопросов, обращенных к освященному собору, царь Иван IV специально интересовался способами пресечения движения скоморохов, которые «ватагами» «розно» ходят по селам и деревням. Скоморохов и «попрошатаев» (нищих) было велено давать на поруки и представлять в великокняжеский суд. Так же поступали с нарушителями «заповедей», запрещавших рубить леса и рощи в пределах иммунитетных владений. Правительство лишало этим феодалов-иммунистов права самостоятельного суда и расправы над посторонними лицами.

1569 г. Указная грамота о невзимании податей с села Симонова монастыря

Публикуемая указная грамота относится к числу документов, характеризующих особенности податного иммунитета монастырей, попавших в опричнину. Вотчины Симонова монастыря стали переходить в опричнину с 1566 года. Окончательно все симоновские владения были изъяты из земщины в начале 1569 года, в связи с чем и появилась комментируемая грамота. Кроме Симонова монастыря, целиком оказался в опричнине также Шаровкин монастырь. Земли некоторых других духовных феодалов вошли в состав опричных территорий только частично.

Положение монастырских вотчин в опричнине не везде было одинаковым. В первых опричных грамотах Симонову монастырю (1566 г.) содержалось полное освобождение от податей. Впоследствии население отдельных монастырских владений принуждалось к уплате главных государственных налогов. Иногда привилегия состояла лишь в том, что монастырь получал право вносить подати в опричную, а не в земскую казну.

Политика русского правительства в отношении монастырского иммунитета в период опричнины существенным образом отличалась от иммунитетной политики правительства А. Адашева. В основной массе жалованных грамот 50-х годов XVI века либо вообще нет статей, говорящих об уплате главных податей, либо (в данных грамотах) специально отмечается, что кроме «мелкого дохода», все остальные подати (ямские, полоняничные [1] и другие деньги) должны взиматься с монастырских вотчин.

Примерно так же обстояло дело с монастырским иммунитетом и в начале 60-х годов. Впрочем, уже в 1563—1564 гг. наблюдаются заметные сдвиги в сторону увеличения финансовых льгот некоторых духовных корпораций. Была освобождена от главных налогов митрополичья слободка в Переславле-Залесском (1564 г.). В 1563 году тарханную грамоту на все свои вотчины приобрел Иосифо-Волоколамский монастырь.

---

[1] Деньги на выкуп пленных.

П. А. Садиков полагает, что снятию с монастырских владений податных обязанностей способствовал в первую очередь сам факт включения монастыря и его вотчины в опричнину. Однако некоторые щедрые тарханные грамоты, выданные отдельным духовным учреждениям, и в том числе Симонову монастырю (в 1565 г.), еще до перехода их в опричнину, свидетельствуют о предварительном установлении союза между правительством и теми монастырями, в поддержке которых оно было заинтересовано.

Этот союз и определял дальнейшие льготы в пользу привилегированных корпораций. Одной из таких льгот являлось зачисление монастырских вотчин в опричнину.

Со второй половины 60-х годов XVI века линия на обеление от налогов как сельских, так и городских владений монастырей получила большое развитие. Особенно велико было количество тарханных грамот, пожалованных монастырям в 1578 году. Соборное постановление 1584 года о временной отмене тарханов слабо проводилось в жизнь. Симонову монастырю, например, в 1585 году правительство подтвердило многие старые тарханные грамоты; Троице-Сергиев монастырь приобрел ряд новых иммунитетных актов, содержавших широкие податные привилегии.

Платежница — книга росписи налогов, составлявшаяся на основании писцовых книг, где было указано количество тяглой земли в разных владениях уезда.

Приметные деньги — деньги на строительство осадных сооружений перед городскими стенами. Как налог примет впервые упомянут в жалованной грамоте князя Юрия Ивановича 1513 года. В великокняжеских жалованных грамотах термин «примет» встречается с 1522 года.

Ямчужное дело — добыча селитры для изготовления пороха.

1538 г. Жалованная несудимая грамота Тимофею Замятне

Грамота Тимофею Замятне — типичный образец жалованных несудимых грамот XVI века светским феодалам. Публикуемый акт был выдан в тот период, когда власть в стране захватили князья Шуйские. Одновременно с Замятней (13 августа 1538 г.) такую же грамоту получил

связанный с Шуйскими дьяк Иван Шамской на купленные им деревни в Переславль-Залесском уезде. Особенное внимание Шуйских к феодалам Переславль-Залесского уезда уже отмечалось выше. Предоставление грамот Ивану Шамскому и Тимофею Замятне (вотчины последнего находились в Радонеже, вблизи Переславля) входило в круг мероприятий правительства по укреплению своего влияния на территории Переславль-Залесского уезда, служившего опорной базой Шуйских.

Выдача несудимых грамот светским землевладельцам прекратилась около 1554 года. В каком объеме был сохранен за ними их судебный иммунитет, из источников неясно. Однако, если учесть, что в 50-х годах XVI века монастырская юрисдикция сакционировалась «оприч душегубства, разбоя и татьбы с поличным», можно предположить распространение этого ограничения и на иммунитет светских феодалов.

1533 г. Указная грамота о высылке крестьянина с монастырской земли

Помещаемая указная грамота является ярким документом, характеризующим борьбу непосредственных производителей против феодального гнета. Крестьянин Батурин пытался освободиться как от податного иммунитета монастыря («пошлин... игумену... никоторых не платил»), так и от судебного («под суд ся им не дает»). Монастырь не смог самостоятельно заставить крестьянина подчиниться своей власти. Государство выступало в роли аппарата насилия в руках господствующего класса. Этот пример ясно показывает, что оно защищало основы феодального иммунитета землевладельцев, хотя и ограничивало его в свою пользу. Функцию принуждения государство выполняло нередко и в тех случаях, когда нарушались права феодальных корпораций в городах. В 1539 году Спасский Рязанский монастырь обратился к правительству Шуйских с жалобой на детей боярских и черных людей, которые не платили монастырю позем с дворов, расположенных на монастырской территории. Монастырь не обладал политической властью по отношению к посадским людям, арендовавшим

его землю, и действовал через органы государственного управления, охранявшие интересы монастыря-собственника земли (ЦГАДА, ГКЭ, № 9824).

Князь Иван Иванович Кубенский — был дворецким с 1524 года.

Искал — искал управы.

Жил... на лготе — призывая к себе крестьян, монастыри часто на несколько лет освобождали их от податей, чтобы дать им время для устройства на новом месте. Льгота была средством закабаления крестьянина. Идею предоставления льгот крестьянам пропагандировал в своих сочинениях Иосиф Волоцкий.

1512 г. Жалованная грамота Череповецкому монастырю на право ежегодно брать у белозерских таможников 50 рублей

Жалованная грамота 1512 года Череповецкому митрополичьему монастырю отражает ограничение правительством Русского централизованного государства права монастырей на сбор таможенных пошлин с торговых людей. Комментируемая грамота свидетельствует о результатах введения в Белоозере института откупных таможников: сбор пошлин перешел в их руки, монастырь был от этого дела «отставлен» и взамен получил денежное жалование. Вытеснение монастырей как сборщиков пошлин откупными таможниками или светскими феодалами-кормленщиками являлось одной из отличительных черт внутренней политики правительства Василия III, которое ставило монастыри и церкви в прямую финансовую зависимость от себя, заменяя их земли и крупные прерогативы в отношении сбора пошлин денежными и хлебными подачками (ругой). Руга продолжала выдаваться духовным учреждениям и в период боярского самовластия, особенно во время правления Шуйских, однако ее предоставление не сочеталось с изъятием у монастырей финансовых привилегий или вотчин. В 50-х годах XVI века наблюдается нечто обратное тому, что происходило в первой трети века: церквам и соборам (но не монастырям) отдавались отнятые у них ранее земельные владения и право на сбор пошлин, но зато они

лишались руги. Отмена руги, сопровождавшаяся возвращением земель и феодальных привилегий, уменьшала зависимость церквей и соборов от государства. Эта мера связана с компромиссом между правительством и митрополитом Макарием, который стремился к независимости церкви.

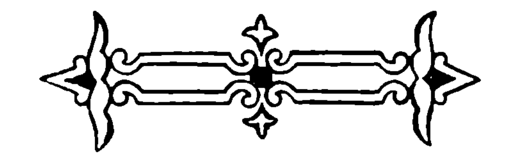
Померное — пошлина за измерение товаров.

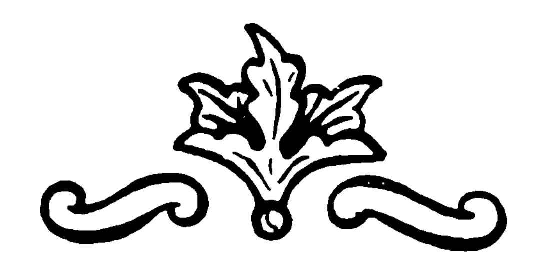
Збор — зборное воскресенье.

Безпереводно — постоянно.

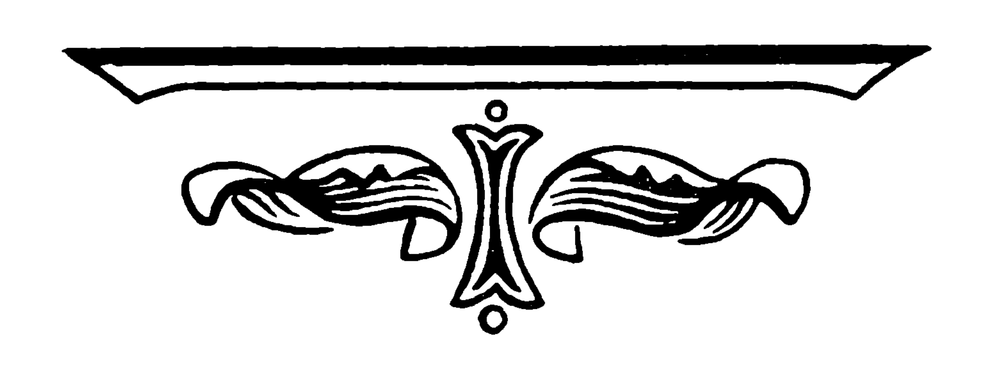
* * *

Основные публикации и литература см. библиографию раздела «Акты феодального землевладения и хозяйства».





АКТЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ



ВВЕДЕНИЕ

К середине XVI века в Русском государстве происходят серьезные сдвиги в экономическом и общественном строе.

Развитие поместного землевладения, усиление барщинного хозяйства вызывают рост эксплуатации феодально-зависимого крестьянства. Значительных размеров достигает обезземеливание крестьянства, приводившее к обнищанию крестьянских масс. Экономический гнет дополнялся возраставшим внеэкономическим принуждением, обеспечивавшимся всем механизмом централизованного государства.

Существовавшая система кормлений и действовавшее законодательство перестают удовлетворять широкие слои представителей господствующего класса, требующих от государства принятия более действенных мер для борьбы с поднимающимся против усиления феодального гнета крестьянством.

Институт кормления постепенно все более и более ограничивается центральной властью, изыскивавшей новые формы и методы местного управления, способные обеспечить защиту прав и охрану интересов поместного дворянства и верхушки купечества. Уставные грамоты наместничьего управления, вводившие определенный контроль за деятельностью наместников и волостелей, перестают удовлетворять местных землевладельцев, так как не обеспечивают полную охрану их интересов.

В первой половине XVI века, особенно во время правления княжеско-боярской олигархии, обостряется классовая борьба крестьянства и посадских людей, которую

представители господствующего класса именовали обычно «татьбой» и «разбоем». Наместничий аппарат не справляется с подавлением антифеодальных выступлений. Дворянство совместно с верхушкой купечества начинает ходатайствовать перед центральной властью о разрешении им самим создавать карательные учреждения для борьбы с классово-враждебными элементами. Правительство удовлетворяет требования дворянства и верхушки посада и в конце 30-х годов вводит в отдельных районах страны органы так называемого губного управления.

Органы губного управления прежде всего являлись орудием подавления антифеодальных выступлений. С другой стороны, губные органы боролись с уголовной преступностью, часто искусственно поддерживавшейся наместниками и волостелями. Источники сообщают нам о частых случаях контакта разбойников с кормленщиками, в результате которого страдали и представители господствующего класса и крестьянства.

Дошедшие до нас летописные источники показывают, с каким огромным удовлетворением представители этих категорий населения встретили разрешение организовывать губные органы. Псковский летописец, отражая дворянско-купеческие интересы, пишет под 1540—1541 годом «Тоя же зиме бысть жалование государя нашего великого князя Ивана Васильевича всеа Русии до всеи своеи Рускои земли, млада возрастом, 11 лет, и стареиша умом; до своеи отчины милосердца, показа милость свою и нача жаловати, грамоты давати по всем градом большим и по пригородом и по волостем, лихих людеи обыскивати самым крестьяном межь собя по крестному целованию и к их казнити смертною казнию, а не водя к наместником и их тивуном лихих людеи разбоиников и татеи; и бысть наместником по городам нелюбка велика на крестьян... и бысть наместник на Пскове один князь Василеи Репнин Оболеньской, и была емоу нелюбка до псковичь велика, что в них как зерцало государева грамота; и бысть крестьяном радость и лгота велика от лихих людеи и от поклепец и от наместников и от их неделщиков и от ездоков, кои по волостем ездять...» (Псковские Летописи, вып. 1, Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1941, стр. 110).

К 1541 году губные учреждения получили широкое распространение.

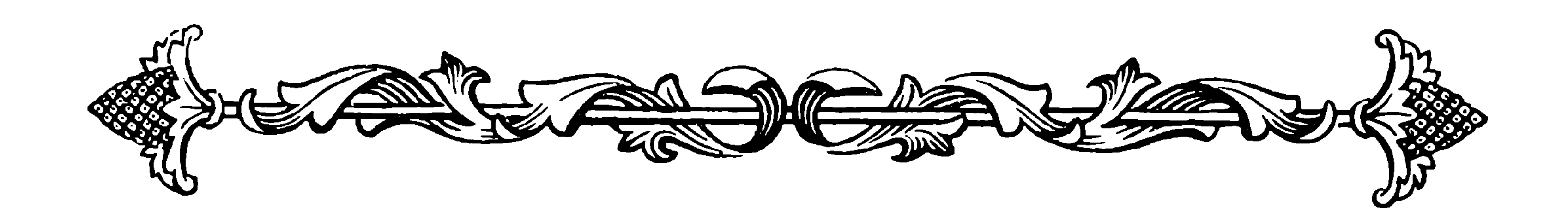
Поскольку опыт создания губных учреждений полностью себя оправдал, то к середине 50-х годов XVI века правительство становится на путь полной отмены системы кормлений и вводит земские учреждения, в которых были представлены интересы не только дворянства, но и купечества и верхушки черносошного крестьянства.

В отличие от губных учреждений, являвшихся в первую очередь судебно-полицейскими органами, земские учреждения обладали финансовыми функциями, рассматривали судебные споры о праве гражданском, а также несли уголовно-процессуальные и полицейские обязанности.

Начиная с 1555 года, земские учреждения получают распространение по всей территории Русского государства.

В настоящем разделе не приводятся образцы уставных грамот наместничьего управления и доходных списков, поскольку в исследуемый период эти акты не имели существенных отличий от подобных же документов конца XV — начала XVI вв., опубликованных ранее (см. «Памятники русского права», вып. III, стр. 162—178).

В разделе помещаются образцы губного наказа, губной и земской уставной грамоты, а также крестоцеловальных записей, дающие полную картину организации местного управления в исследуемый период.



1539 г., октября 23

ГУБНАЯ БЕЛОЗЕРСКАЯ ГРАМОТА

1. От великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Белозерской уезд князем и детем боярскым, отчинником и помесчиком, и всем служилым людем, и старостам, сотцкым, и десятцким, и всем крестьяном моим великого князя, и митрополичим, и владычним, княжим, и боярскым, и помесчиковым, и монастырскым, и черным, и псарем, и осочником, и перевестником, и бортником, и рыболовем, и бобровником, и оборочником и всем без смены, чей кто нибуди.

2. Били естя нам челом о том, что у вас в тех ваших волостях многие села и деревни розбойники розбивают и животы ваши грабить, и села и деревни жгут, и на дорогах многих людей грабят и розбивают, и убивают многих людей до смерти. А иные многие люди у вас в волостях розбойников у собя держат, а к иным людем розбойники с розбоем приезжают и розбойную рухлядь к ним привозят. И мы к вам посылали на Белоозеро обыщиков своих, и от наших деи обыщиков чинятца вам великие убыткы. А вы деи с нашими обыщики лихих людей разбойников не имаете для того, что вам волокита велика, а сами деи вы розбойников меж себя, без нашего ведома, обыскивати и имати розбойников на смеете.

3. И вы бы, меж собя свестясь все заодин, учинили собе в тех своих волостях в головах детей боярских в волости человекы три или четыре, которые бы грамоте умели и которые пригожи, да с ними старост и десятцких и лутчих людей крестиян человек пять или шесть, да промеж бы есте собя, в станех и в волостях, лихих людей розбойников

сами обыскивали по нашему крестному целованью въправду без хитрости, да где которых розбойников обыщете, или хто у собя розбойников держит, или к кому розбойникы приезжают и розбойную рухлядь приводят, и вы б тех розбойников ведомых меж собя имали да обыскивали их, и доведчи на них и пытали накрепко, и допытався у них, что они розбивают, да тех бы естя розбойников бив кнутьем да казнили смертью. То есми положил на душах наших, а вам от меня опалы в том нет, и от наших наместников, и от волостелей в том продажи вам нету.

4. А вперед, в ваших волостях, где розобьют розбойники село или деревню, или кого на дорозе розобьют, а на которых людей на своих товарищев учнут, которые розбойникы пытаны говорити, что с ними розбивали или х кому приезжали, а те будут люди живут в Белозерском уезде, и вы б тех розбойников имали ж, да обыскав и доведчи на них и пытав накрепко, казнили смертью ж. А которой розбойник скажет своих товарищев розбойников же в иных городех, и вы б о тех розбойникех писали грамоты в те городы к детем боярскым, которые дети боярские в тех городех и в волостях учинены у того дела в головах, и где которой розбойник живет; а в грамотах бы естя писали, чтоб тех розбойников в тех городех меж собя по тому ж имали, да обыскав их и доведчи, казнили по нашим грамотам. А обсылалися б естя о тех делех меж собя неизмешкая.

5. Где розобьют розбойники село или деревню, или кого на дорозе розобьют, а с розбоев те розбойники куды нибуди поедут, и в Новогородцкую землю, а вам про тот розбой весть учинится, и вы б меж собя свестяся все за одинь, за теми розбойники ездили, де где нибуди тех розбойников доедете, и вы б тех розбойников имали безпенно. Да которых розбойников поймаете с поличным с розбойным или без поличного, а ведомого розбойника, или у которых людей розбойников переимаете и поличное у них розбойное повымаете, а тот будет ведомой же лихой человек, и вы б тех розбойников и х которым людем розбойники приезжают, меж собя обыскав и пытав накрепко и

доведчи на них въ правду, казнили смертью ж. То есми положил на ваших душах.

6. А которых розбойников где поимаете и доведчи на них да их казните, и которых людей тех розбойников поимают и в которых на них делех доведут, и вы б то все велели себе писати на список подлинно, а сами б есте, которые у вас умеют грамоте, к тому списку руки свои прикладывали.

7. А по недружбе, в земском деле, или в брани в какой нибуди, меж собя не мстилися нихто никому, по нашему крестному целованью, и неповино б естя не имали и не казнили никакова человека, того бы есте меж собя обыскывали накрепко по нашему крестному целованью, вправду без хитрости.

8. А не учнете меж собя розбойников обыскивати и имати, и тех людей, х которым розбойники приезжают, или не учнете за разбойники ездити и имати и казнити, или станет розбойников пущати, или кто станет розбойником норовити, и мне велети на вас на всех имати иски тех людей, которых в вашей волости розобьют, и без суда вдвое; а самим вам от меня быти в казне и в продаже.

9. А которых разбойников ведомых поймаете и, обыскав их, казните, и тех бы розбойников подворья, животы и статкы отдавали б естя тем людем, которых учините у собя в головах, а они б отдавали тем людем, которых те розбойники розбивали, в их иски. А сколько у которого розбойника животов возмете и роздадите исцем, и вы б то себе все писали на списки. А что будет у исцовых исков останется розбойничих животов, и вы б то все, переписав на список, да клали, где будет пригоже; да о том бы естя отписывали на Москву, к нашим бояром, которым розбойные дела приказаны.

10. А которых детей боярскых и старость и десятцких, и лутчих людей учините в головах, в которой волости нибуди, и вы б о том отписали часа того на Москву, к нашему боярину ко князю Ивану Даниловичю Пенкову с товарищи.

А сю бы есте нашу грамоту держали у тех людей, которых учините в которой волости в головах; а с сее бы есте грамоты списав списки розсылали меж собя по воло-

стем, не издержав ни часу. Писана на Москве, лета 7048, восьмого октебря в 23 день.

На обороте: Князь велики всеа Руси.

По склейке: Данило Выродков.

РИБ, XXXII, № 139

1555 г., августа 25

МЕДЫНСКИЙ ГУБНОЙ НАКАЗ

Лета 7063-го августа в 25 день царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал в Медыне и в Медынском уезде в станех и в волостях князей, и детей боярских, и всех служилых людей, и старост, и соцких, и пятидесятцких, и всех крестьян, и царя, и великого князя дворцовых сел, и митрополичьих, и владычних, и княжих, и боярских, и монастырских, и черных, и оброчных, и вотчинниковых, и помещиков, и бортников, и бобровников, и перевесников, и рыболовей, и всех без омены, чей хто нибуди.

Что нам били челом, а сказывают что, де, у них в Медыне на посаде и в Медынском уезде в станех и в волостях чинятца розбои и татбы великие, села и деревни розбивают, и крадут, и на дорогах многих людей розбивают и грабят и до смерти многих людей убивают, а иные многие люди розбойников у себя держат, а к иным людем розбойники с розбоев приезжают и розбойную рухледь к ним привозят и на розбой от них ездят. И мы к ним в тех розбоех посылали своих обыщиков и недельщиков и им, де, от наших обыщиков и недельщиков чинятца убытки великие.

1. И яз, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, по их челобитью пожаловал есми. У них быти в Медыни на посаде и в Медынском уезде в станех и в волостях у розбойных и у татиных дел в губных старостах Федору Васильеву сыну Данилову [1] да Федору Михайлову

[1] *Последние два слова вписаны вместо* сыну, *следующие четыре слова приписаны над строкой.*

сыну Засецкого да с ними губным целовальником, и дьячком, и старостам Федору Васильеву да Федору Засецкому и целовальником розбойные и татиные дела делати по сему списку, съехався в одно место. Да велети им у себя быти на съезде изо всее губы князем, и детем боярским, и их прикащиком, и игуменом, и попом, и дьяконом, и царя и великого князя дворовых сел черных деревень крестьяном, и митрополичьим, и владычним, и княжим, и боярским, и монастырским крестьяном, и рыболовем, и бобровником, и осачником, и всем без омены, чей хто нибудь, с выти по человеку. И как на съезд к старостам сьедутца, и старостам обыскати князьми и детьми боярскими и их прикащики, и царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии дворовых сел и черных деревень крестьяны, и митрополими [1], и владычними, и княжими, и боярскими, и монастырскими крестьяны, и бортники, и бобровники, и рыболови, и всем без омены, чей хто нибудь, по государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича крестному целованью, а игумены и попы и дьяконы по священству, хто у них в губе лихих людей и татей и розбойников, и х кому тати и розбойники приезжают и розбойную рухлядь привозят, и от кого на розбой ездят, и кому розбойную рухледь продают, за розбойное. И на кого в обыску скажут, что они лихие люди, тати и розбойники, и х кому розбойники приезжают и розбойную рухледь привозят, и от кого на розбой ездят и кому розбойную рухледь продают за розбойную, и что их лихо кого розбивали и кого крали, — и старостам те речи велети писати на список подлинно земскому дьячку. А х тому списку обыскным людем, которые грамоте умеют, игуменом, и попом, и дьяконом велети к тем речем руки прикладывати. А которые обыскные люди грамоте не умеют, и в их место велети к тому списку руки прикладывать отцем их духовным.

2. А на которых людех в обыску скажут, что они лихие люди, а исцев им нет, — и старостам по тех людей по обыску посылать, а велети их имати да ставити перед собою, а животы их и статки, переписав запечатати да

---

[1] *Так в рукописи.*

приказати беречь до тех мест, как дело вершитца. А как их перед старостами поставят, — и старостам тех людей по обыску в розбоех пытати. И учнут на себя и на товарыщев своих в розбоех говорить, — и старостам по тех людей по языку посылать, а велети их ставити перед собою с языки с очей на очи, а животы их печатать по тому же. А с очей на очи язык с них не зговорит, — и старостам про тех людей обыскивати многими людми. И назовут их в обыску многие люди, что они люди добрые, — и старостам тех людей давати на чистую поруку за обыскных людей, которые их одобрили. А по розбойничьим речам имати на них в ысцовы иски по наказу и по новому приговору выти, что будет доведетца. А которые люди сами на себя в розбоех говорили, — и тех казнити, а о животех о их отписати на Москву к бояром в Розбойную избу.

3. А на которых людей язык взговорит в розбое на одной пытке, а с очей на очи с него зговорит, а в обыску ево назовут добрым, — и старостам тех людей давати на чистые поруки за обыскных людей безвытно. А на которых человека язык говорит на дву пытках, а с очей на очи, или на третьей пытке, или идучи х казни учнет с него зговаривати, а в обыску назовут добрым, — и того человека по обыску дати на чистую поруку, а по языку взять на нем выть, а тому зговору не верити. А на которых людей в розбое язык взговорит, а в обыску их назовут лихими людми, — и старостам тех людей пытати; и учнут на себя и на товарыщев говорити, — и старостам по тому ж языку посылати, и с очей на очи ставити, и про них обыскивати, и управа им чинити по тому ж, как в сем списку писано. А которые люди сами на себя в розбоех говорили, — и тех казнити смертною казнью, а животы их исцом в выти вполы исцовых исков; а будет боярские люди, — и старостам за тех людей имати выти вполы исцовых исков на государе их, чьи люди. А на которых людей язык в розбоех говорил, а в обыску их назовут лихими людми, а сами те лихие люди на себя на пытках и в розбоех не учнут говорить, — и старостам тех людей по обыску казнити смертною казнью, а животы их исцем в выть вполы исцевых исков.

4. А на которых на боярских людей языки в розбоех говорят, и те князи и дети боярские таких людей

у себя скажут, а их перед старостами не поставят, — и старостам за тех людей на тех князех и на детях боярских или на их прикащиках имати выти вполы исцовых исков; а тех князей и детей боярских, чьи люди, давать на поруку, что им тех людей, добыв, перед старостами поставить; а как их поставят, — и старостам про них обыскати и управа чинити по сему ж наказному списку. А на которого княжева, на боярскова человека в розбое язык говорит, а тот князь или сын боярской такова у себя человека не скажет, — и старостам около тех мест, где они живут, обыскати многими людми, бывал ли у него таков человек. И скажут в обыску, что у него таков человек был, — и старостам на том князе или на сыне боярском за того человека имати выть вполы исцова иску, а того князя или сына боярского дать на поруку, что ему того человека, добыв, поставити перед старостами. А как ево перед старостами поставят, — и старостам про него обыскивати и управа чинити по сему ж наказному списку. А скажут в обыску, что у него таков человек не бывал, на которого язык говорил, — и старостам на том князе или на сыне боярском выти не имать.

5. А на которых людех исцы ищут розбоев, а на тех людей языки в розбоех не говорят, а исцы, опричь поля, и улики не учинят никоторые, — и старостам про тех людей обыскивати. Скажут про них в обыску, что они лихие люди, а лиха про них в обыску в розбоех имянно не скажут, — и старостам тех людей по обыску пытати. Не скажут на себя в розбое, а в обыску про них розбою имянно не скажут, — и старостам тех людей по обыску посадить в тюрму на смерть, а животы их, оценя, отдати исцом в выти вполы их исков; а что останетца тех животов у исцевых исков, — и старостам о тех животех отписати на Москву к бояром в Розбойную избу. А не скажут на себя в розбое, а в обыску про них розбой имянно скажут, — и по их по обыску казнити, а животы их отдати исцем, по тому ж оценя.

6. А на которых людех в розбое язык говорит, а в обыску ево назовут половина добрым человеком, а другая половина лихим человеком, — и того человека пытати, и не учнет, пытан, на себя в розбоех говорити, — и того человека дати на поруку за обыскных людей, которые ево одоб-

рили, а по розбойничьим речам взять на нем выть. А будет в той половине больши обыскных людей, которые люди назовут лихим человеком[1], человек пятнатцать или дватцать, а, пытан, на себя в розбое не учнут[2] говорити, — и того человека по языку и по обыску старостам посадить в тюрму на смерть, а животы ево отдати вполы исцовых исков. А после того прибудет на него иное лихо в розбойном деле, — и того человека казнити смертною казнью, а на обыскных людех, которые его одобрили, взять выть.

7. А на которого человека говорят в розбоех языка два или три, а в обыску ево назовут половина добрым; а другая — лихим, — и того пытать; а, пытан, на себя не учнет говорить, — и того человека посадить на смерть в тюрму, а животы ево отдать исцом вполы исцовых исков. А после на него прибудет иное лихо в розбойном деле, — и того человека казнить смертною казнью, а на обыскных людех, которые ево одобрили[3], взять выть, а сверх того обыскных людей лутчих дву или трех бити кнутьем.

8. А на которых людей языки два или три говорят, а исцы на них учнут бити челом и на пытку их просить, — и старостам тех людей и до обыску велеть пытати и управа чинити по сему наказному списку. А на которых людей языки говорят, а они учнут бити челом о[4] обыску, чтоб про них послали в те места обыскати, где они преж того жили, — и старостам в те места, где они жили, послать обыскать. И назовут их в обыску лихими людми, — и старостам их пытать и управа им чинить по сему ж наказному списку; а будет, пытан, на себя и на своих товарыщев не учнет говорити, — и старостам тем людем управу чинити по сему ж наказному списку. А будет про тех людей в обыску скажут, что их не знают, и старостам тех людей пытати ж; а не учнет, пытан, на себя говорити, — и старостам тех людей посадить в тюрму на смерть.

---

[1] *В рукописи далее соскоблено* и.

[2] *В рукописи, очевидно, описка, надо* учнет.

[3] *В рукописи* добрили.

[4] *В рукописи* отс.

9. А на которых людей учнут языки говорить в розбое, а с очей на очи на ставке с них учнут зговаривати, а в обыску их назовут лихими людми з доводом, — и старостам тех людей по обыску пытати. И учнут, пытаны, на себя говорить, — и старостам их казнити; а не учнут, пытаны, на себя и на товарыщев своих говорити в розбоех, — и старостам тех людей по обыску казнити ж; а будут исцы, — ино их животы и статки отдати вполы их исков; а не будет исцов, — и старостам животы их продати; да что на нем[1] возмут, и им то писати на список подлинно, порознь да о том отписывати к бояром в Губную избу.

10. А взговорят языки на кого в ыные губы в розбое или в татбе, — и старостам в те губы посылати к старостам же целовалников губных з грамотами, чтобы про тех людей, на ково язык говорил, обыскивали да тех людей и обыску своего список прислали к ним. А как к ним тех людей пришлют, — и старостам тех людей ставити с языки с очей на очи и управа им чинити по языку и по обыску по сему ж наказному списку. А которых[2] целовальников з грамотами старосты[3] в ыные губы к старостам о оговорных людех пошлют, — и целовальником велети имать с собою сторонних людей, человек трех или четырех да при тех людех старостам отдавати грамоты; а пришлют из[4] иных[4] губ старосты о оговорных людех и по грамотам, — и тем старостам, у которых языки говорили, отписывати о том к бояром в Розбойную избу, кого целовальника именем посылали з грамотою и пред которыми людми грамоту отдаст.

11. А приведут к старостам татя, а доведут на него одну татбу, — и старостам того татя велети бити кнутьем, а бив кнутьем, дати ево на поруку; а не будет поруки, — ино его вкинуть в тюрму до тех мест, как по нем порука будет. А приведут татя, а доведут на него две татбы, — ино[5] того татя бити кнутьем да отсечь рука да покинуть. А приведут татя, а доведут на него татбы три или четыре или свыше, — и того татя казнити смертною казнью.

---

[1] *Может быть, описка. Лучше* — чем, *см. ниже.*
[2] *Буква* к *написана по* у в.
[3] *Буква* ы *написана по соскобленному* ам.
[4–4] *Буквы* з *и* *над строкой,*
[5] *В рукописи* ина.

12. То есми положил на ваших душах. А вам от царя и великого князя опалы нет, и от намесников наших и от волостелей и от их тиунов продажи нет. А по недружбе бы есте в земляном деле и в брани в какой-нибудь да меж себя не мстились и нихто никому по государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии крестному целованью вправду без хитрости и неповинно бы естя в розбоех и в татбах не имали никакова человека, того естя меж себя обыскивали вправду по государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии крестному целованью.

13. А посулов и поминков губным старостам и целовальником в розбойных и в татиных делех одноличнo ни у кого не имати никоторыми делы по государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии крестному целованью. А которой староста и целовальник учнут посулы имати в розбойных и в татиных делех, а доведут на него посул, — и тому старосте и целовальнику от царя и великого князя быти в казни и в продаже.

14. А списков в розбойных и в татиных делех старостам и целовальником на Москву к бояром к докладу не посылати, а вершити им розбойные и татиные дела по сему наказному списку. А судити старостам и целовальником ведомые розбойные и татиные дела по сему наказу. А опричь розбойных и татиных дел, старостам и целовальником в ыные дела одноличнo не вступатись. А меж себя старостам и целовальником другу над[1] другом того смотрити, чтоб посулов и поминков нихто ни у кого одноличнo не имал. А которой староста и целовальник учнет посулы имать в розбойных и в татиных делех, — и им на него сказывати царю и великому князю или его боярам, которым приказаны[2] розбойные дела.

А в подлинной книге в том наказе на осмом листу страница чернена. И у того государева наказу дьячьи приписи нет.

ГБЛ Музейное, № 6689, лл. 243 об. — 252

---

[1] *В рукописи* на.

[2] *В рукописи* приказы.

50-е годы XVI века

КРЕСТОЦЕЛОВАЛЬНАЯ ЗАПИСЬ ГУБНЫХ СТАРОСТ

Запись, целовальная, губных старост.

Целуем крест своему государю царю великому князю Ивану Васильевичю всея Русии и его царице великой княгине Анастасье и детем и их землям на том:

Хотети нам своему государю царю великому князю Ивану и до царице великой и княгиню Анастасье и их детем и их землям добра во всем в правду безо всякие хитрости по сему крестному целованью, а лиха нам, своему государю, царю великому князю Ивану Васильевичю всея Русии и его царице великой княгине Анастасье и их детем и их землям не хотети, ни думати, ни делати никоторыми делы, никоторою хитростию по сему ж крестному целованью.

А что вам государь нашь царь и великий князь велел быти имя рек и в уезде, в станех, и в волостех в губных старостах у розбойных дел, а велел нам розбойников и татей ведомых имати и обыском про них обыскивати и пытати их и казнити смертною казнью, и нам у собя розбойников и татей и всяких лихих людей не држати.

А кого в деревнях или в городех имя рек на посаде или на дорозе розобьют розбойники или тати покрадут, а учнут являти, да учнут нам сказывати, где те розбойники с того розбою или тати поехали, и нам за теми розбойники и за татми самим ездити и людей за ними посылати не мотчая.

А розбойником нам и татем не норовити, да тех нам розбойников и татей ведомых имати, а дворы их, животы и статки переписав печатати, да с теми их истцы, кого розобьют розбойники и тати покрадут, судити, и обыском про них обыскивати, и управа им с розбойники и с татми чинити безволокитно по уставной грамоте, в правду по сему ж крестному целованью.

А скажут нам в обыску, что теи розбойники или тати ведомые, и нам тех розбойников и татей ведомых велети пытати, кого они розбили и хто с ними были товарищы их, и х кому с розбою приезжали, и х кому розбойную рухлядь

привозили, и кому розбойную рухлядь продавали за розбойное, а тати за татебное.

И учнут розбойники и тати на пытках на собя сказывати и на товарощов на своих, с кем они розбили и крали и х кому с розбою приезжали, и х кому розбойную и татебную рухлядь привозили, и кому розбойную и татебную рухлядь продавали за розбойное и за татебное, — самим нам ездити и людей за ними посылати ж да тех розбойников и татей и тех людей, х кому они с розбою приезжали и кому розбойную и татебную рухлядь продавали и за розбойной и за татебное, имати ж, а дворы их и животы и статки переписав печатати ж, да про них обыскивати ж, а самих их с теми розбойники и с татми, которые на них говорили, ставити с очей на очи.

И скажут теи розбойники и тати с ними с очей на очи, что те розбойники и тати их товарыщи, а в обыску про них скажут же, что те розбойники и тати ведомые, и нам тех розбойников и татей и тех людей, х кому розбойники и тати приезжают, и х кому розбойную и татебную рухлядь привозят, и кому розбойную и татебную рухлядь продают за розбойное и за татебное, пытати ж в правду. А другу нам не дружити, а недругу не мстити, и языков нам по недружбе не научати никакого никоторыми делы, никоторою хитростю по сему крестному целованью. А на кого розбойники или тати учнут говорити и нам тем розбойником и татем с тех людей зговаривати не велети.

А посулов нам и поминков от того ни у кого не имати никоторыми делы, никоторою хитростью, и розбойников и татей ведомых по посулам и по дружбе не отпущати по сему крестному целованью. А на кого розбойники или тати учнут говорити в ыные городы и в станы и в волости, и нам по тем языком в те городы, и в станы, и в волости к выборным головам, где которые учинены для розбойных дел, посылати грамоты, да тех розбойников и татей велети имати ж, да велети их присылати к собе с теми розбойники, которые на них говорили, ставити с очей на очи, да про них обыскивати ж и управа им чинити потому ж вправду.

А которые розбойники и тати по цареву и великого князя по уставной грамоте дойдут до смертные казни,

и нам тех розбойников и татей велети казнити смертною казнью, а животы их и статки розбойничи и татины отдавати исцом в их иски повытно по иском. А что тех розбойничих и татиных животов за исцовыми иски останетца, и нам те животы и статки переписав, ставити их, где будет пригоже, да о том нам отписывати на Москву к бояром, которым розбойные дела приказаны, а самим нам розбойничи и татиными животы не корыстоватися. А которые люди по уставной грамоте до смертные казни не доведутца, а доведутца до вытей, и нам тех людей неповинно не казнити по сему крестному целованью, а животы их и статки отдавати им, а на тех нам людех велети выти правити, да отдавати исцом в их иски повытно ж по иском.

Целуем крест своему государю царю великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии и его царице великой княгине Анастасье, и их детем, и их землям на том, как в сей записи писано, потому нам и правити до своего живота по сему крестному целованью [1].

ОДРА, Собрание Лихачева, № 228, лл. 71—74 — об.

1552 г., февраля 25

УСТАВНАЯ ЗЕМСКАЯ ГРАМОТА ВОЛОСТЕЙ МАЛОЙ ПЕНЕЖКИ, ВЫЙСКОЙ И СУРЫ ДВИНСКОГО УЕЗДА

1. Се [2] яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Росии пожаловал есми в Двинском уезде пенежан Малой Пенежки, и Выйской волости, и Суры Поганые, с Пенешки Мишку Пенегу, с Выи Ермолку Клементьева, с Суры Степанка Дементьева, и во всех крестьян место тех волостей.

2. Что нам били челом, а сказали, что де у них на Пенежке, и на Вые, и на Суре многие деревни запу-

[1] Текст записи обнаружен Н. Е. Носовым, который и подготовил ее к печати.

[2] *Перед текстом в рукописи помещено оглавление.*

стели от прежних наших пенежских и Выи и Суры Поганые волостелей, и от их тиунов, и от довотчиков, и от обыскных, и от лихих людей, от татей и от разбойников, а пеняженам де волостелей и его пошлинных людей впред прокормити немочно, и крестьяне де от них от того насильства и продажи с Пенежки и с Выи и с Суры разошлися по иным волостем и за монастыри безсрочно и безо отказу. А иные де крестьяне, кои куды безвестно розбрелися нарознь, и на тех де на достальных крестьянех наши Пенежския волостели и их тиуны кормы свои, а праветчики и довотчики поборы свои емлют на них сполна. А тем де пенежанам и Выи, и Суры Поганые достальным крестьяном впредь от наших волостелей и от их пошлинных людеи от продажи и от всяких податей тянуть сполна немочно.

3. И нам бы пенежан Малои Пенежки и Выи и Суры Поганые крестьян, с Пенешки Мишку Пинегу, с Выи Ермолку Клементьева, с Суры Степанка Дементьева и во всех крестьян место тех волостей пожаловати, волостеля у них на Пинежки, и на Вые, и на Суре и его тиуна отставити.

4. А велети б нам на Пенежке, и на Вые, и на Суре учинити, по их челобитью, и з их же волостных крестьян выборных лутчих людей, кого они излюбят все пинежана, и выяна, и Суры Поганые крестьяне, на Пенежки Елизарья Яковлева, да Степана Михаилова, да Созона Иванова сына, трех человек; а в Вые Семена Артемьева, да Ивана Архипова, да старосту Семена Иванова сына, трех человек; а на Суре Тимофея Анцыфорова, да Иева Логинова, да Карпа Михайлова, да Григорья Родионова сына, четырех человек, кому у них меж пенежаны, и Выи, и Суры Поганые волостными, и в душегубстве, и в розбое с поличным и во всяких делех земских управа чинити по нашему Судебнику. А разбойные дела им делати и судити, и обыскивая, и виноватых по обыску казнити, а исцем управа с разбойники чинити безволокитно, по нашему Судебнику. А пошлин с управных дел и с розбойных дел не имати.

5. А за волостелин и за тиунов корм, и за праветчиков и за довотчиков корм, и за присуд, и за пятно, и за все волостелины и тиуновы кормы, и за праветчиковы

и за довотчиковы, и за все поборы, опричь гостиные явки, и за всякие доходы, оприч наших оброков за белку и за горностали, и ямских и пищальных денег, и посошные службы, и городового дела, и полоняничных денег, и иных наших пошлин, велети бы вам на них положить денгами. А давати бы им к нам оброк одинова в году, в нашу казну, денгами по сту рублев на один срок в году, на масляное заговейно.

6. А з гостей бы приезжих и с пеших людей с прихожих имати излюбленным головам, на Пенешке Елизарью Яковлеву, да Семену Иванову, да Тимофею Анцыфорову с товарыщи, десяти человеком, с саней по две денги, с пешего человека по денге, по тому ж как имали явку с приезжих гостей с саней и с пеших людей з головы явку прежние наши волостели.

7. А на пустые 6 деревни крестьян называти и деревни роспахивать велети, чтобы впусте не было.

8. И яз царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Росии, Пенежки Малые и Выи и Суры Поганые, с Пенежки Мишку Пенегу, с Выи Ермолку Клементьева, с Суры Степанка Дементьева, и во всех крестьян место тех волостей, пожаловал, на Пенежке, и на Вые, и на Суре пенежского волостеля отставил, впредь волостелю быти не велел; а велел есми у них быти, по их челобитью, на Пенежке, и на Вые, и на Суре излюбленным головам, которых пенежана, и выяне, и суряна, все волостные крестьяне себе излюбили: на Пенежке Елизарья Яковлева, да Степана Михайлова, да Созона Иванова, трех человек, а на Вые Семена Артемьева, да Ивана Архипова, да старосту Семена Иванова, трех человек, а на Суре Тимофея Анцыфорова, да Иева Логинова, да Карпа Михайлова, да Григорья Родионова, четырех человек, кому у них на Пенежке, и на Вые, и на Суре меж собя управа чинити во всяких земских делех; и оброк есми на них по их челобитью на Пенежку, и на Выю, и на Суру положил денгами. А давати тем пенежанам и выяном и Суры Поганые всем крестьяном тех волостей выборным головам: пенежаном, трем человеком, да выяном, трем человеком, а суряном, четырем человеком, и всем пенежаном и выяном и Суры Поганые крестьяном за волостелин и за тиунов корм, и за присуд, и за пятно, и за праветчиков и за довотчи-

ковы поборы, и за гостину явку, и за все волостелины кормы, и за все пошлиныковы поборы, и за всякие доходы, по сту рублев на год, опричь царя и великого князя оброку и иных наших пошлин, с Пенежки и с Выи и с Суры со крестьян с обжи по девятинадцати алтын без денги, опричь нашего оброку за белку и за горностаи, и ямских и пищальных и полоняничных денег, и посошные службы, и городового дела, и иных наших пошлин. А с приезжих гостей и с пеших людей с прихожих излюбленным головам, на Пенежке Елизарью Яковлеву с товарыщи, трем человеком, а на Вые Семену Иванову, трем человеком, и на Суре Тимофею Анцыфорову с товарыщи, четырем человеком, явка имати, с саней по две денги московскую, а с пешего человека по две денги московской, потому ж, как имали явку прежние наши волостели, в тот же наш волостелин оброк. А досталние денги за волостелин откуп волостным крестьяном пенежаном и выяном, и Суры Поганые, лутчим и средним и молотчим меж себя разводити по пашням и по животом и по сохам и по промыслом.

9. А давати им тот оброк в мою цареву и великого князя казну казначею Ивану Петровичю Головину, да Федору Ивановичю Сукину, да дьяку нашему Истоме Новгородову; однова в год. А давати им тот оброк в первые на масляное заговейно лета 7061-го. А збирати тот оброк сто рублев и гостину явку с приезжих гостей и с пеших прихожих людей, с Пенежки, и с Выи, и с Суры, и к Москве привозити и платити им в нашу казну, на тот их срок, на масляное заговейно, их же излюбленным головам, на Пенежки Елизарью Яковлеву с товарыщи, трем человеком, на Вые Семену Иванову с товарыщи, трем человеком, на Суре Тимофею Анцыфорову с товарыщи, четырем человеком, переменяися по половинам, а с ними лутчим людем пенежаном, и выяном, и суряном, не дожидаяся по себя пристава. А приехав им к Москве с тем оброком, посулов и поминков не давати никому ничего. А на которой срок пенежана, и выяна, и Суры Поганые излюбленные головы и лутчие люди, соцкие и пятидесяцкие, оброков сполна, к Москве в нашу казну не привезут и не заплатят, и мне, царю и великому князю, в том посылати по них приставов да велети на них те оброки доправливать вдвое и сь ездом. А сверх волостелина оброку платить им наш оброк за

белку и за горностаи, и ямских и пищальных и полоняничные денги, и городовое дело делати, и всякое тягло тянути, и подати по старине, по тому ж, как давали преж сего.

10. А ведают и судят понежан, и выян, и сурян их излюбленные головы Елизарей Яковлев, да Семен Иванов да Тимофей Анцыфоров с товарыщи, десять человек, которых оне теми волостьми излюбили, и те меж ими во всем управу чинят по нашему Судебнику, на чем они ко крестному целованью приведены, безо всякие хитрости.

11. А которых будет дел излюбленным головам в тех волостех управити не мочно, и тем излюбленным головам, с Пенежке Елизарью Яковлеву, а с Выи Семену Иванову, а с Суры Тимофею Анцыфорову с товарыщи, десяти человеком, сьезжатися им в Выю, да судити всякие наши земские дела и управа чинити заедино всем.

12. Да прибирати им на Пенежке, и на Вые, и на Суре всеми волостными людми дьяка земского, кому у них всякие дела писати, хто бы им в земские дьяки люб был и к целованью его привели.

13. А хто у них на Пенежки, и на Вые, и на Суре купит лошадь, или продаст, или менит, и пенежана волостные люди лошади являют тем своим выборным головам Елизарью Яковлеву, Семену Иванову, да Тимофею Анцыфорову с товарыщи, десяти человеком. И те их выборные головы лошади шерсть и имяна людцкие пишут в книге памяти для, и те лошади пятнают, а от пятна не емлют ничего.

14. А хто у них на Пенежке, и на Вые, и на Суре женитца или дочерь замуж даст за рубеж, и они новоженаго убруса и выводные куницы не дают никому ничего.

15. А учинитца на Пенежке, и на Вые, и на Суре душегубство, и они бы ведомого душегубца поимают, пенежана, и выяна, и суряна всеми волостьми, а животы его и статки перепишут да запечатают, а душегубца и животы его переписав, список отдадут пенежана, и выяна, и суряна тем же своим излюбленным головам Елизарью Яковлеву, да Семену Иванову, да Тимофею Анцыфорову с товарыщи, десяти человеком, и те же излюбленные того душегубца судят и обыскивают, да исце из душегубцева живота иск заплатят. А судити им, крестьяном, по их животам по нашеи грамоте.

16. А хто на ком взыщет не по своим животом и не по промыслом, и те их излюбленные головы, пенежана Елизарей Яковлев, да Семен Иванов, да Тимофей Анцыфоров с товарыщи, десять человек, про то обыскав, иски их отставливают.

17. А которой душегубец дойдет до казни, по нашу новому Судебнику, и они того душегубца казнят, а исцем из душегубцева живота иск заплатят.

18. А не доищетца в котором убийстве душегубства, а будет нехитросным делом сталосе которое душегубство, хто утеряется от своих рук, или озябет, или утонет, или згорит, или кто водою припловет, или кто з дереве убьетца, или ково возом сотрет, или громом убьет, или кого зверь съест, или кто поткинет мертвым незнаемым человеком, а обыщет того бесхитростно, и они то являют излюбленным своим головам да того мертвого хоронят, а им продажи нет в том ни от кого.

19. А того пенежанам, и выяном, и Суры Поганые крестьяном, старостам и соцким, и пятидесяцким, и десяцким, и целовальником, беретчи того накрепко, чтобы от них на Пенежке, и на Вые, и на Суре татей и разбойников, и никому б лихим людем приезду и приходу не было, и ябедников, и подпищиков, и всяких лихих людей не было никоторыми делы.

20. А хто у них на Пенежке, и на Вые, и на Суре зворуетца, учнет красти, или розбивати, или х кому лихим людем приезд будет или кто учнет ябедьничать, или руки подписывати, или иное которое дело лихое учнет чинити, и оне того лихово поимают да отдадут своим выборным головам Елизарью Яковлеву, да Семену Иванову, да Тимофею Анцыфорову с товарыщи, десяти человеком, и выборные головы, Елизарей Яковлев, да Семен Иванов, да Тимофей Анцыфоров с товарыщи, десять человек, про то обыскав, управу им и казнь чинят по нашему Судебнику.

21. А хто у выборных голов, у Елизарья Яковлева, да у Семена Иванова, да у Тимофея Анцыфорова с товарыщи, у десяти человек, учнет в разбое и в татбе просити пристава на поличное, и выборные головы их, Елизарей Яковлев, да Семен Иванов, да Тимофей Анцыфоров с товарыщи, десять человек, ездят на поличное с ысцы сами, и те исцы своих пошлных перед ними ищут, и у кого

поличное вымут, и они с поличным судят и обыскивают накрепко, все вместе. А на суде, и в обыске, и во всяких делах у излюбленых голов быти пенежаном, и выяном, и суряном волостным людем добрым, колкими будет пригоже, чтоб от них никому ни в чем силы и обиды и продажи беслипичной не было. А сыскав, их излюбленные головы, Елизарей Яковлев, да Семен Иванов, да Тимофей Анцифоров с товарыщи, десять человек, управу им чинят по нашему новому Судебнику во всяких делех, а исцем людей головою без царя и великого князя докладу не выдати. А которые люди доидут до казни, и тех их выборные головы Елизарей Яковлев, да Семен Иванов, да Тимофей Анцыфоров с товарыщи, десять человек, обыскав вправду бесхитростно, по нашему крестному целованью, тех людей и казнят по нашему Судебнику.

22. А которого лихово человека излюбленные головы в подворьях не изъедут, а учнут которые лихие люди от того дела бегати или хоронятце, и излюбленным головам тех лихих людей наметывати на тех людей, хто с кем в одной деревне живет, и велети им добывать перед собой ставити, и те их излюбленные головы тех лихих людей по обыскам и по Судебнику, которые дойдут до казни, казнь чинят, а из животов их исцовы иски платят. И что разбойничьих и татиных животов и за исцовыми иски останетца, и те разбойничьи и татиные животы те излюбленные головы емлют во все волстные люди, в тот же оброк.

23. А которые люди на Пенежке, и на Вые, и на Суре учнут корчмы держать, излюбленные головы Елизарей Яковлев, да Семен Иванов, да Тимофей Анцыфоров с товарыщи, десять человек, берегут корчмы накрепко, чтобы на Пенежки, и на Вые, и на Суре волостные крестьяне питья на продажу не держали. А которые люди пенежана, и выяна, и суряна, волостные крестьяне, учнут питье держать на продажу, и излюбленные головы Елизарей Яковлев, да Семен Иванов, да Тимофей Анцыфоров, десять человек, у тех людей питья вынимают, а заповеди на них емлют на меня, царя и великого князя, два рубли, а волостным людем два же рубля, а с питухов емлют по полуполтине в тот же оброк. А впредь излюбленным головам тем людем говорити, чтоб впредь питья на продажу однолично не держати.

А которые люди учнут впредь корчму держати, и тем людем быти от меня, царя и великого князя, кажненым. Да и самим им, излюбленным головам, питья на продажу не держати.

24. А которым людем лучитца к празнику канун сварити, или родителей помянути, или на кстины, или на родины, в тем людем докладывать о том излюбленным головам Елизарья Яковлева, да Семена Иванова, да Тимофея Анцыфорова с товарыщи, десяти человек. И те излюбленные головы тем людем ослобаживают питья сварити да пити ден пять или неделя, а как те урочные дни минуют, и излюбленные головы у тех людей пития вымают и заповеди на них емлют по нашему указу.

25. А которых дел излюбленным головам без нашего ведома кончати немочно, и излюбленные их головы Елизарей Яковлев, да Семен Иванов, да Тимофей Анцыфоров с товарыщи, десять человек, в тех делех, с суда своего списки и обыски о всяких делех присылают на Москву, к казначеем нашим Ивану Петровичю Головину, да к Федору Ивановичю Сукину, да дьяку нашему Истоме Ноугородову, или иному дьяку, и яз, царь и великий князь, прикажу, и казначеи наши и дьяк наш о тех делех докладывают меня, царя и великого князя, и яз тому велю указ чинити.

26. Да и того б излюбленным головам меж собя беретчи накрепко, да и волостным людем над ними и меж собя беретчи накрепко, чтоб от них от самих — и от сторонних людей, от кого ни будь, пенежаном, и выяном, и суряном, волостным крестьяном силы и обиды и продажи безлипичных не было, и посулов и поминков ни в каких делех на волостных крестьян никто не имел.

27. А учнут пенежана, и выяна, и Суры Поганые крестьяне держати у себя в деревнях пенежен же, и выян, и сурян, волостных крестьян, лихих людей, или за лихих учнут стоять, а выборным головам, поимав их, не учнут отдавати, и обыщетца то про лихих людей мимо пинежан, и выян, и сурян волостных крестьян, и тем излюбленным головам и лутчим людем понеженом и выяном и суряном волостным крестьяном быти от меня, царя и великого князя, кажненым смертною казнью, а животы их и статки велети мне емлючи отдавати исцем.

28. А учнут излюбленные головы сами волостным, кому ни буди, силы и обиды и продажи безлипичные чинити, и посулы и поминки в каких делех имати, тем от меня, царя и великого князя, быти кажненым смертною казнью, а животы их статки велети имати и отдавати тем людем, кому от них продажи и обиды учинятце.

29. А судные и обыскныя и всякие дела у излюбленных голов записывати земскому дьячку, которого излюбят, выберет себе всеми треми волостьми дьяка, а у записки и у всяких дел сидети излюбленным головам Елизарью Яковлеву, да Семену Иванову, да Тимофею Анцыфорову с товарыщи, десяти человеком, а с ними лутчим людем волостным крестьяном, и велети им всякие дела записывати перед собою, да те записки всяких дел держати за своими печатьми, а земскому дьяку без них дел и обыскных и всяких не записывати и у себя не держати ни которыми делы. А учнет земскои дьяк судные и обыскные всякие дела записывати один, не при излюбленных головах, или которые дела учнет земской дьяк держати у себя, а хто их в том уличит, и излюбленным головам Елизарью Яковлеву, да Семену Иванову, да Тимофею Анцыфорову с товарыщи, десяти человеком, и дьяку земскому от меня, царя и великого князя, в том быти казненым смертною казнью, а животы их и статки велети мне отдати емлючи тому, кто на них доведет.

30. А кому будет чего искати опричным людем на пенежанах, и на выянах, и на сурянах на волостных крестьянех, и те опричные люди на пенежанах, и на выянах, и на сурянах приходят о управах на Москву, к казначеем нашим Ивану Петровичю Головину, да к Федору Ивановичю Сукину, да к дьяку нашему Истоме Ноугородову, и казначеи наши и дьяк наш Истома Ноугородов, докладывая царя и великого князя на пенежан, и на выян, и на сурян на волостных крестьян, и приставов дают и управу им на Москве по нашему указу чинят.

31. А на пустыя им деревни и на селища, на Пенежи, и на Вые, и на Суре, крестьян называти и старых своих тяглецов крестьян из ыных волостей, из монастырей вывозити назад по старым их деревням безрочно и безпошлинно, где хто в которой деревне жил преж сего.

32. А как поедут к нам к Москве те пенежана излюбленные головы Елизарей Яковлев, да Семен Иванов, да Тимофей Анцыфоров с товарыщи, а с ними земския люди, с теми денгами, с нашим оброком, и по городам наши наместницы и по волостем волостели и их пошлинники, и наши приказщики городовые, и по мытом мытчики, и по рекам перевозщиком, и все пошлинники с тех излюбленных голов и з земских людей мыта, и явки, и перевозщики перевозу, и иных некоторых пошлин на них не емлют, пропущают их везде без зацепки, не задержав.

Писана на Москве, лета 7060-го февраля в 25 день.

А у подлинной грамоты печать висячая красная на шелку красном, печать орел двоеглавой.

А на другой стороне у подлинной грамоты с головы пишет: Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Росии.

А по ставом закрепил дияк Истома Ноугородов.

А. И. Копанев — Уставная земская грамота крестьянам трех волостей Двинского уезда 25 февраля 1552 г. Исторический архив, кн. VIII, стр. 11—20.

1557—1582

ЗЕМСКАЯ КРЕСТОЦЕЛОВАЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

Целуем крест своему государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всея Русии, и его царице великой княгине имя рек и его царевичям, и их землям на том, что нам государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии имя рек велел меж крестьяны управу чинити и судити всякиа дела по сему крестному целованью вправду, другу нам не дружити, а недругу [1] нам не мстити, и посула нам не имати и другу на друга не просити ни на ком ни которыми делы. А которой товарищ наш судья возмет на ком посул или учнет кому дружити или недругу грубити, и нам того не утаити [2] и сказати на того царю государю великому князю или его диякам по сему крестному

[1] *Слог* не *над строкой.*

[1] *В рукописи* уитаити.

целованью. А на поличное и на душегубное дело нам имя рек итить самим судьям, где учинитца на посаде или в волосте тадьба или душегубство, и корчмы выимати по государеве грамоте; а самим судьям корчмы не держати.

А царев и великого князя оброк нам збирати и к Москве отвозити; а судные списки диаку земскому писати, с суда не сходя [1], и записок у собя не держати по сему крестному целованью.

Целуем крест царю государю и великому князю Ивану Васильевичю всея Русии, и его царице великой княгине имя рек, и их царевичям, и их землям на том, как в сей выписи писано, по тому и правити до своего живота.

ГИМ, Барсова, № 2077, лл. 11, об. — 12

Историко-правовой обзор

1. Акты губного управления

1539 г. Губная Белозерская грамота

Ст. 1. Губная Белозерская грамота 1539 года является древнейшей из числа дошедших до нас губных грамот. Внешне она напоминает жалованную грамоту, что дало основание А. Д. Градовскому считать появление губных грамот особым видом льгот или пожалований. Однако не следует забывать, что в Русском феодальном государстве всякий акт, исходивший от главы государства и устанавливавший определенные права, привилегии или обязанности для конкретной территории или группы населения, носил форму пожалования. Эта внешняя форма и запутала буржуазных исследователей. Фактически же введение губных учреждений являлось не льготой, а формой организации новой системы местной администрации.

Правительство ставило своей целью охватить новой формой местного управления все категории населения Русского государства. Отсюда вытекает столь подробное перечисление групп населения Белозерского уезда, на кото-

[1] *В рукописи исправлено из* сходити.

рых распространяет действие губная грамота. Из текста грамоты видно, что в состав населения уезда входили: 1) привилегированные землевладельцы: князья и дети боярские; 2) выборные лица местного управления — старосты, сотские, пятидесятские; 3) различные категории крестьян. Сюда относились жители государственных земель (черные и оброчные крестьяне), крестьяне дворцовых сел, являвшихся феодальной собственностью царской семьи, крестьяне, населявшие владения духовных феодалов (митрополита, епископа и монастырей) и светских землевладельцев (вотчинников и помещиков). К крестьянам следует также отнести лиц, обслуживающих ту или иную отрасль царского хозяйства: бортников (пчеловодов), бобровников (ловцов бобров), переветенников (ловцов диких птиц при помощи особых сетей), рыболовов, псарей и осочников (звероловов).

Ст. 2. Грамота рисует причины ее введения: обострение классовой борьбы на местах и отсутствие действенной борьбы представителей центральной администрации с нарушителями установленного государством правопорядка. Вступление, как правило, совпадает почти текстуально во всех уставных грамотах (ср. «вы деи с нашими обыщики лихих людей не имаете для того, что вам волокита великая; а сами вы деи межь собя разбойников, без нашего ведома, обыскивати и имати разбойников на смеете». Губная грамота селам Троице-Сергиева монастыря в Бежецком уезде, 1541—ААЭ, I, 194[2]).

Ст. 3. Установив причины, вызвавшие необходимость появления данного законодательного акта, грамота определяет порядок избрания губных органов. Созывался специальный съезд населения (созываемые категории указываются в преамбуле грамоты) уезда, который избирал из числа грамотных и годных к исполнению обязанностей по службе детей боярских — губных голов.

Таким образом, губное управление полностью соответствовало духу складывающейся сословно-представительной монархии.

Классовый характер губного управления не изменялся от наличия в составе губной избы представителей крестьян, поскольку в число этих представителей избиралась наиболее именитая часть крестьянства.

Согласно тексту грамоты, губные органы избирались помимо уезда и в волостях. Впоследствии одна губная изба была на целый уезд.

Грамота не предусматривает избрания дьяка, о котором говорят последующие акты губного управления (см. ниже). Окончательный состав должностных лиц губных органов сформировался в процессе практической деятельности губного управления.

Основной целью, которую преследовало правительство при введении губной организации, являлась борьба с классово-враждебными, а также преступными элементами, которую недостаточно настойчиво проводили кормленщики, более заинтересованные в извлечении прибыли от исполнения своих обязанностей, нежели в защите интересов местных землевладельцев.

Искоренение классово-враждебных элементов зависело в первую очередь от имущих жителей уезда, на которых возлагается задача при помощи повального обыска изобличить уже известных «лихих людей». Изобличенные при помощи «облихования» лица подвергались пытке, а затем после телесного наказания предавались смертной казни. Соединение телесного наказания со смертной казнью характеризует неразработанность уголовно-правовой санкции в первоначальных губных грамотах. Впоследствии (см. ниже) губные наказы конкретизируют наказание в отношении «лихих людей».

Ст. 4. Феодальная юстиция ставила перед собой задачу изобличения всех лиц, связанных с осуществлением преступления. Поэтому грамота возлагает на губные власти обязанность проведения немедленных следственных действий в случае установления данных о том, что на территории уезда имеются соучастники преступника.

Ярким свидетельством повсеместного распространения губных учреждений является постановление грамоты, требующее от должностных лиц губного управления немедленного сообщения властям другого губного округа о пребывании на территории последнего преступных элементов.

При получении подобного извещения губные власти обязаны были немедленно организовать действенные мероприятия с целью поимки и наказания преступника.

Таким образом, феодальное государство осуществляло быструю и жестокую репрессию по отношению к классово-враждебным и преступным элементам.

Ст. 5. Настоящее постановление рисует картину тех методов, при помощи которых осуществлялся розыск преступника. При получении известий о совершенном преступлении губные власти обязаны были предпринять все меры для поимки преступных элементов, пытающихся скрыться от ответственности.

Закон предписывает возбуждать преследование не только против самих исполнителей преступления, но и тех лиц, кто помогает им укрыться и прятать добытое преступным путем имущество.

В случае если пособник преступника будет признан в результате повального обыска «ведомым лихим человеком», он подлежит той же каре, что и исполнитель преступления, то есть телесному наказанию и смертной казни.

Ст. 6. Для развитой системы управления феодального государства характерно все возрастающее значение письменной документации.

Отсюда вытекает требование грамоты ко всем должностным лицам губного управления в письменном виде представлять отчетность о своей деятельности. Следует полагать, что «списки», о которых упоминает грамота, посылались «боярам, которым разбойные дела приказаны» (ср. ст. 9), то есть в центральный орган, развившийся потом в Разбойный приказ.

Ст. 7. (Ср. ст. 1 Судебника 1497 г.)

Закон требует от должностных лиц местного управления нелицеприятных действий.

В этом постановлении развивается далее норма Судебника 1497 года: «А судом не метити, не дружити никому». Однако, так же как и в Судебнике, данная норма не сопровождается конретной санкцией за ее нарушение.

Правительство еще не ощущало достаточной силы, чтобы действенно карать судей — нарушителей служебного долга. Лишь позднее, в Судебнике 1550 года (ср. ст. ст. 3, 4, 5) появляется упоминание о конкретном наказании за совершение подобного преступления в корыстных целях.

Ст. 8. Грамота предостерегает тех представителей губного управления, которые ступят на путь злоупотребления своим служебным положением. При установлении фактов попустительства преступным элементам виновные должностные лица губного управления обязаны были возмещать ущерб, причиненный разбойниками потерпевшим, подлежа помимо этого уголовной ответственности.

Ст. 9. Применение смертной казни к ведомым разбойникам сопровождалось также установлением их материальной ответственности. Имущество казненных шло в обеспечие возмещения причиненного им вреда.

В первую очередь удовлетворялись требования потерпевших, оставшееся имущество находилось под охраной губных властей и поступало в распоряжение центральных органов власти.

Ст. 10. Правительство, повсеместно вводившее строгий контроль за деятельностью органов местного управления, требует немедленного сообщения в Москву имен тех лиц, коим местные жители доверяли отправление обязанностей губных голов.

Списки этих лиц находились у «бояр, которым разбойные дела приказаны».

Заключение. Губные головы обязываются действовать на основании данной грамоты. Списки грамоты надлежало держать в каждой волости, где они служили руководством при проведении розыскных действий.

1555 г. Медынский губной наказ

В отличие от ранних губных грамот губной наказ содержит четкую регламентацию правил ведения розыскного процесса и постановления приговора губными властями.

Губной наказ рисует детальную организацию органов губного управления, их прав и обязанностей. Изданный после принятия Судебника 1550 года он в ряде своих постановлений отразил влияние постановлений Судебника.

Вступительная статья наказа не отличается от обычных вступлений губных грамот (см. выше) и указывает на те же причины организации губного самоуправления, что и Белозерская губная грамота.

Ст. 1. Содержит постановления об организации губных учреждений. В отличие от первых, дошедших до нас губных грамот, где определялся порядок избрания органов управления, настоящий наказ прямо назначает лиц, возглавляющих губное управление. Допуская выборное начало, правительство предпочитает непосредственное назначение конкретных должностных лиц, призванных осуществлять на местах правительственную политику. При первоначальной организации губных учреждений местные власти лишь доводили до Москвы сведения об уже избранных губных старостах (см. выше стр. 176, ср. ДАИ, I, № 31).

Во главе губной организации стояли губные старосты, комплектовавшиеся, как указывалось выше, из детей боярских и дворян. В состав губных учреждений входил губной дьяк, ведавший канцелярией и делопроизводством, а также целовальники, которые рассматривались в качестве представителей местного посадского и черносошнокрестьянского населения (ср. ст. 68 Судебника 1550 года). Губные старосты, губной дъяк и губные целовальники составляли губное учреждение, а именно губную избу. При губной избе находились также городские или сельские полицейские власти: сотские, пятидесятские и десятские (ср. «как к вам ся наша грамота придет, и вы б, часа того, учинили промеж себя у десяти дворов десятского, а у пятидесяти дворов пятидесятского, а у ста дворов сотского, во всех дворех, чьи ни буди на посаде» (Губная грамота Соли Галицкой 1540 г., ААЭ, I, № 192).

Введение губного управления обеспечивало организацию и проведение повального обыска с целью выявления находящихся на данной территории лихих людей. Следует отметить, что если губной наказ, как и другие акты, адресовались светским феодалам, то в проведении повального обыска активно участвуют представители духовенства, приносящие присягу «по священству» (ср. «писцы вспросили ищенных обыскных людей Учемьского игумена Захеи да Борисоглебского игумена Макария да Никольского попа Бориса по священству» (Правая грамота 1543 года, Сборник Лихачева, вып. II, № X).

Результаты повального обыска заносились в протокол, скреплявшийся подписями всех лиц, участвовавших в проведении обыска.

Хто у них в губе — Губа, административная единица на Русском Севере, в частности в Псковской земле (ср. ст. 76 ПСГ «Старост губских позвати». «Памятники русского права», вып. II, стр. 296). После введения губного управления губой стали именоваться специальные судебные округа, подчинявшиеся губным старостам, а с 1551 года включавшие в себя территорию уезда.

Ст. 2. (Ср. ст. 56, 57 Судебника 1550 года.) Обвиненные при повальном обыске представали перед губными властями. Если они изобличали соучастников, то оговоренные приводились на очную ставку с задержанными. Неподтверждение оговора на очной ставке влекло вторичный повальный обыск в отношении оговоренного. В случае положительного результата повального обыска оговоренные отпускались под поручительство, отрицательный результат повального обыска влек за собой для оговоренных обвинительный приговор соответственно их доли участия (выти) в инкриминируемом преступлении.

Признание в совершении разбоя являлось безусловным доказательством, дававшим основание для применения смертной казни. Подобное признание обычно вырывалось у обвиняемого при помощи пытки.

Статья показывает то большое внимание, которое уделялось имущественной ответственности обвиняемых. Задержание из-за «облихования» на повальном обыске влекло немедленное наложение ареста на имущество «облихованного», а смертный приговор — конфискацию этого имущества. Судьба конфискованного имущества решалась в Разбойном приказе.

Ст. 3. Определяет порядок проведения следственных действий. Данная статья свидетельствует, что весь ход розыскного процесса строился на применении пытки.

Если на первой пытке обвиняемый оговаривал кого-либо в соучастии, то оговоренного приводили на очную ставку с обвиняемым, спрашивали обвиняемого, признает ли он данного оговоренного, и вновь пытали с целью проверки, снимет или не снимет оговор.

Статья рассматривает случаи оговора при первой и второй пытке. Если обвиняемый на очной ставке или же после третьей пытки, или же перед казнью отказывался от оговора, то при наличии положительных показаний, добы-

тых при производстве повального обыска, оговоренный отпускался на поруки на свободу.

Отрицательные показания повального обыска в отношении оговоренного, даже в том случае, если он под пыткой не признавался в совершении преступления, имели решающее значение для вынесения обвинительного приговора. В глазах феодального государства свидетельство «добрых» людей являлось наиболее существенным, после собственного признания обвиняемого, доказательством (ср. ст. 59, 60 Судебника 1550 года).

Для феодального государства исследуемого периода был крайне характерен взгляд на холопа как на объект собственности холоповладельца. Отсюда вытекает положение наказа, возлагающее на боярина материальную ответственность за ущерб, причиненный разбоями его людей.

Ст. 4. Наказ особо подчеркивает ответственность феодалов за преступления, совершенные их челядью. Правительство не могло допустить, чтобы кто-либо избежал уголовной ответственности за совершенные преступные деяния. Поэтому губным властям разрешается при помощи повального обыска проверять утверждения князей и бояр о том, что у них не скрывается «лихой человек». В случае подтверждения при повальном обыске обвинения в укрывательстве разбойника феодал был обязан представить поручительство, удостоверяющее, что он принял меры для розыска разбойника.

Необходимо отметить, что в ранних губных грамотах подобного постановления не содержится (см. выше, см. также Губную грамоту Соли Галицкой 1540 года, Губную грамоту селам Троице-Сергиева монастыря 1541 г.). Почти так же текстуально совпадают подобные нормы в последующих губных наказах 1571 года (ААЭ, I, № 281) и 1586—1587 гг. (ААЭ, I, № 330[2]), то есть в период, когда господствующее положение князей и боярской аристократии в Русском государстве было поколеблено в силу роста политического значения дворянства и оформления сословно-представительной монархии.

Ст. 5 (ср. ст. 56 Судебника 1550 года). Обвинение в совершении разбоя, не подтвержденное вескими доказательствами, также влекло производство повального обыска. Плохая репутация обвиняемых, даже при отсутствии

конкретного обвинения со стороны обыскных людей, вызывала применение пытки. Если обвиняемые и под пыткой не признавались в разбое, а производство повального обыска не давало конкретных улик против них, они все же подвергались пожизненному заключению с конфискацией принадлежащего им имущества в пользу истцов и государства.

«Облихование» на повальном обыске, даже при отсутствии собственного признания, влекло смертную казнь. Губной наказ идет в данном случае дальше постановлений Судебника 1550 года, который при подобном же казусе предусматривал пожизненное заключение.

Усиление репрессии объяснялось стремлением феодальной юстиции обеспечить при помощи жестоких мер подавление малейшего сопротивления эксплуатируемых.

Данная статья ярко показывает применение феодальным законодательством принципа устрашения.

Ст. ст. 6—7. Предусматривает возможность расхождения показаний, добытых при производстве повального обыска. Разделение голосов поровну влекло за собой применение к облихованному пытки. Если под пыткой у него не исторгалось признания, то он подлежал отдаче на поруки с уплатой определенной доли возмещения за причиненный разбойным нападением ущерб, то есть оставался в подозрении. Разделение голосов на большинство и меньшинство и «облихование» подозреваемого большинством приводило к осуждению на пожизненное заключение. В случае добытия новых данных, уличающих обвиняемого в совершении иного лихого дела, он подлежал смертной казни.

Отличие ст. 6 от ст. 7 заключалось лишь в том, что в первом случае основанием к возбуждению уголовного преследования служили показания одного лица, а во втором — двух или трех лиц. Отсюда вытекало и различие ответственности допрошенных в процессе повального обыска людей и давших показания в пользу обвиняемых, впоследствии уличенных в совершении лихих дел. В первом случае люди, давшие положительный отзыв, несли имущественную ответственность, а во втором — наиболее видные из них выборочно подвергались телесному наказанию.

Наличие подобной угрозы в законе устанавливало особую ответственность «обыскных» людей.

Ст. 8. Как правило, пытка следовала за производством повального обыска. Если же имелся оговор несколькими лицами и пострадавшая сторона также уличала оговоренных, то пытка производилась до обыска. В случае просьбы оговоренных о производстве обыска по месту их жительства их ходатайство подлежало удовлетворению.

Статья не предусматривает порядка привлечения к судебной ответственности при доброй славе оговоренных. Следует полагать, что при этом руководствовались постановлениями ст. 57 Судебника 1550 года, предписывавшего коли «...в обыску про него лиха не скажут, ино татиным речем не верити, дати его на поруку».

Ст. 9 (ср. ст. 57 Судебника 1550 года). Статья воспроизводит постановления Судебника, устанавливавшего смертную казнь в отношении лиц, пойманных на месте преступления или уличенных иными доказательствами.

Наказ заботится о судьбе конфискованного имущества. После удовлетворения требований истцов, а также в случае их отсутствия старостам предоставлялось право продажи изъятого у осужденного имущества. Отчет о проведенной конфискации собственности осужденного и деньги, вырученные от продажи этой собственности, направлялись в Москву.

Ст. 10. Оговор разбойниками лиц, проживавших на территории других губных округов, вызывал производство следственных действий тамошними властями. Наказ требует, чтобы целовальник, направляющийся с сообщением о необходимости производства розыска, вручал это сообщение в присутствии понятых. Имена целовальника и понятых сообщались в Разбойную избу. Подобные меры предосторожности были обусловлены необходимостью установления ответственности властей каждого губного округа за обнаружение преступников на своей территории. При наличии данных, удостоверяющих вручение документов о розыске преступника, губные власти обязаны были принимать все меры для поимки и изобличения оговоренных лиц.

Ст. 11. (ср. ст. 55, 56 Судебника 1550 г.). В отличие от Судебника 1550 г., знающего имущественные, телесные наказания и смертную казнь, губной наказ, как и другие губные грамоты (ААЭ, I, № 224 и др.), говорит также и о членовредительских наказаниях. Таким образом,

в течение одного периода законодательство устанавливало различные виды наказания для лиц, посягающих на устои феодального государства.

Следует отметить, что при различии отдельных статей в санкции этих правовых норм сохраняется основной принцип, при помощи которого правительство стремится держать эксплуатируемое большинство в страхе и покорности — принцип устрашения.

Ст. 12. За совершение судебно-следственных действий согласно наказу, отвечают губные власти, которым предоставляется полная свобода проведения розыска и постановления приговоров. В пределы компетенции губных властей наместничьему аппарату вмешиваться не разрешается (ср. ст. 60 Судебника 1550 года). Наказ содержит указание на необходимость всесторонне расследовать предъявленные обвинения, не допуская вынесения заведомо неправосудного решения.

Таким образом, данная статья закрепляет полномочия губных властей, предостерегая их лишь от злоупотребления предоставленными им правами.

Ст. 13 (ср. ст. 7 Белозерской губной грамоты, ст. ст. 3, 4, 5 Судебника 1550 года). Злоупотребление своим должностным положением (взяточничество) рассматривалось как тяжкое преступление.

В отличие от Судебника, предусматривавшего за совершение подобных преступлений, различные виды наказания: имущественную ответственность, тюремное заключение, телесные наказания, наказ устанавливает в качестве абсолютно определенной санкции смертную казнь и изъятие имущества в пользу лиц, потерпевших ущерб от неправосудных действий губных властей (ср. губную грамоту, данную вотчинам Троице-Сергиева монастыря 1586 — 1587 гг. — ААЭ, I, № 330[2]).

Ст. 14. Одной из важнейших задач губных учреждений было проведение следственных действий на местах. В силу этого наказ предписывает рассматривать «разбойные и татебные дела» непосредственно на месте без доклада центральным властям.

В то же время ограничивается компетенция губных властей, которые «иные дела» не имели права рассматривать самостоятельно (ср. «А в наместничь бы есте суд,

у наместников, и у волостелей, и у их тиунов, в бои, в грабежи, и в поличные не вступалися, опричь ведомых татей и разбойников» — Губной наказ старостам сел Кириллова монастыря 1549 г. — ААЭ, I, № 224).

С целью недопущения злоупотреблений наказ предписывал губным властям осуществлять друг за другом надзор и сообщать о случаях взяточничества в Разбойной приказ (ср. губную грамоту боярина Д. И. Годунова).

Данный наказ отразил неустойчивость наименования одного и того же центрального ведомства («Губная изба» — ст. 9, «Разбойная изба» — ст. 10, бояре, «которым приказаны разбойные дела» — ст. 14). Подобная неустойчивость терминологии свидетельствует о формировании в исследуемый период центральных правительственных органов и об отсутствии еще у них окончательно определившейся структуры.

50-е годы XVI века крестоцеловальная запись губных старост [1]

Приступая к исполнению своих обязанностей, губные власти приносили письменную присягу, в которой брали на себя обязательство строго соблюдать правила губных грамот. Из текста крестоцеловальной записи видны обязанности должностных лиц губного управления, совпадающие с обязанностями, предусмотренными губными грамотами и губным наказом (см. выше).

Публикуемая крестоцеловальная запись губных старост находится в одном из сборников XVI века (ЛОИИ, Собрание Лихачева, № 228), содержащем список Судебника 1550 года с дополнительными статьями.

Это единственный известный нам типовой образец крестоцеловальной записи губных старост XVI века.

Крестоцеловальная запись могла быть составлена не ранее 3 февраля 1547 г. (свадьба Ивана IV и Анастасии) и не позднее 7 августа 1560 г. (смерть Анастасии), но сам факт нахождения крестоцеловальной записи среди дополнительных указов к Судебнику 1550 года показывает, что данная крестоцеловальная запись не могла быть составлена

[1] Текст крестоцеловальной записи подготовлен к печати Н. Е. Носовым, которому принадлежат и соображения о времени ее появления.

ранее Судебника. Вероятно, что данный формуляр крестоцеловальной грамоты был составлен около 1555—1556 года — в годы осуществления правительством Ивана Грозного ряда новых крупных реформ в области губного управления, когда, в частности, была составлена Уставная книга разбойного приказа.

II. Акты земского управления

Уставная земская грамота крестьянам волостей Двинского уезда 25 февраля 1552 г.

Реформы середины XVI века в Русском государстве ставили своей целью укрепление государственного аппарата и обеспечение поддержки мероприятий правительства со стороны дворянства и городского купечества.

Несколько позже губного управления получает распространение система земского управления, в компетенцию которой входил более широкий круг вопросов в сравнении с губными органами. Система земского управления в конце концов заменила систему назначения кормленщиков.

Как правило, земские учреждения создавались в первую очередь в тех уездах, где дворянское землевладение не было распространено и где находились значительные торгово-ремесленные центры.

Уставные грамоты земского управления ставили своей задачей регламентировать финансово-административные и судебные функции местных земских властей.

Однако не все грамоты полностью регламентировали деятельность органов местного управления. Некоторые акты являлись по существу лишь первоначальными документами на право организации органов земского управления, как, например, грамота Ивана IV устьянским волостям от 13 мая 1555 г., которую некоторые исследователи считали первой земской грамотой. После создания на основе подобных актов земских учреждений их представители являлись в Москву в ведомство казначеев, где приносили торжественную присягу (см. ниже образец крестоцеловальной записи) и получали документ, собственно уставную грамоту, фиксировавшую права и обязанности земских властей.

Приводимая Уставная земская грамота 25 февраля 1552 г., обнаруженная А. И. Копаневым, является наиболее ранней из дошедших до нас уставных земских грамот.

Ст. 1. Как всякий документ, исходящий от главы феодального государства и адресованный жителям определенной территории, земская грамота носит характер «пожалования». Вступление перечисляет тех лиц, кто по уполномочию волостных жителей непосредственно получал в Москве данный акт («во всех крестьян место...»). Следует полагать, что это были, очевидно, наиболее зажиточные представители волостного крестьянства («лучшие люди» — ср. ст. 8).

Вводная часть грамоты отражает своеобразие экономического развития севера Руси, не знавшего крупного светского землевладения. Грамота ничего не говорит о детях боярских, дворянах и тому подобных представителях феодального общества.

Ст. 2. Грамота отражает столкновение интересов местных жителей с интересами должностных лиц наместничьего управления, ибо в ней невольно проводится мысль, что для населения волостей равнозначными по тяжести последствий по размерам чинимого ущерба являются действия должностных лиц аппарата кормленщика и преступных элементов (лихих людей, татей и разбойников).

Сбор «кормов» волостелям превратился по существу в грабеж населения, а сопротивление местных жителей лищало кормленщиков даже обусловленных в уставной грамоте наместничьего управления или доходном списке доходов.

Столкновение интересов той и другой стороны приводило к дезорганизации местного управления, обезлюдению населенных пунктов и прямому ущербу интересам государства («...да от того на посадех многие крестьянские дворы и в уездех деревни и дворы позапустели, и наши дани и оброки сходятся не сполна...». Уставная грамота Соли Переславские 1555 г. С. А. Шумаков, Губные и земские уставные грамоты, стр. 110).

Опустение населенных пунктов не мешало кормленщикам взимать корм с остающихся жителей в прежних размерах, что приводило население к дальнейшему обнищанию.

За монастыри безсрочно и без отказу — уйти навсегда под защиту монастырей, то есть отдаться под их патронат, причем без права выхода от них («отказа»).

Ст. ст. 3—4. В общей форме грамота устанавливает ликвидацию системы кормления на территории указанных волостей. Упразднение кормленщиков влекло за собой назначение земских властей. Правительство утверждает во главе земской организации выборных лиц («кого они излюбят») всего 10 человек на три волости. Как правило, состав этих лиц комплектовался из среды зажиточной верхушки волостных жителей. Одновременно грамота закрепляет за земскими учреждениями право ведения судебных дел по правилам обвинительного и следственного процессов, обязывая разрешать спорные вопросы на основе норм общерусского кодекса — Судебника 1550 года (по всем делам управу «чинити по нашему судебнику»).

Ст. ст. 5—6. Правительство, заботясь об аккуратном поступлении в пользу государства денежных сборов, возлагает на земские власти раскладку налогов и взимание их с местного населения. Многочисленные поборы кормленщиков заменяются единым оброком, поступающим в определенный срок раз в год в казну. В то же время правительство сохраняет взимание тех налогов, которые и при кормленщиках поступали непосредственно в доход государства (ср. ст. 8).

Введение оброка, заменившего «корм», поступавший наместникам как в натуральной, так и в денежной форме, характерно для периода развитого феодализма, когда на смену отработочной ренте и ренте продуктами приходит денежная рента, выступающая в форме денежного оброка.

Ст. 7. (ср. ст. 31). Грамота обязывает земские власти принимать все меры к заселению опустошенных деревень (ср. «А на пустые 6 места на Ваге, в Шенкурье и в Вельском стану на посаде, и в станах, и в волостех на пустоши и на пустые деревни крестьян называти». Уставная важская грамота, 21 марта, 1552 г., ААЭ, I, № 234). Запустение произошло, очевидно, вследствие голода 1548—1549 гг., когда на Двине «людей мерло с голоду много» (А. Титов, Летопись Двинская, М., 1889, стр. 10).

Ст. 8. В отличие от позднейших грамот (ср. уставную грамоту, данную Соли Переславские посадским людям,

1555 г., 11 августа — С. И. Шумаков, Губные и земские грамоты, стр. 110) редакция проводимой грамоты неудачна и в силу этого постановления ст. 8, детализирующая порядок деятельности земских учреждений, во многом повторяет нормы предыдущих статей, устанавливающих общие положения о земском управлении. Выборные лица, стоящие во главе земского учреждения, именуются излюбленными головами, на которых возлагается ответственность за сбор налогов.

Закон устанавливает источники поступлений в счет установленного оброка «за волостелин откуп». В первую очередь подобным источником служит явка, взимаемая с приезжих купцов и с прохожих людей. Недостающая сумма для уплаты оброка раскладывается среди жителей волостей, на которых распространяет свое действие указанная грамота.

С обжи по девятнадцати алтын без денги — «обжа» (от «жать», «обжинать») окладная единица. «Обжа» — новгородская податная мера, равнявшаяся десяти четвертям земли (четверть — 0,5 десятины). Сумма оброка, взимаемого с обжи, совпадает с подобной суммой в других грамотах (18 алтын — Уставная Важская грамота 1552 г.).

Нашего оброку за белку и за горностаи — на севере Руси власти ранее взимали натуральные подати в виде продукции охотничьего промысла. В период издания грамоты натуральный налог заменяется денежным (оброком). Грамота предписывает этот оброк не смешивать с упраздняемыми доходами кормленщиков.

И ямских и пищальных и полоняничных денег и посошные службы и городового дела — грамота перечисляет прямые налоги, свидетельствующие об укреплении и развитии феодального государства. Налоги взимаются на содержание органов связи, на содержание стрелецкого войска, на выкуп на постройку и укрепление фортификационных сооружений и т. д. Полоняничные деньги вводятся в середине XVI века (см. Стоглав).

Волостным крестьяном... лутчим и средним и молотчим — меж себе разводити — формула грамоты свидетельствует о имущественном расслоении крестьянского населения. Крестьяне и посадские люди делятся по имущественному положению на три разряда, в соответствии с

которыми производится раскладка «по пашням и по животам и по сохам и по промыслом». Раскладка производилась специальными «разрубными целовальниками», являвшимися финансовыми агентами органов земского управления (см. Отказную грамоту 1575 года, С. И. Шумаков, Губные и земские грамоты Московского государства, стр. 107).

В исследуемый период *сохой* именовалась единица обложения, в которую входила либо земля, либо дворы. На соху приходилось при наличии хорошей земли 500 четвертей «черных» земель или 40 дворов, при наличии плохой земли — 700 четвертей «черных» земель или 160 дворов и т. д.

Ст. 9 (ср. ст. 32). Определяет порядок взимания налогов. Налоги вносятся в казну определенным должностным лицам — казначеям и их дьяку.

Территориями, на которых была введена новая организация местного управления, ведали прежние «кормленные» дьяки (ср. ст. 47 Судебника 1550 года). Так, Истома Ноугородов, подписавший приводимую грамоту, был дьяком, ведавшим одновременно территориями с наместничьим управлением и территориями, его не имевшего.

Как бывший «кормленный» дьяк он получал с земских властей «оброк за наместничь доход», а как дьяк, входивший в ведомство, он принимал и учитывал все другие пошлины.

Впоследствии, начиная с 1561 года, все поступления от земских властей стали направляться в особую Четвертную избу. Так отмирал постепенно институт кормленных дьяков и создавалась новая система центрального финансового управления.

Собранный оброк привозится представителями земского управления к указанному в грамоте сроку без дополнительного вызова.

Правительство стремится не допускать нарушений финансовых предписаний, устанавливая в качестве санкции уплату двойной суммы оброка и расходов, понесенных правительственным приставом, посылаемым на место, в случае недоставления в срок полагающихся сумм.

Грамота вновь подчеркивает необходимость взимания налогов и сборов, не входивших в пределы доходов кормленщиков.

Понимая, что приезд местных выборных лиц с большими суммами денежных средств, идущих в казну, может разжечь алчные аппетиты должностных лиц правительственного аппарата, закон специальным постановлением ограждает представителей земского управления от корыстолюбивых московских дьяков и подьячих («... посулов и поминков не давати никому ничего»).

Ст. 10. Определяет состав судебной коллегии, которой подведомственно разрешение всех судебных дел на данной территории. Приступая к несению своих обязанностей, судьи приносят присягу. Основным руководством в их деятельности является Судебник 1550 года.

Ст. 11. Не имеет преценцента в предыдущем законодательстве, также не воспроизводится и в последующих грамотах.

Излюбленные головы, разрешающие самостоятельно спорные дела в присутствии «лучших людей» своей волости, в случае затруднений при решении того или иного дела съезжаются для совместного рассмотрения наиболее важных дел.

Решение коллегии земских судей должно было приниматься единогласно. Исходя из общих правил отправления правосудия и ст. 21 настоящей грамоты, следует полагать, что при разрешении дел судебной коллегией также присутствовали «лучшие люди» (ср. ниже, ст. 21, ср. «А на судех и в обыскех и во всяких делех, у выборных судей, колмогорцем посадским людем и волостным быти лутчим людем, что б у них сил и обид и продажи безлепичных не было»— Уставная Двинская грамота 1556 г., ААЭ, I, № 250).

Ст. 12. Земский дьяк, ведавший земской канцелярией и составлением судебных протоколов, избирался всеми волостными людьми. Избранный дьяк приводился к присяге (см. ниже крестоцеловальную запись).

Ст. 13 (ср. ст. ст. 94, 95, 96 Судебника 1550 года). В отличие от Судебника, обязывающего при заключении договора купли-продажи лошади взимать с контрагентов пошлины за совершение сделки, земская грамота, предписывая учинить записи при продаже лошадей, освобождает контрагентов от уплаты каких-либо пошлин.

Ст. 14 (ср. ст. 17 Белозерской уставной грамоты 1488 года). Брачные пошлины, являвшиеся пережитком

феодальной раздробленности и сохранившиеся в уставных грамотах наместничьего управления конца XV — начала XVI вв., согласно ст. 14, на Двине отменяются. Постепенно теряет силу разобщенность отдельных русских земель, поэтому уплата повышенной пошлины (выводной куницы) при выходе замуж за пределы волости противоречит централизаторской политике Русского государства.

Ст. 17. Настоящее постановление возлагает на земские органы те же обязанности преследования «душегубцев», что и на губные учреждения. Отсюда вытекает, что в данной местности где, как и вообще на севере Руси, дворянского землевладения не существовало, не было и губных органов. Земское управление также применяло по особо важным делам (в данном случае при обвинении в убийстве) методы следственного процесса. При задержании душегубца немедленно накладывался арест на его имущество с целью обеспечения удовлетворения претензий семьи пострадавшего.

Ст. 16 (ср. ст. 72 Судебника 1550 года). Воспроизводит норму Судебника, запрещающую удовлетворять иски лиц, не обеспечивающих размер исковых требований своим имуществом.

Ст. 17. В случае осуждения убийцы к смертной казни ущерб, понесенный потерпевшими, возмещается из имущества осужденного.

Ст. 18 (ср. ст. 14 Белозерской уставной грамоты 1488 года). Общерусские кодексы (Судебники 1497 и 1550 гг.) не воспроизводили постановлений Белозерской грамоты о ненаказуемости неумышленного убийства. Вопрос о неумышленном убийстве и смерти от несчастных случаев попрежнему разрешался в актах, предназначенных для действия на определенных территориях. Местный характер подобных норм объясняется тем, что в первую очередь в общерусском законе правительство стремилось закрепить постановления, ставившие своей целью борьбу с классово-враждебными элементами. Детализацию общих положений правительство оставляет за земскими и губными актами, во многом дополнявшими и развивавшими постановления Судебника 1550 года.

Ст. ст. 19—20 (ср. выше ст. 17). Компетенция земских учреждений в тех местностях, где не было губной органи-

зации, охватывала сферу деятельности губных органов (см. выше, историко-правовой обзор к Медынскому губному наказу).

Должностные лица губного управления, выполнявшие полицейские обязанности при губных властях, несут те же функции и при земских властях. Обнаруженные преступники передаются излюбленным головам, которые разрешают судебные дела на основе предписаний Судебника.

Земская грамота предусматривает те же составы преступления, что и Судебник 1550 года.

Ст. 21 (ср. ст. ст. 52, 62 Судебника 1550 года). В отличие от уставных грамот наместничьего управления (см., например, ст. 11 Белозерской уставной грамоты, «Памятники русского права», вып. III, стр. 172), дающих определение поличного, земская грамота в соответствии с Судебником 1550 года устанавливает порядок, при котором обнаружение поличного приобретает доказательственное значение.

Поличное должно быть изъято земскими властями по требованию истцов. Лица, у которых «поличное вымут», подлежали суду по правилам ст. 52 Судебника, то есть вначале они подвергались пытке, а затем при помощи повального обыска проверялось, не являются ли они «ведомыми лихими людьми».

Вторая половина настоящей статьи, основываясь на уже установившемся порядке, определяет обязательность присутствия представителей местного населения при отправлении правосудия (ср. ст. 62 Судебника 1550 года).

По проведении розыска излюбленные головы выносят решение, исходя из норм общерусского законодательства. Грамота подчеркивает недавний срок действия Судебника: «управу им чинят по нашему новому Судебнику...»

Ст. 22. Земская грамота устанавливает принцип круговой поруки однодеревенцев за лиц, скрывающихся от розыска. Закон обязывает всех, кто проживает по соседству с лихими людьми, доставлять их в распоряжение местных властей под угрозой возмещения из своего имущества ущерба, причиненного разбойниками. В дальнейшем, помимо односельчан, ответственность за нерозыск лихих людей несут низшие представители земской администрации — сотские, пятидесятские и десятские. На них возлагается возмещение ущерба потерпевшим и помимо этого

они должны были представить поручительство, «чтоб у них в их сотной вперед лихих людей не было» (Уставная Двинская грамота 1556 года, ААЭ, I, № 250).

Законодатель вынужден был прибегать к подобным суровым мерам, поскольку среди рядовых членов сельской общины «лихие люди» всегда встречали готовность скрыть их от розыска. Это лишний раз подчеркивает классовое содержание «лихих дел», часто являвшихся формой протеста против феодального гнета.

Ст. ст. 23—24. В Русском государстве середины XVI века запрещалось содержание питейных заведений отдельными лицами, продажа алкогольных напитков являлась правом городских властей, плативших за эту привилегию определенную сумму в казну.

За нарушение запрещения с корчемников взимался штраф (заповедь) в 4 рубля, половина которого шла в доход казны, а вторая половина поступала в распоряжение земских властей.

Помимо содержателей питейных заведений, штрафу подвергались и посетители (питухи). Лица, вторично уличенные в содержании корчмы, привлекались к уголовной ответственности. В то же время закон предусматривает выдачу разрешения на изготовление напитков в связи с домашними праздниками. Здесь также на первый план выступают интересы фиска, поскольку по истечении определенного срока (5—7 дней) напитки, изготовленные домашним способом, изымаются, и лица, их хранящие, уплачивают штраф. О корчмах также см. приложение (Вопросы Ивана IV от февраля 1550 г., стр. 577).

Ст. 25. Наиболее важные уголовные и гражданские дела разрешались центральными правительственными органами в Москве. Грамота обязывает земские власти все подобные дела направлять в ведомство казначеев для доклада царю. Позднее земские власти направляли материалы для доклада в соответствующий приказ.

Ст. ст. 26—28. Все три статьи объединены одной тенденцией — установить ответственность излюбленных голов и других представителей земского управления за преступления по службе.

Закон запрещает выборным пользоваться предоставленной им властью для личных целей (ср. ст. 23 «да и

самим им, излюбленным головам, питья на продажу не держати»), предусматривая за совершение должностных преступлений, в частности вызванных корыстолюбивыми намерениями (взятки), смертную казнь. Лица, пострадавшие от неправосудных действий земских властей, удовлетворяются за счет имущества должностных лиц земского управления.

Если ст. 22 устанавливала ответственность односельчан за укрытие «лихих людей», то ст. 27 провозглашает ответственность выборных людей за недостаточную настойчивость при проведении розыскных действий и поимки лихих людей. Выборные люди, не разыскавшие укрывающихся у населения «лихих людей» или же не сумевшие их забрать у оказывающих сопротивление при аресте крестьян, подлежат смертной казни наравне с укрывателями разыскиваемых лиц. Из их имущества удовлетворяются иски потерпевших от разбойных действий.

Принятие подобных суровых мер диктовалось растущей классовой борьбой, выливавшейся повсеместно в открытое сопротивление крепостнической политике правительства. Жестокая санкция закона вынуждала излюбленные головы неукоснительно выполнять возложенные на них функции по изобличению и розыску классово-враждебных элементов.

Ст. 29 (ср. ст. ст. 28, 29, 62 Судебника 1550 года). Статья определяет порядок делопроизводства в земском суде. Правила ведения судебного протокола и записи показаний повального обыска совпадают с нормами Судебника, запрещающего ведение дьяком протокола в центральном суде в отсутствии боярина, возглавляющего соответствующее ведомство. Скомпановав в одной статье целый ряд постановлений Судебника, составители вводят в отличие от Судебника в качестве меры наказания за нарушение правил делопроизводства — смертную казнь. Лица, сообщившие в центральное ведомство, очевидно, казначеям, о нарушениях установленного порядка делопроизводства, награждались имуществом казненных. Введение смертной казни за нарушение правил делопроизводства может быть объяснено стремлением правительства при помощи подобных жестоких мер наладить деятельность вновь организованного местного аппарата управления. Основной принцип развитого феодального права — устрашение призвано было

сыграть решающую роль в укреплении Русского феодального государства.

Ст. 30. Грамота относит рассмотрение спорных дел между жителями указанных волостей и «опричными людьми» к компетенции центральных органов власти. Это остаток прежнего сместного суда, когда спорные дела лиц, подведомственных различному суду, рассматривались судьями, представлявшими каждую из сторон. В централизованном государстве вся полнота власти сосредоточивается в руках главы государства, который и разрешает возможные споры между иногородцами. В данном случае речь идет о судебных спорах между светскими лицами, поскольку лица, подпадавшие под патронат церкви, судились церковным судом.

Настоящее постановление отражает возросшую роль централизованного государства, не допускающую нарушения своих судебных прерогатив.

Ст. 31. Русское феодальное государство было крайне заинтересовано в освоении своих земельных богатств. Запустение населенных пунктов влекло снижение поступлений в государственную казну. Стремясь возродить к жизни ранее опустевшие селения, правительство устанавливает для земских властей указанных волостей льготу, заключающуюся в разрешении возвращать на прежнее место жительства крестьян даже в том случае, если они и попали в зависимость от церковных и светских землевладельцев.

Уставная земская Важская грамота, данная почти одновременно с исследуемой грамотой (21 марта 1552 г.) и скрепленная подписью одного и того же дьяка Истомы Новгородова, дополнена постановлением, относящимся к договору займа, подтверждающим обычный процент (20 процентов годовых) и запрещающим взимать более высокие проценты (ср. ст. 82 Судебника 1550 года).

Ст. 32. Настоящее постановление освобождает представителей земского управления от платежа дорожных пошлин при поездке в Москву по служебным делам.

Земская крестоцеловальная запись 1557—1582 гг.

Избранные земские власти являлись для утверждения в Москву. Их утверждение сопровождалось принесением торжественной присяги, оформлявшейся специальным актом (записью), скреплявшимся подписями присягающих.

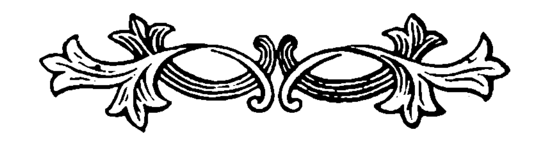
Публикуемый документ представляет собой формуляр, по образцу которого на местах составлялись записи лицами земского управления (отсюда формула «имя рек» вместо конкретных имен).

Запись не содержала полного перечня обязанностей должностных лиц земского управления, а лишь подчеркивала наиболее важные стороны их деятельности. В первую очередь на земские власти возлагалась обязанность бескорыстного и нелицеприятного осуществления правосудия (ср. ст. 1 Судебника 1550 года), соединявшаяся с установлением контроля одного должностного лица за другим. Несомненно, подобное правило имело существенное значение, поскольку подтвержденный донос вознаграждался отобранием имущества у осужденного излюбленного головы в пользу доносчика (ср. выше ст. 29 Уставной грамоты 1552 года). Земским властям также поручается ведение розыскных дел, входивших в компетенцию губных изб, что свидетельствует о всеобъемлющем характере обязанностей земской организации, а также несение полицейских обязанностей («корчмы выимати...»).

Не менее важной функцией, на которой специально останавливается присяга, является сбор доходов и доставка их в государственную казну. (В том же сборнике XVI в., в котором помещена земская запись, находится аналогичная запись излюбленных голов).

Большое внимание, уделявшееся феодальным государством строгому соблюдению правил делопроизводства с целью недопущения возможных злоупотреблений (ср. ст. ст. 29, 62 Судебника 1550 года, ср. ст. 29 Уставной грамоты 1552 года), нашло свое отражение в обязательстве вести протоколы судебных дел непосредственно в процессе разбора дела в присутствии земских властей.

Краткий перечень основных обязанностей земских должностных лиц, содержащийся в записи, показывает многообразный характер деятельности органов земского управления в середине XVI века. *Царевичям* — Федор родился в 1557 г., Иван умер в 1582 г. Отсюда датировка грамоты. Скорее всего она составлена в 70-х годах XVI в., ибо помещена в сборнике после законов 1556—1571 гг.



СПИСОК УСТАВНЫХ ГРАМОТ

Уставные наместничьи грамоты

1. **1397—1398 гг.** Уставная Двинская грамота. Список конца XV в., ГПБ, Q IV, № 14, лл. 14—16; Публ. ГВН и П № 88.

2. **1488 марта.** Уставная Белозерская грамота. Список XV в. ОДРА, архив Строева XVI, № 1; Публ. РИБ, XXXII, № 55.

3. **1506 г. апреля 7.** Уставная грамота Переяславским рыболовам; Публ. ААЭ, I, № 143.

4. **1506 г. апреля 9.** Уставная грамота крестьянам. Марининской трети, Артемоновского стана. Список XVII в., ГБЛ. Троицк. кн. 527, № 448; подлинник ГИМ, ср. 388, дело в; Публ. ААЭ, I, № 144.

5. **1509 г. июля 29.** Уставная грамота Дмитровского князя Юрия Ивановича бобровникам Каменского стана; ГПБ, краткая опись о новых поступлениях за 1939—1946 гг., Л., 1951 г. № 16, ААЭ, I, № 150.

6. **1530 г. сентября 29.** Уставная грамота солеварам слободы Новой Соли Новгородского уезда, Моревской волости. Список XVI в., ОДРА, акт. книги Новгород. палаты, № 27, лл. 1—8; Публ. ДАИ, I, № 26.

7. **1536 г. января 26.** Уставная грамота крестьянам села Высоцкого; Подлинник ГБЛ, Беляев, № 58; Публ. АИ, I, № 137.

8. **1536 г. июня 4.** Уставная Онежская грамота; Публ. ААЭ, I, № 181.

9. **1537 г. июля 16.** Уставная грамота бобровникам Владимирского уезда Ильмехотского стана. Список XVII в., ГБЛ, Троицк., кн. 527, № 101; Публ. ААЭ, I, № 183.

10. **1539 г.** Уставная грамота Устьянским волостям. Список XVII в., ЦГАДА, Приказ, дела старых лет, 1647, № 30, лл. 25-36; Публ. Чтения ОИДР, 1907, кн. 1, отд. IV, стр. 47—51.

11. **1544 г. апреля 20.** Уставная грамота крестьянам дворцового Андреевского села Звенигородского уезда. Список XVII в., ГБЛ, Троицк., кн. 527, № 102; Публ. ААЭ, I, № 200.

12. **1553 г. декабря 26.** Уставная Пермская грамота. Публ. Врем. ОИДР, кн. 25, отд. II, стр. 121—134.

13. **1554 г. февраля 28.** Уставная грамота крестьянам дворцовых сел Афанасьевского и Васильевского Московского уезда. Список XVII в.; ГБЛ, Троицк, кн. 527, № 315; Публ. ААЭ, I № 240.

14. **1584 г. августа 15.** Уставная грамота рыболовам и оброчникам Борисоглебской слободы Ярославского уезда; Публ. ААЭ, I, № 324.

15. **1614 г. июня 5.** Уставная грамота Устюжны-Железнопольской; Публ. ААЭ, III, № 37.

16. **1547—1556 г.** Уставная грамота царя северной половины Двинской земли; Публ. Русские Достопамятности, ч. 1, М., 1815, стр. 125—136.

Губные уставные грамоты

1. **1539 г. октября 23.** Губная Белозерская грамота; Публ. РИБ, XXXII, № 139. Подлинник ОДРА, арх. Строева, X, № 1.

2. **1539 г. октября 23.** Губная Каргопольская грамота. Список XVI в.; ОДРА. Акты до 1613, № 133; Публ. ДАИ, I, № 31.

3. **1540 г. февраля 8.** Грамота великого князя Иоанна Васильевича в Вятку, в Слободской городок верхний, о расправе с татями и разбойниками; Публ. «Древние акты, относящиеся к истории Вятского края», № 16.

4. **1540 г. августа 31.** Губная Соль-Галицкая грамота; Подлинник, ОДРА, Головин, № 60. Список XVII в., ГИМ Сим, 58, лл. 770—771; Публ. ААЭ, I, № 192.

5—6. **1541 г. октября 28 и ноября 25.** Две губные грамоты селам и деревням Троицкого Сергиева монастыря, в Тверском, Новоторжском, Старицком и Бежецком уездах; Подл. ЦГАДА, ГКЭ Бежецк., № 97/1201. Списки XVII в., ГБЛ, Троицк. кн. 527, № 205, 207; Публ. I, № 194.

7. **1541 [1542] г. марта 2.** Вятская губная грамота в городах Хлынов Слободской и др.; Публ. Труды Вятской губ., арх, ком., 1906, в. III, стр. 82—84. В публикации: «7070 десятого» (С. А. Шумаков исправляет — «девятого»), т. е. 1541 или 1542 год.

8. **1549 г. сентября 27.** Губной наказ селам Кириллова монастыря; Публ. ААЭ, I, № 224.

9. **1555 г. августа 25.** Губной наказ в г. Медынь. Список XVII в., ГБЛ Муз., № 6689, лл. 243, об. — 252.

10. **1555 г. сентября 24.** Губный наказ в г. Владимир. Список XVII в., ГБЛ Муз., № 6689, лл. 321, об. — 329 об. Отрывок наказа по списку XVII в.; см. ГПБ, Q II, № 118, лл. 82—88.

11. **1555 г. ноября 21.** Губной наказ в г. Переяславль Рязанский. Список XVII в., ГБЛ Муз., № 6689, лл. 330—336.

12. **1555 г. декабря 20.** Губной наказ в г. Старую Рязань. Список XVII в., ГБЛ Муз., № 6689, лл. 336, об. — 344.

13. **1556 г. февраля 3.** Наказной список губным старостам Бреху Конст. Садыкову да Вас. Григ. Рагозину о сыске разбойников и татей в Зубцовском уезде, следствии над ними и казни их. Список XVII в., ЦГАДА; ф. Герольдм. конторы, столь родословный № 43, склейки 7—11; Публ. Акты Юшкова, № 188.

14. **1559 г. мая 6.** Новгородский губной наказ. Список XVI в.; ОДРА, Лихачев, № 228, лл. 75—81.

15. **1571 г. марта 12**. Царский наказ Белозерским губным старостам и целовальникам. Список XVI в.; ГПБ Погод, № 1841, лл. 77 об. — 84 об; Публ. ААЭ, I, № 281.

16. **1586 г. февраля 2.** Губная грамота Троицкому Сергиеву монастырю и монастырской наказ определенному туда губному старосте Измире Амосову. Список XVII в.; ГБЛ, Троицк., кн. 527, № 357 и подлинник ГБЛ, Троицк., № 113; Публ. ААЭ, I, № 3303.

17. **1592 г. марта 14.** Губная грамота крестьянам разных уездов боярина Дмитрия Ивановича Годунова. Список XVII в., ЦГАДА Город., кн. Разрядн. приказа № 1, лл. 64—74; Публ. М. Оболенский, Уголовные законы царя и великого князя Иоанна IV Васильевича, М., 1841, стр. 27—34.

18. **1667 г. октября 4.** Царская грамота в Бежецкий Верх на Городецк,; Публ. ААЭ, IV, № 159.

19. **1679 г. декабря 13.** Губный наказ стольнику и воеводе Степану Ловчикову. Подлинник ОДРА; Акты Строева, № 747; Публ. ААЭ, IV, № 237.

Земские уставные грамоты

1. **1551 г. февраля 28.** Уставная грамота, данная крестьянам Плесской волости. Подлинник ГКЭ Владимир, № 29/1806. С. А. Шумаков, Губные и земские грамоты Московского государства, М., 1895, стр. 108—110.

2. **1552 г. февраля 25.** Уставная грамота волостей Пиняжки Малой и др. Двинского уезда. Список XVI в., ГИМ Барс., № 2079, лл. 94—115; публ. Историч. архив, кн. VIII, стр. 9—20.

3. **1552 г. марта 21.** Уставная Важская грамота. Список XVI в., ОДРА, Акты Строева, № 7; Публ. РИБ, т. XXXII, № 189.

4. **1555 г. августа 11**. Уставная грамота, данная Соли Переяславския посадским людям. Подлинник ЦГАДА ГКЭ, Переясл. Зал., № 170/8894; Публ. С. А. Шумаков, Губные и земские грамоты Московского государства, М., 1895, стр. 110—113.

5. **1555 г. августа 15**. Уставная грамота Переяславским рыболовам. Подлинник ЦГАДА, ГКЭ Переясл. Зал., № 29/8753; Публ. ААЭ, I, № 242.

6. **1555 г. октября 15.** Уставная грамота Устюжского уезда Усецких и Заецких волостей крестьянам. Публ. ААЭ, I, № 243.

7. **1556 г. апреля 29.** Уставная грамота крестьянам Царских подклетных сел Переяславского уезда. Подлинник ЦГАДА; ГКЭ, Переясл. Зал.; № 173/8897; Публ. АИ, I, № 165.

8. **1556 г. сентября.** Уставная Двинская грамота. Список XVI в., ГПБ Погод., № 1841, лл. 72, об. — 77; Публ. ААЭ, I, № 250

9. **1561 г. марта 20**. Судная грамота Удельного князя Владимира Андреевича крестьянам бобровничьей полусохи Замосковной Вохонской волости. Список XVII в.; ГБЛ, Троицк., кн. 527, № 114; Публ. ААЭ, I, № 257.

10. **Около 1590 г.** Торопецкая уставная грамота. Список XVII в. ЦГАДА ф. 210, столбцы приказного стола № 1182, Публ. И. Побойнин, Торопецкая старина, стр. 353—359.

11. **1606 г. июля 7.** Уставная грамота посадским людям г. Шуи; Публ. ААЭ, II, № 52.

12. **1614 г. июня 5.** Судная грамота Устюжны-Железнопольской; Публ. ААЭ, III, № 36.

13. **1615 г. октября 3.** Земская Судная грамота Луцкой Пермцы (с грамотой царя Ивана IV в ее тексте); Смесь, стр. 40—47. Список XVII в. ЦГАДА; Приказ дела старых лет, № 72, лл. 3—19, 37. Публ. Чтения ОИДР, 1907, кн. 1.

14. **1622 г. сентября 8.** Царская жалованная грамота Устьянским волостям; Публ. ААЭ, III, № 126.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. Под ред. А. И. Яковлева М., 1909 г.

2. С. А. Шумаков, Новые губные и земские грамоты, «Журнал Министерства народного просвещения» 1909 г. № 10.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. М. М. Богословский, Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., М., т. I, 1909; т. 2, 1912.

2. А. Д. Градовский, История местного управления в России, СПб., 1868 (см. также Соч., т. 2).

3. М. А. Дьяконов, Дополнительные сведения о московских реформах половины XVI в., «Журнал министерства народного просвещения» 1892 г. № 4.

4. М. А. Дьяконов, О городовых прикащиках, «Журнал министерства народного просвещения», 1900, январь.

5. Н. П. Загоскин, Уставные грамоты XIV—XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления, вып. 2, Казань, 1876.

6. Н. П. Загоскин, Очерк истории смертной казни в России, Казань, 1892.

7. А. И. Копанев, Куростровская волость во второй половине XVI в., Сборник «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952.

8. В. Курдиновский, Губные учреждения Московского государства, «Журнал Министерства народного просвещения» 1885 г. № 10.

9. Н. Ланге, Древнерусское уголовное судопроизводство, СПб., 1884.

10. Н. Е. Носов, Городовые прикащики и губные старосты Русского государства первой половины XVI в., автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М., 1955 г.

11. Н. Ретвих, Термин «губа», определение «Губной грамоты», причина возникновения «губного института», «Вестник археологии и истории», изд. Археол., в. IX, СПб., 1892.

12. Н. Ретвих, Органы губного управления в XVI и XVII вв., Сборник Правовед. и Обществ. Знаний, т. VI.

13. П. П. Смирнов, Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I, М.—Л., 1947.

14. В. В. Сокольский, Главнейшие моменты в истории повального обыска, «Университетские Киевские известия» 1871 г. № 5.

15. К. И. Стефановский, Разграничение гражданского и уголовного судопроизводства в истории русского права, «Журнал министерства народного просвещения» февраль — март 1873 г.

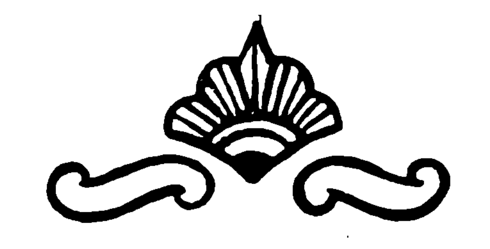
16. Б. И. Сыромятников, Очерк истории суда в древней и новой России, Сборник «Судебная реформа», под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского, М., 1915.

17. С. А. Шумаков, Губные и земские грамоты Московского государства, М., 1895.

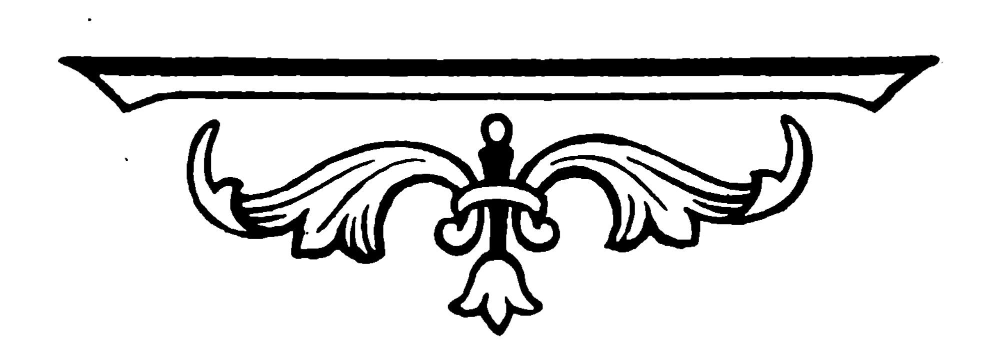
18. С. А. Шумаков, Новые губные и земские грамоты, «Журнал министерства народного просвещения» 1909 г. № 10.

19. С. В. Юшков, Очерки истории приходской жизни на севере России в XV—XVI вв., СПб., 1913.

20. С. В. Юшков, История государства и права, ч. 1, М., 1950.



СУДЕБНИК 1550 г.



ВВЕДЕНИЕ

Судебник 1550 года — основной законодательный акт Русского государства периода формирования сословно-представительной монархии на Руси.

Его появление было обусловлено потребностью господствующего класса в укреплении основ феодального общественного и политического строя, в укреплении государственного аппарата феодальной монархии.

К середине XVI века резко обострились противоречия внутри Русского феодального общества. Развитие товарно-денежных отношений требовало повышения производительности феодального хозяйства, достигавшегося за счет увеличения эксплуатации крестьян.

Борьба за землю, тесно связанная с процессом закрепления крестьян, вызывала у дворянства стремление к укреплению государственной власти, способной обеспечить защиту интересов дворянства.

Интересы дворянства сталкивались с интересами княжеско-боярской аристократии, захватившей после смерти Василия III власть в свои руки и стремившийся лишь к усилению своих узкогрупповых позиций.

Однако внутренние противоречия в среде господствующего класса отошли к середине XVI века на второй план, ибо усиливавшийся протест широких народных масс против феодального гнета требовал консолидации сил феодалов для проведения продуманной системы мероприятий с целью подавления эксплуатируемых масс.

Народное восстание в Москве 1547 года, а затем восстания и во многих других местах Русского государства

выражали протест широких масс посадских людей и крестьян против феодального угнетения.

Резкое обострение классовой борьбы вынудило господствующий класс поспешить с принятием нового кодекса, нормы которого были призваны обеспечить подавление сопротивления феодальнозависимого населения.

Судебник 1550 года, возможно, был принят на Земском Соборе, явившись тем самым первым законодательным актом складывающейся русской сословно-представительной монархии, отразившим основные требования господствующего класса.

Дореволюционная историография рассматривала Судебник 1550 года лишь как памятник судопроизводства (Н. М. Калачев, М. А. Максимейко, В. М. Грибовский), объясняя его появление чисто идеалистическими моментами, как, например, испорченностью нравов и нравственным переломом царя (Г. Ф. Шершеневич).

В советской историографии в последние годы стали появляться работы, затрагивающие в целом или в частях этот выдающийся памятник русского законодательства.

Серьезной вехой в истории изучения Судебника являются исследования И. И. Смирнова и Б. А. Романова. Однако и этих исследователей в первую очередь интересует источниковедческие и исторические проблемы и в меньшей мере вопросы права.

Между И. И. Смирновым и Б. А. Романовым идет спор на тему, является ли Судебник 1550 года актом, выражающим требования дворянства (И. Смирнов) или его постановления отражают чаяния и надежды всего класса феодалов (Б. Романов). Эти спорные вопросы не нашли еще своего окончательного разрешения в литературе.

По замыслу составителей Судебник 1550 года должен был воплотить в своих постановлениях те требования, которые предъявляла к общерусскому своду законов основная масса представителей господствующего класса, стремившаяся сделать невозможным возвращение к порядкам феодальной раздробленности.

Постановления Судебника 1550 года включили в переработанном виде основные нормы предыдущего общерусского законодательства и в то же время отразили все то

новое, чего требовало усиливающееся Русское государство для поддержания феодального правопорядка.

Основным источником Судебника 1550 года был Судебник 1497 года. В литературе издавна существовало мнение о наличии какого-то промежуточного свода законов, изданного в период между 1497 и 1550 гг., так называемого Уложения, или Судебника Василия III.

Вопрос о существовании Судебника Василия III по сей день остается окончательно неразрешенным, хотя большинство исследователей склоняется к мысли, что такого общерусского законодательного акта создано не было.

Помимо Судебника 1497 года, источником постановлений Судебника 1550 года явились уставные и губные грамоты. К источникам Судебника следует отнести также решения совместных совещаний Ивана IV с боярами и освященным собором (высшим духовенством), предшествовавших созыву Земского Собора (пост. ст. 64 о подсудности детей боярских), нормы уставных грамот о старостах и целовальниках и т. д.

Все эти постановления подвергались тщательной редакционной обработке.

Судебник 1550 года не является чисто судопроизводственным памятником. Большое внимание, уделяемое Судебником вопросам уголовного права и процесса, установлению правил ведения розыскного процесса, отнюдь не устраняло подробную регламентацию им и других правовых институтов.

В Судебнике содержатся нормы гражданского и административного права. К таким постановлениям можно отнести ст. 85 Судебника, представляющую собой свод норм, регулирующих право феодальной собственности на вотчины, ст. 78, рассматривающую порядок распространения отношений феодальной зависимости на отдельные категории свободного населения Русского государства, ст. ст. 94—96, регулирующие правила купли-продажи лошадей и регистрации этих сделок, и т. д.

Особо следует отметить ст. 98, которая устанавливает твердое правило — включать каждый новый законодательный акт в общерусский свод законов. Эта, по существу, первая известная нам в русском праве норма, отображающая непосредственный процесс выработки законов. Все

последующее русское законодательство на протяжении около 100 лет вырабатывалось именно таким путем.

Составители Судебника 1550 года разбили содержание закона на главы или статьи. Одновременно они сгруппировали статьи, единые по своему содержанию (см., например, статьи по гражданскому праву — 76—97 и т. д.).

Все это показывает, что Судебник 1550 года стоит на значительно более высокой ступени развития кодификационной техники, нежели все предыдущее русское законодательство.

Со времени открытия Судебника 1550 года в 1734 году В. Н. Татищевым было найдено более 40 списков Судебника. Большинство из них относится ко времени между принятием Судебника и изданием Соборного Уложения 1649 года.

Основная масса списков начинается с оглавления, за которым следует непосредственный текст. В отдельных списках имеются неточности и пропуски статей, что следует объяснить небрежностью переписчика.

Текст Судебника 1550 года нами приводится по рукописи 60-х годов XVI века (ГБЛ Унд., № 823), наиболее близкой по времени к первоначальному списку Судебника. В публикации Академии наук СССР за основу взят список из собрания Н. П. Лихачева № 228, хотя данный список отражает дефектный текст, к тому же изобилующий церковными славянизмами.

Разночтения публикуемого списка с другими приводятся нами в текстологическом комментарии. При публикации текста мы опускаем оглавление.

ТЕКСТ

Лета 7058 [1]) июня царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси [с] [2]) своею братьею и з бояры сесь Судебник уложил: как судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком, и всяким приказным людем, и по городом намесником, и по волостем волостелем, и тиуном и всяким судьям.

1. Суд царя и великого князя судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком. А судом не дружити и не мстити никому, и посула в суде не имати. Также и всякому судье посула в суде не имати.

2. А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк просудитца, а обвинит кого не по суду без хитрости [1]), или список подпишет и правую грамоту даст, а обыщетца то в правду, и боярину, и околничему, и дворецкому, и казначею, и дьяку в том [пени] [2]) нет; а исцом суд з головы, а взятое отдати назад.

3. А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк в суде посул возмет и обвинит не по суду, а обыщетца то в правду, и на том боярине, или на дворецком, или на казначеи, или на дьяке взяти исцев иск, а пошлины на царя и великого князя, и езд, и правда, и пересуд, и хоженое, и правой десяток, и пожелезное взяти втрое, а в пене что государь укажет.

4. А которой дьяк список нарядит или дело запишет не по суду, не так, как на суде было, без боярского, или без дворецкого, или без казначеева ведома, а обыщетца то в правду, что он от того посул взял, и на том дьяке взяти перед боярином вполы да вкинути его в тюрму.

5. А подьячей, которой запишет [1]) не по суду для посула без дьячего приказу, и того подьячего казнити торговою казнью, бити кнутьем.

6. А хто виноватой солжет на боярина, или на околничего, или на дворецкого, или на казначея, или на дьяка, или на подьячего, а обыщетца то в правду, что[1]) солгал, и того жалобника, сверх его вины, казнити торговою казнью бити кнутьем, да вкинути в тюрму.

7. А х[1]) которому боярину, или к дворецкому, или х казначею, или к дьяку придет жалобник его приказу, и ему жалобника своего приказу от себя не отсылати, а давати ему жалобником своего приказу всем управа, которой будет жалобник бьет челом по делу. А которому будет жалобнику без государева ведома управы учинити не мочно, ино челобитье его сказати царю государю. А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк жалобника своего приказу отошлет, а жалобницы у него не возмет и управны ему или отказу [3]) не учинит и царю государю челобитья его не скажет, и учнет тот жалобник бити челом государю, что ему управы не учинили, и государь ту его жалобницу отошлет х тому, чей суд, и велит ему управу учинити, и бояре ему, или дворецкий, или [2]) казначей управы не учинят же, и тем, которые управы не учинят, быти от государя в опале. А которой жалобник бьет челом не по делу и бояре ему откажут, и тот жалобник учнет бити челом, докучати государю, и того жалобника вкинути в тюрму.

8. А имати боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку в суде от рублевого дела на виноватом пошлин, хто будет виноват, ищея или ответчик, и боярину, или дворецкому и казначею на виноватом одиннатцать денег, а дьяку семь денег, а подьячему две денги. А будет дело выше рубля или ниже рубля, и им имати пошлины по розчету, а болши им того не имати. А от записки подьячему не имати ничего. А возмет боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк, или подьячей, или неделщик на ком что лишек, и на том взяти втрое. А хто учнет бити челом на боярина[1]), или на дьяка, или на подьячего, или на неделщика, что взяли на нем [сверх][2]) пошлин лишок, и обыщетца то, что тот солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да вкинути в тюрму.

9. А досудятца до поля, да не став у поля помирятца, и боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку, и

подьячему имати по тому ж указу, а околничему, и дьяку [1]), и неделщику пошлин полевых не имати. А возмет боярин, или околничей, или дворецкой, или казначей, или дьяк, или подьячей [или неделщик] [2]) лишок болши того, и обыщетца то, и на том взяти втрое. А обыщетца то, что жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да вкинути в тюрму.

10. А у поля став помирятца, и боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку имати пошлины по тому ж розчету; а околничему имати полевых пошлин четверть рубля, а дьяку четыре алтыны, а подьячему денга, а неделщику имати четверть рубля, да неделщику же имати вязчего два алтына; а болши им того не имати. А хто возмет лишок, и на том взяти втрое. А обыщетца то, что жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да вкинути в тюрму.

11. А побьютца на поле в заемном деле или в бою, и околничему полтина да за доспех убитого три рубля, а дьяку четверть рубля, да неделщику полтина, да неделщику ж вязчего четыре алтыны без дву денег, а подьячему две денги. А не станет хто у поля или от поля збежит, ино околничим [1]) и дьяку и неделщику имати на том, как и с мирового дела; а избные пошлины с рубля по гривне; а болши им того не имати. А возмет хто лишок, и на том взяти втрое. А обыщетца то, что жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да вкинути в тюрму.

12. А побьютца на поле в пожеге, или в душегубстве, или в розбое, или в татбе, ино на убитом исцово доправити, да околничему на убитом полтина да за доспех убитого три рубли, а дьяку четверть рубля, а неделщику полтина ж, да неделщику ж вязчего четыре алтына без дву денег, а подьячему две денги. А убитого дати на поруку: как его государь попытает, ино его поставити перед государем; а не будет по нем поруки, ино его вкинути в тюрму, доколе по нем порука будет.

13. А к полю приедет околничей и дьяк, и околничему и дьяку вспросити исцев, ищей и ответчиков: хто за ними стряпчеи и поручники; и кого за собою стряпчих и поручников скажут, и им тем велети у поля стояти; а доспеху и дубин и ослопов стряпчим и поручником у себя не

держати. А бой полщиком давати околничим и дьяком ровен. А которые будут у поля опричние люди, и околничему и дьяку от поля их отсылати; а которые прочь не пойдут, и им тех отсылати в тюрму.

14. А битися на поле бойцу з бойцом или небойцу с небойцом, а бойцу с небойцом не битца; а похочет небоец з бойцом на поле битись, ино им на поле битись. Да и во всяких делех бойцу з бойцом, а небойцу с небойцом, или бойцу с небойцом по небойцове воле на поле битись по тому ж.

15. А ищея пошлетца на послуси в заемном деле без кабалы или в какове деле ни буди, и послуси став да меж собя порознятца: иные молвят в ысцовы речи, а иные в ысцовы речи не молвят; и которые молвят в ысцовы речи, а попросят с ними те послухи поля, которые не молвят в ысцовы речи, ино им присужати поля; а [1]) убьют на поле послуси те, которые послушествовали в ысцовы речи, тех послухов, которые в ысцовы речи не послушествовали, ино исцево и пошлины имати по списку на ответчикех и на тех полусех, которые не послушествовали в ысцовы[2]) речи. А которые послуси не послушествовали в ысцовы речи убьют[2]) на поле тех послухов, которые послушествовали в ысцовы речи, ино имати пошлина по списку на ищее и на тех послусех, которые ему послушествовали. А не попросят поля те послуси, которые послушествовали в ысцовы речи, с теми послухи, которые не послушествовали в ысцовы речи, или послухи не договорят в ысцовы речи, ино тем ищея виноват. А по кабале порознят послуси и дьяк, ино по тому же.

16. А кого послух опослушествует в бою, или в грабежу, или в займех, ино[1]) судити[2]) на ответчикову волю: хочет, с послухом на поле лезет или, став у поля у креста, на целованье ему или без целованья даст; а вины в том ответчику и пошлин полевых убитых нет; а побьютца на поле, и пошлины судные и полевые взяти по указу на убитом.

17. А против послуха ответчик будет стар, или мал, или чем увечен, или поп, или чернец, или черница, или жонка, и тому против послуха наймит, а послуху наймита нет. А которой послух чем будет увечен без хитрости, или будет в послусех поп, или чернец, или черница, или жонка,

тем наймита наняти волно же. А что правому или его послуху учинитца убытка, и те убытки имати на виноватом.

18. А послух перед судью не придет, есть ли за ним речи, нет ли, ино на том послухе исцово и [1]) убытки и все пошлины взяти; а с неделщиком и с праведчиком о сроце тому послуху суд.

19. А на ком взыщет жонка, или детина, мал [1]) или стар, или немощен [или чем увечен] [2]), или поп, или чернец, или черница, ино им наймита наняти волно, а ответчику против наймита наймит же; а исцу и ответчику крест целовати, а наймитом битися. А похочет истец или ответчик сам битися с наймитом, и он бьетца.

20. А хто взыщет человекех на трех или на четырех по жалобнице, а напишет в жалобнице человек десять или пятнадцать, или болши или менши, и те два или три за себя и за иных товарыщев отвечают, а за иных не отвечают, и за которых по жалобнице отвечают, ино тех судити в их жеребьех. А за которых людей не отвечают по жалобнице, ино в тех их жеребьех велети посылати пристава. А будет по тех людей ходила приставная, ино по той срочной в их жеребьех давати безсудные.

21. А на которого из них ездок накинет срочную на одного [1]), и тот срочные своей товарыщем своим, которые с ним в срочной писаны, не покажет, и на которых его товарыщев выляжет в их жеребьех безсудная грамота, ино тем людем с тем дати суд, хто им срочные не показал.

22. А которые люди учнут искати на наместникех или на волостелех и на их людех по жалобницам и которые [1]) наместники или волостели за своих людей по жалобницам [1]) не за всех учнут отвечати, а исцы учнут искати на наместникех на волостелех и на их людех всего своего иску по жалобнице и без тех, за которых людей не отвечают, и по тем их жалобницам судити во всем иску по жалобницам и без тех людей, за которых не отвечают.

23. А которых людей исцы учнут примешивати к наместничим людем или к волостелиным людем городцких людей или волостных, а наместничи или волостелины люди за тех городцких людей или за волостных отвечати не похотят, и наместничих и волостелиных людей судити в их вытех, а на тех городцких или на волостных людей

в их вытех давати пристава; а до намесничих и до волостелиных людей в тех вытех дела нет.

24. А которые люди иногородцы учнут бити челом на намесников или на волостелей о обидных делех, как те намесники или волостели, едучи на жалованье, и [1]) на жалованье живучи, или едучи з жалованья, кого чем изобидят, и тем людем иногородцом приставов по тех намесников и по волостелей и по их людей и до съезду з жалованья давати, а велети тем намесником и волостелем присылати в свое место к ответу людей своих. А которые иногородцы не [2]) учнут о тех [3]) своих обидных делех бити челом на намесников или на волостелей и на их людей до году, и тем людем тогды приставов и суда на намесников и на волостелей и на их людей не давати.

25. А которой ищея взыщет бою и грабежу, и ответчик скажет, что бил, а не грабил, и ответчика в бою обвинити и безчестье на нем взяти; а в пене, посмотря по человеку, что государь укажет; а в грабеже суд и правда, а во всем не обвинити. А скажет, что грабил, а не бил, и на том грабеж доправити, хто скажет грабил; а в пене, посмотря по человеку, что государь укажет; а в бою суд и правда. А в ыных делех судити по тому ж, хто в чем скажетца виноват, то на нем взяти; а в пене что государь укажет, посмотря по человеку; а в достали суд и правда, крестное целованье.

26. А безчестие детем боярским, за которыми кормленья, указати против доходу, что на том кормленье доходу по книгам, а жене его безчестья вдвое против того доходу. А которые дети боярские емлют денежное жалованье, и сколко которой жалованья имал, то ему и безчестье, а жене его вдвое против его жалованья [1]). А дьяком полатным и дворцовым безчестье что царь и великий князь укажет, а женам их вдвое [2]) против их безчестья. А гостем болшим безчестья пятьдесят рублев, а женам их вдвое против их безчестья. А торговым людем и посадцким людем и всем середним безчестья пять рублев, а женам их безчестья против их безчестья вдвое. А боярскому человеку доброму безчестья пять рублев, опричь тиунов и довотчиков, а жене его вдвое; а тиуну боярскому или довотчику и праведчику безчестья против его доходу, а женам их вдвое. А крестьянину пашенному и непашенному безчестья рубль, а жене его

безчестья два рубля. А боярскому человеку молодчему или черному городцкому человеку молодчему безчестья рубль же, а женам их безчестья вдвое. А за увечье указывати крестьянину, посмотря по увечью и по безчестью; и всем указывати за увечье, посмотря по человеку и по увечью.

27. А которой чюжоземец взыщет чего на чюжоземце ж, ино того воля, на ком взыщут: хочет сам отцелуетца, что в том не виноват, или у креста положит, чего на нем ищут, и истец, поцеловав крест, да возмет. А которой человек здешнего государьства взыщет на чюжоземце или чюжоземец на здешнем человеке, и в том им [1]) дати жеребей: чей ся жеребей вымет, тот, поцеловав, свое возмет или отцелуетца.

28. А которое будет дело судит царь и великий князь, или дети царя и великого князя или бояре, и которой суд не кончаетца, оставят его в обговоре, и дьяку исцевы и отвечиковы речи велети записати перед собою; или о чем ся пошлют на послушество, и дьяку то велети записывати перед собою ж; да те ему дела держати у собя за своею печатью, доколе дело кончаетца. А которые дела дадут дьяки подьячим с черна начисто переписывати, и дьяком к тем жалобницам и к делом по сставом руки свои прикладывати. А как подьячей с черна начисто дело перепишет, и дьяку те дела все справити самому, да к тем делом дьяку рука своя приложити; и держати те дела дьяку у собя за своею печатью. А подьячим дел у собя никоторых не держати; а вымут у подьячего список или дело не [1]) за дьячею печатью, а руки дьячие у того списка или у дела или у жалобницы не будет, и тот иск [2]) и пошлины и езд взяти на дьяке, а подьячего бити кнутьем; а вымут у подьячего список или дело за городом или на подворье, и тот иск [3]) взяти на дьяке, а подьячего казнити торговою казнью да выкинути ис подьячих, и ни у кого ему в подьячих не быти.

29. А которые дела судят бояре, и тот суд велети дьяком [1]) записывати перед собою; а исцом у записки не стояти. А будет надобе на которое дело исца или ответчика вспросити, ино его к себе позвати, да вспросив его, от записки отослати. А как дело их запишет дьяк, и того дела перед ысцы не чести, а прочести его бояром.

30. А случитца суд сместной, ищея или ответчик судимы будут не одному судье, и хто по кого взведет пристава в какове деле ни буди, и тот ищея возмет у своего судьи за собою сторожа да идет к тому судье просити пристава, у кого в присуде тот, на ком ему искати, да перед тем судьею ищет; а будет тот ответчик, не сходя с суда, против на нем взыщет, и ему перед тем судьею и отвечати. Да и во всяких делех судити смесной суд тому судье, у кого ответчик в присуде. А пошлины обоим судьям имати по указу, а делитись судьям пошлинами по половинам; а пошлины обема судьям имати одны.

31. А хто кого поимает приставом в бою, или в лае или в займех, а на суд ити не похотят, и они доложат судьи, да помирятца, а судье пошлин и продажи на них нет, опричь езду и хоженого. А которые жалобницы зададут [1]) судьям и оба исца до суда помирятца, и по тем жалобницам судьям пошлин не имати.

32. А неделщику на суде [1]) на бояр, и на околничих, и на дворецких, и на казначеев, и на дьяков посулов не [просити, и самому неделщику посулов не] [2]) имати. А которой неделщик возмет на судей [3]), на боярина, или на околничего, или на дворецкого, или на казначея, или на дьяка посул, или собе посул возмет, и уличат его в том, и того неделщика казнити торговою казнью, а посула на нем доправити втрое да из недель выкинути.

33. А пошлины имати от правые грамоты боярину от печати по девяти денег с рубля, а дьяку имати от подписи с [1]) рубля [1]) по алтыну, а подьячему, которой правую грамоту напишет [2]), имати с рубля по три денги; а болши того не имати. А хто возмет болши того [3]); и уличат его в том, и на том взяти втрое. А обыщетца то, что жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да кинути в тюрму.

34. А докладной список боярину, или дворецкому, или казначею печатати, а дьяку подписывати. А имати от [1]) печати [1]) боярину, или дворецкому, или казначею с рубля по алтыну, а дьяку с рубля по четыре денги, а подьячему, которой на списке подпишет [2]), с рубля по две денги; а болши того не имати. А хто возмет лишок и уличат его в том, и на том взяти втрое. А обыщетца то, что [3])

жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да вкинути в тюрму.

35. А с холопа и с робы от правые грамоты и от отпускные боярину, или дворецкому, или казначею имати от печати з головы по девяти денег, а дьяку имати от подписи з головы по алтыну, а подьячему, которой правую грамоту или отпускную напишет, з головы имати по три денги.

36. А хто займет денги в кабалу в рост, и на те кабалы отписи без боярского докладу и без дьячие подписи не быти. А боярину от всякие отписи, в колке отпись ни буди, от печати имать по три денги, а дьяку от подписи имати [1]) по две денги, да [2]) подьячему, которой отпись напишет, имати по денге.

37. А с царева и великого князя суда и детей царя и великого князя суда пошлин на [1]) виноватом по тому ж, как и з боярского суда, с рубля по одиннадцати денег, кому государь укажет, а дьяку семь денег, а подъячему две денги.

38. А цареву и великого князя печатнику и детей царя и великого князя печатнику имати от печати от правые грамоты с рубля по девяти денег, а дьяку с рубля по алтыну, а подьячему, которой правую грамоту напишет, имати с рубля по три денги.

39. А з докладного списка царя [и] [1]) великого князя доклада и детей царя [и] [1]) великого князя доклада имати царя и великого князя печатнику и детей царя [и] [1]) великого князя печатнику с рубля по девяти денег, а дьяку от подписи с рубля по алтыну, а подьячему, которой на списке напишет, имати с рубля по две [3]) денги.

40. А с холопа и с робы от правые грамоты имати печатнику з головы по девяти денег, а дьяку от подписи имати з головы по алтыну, а подьячему, которой правую грамоту напишет, имати [1]) з головы по три денги.

41. А от срочных от подписей имати дьяку с срочные по две денги, а от [1]) отписных срочных дьяку имати от подписи с рубля по три денги, а подьячим от подписи имати с рубля по две денги. А похотят оба исца, ищея и [2]) ответчик, срок отписати, и они оба платят от подписи и от писма и неделщику хоженое по половинам. А которой ищея или ответчик к сроку не поедет [3]), а пришле [4]) сроку отписывати, и тому все платити одному от обеих срочных и

хоженое, опричь служильных людей. А будет оба исцы, ищея и ответчик, служилые люди, а пошлют их на службу, а похотят перед тем сроком недели за две или за три до того сроку, на которой день велено им на службе быти, по срочным срок отписати, и тем служилым людем недели за две или за три срок отписывати безпошлинно для службы. А срочные дьяком держати у собя за своею печатью. А как давати безсудные, и дьяком срочные снести в одно место самим, да розобрав срочные самим дьяком по сроком, да велети [им] [5]) подьячим безсудные давати и сроки отписывати. А у подьячих дьяком срочных не держати; а которой дьяк учнет срочные держати у подьячих [6]), и у чьего подьячего ищея или ответчик с приставом вымет срочную [7]) подписану до сроку, а не за дьячею печатью, и на том дьяке тот иск, что в срочной написан, доправити; а дьяк с [своим] [8]) подьячим сам ся ведает.

42. А безсудные и [1]) правые [1]) давати за сто верст семым днем, а дале того по тому ж розчету. А пошлин имати от правые и от безсудные царя и великого князя печатнику от печати с рубля по алтыну, а дьяку от подписи с рубля по алтыну ж, а подьячему с рубля по две денги; а болши им того не имати. А хто возмет болши того и уличат его в том, и на том взяти втрое. А хто солжет, и того казнити торговою казнью да вкинути в тюрму.

43. А велит государь кому какову [1]) дати грамоту [1]) лготную, или уставную, или полетнюю с красною печатью, и что возмет печатник от которые грамоты от печати, а дьяку [от] [2]) подписи взяти тоже. А торханных вперед не давати никому; а старые грамоты тарханные поимати у всех.

44. А от приставных имати царя и великого князя печатнику и дьяку у неделщиков по езду, с которые приставные рубль езду, и печатнику имати у неделщика от печати с рубля по алтыну, а дьяку от подписи алтын же с рубля. А будет езду до которого города [рубля] [1]) болши или менши, и печатнику и дьяку имати по тому ж розчету. А будет в приставной иск менши езду, и дьяком тех приставных не подписывати, а того неделщика вкинути в тюрму да сказати царю государю. А без неделщиков дьяком приставных не подписывати а в приставной болши дватцати вытей не писати; а неделщику от приставной [один] [1]) езд;

от которого города в которой город приставная написана. А подпишет которой [2]) дьяк приставную [2]), а в приставной иск будет менши езду, или подпишет приставную без неделщика, и уличат его в том, и что в приставной иску, и то взяти на дьяке, а в пене что государь укажет.

45. А хоженое неделщику в городе десять денег, а на правду вдвое; а от поруки неделщиком поминков не имати; а езд неделщику имати до которого города по указу, а [1]) правды [2]) имати вдвое езду; а болши того им не имати.

46. А езду от Москвы до Коломны полтина, до Коширы полтина, до Хотуни [1]) десять алтын, до Торусы дватцать алтын, до Олексина полтретьятцать алтын, до Колуги рубль, до Ярославца полтина, до Боровска полтина ж, до Вышегорода полтина, до Кременска дватцать алтын, до Можайска полтина, до Вязмы полтора рубля, до Воротынска сорок алтын, до Козелска рубль с четвертью, до Одоева сорок алтын, до Белева рубль с четвертью [2]), до Мезецка [3]) сорок алтын, до Оболенска полтина, до Звенигорода две гривны, до Дмитрова десять алтын, до Радонежа четверть [рубля] [4]), до Переславля дватцать алтын, до Ростова рубль, до Ярославля рубль [5]) с четвертью [6]), до Вологды полтретья рубля, до Белаозера полтретья рубля, до Устюга пять рублев, до Вятки полосма рубля, до Вычегды семь рублев, до Двины и до Колмогор восемь рублев московская, до Юрьева рубль, до Володимеря рубль с четью [7]), до [8]) Суздаля рубль с четью [8]), до Костромы полтора рубля, до Галича полтретья рубля, до Мурома полтора рубля, до Стародубских князей отчины полтора рубля, до Мещеры два рубля, до Новагорода до Нижнего полтретья рубля, до Углеча рубль, до Бежецкого Верху полтора рубля, до Романова городка рубль с четью [7]), до Клина полтина, до Кашина рубль, до Твери рубль, до Зубцова рубль, до Опок рубль, до Хлепни сорок алтын, до Торшку рубль с четью, до Вереи полтина, до Медыни полтретьятцать алтын, до Великого Новагорода полтретья рубля, до Пскова полчетверта рубля, до Смоленска полтретья рубля, до Иваня города полчетверта рубля, до Лук и до Торопца полчетверта рубля; а где будет болши того верст, ино имати по тому ж розчету.

47. А ездити неделщиком с приставными и на поруку давати самим или своих ездоков посылати, а людей

им своих с приставными не посылати; а от поруки им самим и их ездоком поклонного, с приставными ездячи, не имати ничего [1]). А в котором городе неделщик живет, и ему в тот [2]) город [2]) с приставными не ездити, и в свое место не посылати ни в какове деле. А [3]) которого неделщика [пустят в недели, и сколко у которого неделщика] [4]) будет заговорщиков и ездоков, кому с кем [5]) в заговоре делати и кому от кого [6]) с приставными ездити, и тому неделщику тех своих ездоков приводити к дьяком, которые дьяки у кормленей будут, да тех своих заговорщиков и ездоков неделщиком у дьяков записывати в книги для того, чтобы неделщики своих заговорщиков и ездоков не отпирали. А какову обиду или продажу ездок кому учинит и уличат его в том, и тот иск взяти на неделщике, от кого тот ездок ездил, а ездока казнити торговою казнью. А держати неделщику до семи ездоков, а болши семи ездоков неделщику не держати. А которого ездока изымают, а тот ездок в книгах у кормленных дьяков ни у которого будет неделщика не писан, и того ездока казнити торговою казнью; а будут тому ездоку исцы, и тех исцов иски взяти на том ездоке без суда. А как неделщик из недель выйдет, и тем ездоком в том городе от ыных неделщиков не ездити: а которого ездока изымают, а он ездит в том же городе от ыного неделщика, и того ездока казнити торговою казнью да кинути в тюрму; а будут тому ездоку исцы, и те иски все взяти без суда на том неделщике и на ездоке, от которого ездит. А которой ездок в котором городе живет, и тому ездоку ни от какова неделщика в том городе не ездити; а которого ездока изымают, а он в котором городе живет, в том же и с приставными ездит, и хто ему будут исцы, и те иски все взяти [на нем] без суда, а его казнити торговою казнью. А что заговорщик кому учинит какову продажу или обиду и уличят его в том, и те иски все взяти на всем заговоре, а его вкинути в тюрму. А без заговорщиков неделщиком недель не делати.

48. А в которой город или в которую волость приедет неделщик или ездок с приставною, и ему явити приставная наместнику или волостелю их тиуном; а будет оба исцы того города или волости, а наместнику или волостелю оба будут судимы, и ему обоих исцев ставити перед наместником, или перед волостелем, или перед их тиуны. А не

явит неделщик или ездок его наместнику или волостелю приставные [1]), или их тиуном и обоих исцов перед тем наместником или перед волостелем и перед их тиуны не поставит, а будут оба [2]) исцы, ищея и ответчик [2]), одного города или одной волости, а ему будут оба судимы, и тот неделщик езду лишен, а довотчику на том неделщике или на его ездоке взяти хоженое.

49. А кого даст неделщик на поруку в [1]) какове деле ни буди [1]), и ему исцев и ответчиков не волочити, а ставити их перед судьями; а сроки им крестьяном отписывати и безсудные по срочным давати по сроком по указу безволокитно, а хто станет волочити после [2]) срока [2]), и на том взяти тому, кого волочит, проести по три денги на день. А от безсудные неделщиком, оприч пошлин, не имати ни у кого ничего. А коли неделщик срок отпишет обоим исцом вместе, и ему взяти с обеих сторон одно хоженое; а оприч того не взяти ему ничего. А в езду в своем даст на поруку доколе ся дело кончает, и ему езд взяти на виноватом. А которой ищея или ответчик к сроку не приедет, а пришлет в свое место срока отписывати, и неделщику взяти хоженое на одном на том, кто приедет в его место срока отписывати.

50. А хто по кого пошлет пристава, а сам к сроку не приедет, или ответчик на тот срок не станет, и что после срока тому учинитца убытка, что даст пошлин и что живучи проест, и правому те все убытки и проесть [1]) взяти на виноватом; а проести имати на человека на голову на день по три денги.

51. А пересудчиком пересуд имати на виноватом по две гривны [1]), а менши рубля пересуду нет; а с поля со всякого пересуд; а список хто оболживит да шлетца на правду, и в том пересуд. А подвойским [1]) правого десятка четыре денги, а имати на виноватом же.

52. А приведут кого с поличным впервые, ино его судити да послати про него обыскати. И назовут его в [1]) обыску [1]) лихим человеком, ино его пытати; и скажет на собя сам, ино его казнити смертною казнью; а не скажет на собя сам, ино его вкинути в тюрму до смерти, а исцево [2]) заплатити из его статка. А скажут в обыску, что он доброй человек, ино дело вершити по суду.

53. А пошлют которого неделщика имати татей и розбойников, и ему имати татей и розбойников безхитростно, а не понаровити ему никому; а изымав ему татя и [1]) розбойника, не отпустити, ни посула [2]) не взяти; а опричних людей ему не имати. А понаровит которой неделщик татю или розбойнику по посулом, а его отпустит, и уличат его в том, ино на том неделщике исцев иск доправити, а его казнити торговою казнью да вкинути в тюрму, а в казни что государь укажет.

54. А у которого неделщика сидят тати, и ему татей без докладу на поруки не дати и не спродати ему татя. А которой неделщик без докладу, [и] [1]) без боярского и без дьячего ведома, татей подает на поруки или татя спродаст, и уличат его в том, и на том неделщике исцев иск доправити вдвое, а [2]) того неделщика казнити [2]) торговою казнью да кинути в тюрму, а в казни что государь укажет.

55. А которого татя поимают с какою татбою ни буди впервые, оприч церковные и головные татбы, а в ыной в [1]) прежней татбы довода [1]) на него не будет, ино его казнити торговою казнью, бити кнутьем, да исцев иск доправити, а его дати на крепкую поруку. А не будет по нем крепкие поруки, ино его вкинути в тюрму, доколе по нем порука будет. А не будет у которого татя столко статков, чем исцово [2]) заплатити, ино его, бив кнутьем, да исцу в его гибели выдати головою на правеж до искупа; а исца дати на поруку, что ему, доправя свое, отдати его [3]) бояром. А не похочет истец по себе поруки дати в том, что ему, доправя свой иск, да того татя привести к судье, и того татя вкинути [4]) в тюрму, доколе по нем порука будет. А как по нем порука будет, и тогды на нем за тою [5]) порукою, хто его ис тюрмы выручит, исцев иск доправити. И как истец, взяв на нем свое, отдаст его бояром, и бояром [6]) велети его дати [6]) на крепкую поруку [7]), хто ему будут вперед иные исцы; а не будет по нем крепкие поруки, ино его вкинути в тюрму, доколе по нем порука будет. А судье с того не имати ничего.

56. А поимают того же татя с татбою вдругие, ино его пытати; и скажет на собя сам, ино его казнити смертною казнью, а исцево [1]) заплатити из его статка; а не будет у которого татя с исцову [2]) гибель, ино его велети казнити смертною казнью, а исцу в его гибели не выдати

А пытан тать [4]) на собя не скажет, ино про него послати обыскати; и скажут про него, что он лихой человек, ино его всадити [5]) в тюрму до смерти; а назовут его добрым человеком, ино его дати на крепкую поруку; а не будет по нем крепкие поруки, ино его вкинути в тюрму, доколе по нем порука будет крепкая.

57. А на кого тать взмолвит, и про того обыскати. И будет по [1]) обыску в какове в прежнем деле прирочной человек з доводом, ино его пытати; и скажет на собя сам, ино его казнити татиною казнью. А не будет на него довода и в обыску про него лиха не скажут, ино татиным речем не верити, дати его на поруку.

58. А на кого взмолвят дети боярские человек [1]) десять или [1]) пятнадцать добрых, или черных людей человек пятнатцать [2] или дватцать добрых жо [2]) крестьян и [3]) целовалников по крестному целованью, что он тать, а довода на него в прежних делех не будет, у кого крал или татбу плачивал [4]), ино на том взяти [5]) исцову гибель [5]) без суда, а его дати на крепкую поруку; а не будет по нем крепкие поруки, ино его вкинути в тюрму, и без крепкие поруки его ис тюрмы не выпущати [6]). А мошеннику та же казнь, что и татю. А кто на оманщике взыщет и доведут на него, ино у ищеи иск пропал. А оманщика, как ни [7]) приведут, ино его бити кнутьем.

59. А доведут на кого разбой, или душегубство, или ябедничество, или подписку, или иное лихое какое дело, а будет ведомо[й] [1]) лихой человек, и боярину того велети казнити смертною казнью, а исцево [2]) велети заплатити из его статка; и что ся [3]) его статка за исцовым останет, и то [3]) отдати в прогоны. А не будет у которого у лихово столко статка, чем исцово заплатити, и боярину того лихово в ысцеве гибели [4]) исцу не выдати, а велети его цареву и великого князя тиуну московскому да дворскому [5]) казнити смертною казнью. А боярину и дьяку и неделщику от того не имати ничего.

60. А на кого доведут татбу или душегубство или иное какое лихое дело, оприч розбою, в котором городе или волости, а будет ведомой лихой человек, и наместнику или волостелю велети того казнити смертною казнью, а исцево велети доправити из его статка; а что статка [1]) от [1]) исцева останетца [2]), и наместнику и [3]) его тиуну то имати собе.

А не будет у которого лихово статка [4]), чем исцева заплатити, и ему того лихово исцю в его гибели не выдати, а велети его казнити смертною казнью, а на [5]) исце [5]) наместнику или [6]) волостелю [и] [7]) их тиуном не имати ничего. А приведут кого в розбое или на кого в суде доведут, что он ведомой розбойник, и наместником [8]) тех отда[ва]ти [9]) губным старостам. А старостам губным, оприч ведомых розбойников [у наместников] [10]) не вступатися ни в что. А татей им [11]) судити по царевым и великого князя по губным грамотам, как в них [12]) написано.

61. А государьскому убойце, и градскому здавцу [1]), и коромолнику, и церковному татю, и головному татю, и подметчику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку, живота не дати, казнити его смертною казнью. А будет ис тех кому лихому истец, и заплатити исцево из его статка; а что ся его статка останет за исцовым, и то отдати в прогоны. А не будет у которого лихово столко статка, чем исцово заплатить, ино его исцу в его гибели не выдати, казнити его смертною казнью.

62. А бояром и детем боярским судити, за которыми кормленья с судом з боярским; а на суде у них и у их тиунов быти, где дворской — дворскому, да старосте, и лутчим людем, целовалником. А судные дела у наместников и у их тиунов писати земским дьяком, а дворскому да старосте и целовалником к тем судным делом руки свои прикладывати. А противни с тех судных дел слово в слово писати наместничим дьяком, а наместником к тем противнем печати свои прикладывати. Да тех судных дел записку земсково дьяка руку з дворского и старостиною и с целовалниковыми руками наместником имати к собе. А противни тех дел наместником дьяков своих руку [с] [2]) своими печатми давати дворскому да старосте и целовалником. А которые старосты и целовалники грамоте не умеют и которые грамоте умеют, тем старостам и целовалником к судному списку земского дьяка руке руки свои прикладывати. А противнем с тех [3]) дел наместнича дьяка руке быти у того старосты и целовалников, которые грамоте не умеют, и они его држат у собя спору для. А без дворского и без старосты и без целовалников [4]) наместником и их тиуном суда не судити; а где дворского нет и преж сего не бывал, ино быти в суде у наместников и у их тиунов старосте и цело-

валником; а без старост и без целовалников суда не судити. И посулов намесником и их тиуном и их людем не имати, а на государя своего тиуну и пошлиннику никому посулов от суда не просити. А имати намесником от суда пошлин: доищетца ищея своего в заемном деле или в бою или в лае, и ему имати на виноватом с рубля по гривне, то ему и с тиуном; а не доищетца ищея своего, а будет ищея виноват, и ему имати на ищее с рубля по тому ж, а будет дело выше рубля или ниже, ино имати на ищее или на ответчик [4]) по тому ж розчету. А довотчику его имати хоженое и езд и правду по уставной грамоте; а где не будет грамоты, и ему имати хоженое в городе по четыре денги, а езд на версту по денге, а на правду в городе или в волости вдвое. А досудятца до поля да, став у поля, помирятца, и ему имати с рубля по гривне ж, то ему и с тиуном, да полевых пошлин полтретьятцать алтын. А побьютца на поле, ино на убитом взяти полевых пошлин полтора рубля, а доспеху не имати. А побьютца на поле в пожеге, или в душегубстве, или в розбое, или в татбе, а убьют ответчика, ино на убитом исцово доправити, а сам убитой в казни и в продаже наместнику и его тиуну. А убьют на поле ищею в пожеге, или в душегубстве, или в розбое, или в татбе, и наместнику на нем имати с его иску четвертная пошлина по полуполтине с рубля, то ему и с тиуном, да полевых пошлин полтора рубля, а доспеху не имати.

63. А суд боярской: которому наместнику дано с судом з боярским, и ему давати полные и докладные; а правые и беглые давати з докладу; а без докладу правые и беглые не дати.

64. А детей боярских судити намесником по всем городом по нынешним царевым государевым жаловалным по [1]) их вопчим грамотам [1]).

65. А от правые грамоты имати боярину или сыну боярскому, за которыми кормленье с судом з борским, от печати с рубля по полутретья алтына, то ему и с тиуном, да дьяку его, которой [правую] [1]) грамоту напишет, имати от писма с рубля по три денги; а тиун его даст правую грамоту, и он емлет на государя своего и на себя от печати по тому ж с рубля по полутретья алтына, а дьяк емлет от писма, которой правую грамоту напишет, с рубля по три денги. А с холопа и с робы от правые грамоты и от

полные боярину или сыну боярскому, за которым кормленье с судом з боярским, имати [2]) от печати з головы по полутретья алтына, а дьяку от писма з головы по три денги.

66. А намесником и волостелем, которые держат кормленья без боярского суда, полных [1]) и докладных не давати, и холопа и робы без докладу не выдати, ни грамоты беглые не дати; також холопу и робе на государя правые грамоты без докладу не дати. А которой намесник или волостель без боярского суда, а [2]) выдаст холопа или робу без [3]) докладу и правую [4]) даст, и та грамота не в грамоту; а что государь того холопа или робы убытка своего скажет, и то взяти на судье вдвое, а исцом суд з головы.

67. А тиуну намесничу на кормленье государю на холопа, ни холопу на государя правые грамоты без докладу не дати. А которой тиун государю на холопа или холоп на государя даст без доклада правую грамоту, и тому холопу, которой возмет правую грамоту на государя, дати суд з головы да то дело кончати по суду, а намеснича или волостелина тиуна до царева государева указу вкинути в тюрму, а убытки все взяти правому на тиуне. А даст тиун государю на холопа правую грамоту без докладу, и та правая грамота не в грамоте, а дати суд з головы.

68. А которому намеснику дан в кормленье город с волостьми, или ему даны в [1]) кормление волости [1]), а в которых волостех наперед сего старост и целовалников не было, и ныне в тех во [2]) всех [2]) волостех быти старостам и целовальником. И случитца кому ис тех волостей перед намесником или перед его тиуном искати или отвечати, и в суде быти у намесников и у волостелей и у их тиунов тех волостей старостам и целовалником, ис которые волости хто ищет или отвечает. А судные дела писати земскому дьяку тое ж волости. А без старост и без целовалников намесником и волостелем, за которыми кормленья з боярским судом, и за которыми кормленья без боярского суда, и их тиуном також не судити. И посула в суде намесником и волостелем и их тиуном не имати.

69. А пришлет намесник или волостель или их тиуни список судной к докладу, а будет ищея или ответчик у докладу список оболживит, ино послати на правду по

дворсково, и по старосту, и по целовалников, которые у того дела в суде сидели, да велети им того дела и противень списка наместнича или волостелина дьяка руку с наместничею или с волостелиною печатью на исправу с собою привести. Да будет [1]) те судные мужи скажут, что суд таков был, и руки у списка их, и противень будет наместнича или волостелина дьяка с тем судным списком з земского дьяка рукою сойдетца слово в слово, и тем тот виноват, хто список лживил, и список на него подписати. А скажут судные мужы, что суд был, да не таков, и список не земского дьяка рука, и руки, скажут, у списка не их, и противень будет наместнича или волостелина дьяка [2]) с судным списком не в слово в слово, и по тому списку исцев иск взяти на судье, а пеню судье сверх того, что [3]) государь укажет. А будет скажет дворской, и судные мужи, и староста, и целовалники, которые грамоте умеют, что суд был таков, и руки у списка их, а те судные мужы, которые грамоте не умеют, с ними порознятца, скажут, что был суд, да не таков, а которой противень наместнича или волостелина дьяка руку положат, и тот противень с судным списком не слово в слово, и тем виноват судья и судные мужи, которые по списку такали; и взяти исцев иски на судье и на тех судных мужех, которые по списку такали, а пеню сверх того что государь укажет. А не станет за списком ищея или ответчик [на срок] [4]), а довотчик на него запись поручную положит, и того, которой не стал, по довотчикову слову обвинити; а подписати на него список за сто верст по сроце семым днем; а дале ста верст или ближе, ино подписывати списки после срока по тому ж розчету.

70. А кого наместничи или волостелины люди учнут давати от кого на поруки до суда и после суда, и по ком поруки не будет, и наместничим [1]) людем тех людей являти в городе приказщиком городовым, да дворскому, и старосте, и целовалником, а в волости являти старостам и целовалником, которые у наместников и у волостелей [2]) и у их тиунов в суде сидят; а не явя тех людей, по ком поруки не будет [3]), наместничим и волостелиным людем к собе не сводити и у собя их не ковати. А кого наместничи или [4]) волостелины люди не явя приказщиком, да дворскому, да старосте и целовалником [5]), к собе сведут да у собя его

скуют, и хто тем людем род и племя придут на наместничих или на волостелиных людей к приказщиком, да к дворскому, и к старосте, и к целовалником о том бити челом и являти, и приказщиком, да дворскому, и старосте, и целовалником у наместничих и у волостелиных людей тех людей вымати; и кого у наместничих и у волостелиных людей вымут скована, а им не явлена, ино на наместниче или на волостелине человеке взяти того человека безчестье, посмотря по человеку; а чего тот на наместниче или на волостелине человеке взыщет, и тот иск взяти на нем вдвое.

71. А наместником и [1]) волостелем, которые держат кормленья, и тиуном [2]) великого князя, и боярским тиуном, и детей боярских тиуном татя и душегубца и всякого лихово человека без докладу не продати, ни казнити, ни отпустити. А хто татя или душегубца и всякого лихово человека отпустит, или кого [3]) без докладу продаст или казнит, и на том судье исцовы иски доправити вдвое, а в государеве пене кинути в [4]) тюрму до царева государева указу.

72. А по городом наместником городцких посадцких всех людей промеж их судити, обыскивая по [1]) их [1]) животом и по промыслом и по розмету: сколко рублев хто [2]) цареву и великого князя [3]) подать дает, по тому их, обыскивая, судити и управа чинити. А розметные книги старостам и соцким и десяцким и всем людем тех городов своих розметов земсково дьяка руку за своими руками ежегод присылати на Москву к тем бояром, и к дворецким [4]), и х казначеем, и к дьяком, у кого будут которые городы в приказе; а другие книги своих розметов старостам и соцким и десятцким тех городов, где хто живет, отдавати тех городов старостам и целовалником, которые у наместников в суде сидят. И хто тех городов городцкие посадцкие люди учнут промеж собя искати много, не по своим животом, и про тех исцов сыскивати розметными книгами, сколко он рублев с [5]) своего живота подати дает [5]); и будет живота его столко есть, на колко ищет, ино ему дати суд; а будет живота его столко нет, и тех исцев в их искех тем и винити, и пошлины имати по Судебнику, а в цареве государеве пене велети дати на поруку да прислати к Москве к государю. А городцким посадцким людем искати на наместникех и на их людех [по] [6])

своим [6]) животом и по промыслом и по розмету; а которого году староста и целовалники розметных книг к Москве не пришлют, и в том году на [7]) наместника суда не дати. А по волостем волостелем судити черных людей по их жалобницам и управа им чинити безволокитно. А хто взыщет много, не по животом, а ответчик учнет бити челом, а скажет, что тот истец ищет много, а живота его столко нет, на колко ищет, и тем волостелем посылати о том, выбираючи тех жо волостей лутчих людей да целовалника одного или дву [8]) посмотря по делу, а велети про то обыскати [9]) накрепко: было ли живота его столко, на колко ищет. И скажут в обыску, что живота его столко было, и в том ему дати суд; а скажут в обыску, что живота его столко не было, ино его обинити и пошлины на нем взяти, а в государеве пене, и в ябедничестве дати его на поруку да прислати с обыскным списком к Москве.

73. А которой человек скажет, что у него был живот чюжой, и того обыскати, был ли у него тот живот и было ли столко того живота, и чей скажет тот у него живот был, ино про то обыскати было ли у него столко живота и которым обычаем тот у него живот взят; да по тому дело и [1]) вершити.

74. А на котором городе будут два наместника или на волости два волостеля, а суд у них не в розделе, и им имати пошлины по списку обема за одного наместника, а тиуном их за одного тиуна, и они себе делят по половинам. А которые городы или волости поделены, а случитца у [1]) них суд вопчей [1]), и им обема пошлины имати одны, да те им пошлины меж собя делити по половинам же. А возмут те два наместника или два волостеля или два тиуна с одного дела пошлины вдвое, и уличат их в том, и тому, на ком пошлины взяли, на тех наместникех или на волостелех и на их тиунех те пошлины велети взяти втрое.

75. А хто пошлет пристава по наместника, по боярина, или по сына боярского, или по волостеля, и по их тиунов, и по царева и великого князя тиуна и по довотчиков, и наместнику [1]) и волостелем и их тиуном [2]), и великого князя тиуном и довотчиком отвечати к сроку ехати; а не поедут к сроку сами, и им к сроку в свое место посылати к ответу; а не приедут сами к ответу и в свое место отвечати не пришлют после срока за сто верст в седмой день,

и тех [3]) обинити и исцовы иски по жалобницам и недельщиков езд на тех доправити, да отдати иск ищеям. А срочных по приставным на наместников и на волостелей и на их тиунов не наметывати; а из далних городов росчитати по верстам по тому ж розчету. А з записми не посылати никуды, оприч ведомых разбойных дел, и наместников и волостелей и их тиунов и их людей, оприч приказных дел, в которых [4]) делех [4]) велит государь дати запись. А приставов з записью по наместников и по волостелей и по их тиунов давати, а велети им чинити срок, как сьедет з жалованья, оприч тех записей, которую запись велят дати бояре, приговоря вместе; а одному боярину и дьяку пристава з записью не дати.

76. А о холопстве суд. По полной грамоте холоп. По ключу по селскому з докладною холоп з женою и з детми, которые у одново государя с ним в одной крепости и которые породилися в холопстве; а которые его дети родились до холопства, а учнут жити у иново [1]) государя, или себе учнут жити, то не холопи. А по городцкому ключу не холоп. [По робе холоп] [2]); по холопе роба. По духовной холоп. По приданой робе холоп, а по холопе роба. А по тиунству без полные и без докладные не холоп; а по селскому ключу без докладные не холоп. А полному и докладному холопу сына своего слободного, которой ся родил у него до холопства, не продати, а продасться он сам кому хочет, тому же ли государю, у кого отец его служит, или иному кому хочет; а отцу его и матери у полные не стояти и ис холопства не взяти, потому что отец его и мати [сами] [2]) в холопех; да и в полных и в докладных то писати, что отец у него и мати есть, а у полные не стояли, потому что сами в холопех. А у кого отец в черньцех или мати в черницах, и тому отцу и матери у своего сына и у дочери у полные и у докладные не стояти же и из холопства не взяти; а в полные и в докладные писати, что у него отец или мати есть, а у полные и у докладные не стояли, потому что пострижены; да и не продавати [3]) тем детей своих [4]) продасться он сам кому хочет.

77. А отпускные давати з боярского докладу; а бояром к тем отпускным печати свои прикладывати, а дьяком подписывати. А отпускные давати на Москве бояром да дьяком, да давати отпускные в Великом Новегороде да во

Пскове намесником да дьяком. А пошлины [1]) имати от [2]) отпускные боярину или наместнику от печати з головы по девяти денег, а дьяку от подписи з головы по алтыну, а подьячему, которой отпускную напишет, з головы по три денги. А оприч Москвы да Великого Новагорода и Пскова инде нигде ни в которых городех отпускных не давати. А хто положит отпустную без боярского докладу, и без ноугородцких и псковских намесников докладу, и без дьячие подписи, хоти и государя своего руку, и та отпускная не в отпускную.

78. А которые волные люди учнут бити челом князем, и бояром, и детем боярским, и всяким людем, а станут на собя давати кабалы за рост служити, и боле пятинатцати рублев на серебряника кабалы не имати. А старые кабалы, которые иманы на волных людей и болши пятинатцати рублев до сего уложенья, а за рост им в тех денгах у них служити, и тем людем кабалы приносити к бояром, и бояром к тем кабалам печати свои прикладывати, а дьяком подписывати; а вперед кто ту кабалу оболживит, и та кабала вершити по суду. А имати им кабалы на волных людей, а на полных людей, и на докладных, и на старинных холопей кабал не имати. А хто возмет на полного, или на докладного, или на старинного холопа кабалу, не опытав, или хто на него беглую грамоту возмет, а хто на того холопа положит полную или докладную, или доведет на него которое [1]) старинное холопство по духовной грамоте и по иным крепостям, и у того денги пропали; а чей тот холоп был, [а] [2]) скажет то, что от него тот холоп бежал, пократчи, и та гибель взяти [3]) на том, хто, не обыскав, на чюжево холопа кабалу или беглую возмет; а тот холоп по старому холопству, или по полной, или по докладной, или по духовной тому государю.

79. А положат на одново холопа две полные или две докладные, и которая будет старее, тому тот холоп, а денги по новой полной или по докладной у того пропали; а снос старого государя взяти на том, хто положит новую полную или докладную, а тот ся ведает с своим знахорем сам; а станет тот на того знахоря бити челом о суде, ино на него дати [1]) суд [1]).

80. А холопа рать полонит, а выбежит ис полону, и он слободен, а старому государю не холоп. А похочет тот

холоп к своему [1]) к старому [1]) государю, и того холопа явити бояром, а дьяку подписати на старой крепости, а пошлины имати з головы по алтыну. А которой холоп побежит [2]) з государем своим или один бежит [3]) без государя своего, а не рать полонит, и выйдет тот холоп ис которые земли опять к Москве, и он старому государю холоп по старому холопству, оприч того, нечто кому государь пожалует, даст волную грамоту.

81. А детей боярских служилых и их детей, которые не служивали, в холопи не приимати никому, оприч тех, которых государь от службы отставит.

82. А хто займет сколко денег в рост, и тем людем у них не служити [1]) ни у кого, жити им собе, а на денги им рост давати. А хто даст денег в заем в рост, да того человека станет держати у себя, и збежит от него тот человек пократчи, и что снесет, то у него пропало, а по кабале денег лишен.

83. А наймит у государя не дослужит [1]) уроку своего, а поидет проч, и он найму лишен. А которой государь наймиту не захочет дайти найму, и уличит [3]) его в том наймит [4]), и [4]), на том [5]) доправити наем [6]) вдвое.

84. А о землях суд. Взыщет боярин на боярине, или манастырь на манастыре, или боярин на манастыре, ино судити за три годы. А взыщет манастырь на боярине, ино судити за три ж годы, а дале трех годов не судити. А взыщет черной на черном, или помещик на помещике, за которыми земля царя и великого князя, или черной селской на помещике, или помещик на черном на селском, ино судити по тому ж за три годы; а дале трех годов не судити. А взыщут [1]) на боярине или на манастыре царя и великого князя земли, ино судити за шесть лет; а дале не судити. А которые земли за приставом в суде, и те земли досуживати. А государю и бояром и всем приказным людем по ищеину челобитью судьи на землю не посылати, а послати судью на землю, выбрав одного не по их челобитью; а дву судей на землю не посылати.

85. А в вотчинах суд. Хто вотчину продаст, и детем его и внучатом до тои вотчины дела нет, и не выкупити ее им; а братья будут или племянники в [1]) тех купчих в послусех, и им [2]) и их [2]) детем и внучатом до тое вотчины по тому ж дела нет. А не будет братья в послу-

сех или племянников, и братья [3]) или сестры и племянники ту вотчину выкупят. А станет тот купец ту вотчину продавати, и тем продавцом вотчина у них купити полюбовно, как ему тот продавец ту вотчину продаст; а не полюбовно ему вотчины не выкупити. А судити о вотчине за сорок лет; а дале сорока лет вотчичем до вотчины дела нет. А до купель дела нет: хто куплю продаст, и детем и братьям и племянником тое [4]) купли не выкупати. А хто напишет свою куплю детем своим [после живота своего] [5]), ино им та вотчина: то им держати в вотчину, и вперед им та вотчина выкупити по тому ж указу за вотчину. А хто вотчину свою выкупит в те урочные сорок лет, и та ему вотчина держати за собою, а иному ему [6]) тои вотчины не продати, ни заложити в чюжой род, а отдати ему вотчина в свой род по [6]) тому ж, кого в прежних купчих в послусех нет. А хто купит вотчину чюжими денгами или заложит или продаст, а доведет на него продавец, что он выкупил чюжими денгами и держит ее не за собою, та вотчина прежнему продавцу безденежно. А хто похочет вперед свою вотчину мимо вотчичев заложити у стороннего человека, и тем сторонним людем невотчичем те вотчины в заклад имати, в колке чего та вотчина судит. А возмет хто сторонней человек, а невотчич, вотчину в заклад во много болши тое цены, чего та вотчина судит, и хто вотчин учнет бити челом, что закладывает или уже заложил в чюжей род, и тому вотчичу та вотчина в заклад взяти в меру, чего та вотчина судит. А что тот денег в займы [7]) дал лишок болши тое цены, чего та вотчина судит, и у того [те] [8]) денги пропали. А хто свою вотчину променит невотчичу, а примет денег, и хто вотчич учнет ту вотчину выкупати, и тому та вотчина выкупити; а земли ему оставити в меру столко, сколко он своей земли променил.

86. А промеж сел и деревень городити огорода, по половинам: а чьею огородою учинитца протрава, ино тому платити, чья огорода [1]). А где отхожие пожни от сел и от деревень, ино поженному государю не городитись, городит тот всю огороду, чья к пожни земля ораная пришла. А хто вытравит какой хлеб или пожню, и тот хлеб и пожню платити тому, чья изгорода.

87. А хто сорет межу или грань ссечет из царевы и великого князя земли у боярина или у манастыря, или

боярской у манастырского, или манастырской у боярского, и хто в тех межу сорет или грань ссекел [1]), ино того бити кнутьем да исцу на нем взяти рубль; а крестьяне меж собя в одной волости или в селе хто у кого межу перерет [2]) или перекосит, ино волостелю или посельскому имати на нем за боран два алтына.

88. А крестьяном отказыватись из волости в волость, из [1]) села в село один срок в году: за неделю до Юрьева дни осеннего и неделя по Юрьеве дни осеннем. А дворы пожилые платят в полех [2]) за двор рубль да два алтына, а в лесех, где десять веръст до хоромного лесу, за двор полтина да два алтына. А которой крестьянин живет за кем год да пойдет проч, и он платит четверть двора; а два года поживет, и он платит полдвора; а три годы поживет, и он платит три четверти двора; а четыре годы поживет, и он платит весь двор, рубль и два алтына. А пожилое имати с ворот. [А] [3]) за повоз имати з [4]) двора [4]) по два алтына; а оприч того пошлин [5]) на нем [5]) нет. А останетца у которого крестьянина хлеб [6]) в земле, и как тот хлеб пожнет, и он с того хлеба или с стоячего даст боран два алтына; а по кои места была рожь его в земле, и он подать цареву и великого князя платит со ржи, а боярского дела ему, за кем жил, не делати. А попу пожилово нет, и ходити ему [вон] [7]) безсрочно [воля] [7]). А которой крестьянин с пашни продастъся кому в полную в холопи, и он выйдет безсрочно, и пожилово с него нет; а которой хлеб его останетца в земле, и он с того хлеба подать цареву и великого князя платит; а не похочет подати платити, и он своего хлеба земляного лишен.

89. А убьют которого крестьянина на поле в розбое или в ыном в котором в лихом деле, и дадут того крестьянина за государя его, за кем живет, или выручит государь его тот, за кем живет, и пойдет тот крестьянин из-за него вон, ино его выпустити; а на отказщика в том деле взяти порука з записью: попытают того крестьянина на том его государе, за кем жил, в ыном в какове деле, и он бы был в лицех.

90. А которой купец, идучи на торговлю, возмет у кого денги или товар, да на пути у него тот [1]) товар [1]) утеряетца безхитростно, истонет, или згорит, или рать или розбой возмет, и боярин, обыскав, велит тому дати цареву

и великого князя [дьяку][2]) полетнюю грамоту с великого князя печатью, посмотря по животом, платитца[3]) исцом в ыстину без росту. А хто у кого, взяв, идучи в торговлю, да пропьет или иным каким безумьем тот товар погубит без напрасньства, ино того выдати исцу головою до искупа. А в розбойном деле дадут кому полетнюю грамоту, и как своего розбою доищетца, или в его иску розбойников поимают, и у того та грамота полетняя не в грамоту.

91. А попа, и дьякона, и черньца, и черницу, и старую вдовицу, которые питаютца от церкви божьи, ино их судити святителю или его судьям; а будет простой человек с церковным, ино суд вопчей; а которая вдовица питаетца не от церкви божьи, а живет своим домом, ино то суд не святителской. А торговым людем городцким в манастырех в городцких дворех[1]) не жити. А которые люди торговые учнут жити на[2]) манастырех, и тех с манастырей сводити да и намесником их судити. А на манастырех жити нищим, которые питаютца от церкви божьи.

92. А которой человек умрет без духовные грамоты, а не будет у него сына, ино статок весь и земля взяти дочери; а не будет у него дочери, ино взяти ближнему от его роду.

93. А хто купит на торгу что поношено у носящего или с лавки, из тому купити с порукою с рядовою; а хто без поруки купит, и тому тем быти и виновату.

94. А хто купит лошадь[1]) на Москве[1]) или в Московском уезде, и тем те лошади пятнати[2]) у пятенщиков на Москве да и в книги писати по старине. А пошлина пятенщиком имати по старине же.

95. А по городом и по волостем где хто лошадь[1]) купит или менит[2]), тут у намесников, и у волостелей, и у их пошлинников и пятнает; а записывати те лошади в книги у целовалников дьяку земскому; а пятенщиком[3]), имати с купца денга, а с продавца денга же. А целовалником и дьяку земскому у тех намесников и у волостелей пятна их образец[4]) писати в книги спору для. А хто купит[5]) лошадь в своей волости или выменит, а до такова же дни не запятнает[6]) и в книги не запишет, и уличат его в том, хто купит или [вы]менит[7]), и на том взяти наместнику или волостелю или пятенщику пропятенья два рубля. А хто поимався за ту лошадь да чего с тою лошадью взыщет, доколе ее не

запятнил, и на том тот иск взяти без суда, хто ее не запятнил. А детем боярским купленые и меновные лошади пятнати [8]) по тому ж. А в служебнем походе хто у кого купит лошадь, и хто у него за ту лошадь поимаетца, и тот, хто купил, поставит свидетелей человек пять или шесть на того, у кого купил, а запретца тот, у кого купил, ино им суд. А хто где купит лошадь или выменит не в своем присуде, тот тут и пятнит; а приведет ту лошадь к себе непятнену, и уличат его в том, и на том пропятенья взяти, у кого он в присуде.

96. А намесником, и волостелем, и тиуном, и пятенщиком в городех и в волостях непродажных и доморощеных лошадей не пятнати. А хто учнет в городех и в волостях непродажные и доморощеные лошади пятнати, и доведут на него то, и хто на нем чего взыщет в тех лошадех, и те ему убытки платити без суда втрое, а в пене что государь укажет.

97. А которые дела преж сего Судебника вершены, или которые не вершены в прежних во всяких делех, сужены и несужены [1]), и тех дел всех не посуживати, быти тем делом всем в землях, и в холопстве, и в кабалах, и во всяких делех и в тиунстве по тому, как те дела преж сего вершены. А вперед всякие дела судити по сему Судебнику и управа чинити по тому, как царь и великий князь в сем своем Судебнике с которого дни уложил.

98. А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела з государева докладу и со всех бояр приговору вершатца, и те дела в сем Судебнике [1]) приписывати.

99. Да велети прокликати по торгом на Москве и во всех городех Московские земли, и Ноугородцкие земли, и Тверские земли и по волостем, чтоб ищея или ответчик судьям и приставом посулов в суде не сулили; а послухом, не видев, не послушествовати, а видев сказати в правду. А послух опослушествует, не видев, лживо, а обыщетца то опосле, ино на виноватом послухе гибель исцева и убытки все, а в вине казнити торговою казнью [1])...

100. О суде с удельными князи. [А] [1]) взыщет москвитин какова дела на селецких [2]) волостелех, которые селца московские [3]) за уделными князми, ино судити царю и великому князю; а не отвечает волостель селецкой, и царю

и великому князю его обвинити. А взыщет селецкой на селецком, а судит их[4]) же волостель. А не будет их князя на Москве, и волостелю к докладу с Москвы не вести, а ждати князя на Москве. А поведет их волостель с Москвы к докладу к своему князю, а утечет тех исцов один к царю и великому князю и бьет челом царю и великому князю на того волостеля, и царю и великому князю на того волостеля дати пристава; а повезет[5]) его через то в удел, и тем его царь и великий князь обинит. А бьет челом царю и великому князю царя и великого князя сын боярской на уделного человека, и царь и великий князь, воименовав своего судью, и пошлет к своему брату к уделному князю, коли будет князь на Москве, и уделной князь даст своего судью. А суду быти на Москве, хотя б тот человек был в его деле на Москве. А уделного князя сын боярской бьет челом на царева и великого князя человека, ино суду быти такоже на Москве. А бьет челом царю и великому князю жалобник уделного князя человек из его вотчины на царева и великого князя человека, и царь и великий князь даст пристава, да судит царь и великий князь сам. А на москвитине взыщет которого князя уделного городцкой человек, ино судити их наместником московским, а без судьи. А искати москвитину на уделного князя городцком человеке, ино ему ехати с судьею, а судье быти московских наместников. А деловые люди в манастырских станех которого князя, и писцы царя и великого князя пишут их под сотника в дань и во все проторы, а князю над ними суд один. А случитца суд сместной в селцах в манастырских уделному с уделным, или деловым с становым и з городцким, или с селецким[6]) и с манастырским, и судьям доложити царя и великого князя, а третьего им в том нет ничего.

ГБЛ Унд., № 823, лл. 8—52

Историко-правовой обзор

Заголовок. Исторические источники сохранили крайне скудные сведения об огромной работе по составлению Судебника 1550 года.

Поэтому в исторической науке было уделено много внимания исследованию обстановки, в которой принимался Судебник.

Большинство исследователей высказывало точку зрения, что Судебник был принят на созванном впервые в 1550 году Земском соборе.

Однако некоторые ученые, как, например, С. Ф. Платонов, П. В. Верховский, В. А. Грибовский, считали, что сведения о созыве Земского собора в 1550 году основываются на подложной записи речи Ивана IV в так называемой «Хрущевской Степенной книге» и поэтому являются измышлением. Лишь исследования советских ученых — И. И. Смирнова, Б. А. Романова, С. О. Шмидта внесли ясность в этот вопрос.

В 1549—1551 гг. в Москве было созвано несколько совещаний, призванных навести порядок в «земском устроении». В феврале — марте 1549 года состоялось собрание светских и духовных феодалов, к участию в котором были привлечены и служилые люди. Здесь были обсуждены недочеты в управлении государством в первые годы правления Ивана IV и намечены мероприятия по их исправлению. Иван IV вместе с боярской думой и освященным собором, выполняя требования массы мелких и средних землевладельцев и видя в них основную опору Русского государства, принимает 28 февраля 1549 г. уложение, освободившее рядовых служилых людей и их крестьян от наместничьего суда «ни в чем, опричь душегубства и татьбы, разбоя с поличным» (см. приложение).

На этом собрании, которое вошло в литературу под названием «Собор примирения» (так как Иван IV примирился на нем с феодальной знатью), был решен вопрос о подготовке нового свода законов.

В июне — июле 1550 года, как полагает С. О. Шмидт, состоялось еще одно собрание боярской думы, освященного собора и служилых людей в присутствии царя. Это фактически и был первый Земский собор. На нем были приняты новый Судебник, новое Уложение о местничестве и поставлен ряд важнейших вопросов государственной жизни. Особый вес постановлениям этого Собора придает то обстоятельство, как полагает С. О. Шмидт, что на нем в большом количестве присутствовали служилые люди, вернувшиеся

из Казанского похода, среди которых, возможно, были и представители верхушки московского купечества (гостей).

Ст. 1. Постановления этой статьи полностью основаны на соответствующей норме Судебника 1497 года, тщательно отредактированной в соответствии с новой политической обстановкой.

В отличие от предыдущего законодательства, в перечне должностных лиц Русского государства упоминается дворецкий и казначей (см. ст. 1—10), что говорит о полном подчинении домениального управления учреждениям общегосударственного значения.

Утвержденный на этом собрании Судебник был предварительно подготовлен боярской думой, о чем красноречиво свидетельствует заголовок Судебника.

Таким образом, принятие нового Судебника было санкционировано широкой массой дворян и детей боярских.

Проведенная кодификационная работа нашла свое отражение в известной речи Ивана IV Стоглавому собору в 1551 году, где царь указывал, что в предыдущем году «...по вашему благословению Судебник исправил и великие заповеди написал, чтобы то было прямо и брежно, суд бы был праведен беспосулно во всяких делех» (Макариевский Стоглавник, Труды Новгородской губ. ученой архивной комиссии, в. 1, 1912, стр. 17).

Разработка Судебника происходила на протяжении ряда последовательных совещаний царя с представителями боярства, духовенства и служилого люда, то есть с теми социальными категориями, которые составляли оплот сословно-представительной монархии.

Поэтому Судебник 1550 года, следует считать законодательным актом сословно-представительной монархии.

Вступительные строки Судебника раскрывают нам многообразную структуру русского государственного управления. Здесь уже «бояре и околничие» старого Судебника окружены целой иерархической лестницей чиновных слуг разных рангов, впоследствии наполнивших приказы, незаметно выросшие на почве дворцовой и думской практики.

Все эти должностные лица обязываются руководствоваться в своей деятельности новым Судебником. Управление государством и дворцовым ведомством зиждется ныне на общих основаниях.

Это подтверждает целый ряд дошедших до нас актов. Так, например, на обороте грамоты 1521 года, выданной великим князем Василием III тверским городским властям с разрешением отвода Волоколамскому монастырю места в городе, имеется надпись: «Приказал дворецкий Михайла Юрьевич» (АФЗ и X, ч. II, № 86). Дворецкому как одному из высших представителей чиновной иерархии доверялось рассмотрение дел монастырей (ср. привилегию Троице-Сергиева монастыря от 1546 года рассматривать свои тяжбы перед «...бояриком и дворецким Большого Дворца...». Акты Федотова-Чеховского, № 75).

Много функций управления сосредоточивалось в исследуемый период у казначеев.

Государева казна к середине XVI века была высшим правительственным учреждением (государственной канцелярией), из состава которой начинали выделяться ведомственные «избы» (поздние приказы).

Казна являлась блюстителем финансовых интересов государства: казначеи сдавали на откуп пятенную и амбарную пошлины (ср. ДАИ, I, № 74), взимали таможенные сборы и получали недоимки денежных пошлин (ср. ДАИ, т. I, № 101, № 51[1]) XIII), собирали штрафы за употребление неправильных мер (ср. ДАИ, I, № 451) и т. д. Кроме того, казначеи ведали холопьими делами и надзирали за целым рядом других дел.

Весьма важным обстоятельством является также включение дьяка в состав судей, что свидетельствует о все возраставшем значении служилой бюрократии (ср. ст. 4).

Ст. 2 (ср. ст. 19 Судебника 1497 года). Статья 2 является ярким доказательством тщательной редакционной работы составителей. В отличие от ст. 19 первого Судебника, не связанной логически с окружавшими ее постановлениями, ст. 2 органически входит в текст кодекса. Законодатель подчеркивает, что речь идет о бесхитростном, добросовестном заблуждении судьи и основанном на этом заблуждении ошибочном решении. Ошибочность решения не порождает права, и истцу предоставляется возможным вновь возбуждать дело.

Ст. 3. Законодатель уже не ограничивается определением порядка отмены ошибочных решений, вынесенных без злого умысла. Судебник устанавливает персональную

ответственность должностных лиц за неправосудие, то есть за совершение действий, по существу дезорганизующих нормальную работу государственного аппарата.

Вынесение заведомо неправосудного решения влечет для верхушки чиновной бюрократии, перечисленной в ст. 3, лишь финансовое взыскание — возврат суммы иска в одинарном размере и возмещение в троекратном размере понесенных судебных издержек той стороне, чьи интересы были нарушены неправосудным решением (ср. гл. 63 Стоглава «... которой боярин или дворецкий или десятинник или дияк через Судебник лишнее и посул возмет, и о том обыскав без суда... втрое взяти и отдати исцу»).

Помимо мер финансового характера, закон не знает определенных мер наказания в отношении высших представителей государственного аппарата. Сопоставление этих постановлений с последующими нормами Судебника, карающими низших чиновников за подобные же преступления, отчетливо показывают проведение в жизнь законодательством принципа феодального права — права-привилегии.

И езд, и правда, и пересуд, и хоженое, и правой десяток, и пожелезное — Судебник перечисляет все имевшиеся судебные пошлины (ср. ст. 8 Двинской уставной грамоты, ст. ст. 28—30 Судебника 1497 года).

В пене, что государ укажет — наказание определяет государь — данная формула означала, что вопрос о «пене», то есть уголовном наказании высших должностных лиц, разрешался исключительно главой государства.

Ст. 4. Восстание 1547 года и последующие народные волнения вынудили государственную власть закрепить в законе ответственность за совершение должностных преступлений.

Закон определяет, что дьяк — взяточник, составивший подложный судный список, подлежит тюремному заключению.

В то же время боярин, осуществлявший вместе с дьяком судебные функции, карался лишь взысканием половины выплачиваемой дьяком в виде штрафа суммы (ср. ст. 4 Судебника 1589 года).

Список нарядит или дело запишет не по суду, не так как на суде было — составит подложный протокол

судебного заседания либо умышленно извратит запись показаний сторон или свидетелей.

Ст. 5. Тесно связанная с предыдущими постановлениями, данная статья особо останавливается на нарушении служебных обязанностей низшими чинами правительственной администрации из-за корыстных соображений. И в этом постановлении вновь отчетливо находит свое выражение принцип права — привилегии. Подьячий — «лихоимец» карается более позорным наказанием, чем совершивший подобное преступление дьяк.

Казнити торговою казнью, бити кнутом — публично бить кнутом на торгу.

Ст. 6. Провозглашая в законе ответственность должностных лиц государственного аппарата за неправосудные и незаконные действия, вводя тем самым контроль за их деятельностью, правительство в то же время охраняет их от сутяжников.

В первую очередь эта норма была продиктована стремлением феодальной правящей верхушки воспрепятствовать тому нескончаемому потоку челобитий, которые шли к царю от служилого люда и широких народных масс.

Введение в качестве наказания за ложное обвинение представителей государственной власти тюремного заключения с предварительным позорящим телесным наказанием могло отпугнуть любого жалобщика.

Таким образом, провозглашая ответственность должностных лиц государства за неправосудие, правительство в то же время при помощи репрессивных мер препятствовало потоку челобитий и охраняло спокойствие приказной администрации.

Подобная двойственность была продиктована всем существом феодального строя, видевшего в народной массе силу, враждебную господствующему классу. Именно с этих позиций нормы ст. 5 перекликаются с теми постановлениями Судебника, которые рассматривают ябедника как ведомого лихого человека (ср. ст. ст. 59, 72.)

Ст. 7 (см. ст. 2 Судебника 1497 года). Если предыдущая статья в первую очередь была продиктована стремлением правящей верхушки феодального общества отгородить себя от массы жалобщиков и являлась своеобразным компромиссом между правительством и крупным боярством,

возглавлявшим центральную администрацию, то при разработке ст. 7 правительство ставило своей основной задачей усиление контроля за деятельностью государственных органов, преимущественно за деятельностью центрального управления.

Закон возлагает на высших должностных лиц центральной администрации (боярина, казначея, дворецкого) обязанности рассматривать все дела «жалобщиков своего приказу», докладывая о наиболее важных челобитных царю.

За отказ высших представителей администрации в осуществлении правосудия Судебник не устанавливает определенной санкции, ограничиваясь угрозой «быти от государя в продаже». Такая декларация не смогла явиться достаточной мерой для воспрепятствования злоупотреблениям лиц, возглавлявших центральные ведомства.

В то же время установление контроля за деятельностью высших должностных лиц сочетается с определением наказания для жалобщиков, неосновательно приносящих жалобы на эту деятельность.

Таким образом, даже при формальном введении контроля за деятельностью правительственной администрации, фактически положение жалобщика характеризовалось следующими словами летописца, говорящего о деятельности А. Ф. Адашева — одного из руководителей правительства середины XVI века.

«А кому откажет, тот вдругорядь не бей челом; а кой боярин челобитной волочит: и тому боярину не пробудет без кручины от государя; а кому молвит хомутовкою (уличит в нечестном ведении дела. — *А. П.*), тот больши того не бей челом: то бысть в тюрьме или сослану» «Пискаревский летописец», Материалы по истории СССР, т. II, М., 1955, стр. 56.

Ст. 8 (ср. ст. 3 Судебника 1497 года). Нормы ст. 8 основаны на постановлениях Судебника 1497 г. и посвящены определению размеров судебных пошлин, взимаемых за рассмотрение дел в центральных ведомствах. В отличие от предыдущего законодательства составители в ст. 8 подчеркивают возрастающее значение государственного аппарата, вводя ответственность должностных лиц, в данном случае материальную, за совершение преступлений по службе, в частности за лихоимство.

Ст. 8. Статья 8, как и предыдущие постановления Судебника, устанавливает ответственность челобитчика за неосновательную жалобу на действия представителей государственного аппарата. В то же время законодатель стремился обеспечить возможность беспрепятственной подачи жалобы.

Это положение ярко характеризует одна небольшая деталь в исследуемом постановлении. В перечне пошлин, взимаемых при рассмотрении дел, встречается следующая фраза: «а от записки подъячему не имати ничего», что означает не только отсутствие пошлин за ведение записи при рассмотрении дела (судебного протокола), но и за запись челобитья.

Челобитья в Москве писались специальными площадными подьячими за определенную плату. Запрещение в законе взимания денег за составление челобитий, несомненно, практически не достигло успеха. Однако само появление данной нормы свидетельствует о стремлении правительства хотя бы внешне прокламировать возможность населения обращаться со своими жалобами к центральной власти.

Ст. 9 (ср. ст. 4 Судебника 1497 года). Первые постановления Судебника определили общие принципы деятельности центральной администрации. Переходя к подробной регламентации в законе отдельных правовых институтов, составители часто не вводят в законодательство чего-либо принципиально нового, лишь редакционно уточняя положения прежнего закона. В данном случае, останавливаясь на правилах судебного поединка («поля»), составители дополняют прежние нормы подробным перечнем должностных лиц, на которых возлагался контроль за проведением судебного поединка.

Как правильно замечает Б. А. Романов, в процессе работы над текстом иногда имели место редакционные промахи и недосмотры. Так, из текста следует, что окольничий и недельщик не получают ничего, если спорящие стороны пришли к соглашению до прибытия на место поединка. В то же время ст. 9 говорит, что эти должностные лица не могут брать «лишок болши того».

Стремление составителей в любом постановлении Судебника подчеркнуть ответственность должностных лиц за злоупотребления привело их в данном случае к явной нелепости.

Ст. 10 (ср. ст. 5 Судебника 1497 года). Воспроизводит соответствующие нормы старого Судебника, редакционно их уточняя и дополняя. В первую очередь дополнение шло по пути введения санкции за совершенное правонарушение. В данном случае должностные лица несут материальную ответственность за допущенные ими злоупотребления.

Ст. 11 (ср. ст. 6 Судебника 1497 года). Как и предыдущее русское законодательство, Судебник 1550 года отразил отмирание институтов обвинительного процесса, в частности института судебного поединка. Лишь этим следует объяснить появление в тексте закона упоминания о лицах, скрывающихся от судебного поединка. В более древний период подобное постановление было невозможно, ибо бегство от «суда божьего», каким в глазах современников являлось «поле», расценивалось как святотатство. Как мы уже указывали (ср. ст. 9 Белозерской уставной грамоты, «Памятники русского права», вып. III, стр. 172), с конца XIV — начала XV вв. церковь становится противницей судебного поединка, видя в нем правовой архаизм, противоречащий существу феодального государства (при судебном поединке всякий равен перед богом). В этих условиях законодатель не стремится закрепить постоянное существование «поля» и допускает возможность отказаться от участия в нем.

Данное постановление отчетливо рисует редакционную работу составителей. Во-первых, закон лишает боярина и по аналогии с предыдущими постановлениями, повидимому, дворецкого и казначея пошлины за осуществленный судебный поединок, поскольку они непосредственно на «поле» не присутствовали. Во-вторых, составители перераспределяют вознаграждение между другими чиновными лицами, увеличивая пошлины окольничему и вводя вознаграждения подьячему, чего ранее закон не знал.

Избные пошлины — судебные пошлины, взимаемые при обычном рассмотрении дела в судной избе. В данном случае избные пошлины ничем не отличаются от пошлин полевых, взимаемых при совершении судебного поединка.

Ст. 12 (ср. ст. 7 Судебника 1497 года). С укреплением централизованного государства происходит сосредоточение судебной власти в руках органов государства, и свойственный

раннефеодальной монархии обвинительный процесс уступает место следственному (розыскному) процессу. Судебник 1550 года значительно суживает действие обвинительного процесса, предпочитая в большинстве случаев розыскную форму процесса.

Ст. 12. Статья устанавливает наказание для лица, обвиненного в совершении тяжкого уголовного преступления и побежденного в судебном поединке. Если в поединке терпел поражение истец, то он нес материальную ответственность (размер ее определен в ст. 62).

В случае поражения ответчика последний «ставится» перед государем, что отнюдь не означало обязательного участия в рассмотрении дела главы государства, а лишь подчеркивало обязательность расследования обвинения в центральном ведомстве. В действие вступают начала розыскного процесса, ибо приговор зависел от определения, является ли ответчик ведомым лихим человеком или нет.

Здесь также отчетливо проявляется принцип феодального права — привилегии. Лицо, могущее обеспечить поручительство за себя, оставалось на свободе, отсутствие же поручительства влекло заточение в тюрьму. Ясно, что обеспечить себя поручительством могли лишь лица, принадлежавшие к привилегированным либо зажиточным слоям населения.

Ст. 13 (ср. ст. 68 Судебника 1497 года). Законодатель в отличие от Судебника 1497 г. стремится сгруппировать все сходные нормы в одном разделе.

В отличие от ст. 68 Судебника 1497 года законодатель провозглашает равенство сражающихся в судебном поединке сторон. Обычно исследователи понимают это установление закона как требование равенства в физических силах, считая, что различие в принадлежности к той или иной социальной категории законодатель не принимал во внимание.

Закон действительно устанавливает, что силы сражающихся должны быть равными, и на основании этого требует удаления посторонних лиц («опричных людей») с места судебного поединка, опасаясь, очевидно, возможности их вмешательства в ход поединка. Отсюда и введение столь

строгих репрессивных мер по отношению к опричным людям, как, например, заточение в тюрьму.

Ст. 14. Данная статья является продолжением предыдущего постановления. Здесь именно и провозглашается равенство физических сил, с тем, однако, исключением, что лицо с определенными физическими недостатками («небоец») могло по своей воле выступать в судебном поединке против полноценной в физическом отношении стороны.

Хотя данная статья и не знает прецедента в более ранних памятниках русского права, но ее содержание ничего нового в развитии института «поля» не дает. По существу это лишь развернутый комментарий к правилам судебного поединка.

Ст. 15 (ср. ст. 51 Судебника 1497 года). В новом кодексе необходимо было отразить многообразие общественно-экономических отношений в Русском государстве. Так, при возникшем споре о праве гражданском («в каковом деле ни буди»), при котором у истца нет соответствующих письменных доказательств, например, заемного обязательства, долговой расписки («бес кабалы»), закон разрешает ссылаться на показания послухов. Законодатель предусматривает возможность расхождения в показаниях послухов и в этом случае допускает право послухов, не подтвердивших показания истца в судебном заседании подтвердить на «поле» правдивость своих утверждений против тех послухов, чьи показания соответствуют показаниям истцов.

Вводя данную норму, законодатель подразумевал не простое разноречие в показаниях послухов одной стороны, а сознательную неправдивость показаний части свидетелей, приглашенных одной стороной и подкупленных противной стороной.

В процессе борьбы за земельные владения, а они являлись основным объектом гражданско-правовых сделок, землевладельцы не отказывались от любых нарушений закона, прибегая иногда к прямым преступлениям, в частности к подкупу свидетелей противной стороны.

Отсюда вытекает стремление законодателя предотвратить возможные случаи преступного сговора свидетелей одной стороны со своими противниками в процессе. Выход был найден в установлении требований судебного поединка

между свидетелями одной стороны, дающими разноречивые показания, причем обязанность подтвердить при помощи «поля» свои показания возлагалась на тех послухов, которые опорачивали своими утверждениями заявления истца.

Их победа в поединке означала поражение истца и обязанность его и подтверждающих его показания послухов нести материальную ответственность при неблагоприятном исходе дела. В случае поражения на «поле» послухи, выступившие против той стороны, которая их вызвала в суд, несли в свою очередь материальную ответственность наравне с ответчиком.

Отказ послухов выступить в судебном поединке против послухов своей стороны, дающих иные показания, влек за собой безусловный проигрыш дела той стороной, чьи утверждения поддерживали отказавшиеся от поединка свидетели. Подобный же результат наступал для той стороны, послухи которой единогласно давали показания, противоречащие утверждениям вызвавшей их стороны.

Таким образом, показания свидетелей являлись решающим моментом при вынесении судьями решения по судебному спору.

Если же в качестве доказательства предъявлялся письменный документ, а его содержание оспаривалось, то заинтересованная сторона также прибегала к помощи свидетельских показаний (ср. «И Тихон старец з братьею тако ркли: грамота, господине, без людей сама по меже не ходит» — Н. П. Лихачев, Сборник актов, вып. II, № XII) или же к судебному поединку, за которым пока законодатель сохраняет значение решающего доказательства. Поэтому данное постановление отнесено составителями в раздел о судебных поединках.

Ст. 16 (ср. ст. 48 Судебника 1497 года). В основном данное постановление полностью совпадает с соответствующей нормой старого Судебника. Однако и здесь отчетливо видна редакторская правка составителей, стремившихся к предельной выразительности текста (ср. «ино судити на того волю, на ком ищут» (ст. 48) с «...ино суд на ответчикову волю» (ст. 16). Судебник 1550 года дополняет прежнюю норму указанием на последствия судебного поединка между послухом и противной стороной.

Ст. 17 (ср. ст. 21 ПСГ; ст. 49 Судебника 1497 года). В Судебнике 1497 года подробно регламентировалось право отдельных участников процесса выставлять в судебном поединке вместо себя наемного бойца. Сохраняя без изменения это правило, составители нового Судебника дополняют его разъяснением из ст. 52 Судебника 1497 года, что не только сторона, обладающая физическими недостатками или принадлежащая к духовенству, может прибегать к помощи наемного бойца, но и послухи, принадлежащие к этой категории лиц, получают право выставить вместо себя для участия в судебном поединке с целью подтверждения своих показаний наемного бойца. Это дополнение служит еще одним убедительным примером вырождения института «суда божьего», поскольку бой перед лицом суда, призванный удостоверить правоту спорящих, ведется наемными руками, то есть полностью утрачивается религиозно-нравственная подоплека «поля»: «за правым сила» (независимо от его физического состояния. — *А. П.*).

Ст. 18 (ср. ст. 50 Судебника 1497 года). Небольшое редакционное дополнение, поставившее наряду с праведчиком, исполнявшим судебное решение наместничьего суда, агента царской власти — недельщика. Эта статья говорит о стремлении составителей подчеркнуть, что в первую очередь регулируется деятельность органов центрального управления.

Ст. 19 (ср. ст. 52 Судебника 1497 года). Составители устранили из данной статьи указание ст. 52 Судебника 1497 года «или кто от тех (женщины, ребенка, старика, попа, монаха и т. д. — *А. П.*) в послушестве будет кому, ино наймита наняти волно», перенеся в исправленном виде этот текст в ст. 17 Судебника 1550 года (см. выше). Статья 19 служит как бы связывающим звеном между разделом Судебника о судебных доказательствах и постановлениями о ведении судебного следствия.

Ст. ст. 20—21. Нормы, содержащиеся в данных статьях, не имеют прецедента в предыдущем русском законодательстве. По существу здесь впервые в истории русского права разрабатывается вопрос о долевой и солидарной ответственности. Законодатель рассматривает казус, когда по иску, предъявленному к 10—15 ответчикам, перед лицом

суда встает лишь несколько (3—4) ответчика. Закон предоставляет ответчикам право самим избирать форму ответственности — отвечать солидарно, то есть всем вместе, либо каждому в пределах своей доли («жеребьях»).

В случае избрания ответчиками долевой ответственности за неявившимися к ответу лицами посылается пристав. Если же будет известно, что еще до разбирательства дела неявившимся лицам посылалась приставная грамота, то они признаются ответственными в относящейся к ним доле предъявленного иска и на эту долю истец получает бессудную грамоту. В своем стремлении всячески поддержать авторитет правосудия законодатель вводит дополнительную норму, согласно которой ответчик, получивший извещение о явке на суд и не сообщивший об этом своим соответчикам, обязан отвечать за это перед судом. Хотя в законе и не говорится о пределах подобной ответственности, но следует полагать, что, не известив соответчиков о необходимости явки на суд, виновный должен был возмещать своим соответчикам причиненный его действиями ущерб.

Напишет в жалобнице — жалобница — исковое заявление.

Судити в их жеребьях — рассматривать вопрос об ответственности в пределах доли того или иного соответчика.

Ездок срочную накинет на одного — ездок, лицо, которое служит у недельщика и выполняет его поручения по вызову в суд. В ряде списков Судебника 1550 года эта фраза дополнена следующим положением: «а он в срочной не один» (ПБ № Q II. 118 и др.), что уточняет смысл данного постановления.

Выляжет в их жеребьех безсудная грамота — будет выдана бессудная грамота на падающую на них долю возмещения ущерба.

Ст. 22. В период подготовки Судебника 1550 года одной из наиболее существенных задач, стоявших перед законодателем, являлось решение вопроса о коренном переустройстве аппарата государственного управления.

Отношение правительства Ивана IV к существовавшей до него и в первое десятилетие его царствования си-

стеме наместничьего управления как нельзя лучше комментирует послание Ивана IV к князю Андрею Курбскому: «не может осуществиться и ваше желание (бояр. — *А. П.*) править теми областями и городами, где вы находитесь», — писал царь. — «Ты сам своими бесчестными очами видел, какое разорение было на Руси, когда в каждом городе были свои начальники и правители...» (Послания Ивана Грозного, М.—Л., 1951, стр. 229).

Издание Судебника 1550 года было одним из решающих этапов борьбы за ликвидацию отживающего наместничьего управления. Однако упразднение наместничьей системы происходило не сразу. Временно Судебник сохранил старые формы управления, что являлось своеобразным компромиссом с крупным боярством, еще державшим бразды правления в своих руках.

Настоящее постановление устанавливает ответственность наместников и волостей за бесчинства подчиненных им должностных лиц.

Законодатель в данной статье поставил вопрос о солидарной ответственности кормленщиков за правонарушения, совершенные зависимыми от них лицами (тиунами), праведчиками, доводчиками. Наместники и волостели, даже в случае нежелания отвечать за тех или иных подчиненных («не за всех учнут отвечати»), обязаны нести ответственность в полном размере предъявленных исковых требований. Поскольку здесь вновь ставится проблема долевой и солидарной ответственности, возникающая при судебном разбирательстве, здесь настоящее постановление, относящееся в основном к местному управлению, сгруппировано с нормами о судебном разбирательстве.

Ст. 23. Для феодального права крайне характерно установление градации между отдельными социальными категориями феодального общества. Настоящая статья различает людей наместника и волостеля и население управляемых наместниками и волостелями территорий. Для истца безразлично, к какой категории населения принадлежит ответчик, но это отнюдь не было безразлично для закона. Законодатель вводит правило, согласно которому должностные лица местной администрации не привлекаются к общей ответственности с местными жителями, если даже они проходят в качестве ответчиков по одному иску. Дела

городских и волостных людей выделяются особо и рассматриваются отдельно. Если сопоставить данную норму со ст. 75 настоящего Судебника, то следует полагать, что отдельное рассмотрение дел, где в качестве ответчиков фигурируют должностные лица наместничьего аппарата, было продиктовано стремлением введения строжайшей ответственности этих лиц за совершение любого правонарушения.

Судити в их вытях — Б. А. Романов по аналогии со ст. 28 Судебника 1497 года рассматривает термин «выть», как обозначение отдельного судебного дела. Данное толкование вызывает серьезные возражения. В списке Судебника — БАН Архангельское собр., № 1166 — вместо слов «вытях» написано «жеребьях». Подобное осмысливание переписчиком текста дает основание толковать в данном случае термин «выть», как часть, доля, что значительно более соответствует содержанию статьи.

Таким образом, после предъявления иска, в котором в качестве соответчиков выступают люди наместника и жители посада, дело в отношении людей наместника соответственно доли их ответственности выделяется и рассматривается в особом порядке.

Ст. 24. Правительство централизованного государства особо защищает в законе права иногородцев, предупреждая наместников о возможности привлечения их к суровой ответственности за совершение бесчинств по отношению к жителям других территорий Русского государства. В первую очередь эта норма охраняла интересы купцов, часто ездивших с товарами по стране. Иногородцам устанавливался ограниченный срок давности (1 год), причем наместники обязаны были отвечать по искам иногородцев во время своего «жалования», то есть в течение срока несения обязанностей кормленщика.

Годичный срок давности исчислялся с момента окончания времени пребывания кормленщика на своем посту.

Подобное нововведение закона не может служить, как это утверждает И. И. Смирнов, подтверждением льготного для наместника характера постановлений Судебника 1550 года, а, наоборот, является безусловным свидетельством повышенной требовательности законодателя к представителям центральной власти на местах.

Ст. 25. Судебник 1550 года пронизывает стремление к введению розыскного процесса.

В настоящей статье отразились нормы как обвинительного, так и розыскного процесса.

В обвинительном процессе инициатива возбуждения дела исходит от истца, суд же решает дело по существу. При розыскном процессе суд не только устанавлиает вину, но и является деятельным участником раскрытия преступления, причем основным видом доказательств является собственное признание обвиняемого. Согласно данной статье дела о нанесении телесных повреждений (побоях), часто сопровождавшиеся насильственным отнятием собственности (грабежом), возбуждаются и расследуются по правилам обвинительного процесса.

Однако в уголовных делах признание для феодальной юстиции было абсолютно необходимым доказательством. Добровольное признание обвиняемого, сделанное им во время судебного следствия, предрешало исход дела (см. АЮ, № 10). Признание вносилось в судный список и тем самым приобретало решающую силу при «докладе» (см. АЮ № 21, 22). Молчаливой формой признания была неявка на суд, поскольку на неявившегося ответчика по истечении льготного срока выдавалась бессудная грамота. В случае же неполучения признания, особенно при рассмотрении дел о посягательствах на феодальный строй, судебные органы в исследуемый период прибегают к розыскному процессу и тесно связанной с ним пытке.

В пене, посмотря по человеку, что государь укажет — меру наказания определит государь соответственно социальной принадлежности осужденного. Охраняя интересы феодалов, Судебник в первую очередь при привлечении обвиняемого к ответственности ставит вопрос: «добрый» ли он человек или «лихой»? В данном случае норма закона относится к так называемым «добрым» людям и определение им наказания зависит от того, на какой ступени феодальной лестницы они стоят (ср. ст. ст. 3, 4, 5 Судебника 1550 года, ср. ниже ст. 26).

А в грабеже (бою) суд и правда — при рассмотрении дел о насильственном отобрании собственности или нанесении телесных повреждений разрешается привлекать в качестве доказательства показания свидетелей («правда»).

Кто в чем скажется виноват, то на нем и взяти — определить вину согласно собственному признанию обвиняемого.

Ст. 26. Норма о бесчестье была введена ст. 2 Двинской уставной грамоты 1397 года, однако ст. 2 предусматривала лишь защиту интересов боярина и его слуги. Судебник идет значительно дальше в этом направлении, различая оскорбления, наносимые различным представителям феодального общества.

Судебник устанавливает различные меры взыскания за бесчестье, что свидетельствует о резкой сословно-классовой дифференциации в феодальном обществе. В то же время эта норма закона характеризует право сословно-представительной монархии, поскольку старается предусмотреть защиту интересов всех светских сословий и различных категорий должностных лиц.

Следует отметить еще одну характерную черту данного постановления Судебника. Оскорбление женщины карается двойной мерой наказания по сравнению с наказанием за оскорбление мужчины того же социального положения. Эта норма свидетельствует о том, что, несмотря на относительно приниженное положение женщины в русском феодальном обществе, Русское государство строго охраняло честь и достоинство женщин.

Детем боярским, за которыми кормление .., которые дети боярские емлют денежное жалование — Судебник различает *две категории должностных лиц* — кормленщиков и находящихся на денежном содержании. Вся правительственная политика была направлена на увеличение второй категории должностных лиц за счет первой.

Дьяком полатным и дворцовым — закон особо выделяет высшие разряды служилой бюрократии — приказных и дворцовых (из приказа Большого Дворца и др.) дьяков. Палатами или «избами» в середине XVI века именовались центральные правительственные учреждения — будущие приказы.

Боярскому человеку доброму бесчестиа пять рублей, оприч тиунов и доводчиков — добрый боярский человек — это высший представитель боярской челяди, как правило, происходивший из холопов боярина. Закон не проводит раз-

личия в сумме «бесчестия» между средними жителями посада и боярской челядью; это свидетельствует, что верхушка боярской челяди лишь номинально принадлежала к числу холопов и ближе стояла к представителям господствующего класса (ср. данную Пешкова-Сабурова, давшего своему человеку, то есть холопу, деревню во владение, Н. П. Лихачев, Сборник актов, вып. I, № XV).

Крестианину пашенному и непашенному — пашенный крестьянин — рядовой волостной житель, землепашец; непашенный крестьянин — представитель черносошного крестьянства, занимавшийся сельским хозяйством, а также торговлей, промыслами, ростовщичеством и т. п.

Резкое различие между суммой «бесчестья» для крестьянина (рубль) и суммой «бесчестья» для горожанина (50 рублей для гостей и 5 рублей для среднего посадского человека) свидетельствует о том, что законодательство сословно-представительной монархии особо выделяет горожан, поднимая их значение, отражая стремление правительства к созданию в городе прочной опоры для проведения правительственных мероприятий.

Всем указывати за увечье, посмотря по человеку и по увечию — данная формула, отчетливо выражающая принципы феодального права, выдвигает на первый план возмездие не за причиненный ущерб здоровью потерпевшего, а за нарушение его классового, сословного достоинства.

Ст. 27. (ср. ст. 58 Судебника 1497 года). Судебник 1497 года оставлял без ответа вопрос о том, как должны рассматриваться споры между иноземцами и русскими подданными. Составители кодекса 1550 года вносят дополнение о порядке разрешения тяжб между иностранцами и жителями Русского государства. Вырабатывая это правило, составители обращались за образцом к имевшимся международным соглашениям русских княжеств, в частности к договору Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 года (см. «Памятники русского права», вып. II, стр. 61), где «поле» абсолютно исключалось из процесса между иноземцами и русскими.

Составители охотно рецепируют эту древнюю норму русского права, поскольку она полностью отвечала общей

тенденции законодательства, направленной на ограничение и постепенную ликвидацию судебных поединков. К тому же введение в качестве доказательства при разрешении торговых споров, а они были основными среди тяжб иноземцев с русскими, судебного поединка могло бы отрицательно воздействовать на развитие внешней торговли, ибо отпугивало бы иностранных купцов от русских рынков.

Закон указывает, что в случае возникновения спора между иностранцем и русским дело разрешается при помощи жребия. Государство, предоставляя право обеим сторонам приносить присягу по жребию, тем самым становилось на позиции благоприятствования иноземцам. Кем вынимался жребий, тот приносил присягу, и тем самым решалось дело. Развитие торговых отношений, укрепление международных связей Русского государства настоятельно требовали закрепления в законе равноправия иноземца с русскими.

Ст. 28. Буржуазные исследователи, как правило, считали, что вся система центрального управления вырабатывалась в Русском государстве стихийно без направляющей и руководящей роли правительства (И. И. Вернер и др.). Это утверждение явно не соответствует действительности, ибо правительственная практика не являлась сборником хаотических и разных по своей целевой направленности постановлений, а диктовалась программными требованиями правительства, выражавшего интересы господствующего класса.

Свидетельством продуманной законодательной деятельности Русского государства служит настоящая статья, закрепившая детально разработанную систему делопроизводства.

Во главе судебно-административной иерархии стоял глава государства — царь. В то же время перечень высших судей государства, включавший в себя как царя и его детей, так и бояр, придавал особый авторитет решениям бояр, возглавивших центральные ведомства, приравнивая их постановления по своему значению к постановлениям, выносимым самим царем.

В Русском государстве цари часто сами отправляли правосудие. Так, например, в 1547 году судебное дело по обвинению в подделке документов слушал лично царь

Иван IV. Правая грамота по этому делу показывает глубокий интерес молодого царя к судебному процессу, его стремление всесторонне исследовать обстоятельства дела (см. А. Барсуков, Род Шереметьевых, кн. 1, СПб., 1881, стр. 103—127).

В случае если представленные сторонами доказательства не давали возможности вынести обоснованное суждение по делу, закон предоставлял право отложить дело слушанием, выдвигая, однако, требование тщательной и подробной записи показаний сторон.

При наличии черновой записи судебного заседания она переписывалась набело. Все записи должны были храниться у дьяка. Подобное требование закона было продиктовано опасением подлога, ибо искажение слова в записи (например, ссылка обеих сторон на одного послуха) могло привести к неправосудному решению.

Законодатель явно не доверяет подьячим, запрещая им держать у себя дела и вводя в качестве наказания за подобный проступок торговую казнь и лишение права впредь исполнять обязанности подьячих. Последняя мера наказания была нововведением для Русского государства.

Дьяк нес ответственность за действия подьячих, однако карался значительно менее сурово, чем его подручные. На дьяка лишь возлагалась обязанность возместить истцу причиненный похищением либо обнародованием судебного протокола ущерб, в то время как подьячий по существу лишался своей профессии.

А руки дъячей у того списка... не будет — протокол не будет заверен дьяком. Подобный незаверенный документ не приобретал юридической силы.

Тот список и пошлины и езд взяти на дъяке — здесь в большинстве списков Судебника вместо слова «список» — слово «иск». Весь причиненный хищением документа ущерб возмещался дьяком.

На подворие — М. Ф. Владимирский-Буданов понимает под словом «подворие» — местонахождение приказа в Кремле, Б. А. Романов считает, что речь идет о местожительстве подьячего. Последняя точка зрения более убедительна.

Ст. 29. Письменный характер процесса требовал от суда тщательной записи судебного следствия. Во время

разбирательства дьяк или подьячий, выполнявшие, говоря современным языком, секретарские обязанности, могли допустить ошибки и пропуски в записи. С целью придания особой авторитетности ведению процесса высшими представителями служебной иерархии Русского государства Судебник устанавливает правило, что при записи дела в боярском суде стороны не присутствуют.

Однако судный список обычно составлялся не по памяти, а в присутствии сторон, в процессе судебного разбирательства (см., например, АЮ, № 20, 22, 23 и т. д.). Из текста же закона получается, что протокол судебного заседания составлялся в отсутствие сторон, то есть вне судебного разбирательства. Повидимому, судный список, составленный в ходе судебного рассмотрения дела, писался дьяком начерно, а затем переписывался начисто. Для того чтобы воспрепятствовать возможному искажению смысла записи в пользу той или иной стороны, закон требует от судей-бояр их присутствия во время работы дьяка над протоколом, в то же время воспрещая присутствовать при этой процедуре заинтересованной стороне. В случае возникновения неясности и необходимости уточнения данных записи бояре имеют право допросить ту или иную сторону, дабы придать судному списку полную достоверность. Изготовленный окончательно протокол читался судьям. Если бы закон допустил его прочтение и перед сторонами, то это могло бы привести к возобновлению судоговорения, в то время как Судебник стремится к установлению стабильности и укреплению авторитета судебного решения. О наличии черновых протоколов судебного заседания свидетельствует правая грамота 1531 года:

«...а восе, государь, перед тобою список черный прямой, а моего, государь, судьи Шарапа Баскакова рука в нем есть. И князь великий спросил Обляза Лодыгина: перед кем же тот черной список твой Шарап тобе дал и в который день? И Обляз перед великим князем сказал, что ему дал тот черный список Шарап, а не лучилося тут у него никого...» (Н. П. Лихачев, Сборник актов, вып. II, № IX).

Ст. 30. Для периода феодальной раздробленности было характерно наличие «смесного» суда, когда дело рассматривалось совместно представителями государственной власти

и вотчинниками, обладавшего феодальными привилегиями (ср. «А смешается суд волостным людям с его людьми и наместници или волостели их тиуны судят и Иван (вотчинник — *А. Т.*) с ними судит или кому прикажет, а присудом делит» (Акты Юшкова № 4).

К моменту издания Судебника 1550 года «смесный» суд подобного рода уже утратил свое значение. Однако, поскольку у разных представителей населения сохранялась различная подсудность (каждое центральное ведомство судило людей своего «приказу»), то в законе необходимо было определить порядок рассмотрения споров в таких случаях.

Вырабатывая подобный порядок, составители руководствовались Записью о душегубстве (ср. ст. ст. 5, 8, «Памятники русского права», вып. III, стр. 168), и уставными грамотами («также есми их пожаловал: кому будет искати на слобожанах гороцким людем, или волостным, а они ищут в слободе Новые соли в волости в Морене, перед моими слободчиками, а за *собою емлют своего стороже»*. Уставная грамота солеварам слободы Новой соли Новгородского уезда Моревской волости, 1530 г., АИ, т. 1, № 26). Таким образом, норма, введенная законодателем применительно к отдельной территории, находит свое отражение в общерусском кодексе.

Закон устанавливает, что исковые требования рассматриваются тем судьей, в чью юрисдикцию входит рассмотрение дел ответчика. Этот же судья рассматривает и встречный иск ответчика. При этом интересы судьи истца представляет его сторож, то есть его агент. Его задачи сводятся к наблюдению за интересами истца и за исправным получением пошлин, следуемых судье истца («судья за ним идеть своего прибытка смотрит», ст. 3 Записи о душегубстве).

Установленный ст. 30 принцип «смесного» суда нашел свое отражение и в дальнейших постановлениях Судебника (ср. ст. 100).

Ст. 31 (ср. ст. 53 Судебника 1497 года). Статья полностью основывается на постановлениях старого Судебника. В дополнение к ст. 53 Судебника 1497 года закон предусматривает возможность мирового соглашения после подачи челобитья в суд. В этом случае судьям воспрещается

взыскивать судебные пошлины. Таким образом, законодательство стремится создать благоприятные условия для лиц, не желающих загружать суд своими тяжбами. Они не несут никаких расходов за исключением оплаты труда пристава по вызову сторон («...опричь езду и хоженого»).

Ст. 32. (ср. ст. 33 Судебника 1497 года). Настоящая статья проникнута общей тенденцией Судебника — устанавливать в любом случае правонарушения конкретную санкцию за совершение преступного деяния.

Законодатель вводит суровое наказание для недельщика, изобличенного в вымогательстве взятки от имени приказной администрации. Верхушка дьяческой администрации не пренебрегала подобными способами получения дани с тяжущихся и в практике, несомненно, встречались случаи, когда недельщики служили лишь посредниками в передаче взятки. Однако закон карает лишь недельщика. Эта черта Судебника 1550 года является чрезвычайно характерной для феодального законодательства вообще. Даже стремясь защитить при помощи норм права интересы всех слоев господствующего класса, законодатель не может приравнять простое дворянство, из которого комплектовался рядовой состав приказной администрации к представителям феодальной верхушки (ср. ст. 3 Судебника 1550 года).

Недельщик подвергался телесному наказанию, и по общему принципу Судебника с него в троекратном размере взыскивался взятый им незаконный побор. Вина недельщика влекла за собой также отрешение его от должности («из недель выкупити»).

Ст. ст. 33—34 (ср. ст. ст. 15, 16 Судебника 1497 года). Провозглашение в законе борьбы с лихоимством влекло за собой редакционную правку прежних постановлений закона. Текст старого Судебника дополняется категорическим указанием «а болше того не имати». Уличенные в чрезмерных поборах боярин, дьяк или подьячий обязаны были в троекратном размере возвратить переполученные суммы. При сопоставлении данного постановления со ст. 32 видно, что даже умышленное незаконное обогащение должностных лиц приказной администрации не влекло для них столь сурового наказания, как это было в случае совершения правонарушения недельщиком. В то же время Судебник вновь

вводит угрозу уголовного наказания за ложную жалобу на неправосудие чиновного аппарата.

Ст. 35 (ср. ст. 17 Судебника 1497 года). В дополнение к нормам предыдущего Судебника составители указали, что выдача судебных решений по холопьим делам, а также отпускных холопьих грамот возлагается не только на боярина, но и на дворецкого и казначея. Ведомству казначеев подлежали дела о холопстве (см. Сводный Судебник).

Ст. 36. В эпоху феодализма происходит постепенное развитие товарного производства, влекущее за собой возрастание значения денег. Особенно нуждается в деньгах дворянство, не обладавшее достаточными богатствами, но стремившееся в своем образе жизни следовать роскоши высших представителей феодальной знати. Феодалы постепенно переводят повинности зависимого крестьянства из натуральной формы в денежную. Нужда в деньгах появляется у крестьянства, а также и у населения городов, испытывающего потребность в деньгах для приобретения сырья, материалов для ремесленного производства, продуктов питания и т. п.

Развитие товарно-денежных отношений вызывает необходимость в регламентации договора денежного займа.

Законодатель, ставя своей задачей охрану интересов господствующего класса, стремился к установлению правил, защищающих задолжавшееся дворянство от цепких рук ростовщиков (ср. духовную Федора Ракитина 1552 года: «взяти ми на Михаиле на Ржевском, да его сыне на Петре пять рублев по кабале, а в тех денгах в закладе село Кожевниково» — АФЗ и Х, ч. II, № 236).

С этой целью Судебник требует, чтобы уплата по долговому обязательству производилась в присутствии высших должностных лиц, чьи подписи и печати удостоверяли факт выплаты долга.

Судебник кратко определяет порядок выплаты долга. Подробно на этом вопросе останавливается Судная грамота князя Владимира Андреевича Старицкого — последнего удельного князя на Руси — крестьянам замосковной Вохонской волости бобровичьей полусохи 1561 года. Судные грамоты были инструкциями о применении общих норм права на территории царских вотчин. Поэтому в судной

грамоте так детализируется норма ст. 36 Судебника: «которые люди... по кабалам и безкабально пред выборными судьи скажутся виноваты .., а которой ответчиков ... выборным судьям в истцов иск в уплату что принесет хлеба и денег, и выборным судьям денги и хлеб тех людей имать в истину без росту, а хлеб без наспу; да тот хлеб и денги держати им у собя, доколе которой ответчик истцов иск выплатит сполна. А уплату выборным судьям на кабалах и на записех велети подписывати, докуды которой ответчик от исцева иску (выкупится. — *А. П.*); бескабально что долгу принесет в уплату, — и выборным людем тех людей в той уплате давати отписи земских дьяков руки; а как которой тот хлеб и денги отдали исцом без росту, а правые грамоты тогды у исцев имать назад, а платеж на правых грамотах велети подписывати» (ААЭ, I, № 257).

От всякие отписи — от всякой расписки в уплате долга.

В колке отписи ни буди — сколько бы не было расписок. Отсюда вытекает, что уплата долга происходила в рассрочку (ср. вышеприведенную судную грамоту).

Ст. 37 (ср. ст. 21 Судебника 1497 года). Воспроизводит соответствующее постановление старого Судебника, дополняя его указанием на необходимость оплаты труда царских чиновников (дьяка и подьячего).

Ст. ст. 38—40 (ср. ст. ст. 22, 24, 23 Судебника 1497 года). Содержание данных статей полностью совпадает с нормами Судебника 1497 года. Составители произвели здесь лишь незначительную правку текста.

Ст. 41 (ср. ст. ст. 26, 27 Судебника 1497 года). Дополняя постановления Судебника 1497 года, законодатель стремится, во-первых, обеспечить защиту интересов служилых людей; а, во-вторых, подчеркнуть приоритет государственных интересов. С этой целью в прежний текст закона вводится новелла, предоставляющая право служилым людям, в случае призыва их к исполнению служебных обязанностей, требовать досрочного рассмотрения их дела либо перенесения срока явки в суд. Подобное требование со стороны других лиц влекло для них обязанность уплаты соответствующей пошлины; служилые же люди в этом случае никаких расходов не несли.

Закон, далее, определяет ответственность представителей дьяческой администрации за небрежное хранение судебных документов. В случае утери срочных грамот, находившихся у подьячего, нес ответственность его непосредственный начальник — дьяк, который возмещал полную сумму причиненного этим ущерба. Впервые здесь закон упоминает о праве регрессного иска, предоставляя дьяку возможность взыскивать уплачиваемую им сумму ущерба с подьячего. Подьячий был младшим чином приказной администрации, состав подьячих пополнялся из детей духовенства, посадских людей и даже пашенного крестьянства (ср. последующие указы XVII века, запрещавшие принимать в подьячие «поповых и дьяконовых детей, и гостинных и суконных сотен торговых, и черных сотен посадских всяких, и пашенных людей и их детей» (АИ, III, № 92, XXXI). Подьячие выполняли подсобные функции управления. Стремясь установить персональную ответственность дьяков за нормальный ход деятельности центральных ведомств, законодатель вводит настоящую норму, тем самым подчеркивая их особую роль в осуществлении функции государственного управления.

Ст. 42 (ср. ст. ст. 27, 25 Судебника 1497 года). В дополнение к старому законодательству составители точно указывают время, необходимое для явки на вызов суда, устанавливая 7 дней на 100 верст. По истечении этого времени входило в силу правило о признании неявившегося проигравшей дело стороной. Редакционно упрощена обычная угроза по адресу клеветников (ср. ст. ст. 6, 8, 9, 10).

Ст. 43 [1]. Данное постановление в лаконической форме устанавливает порядок взимания пошлин за выдачу, подписание или удостоверение тех или иных документов, исходящих от государства. Но основное содержание настоящей статьи раскрывается в ее последней фразе, вызвавшей многочисленные толкования исследователей.

В ст. 43 закон запрещает выдачу кому бы то ни было тарханных грамот.

Статья расчленяется на два постановления. 1) старые тарханные грамоты «поимати» у всех, 2) новых тарханных

---

[1] Историко-правовой обзор ст. 43 принадлежит **С. М. Каштанову.**

грамот не давать. В буржуазной историографии утвердилось мнение о том, что эта статья на практике не осуществлялась. В современной литературе вопросы, связанные с претворением в жизнь постановлений ст. 43, изучены недостаточно. И. И. Смирнов полагает, что статья направлялась своим острием против тарханных грамот светским феодалам, выдача которых, согласно его мнению, продолжалась до 50-х годов XVI века. Б. А. Романов склонен считать проверку монастырских тарханных грамот, произведенную в мае 1551 года, безрезультатной в смысле отмены тарханов. Не прошло и двух-трех лет, — считает Б. А. Романов, — после пересмотра тарханных грамот, как монастыри опять стали беспрепятственно получать тарханы вплоть до 1584 года.

Изучение конкретного актового материала заставляет отказаться от этих точек зрения. Под тарханами в XVI веке подразумевались лишь те грамоты, непременной принадлежностью которых было освобождение от главных государственных налогов — ямских денег, примета, тамги и др. Грамоты, где наряду с несудимым разделом имеется освобождение только от проторов, разметов и мелких дворцово-княжеских повинностей, сами источники называют не «тарханными», а «несудимыми» (АФЗ и Х, ч. II, № 236, 231; ЦГАДА, ГКЭ, № 12308). Следовательно, когда в мае 1551 года тарханные грамоты подтверждались «оприч ямских денег, посошные службы и тамги» или «оприч пищальных денег», «оприч ямских и окупных денег и тамги», они теряли характер грамот «тарханных», что свидетельствует о ликвидации старых тарханов, то есть о проведении в жизнь первого постановления ст. 43. Формой полного аннулирования тарханных грамот было неподписание их на царское имя. Таких грамот оказалось довольно много, среди них главное место занимают акты, относившиеся к новым монастырским слободам. Тарханные грамоты в 50 — начале 60 годов XVI века не выдавались монастырям, за исключением некоторых окраинных корпораций (см. историко-правовой обзор к жалованной грамоте 1551 года Чудову монастырю и указной грамоте 1569 года о невзимании податей с сел Симонова монастыря). Следовательно, до 1563—1564 гг. и перехода к опричнине второе постановление ст. 43 строго проводилось в жизнь. Ликви-

дация тарханов не означала полной отмены податного иммунитета монастырей в их сельских вотчинах. Она лишь привела к обложению монастырских владений главными государственными налогами и повинностями.

Статья 43 была направлена не против светских феодалов, а против духовных вотчинников, получивших в период боярского правления много щедрых тарханов.

Ст. 44 (ср. ст. 8 Судебника 1497 года). Судебник весьма строго регламентирует деятельность судебно-исполнительного аппарата управления. Не меняя основных начал организации работы недельщиков, приставов и других чиновников, обеспечивавших исполнение судебных решений, Судебник в целой группе статей (44—50, 53 и т. д.) тщательно определяет исполнение этими чиновниками своих функций.

Статья 44 определяет порядок получения недельщиком документа на право взимания дохода за исполнение своих обязанностей (приставной грамоты). Приставную грамоту составлял либо сам недельщик, либо дьяк. В случае, если недельщик представит на подпись грамоту, где «иск менши езду», то за злоупотребление своим служебным положением карается тюремным заключением, срок которого зависит от царской воли. В то же время закон оберегает интересы недельщиков, воспрещая дьякам поручать им более 20 дел по одной приставной. Если же дьяк нарушит свои обязанности, пойдет навстречу домоганиям недельщика и скрепит своей рукой приставную, где «иск менши езду», либо, наоборот, ущемит интересы недельщика, составит без него приставную грамоту, то он возмещает причиненный ущерб. Интересно отметить, что и в этой статье нашел свое отражение принцип права — привилегии. За злоупотребление служебным положением недельщику грозит тюремное заключение, в отношении же дьяка наказание за подобное же действие зависит от воли государя («а в пене, что государь укажет»).

Ст. 45 (ср. ст. 29 Судебника 1497 года). Судебник 1497 года говорил о хоженом «на Москве». Составители нового Судебника мыслят более обобщенно, помещая в тексте закона вместо слов «Москвы» понятие в «городе». Отсюда вытекает, что недельщики могли посылаться не только из столицы, но из других крупных центров Русской державы (ср. ст. 47).

Ст. 46 (ср. ст. 30 Судебника 1497 года). Статья сохраняет прежний расчет «езда», исходя из отдаленности той или иной местности от Москвы.

Дополнительное указание «а где будет болши того верст, иного имати по тому же розчету» косвенно подтверждает, что недельщики могли посылаться не только из Москвы. Отдаленность важнейших населенных пунктов Русского государства от Москвы была известна, и поэтому закон определяет точную сумму оплачиваемых недельщику расходов. Законодатель в то же время не мог предусмотреть возможные случаи поездок недельщиков из одного города в другой и устанавливает лишь общий принцип исчисления причитающихся недельщику сумм.

Интересно отметить, что составитель опускает указание прежнего кодекса на выплату в случае поездки в Великий Новгород денег по московскому денежному счету («полтретья рубля московскаа»). В период издания Судебника 1550 года Великий Новгород настолько органически вошел в состав Русского государства, что упоминание об оплате «московскими» деньгами в противовес новгородским казалось анахронизмом.

Ст. 47 (ср. ст. 31 Судебника 1497 года). С целью пресечения злоупотреблений должностных лиц Судебник запрещает недельщикам использовать при несении служебных обязанностей своих слуг или родственников («своих племенников и людей», ст. 31 Судебника 1497 года) и требует, чтобы поручения недельщиков исполняли ездоки, принимавшие на себя эти обязанности по договору с недельщиком. Недельщик и его ездоки должны были регистрироваться в особых книгах. Недельщик отвечал за все действия своего ездока. В то же время подобный порядок позволял изобличать тех самозванцев, которые присваивали себе должностные функции недельщиков и занимались вымогательством и незаконными поборами с населения. Подобный порядок был одним из способов наведения строгой дисциплины в государственном управлении.

Судебник также устанавливает взаимную ответственность недельщиков и так называемых «заговорщиков», то есть лиц, вступавших с недельщиком в «заговор» с целью совместного несения его служебных обязанностей и получения соответствующего вознаграждения (ср. «...недельщик

Данило Трофимов так рек: ...а на товарище, господине, на их на Васильеве человеке на Андрейке на Лапине правил заговорщик мой Неклюд Чагин исцов иск...» (Н. П. Лихачев, Сборник актов, вып. II, № VI). Каждый из «заговорщиков» отвечал своим имуществом за неправильные действия другого. Подобная круговая порука, сопровождавшаяся угрозой тюремного наказания для непосредственного виновника, ставила своей целью пресечь любыми мерами нарушения служебной дисциплины и покончить с произволом и вымогательствами («поклонного... не имати ничего») должностных лиц.

Подтверждая запрещение недельщикам и их ездокам исполнять свои функции по месту своего жительства, Судебник 1550 года вводит за это нарушение соответствующую санкцию (торговая казнь и взыскание исков без суда).

Особый интерес исследователей вызывает упоминание в ст. 47 о так называемых «кормленных дьяках». Этот вопрос оживленно дебатировался в исторической литературе.

У кормленных дьяков находились специальные книги, в которых был зарегистрирован весь штат кормленческого управления. Отсюда И. И. Смирнов делает вывод, что в руках дьяков «кормленных» был сосредоточен контроль над деятельностью недельщиков, являвшихся также кормленщиками. В отличие от И. И. Смирнова, П. А. Садиков полагал, что перед кормленными дьяками стояли более ответственные задачи, нежели руководство недельщиками, а именно «высшее ведение по делам кормленного управления».

И. И. Смирнов и П. А. Садиков сходятся в одном, полагая, что институт кормленных дьяков являлся формой контроля над местным управлением. В противовес им Б. А. Романов полагает, что ст. 47 не имеет никакого отношения к организации контроля над органами наместничьего управления и что деятельность кормленных дьяков являлась одной из форм надзора за деятельностью центральных органов управления, чьи поручения выполняли недельщики.

Кормленные дьяки являлись одним из важнейших звеньев в системе государственного управления. Поскольку должность недельщиков являлась одной из разновидностей системы кормления, то кормленные дьяки ведали также

недельщиками. Основная же задача кормленных дьяков сводилась к установлению и организации контроля над местным управлением.

А держати неделщику до семи ездоков — закон ограничивает количество должностных лиц недельщика, опасаясь увеличения штата в его аппарате. Увеличение штата ездоков могло привести к сосредоточению всех судебно-исполнительных действий в руках одного недельщика.

А как недельщик из недель выйдет, и тем ездоком в том городе от иных недельщиков не ездити — закон запрещает ездокам по истечении срока кормления недельщика выполнять свои обязанности у других недельщиков. Данная норма отражает характерные черты системы кормления, когда вместе с кормленщиком, отъезжавшим по истечении срока с управляемой им территории, выезжал и весь штат назначенных им, из своих дворовых слуг, органов местного управления. Признавая ездока свободным служащим недельщика (что являлось шагом вперед по сравнению с прежним порядком), Судебник 1550 года оставался еще под влиянием пережитков старины, рассматривавших аппарат кормленщического управления как неотъемлемую часть двора самого кормленщика. Отсюда смена кормленщика влечет смену всех зависимых от него лиц.

А что заговорщик кому учинит какову продажу или обиду... и те иски все взяти на всем заговоре, а его вкинути в тюрму — «заговор» представлял собой своеобразный договор товарищества, все участники которого отвечали всем своим имуществом как солидарные должники. Судебник разграничивает гражданскую и уголовную ответственности. Гражданскую ответственность нес весь «заговор» в целом подобно современному юридическому лицу; к уголовной ответственности привлекался лишь участник «заговора» — физическое лицо.

Ст. 48. (ср. ст. 37 Судебника 1497 года). Являясь дополнением старого Судебника, настоящее постановление требует от недельщиков, с той же целью обеспечения контроля за их действиями, прежде чем брать под стражу наместничьих и волостельских людей вызывать их на суд к местным властям, предъявив последним свои полномочия. Нарушение этого предписания, если обе стороны подпа-

дали под юрисдикцию местных органов власти, а не центрального суда (ср. Правую грамоту 15 января 1552 г.: «...а бой, господине, и грабеж мы свои на Шелехметя и его товарищев в городе вам, государевым воеводам... являли и били челом и в Нижнем, господине, они вам воеводам и старостам несудимы» — Н. П. Лихачев, Сборник актов, вып. II, № XII), влекло применение к недельщику или его ездоку наказания. Если стороны были подсудны различным судебным учреждениям, то суд вершился в Москве (ср., далее, вышеприведенную грамоту: «И мы на них били челом на Москве государю и грамоту судимую и обыскную свезли на них тебе...»).

Ст.ст. 49, 50 (ср. ст.ст. 36, 32 Судебника 1497 года). Оба постановления основаны на нормах прежнего законодательства.

Строго следя за порядком отправления правосудия, Судебник разрешает в случае необходимости «отписывать сроки», то есть по договоренности сторон откладывать сроки рассмотрения дела (ср. АФЗ и Х, ч. I, № 256). Если сроки явки, назначенные истцу и ответчику, были различными, то суд принимал во внимание срок, назначенный ответчиком (ср. АЮ, № 3). Чрезвычайно важным дополнением прежнего законодательства является положение о том, что лицо, виновное в просрочке явки на суд, подвергается определенной денежной санкции («а проести имети на человека на голову на день по три денги»).

Ст. 51 (ср. ст. 64 Судебника 1497 года). В основном воспроизводит постановление старого Судебника. Глава судебной иерархии царь стремился установить контроль за правосудностью судебных решений. С этой целью почти все судные списки исследуемого периода заканчиваются следующим определением: «И о сем судьи рклись доложить государя великого князя (царя и великого князя) или его боярина» (ср. Акты Федотова-Чеховского, т. I, № 75, 76, 82).

Решение суда подлежало безусловному пересмотру, если челобитчик докажет подложность протокола судебного заседания, легшего в основу вынесенного решения при докладе. Поэтому любое заявление стороны о «лживости» судного списка всегда тщательно изучалось (ср. Н. П. Лихачев, Сборник актов, вып. II, № IX).

Ст. 52 (ср. ст. 13 Судебника 1497 года). Руководствуясь требованиями господствующего класса, правительство закрепляет в Судебнике особый порядок расправы с ведомыми лихими людьми. Институты обвинительного процесса все более отступают на второй план. Судебные органы, выступавшие ранее в роли своеобразного арбитра, рассматривавшего предъявленный иск, становятся деятельными участниками раскрытия преступления. В этой новой задаче судебных органов проявляется активная роль надстройки, суровыми мерами стремящейся укрепить феодальный строй. Отсюда рождается стремление любыми средствами обличить преступника и обезвредить его.

Статья 52 рисует розыскной процесс, начинающийся с задержания преступника с поличными. Власти также задерживали всяких проезжих подозрительных людей «необычайных и незнаемых», которые «сказывались неименно и непутно» (см. например, ААЭ, I, № 187, 192, 194). Подобных людей пытали по одной «язычной молвке», то есть по простому оговору. Бродяга в глазах феодального государства был потенциальным преступником.

Расследование дела велось при помощи следующих доказательств: очной ставки, осмотра места преступления, повального обыска и собственного признания.

Розыскной процесс не придавал самодовлеющего значения ни очной ставке, ни осмотру места происшествия. Основными доказательствами являлись повальный обыск и собственное признание. Если при помощи повального обыска, то есть опроса «лучших» жителей волости о том, «лихой» или «не лихой» человек преступник, власти узнавали мнение жителей данной территории, то собственное признание («скажет на себя сам») считалось важнейшим доказательством. Особенно это относилось к признанию, которое давал обвиняемый добровольно.

Если в прежнем Судебнике закон допускал пытку лишь при оговоре (ср. ст. 14 Судебника 1497 года), то здесь пытка после проведения по данному делу повального обыска применяется по всем «татебным» делам.

Повальный обыск вовсе не требовался в случае обвинения дворянами собственных крестьян в учинении разбойного нападения и татьбы. При возникновении подобного обвинения сразу же приступали к пытке.

Пытки производились в особых пыточных башнях. Пытаемых били кнутом, жгли на огне, вздымали на дыбы и рвали у них железными клещами тело (см. АЮ, № 30).

Согласно правил розыскного процесса, чтобы признать подсудимого полностью виновным, требовалось наличие двух-трех доказательств. Признание под пыткой в совокупности с уличающими данными повального обыска являлось безусловным доказательством и влекло для «лихого человека» смертную казнь (ср. выше Белозерскую губную грамоту 1539 года).

Если же доказательства, добытые судом, были противоречивы, то смертная казнь не применялась.

Так, если обвиняемый под пыткой не давал требуемого признания, то он подвергался пожизненному тюремному заточению с обязательством возмещения причиненного потерпевшему вреда.

Если же в отношении обвиняемого при повальном обыске были добыты одобрительные показания, то розыскной процесс уступал место обвинительному процессу, и судебное рассмотрение продолжалось по правилам последнего.

С поличным — под понятием поличного в древности понимали поимку преступника на месте преступления. Впоследствии в понятие поличного был введен признак нахождения похищенного под особой охраной обвиняемого (под его замком). (Ср. ст. 11 Белозерской Уставной грамоты, «Памятники русского права», вып. III, стр. 172). В настоящем случае речь идет о поличном по терминологии Белозерской грамоты.

Ст. 53 (ср. ст. 34 Судебника 1497 года). Статья 53 говорит об обязанностях недельщика при розыске преступников. На недельщика возлагается не только производство ареста, но и содержание преступника под стражей. Закон запрещает недельщику самовольно отпускать заключенных (ср. «по язычной молке разбойника Посника Васильева по Желудевского попа Ивана посыланы недельщики и поп Иван в разбойном деле поиман был и выти разбойны за его воровство взяты на поручикех, да наперед того в разбое на Рязани в тюрьме сидел, а из тюрьмы в Касимов съехал тому три годы... и в разбое отдан был тот поп держаться недельщику и недельщик его с Москвы

спустил...» (Н. П. Лихачев, Сборник актов, вып. II, № XV (IV) от 11 июня 1584 г.).

Отпуск на свободу лица, содержавшегося под стражей, сочетавшийся с получением за это действие взятки, объявляется тяжким должностным преступлением и влечет за собой двойную меру наказания — возмещение потерпевшему вследствие этого истцу причиненного ущерба и уголовное наказание, определяемое волей государя.

Опричных людей ему не имати — производя арест, не задерживать невиновных людей.

Казнити торговою казнью, да вкинути в тюрму — подвергнуть публичному телесному наказанию и заключить в тюрьму. В данном случае речь идет о содержании под стражей не как о мере наказания, а как о мере пресечения до тех пор, пока вынесет свой приговор государь («а в казни, что государь укажет»).

Ст. 54 (ср. ст. Судебника 1497 года). При розыскном (следственном) процессе институт поручительства получает широкое развитие. С целью тщательной регламентации правил применения поручительства закон запрещает недельщикам производство самовольных действий, требуя получения соответствующей санкции для отпуска преступника на «поруки» и воспрещая... без боярского и без дьячего ведома...» превращать татя в холопа.

Недельщик неправомочен распоряжаться свободой человека и отступление от закона влечет для него строгие меры взыскания.

Судебник устанавливает повышенную санкцию за самовольный отпуск «на поруки». Подобное явление может быть объяснено лишь тем, что самовольный отпуск преступника под поручительство весьма часто встречался в судебной практике и требовал особой суровой регламентации.

Ст. 55 (ср. ст. 10 Судебника 1497 года). Проводя последовательно линию на подавление малейших проявлений недовольства существующим строем и защиту феодальной собственности, Судебник 1550 года уделяет много внимания регламентации борьбы с любыми посягательствами на феодальный общественный строй, в первую очередь с преступлениями против феодальной собственности.

Одним из распространенных преступлений против собственности была татьба. Татьба с поличным (ср. ст. 52)

рассматривалась судом согласно правилам розыскного процесса.

Настоящее постановление говорит об обвинении в татьбе при отсутствии «поличного». В этом случае, очевидно, судебное рассмотрение идет по правилам обвинительного процесса, ибо закон не упоминает ни о пытке, ни о проведении повального обыска.

Норма Судебника несколько отлична от современных ему постановлений губных наказов, относящихся к тому же периоду. Так, согласно губному наказу Кириллову монастырю 1549 г., татя за первую татьбу били кнутом, взыскивали с него ущерб, причиненный истцу, продажу в пользу властей и выбивали из земли вон (ААЭ, I, № 224), в то время как Судебник за первую татьбу подвергал виновного телесному наказанию, взыскивал причиненный ущерб, требуя за преступника поручительство при отсутствии которого заключал татя в тюрьму бессрочно, «доколе порука по нем будет».

Различие отдельных деталей в каждой из санкций не меняет существа дела и может быть объяснено лишь различными пределами действия этих актов. Постановления Судебника распространялись на всю территорию Русского государства, и здесь не могло быть речи об изгнании преступников из одного уезда в другой. Согласно закону они всюду были одинаково опасны. Губной же наказ относился к определенной ограниченной территории, и получатели его довольствовались изгнанием опасных элементов с управляемой ими земли.

Если даже обвиняемый не обладал имущественной самостоятельностью, вследствие чего не мог из своих средств покрыть вызванные его действиями убытки истца, все равно он был обязан возместить причиненный ущерб («истцу в его гибели видати головою на правеж до искупа»). Однако в отличие от Судебника 1497 года, в котором на первый план выдвигался материальный интерес истца, Судебник 1550 года требовал от истца-кредитора после погашения долга возвратить обвиняемого судебным органам. Отказ потерпевшего взять на себя обязательство выполнить подобное предписание влек для него отсрочку удовлетворения иска до взятия обвиняемого на поруки каким-либо третьим лицом. Тем самым Судебник 1550 года

отразил возросшую роль государства, подчеркивая преимущество его интересов перед интересами потерпевшего. Закон вводит меры, способствующие предупреждению преступлений. Лицо, хотя бы однажды изобличенное в совершении татьбы, но возместившее причиненный ущерб, обязано представить «крепкую поруку», то есть авторитетное поручительство. Подобное поручительство требовалось на случай обнаружения не известных ранее преступлений данного обвиняемого. При отсутствии поручительства татя ждала бессрочная тюрьма.

Ст. 56 (ср. ст. 11 Судебника 1497 года). Основным принципом уголовного права феодального государства, при помощи которого приводилось к покорности эксплуатируемое большинство, являлся принцип устрашения.

Исходя из этого принципа Судебник карал вторичную татьбу смертью. Этим он несколько отличается от губных грамот, где за вторую татьбу полагались кнут, отсечение руки и изгнание из пределов уезда (см. ААЭ, I, № 224).

Наличие в этой норме византийских членовредительных принципов наказания говорит о влиянии церкви, являвшейся оплотом феодального государства и подсказывавшей правительству формы и виды уголовной репрессии, могущей подавить бунтарские настроения широких народных масс. Подобные суровые меры расправы полностью удовлетворяли и представителей дворянства.

Русское феодальное законодательство в исследуемый период не стремилось к повсеместному введению смертной казни. Согласно ст. 56, как и последующим актам, например, Белозерской губной грамоте 1571 года (ААЭ, I, № 281), осужденных приговаривали к смертной казни, если они под пыткой признавались в совершенных преступлениях, а проведенный обыск удостоверял их принадлежность к «лихим людем». Однако если даже пыткой не добивались у обвиняемых признания, то законодатель, несмотря на «облихование», подвергает виновных пожизненному тюремному заключению, вводя тем самым тюремное заключение как самостоятельную меру наказания, а не как меру пресечения.

Поэтому никак нельзя согласиться с мнением, высказывавшимся буржуазной наукой, что в общерусском праве

цель защиты общества от преступлений и преступников достигалась прежде всего истреблением преступников, то есть путем смертной казни. Русское феодальное уголовное законодательство, как и любое другое феодальное законодательство, было весьма суровым, но, в отличие от западноевропейской судебной практики, русский законодатель не стремился повсеместно применять смертную казнь, а предполагал избирать те виды наказания, которые не были связаны с лишением жизни.

Ст. 57 (ср. ст. 14 Судебника 1497 года). Оговор преступником кого-либо требовал производства немедленных розыскных действий, ибо государство стремилось не выпускать из своих рук возможных правонарушителей. Подтверждение худой славы оговоренного путем обыска вызывало в свою очередь применение пытки. Признание (под пыткой) считалось «царицей доказательств», и виновный присуждался к тому же наказанию, что и ранее изобличенный преступник. Если же по обыску оговор не подтверждался, то оговоренный выпускался на поруки.

Основные положения этой нормы Судебника основаны на соответствующих нормах губных грамот (ср. выше), которые детализировали общие принципы расследования оговора, установленные в Судебниках.

Ст. 58 (ср. ст. 12 Судебника 1497 года). Защищая интересы класса феодалов, Судебник в первую очередь ставил при привлечении обвиняемого к ответственности вопрос: «добрый» ли он человек или «лихой»? Если критерий оценки деятельности «лихого» человека Судебник оставлял прежний, то весьма важным нововведением являлось стремление правительственной власти при борьбе с посягательствами на феодальное государство опереться на свою социальную базу — дворянство. Эта тенденция нашла свое наиболее яркое отражение в увеличении количества лиц, чьи показания требуются для «облихования» обвиняемого. Если Судебник 1497 года ограничивался свидетельством 5—6 детей боярских или «добрых христиан», то новый Судебник, во-первых, увеличивает число подобных свидетелей, а во-вторых, проводит резкую дифференциацию между показаниями детей боярских и «добрых крестьян». Показания 10—15 детей боярских приравниваются к показаниям 15—20 добрых крестьян, что выражает

принципы права — привелегии. «... в обыску сказали детей боярских нижегородцев восмдесят один человек да земских людей целовалников и лутчих людей и середних и молодых сто шездесят четыре человеки...» (ср. Н. П. Лихачев, Сборник актов, вып. II, № XII).

Таким образом, правительство сосредоточивает в руках дворянства решение вопроса об обвинении подозреваемого.

Судебник идет значительно дальше всех предыдущих законодательных актов в разработке вопросов уголовного права, проводит впервые различие между татьбой и мошенничеством.

Истцу не возмещался понесенный ущерб в случае изобличения мошенника. Последний нес уголовное наказание («бити кнутьем»); что же касается гражданского иска, то законодатель, запрещая его удовлетворение, предостерегал тем самым покупателей от излишней доверчивости на торгу.

Целовалников — целовальник, целующий крест, приносящий присягу — выборное должностное лицо местного управления. Целовальники избирались из числа наиболее зажиточных представителей черносошного крестьянства.

Ст. 59 (ср. ст. 8 Судебника 1497 года). Правительство попрежнему направляет всю тяжесть уголовной репрессии на те элементы, которые своими действиями могли поколебать устои феодального строя, посягнуть на экономические и политические привилегии господствующего класса.

С целью выполнения этой задачи составители переносят без особых изменений текст соответствующего постановления старого Судебника в новый общерусский кодекс.

А доведут на кого... подписку — обвинят кого-нибудь в подделке документов (ср. «...эту купчую писал Гришка Шилов, ...а жил тот Гриша на Рязани, да воровал, подписывал руки, наряжал отписи денежных сборщиков Василья Реутова с товарищи и руки их подписывал, да от того с Рязани сбежал...» — (Н. П. Лихачев, Сборник актов, вып. II, № XV(IV); ср. процесс по делу подписчика Власка Иванова, слушавшийся в 1547 году Иваном Грозным. — (А. Барсуков, Род Шереметьевых, кн. 1, стр. 103—127).

Отдати в прогоны — уплатить расходы приставам. М. Ф. Владимирский-Буданов справедливо замечает, что данное постановление является доказательством того, «что центральные суды гораздо ранее потеряли все свойства кормлений».

Ст.ст. 60—61 (ср. ст.ст. 39, 9 Судебника 1497 года). Необходимость жестокого подавления классово-враждебных элементов находит полное отражение в Судебнике. Составители проводят значительную редакционную работу над текстом прежнего законодательства, группируя сходные постановления (ст.ст. 39, 9 старого Судебника) и дополняя существовавшие нормы.

Так, «О татях указ» старого Судебника был перенесен составителями в новый кодекс с целым рядом редакционных дополнений, идущих в первую очередь по пути разграничения компетенции местного правительственного и губного управлений.

Статья 60 отражает постепенное внедрение в жизнь губных органов местного управления.

Составители Судебника, оставив в тексте прежние законоположения о праве наместников и волостелей творить немедленный суд и расправу над лихими людьми, в то же время стремились закрепить обязанность производства розыскных действий и вынесения приговоров по разбойным делам за губными старостами.

Практически большинство «разбойных» дел отошло из компетенции наместничьей власти и рассматривалось губными органами по правилам губных грамот. За наместниками и волостелями сохранилось лишь право контроля за действиями губных властей, выливавшееся, по существу, лишь в сбор пошлин.

Само перечисление разрядов наиболее тяжких преступлений ничем не отличается от подобного перечисления в прежнем Судебнике. Фактически изменялись и приобретали более оперативный характер только формы уголовного процесса. Феодальное государство изыскивало новые способы подавления сопротивления народных масс.

Ст. 62 (ср. ст. 38 Судебника 1497 года). Вопросам деятельности органов местного управления Судебник посвящает целую группу статей (ст.ст. 62—75), в которых

затрагиваются различные стороны деятельности органов управления.

Статья 62 подробно описывает процедуру рассмотрения судебных дел наместниками. Дополняя и редакционно уточняя прежние постановления, составители особое внимание уделяют регламентации взаимоотношений в процессе осуществления правосудия между лицами наместничьего аппарата и местными «добрыми» людьми.

Закон определяет, что делопроизводство в суде ведется параллельно двумя писцами — земским и наместничьим дьяками. Земский дьяк пишет протокол («судное дело»), копию («противень», «слово в слово») изготовляет дьяк наместника. Документ, составленный земским дьяком, то есть представителем интересов местных землевладельцев, и подписанный старостами и целовальниками, присутствовавшими на суде, хранится у наместника, а копия, скрепленная его печатью, у старост и целовальников.

Составители учли возможность неграмотности целовальников и указали, что в этом случае они обязательно получают на хранение копию судного дела. Статья вновь подчеркивает необходимость установления контроля над деятельностью наместников, запрещая рассмотрение дел «...без дворского и без старосты, и без целовалников» (ср. «А наместнику и его тиуну без целовалников и без старосты... и без лутчих людей суда не судить». Уставная Пермская грамота 26 декабря 1553 г. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства, под ред. А. И. Яковлева, М., 1909, стр. 34).

Поскольку ст. 62, воспроизводя ст. 38 старого Судебника, охватывала все детали рассмотрения судебного дела наместником, то составители заканчивают ее дополнением о порядке ответственности истца в случае поражения его на судебном поединке. Подобное дополнение было необходимым, так как такой казус выпал из поля зрения составителей прежнего Судебника.

Потерпевший поражение на судебном поединке истец уплачивал пошлины и отступался от иска, М. Ф. Владимирский-Буданов замечает по этому поводу, что «...различие последствий победы на поле для истца и ответчика ...было большой непоследовательностью во времена Судебника, когда ябедничество (ложный иск) было уравнено

с душегубством (см. ст. 59)». Соображения Владимирского-Буданова основаны на непонимании им термина «ябедничество», под которым закон в тот период подразумевал не ложный иск, а ложный донос или злостную клевету, что отнюдь — не однородные явления. В данном случае речь идет об истце, чей иск признан неосновательным из-за проигрыша поединка. Однако к этому истцу не предъявляются обвинения о заведомой ложности его показаний на суде. Если бы закон при всяком проигрыше дела приравнивал истца к заведомому ябеднику, то вряд ли подобное положение отвечало бы интересам централизованного государства. Под ябедниками законодатель подразумевал лиц, заведомо ложно информировавших суд.

Ст. 63. О кормленщиках «с боярским судом» подробно говорил прежний Судебник (ср. ст.ст. 18, 20, 38, 40, 42, 43 Судебника 1497 года).

Однако ни в старом, ни в новом Судебнике не раскрывалось полностью содержание понятия «боярский суд».

Понятие «боярского суда» издавна интересовало исследователей. Ф. Дмитриев полагал, что кормление с боярским судом обозначало право данного кормленщика рассматривать уголовные дела. Н. Ланге считал, что наместник, имевший право боярского суда, мог рассматривать в своем наместничестве важнейшие уголовные дела с правом вынесения смертного приговора, а также рассматривать иски о холопстве и предоставлять холопам вольную. По Ланге, понятие «боярский суд» означало наличие у наместников тех же должностных функций, что и у введенных бояр в Москве.

По мнению В. О. Ключевского, «боярским назывался собственно суд о холопстве», и «в термине этом заключается указание на предметы подсудности, а не на судью, которому они подсудны». Вслед за Дмитриевым Ф. И. Леонтович утверждал, что в основе понятия «боярский суд» лежит право уголовного суда. М. Ф. Владимирский-Буданов толковал этот термин исходя из привилегий той или иной провинции Русского государства, определенных уставными грамотами. Наличие привилегий определяло существование наместника «с боярским судом».

А. Е. Пресняков связывал «боярский суд» непосредственно с личностью боярина, считая его неотъемлемой привилегией дворцовых верхов.

С. В. Юшков видел в понятии «боярский суд» выражение полной власти наместника.

И. И. Смирнов вкладывает в понятие «боярский суд» право окончательного решения ряда дел, в том числе уголовных и дел о холопстве.

Понятие «боярский суд» включало в себя право разрешения наиболее ответственных судебных дел. Подобные полномочия даровались наиболее привилегированным представителям феодального общества.

С целью отразить в законе те случаи, когда полномочия лица, обладавшего правом боярского суда, в чем-либо ограничивались, появляется новелла Судебника, устанавливавшая пределы компетенции наместников в холопьих делах. У них сохранялось право самостоятельно выдавать докладные и полные грамоты, то есть те акты, согласно которым лицо формально добровольно отдавало себя в холопы. Если же речь шла об отдаче в холопы по решению суда или при наличии беглой грамоты на холопа, то центральное правительство изымало подобные дела из-под юрисдикции наместников и принимало их к своему рассмотрению, дабы не допустить незаконного похолопления свободных лиц.

Ст. 64. Нормы, изложенные в данной статье, исходят из постановления, выработанного на совещании Ивана IV с боярами и освещенного собором в феврале 1549 года. «Царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси с отцем своим Макарием митрополитом и з бояры уложил, что во всех городах Московские земли наместником детей боярских не судити ни в чем оприч душегубства и татьбы и разбоя с полным (поличным), да и грамоты жалованные послал во все городы детем боярским» (ПСРЛ, XXII, ч. 1, стр. 259; ср. С. О. Шмидт, Продолжение хронографа 1512 г., Исторический архив, т. VII, 1951, стр. 296). Это постановление было одним из тех мероприятий, которые гарантировали служилую массу Русского феодального государства от боярского произвола в будущем. Оно являлось этапом в деле уравнения прав и привилегий всех пред-

ставителей господствующего класса, равно как феодальной знати и рядовых дворян.

Тенденции этого постановления являются, по существу, тенденциями всего Судебника 1550 года в целом и пронизывают последовательно и целеустремленно всю политическую программу правительства Ивана IV, в первую очередь обеспечившего защиту интересов дворянства. Дворянство обеспечивало успех внешней политики Русского государства, укрепляло его внутреннее могущество.

Настоящее постановление, установив общее правило о неподсудности служилых людей наместникам, за исключением тяжких уголовных деяний, сохранило за феодалами различных категорий привилегированное положение в государстве. Таким образом, данная статья является одним из важнейших политических стержней Судебника, свидетельствующая об отмирании иммунитетных привилегий — наследия феодальной раздробленности.

В чисто же судопроизводственном отношении настоящее постановление характерно изъятием детей боярских из юрисдикции кормленщиков, за исключением дел о душегубстве, татьбе и разбое с поличным. Дела этой категории подлежали рассмотрению наместниками по правилам губных наказов (ср. ст. 71). С ликвидацией же в 1555—1556 гг. наместничьего управления дела преступников-дворян по тягчайшим уголовным преступлениям переносились на суд царя и бояр в Москву.

По их вопчим грамотам — «вопчие» грамоты, очевидно, не старые именные, а новые «общие» для служилых землевладельцев целого уезда... Такие грамоты до нас не дошли или они пока не разысканы: это не должно удивлять, так как их сохранность как актов по выполнению общего уложения не имела особой цены ни для центральных учреждений, ни для землевладельцев, тщательно хранивших личные жалованные грамоты» (А. Е. Пресняков, Вотчинный режим и крестьянская крепость, ЛЗАК, вып. 1(34), 1927, стр. 190).

Ст. 65 (ср. ст. 40 Судебника 1497 года). За исключением небольшой редакционной правки, статья полностью воспроизводит постановление Судебника 1497 года.

Б. А. Романов комментирует замену в последней фразе выражения «отпустные» словом «полные» грамоты, считая,

что данное постановление обращает внимание не на разрыв отношений холопа с господином, отпускавшим его, а, наоборот, на укрепление зависимости холопа от господина. «Полные» грамоты, закреплявшие состояние холопства, оплачиваются, по мнению Б. А. Романова, господином.

Ст. 66 (ср. ст. 20 Судебника 1497 года). Если ст. 63 закрепляла в законе ограничения компетенции кормленщика «с боярским судом», то ст. 66, развивая указанные положения, устанавливает пределы подведомственности кормленщиков «без боярского суда».

Составители воспроизводят норму Судебника 1497 года, редакционно уточняя ее, например, словами «полных и докладных не давати» и дополняя по уже установившейся традиции диспозицию старой нормы санкцией за ее нарушение. Так, решение, постановленное некомпетентным судьей, объявляется не имеющим юридической силы, и спор подлежит новому судебному рассмотрению («истцом суд с головы»).

Кормленщик, вышедший за пределы своей компетенции, отвечал перед господином холопа в двукратном размере понесенного последним ущерба.

Ст. 67. (ср. ст. 41 Судебника, 1497 года). Ограждая интересы холоповладельца, законодатель в обоих Судебниках ограничивал пределы полномочий тиуна кормленщика и запрещал ему выдачу документации на холопа без соответствующего доклада кормленщику.

Составители дополняют прежнюю норму и указывают на запрещение выдачи правых грамот господину на холопа, если на выдачу подобных грамот не было санкции наместника.

Чрезвычайно важным моментом, свидетельствующим об усилении государственной власти, является установление ответственности тиуна не перед своим господином, а перед вышестоящими органами власти, то есть признание тиуна официальным должностным лицом.

Весь Судебник пронизан стремлением усилить контроль государственной власти над сделками, предметом которых может служить свобода человека (ср. ст. 77). В данном случае тиун, нарушивший установленные правила, заключается под стражу до решения его судьбы царским указом. Однако столь суровое наказание законодатель вво-

дит лишь при выдаче незаконно оформленной грамоты в пользу холопа. Выдача подобной же грамоты в пользу господина не влечет для тиуна столь серьезных последствий. Объявляется ничтожным лишь сам документ.

Подобное различие в санкции ярко характеризует классовую направленность Судебника, не доверяющего тиунам, часто происходившим из числа холопов. Их действия в пользу холопов объявляются уголовно наказуемыми, и тем самым законодатель официально ставит холопа в несоизмеримо худшее положение по сравнению с его господином.

Ст. 68. В целях контроля за деятельностью наместников Судебник много внимания посвящает так называемым «судным мужам», старостам и целовальникам (ср. ст. 19 Белозерской уставной грамоты, ст.ст. 12, 38 Судебника 1497 года: «Памятники русского права», вып. III, стр. 173, 348, 352). Судебник подчеркивает обязательность данного установления, обращая, в частности, внимание на необходимость присутствия указанных выше лиц при разрешении дел кормленщиками. Для законодателя было чрезвычайно важно осуществление старостами и целовальниками контрольных функций над деятельностью наместников, поскольку подобным образом приобретали надлежащий опыт представители дворянства и верхушки зажиточного черносошного крестьянства, могущие впредь самостоятельно разрешать основные вопросы местного управления.

Постановления ст. 68 были одной из вех по пути к упразднению наместничьей системы управления. Предписания этой статьи, обязывающие немедленно избрать старост и целовальников там, где их еще не было, представляли одно из тех мероприятий, при помощи которого русское правительство стремилось ускорить давно задуманную им реформу.

И. И. Смирнов связывает данную статью с речью Ивана IV Стоглавому Собору, где царь указывал: «Да устроил по всем землям моего государства старосты и целовальники и сотцкие, пятидесятцкие по всем городом, и по пригородом и по волостем и по погостом, и у детей боярских, и уставные грамоты пописал. Се судебник перед вами и уставные грамоты: прочтите и рассудите» (см. приложения).

По мнению И. И. Смирнова, Судебник в ст. 68 лишь санкционировал и кодифицировал новый закон, введенный в жизнь еще до принятия Судебника 1550 года путем рассылки на места соответствующих уставных грамот.

Однако Б. А. Романов, говоря о рассылке уставных грамот на места до издания Судебника 1550 года, считает, что Судебник именно потому подробно освещает в ст. ст. 68—70 вопрос о судных старостах и целовальниках, что уставные грамоты об их правах и обязанностях на места разосланы не были.

Институт участия представителей населения в суде наместников, как указывалось выше нашел свое закрепление в постановлениях Белозерской уставной грамоты — Судебника 1497 года, а также в учреждении губных старост в первой половине XVI века. Именно эти постановления послужили основой соответствующих норм последующего законодательства.

Однако процесс развития общественных отношений в Русском государстве вызвал определенную реорганизацию системы представительства, проведенной, по нашему мнению, в период после восстания 1547 года. Восстание послужило толчком к пересмотру законодательства, и в первое же время после Московского восстания и мятежей в русских городах могли быть выработаны и разосланы по городам постановления по отдельным, наиболее важным вопросам управления.

Следует полагать, что рассылка уставных грамот предшествовала закреплению соответствующих постановлений в Судебнике.

Проводя аналогию с рассылкой на места грамот, извещающих дворянство о принятии закона от 28 февраля 1549 года (ср. ст. 64), можно считать, что подобным путем вырабатывались все важнейшие законодательные акты правительства Ивана IV.

Анализ отдельных деталей постановлений ст. 68 показывает, что, в случае принадлежности каждой из сторон к различным волостям, подчиненным управлению одного наместника, на суде присутствовали старосты и целовальники из каждой волости, составляя довольно большую судебную коллегию (ср. «всех рук у розъезжего списка детей боярских и поповых приложено тритцать рук».

Разъезжая грамота 29 октября 1554 года, Акты Юшкова, ч. 1, № 175).

Статья 68, перекликаясь со ст. 62, подтверждает обязательность ведения судебного протокола в наместничьем суде земским дьяком и представителем местного самоуправления (ср. «А целовальников, кому у них в суде сидети и на розсылке быти, и диака земского, кому у них судные дела писать... всем рыболовлям лутчим и середним и молодчим людем, выбрати у собя в Рыболовле слободе, кого меж себя излюбят всею Рыболовлею слободою...» Уставная грамота Переяславским рыболовам. 15 августа 1555 года, ААЭ, 1, № 242).

Ст. 69. Статья является новеллой законодательства, появившейся в результате стремления составителей максимально приблизить судопроизводство к удовлетворению потребностей дворянства. Закон устанавливает, что в случае обжалования приговора в первую очередь рассматривается судный список. Если кто-либо из сторон «оболживил» список, то в качестве свидетелей вызывались целовальники, дворский, старосты, присутствовавшие при рассмотрении этого дела в первой инстанции. Подтверждение ими правильности судного списка и полное соответствие его с копией, хранящейся у целовальников, было абсолютно определенным доказательством правильности вынесенного приговора (ср. «А ищею... Обляза Семенова сына Лодыгина велел судьям по сему списку обвинити, потому, что он сей судный список лживил да слался на своего судью... да на судных мужей, которые в сем списку писаны... и судья его же... сказал по крестному целованию, что... суд таков был.., а судные мужи, став перед великим князем, сказали, по крестному же целованию, что перед ними обоим истцом суд таков был, как в сем списку писано...» — Н. П. Лихачев, Сборник актов, вып. II, № IX).

При наличии несогласованности судного списка с показаниями судных мужей ответственность нес судья или же судные мужи, скрепившие своей подписью неверный протокол судебного заседания.

Воспроизведение этой нормы позднее в Стоглаве (ср. «... священники, которые у них (патриарших бояр. — *Авт.*) в суде судят к тем судным спискам, к обоим которые у бояр останутца и руки которыи у целовальников будут

свои прикладывают, чтобы было брежно и тех бы дел не переделывали и не переписывали, да те судные списки держати дьякам у себя в ларце, за боярскими печатьми, по цареву Судебнику, а подъячим не давати, доколи те судные списки бояре перед святители положат и обоих истцев перед нами поставят». Макарьевский Стоглавник Труды Новгородской губернской ученой архивной комиссии, Новгород, 1912, стр. 95), показывает, что русское правительство, вводя строгие правила проверки правильности обжалования приговоров, придавало особое значение укреплению авторитета судебного решения. В то же время эта норма свидетельствует о крайне усилившемся значении письменных доказательств в русском процессе.

Ст. 70. Стремясь всеми мерами обеспечить контроль за действиями кормленщиков и их должностных лиц, Судебник вводит норму, согласно которой агенты кормленщика («люди» — по терминологии закона), прежде чем брать под стражу местных жителей, преданных суду или же уже осужденных и не имеющих за себя поручителей, обязаны этих жителей представлять местным выборным властям.

Настоящее постановление давало возможность дворянству на местах воспрепятствовать могущим возникнуть злоупотреблениям агентов кормленщика.

Как и все постановления Судебника, ст. 70, помимо диспозиции нормы, излагает и санкцию: агент кормленщика возмещает в двукратном размере причиненный ущерб незаконно задержанному, а также оплачивает «безчестие».

В противовес агентам центрального правительственного аппарата, которые за преступления по службе подвергались торговой казни и тюремному заключению (ср. ст. ст. 53, 54), агенты кормленщика отвечали лишь в пределах денежных взысканий. Подобное различие следует объяснить тем, что закон смотрел на доводчиков и праведчиков, о которых говорит ст. 70, как на личных слуг кормленщика и не считал их официальными должностными лицами.

Велети старостам и целовальникам, которые... в суде сидят — представлять выборным лицам, осуществляющим судебные функции. Данная формула говорит о недопустимости заключения под стражу без постановления суда,

Прикащикам городовым — городовой приказчик — выборное лицо из числа жителей посада, выполнявшее также судебные обязанности и присутствовавшее на суде наместника в качестве представителя посада.

Кто тем людем род и племя — кто является родственником тех людей. Родичи задержанного получали право предъявления обвинения к наместничьим людям по поводу незаконного задержания.

Ст. 71. (ср. ст. 43 Судебника 1497 года). Многих исследователей интересовал вопрос о соотношении в Судебнике постановлений, относящихся к институтам обвинительного и розыскного процессов.

С этой целью интересно проследить соотношение ст. ст. 60 и 71 Судебника. Если ст. 60 говорит, что ведомых разбойников наместники обязаны сдавать губным старостам, то ст. 71 говорит как будто об обычном процессе по тем же делам и у наместников, волостелей и их агентуры, которым лишь запрещается вынесение окончательного приговора без доклада вышестоящему судье. Это противоречие И. И. Смирнов разрешает следующим образом: «Сохраняя в силе принцип немедленной казни наместниками ведомых лихих людей, Судебник 1550 года вместе с тем чрезвычайно суживает область причинения этого принципа, изымая из сферы компетенции наместников значительную часть дел о ведомых лихих людях». И. И. Смирнов оспаривает мнение Владимирского-Буданова о том, что наместники при рассмотрении дел руководствовались теми же началами следственного судопроизводства, которые узаконены в губных грамотах и ст. ст. 52, 55, 58 Судебника. «Искусственность этого толкования бросается в глаза, — говорит И. И. Смирнов, — губные грамоты устанавливают не порядок деятельности наместников, а как раз наоборот — определяют круг дел, изымаемых из ведения наместников».

Толкование И. И. Смирнова в данном случае вызывает возражения. Действительно, губные грамоты определяли круг дел, изымаемых из ведения наместников, однако это вовсе не означало, что наместники не могли руководствоваться процессуальными правилами, закрепленными в губных грамотах.

Б. А. Романов полагает, что у составителей Судебника не было и мысли о противоречиях между ст. ст. 60 и 71.

Статьи 52—61 являлись уложением о наказании по уголовным делам и отсюда в ст. 60 решается вопрос о мерах наказания в отношении «ведомых лихих людей» и о разграничении компетенции наместников и губных старост. Статья 71 вошла в уложение о наместничьем суде и ведет речь, по мнению Б. А. Романова, о том, как подчинить волю наместника контролю центральной власти, не интересуясь степенью наказания преступников.

Мы полагаем, что коллизию ст. ст. 60 и 71 можно разрешить иначе. Как известно, накануне издания Судебника 1550 года губные учреждения еще не были повсеместно введены. Постепенное внедрение в жизнь столь важного учреждения отразилось на тексте закона. Составители Судебника, оставив в тексте прежние законоположения о праве наместников творить немедленный суд и расправу над лихими людьми, в то же время должны были с наибольшей отчетливостью выразить новые тенденции, возлагающие производство розыскных действий на губных старост. Таким образом, рождалась коллизия в законе.

С одной стороны, закон сохранял старую норму о немедленной расправе местных органов государственной власти с лицами, посягающими на феодальный строй; с другой стороны, передавал наиболее тяжкие уголовные преступления (разбои) в ведение новых учреждений, а именно губного управления. Практически большинство подобных дел вышло к середине XVI века из ведения наместничьей власти.

Стараясь, однако, проводить осторожную политику и подготавливая постепенно упразднение органов наместничьего управления, правительство устанавливает и иной путь сужения юрисдикции, а тем самым и полномочий наместничьей власти. В ст. 71 правительство вводит запрещение наместникам вершить судьбу татей и всяких лихих людей без доклада. Можно полагать, что правила, устанавливавшие обязательность доклада наместников по лихим делам в Москве, относились в первую очередь к делам, где в качестве обвиняемых выступали представители служилого сословия. Подобное предположение дает возможность найти еще один вариант согласования норм ст. ст. 60 и 71. Кому следовало докладывать, Судебник не говорит, но, поскольку губные грамоты говорят о боярах, «которым раз-

бойные дела приказаны», то можно полагать, что доклад вносился в центральное ведомство, являвшееся прообразом будущего Разбойного приказа.

Таким образом, становится ясной тенденция правительства сосредоточить все разбойные дела в едином центральном органе, предоставив ему всю полноту власти в этом вопросе.

Отсюда вытекает, что в борьбе с разбоями и им подобными преступлениями применялся розыскной процесс, формы которого были едины как для губного, так и для наместничьего суда.

Ст. 72. Среди процессуальных постановлений Судебника, относящихся по существу к тому виду процесса, который мы ныне именуем гражданским процессом, чрезвычайно характерными для феодального законодательства являются нормы данной статьи, устанавливающей, что при предъявлении посадскими или волостными людьми иска возможность его удовлетворения зависит от наличия у истца своего имущества («живота»).

Основанием оценки правильности исков были разметные или окладные книги для горожан, а для крестьян — свидетельства целовальников. Обыск и справка по разметам проводились по требованию ответчика.

Таким образом, Судебник вносит и в область чисто гражданского процесса начало розыска. Розыск фактически определял исход дела, ибо если следственные данные показывали несоответствие имущества истца по ценности предъявляемому им иску, то не ответчик, а он оказывался виновным, уплачивал судебные пошлины и мог быть обвиненным в ябедничестве, являвшемся, с точки зрения феодального права, тягчайшим преступлением (ср. ст. 59). При таком положении дел от участия в судебном процессе отстранялись не столько заведомые сутяжники, сколько те элементы, которые в силу своей имущественной недостаточности или принадлежности к феодально-зависимым категориям общества не могли тягаться с более знатными или обеспеченными представителями феодального общества. Эта норма Судебника также является ярким выражением феодального права, однако с той оговоркой, что в основу привилегированного положения кладется не сословное начало, а наличие имущественного достатка. Возникновение

данной нормы свидетельствует об интенсивном развитии товарно-денежных отношений в Русском государстве середины XVI века и об их влиянии на развитие правовых норм.

Однако значение ст. 72 не исчерпывается чисто процессуальными постановлениями. В ней также разрешаются составителями некоторые общие принципы построения центральных органов власти и разграничения их компетенции.

Перед составителями Судебника стояла задача — определить компетенцию центральных ведомств и порядок подчинения им.

Останавливаясь на характеристике московской приказной системы, Б. М. Сыромятников указывал, что рассмотрение дел в приказах могло происходить по самым различным основаниям, ибо ведению центральных органов подлежали как определенные категории и разряды лиц, так и определенные территории. Помимо этого, центральные ведомства осуществляли судебно-административные функции в отношении своих должностных лиц, а также ведали различными видами государственного имущества. При таком положении вещей в Москве стоило немало труда для «разных чинов людей» определить место своей подсудности, узнать, «где кто судим», в каком приказе.

И. И. Смирнов полагает, что Судебник 1550 года полностью разрешил вопрос о компетенции и полномочиях приказов, установив в ст. 72 в качестве основного принципа построения приказной системы территориальный принцип.

Ссылаясь на указание закона об отсылке разметных книг «на Москву к тем боярам и к дворецким, и к казначеем, и дьяком, у кого будут которые городы в приказе», И. И. Смирнов приходит к выводу, что «ст. 72 ... с бесспорностью устанавливает территориальный характер суда по приказам».

Точка зрения И. И. Смирнова основывается на высказываниях А. Д. Градовского, писавшего, что в Русском государстве «вместо границ «в натуре» мы видим расписание городов и уездов по приказам, которые и являлись областным правительством разных земель Московской державы» (см. А. Д. Градовский, История местного управления в России, Соч., т. 2, стр. 231). Однако Гра-

довский указывал, что существовавшие областные приказы не могли удовлетворить потребности административного единства и вскоре уступают место приказам, выработанным на новых началах.

Таким образом, Градовский не мог полностью отстаивать принцип территориальной организации приказов.

Если признать правильным мнение И. И. Смирнова, то нельзя будет охарактеризовать деятельность организованного в исследуемый период Челобитенного Приказа, являвшегося своеобразным органом государственного контроля на всей территории Русского государства.

Разделяя точку зрения И. И. Смирнова, можно прийти к явно неверному выводу, что указания Белозерской губной грамоты 1539 года о боярах, «которым разбойные дела приказаны», или Губной грамоты Кириллова монастыря 1549 года, находившегося в Белозерском уезде, об отсылке татей к «боярам, которым приказаны разбойные дела», свидетельствуют о том, что особый центральный орган ведал борьбой с лихими людьми только на территории Белозерского уезда.

Как правило, компетенция центральных учреждений охватывала большое количество вопросов, не ограничивая их деятельность пределами определенной территории. Так, например, Посольский приказ в XVI веке ведал внешними сношениями, внешней торговлей, делами приезжих иноземцев, а также татар, живших в пределах Русского государства. В подчинении же Посольского приказа находилась Новгородская четверть.

Территориальный характер лежал в основе первоначальной организации большинства центральных ведомств, затем постепенно терявших свой территориальный характер.

В период создания Судебника происходил процесс реорганизации центрального управления. В обстановке развертывавшегося государственного строительства составители Судебника не сумели четко сформулировать и отразить в законе основные виды компетенции центральных ведомств и ввели в текст закона то, что было для них «стариной» — территориальный характер подчинения приказов. Однако эта внешняя форма не дает оснований для упрощенной трактовки исследуемого вопроса.

Хотя Судебник и не отразил в законе всей многогранной и сложной деятельности органов центрального управления, но, сопоставляя его с другими дошедшими до нас источниками, можно утверждать, что в период принятия Судебника деятельность центральных ведомств не ограничивалась определенной местностью, а распространялась, как правило, на всю территорию Русского государства.

А которого году староста и целовальники разметных книг к Москве не пришлют и в том году им на наместника суда не дати — канцелярия местного самоуправления ежегодно снимала две копии с разметных книг: одна посылалась в Москву, другая хранилась на месте. Составление разметных книг было весьма трудоемким делом, и, очевидно, необходимо было специальное указание в законе, чтобы заставить аккуратно доставлять в Москву копии разметных книг. Угроза отказа в принятии челобитных на кормленщиков была весьма действенна, и составители Судебника используют ее, чтобы обеспечить выполнение предписаний закона.

Ст. 73. Статья дополняет предыдущее постановление, рассматривая казус, когда у истца было незаконно изъято (в бою или грабеже) чужое имущество. В этих случаях производится следствие, ставящее своей целью проверку утверждений истца. В зависимости от добытых результатов истец либо выигрывает спор, либо обвиняется в ябедничестве.

Чрезвычайно интересен вопрос, ставящийся собственнику изъятого имущества, каким образом имущество было передано истцу. Следует полагать, что именно разрешение этого вопроса и позволяло вынести суждение об обоснованности требований истца.

Ст. 74. (ср. ст. 65 Судебника 1497 года). В основе настоящего постановления лежат нормы старого Судебника, редакционно уточненные и дополненные санкцией за нарушение предписаний закона (о практике назначения двух кормленщиков на одно кормление см. грамоту Ивана IV 1553 года о пожаловании Бреху и Ивану Садыковым поворотного в Ярославле на два года в кормление — Акты Юшкова, № 167).

А случится у них суд вопчей... — А будет у них суд сместный, то есть будут слушаться дела лиц разной подсудности.

Ст. 75. (ср. ст. 45 Судебника 1497 года). Постановления ст. 75 воспроизводят нормы ст. 45 Судебника 1497 года, согласно которой местные жители имели право предъявления иска к своим наместникам или лицам их аппарата. Эта своеобразная форма контроля над деятельностью органов государственной власти не могла удовлетворить широкие массы дворянства, и в результате появляются нормы ст. 75, значительно развивающие старое законодательство.

Закон регламентирует порядок и срок явки наместников на суд (7 дней на 100 верст); вводит обязательность немедленной явки наместников и должностных лиц их аппарата по разбойным и приказным (должностным, связанным с отправлением высших государственных обязанностей) делам, требуя, однако, установления немедленной явки лишь по постановлению боярской думы.

Статья 75 вызвала оживленную дискуссию в литературе. Анализируя данную статью, И. И. Смирнов пришел к выводу, что решения боярской думы «представляют собой реализацию царского повеления о привлечении наместников к ответственности по наиболее тяжким преступлениям». Считая, что к наместникам не предъявлялись иски во время исполнения ими своих служебных обязанностей, Смирнов полагает, что Судебник устанавливает льготы для наместников, и лишь по должностным и разбойным делам эти льготы на них не распространялись. Б. А. Романов, рассматривая ст. 75 в связи с данным И. И. Смирновым комментарием, не соглашается с мнением И. И. Смирнова об установлении в Судебнике льгот наместникам. О какой льготе может быть речь, говорит Романов, если Судебник низводит съехавшего с «жалования» наместника до роли простого ответчика, подлежащего обязательному обвинению в случае неявки в суд.

При выработке постановлений об ответственности наместников законодатель, как это свидетельствует вся дальнейшая политика Ивана IV, отнюдь не был заинтересован в создании особых льгот для наместников; наоборот, он являлся поборником введения строжайшей ответственности должностных лиц наместничьего управления за совершение преступных действий (ср. ст. 71). Однако было совершенно ясно, что, допустив вызов кормленщиков на суд по любому

иску, правительство тем самым внесло бы полную дезорганизацию в местное правительственное управление.

Этими же причинами следует объяснить запрещение вызова наместников на суд по разбойным и приказным делам «по записи» одного боярина и дьяка. Наличие коллегиального решения боярской думы гарантировало правительство, во-первых, от возможных случаев использования обвинения наместников отдельными представителями центрального государственного аппарата в личных корыстных целях, а во-вторых, являлось одной из форм проявления деятельности органов сословно-представительной монархии. Защитница интересов боярства — боярская дума — решала вопрос о возможности предъявления обвинения наместнику и волостелю, — как правило, представителям верхушки господствующего класса.

Статьей 75 Судебник заключает группу своих постановлений, регулирующих деятельность наместничьего управления.

Ст. 76 (ср. ст. 55 Судебника 1497 года). Русское правительство уделяло большое внимание институту холоповладения, поскольку холопы вместе с зависимыми крестьянами составляли основную рабочую силу феодального хозяйства. В силу этого в Судебнике содержится целый раздел (ст. ст. 76—81), включающий постановления, непосредственно регулирующие отношения холопства. В этом разделе законодатель излагает нормы, определяющие порядок возникновения и прекращения холопства (в любой его форме), регулирующие споры холоповладельцев о принадлежности им одного и того же холопа, а также устанавливающие определенным категориям феодального общества препятствия для поступления в холопы.

Постановления Судебника о холопстве представляют собой как бы итог законодательной политики правительства в этом вопросе. Это подтверждается тем, что статьи о холопах, в отличие от большинства иных постановлений Судебника, объединены общим заголовком «А о холопстве суд».

А. И. Яковлев считает, что постановления о холопстве и холопах, как вкрапленные в статьи Судебника, по своему основному содержанию как специально посвященные холоповладению, являются «не схемой, рационалистически со-

ставленной именно в этом году (1550 г. — *А. П.*), а сжато формулированным наслоением нескольких указов, изданных за период 1497—1550 гг. и теперь конспективно и довольно беспорядочно сгущенных в эти статьи Судебника».

Статьи о холопах, вероятно, являются воспроизведением ранее изданных указов великокняжеской и царской власти, издававшихся в порядке дополнения к Судебнику 1497 года.

Что же касается, по мнению А. И. Яковлева, плохой юридической техники русских кодификаторов, выявленной ими при разработке вопросов холоповладения, то налицо неправильная тенденция, часто, к сожалению, господствующая в трудах этого исследователя, к модернизации требований, предъявляемых к законодательным актам древности. В условиях Русского государства середины XVI века постановления о холопстве сформулированы четко и с предельной юридической грамотностью.

Дополнения и отличия постановлений ст. 76 от норм первого Судебника заключаются в установлении порядка, согласно которому должность тиуна не влечет за собой для лица, ее занимающего, немедленного перехода в холопство. Тем самым правительство становится на позиции охраны интересов, в первую очередь посадского населения, в своей основной массе более практически приспособленного к административной практике, что было очень важно для занятия тиунской должности. Похолопление требует обязательной санкции государственной власти и даже по сельскому ключу «без докладные» не проявляется состояние холопства. Так, например, еще до издания Судебника в 1547—1549 гг. встречаются лица, получившие «ключ» в селах Иосифо-Волоколамского монастыря, и являвшиеся свободными («Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в.», под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина, М., 1948, стр. 17, 22).

Не менее важным дополнением к постановлениям о холопстве, равно трактующем ряд вопросов феодального семейного права, является воспрещение родителям-холопам продажи в холопство своих детей, рожденных ими в состоянии свободы. Такое же воспрещение распространяется и на детей родителей-монахов, рожденных ими до пострижения.

Родители имели право продажи своих детей в холопы. Из текста Судебника следует, что самопродажа детей в холопы не фиксировалась в законном порядке без согласия на то родителей. В то же время ст. 76 лишает родительских прав родителей-холопов и родителей-иноков, тем самым как бы ставя их вне общей юрисдикции и возлагая на закон охрану прав их детей.

Запрещая родителям продавать в холопство своих детей, рожденных до похолопления или до пострижения, правительство сохраняло за собой возможность некоторого воспрепятствования росту холопов. В то же время данная норма могла служить барьером на пути произвольных действий холоповладельцев, могущих путем использования зависимости холопов-родителей поработить их и их детей.

По приданой робе холоп, а по холопе раба — на Руси издавна господствовало правило, согласно которому вступление в брачные отношения с холопом или холопкой влекло превращение супруга в холопа (ср. ст. 110 Пр. Пр.). Статья 76, подтверждая это правило, указывает, что женитьба на холопке, вошедшей в состав приданого жены, и выход замуж за холопа, являвшегося частью приданого, включало другого супруга, входившего в состав холопов мужа, в число холопов жены.

Ст. 77 (ср. ст. 18 Судебника 1497 года). Правительство не доверяло в вопросе о холопах наместничьему аппарату. Это недоверие сводилось в частном вопросе о выдаче отпускных грамот к тому, что в ст. 77 по сравнению со ст. 18 Судебника 1497 года уменьшается количество лиц, имеющих право выдачи подобных документов. Если Судебник 1497 года предоставлял это право всем наместникам с боярским судом, то ныне оно сосредоточивается в руках московских бояр и крупнейших наместников: новгородского и псковского.

Даже господин холопа не вправе дать ему отпускную без боярского доклада. Несомненно, что данная норма явилась результатом судебной практики, на основе которой создавался Судебник 1550 года.

Судебные процессы лиц, подделывавших документы, послужили толчком к введению в текст закона нормы об удостоверении представителями власти таких важных документов, как отпускная грамота.

Ст. 78. Предыдущее русское законодательство умалчивало об институте кабального холопства, хотя подобные отношения возникали уже в конце XV века (см. «Памятники русского права», вып. III, стр. 62).

В период принятия нового Судебника законодатель уже не может обойти молчанием вопрос о положении той части свободного населения, которое в силу своей экономической несостоятельности попадает в зависимость от имущих представителей феодального общества.

Судебник в ст. 78, отражая рост товарно-денежных отношений, упоминает в числе этих имущих представителей не только феодально-привилегированные слои, но и «всяких людей», то есть купеческую верхушку города, сосредоточивавшую в своих руках крупные состояния.

Перед законодателем стояла задача так сформулировать нормы, связанные с институтом кабального холопства, чтобы не лишать лиц, попавших в зависимость, возможности получить свободу и в то же время способствовать удовлетворению потребностей господствующего класса в рабочей силе, что являлось насущным вопросом всей общественно-политической жизни Русского государства середины XVI века. Введение законом определенных препятствий на пути к окончательному порабощению кабального человека толкало свободных людей к этой форме зависимости, сохранявшей иллюзорные надежды на свободу. Фактически же служилая кабала являлась одной из ступеней к дальнейшему втягиванию в орбиту феодально-крепостнической эксплуатации новых широких контингентов свободного населения.

Между исследователями шел спор о том, какие отношения лежат в основе кабального холопства. Одни считали, что кабальное холопство — это холопство из займа (М. Дьяконов), другие полагали, что служилая кабала вытекает из договора личного найма (М. Ф. Владимирский-Буданов).

Статья 78 сходна с договором займа. Работая у лица, выдавшего деньги, кабальный отрабатывал проценты и обязан был вернуть взятую сумму.

Закон устанавливает, что долг не может превышать 15 рублей. Однако лица, давшие ранее служилую кабалу на большую сумму, обязаны были отрабатывать свой долг.

Судебник устанавливает порядок, согласно которому служилые кабалы имеют силу лишь при условии их регистрации холоповладельцем.

Закон требует обязательной регистрации и старых служилых кабал, данных на сумму больше, чем 15 рублей, и только при условии их регистрации холоповладелец мог защищать в суде свои права.

Таким образом, Судебник устанавливает два этапа проверки старых кабальных записей: регистрацию и судебное рассмотрение.

Данное постановление было попыткой провести детальную ревизию массовых случаев кабального похолопления.

Б. А. Романов, рассматривая это постановление Судебника, полагает, что процессы, возникавшие по делам о расчете по служилым кабалам предшествующего Судебнику времени, являлись эпизодами внутриклассовой борьбы. За спиной истца-холопа стоял его будущий господин, требующий от холопа развязать отношения с его настоящим господином.

Процессы о фиктивности кабальной записи могли вызываться стремлением нового господина переманить к себе холопа.

Интересы холоповладельцев были предметом внимания и заботы составителей Судебника. Достаточно упомянуть о строгих правилах закона, запрещающих заключение служилой кабалы несвободным человеком. Так, например, если наниматель возьмет кабалу на чужого холопа, не дознавшись предварительно, является ли лицо, вступающее в кабальные отношения, свободным человеком или холопом, то при предъявлении иска старым господином новый господин теряет данную по кабале сумму, и если при этом холоп — беглый и обворовал при побеге своего господина, то новый владелец кабального холопа обязан не только возвратить холопа, но и возместить ущерб, причиненный беглецом прежнему хозяину. Последнее постановление было крайне необходимо, ибо кабальное холопство служило одним из средств обращения в феодальную зависимость так называемых «гулящих людей» (см. А. М. Панкратова, Наймиты на Руси в XVI веке, Сборник «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия» М., 1952, стр. 210). Введение санкции за включение в состав своей челяди холопа

другого господина вынуждало феодалов тщательно проверять личность человека, заключавшего кабалу, прежде чем вступать с ним в эту сделку.

Общая линия экономического развития приводила к установлению полной зависимости кабальных людей. Обязываясь «за рост работать» своему господину (см. Акты Юшкова, № 106, 107, 108), кабальный человек обычно не имел средств выплатить взятую по кабале сумму денег и оставался пожизненно в составе людей феодала. Лишь после смерти феодала по установившемуся обычаю кабальные люди могли рассчитывать на свободу.

Ст. 79. С целью воспрепятствования возникновению спора о праве на холопа настоящее постановление оговаривает необходимость совершения акта похолопления в присутствии поручителя («знахоря»), удостоверяющего, что лицо, поступающее в холопы, не находится в чьей-либо зависимости. При отсутствии такого свидетеля первоначальное право при тяжбах признается преобладающим, и последующий холоповладелец не только теряет уплаченные им деньги, но и должен удовлетворить иск прежнего хозяина, если бежавший холоп причинил последнему ущерб («А снос старого государя взяти на том, кто положит новую полную или докладную...»).

При наличии же «знахоря», все возмещение ущерба, причиненного неверным свидетельством новому приобретателю холопа, обращается на этого «знахоря».

С помощью данной нормы закон как бы возводит в обязательное правило поручительство за холопа, препятствует возможным случаям многочисленных злоупотреблений, которые могли возникнуть на почве столкновения прав на холопа.

Ст. 80 (ср. ст. 56 Судебника 1497 года). В отличие от предыдущего Судебника новая норма закона освобождает от состояния холопства холопа, бежавшего из плена от любого противника, а не только из татарского.

В случае бегства холопа за границу (весьма вероятно, что это бегство происходило с поля боя) и последующего затем возвращения холопа на родину он не подлежит освобождению, если только его хозяин не даст ему в предусмотренном законом порядке свободу. Эта норма ярко отражает крепостническую идеологию эпохи. В глазах

современников холоп должен был быть предан своему господину не за страх, а за совесть, и даже измена господина не дает право холопу на освобождение.

До нас дошло яркое выражение подобных отношений к холопу в послании Ивана IV к Курбскому, где он восхваляет холопа Курбского — Василия Шибанова, пойманного воеводами и сообщившего царю об измене своего господина.

Со свойственной ему язвительностью Иван IV пишет: «Какоже не страмишися раба своего Васки Шибанова? Еже убо он свое благочестие соблюде, пред царем и предо всем народом, при смертных вратех стоя, и ради крестного целования тобе не свершеся, и похваляя и всячески умряти за тобе тщащеся» («Послания Ивана Грозного», стр. 13).

В глазах царя Василий Шибанов служил образцом благочестия, ибо даже перед страхом смерти он не изменил присяге, данной своему господину.

Именно этими мотивами всемерного поддержания и укрепления феодальной зависимости и продиктована ст. 80.

Ст. 81. Статья тесно связана с постановлениями о кабальном холопстве. Она запрещает принимать в холопы представителей господствующего класса, за исключением отставленных от службы.

Спор между исследователями шел по линии выявления вопроса о том, чьи интересы защищала данная норма закона. Так, М. Ф. Владимирский-Буданов полагал, что здесь налицо защита государством своих собственных интересов, выражавшихся в нежелании потерять часть воинского контингента. Эту точку зрения воспроизвел Б. А. Романов, считающий, что в Русском государстве было «полное политическое равнодушие к личной свободе сына боярского». Другую точку зрения высказал И. И. Смирнов, считавший, что нормы ст. 81 защищали интересы дворянства, препятствовали его деклассированию и способствовали консолидации дворянской массы.

Для правильного понимания данного постановления следует обратиться к более позднему документу.

Речь идет об известном послании царя Ивана IV опричнику Василию Грязному, попавшему в плен к крымским татарам и просившему царя обменять его на находившегося

в русском плену крупного татарского вельможу Дивея-Мурзу.

Ответ Ивана IV Грязному красочно рисует отношения царя к рядовым воинам. В первую очередь перед царем встают интересы государства. Иван IV указывает, что Грязной происходит из страдников, которых царь приблизил из-за измены князей и бояр. Подчеркивая тем самым малое значение Грязного, царь далее пишет: «тебе, вышедши из полону, столько не привесть татар, ни поимать, сколько Дивей крестьян пленит. И тебя, ведь, на Дивея выменити не для кристьянства — на кристьянство: ты один свободен будешь, да приехав по своему увечью мешать станешь, а Дивей приехав учнет воевати да несколько сот кристьян лутчи тебя пленит. Что в том будет прибыток?» («Послание Ивана Грозного», стр. 194). Следовательно, Ивана Грозного в первую очередь волнуют интересы укрепления и безопасности государства. В силу этого Грозный готов поступиться своим любимцем, только бы не допустить освобождения одного из полководцев противника, могущего нанести немалый вред Русскому государству.

Феодальное правительство Ивана IV решало судьбы детей боярских в свете общегосударственных интересов. Стране нужны были воины, а дети боярские были тем основным резервом, откуда черпались контингенты русских вооруженных сил. Отсюда и вытекает категорическое запрещение закона переходить детям боярским в «холопи».

Б. А. Романов полагает, что данная норма свидетельствует о прикреплении детей боярских к военной службе и что не может даже идти речь о защите в ст. 81 интересов дворянства. Это утверждение Б. А. Романова не может быть принято. Правительство понимало, что укрепление позиций дворянства способствует усилению государства и поэтому вело политику благоприятствования интересам дворянства, обеспечивая их в случае отставки от службы по болезни, старости и т. п., а также и их семьи в случае смерти главы семьи (ср. «...Михайла на нашей службе в немецком в летнем походе убили немецкие люди... Пожаловал есьмя тем поместьем Михайлова жену Аксакова Марицу да Михайловых детей Аксакова Баушка да Данилка в поместьях со всеми угодьи, а Баушка — де ныне трех лет,

а Данилка году...» Ввозная грамота Ивана IV вдове Марье Аксаковой с сыновьями 1574 году. Акты Юшкова, № 202).

Таким образом, правительство не бросало на произвол судьбы отставного служилого человека и его семью. Разрешение же в законе детям боярским «которые государь от службы отставит» относилось к тем элементам господствующего класса, которые в силу каких-либо причин отставлялись от службы без сохранения земель «на прожиток» и тем самым ставили себя вне господствующего класса. К судьбе подобных элементов у правительства появлялось в полном смысле политическое равнодушие.

Правительство защищало интересы лишь тех представителей господствующего класса, которые могли оказаться опорой правительственных мероприятий. Что же касается тех лиц, кто поставил своими действиями себя вне господствующего класса, то их судьба не волнует правительство. Этим «изгоям не остается ничего другого, как бить сильным мира сего челом на службу. Можно предполагать, что из таких изгоев» вырастали закаленные в боях холопы — наездники, стрелки, которые так ценились в любом боярском доме.

Таким образом, можно считать, что постановления этой статьи выражали заботу государства как об укреплении вооруженных сил, так и о защите личной свободы дворянства — основного контингента русского войска. Одновременно эта статья отражает два основных направления политики правительства Ивана IV: 1) защиту интересов государства и его основной опоры дворянства и 2) втягивание любого лица, находящегося вне рядов привилегированной части феодального общества, в орбиту феодально-крепостнической зависимости в любых ее формах. Оба эти направления правительственной политики сводились к созданию благоприятных условий для развития феодальной экономики.

Ст. 82. Настоящая статья чрезвычайно важна для оценки роли Судебника 1550 года в развитии институтов русского гражданского права. В этом постановлении составители выдвигают прогрессивный для своего времени взгляд на обязательство, как на право на действие лица, а не на само лицо.

Судебник в данной статье запрещает должнику служить у кредитора за долг. В отличие от ст. 78, согласно которой должник отрабатывал кредитору проценты своим трудом, настоящее постановление предусматривает такую форму займа, когда должник выплачивал проценты деньгами.

В этом случае закон запрещает держать должника во дворе у кредитора и заставлять его работать на займодателя.

Несоблюдение этого правила влекло за собой ущерб для кредитора, ибо если последний держал у себя подобного должника, и тот бежал, прихватив имущество заимодавца, то кредитор лишался и похищенного, и долга.

Данная норма является отражением развития товарно-денежных отношений в Русском государстве XVI века. Возложение ответственности по займам не на личность, а на имущество займодержателя, несомненно, являлось благоприятным условием для еще более интенсивного обращения денежных средств в стране.

Ст. 83 (ср. ст. 54 Судебника 1497 года). Четко регламентируя договор личного найма, Судебник 1497 года ставил своей целью защиту интересов хозяина наймита, предоставляя ему право лишать наймита причитающегося вознаграждения в случае самовольного ухода. Теперь Судебник дополняет это постановление указанием на ответственность хозяина, не желающего выплатить обусловленное договором личного найма вознаграждение в случае выполнения наймитом своих обязательств. Исходя из текста закона, видно, что спор между наймитом и хозяином рассматривался в судебном порядке, и в случае признания виновным господина, он выплачивал требуемую сумму в двукратном размере.

Ст. 84 (ср. ст. 63 Судебника 1497 года). Статья воспроизводит постановления предыдущего законодательства о сроках исковой давности по поземельным спорам.

Последняя часть данной статьи является нормой гражданского процесса. Судебник категорически воспрещает при тяжбах о земельных владениях руководствоваться прежними обычаями, заключавшимися в посылке двух судей по выбору спорящих сторон на спорный участок для решения вопроса о границах оспариваемого владения (ср. АФЗ и Х,

ч. I, № 44а). Судебник требует от приказных людей, бояр и даже государя (впервые закон предъявляет категорическое требование к монарху) посылать лишь одного судью и обязательно не по челобитью сторон. Эта норма ярко свидетельствует об усилившемся значении закона и о той важной роли, которую он играл в деле укрепления Русского государства.

В этом постановлении отражено стремление регламентировать деятельность главы государства — государя, что характерно для сословно-представительной монархии.

Ст. 85. Поскольку в феодальном обществе основой всех отношений собственности были отношения, связанные с землевладением, то поэтому регламентация Судебником 1550 года вопросов землевладения приобретает для нас особый интерес. Центром постановлений Судебника, его новеллой в данном вопросе, является ст. 85, озаглавленная «А о вотчинах суд».

Смысл статьи заключается в установлении круга лиц, пользующихся правом выкупа родовых вотчин, и в установлении срока данного выкупа. Согласно ст. 85, в течение сорока лет род удерживает за собой право выкупа проданной, а также вымененной или заложенной родовой вотчины, то есть наследственного земельного владения феодала, за цену, записанную в купчей. При этом прямые потомки (дети и внуки) теряют право выкупа безусловно, а выкупать родовое владение могут только боковые родичи (братья, племянники или их потомство) и то только в том случае, если не принимали участие в составлении купчей и не записаны в ней в качестве послухов. Участие в составлении купчей на продаваемую вотчину лишает права выкупа не только непосредственно принимавших участие в этом акте родичей, но и их потомство. Для выкупившего вотчину родственника закон также устанавливает ряд ограничений. Он обязан держать вотчину за собой и не имеет права ни заложить, ни продать ее чужеродцу. От выкупившего лица вотчина поступает в наследство только тому его родичу, который не принимал участия в составлении купчей.

Но это еще не полный перечень ограничений, устанавливаемых ст. 85. Закон требует от лица, выкупающего родовую вотчину, чтобы он платил за нее своими собственными, а не заемными деньгами, то есть запрещает делать

заем для выкупа родовой вотчины. В том случае, если продавец вотчины узнает, что она выкуплена на чужие деньги или же выкупщиком заложена или продана, то «вотчина по прежнему продавцу безденежно», то есть продавец вновь возвращает себе выкупленную у него вотчину, не возмещая выкупщику никаких материальных расходов. Закон не говорит ничего о возмещении причиненного ущерба кредитору или залогодержателю, но кредиторы получали право иска к подобным выкупщикам.

Постановления данной статьи охватывают еще целый ряд вопросов. Закон предоставляет вотчиннику право отдавать родовую вотчину в заклад, помимо своего рода, постороннему человеку, но при этом сумма, выданная под заклад вотчины, не должна превышать ее подлинной стоимости. Если «сторонний человек» выдаст вотчиннику под заклад вотчины сумму, значительно превышающую стоимость заложенного владения, то родственникам предоставляется возможность предъявить иск чужеродцу и изъять заложенную у чужеродца вотчину за сумму, соответствующую ее действительной цене. Излишние деньги, уплаченные чужеродцем, в данном случае им терялись.

В случае мены вотчин закон требует, чтобы обмениваемые владения были равноценны. Если же обмененное родовое владение было больше земли, полученной от чужеродца, и обменявший вотчинник получил к земле дополнительно деньги, то родственники менявшегося имеют право выкупить излишек, оставив чужеродцу владение, равное данному взамен.

Какие же причины обусловливают появление этого кодекса в составе Судебника 1550 года? На основании аналогии с Судебником 1497 года можно полагать, что наличие заголовка у ст. 85 «А о вотчинах суд» говорит за существование ранее какого-то указа о вотчинах, вошедшего в своей основе в состав Судебника.

Однако отсутствие данных норм в Судебнике 1497 года позволяет сделать вывод, что лишь за период между двумя Судебниками появилась настоятельная необходимость в регулировании права вотчинного владения. Регламентация вотчинных отношений стояла в центре внимания русского правительства еще до создания Судебника 1550 года. Судебник лишь закрепил те правовые нормы, которые были

выработаны ранее и, повидимому, доказали свою практическую целесообразность.

Вопрос о родовых вотчинах приобретал особо важное значение в свете потребностей русского правительства в удовлетворении требований служилого люда на земельные владения.

Правительство наиболее свободно могло распоряжаться черными землями, но, помимо этого, оставалось еще два источника увеличения земельных резервов правительства — церковное землевладение и светские вотчины, которые оно стремилось взять под свой контроль.

В качестве основного оружия противодействия подобным стремлениям правительства, находившим поддержку со стороны дворянства, феодальная верхушка, обладавшая основной массой вотчинных владений, выдвигает право родового выкупа, приспособляя этот институт для охраны своих интересов, то есть при помощи родового выкупа крупные феодалы оборонялись от дворянства.

В то же время появление ст. 85 явилось реакцией правительства на передачу огромного числа вотчин в результате безденежья и отсутствия рабочей силы в неслужилые руки, то есть, скорей всего, в монастыри.

Таким образом, право родового выкупа, закрепленное Судебником, есть результат политики компромисса, ибо оно способствовало сохранению вотчин в боярских руках.

Б. А. Романов считает, что в ст. 85 ничего «антибоярского» нет, и что данное постановление закона явилось попыткой царского правительства решить единственную проблему в области земельной политики, привлекавшей целиком внимание правящих кругов в 1549—1551 гг., а именно обуздать владычный и монастырский напор на земли светских вотчинников безотносительно к общественному положению его представителей.

И. И. Смирнов указывает, что основная тенденция земельной политики Русского государства в середине XVI века была направлена на развитие поместного землевладения за счет черных земель и вотчинного землевладения.

Этот закон был направлен на осуществление данной политики. Весь комплекс правовых норм, предусмотренных ст. 85, ограничивал право родового выкупа и тем самым

разрушал, по мнению И. И. Смирнова, монолитность старых боярских владений. Однако Б. А. Романов более прав, когда говорит, что вопрос, «как удержать вотчину в этом (родовом — *А. П.*) кругу посредством этого выкупного права», целиком поглощает внимание автора статьи.

Возьмем, например, 40-летний срок выкупа родовых вотчин. До появления Судебника срок выкупа, повидимому, вовсе не определялся, а после определения Судебником данного срока встречались случаи, когда судьи принимали иски по истечении 40 лет. Таким образом, на практике фактически не соблюдались установленные законом нормы. Это объясняется тем, что происходила усиленная борьба внутри самого господствующего класса за земельные владения, и строгие правила, установленные законом, часто нарушались самими судьями, принадлежавшими к классу феодалов.

Установленный законом срок выкупа ограничивал претензии вотчинников и позволял правительству брать под контроль все отношения, связанные с правом феодального землевладения.

Весьма важно выделение Судебником «купли» как отдельного вида земельной собственности и нераспространение на нее права выкупа. В этот период подготавливались мероприятия, запрещавшие монастырям совершать сделки по покупке земли. Выделяя куплю, предоставляя покупателю право полного распоряжения куплей и в то же время уравнивая куплю, переданную по наследству, с родовой вотчиной, Судебник давал возможность служилому дворянству приобретать новые земельные владения и гарантировал в то же время новым приобретателям уверенность в незыблемости их прав на купленные вотчины. Ограничением права родового выкупа, который одновременно колебал устои церковного землевладения, правительство нанесло серьезный удар по феодальной знати.

Церковь отразила с успехом наступление на церковные владения со стороны нестяжателей в 1525—1531 гг., но в 1551 году вновь была поставлена под угрозу секуляризации ее вотчин. Церковь пыталась отстоять свою собственность, но требования дворянством земельных владений были настолько настоятельны, что 11 мая 1551 г. появляется известный дополнительный указ к Судебнику, воспрещающий

церковным учреждениям покупать светские земли, а светским владельцам продавать их (ААЭ, I, № 227). При помощи данной нормы правительство попыталось воспрепятствовать притоку земельных богатств в церковные владения.

Ст. 86 (ср. ст. 61 Судебника 1497 года). Статья дополняет постановления старого Судебника. Владелец вспаханной земли, граничащей с отгонными пастбищами, должен был своевременно ее огородить. В случае потравы скотом посева при наличии изгороди владелец скота должен был возместить причиненный ущерб собственнику посева.

Ст. 87 (ср. ст. 62 Судебника 1497 года). Воспроизведение без каких-либо существенных изменений нормы прежнего закона подтверждало позицию государства, всеми мерами охранявшего незыблемость феодального владения.

В настоящем постановлении отсутствует упоминание о драке, возникшей при установлении границ крестьянских земель и причиненных при этом ранениях.

Составители выбрасывали уголовно-правовые понятия из постановлений, относящихся к гражданскому праву.

Ст. 88 (ср. ст. 57 Судебника 1497 года). Все исследователи, занимавшиеся изучением истории крестьянства в России, считают необходимым особо остановиться на постановлениях Судебника 1550 года, фиксирующих отношение правительства Ивана IV к усилению процесса закрепощения крестьянства.

Позиция Судебника 1550 года по отношению к позициям великокняжеского Судебника не переменилась. Также крестьянину разрешается уход из владений помещика или вотчинника лишь за неделю до и в течение недели после Юрьева дня осеннего, также этот уход имеет преграду в виде уплаты определенной суммы пожилого. Однако Судебник вынужден внести ряд дополнений в постановление о крестьянском отказе с целью устранения ряда конфликтов, возникавших на практике. И. И. Смирнов, не видя в этих дополнительных постановлениях ничего принципиально нового, замечает, что ст. 88 Судебника 1550 года является комментированной ст. 57 Судебника 1497 года и определяет подобное сохранение «старины» как консерватизм Судебника 1550 года.

Б. А. Романов подчеркивает, говоря об установлении в ст. 88 права крестьянина уходить в холопы «бессрочно», что «Судебник обнаруживает здесь еще более твердолобый консерватизм, чем тот, о котором правильно говорит в своем комментарии И. И. Смирнов».

Таким образом, оба указанных выше исследователя стоят на позициях оценки постановлений Судебника о крестьянском отказе как консервативных.

Судебник Ивана Грозного уточняет понятия «леса» и «поля». Правильное понимание этих терминов имело весьма важное значение для определения размеров взыскиваемых пошлин. Не менее важным редакционным уточнением было определение закона о взыскании «пожилого» с ворот, ибо в практике возникали споры об единицах обложения при взыскании «пожилого». Определение «ворот» как такой единицы исчерпывающим образом разрешало все сомнения.

Закончив с редактированием первоначального текста постановления Судебника о крестьянском отказе, составители Судебника должны были перейти к закреплению положений, настоятельно требовавшихся жизнью. Сюда относятся как правила ухода из владений землевладельца представителей духовенства и продавшихся в холопы крестьян, так и правила о возмещении затраченного уходящими крестьянами труда на обработку озимого поля.

Появление нормы о попе, которому «пожилого нет» и которому предоставлялось право неограниченной перемены владельца земли, объясняется тем бесправным положением, в котором находились в Русском государстве XV—XVI вв. представители низшего приходского духовенства. Как выходцы из народных низов, они по своему материальному обеспечению резко отличались от церковных верхов и искали себе пропитание при помощи обработки земельных участков в своих приходах. Фактически положение низшего духовенства ничем не отличалось от положения крестьянства, и этим следует объяснить участие представителей низшего духовенства в последующих крестьянских волнениях.

Правительство Ивана IV не могло допустить подобного отношения к представителям духовенства. Упоминание в законе о защите прав низшего духовенства обеспечивало правительству максимальную поддержку этой весьма важной и влиятельной в крестьянской среде группы населения.

Б. А. Романов полагает, что своим появлением новелла о сельском попе обязана участию в работе по подготовке Судебника попа Сильвестра и что она воспроизвела практику применения ст. 57 Судебника 1497 года к сельскому духовенству.

Значительно большее недоумение у исследователей вызывает правило ст. 88, по которому крестьянин, продавшийся в холопы, мог уходить вне всяких сроков и без уплаты пожилого лишь с условием уплаты налогов в царскую казну с посеянной им земли. Если ушедший крестьянин не захочет платить налог, то он лишается права сбора посевов с обработанной им земли.

Ключ к пониманию этого постановления следует искать непосредственно в обстановке, создавшейся в Москве ко времени принятия Судебника.

Главнейшим стремлением поднимающихся к господству дворян являлось закрепление за собой «ратаев», то есть рабочей силы, могущей обрабатывать дворянские поля. Недаром ни один из представителей дворянской публицистики середины XVI века не отрицает необходимости крестьянского труда на помещика.

В то же время в обстановке крестьянских восстаний и при недостаточной еще политической силе дворянства правительство еще не могло пойти на прямое закрепощение.

Вся политика правительства Ивана IV была направлена на содействие стремлениям массы служилого люда. Однако в 40—50-х годах, то есть в период выработки норм Судебника, Иван IV еще не мог обойтись без помощи своего ближайшего вельможного окружения. Требования общественного развития толкали правительство Ивана IV на проведение реформ, по своему существу подрывающих основы благосостояния и политического могущества феодальной аристократии, однако сложившаяся обстановка еще не позволяла перейти к окончательному наступлению на него. Реальная власть все еще сосредоточена была в руках виднейших московских бояр. Этот слой русского общества, имевший влияние при дворе и обладавший крупнейшими феодальными вотчинами, был заинтересован в огромной холопьей дворне, создававшей своему владельцу ореол знатности и богатства. Именно поэтому новелла ст. 88, по существу благоприятствующая холоповладельцу, явилась ре-

зультатом компромисса между планами царя об укреплении позиций дворянства и пока еще реальным нахождением власти в руках представителей феодальной верхушки.

Интересы казны, интересы фиска, закон охраняет превыше всего. Отсюда вытекает требование к уходящему в холопы крестьянину уплатить в царскую казну налоги за посеянный им хлеб.

Ст. 89. Для отражения общего хода крепостнической политики Судебника 1550 года чрезвычайно характерна данная статья, внешне относящаяся к постановлениям по вопросам судопроизводства.

Крестьянин, уличенный при помощи судебного поединка в каком-либо лихом деле, может быть взят на поруки своим господином, причем поручитель обязуется при совершении крестьянином нового преступления представить его на суд. То же обязательство возлагается на землевладельца, к которому крестьянин может перейти. Поручительство за крестьянина переходит к землевладельцам вместе с переходом крестьянина.

Данное постановление свидетельствует о влиянии на судебный процесс развивающихся крепостнических отношений. Землевладелец, безотносительно к тому, является ли он вотчинником или помещиком выступает по отношению к зависимому крестьянину в роли его фактического владельца. Перед нами вырисовываются взаимоотношения помещика и крепостного. Повидимому, крепостнические отношения уже зашли достаточно далеко, чтобы сделать в глазах закона землевладельца, в силу уже своего положения, ответственным поручителем за тех формально еще свободных лиц, которые обрабатывают его земельные владения.

Ст. 90. (ср. ст. 55 Судебника 1497 года). Эта статья воспроизводит нормы прежнего законодательства, касающиеся возмещения ущерба, причиненного кредиторам. Крайне интересно дополнение к прежнему постановлению, свидетельствующее о все возрастающей роли государственных органов.

Если купец потерпит ущерб в случае разбойного нападения на него, и ему дадут возможность отсрочки долга, то в случае розыска преступников и возврата ограбленного имущества отсрочка в уплате долга теряет свою юридическую силу.

Ст. 91 (ср. ст. 59 Судебника 1497 года). Статья определяет порядок осуществления правосудия в отношении лиц, подлежащих церковной юрисдикции. В своей первой половине данная статья воспроизводит прежние постановления, а во второй своей части содержит важную законодательную новеллу, запрещая торговым посадским людям жить в монастыре и тем самым избегать подсудности общегосударственным судьям.

Одной из важных привилегий церковного землевладения было право принимать закладников. Лица, заложившиеся за монастырь, подпадали под его юрисдикцию. Духовные феодалы были заинтересованы в увеличении количества закладников, плативших людям в их пользу.

Запрещение Судебника жить посадским людям в монастырях препятствовало закладническим тенденциям церковных феодалов и являлось законодательным отражением борьбы, которую вело правительство с церковью.

Ст. 92 (ср. ст. 60 Судебника 1497 года). Статья полностью воспроизводит прежнее законодательство.

Ст. 93 (ср. ст. 46 Судебника 1497 года). Развитие торговли требовало закрепления в законе норм, регулирующих ответственность сторон при совершении торговой сделки. С целью обеспечения интересов покупателя закон требует при покупке подержанного товара, который, скорее всего, мог быть ранее похищен, наличия поручительства за продавца. В противном случае покупатель возлагает на себя всю ответственность за приобретение похищенной вещи.

Поручительство за продавца давали его товарищи по торговому «ряду» (рынку). Отсюда и наименованы поручительства — рядовая порука.

Ст. ст. 94—96 (ср. ст. 10 Белозерской Таможенной грамоты 1497 года, ст. 33 Уставной грамоты Марининской трети, Артемоновского стана крестьянам 3 апреля 1506 г.).

В условиях феодального государства коневодство было важнейшей отраслью хозяйства.

Статьи 94—96 посвящены порядку оформления договора купли-продажи лошадей: закон закрепляет уже разработанный ранее в отдельных грамотах порядок перехода права собственности на лошадей.

Помимо клеймения лошади, договор об ее продаже заносился в специальную книгу («в книги написати по старине...»). Данное правило явилось у нас родоначальником так называемой «крепостной» формы заключения сделок.

Статья 94 говорит о продаже лошадей на московском рынке; ст. 95 распространяет эту норму на всю территорию Русского государства, вводя крайне ограниченный срок для регистрации подобных сделок.

Особо оговаривает закон правило заключения подобных сделок в условиях военного похода. Подчеркивая обязательность установленных правил для детей боярских, то есть для основного контингента русских вооруженных сил, закон указывает на возможность подтверждения договора купли-продажи лошади в условиях похода свидетельскими показаниями. Лошади не подлежали клеймению до тех пор, пока не являлись объектом купли-продажи или мены.

Пошлинников — пошленники — агенты наместника, собиравшие пошлины. Статья 95 предусматривает защиту их материальных интересов, указывая на обязательность клеймения лошади и регистрации сделки по месту ее совершения, а не по месту жительства покупателя.

Ст. ст. 97—98. Обычаи, санкционированные государственной властью, являлись на первоначальном этапе развития феодального государства основными правилами поведения, основными нормами права.

С развитием феодального государства все большее значение приобретают правила поведения, выраженные в актах, исходящих от государственной власти.

В процессе развития централизации в качестве основной силы государственного принуждения начинает выступать закон.

Судебник 1550 года служит яркой иллюстрацией к данному положению. Предписывая «вперед всякие дела судити по сему Судебнику», составители подчеркивали высокое значение закона, провозгласили его в качестве основного источника установления правовых норм.

Однако составители Судебника понимали, что вновь созданный законодательный акт не может разрешить всех казусов, рождаемых жизнью, что необходимо предусмотреть

порядок решения дел, не нашедших своего отражения в законе. Для этой цели Судебник устанавливает правило, что если встретится случай, не предусмотренный законом, то следует об этом докладывать верховной власти и изданный «с государева докладу и со всех бояр приговору» новый закон приписывать к тексту Судебника.

Таким образом, Судебник 1550 года объявляет закон единственным источником права. Несомненно, что это постановление не могло выполняться строго, и суды вынуждены были обращаться к обычаям. Однако для нас чрезвычайно важно само провозглашение закона единственным источником права. Это свидетельствует о высоком теоретическом уровне русских юристов.

Судебник предусматривает и определение порядка действия закона. Закон начинает свое действие с момента издания («...с которого дни уложил»), и действие общего закона распространяется на всю территорию государства (ср. ст. 99 «Да велити прокликати по торгам на Москве и во всех городах Московские земли, и Новгородские земли, и Тверские земли и по волостям...»). Из текста Судебника также следует, что в Русском государстве закон не приобретал обратной силы.

Стремясь к максимальному соблюдению правил Судебника об установлении закона единственным источником права, законодатель вводит в последующем практику издания особых указов, которые приписывались к Судебнику. Если приказы не находили в Судебнике необходимого закона, то они отсылали дело, требовавшее законодательного разрешения, «на верх», к государю или же готовили список вопросов, на которые требовался ответ путем издания новых законов. На основе подобных докладов царь и боярская дума разрабатывали новые законы, которые направлялись в запрашивающий приказ. Сборники дополнительных указов к Судебнику, хранившиеся в каждом приказе, получили наименование указных книг приказов.

Составителям Судебника 1550 года была ясна важная роль кодификации в процессе укрепления Русского государства, и этим следует объяснить столь большое внимание, уделяемое подобным вопросам в Судебнике.

Однако большинство исследователей Судебника интересовал не вопрос о порядке кодификационной деятельно-

сти в Русском государстве и укреплении роли закона в русской государственной жизни, а вопрос о значении боярской думы в этом процессе.

В досоветской литературе господствовали два взгляда по вопросу об определении ст. 98 роли боярской думы в законодательном процессе. В. С. Ключевский, В. И. Сергеевич считали, что боярская дума являлась важнейшим органом, ограничивавшим царскую власть и сосредоточившим в своих руках всю законодательную власть. Сторонники другой точки зрения (М. Ф. Владимирский-Буданов, М. А. Дьяконов, А. Н. Филиппов, И. Малиновский) утверждали, что ст. 98 не устанавливает какого-либо экстраординарного порядка издания законов. Однако, понимая закон как результат «нераздельной деятельности царя и думы», М. Ф. Владимирский-Буданов считал необходимым признать двойственность законодательной власти в Москве, хотя в то же время отмечал, что «эта раздельность (действий царя и боярской думы. — *А. П.*) *мнимая*, основанная всегда на предполагаемом согласии воли царя и мнений думы». Фактически Владимирский-Буданов, как и все буржуазные историки, подходил к данному вопросу догматически, не учитывая общности классовых интересов царя и феодалов. Исходя из действительного соотношения сил, советские историки установили, что боярская дума была учреждением, не отделимым от царя, не имевшим самостоятельной компетенции.

Большинство новых законов принималось царем совместно с боярской думой. Это показывает, что хотя норма ст. 98 о совместном законодательствовании царя и боярской думы и не была безусловно обязательной для царя, но весьма возможно, что у составителей Судебника было стремление сделать ее таковой.

Однако не деятельность боярской думы определяла содержание и порядок новых законов. Новые законы вырабатывались, как правило, по требованию широких масс дворянства, и прохождение их через боярскую думу чрезвычайно характерно для всего периода сословно-представительной монархии, когда царская власть нуждалась в санкционировании законодательства всеми категориями господствующего класса. Боярская дума отражала интересы пока еще могущественной феодальной аристократии. Санк-

ционирование ею законов облегчало их проведение на всей территории Русского государства.

Судебник 1550 года впервые в истории русского законодательства подчеркивает важнейшее значение закона, объявляя его единственным источником права. В то же время, стремясь придать особую силу закону, как отражению интересов господствующего класса, Судебник вводит постановление об издании законов «с государева докладу и всех бояр приговору», то есть указывает на необходимость санкционирования закона представителями господствующего класса. Хотя Судебник ничего не говорит о земских соборах, но последующая практика и, в частности, принятие Уложения 1649 года на Земском соборе подтверждают мысль о том, что составители Судебника понимали необходимость выработки законодательства путем его обсуждения и санкционирования «землей», то есть выражали идеи сословно-представительной монархии. Неупоминание о Земских соборах объясняется тем, что в период выработки Судебника эти учреждения только что формировались. Формула же закона «с государева доклада и всех бояр приговору» удовлетворяла составителей тем, что она указывала на необходимость участия в выработке закона представителей господствующего класса. Боярская дума пока еще олицетворяла в глазах составителей эту форму представительства.

Ст. 99 (ср. ст. 67 Судебника 1497 года). Статья, как и другие постановления Судебника 1550 года, воспроизводящие старый Судебник, дополнена санкцией в отношении послуха, давшего ложные показания. Лжесвидетель, помимо возмещения причиненного ущерба, подвергался торговой казни.

Ст. 100. Предыдущие постановления логически завершают текст Судебника 1550 года. Вследствие этого ст. 100 производит впечатление механически присоединенного раздела. И. И. Смирнов сопоставляет данную статью с «Записью о душегубстве» (см. «Памятники русского права», вып. III, стр. 207), поскольку там также трактуются вопросы о сместном суде, и считает «Запись о душегубстве» основным источником данных постановлений. Л. В. Черепнин полагает, что эта статья — старая и относится не к Судебнику 1550 года, а к Судебнику 1497 года.

Текст ст. 100 показывает, что Судебник фактически сводит на нет судебные привилегии удельных владений и что по существу данная статья является архаизмом, подобно судной грамоте 1561 года удельного князя Владимира Андреевича Старицкого (ААЭ, I, № 257). Формально, говоря о правах удельных князей, ст. 100 практически не была применима и, на наш взгляд, была издана с целью полного подчинения царской власти остатков удельного боярства и последних двух удельных князей: брата царя Юрия Васильевича и двоюродного брата царя Владимира Андреевича Старицкого. По существу же Русское государство было в данный период настолько централизованно, что подобные архаические формы были обречены на отмирание.

По мнению А. А. Зимина, статья была составлена в связи с событиями 1553 года, когда во время болезни Ивана IV отдельные представители боярства выдвигали кандидатуру удельного князя Владимира Старицкого на русский престол. По выздоровлении Иван IV, очевидно, не только взял с князя Владимира присягу на верность (СГГиД, ч. I, № 160, 161, 168, 169), но и ограничил ст. 100 Судебника судебную власть удельных княжат.

Текстологический комментарий

[**Заглавие**] 1. *Испр. У далее* месяца. *Здесь и ниже при исправлении используется список У II (ГБЛ Унд., № 822).*

[**Ст. 2**] 1) *Б, Л* хитростно. 2) *Испр. У отс.*

[**Ст. 5**] 1) У III, А, П *далее* дело.

[**Ст. 6**] 1) С, Л *далее он.*

[**Ст. 7**] 1) У II хто. Л кто х. 2) *Испр.* У и. 3) Л, А указу.

[**Ст. 8**] 1) У III, Д, С *далее* или на дворецкого или на казначея, 2) *Испр.* У, С II *отс.*

[**Ст. 9**] 1) Л *далее* и подъячему. 2) *Так* У II, С. У, С II, С III, У III *отс. Л, Д перед двумя предшествующими словами.*

[**Ст. 11**] 1) У II, Л околничему.

[**Ст. 15**] 1) *Испр.* У и. 2) *Испр.* У *далее* сцовы. 3) Д, С *далее* будет.

[**Ст. 16**] 1) *Испр.* У и. 2) Л суд.

[**Ст. 18**] 1) Т, У III, П *далее* исцовы.

[**Ст. 19**] 1) Л, С III, У II *отс.* 2) *Испр.* У *отс.*

[**Ст. 21**] 1) Т, С III *далее* а он в срочной не один.

[**Ст. 22**] 1–1) Л оне.

[Ст. 24] 1) *Испр.* У или. 2) Т, С II, С III, П, С *отс.* 3) *Испр.* У *отс.*

[Ст. 26] 1) Л, С II, С III, бесчестиа. 2) *Испр.* У безчестья вдвое.

[Ст. 27] 1) Л *отс.*

[Ст. 28] 1) Л *отс.* 2) Л, Т, П список. 3) Л, С, С II, С III список.

[Ст. 29] 1) Л, П *отс.*

[Ст. 31] 1) Л, П заданы.

[Ст. 32] 1) *Испр.* У, У III, С III, С судей и. 2) *Испр.* У *отс.* 3) Л суде.

Ст. 33] 1–1) *Испр.* У *после двух следующих слов.* 2) *Испр.* У *перед двумя предыдущими словами.* 3) Т, С, С II *далее* лишек.

[Ст. 34] 1–1) *Испр.* У *после следующего слова.* 2) Л, Д, У II, У III, Т, С II напишет. 3) *Испр.* У и тот.

[Ст. 36] 1) *Испр.* У *далее* подписи. 2) *Испр.* У а.

[Ст. 37] 1) *Испр.* У с суда на.

[Ст. 39] 1) *Испр.* У *отс.* 2) *Испр.* У от печати. У II от печати имати. 3) У три.

[Ст. 40] 1) *Испр.* У *перед четырьмя предшествующими словами.*

[Ст. 41] 1) *Испр.* У о. 2) *Испр.* У или 3) У III, Л приедет. 4) Т, С *далее* в свое место. 5) *Испр.* У, У II *отс.* 6) Л *далее* срочные не у собя. 7) *Испр.* У сручную. 8) *Испр.* У *отс.*

[Ст. 42] 1–1) Л, П грамоты.

[Ст. 43] 1–1) *Испр.* У грамоту дати. 2) *Испр.* У, У III *отс.*

[Ст. 44] 1) *Испр.* У *отс.* 2–2) Т, С, С II дьяк которую приставную.

[Ст. 45] 1) Л, У II *далее* с. 2) Д, Л, С *далее* им.

[Ст. 46] 1) Т, П, С Хутыни. С II Хутины. 2) *Испр.* У, Д четью. 3) *Испр.* У Мещеска. 4) *Испр.* У *отс.* 5) Л два рубля. 6) *Испр.* У, Д четью. 7) Л, Б, У III четвертью. 8–8) У II, Л *отс.*

[Ст. 47] 1) У, Л, У II ни у кого. 2–2) У II, Л, С, С II, Т том городе. 3) *Испр.* У А у. 4) *Испр.* У *отс.* 5) *Испр.* У ним. 6) *Испр.* У него.

[Ст. 48] 1) Л, Д, У III *после следующих трех слов.* 2–2) У II исцы и ответчик. У III оба истцы. Д, Л оба истец и ответчик. С оба истцы и ответчик.

[Ст. 49] 1–1) *Испр.* У *перед предшествующими пятью словами.* 2—2) *Испр.* У *перед предшествующим словом.*

[Ст. 50] 1) *Испр.* У *далее* и волокита.

[Ст. 51] 1) *Испр.* У *далее* с суда.

[Ст. 52] 1–1) *Испр.* У *после двух следующих слов.* 2) Л, У III истцов иск.

[Ст. 53] 1) У II, У III, Л или. 2) Л, У III посулов.

[Ст. 54] 1) *Испр.* У, У II *отс.* 2–2) Л да казнити его. С да его казнити.

[Ст. 55] 1–1) У II в прежней татбы ни доводу. 2) У II исчев иск. 3) У II *отс.* 4) У II вкунути. 5) Л его. 6–6) У II бояря велят его дати. Л боярин велит его дати. 7) У II *далее* и.

[Ст. 56] [1]) У II исцу. [2]) *Испр.* У ысцову. [3]) У II *далее* его. [4]) Л, Б *отс.* [5]) Л, У III вкинути. С, С II кинути.

[Ст. 57] [1]) У II, С в.

[Ст. 58] [1]) У II *далее* на. [2–2]) У II пять или шесть добрых или дватцать. [3]) *Испр.* У, Д или. [4]) У II платил. [5–5]) У II исцеву гибель взяти. [6]) У II выпущати. [7]) Испр. У ак ни, У II, Д отс. Л его ни.

[Ст. 59] [1]) У II ведомо. [2]) У II исцу. [3–3]) У II его статка за исцовым останетца, ино. [4]) У II гибеле. [5]) У II дворецькому.

[Ст. 60] [1–1]) *Испр.* У, Д ся у статка у. У III ся его статка у. С статка за исцовом. Л ся от. [2]) *Испр.* У, У III останет. [3]) *Испр.* У или. [4]) У II статка. [5–5]) У *после следующего слова.* [6]) У и [7]) У II, С *отс.* [8]) У II наместнику. [9]) У II, С отдати. [10]) У II, С, Т *отс.* [11]) Л, Т, С II, П *отс.* [12]) У II книгах.

[Ст. 61] [1]) *Испр.* У здавце.

[Ст. 62] [1]) *Испр.* У кормленье. [2]) *Испр.* У, У II, С *отс.* [3]) *Испр.* У *далее* и. [4]) *Испр.* У *далее* пошлина.

[Ст. 64] [1–1]) У II грамотам. У III грамотам по их вопчим. Л вопчим грамотам.

[Ст. 65] [1]) *Испр.* У *отс.* [2]) *Испр.* У ино им имати.

[Ст. 66] [1]) *Испр.* У ино им полных. [2]) У II, Л *отс.* [3]) Т, А без боярского. [4]) *Испр.* У грамоту правую на него.

[Ст. 68] [1–1]) *Испр.* У волости в кормленье. [2–2]) У II, Л, С *отс.*

[Ст. 69] [1]) У II, Л будут. [2]) *Испр.* У *далее* с тем. У III рука. [3]) *Испр.* У, Д, С что царь. [4]) *Испр.* У *отс.*

[Ст. 70] [1]) Л *далее* и волостелиным. [2]) *Испр.* У волостей. [3]) У II, Л, С *далее* и. [4]) У II, У III, Л и. [5]) У II *далее* а, Л, С да.

[Ст. 71] [1]) *Испр.* У, С или. [2]) Л, Т, М, А, П *далее* царя и. [3]) У III, Л, С II, П *отс.* [4]) *Испр.* У его в.

[Ст. 72] [1–1]) *Испр.* У промеж их по. [2]) *Испр.* У хто в. [3]) *Испр.* У *далее* казну. [4]) У II, У III, Д дворецькому. [5–5]) *Испр.* У в подать дает с своего живота. [6–6]) *Испр.* У своих. [7]) *Испр.* У им на. Д, С им на. [8]) У II, Л двух. [9]) *Испр.* У обыскивати.

[Ст. 73] [1]) *Испр.* У *отс.*

[Ст. 74] [1–1]) *Испр.* У суд у них вопчей. Л, С им суд вопчей.

[Ст. 75] [1]) *Испр.* У, У II, Д намесником. [2]) С, С II, С III, У III, А *далее* и царя. [3]) Т, С II, У III тем. [4–4]) *Испр.* У которой город.

[Ст. 76] [1]) *Испр. по смыслу.* У, Л одново. [2]) *Испр.* У *отс.* [3]) Л, У III продавати. [4]) *Испр.* У *далее* а.

[Ст. 77] [1]) *Испр.* У пошлину. [2]) *Испр.* У о.

[Ст. 78] [1]) У II, У III, Д, Л, М *отс.* [2]) *Испр.* У, У III *отс.* [3]) Т, С *далее* без суда.

[Ст. 79] [1]) У II, У III, Л суд дати.

[Ст. 80] [1]) *Испр.* У старому к своему. [2]) *Испр.* У бежит. У II убежит.

[Ст. 82] [1]) Т, С жити.

[Ст. 83] [1]) У II, Л, Д доживет. [2]) Л, С да. Д и. [3]) У II, С, Л уличят. [4–4]) У II, Л и наймиту. С и наймитом и. [5]) *Испр.* У *далее* и на том. [6]) *Испр.* У, У III тот наем.

[Ст. 84] [1]) У III, Л, Д взыщет.

[Ст. 85] [1]) *Испр.* У и в. [2–2]) *Испр.* У их и им. У II им их. У III им или. [3]) *Испр.* У брая. [4]) *Испр.* У, У III тои. [5]) *Испр.* У *отс.* [6]) У III, Л *отс.* [7]) У II, У III, Л заем. [8]) *Испр.* У *отс.*

[Ст. 86] [1]) С II, С III, П изгорода. [2]) Л, У II орамая.

[Ст. 87] [1]) У II ссекли. Д ссек, У III, Л, С сечет. [2]) *Испр.* У, А поорет. П сорет.

[Ст. 88] [1]) У III, Л и ис. У II и. [2]) У II, Д, Л поле. [3]) *Испр.* У *отс.* [4–4]) Т, С, С II, С III, А *отс.* [5–5]) *Испр.* У на нем пошлин. [6]) *Испр.* У хлеба. [7–7]) *Испр.* У, С, С III, А волно безсрочно. У II, Д безсрочно воля.

[Ст. 90] [1–1]) У II, Д *отс.* Л *после двух следующих слов.* [2]) *Испр.* Л, У, П *отс.* [3]) *Испр.* У платитись.

[Ст. 91] [1]) *Испр.* У во дворех. У III подворьях. [2]) *Испр.* У, С в.

[Ст. 92] [1]) *Испр.* У и.

[Ст. 94] [1–1]) *Испр.* У на Москве лошадь. [2]) *Испр.* У пятнити.

[Ст. 95] [1]) *Испр.* У лошади. [2]) *Испр.* У меняет. [3]) *Испр.* У пятенщику. [4]) У II, Л образцы. [5]) *Испр.* У купит. [6]) *Испр.* У, Л запятнит. [7]) *Испр.* У, С менит. [8]) *Испр.* У, С, Д пятнити.

[Ст. 97] [1]) У II, Л, Д, Т, С II, М несуженых.

[Ст. 98] [1]) *Испр.* У судебнику.

[Ст. 99] [1]) У *далее* 100. А о духовной суд *(см. Сводный Судебник).*

[Ст. 100] [1]) *Испр.* У, У II отс. [2]) У II на селских. [3]) У II, У III Московского. [4]) У II, У III *отс.* [5]) У II, Д, С, Т, М поведет. [6]) С селским.

ТАБЛИЦА СООТНОШЕНИЯ СТАТЕЙ СУДЕБНИКА 1550 ГОДА С СУДЕБНИКАМИ 1497 И 1585 ГГ.

Судебник 1550 г.	Судебник 1497 г.	Судебник 158э г. краткая редакция	Судебник 158э г. пространная редакция	Судебник 1550 г.	Судебник 1497 г.	Судебник 1589 г. краткая редакция	Судебник 1589 г. пространная редакция
1	1	1	1	20	—	—	31
2	19	—	2				32
3	—	—	3	21	—	—	33
4	—	2	4	22	—	—	34
5	—	—	5	23	—	—	35
6	—	—	6				36
			7	24	—	—	37
7	2	—	8				39
			9	25	—	—	40
8	3	—	10	26	—	—	41—44
			11				47—51, 73
9	4	—	12	27	58	—	74
			13	28	—	—	75
10	5	—	14	29	—	—	76
	6		15	30	—	—	77
11	—	—	16	31	53	—	78
12	7	—	17		—	—	79
13	68	—	18	32	33	—	80
14	—	—	19	33	15	—	81
	—	—	20	34	16	—	82
15	—	—	21	35	17	—	83
	51	—	22	36	—	—	84
16	48	—	27	37	21	—	85
18	50	—	29	38	22	—	86
19	52	—	30	39	24	—	87

Продолжение

Судебник 1550 г.	Судебник 1497 г.	Судебник 1589 г.	
		краткая редакция	пространная редакция
40	23	—	88
41	26	—	89
42	25	—	90
43	—	—	91, 92
44	28	—	93
45	29	8	94
46	30	—	95
47	31	—	96
48	37	—	97
49	36	—	98, 99
50	32	—	100
51	64	—	101, 102
52	13	9	103
	34	—	104
53	—	—	105
54	35	—	106
55	10	—	107
56	11	—	108
57	14	—	109
58	12	10	110
	—	11	112
59	8	—	113
60	39	—	114
61	9	—	115
62	38	—	116
63	—	—	117
64	40	—	118
65	20	—	119
66	—	—	120
67	41	—	121
68	—	—	122
69	—	—	123, 124
70	—	—	125
71	43	—	126, 127
72	—	—	128, 129
73		14	132
74	65	—	133
75	45	—	134, 136
76	66	—	137, 138
77	18, 42	—	139, 140
78	—	—	141, 142
79	—	—	143
80	56	—	144, 145
81	—	—	146
82	—	—	146, 147
83	54	16	148, 149
84	63	17	150, 156, 157, 163, 164, 165
85	—	22	166, 167
86	61	23	168
		25	171
87	62	26	172, 173
88	57	30	178, 179
89	—	—	180, 181

Продолжение

Судебник 1550 г.	Судебник 1497 г.	Судебник 1550 г.		Судебник 1550 г.	Судебник 1497 г.	Судебник 1589 г.	
		краткая редакция	пространная редакция			краткая редакция	пространная редакция
	55	—	181	95	—	—	196
90	—	31	182				197
	59	32	183	96	—	—	198
			184				199
91	59	33	188	97	—	—	200
			189				201
92	60	34	190	98	—	—	202
93	46	—	194	99	67	37	203
94	—	—	195	100	—	38	204

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СПИСКИ

1. 60-е годы XVI века, ГБЛ Унд., № 823 (У) — основной.
2. 60-е годы XVI века, ОДРА, Лихачев, № 228 (Л).
3. Конец XVI — начало XVII века, ГПБ Софийск., № 1528 (С)
4. 60-е годы XVI века, ГБЛ Унд., № 822 (У II).
5. 60-е годы XVI века, ГПБ Софийск, № 1442 (С II).
6. 60-е годы XVI века ГПБ Софийск, № 1443 (С III).
7. Конец XVI века, ГБЛ Унд., № 824 (У 111). Списан со списка дьяка Ш. Билибина (июнь 1555 года).
8. Конец XVI века, ГПБ Q II, № 118 (Т).
9. 1577—1578 гг., ГИМ Муз., № 3726 (М).
10. 60-е годы XVI века, БАН Арханг., № 525 (А).
11. Конец XVI века, ГПБ Погодин., № 1841 (П).
12. Начало XVII века, ЦГАДА, Древлехранилище отд. 5 рубр. 1, № 4 (Д).

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. 1, № 153, СПб., 1841.

2. Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича с дополнительными указами, изданные К. Калайдовичем и П. Строевым, М., 1819.

3. М. Ф. Владимирский-Буданов, Хрестоматия по истории русского права, вып. II (разн. изд.).

4. Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым, М., 1768.

5. Судебники Русского государства, изданные Горьковским пединститутом, 1939.

6. Судебники XV—XVI вв., Издательство Академии наук СССР, М., 1952.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. И. Е. Андриевский, История русского права, период II, СПб., 1878.

2. И. Д. Беляев, О вызове в суд по древним русским законам до Уложения 1649 года, Журнал Министерства юстиции, 1860, т. III, кн. 2, отд. 3.

3. П. И. Беляев, Источники древнерусских законодательных памятников, Журнал Министерства юстиции, 1889, ноябрь.

4. Ил. Васильев, Рассуждение о законах государства Российского, М., 1823.

5. П. В. Верховский, История русского права, Варшава, 1912.

6. М. Ф. Владимирский-Буданов, Обзор истории русского права, Киев, 1915.

7. Г. К. Грибовский, Древнерусское право, вып. II, Пг., 1917.

8. Ф. М. Дмитриев, История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения о губерниях, М., 1859.

9. Н. Добротвор, О Судебниках 1497, 1550 гг. В кн. «Судебники Русского государства», Издательство Горьковского пединститута, 1939.

10. Н. Л. Дювернуа, Источники права и суд в древней России, М., 1869.

11. Н. П. Загоскин, История права Московского государства, Казань, 1877.

12. Н. Калачов, О судебнике царя Иоанна Васильевича, Юридические записки, изданы П. Редькиным, т. I, М., 1843.

13. В. О. Ключевский, Боярская дума древней Руси, изд. 5-е, Пг., 1919.

14. Н. Ланге, Древнее русское уголовное судопроизводство, М., 1883.

15. Н. Латкин, Лекции по внешней истории русского права, СПб., 1888.

16. Ф. И. Леонтович, О судебниках, Годичный акт Варшавского университета, Варшава, 1892.

17. Г. Малиновский, Лекции по истории русского права, вып. 1, Томск, 1907.

18. П. Н. Мрочек-Дроздовский, Судебники, литогр. изд. М., 1892.

19. Н. Нестеровский, Сравнение Русской Правды с Судебником, «Украинский вестник» 1817 г., ч. 7, июль, Харьков, 1817.

20. С. В. Пахман, История кодификации гражданского права, т. I, СПб., 1877.

21. Б. А. Романов, Судебник Ивана Грозного, Исторические записки, кн. 29, М., 1949.

22. Б. А. Романов, К вопросу о земельной политике Избранной рады. Исторические записки, кн. 38, М., 1951.

23. Б. А. Романов, К вопросу о 15-рублевом максимуме в служилых кабалах XVII века. Исторические записки, кн. 52.

24. Б. А. Романов, О полном холопе и сельском попе в Судебнике 1550 г., Сборник «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия», М., 1952.

25. Б. А. Романов, Судебник 1550 года. В кн.: Судебники XV—XVI вв., М., 1952.

26. П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, М., Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1950.

27. В. И. Сергеевич, Русские юридические древности, т. I, СПб., 1902; т. II, СПб., 1908.

28. И. И. Смирнов, Иван Грозный, Л., 1944.

29. И. И. Смирнов, Судебник 1550 года, Исторические записки, кн. 24, М., 1947.

30. Б. И. Сыромятников, Очерк истории суда в древней и новой России, Сборник «Судебная реформа», под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского, М., 1915.

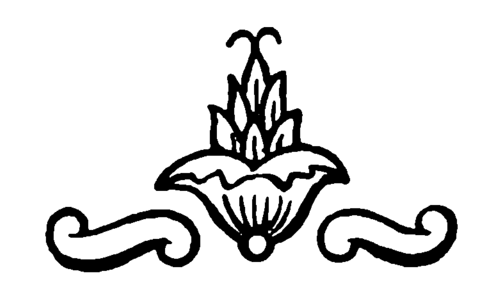
31. А. Н. Филиппов, Учебник истории русского права, Юрьев, 1914.

32. Г. Ф. Шершеневич, История кодификации гражданского права в России, Казань, 1898.

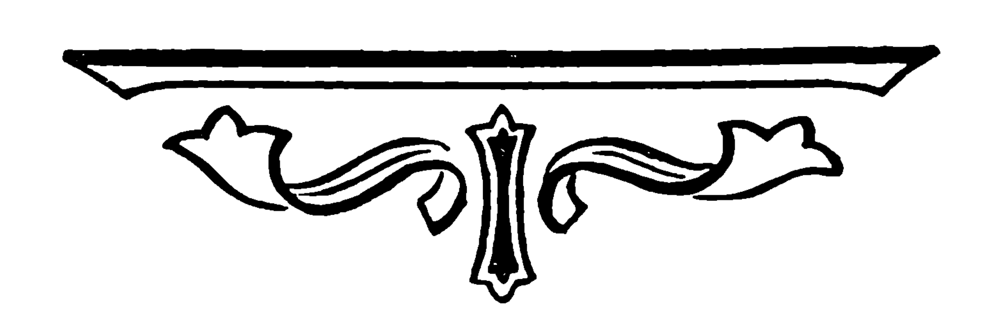
33. С. О. Шмидт, Челобитенный приказ в середине XVI столетия, «Известия Академии наук СССР», Серия истории и философии, т. VII, № 5, 1950.

34. С. В. Юшков, История государства и права СССР, ч. 1, изд. 3-е, М., 1950.

35. С. В. Юшков, К вопросу о сословно-представительной монархии в России, «Советское государство и право» 1950 г. № 10.



УСТАВНЫЕ (УКАЗНЫЕ) КНИГИ ПРИКАЗОВ



ВВЕДЕНИЕ

В соответствии со ст. 98 Судебника 1550 года, определившей порядок дальнейшей кодификации норм русского права, в многочисленных приказах к тексту Судебника приписывали поступающие туда царские указы и боярские приговоры, относившиеся к вопросам деятельности данного приказа. Так постепенно складывались указные книги приказов, являющиеся основным источником изучения русского законодательства второй половины XVI — первой половины XVII вв.

В историко-правовой литературе различаются указные и уставные книги.

Указные книги — собрания указов, относящихся к деятельности того или иного приказа, обычно подобранных в хронологическом порядке.

Уставные книги содержали указы, переработанные в единый свод. В делопроизводстве XVII века эти термины не различались.

Указные книги приказов начали составляться с 1555 года. Древнейшей из числа сохранившихся книг была Указная книга ведомства казначеев (см. Историко-правовой обзор к сводному Судебнику, стр. 544) и публикуемые ниже уставные книги Разбойной избы 1555—1556 гг. и приказа Холопьего суда 1597—1615 гг.

Первые дошедшие до нас губные грамоты говорили уже о боярах, которым «разбойные дела приказаны» (см. выше, стр. 178, 185). Однако лишь после издания Судебника 1550 года, в 1555 году был точно определен порядок деятельности и объем компетенции центрального правитель-

ственного органа, ведавшего борьбой с разбойниками. Наименование этого органа к исследуемому периоду еще не устоялось и в различных актах он именуется по-разному, хотя по существу он является Разбойным приказом (ср. «Губная изба», «Разбойная изба», «бояре, которым приказаны разбойные дела», ст. ст. 9, 10, 14 Медынского губного наказа 25 августа 1555 г. — см. выше стр. 184—185).

В этот период создается публикуемая ниже Уставная книга Разбойной избы 1555—1556 гг.

До настоящего времени текст этой книги не был известен в исторической литературе, хотя отдельные сведения, подтверждающие ее существование, имелись. Так, например, Уставная книга Разбойного приказа 1617 года начиналась со слов: «При государе царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси в Уставной книге написано, которая книга была в Разбойном приказе за приписью дьяков Василия Щелкалова и Мясоеда Вислого» (АИ, III, № 167). Об Уставной книге Разбойной избы 1555—1556 гг. говорится в Уставной книге Земского приказа, где приводится выдержка из указанной Уставной книги с характерным введением: «И в Разбойном приказе в указной книге лета 7064 году написано» (АИ, III, № 92).

В состав Уставной книги 1555—1556 гг. входит: 1) Приговор о разбойном деле 18 января 1555 г.; 2) Память 5 мая 1555 г., содержащая указ о порядке взыскания («правеже») долгов; 3) Медынский губной наказ (см. выше стр. 179—185); 4) Указ 28 ноября 1555 г. о сыске лихих людей; 5) Приговор 22 августа 1556 г. по губным делам. Некоторые из этих актов ранее были известны по другим Уставным книгам (например, Память 5 мая 1555 г. и др.). Содержание приводимой Уставной книги раскрывает те методы борьбы с «лихими людьми», которые применялись в Русском феодальном государстве середины XVI века. Уставная книга тщательно регламентирует процедуру розыска, свидетельствуя о полной победе следственного начала в уголовном процессе.

Все содержание Уставной книги пронизано заботой об охране интересов землевладельцев от покушений на феодальную собственность со стороны тех, кто с оружием в руках выступал против эксплуататоров.

Текст Уставной книги Разбойной избы 1555—1556 гг. впервые обнаружен А. А. Зиминым в сборнике ГБЛ, Музейное собрание, № 6689.

Уставная (указная) книга приказа Холопья суда содержит законодательство о холопах конца XVI — начала XVII вв. Эта книга рисует крепостническую политику правительства Бориса Годунова и Василия Шуйского (законы 1597 и 1609 гг.) и показывает, как в обстановке роста классовой борьбы крестьянства и холопов начала XVII века господствующий класс был вынужден временно делать те или иные уступки, до известной степени смягчившие положение отдельных групп холопов (законы 1603, 1607 гг. и др.).

Ведомство Холопья суда известно уже с 1571 года. Однако появление указной книги этого приказа следует связывать с законом 1 февраля 1597 г. (которым, кстати сказать, эта книга и открывается). Согласно закону 1 февраля 1597 г., приказу Холопья суда передавался контроль над делопроизводством о служилых холопах. Для приказных нужд текущее законодательство стало записываться там в особую (указную) книгу, являющуюся дополнением к Судебнику 1550 года. Указная книга Холопьего приказа содержала законодательство 1597—1609 гг. и дошла в составе уставной книги Земского приказа (XVII в.) в списках XVII века ГПБ, Q II, № 16 и ГБЛ, Муз., № 6689 (последний весьма дефектен, поэтому в настоящем издании не указывается).

Публикуемый документ является не случайным набором указов, а указной книгой приказа Холопьего суда. Об этом свидетельствует прежде всего то, что все указы размещены в нем в хронологической последовательности и помещены в составе памятей, адресованных руководству Холопьего приказа. Во всех указах рассматриваются вопросы, касающиеся положения холопов.

В Холопьем приказе указная книга продолжалась и позднее, но об этом мы узнаем только из дошедшего до нас небольшого отрывка за 1620 год (см. дополнения).

1555—1556 гг.

УСТАВНАЯ КНИГА РАЗБОЙНОГО ПРИКАЗА

СПИСОК С УСТАВНЫЕ КНИГИ СЛОВО В СЛОВО

[1555 г. 18 января. Приговор о разбойных делах]

Лета 7063-го генваря в 18 день царь великий князь Иван Васильевич всеа Русии приговорил з бояры о розбойном деле.

1. Которого розбойника поймают, и тот розбойник в розбоех на себя и на своих товарыщев учнет говорити, и что кому розбойного досталося, и по его речем у того человека поличное вымут и, пытан, на себя не скажет, а в обыску ево назовут лихим человеком, и того по обыску и по розбойничим речем и по поличному казнить.

2. А на которого человека говорит язык, и тот человек, пытан, на себя не скажет, а в обыску его назовут лихим человеком, и того человека казнити же, потому что они, пытаны оттерпливаютца, в розбоех на себя не говорят, а посадить их в тюрьму до смерти; и они ис тюрмы утекают и розбойники их выбивают, и те розбойники опять розбивают и кровь от них крестьянская льетца.

3. А на которых людех исцы ищут розбоев, и те люди скажут, что они не розбивали и языки на них в розбоех не говорят, а в обыску про них скажут, что они лихие люди, а в лихе про них доводов не скажут, а, пытаны, те люди на себя в розбоех не скажут, — и тем людем сидети в тюрме до смерти по обыском. А на которых людей скажут в обыску, что они лихие люди и в лихе на них доведут, а, пытаны, на себя не скажут, — и тех людей казнити же.

4. А на которого человека говорят языки два или три, а в обыску ево половина добрым человеком назовут, а другая лихим человеком, а, пытан, сам на себя не учнет говорить, а после того прибудет на него иное лихое дело в розбое или в татьбе, — и того казнити. А на обыскных людех, которые его одобрили, взять выть.

5. А на которого человека язык говорит, а в обыску ево половина обыскных людей назовут добром человеком, а другая лихим человеком, — и того человека, на кого язык говорит, пытати. А не учнет на себя, пытан, говорити, — и того человека дати на поруку за обыскных людей, которые ево одобрили, а по розбойничьим речем на нем имать выть. А будет в той половине болши обыскных людей, которые назовут лихим человеком, человек пятнатцать или двадцать, а, пытан[1], на себя не скажет и тем[2] людей[2], на которых язык говорил, сидети в тюрме до смерти по обыску и по языку, а животы его отдать исцом в выти. А прибудет на него после того иное в розбойном деле иное лихо, — и того казнити. А на обыскных людех, которые его одобрили, взять выть; а обыскных людей лутчих дву или трех бити кнутьем.

6. А на Москве и в ыных городех, в которой сотни поимают у кого розбойника и поличное у него во дворе по его речем вымут, — и того разбойника пытати: и сколь давно к нему приезжает, и розбойную рухледь к нему привозит, и ведает ли он, что он розбивал. И скажет тот розбойник, что он к тому человеку приезжал и рухледь розбойную привозил, — и того человека, у которого розбойника поимают, пытати ж. А на той сотни[3] за розбойника взять выть. А скажет тот розбойник, что он розбивал, а у которого человека поимают, и он того человека в розбоех и в приводех розбойной рухледи учнет говорити, и того он не ведал, что он розбивал, — и про того обыскати тою сотнею, где он живет. И назовут его в обыску добрым человеком, — ино его дать на поруку за обыскных людей, а на сотной выти не имати. А назовут его в обыску лихим человеком, — ина его по обыску пытати.

---

[1] *Так АИ, III, № 167. В рукописи* пытаны.
[2–2]) *Может быть, лучше* тому человеку?
[3] *В рукописи* сотной.

7. Которых губных старост великого князя выберут в городы и в волости, и те старосты не слушают, креста целовати не будут и дел не делают, и грамот царя и великого князя не слушают, — и по тех старост посылати на подводах и сажати их в тюрму. А ис тюрмы их выпущати да на них прогоны имати. А им велети впредь быти у розбойных дел и дела розбойные делати по наказному списку.

8. А которые старосты крест целовали, и те губные старосты живут на Москве за своими делы, а с Москвы не едут, — и тех старост ссылать с Москвы за поруками, а появятца опять, а с Москвы не поедут, — ино их сажати в тюрму на время.

9. А обыскивают губные старосты про татей и про розбойников и к обыску к ним из сел и ис волостей, из деревень немногие люди приезжают из волостей, из сел человек по пяти и по шти, и губные старосты о том пишут к бояром, что к ним многие дети боярские и их прикащики и крестьяне к обыском не ездят, и губных старост не слушают, и тюрем не ставят, и крепостей к тюрмам и сторожей и полоча не дают, и грамот великого князя не слушают, и которых посланников посылает государь с Москвы, и к тем посланником к обыском не ездят же, и которые люди к обыском не ездят, и на тех людех имати ослушного с сохи по рублю. А утекут в те поры ис тюрмы розбойники, — и те иски имати на ослушниках и на тех людех, которые в тюрму не пособляют. А что возмут на ослушных людех денег, — и старостам[1] о тех деньгах отписывати на Москву к бояром, которым розбойные дела приказаны.

10. У которых губных старост языки говорят в ыные городы и в ыные губы, и те губные старосты посылают к тем к губным старостам не с одними грамотами, чтоб тех к ним людей, на которых у них языки говорят, присылати ставити их с языки с очей на очи, и те губные старосты[2] тех людей к тем к губным старостам не посылают и грамот их не слушают, — и о том старостам меж себе ссылатись, а посылать им меж себя целовальников з грамотами. А целовальники б те грамоты отдавали старостам,

---

[1] *В рукописи* старостътам.
[2] *В рукописи далее* с.

взяв с собою сторонних людей, человек трех или четырех добрых, и те старосты к ним против того в том не отпишут, — и по тех старост посылати с Москвы приставов, а велеть их ставити перед бояры с тем целовальником, которой з грамотою послан, и с теми людми, перед которыми людми грамоту отдал, ставить с очей на очи. И скажут те люди, человеки три или четыре, что перед ними целовальник губным старостам грамоту отдал, — и с теми людми суда не дати. И которые губные старосты тех людей не пришлют, а в те поры розбойники утекут, — ино половина вытей имати на тех, которые упустили, а другая на тех, которые не прислали.

11. А на которых старост губных бьют челом бояром исцы, что их судят и обыскивают про них не по дружбе и бояря тем губным старостам примешивают из ыных губ губных старост, чтоб с теми старостами сьезжались и обыскивали вместе, и те губные старосты с теми губными старостами не съезжаютца и вместе не обыскивают, которые старосты не учнут сьезжатся, — и по тех посылати приставов из езду. А в другой ряд не сьедутца, ино на них исцовы иски. А у которых старост многие дела, ино из них одному сьехатца, а другому дела делати в своей губе.

12. Сидят в тюрмах многие люди, и дела их в пожар погорели, сыскати про них нечем, — и тех людей выпрашивати словом да писати по их речем, в чем которой сидит, да про них обыскати.

13. Сидят в тюрмах здесь на Москве многие люди в татбах и в розбоех, а приставы живут у тюрем, тиуновы люди, ино тиуновых людей, которые у тюрем в приставех тюремщики, бьют челом, что тиуновы люди на них поминки емлют, а с ыных платья снимают, а на иных людей на тиуновы в том и доводы бывали и кнутом их в том бивали, — и тиуновым людем впредь у тюрем в приставех не быти. А велети выбрати земли людей добрых, которые люди к тому делу пригожи, 16 человек, да росписати их по месяцом на год. А как те люди у тюрем год поживут, ино их оменити, а выбирати иных людей 16 человек да росписати их по тому ж по месяцом на год.

А в подлинной книге у того государева уложенья припись дьяка Бориса Алексеева сына Щекина.

А на приговоре были у царя и великого князя бояре: князь Юрьи Михайлович Булгаков, князь Дмитрей Иванович Курлетев, Василей Михайлович Юрьев, князь Иван Иванович Пронской, Иван Михайлович Воронцов, князь Василей Семенович Серебряной, Иван Васильевич Шереметев, окольничей Алексей Федорович Одашев, постельничей Игнатей Михайлович Вешнеков.

А в подлинной книге у той статьи дьячьи приписи нет.

[1555 г. 5 мая. Память о правеже долгов]

Лета 7063-го маия в 5 день. Память царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии бояром князю Дмитрею Ивановичю Курлетеву и Ивану Михайловичю Воронцову.

Приговорил царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии. Которые люди у вас в которых делех обвинены и стоят на правеже в ысцовых искех, и те бы люди стояли во сте рублех на правеже месяц; а которые люди стоят на правеже менши ста рублев, или болши, и те бы люди стояли по тому же розчету. А на которых людех в месяц исцова иску доправити не мочно, и вы бы тех людей, в ысцовых искех, выдавали исцом головою до искупа; а болши бы месяца ответчики в ысцовых искех на правеже не стояли. А которые [люди] [1] побьют челом о переводе, ино дати срока денги перевесть на другой месяц, а болши того срока не давати, для волокиты люцкие.

А у памяти припись дьяка Данила Вылузги.

А в подлинной книге у той статьи написано: дьяк Григорей, а прозвище ему не написано... [2].

[1555г. ноября 26. Указ о татебных делах]

Лета 7064-го ноября в 26 день докладывал царя государя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии боярин князь Иван Андреевич Булгаков.

---

[1] *В рукописи отс. Так в дополнительных статьях.*

[2] *Далее помещен Медынский губной наказ 25 августа 1555 г. (см. его ниже, в разделе Акты местного управления).*

По городом и по волостям чинятца татбы великие, губные старосты про те татбы обыскивают, и они у себя [в][1] волостях лихих людей, татей не сказывают. И тем губным старостам доведетца допряма, в какову цену что тати украдут, — да исцу вполы заплатити всею губою. А после того, где татя имут, в которой сохе и доведут на него татбу допряма, а ино все те убытки взяти на той сохе, в коей сохе татя имут.

А в которых городех и в волостех коней не пятнать и в книги не записывают, а губным старостам не ведомо, сколько у них в губе лошадей прибудет или убудет, а з дву сох целовальник выбран, а с сохи целовальнику по полтине на год, — ино приказати губным старостам и целовальником лошади в книги записывати и петнати; а тех бы денег с сох им не имати, а имати им, что указати петна, а татю бы было не столь сладко.

А которые лихие люди крадут и розбивают, ино их в губе сведают, что они лихие люди, и они оттуды бежать в ыную губу да там живут, а они про них не опытывают, откуды они пришли, — ино бы старостам губным и целовальником то ведати и тем им на старине обыскивати, от чево они пришли; а не обыскав про него на старине[2], — ино его в той губе не держать.

А вымут такова человека зде в губе, — ино пеня указывати, хто за ним пригонит; и что скажет тать, был ли розбой, — ино на тех взяти, где его вымут?

А целовальник розбойника или татя упустит или живот розбойничей или татин покрадет да сам губной целовальник побежит, на ком те выти розбойничьи имати, на том, за кем жил, или на тех людех, которые ево люди в губные целовальники выбрали?

И ноября в 28 день сего докладу царь государь князь великий Иван Васильевич всеа Русии слушав, и велел указ учинити.

1. В котором городе или в которой губе у которых людей учинитца татба дворовая или с поля лошади и всякую животину тати покрадут, — и губным старостам про те татбы лихих людей, татей обыскивати. А обыскав в

[1] *В рукописи отс.*
[2] *В рукописи исправлено* из стороне.

которой губе татей и поимав, губным старостам тем татем управа чинити с ысцы по наказному списку. А в которой татбе старостам в обыску и на кого имянно татя не скажут, — и старостам того обыскати ж вправду по крестному целованью губными целовальники и соцкими и десятцкими, что у кого тати украдут, и было ли ево живота столко. А обыскав того губным старостам вправду, что у него тати украдут, взяти вполы ево иску на той губе, в которой губе губным старостам татей имянно не скажут; а после того где татя ведомого поимают, и те прошлые татбы, которых возмут на губах, взяти на том, за кем тати жили, или на той волости, в которой жил.

2. А которые люди в котором городе или в которой губе учнут лошади меж себя продавать или купить или меняти, — и тем людем, хто что кому продаст или купит или променит, являть губным старостам и в книги записывать, и петнити, а денег от записки и от петна старостам не имати.

А которые люди учнут лошади продавати или купити или меняти, а старостам того хто что купит или продаст или променит, или не явит и в книге не запишет и не пятнит, — и старостам на тех людех имати заповедь на царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии по два рубля. А в пене царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии давать тех людей на поруку. А пятьна губным старостам в городех и в губах держати, чым лошади пятнати меж себя розные. А которые лошади будут старостам не явят и в книги не запишут и не пятнити старостам, — на тех людех имати в полы исцовых исков выти. А про тех людей, у которого за лошедь поимаютца, старостам обыскати, какие они люди, да по обыску старостам тем людем управа учинити.

3. А которые лихие люди крадут или розбивают, а губные старосты в своей губе сведают, что они лихие, а те лихие люди с той губы[1] в ыную губу от того побежат жити, и в той губе, в которую губу приведут жити, — и старостам и целовальником то ведати про тех людей, где кто жил, отчего пошли ис тое губы в ыную губу жити. А не обыскав про тех людей, где кто жил, в губах не держати.

[1] *Буква «у» написана по букве «и».*

А у[1] кого вымут лихих людей ведомых, где в городе, на посаде или в волости, а будут им исцы и что скажут татбы или розбою у них взяли, — и старостам на тех людех за тех лихих людей вполы исцовых исков вымимати, у которых людей лихих людей вымут, потому что тех людей, пустя в городе на посаде или в губе жити, а не обыскав и старостам не явя. А старостам и целовальником беречи того накрепко, чтоб у них в губе прибыльных людей без явки не было. А не учнут старосты того беречи, — и исцовы иски имать на старостах, а сверх того, старостам от царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии быти в великой опале.

4. А которой губной целовальник розбойника и татя упустит или животы розбоничьи или татиные покрадет да сам губной целовальник побежит, — и губным старостам того губного целовальника животы и статки отдати вполы исцовых исков в выти. А чего вполы исцовых исков того губного целовальника животов его и статков не дойдет, — и старостам досталь исцовых исков взяти на тех людей, хто того целовальника в губные целовальники выбрал. А перед тех людей губным старостам давать на поруку, что того губного целовальника, которой побежит, добыв, поставили перед старостами. А как того губного целовальника добудут, и перед старостами его поставят, — и старостам того губного целовальника бити кнутьем, а бив кнутьем, выкинуть ево из губных целовальников вон. А вперед того губного целовальника дать губным старостам на поруку, что ему татя или розбойника, которого упустит, добыв, перед старостами поставить.

А как того татя или розбойника добудет и перед старостами поставит, — и старостам тому татю или розбойнику управа учинить по наказному списку.

[1556 г. августа 22. Приговор о губных делах]

Лета 7064-го августа в 22 день царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии приговорил со всеми бояры:

1. В обыскех многие люди лжут семьями и заговоры великими, иные говорят по ищее, а иные по ответчиках,

[1] *Написано над строкой.*

и по тем по лживым обыском посылают вдругие обыскивать, ино те же обыскные люди оговорят иные речи; а на суде ищея или ответчик шлютца на многие люди, на иных в слух, а на иных в виденья и в ведомо, а против того шлютца в послушество; и за теми за лживыми обыски и за послушеством дела не вершат, а иным присужали поля и крестное целованье; и в тех бы делех поль не присуживати[1], а обысков не отставливать, что шлютца в послушество.

2. Пошлетца ищея или ответчик в слух и в виденье и в ведомо, а против того ответчик или ищея шлетца в послушество; и судиям в том поль не присужать, а посылати обыскивати, по ищеиным речем или по ответчиковым, с теми людми, на которых на многих людей ищея слался, или ответчик, опричь их родов и заговоров; а велети обыскивати старостам и целовальником накрепко, да по тем обыском и вершити, без поля и без целованья.

3. А которые ищеи и ответчики тяжутца перед бояры и во всех приказех, а шлютца в обыск на многие люди безъимянно, и в тех делех пошлют бояря обыскивати с Москвы, к старостам и к целовальником, — и старостам и целовальником велети ездить к обыском многим людем и лутчим всем, князем и детем боярским, и их прикащиком, и крестьяном, и архимандритом, и игуменом, и попом, и дьяконом; а из городов с посаду лутчими людми обыскивать с лицо на лицо, а за очи обыскных людей не писати, а речи б свои обыскные люди писали сами. А которые люди грамоте умеют, те бы руки прикладывали, а отцы б их духовные к тем речем руки прикладывали ж.

4. А скажут в обыскех обыскные люди не одны речи, и иные люди говорят по ищее, а иные по ответчике, и по которым человеке, по ищее или по ответчике, в обыску скажут болши людей, человек пятьдесят, или шездесят, — и по тому по болшому обыску ищею или ответчика оправити, а по меншому обвинити, без поля и без целованья; а после того сыскати владыки и архимандриты и игумены, и где будут у бояр села или у ближних людей, — и о том царь государь прикажет розведати того, которая половина

---

[1] *В рукописи последнее* и *исправлено из* ь.

солгала, по тому лживых казнити, по приговору [1], как и в розбойных делех.

5. А скажут в обыску поровну, половина обыскных людей по ищее, а другая по ответчике, — и по тем обыском того дела не вершить, а посылать в другой на обыск; а велети обыскивати старостам и целовальником, опричь тех людей, иными многими людми, про то, которая половина солгала, а на которую половину доведут, что они солгали,— и ис тех людей, изо ста человек, выбрав прикащиков и крестьян лутчих людей человек пяти или шти, бить кнутьем, а игуменов и попов и дьяконов отсылати к святителю; а езды и прогоны и проесть и волокита править [2], и что будет убытков в том деле, оприч исцовых исков, и то взяти на тех, на которых ложь доведут. А [3] которых людей пытают по ложному обыску, и тем людем взяти на них безчестье вдвое, для лжи, чтобы впредь не лгали.

6. А которые люди в обыскех в одном деле двои речи говорят, и ис тех людей, изо ста человек, выбрав лутчих людей прикащиков и крестьян, пяти или шти человек, бить кнутьем, а игуменов и попов и дьяконов отсылати к святителю; а езды и прогоны, и что будет убытков в том деле, опричь исцовых исков, и то взять на тех, которые двои речи говорят.

7. А пошлетца в суде ищея или ответчик в слух и в обыск и в виденье и в ведомо [не] [4] на многих людей, человек на пяти и на шти имянно, а против пошлетца в послушество, а верити будет тем людем не мочно, — и теми людми не обыскивати, а вершити дело по суду и по делу, что положено на судье [5].

8. А пошлетца ищея или ответчик на суде на боярина, или на дьяка, или [6] на приказнова человека, кому мочно верити, посмотря по делу, — и тое правды не отставливати, как скажут, по тому и вершити без поля и без целованья.

---

[1] *В рукописи* приказу вору.
[2] *В рукописи* правоть, *можно прочесть* и правому.
[3] *Далее над строкой* у.
[4] *В рукописи отс.*
[5] *Возможно, в рукописи описка. Лучше читать* суде.
[6] *В рукописи слово-вставка между слов.*

9. А шлетца на суде ищея или ответчик из виноватых [1] хотя на одного человека, — и тое правды не отставливати, что скажут, по тому и винити, без поля и без целованья; а хотя невеликим словом и не договорит ис права, и тем не [2] обвинити.

10. А бояром, и дьяком, и всем приказным людем, и дворяном приказать, чтоб они [3] приказывали в своих селех накрепко, чтоб в обыскех люди их и крестьяня не лгали, а говорили вправду; а сыщетца то, что люди и крестьяня их солжут в обыскех, и самим бояром и детем боярским от государя быти в великой опале, а людем их и крестьяном быти кажненым, как и в розбойных делех.

11. А сведает боярин, или дьяк и всякой приказной человек, или дворянин и всякой сын боярской, что в обыску люди их и крестьяне лгали, и им сказати вправду государю, и в том ему от государя опалы нет, а дело, сыскав вправду, вершити.

12. А к старостам и к целовальником посылати грамоты, с недельщики, запечатав. И старостам, сыскав вправду всякими сыски, и написати, и прикладывати им свои руки. А которые старосты и целовальники грамоте не умеют, ино отцом их духовным в их место рука прикладывати [4], да запечатав своими печатьми да присылати с тем, хто к ним грамоту привезет. А старостам печати свои писати имянно в грамотах, каковы их печати, и недельщик или ездок отдаст бояром в ту избу, ис которой пошлют. А недельщиком с старостами не обыскивати, никоторого дела [5] с ними [6] не делати, возить грамоты для своего езду.

13. А старостам татины и розбойные дела делати, и обыскивати в татиных и в розбойных и во всяких делех вправду, по цареву великого князя Ивана Васильевича всеа Русии крестному целованью, другу не дружити, недругу не мстити. Да и того старостам беречи и сыскивати накрепко, чтоб семьями и заговоры стакався, в обыскех не по делом не говорили. А хто учнет семьями и заговоры в обы-

[1] *В дополнительных статьях* виноватого.
[2] *В дополнительных статьях слова нет.*
[3] *Буква* и *написана вместо* е.
[4] *В рукописи* прикладывали.
[5] *В рукописи* города.
[6] *В рукописи последние два слова исправлены из* к ним.

скех говорити не по делом, — и старостам, того сыскав о тех семьях и о заговорех, отписывати ко государю, хто семьями и заговоры говорят в обыскех неправду. Да и самим то старостам, что ведают мимо обыскные люди, отписывати к царю и государю вправду.

14. А в грамотах к старостам писати, чтоб обыскивали вправду всякими людми, игумены и священники и лутчими людми и середними и молодыми, и розведывати им накрепко всякими обычаи и женским полом; и от кого что услышат о[1] государевых делех и о земских и о всяких росправах, — и о том писати к царю и государю или к тем бояром, у кого те городы в приказе.

15. А учнет староста татиные и розбойные дела делати, и обыскивати в розбойных и в татиных делех и во всяких обыскех обыскивати ложно, не по государеву наказу, или учнет другу дружити, а недругу мстити, или не учнет того беречи, сыскивати семьями и заговоры в обыскех говорят неправду, и не[2] учнут ко государю на те семьи и на заговоры отписывати, — и старосту казнити без милости.

16. Да и того старостам беречи накрепко, чтоб у них пустых мест и насилства християном от силных людей не было. А что у них в губах пустых мест, — и старостам о тех пустошах, сыскав, отписывати ко государю, от кого оне[3] запустели. А не учнет староста того беречи накрепко и ко государю отписывати, — и старостам от царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии быти в опале. А что с тех пустошей имали пошлин, и то взяти на старостах.

17. А которые люди перед старостами ищут на розбойникех и на татех на ведомых, а учнут в тех своих искех с теми людми, на ком ищут, старостам мир являти, — и старостам тем исцом в тех искех миритца не велети, а про тех людей, на ком ищут, доводити по суду и по обыску по наказному списку для земских дел, чтоб лихих вывести.

18. А что подают истцы многие люди жалобницы в татбах, а иски пишут великие, — и о том бы послать грамоты к губным старостам во все городы, чтоб велели кликати по торгом не по одно утро, по многие дни в торгех.

[1] *В рукописи повторено дважды.*
[2] *В рукописи написано над строкой.*
[3] *В рукописи* отне.

Да и сами б губные старосты в торгех и на съездех князем и детем боярским соцким и десяцким и всем людем говорили. Которого человека в которой волости тати покрадут или розбойники розобьют, — и они б в своих искех подавали жалобницы старостам. А писали б в жалобницах по государеву цареву и великого князя крестному целованью прямые иски без прибавки, что у них тати покрали[1] или розбойники взяли, а лишних бы исков не приписывали никоторыми делы. Да и грамоты б по цареву великого князя слову старосты губные от себя о том розослали по всем волостям. Которых людей тати покрадут или розбойники розобьют, — и те б люди однолично иски писали прямые без прибавки, что у кого взято, а лишних бы исков не приписывали никоторыми делы. А которые исцы учнут писати в жалобницах иски великие не по делу, с прибавкою, — и у тех исцов иски их отставливати, а самим тем исцом от царя великого князя быти в великой опале и в продаже. А после той заповеди и кличи и после грамот, которые исцы подадут жалобницы в своих искех, а напишут иски великие не по делу, с прибавкою, — и старостам про то обыскивати около того человека, которого покрали или розбили, многими людми, детми боярскими, и целовальники, и соцкими, и десяцкими, и всеми крестьяны по цареву великого князя крестному целованью, а игумены и попы и дьяконы по священству: что у него тати украли или розбойники взяли и что в его жалобнице писано лошадей или платья, или кузни, или которого живота, и то у него около его на соседстве люди знали ли и было ли ево живота столко, на колко он ищет, и каков прожитком хлебным и денежным. И скажут в обыску, что он подал жалобницу не по делу, с прибавкою, столко у него тати или розбойники не взяли, на колко ищет, и в том на него доведут, что он иск в жалобнице написал ложно, не по животом, с прибавкою, а что в его жалобнице написано лошадей и платья или кузни, а то у него не взято или у него то не бывало, чего ищет, а тот будет человек написал лишка у прямова иску своего десять рублев или пятнатцать у великого иску, — и тем бы давати по сыску и по языком прямой их иск, а лишок бы отставливать. А которые исцы пишут иски свои в полтора или вдвое, а доведут на них, —

[1] *Последние две буквы написаны вместо буквы* т.

и тех бы исцов иски все отставливати, а в пене тех исцов давать на поруки до царева и великого князя указу, да о том отписати к царю великому князю, что им государь велит пеню учинити. А иски их прямые, что у кого на розбое взяли или тати покрали, по сыску, имати на царя государя. И о тех прямых искех, как государь укажет, где их велит давати. А скажут в обыску многие люди, что того человека покрали или розбили, а прожитком живет великим и столко у него взято, на колко он ищет, а что в его жалобнице писано лошадей или платья обыскные люди скажут, что у него лошади и платье знали, а то у него взято на розбое или украдено, а розбойники или тати в той татбе или в розбое скажутца и на товарыщев своих учнут говорить, — и тем бы исцом по сыску и по языком указати весь иск сполна. И[1] как поимав розбойника, а скажетца, что розбивал, — ино его пытать, на колких розбоех бывал, и у кого что имал; и что скажет имал, — и то[2] записывати для лжи исцов.

19. А которые люди стоят на правеже в вытех или в тюрмах сидят в ысцовых искех по лето 7060, — и старостам тем исцом отказать. А на которых людех правят вытей, — и на тех не править, дать их на поруки в том, как их попытают, для иных дел, а не правежу для.

А которые люди стоят на правеже или в тюрме сидят, а исцов им нет, — и тех людей дать на поруки, как их попытают, и порутчиком их поставить.

А которые люди стоят на правеже в вытех, или в тюрмах сидят от лета 7060-го по лето 7065-го, — и того сыскати накрепко, мочно ли тем людем исцовы иски заплатити и животы у них и статки есть ли, или в тюрмах хотят отсидетись, или на правеже отстоятись. И сыщут, будет тем людем исцовых исков заплатити нечем и животов и статков нет, — и на тех людех исцовых исков не править, а ис тюрмы, ис правежу, дати их на поруки, как их попытают и порутчиком их поставить на[3] правежи для иных дел.

А у которых вотчины и животы есть, а сидят в тюрмах, а иные на правеже стоят, хотя отстоятись, — и на тех

[1] *В рукописи исправлено из* а.
[2] *Последние два слова вставка между слов.*
[3] *В рукописи* не.

править. А не мочь будет на них доправить, а вотчины и животы у них есть, — и тех людей отчины и животы продать да отдать всем исцом по розчету.

20. А досудятца, в котором деле до поля, а станет бить челом ответчик, что ему стояти у поля не мочно, чтоб присудили крестное целованье, — ино поля отставити, а дати на воле исцу, хочет сам целует, или ему даст. А учнет бити челом ищея, ино по тому ж дати ответчику на волю.

21. Да написати в Судебник холопью суду: которому холопу дадут отпускную з боярского докладу, или у кого старая отпускная без боярского докладу, и тем холопям у старых у своих государей не служити; а станет которой холоп служити с отпускною старому государю, и та ево отпускная не в отпускную.

А у подлинной уставной книги у того боярского докладу и у государева царева и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии указу и у государева приговору з бояры дьячьи приписи нет. Да в том же приговоре на третьемнадесять листу ни исподнем поле написано имя дьяка Григорья, а прозвище ему в той уставной книге не написано.

ГБЛ, Муз., № 6689, лл. 237—243 об.; 252 об. — 267

УКАЗНАЯ КНИГА ПРИКАЗА ХОЛОПЬЕГО СУДА

[1597 г. февраля 1. Приговор о служилых холопах]

Лета[1] 7105-го апреля в 25 день, по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу, память Михайлу Ивановичю Внукову да дьяку Пятому Кокошкину. Государь царь и великий князь Федор Ивано-

[1] *На полях помета* 142.

вич всеа Русии приговорил со всеми бояры о холопех, о польных, и о докладных, и о кабальных людех, которые люди, на Москве и по городом, служат в холопъстве у бояр, и у князей, и у думных, и у приказных людей, и у детей боярьских, и у всяких служилых людей, и у гостей и у всяких торговых людей, по полным и по купчим и по докладным и по всяким крепостям, и по кабалам по старым, и по новым записным кабалам, и от кого которые холопи полные и кабалные люди побежали, и иные[1], с лета 7105-го февраля с 1 числа, государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии приговорил со всеми бояры.

1. От которых бояр полные холопи, и кабальные и приданые люди, и жены и дети побежали, и бояром имена своих холопей, и на них крепости, прислати в Холопей приказ, да тех холопей имяна, которые у государей своих служат и которые холопи от кого збежали, и на них крепости старые, полные и купчие и докладные и всякие крепости и кабалы старые в Холопье приказе записывати в книги. А тем всяким холопьим крепостным книгам быти за дьячею рукою, болшого для укрепления. А пошлин с старых кабал и со всяких крепостей не имати.

2. А приговорил государь со всеми бояры: Московского государьства всяким людем холопьи имена и на них крепости всякие записывати с нынешняго нового уложения бессрочно. А ближних городов дворяном и детем боярским и всяким служивым людем имяна холопьи, и на них крепости всякие, писати в год[2]. А князем и дворяном и приказным людем, которые на государевых на далных службах, в Астрахани, и на Терке, и на Сушне, и в Сибирских городех, и на Таре с товарыщи, и тем князем, и дворяном, и детем боярским, и всяким служилым людем, в ыменах холопьих и в крепостях дати строку три года. И которыя люди служат в холопьстве у бояр, и у князей, и у дворян, и у приказных людей, и у детей боярских, и у всяких служилых людей, и у гостей и у всяких торговых людей, по полным и по купчим и по рядным, полные люди, и те люди, и жены их и дети, в холопстве тем своим государем и их детям, по прежнему государеву уложенью по Судебнику.

[1] М ныне.

[2] *В рукописи и* М *отсутствует. Дополнено по Сводному Судебнику.*

3. А у кова на холопа или на рабу была полная или докладная, или у ково по рядным и по докладным или по духовным грамотам и по иным старинным крепостям холопи служили, а те будут у них полные и докладные, и рядные, и даные, и духовные и всякие старинные крепости в Московской пожар в прошлом 79-м году, и после того в ыные пожары погорели, или будет иным каким обычаем те у них крепости утерялись, и в том у них даваны явки, и явки сыщут, а крепостий на тех людей нет, и тем людем на тех своих крепостных и на всяких старинных людей по прежнему государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии приговору сто первого году с марта имати в службе новые крепости. А которых всяких крепостных холопей государи их, отходя сего света, от себя белели отпустить и отпускные им давали, и те холопи по тем отпускным впредь свободны, и женам и детем их впредь до тех холопей дела нет.

4. А которые люди, до государева царева и великого князя Федора Ивановича всеа Русии уложенья, в прошлых годех, до лета 7000 девяносто четвертаго году июня до перваго числа, били челом в службу бояром и дворяном, и приказным людем, и детям боярским, и всяким служилым людем, и гостем, и всяким торговым людем, и кабалы на себя служилые давали, а в книги тогды, в Приказе Холопья Суда, те служивые кабалы не писаны и которые люди, с государева царева и великого князя Федора Ивановича всеа Русии уложенья, лета 7000 девяносто четвертаго году июня[1] с 1 числа, били челом в службу бояром и князем, и дворяном, и приказным людем, и дьяком, и детем боярским и всяким служивым людем, и гостем, и всяким торговым людем, и кабалы служивые на себя давали, на Москве з докладу Холопья Суда, и во всех городех с ведома приказных людей, и в записных в московских в кабалных[2] книгах и в городех, и те служилые кабалы записываны до нынешнево государева новово уложенья, 105-го году февраля по 1-е число. И которые люди впредь с лета 7105-го году февраля с 1-го числа били челом в службу, и впредь учнут бити челом в службу бояром, и

[1] *В рукописи* июня *переправлено на* июля. М июля.
[2] *Испр.; в рукописи* кабалах в.

князем, и дворяном, и приказным людем и детем боярским, и всяким служивым людем, и гостям, и всяким торговым людем, з докладу Холопья Суда, и во всех городех с ведома приказных людей, и в московских записных в кабальных книгах[1], и в городех у приказных людей, те служилые кабалы будут записаны, и те все люди, и жены и дети, которые жены и дети в тех служилых кабалах писаны в службу государем своим, по тем служилым кабалам, по старым и по новым быти в холопстве, как и по докладным, а от государей своих им не отходити, и денег по тем служилым кабалам у тех холопей не[2] имати, и челобитья их в том не слушати по старым кабалам; а выдавать их тем государем по тем кабалам в службу до смерти.

5. А которого записново кабалново человека, которая кабала, старая и новая, по новому уложенью записано в книги, а в том кабалном холопьстве у ково родится сын или дочь, — и тех их дети тем своим государем в холопи, против докладных людей, по государыни их смерть, как и отцы их; и женам после мужей своих, и детем после отцов своих, до тех кабальных записных людей, и до их детей, которые дети в кабалах будут писаны, которые дети в том кабалном хлопьстве родяться, дела нет и денег по тем отцовским кабалам на тех кабалных холопех женам и детем не указывати[3].

6. А которая служилая кабала на холопа, или на рабу, у которово государя старие, или будет оба государя живут в одном городе, а возмет на тово ж холопа хто, ведая, новую служивую кабалу, будет крадом тое кабалу и в книги запишет, — и тех людей, и жены и детей по тем старым служивым кабалам отдавати прежним их государем, а по новой кабале денег не имати.

7. А которой государь, поимав[4], приведет к Холопью Суду своего кабальново холопа или рабу, а кабала будет у Холопья Суда в записных книгах записана; и тово холопа и рабу, по записной кабале, отдавати головою в холопство тому его государю, а в сносе дати суд.

---

[1] *Испр. в рукописи* людех.

[2] *Испр. в рукописи* из.

[3] *Испр. в рукописи* узывати; *причем* т *переправлено из* л. М узывали.

[4] *Испр. в рукописи и* М поимал.

8. А которые кабальные люди учнут на себя полные и докладные давати, и тех кабалных людей отсылати, с памятми и с кабалами, к постелничему и к намеснику Трети Московские, к Истоме Осиповичю Безобразову, которые постелничие[1] впредь будут.

9. А которые кабалные люди став, скажут, что они служили преж сего по кабалам, а ныне на себя дают полные и докладные, да постояв, тут же скажут, что полные и докладные на себя не дают; и Михаилу Ивановичю да дьяку Пятому Кокошкину велети тех кабалных людей присылати к себе и, записав в книги, отдавати тех кабалных людей по прежнему их в холопи, по их кабалам, по которым винятца, старым их государем.

10. А о волных людех приговорил государь со всеми бояры. Которые люди, на Москве и по городом, служат у ково добровольно, и Михаилу Ивановичю и дьяку Пятому тех волных людей велети ставити перед собою, с теми людми, кто у кого служит добровольно, да тех волных людей роспрашивати: сколь давно хто у ково служит добровольно, и кабалу на себя даст ли? И которые люди волные послужили у ково [недель][2] пять-шесть, а кабал на себя дати не похотят, и тех людей отпущали на волю. А кто, скажет, послужил у ково добровольно с полгода и болши, а кабалы на себя дати не похочет, а сыщут, что тот доброволный холоп у того человека служил с полгода, — и на тех волных холопей служивые кабалы давати, и челобитья их в том не слушати, потому что тот человек того добровольного холопа кормил и одевал и обувал. А который государь тово добровольнова холопа одевал и обувал и кормил, и тово добровольного холопа однолично никому, мимо того государя, никак не приимати. А кто того добровольного холопа, мимо нынешнее новое государево царево и великого князя Федора Ивановича всеа Русии уложенье, примет, и тех добровольных холопей, сыскав, отдавати со всем старым их государем, у ково хто служил добровольно, а в сносе давати суд и управа, по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу.

---

[1] *Испр. в рукописи и* **М** постолничие.

[2] *Испр. в рукописи и* **М** *слова* недель *нет.*

[1603 г. августа 16. — Приговор об отпущенных холопах]

Лета 7111-го августа в 16-й день [1], государь царь и великий князь Борис Федорович всея Русии, и ево царсково величества сын, государь царевич князь Федор Борисович всеа Русии приговорили со всеми бояры о холопех.

1. Которые бояре и дворяне, и приказные люди, и дети боярские, и гости, и всякие служилые и торговые, и всякие люди, холопей своих ссылали з двора, а отпускных им не дали и крепостей им не выдавали, а велит им кормитца собою, и те их холопи помирают голодом, а иные многие питаютца государевою царевою и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии милостиною, а за тем их не примет нихто, что у них отпускных нет, — и тем бояром, и дворяном, и всяким людем, говорити Ивану Ласкиреву да дьяку Михаилу Унковскому, а к иным неделщиков посылати: будет которые холопи от них не бегают, а они тех холопей з двора сослали, а отпускных им не дали, и крепостей им не выдали, и оне б им давали отпускные и крепости им выдавали.

2. И которым холопем отпускных не дадут и крепостей не выдадут, велят им кормиться собою, а хотят за них вперед в холопстве иматца, и государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии, и его царского величества сын, государь царевичь князь Федор Борисович всеа Русии, велели: тем холопем давати отпускные в Приказе Холопья Суда, Ивану Ласкиреву да дьяку Михайлу Унковскому.

3. А которые холопи учнут приходити из городов и бити челом в Приказе Холопья Суда об отпускных же, а скажут, что государи их, князи и дворяне и дети боярские и всякие люди, з двора их сослали, а отпускных им не дали, и крепостей им не выдали, а велят им кормитца собою, а государей их на Москве нет, — и тем холопем потому ж давати отпускные в Приказе Холопья Суда, чтоб те холопи голодом не померли. Да и в городех про тех холопей велети кликати не по один день, чтоб те боярские и всяких людей холопи, для отпускных, приходили в Приказ Холопья Суда.

[1] *На полях помета* 143.

[1606 г. января. — Приговор о служилых кабалах, написанных на двух господ]

Лета 7114-го генваря[1] в 7 день, приговорили бояре.

1. Которые дети боярские, и приказные люди, и гости и торговые всякие люди, учнут имати на людей кабалы, а в кабалах напишут, занял у него да у сына ево денги, и кабалу им на себя дает, и тех кабал, отцу с сыном, писати и в книги записывати не велети, а велети писати кабалы порознь, отцу опроченная кабала, а сыну опришенная кабала, и сыну с отцом, и брату з братом, и дяде с племянником на людей кабал писати и в книги записывати не велети.

2. А[2] которые люди, отец с сыном, или брат з братом, на которых людей, по служилым кабалам, учнут холопьства искати, и тем исцом по тем кабалам отказывати; а тех людей, на кого они кабалы положат, освободити от них на волю.

И сесь своей приговор в Верху бояре приказали Ивану Васильевичю Милюкову да дьяку Пешку Жюкову в Приказе Холопья Суда в Судебник приписать.

[1607 г. марта 7. — Указ о добровольных холопах]

Лета[3] 7115 марта в 7 день, государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии указал о доброволных холопех. Которые холопи у бояр, и у дворян, и дьяков, и у приказных людей, и у детей боярских, и у иноземцов, и у всяких служилых людей послужит в холопех добровольно, полгода, или год, или болши, а не в холопстве родились и не старинные их люди, а кабал на себя те холопи государем своим дати не похотели; и на тех добровольных холопей в Приказе Холопья Суда учнут государи их бити челом о кабалах, и тех доброволных холопей государь царь и великий князь Василей Ивановичь всеа Русии велел роспрашивати: сколко он у тех государей своих доброволно служит? Да будет которые доброволные

[1] *На полях помета* 144.
[2] *На полях помета* 145.
[3] *На полях помета* 146.

холопи в роспросе скажут, что служат полгода, или год, или болши, а кабал дати не хотят и на доброволных холопей в неволю давати не велел, а велел им тем людем в кабалах отказывати: не держи холопа без кабалы ни одново дни, а держал безкабално и кормил, и то у себя сам потерял. А которые доброволные холопи в роспросе сами скажут, что они служили полгода, или год, доброволно, и впредь хотят служити по кабалам и кабалы на себя дают, — и на тех доброволных холопей кабалы государь указал давати, по прежнему своему государеву указу.

И сесь свой государев указ о доброволном холопстве государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии дияком Дороге Хвяцкому до ОндреюВорееву в Холопье Приказе велел записати.

И[1] 118 сентября в 12 день, князь Григорий Васильевич Гагарин, да дьяк Пешек Жуков, да Павел Матюшкин, о сей холопье [статье][2], что о доброволных холопех в прошлом во 115-м году в Судебник приписано, в Верху бояр докладывали; и бояре все тот прежней приговор 115 году указали отставить, а приговорили: о доброволном[3] холопстве быти той статье по государеву прежнему указу, как уложено и в Судебник приписано блаженные памяти при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Русии 105-го году.

[1608 г. февраля 25. — Боярский приговор о беглых холопах и о холопьих отпускных]

Лета 7116-го февраля в 25 день, князь Иван Андреевич Солцов да Казарин Давыдович Бигичев, да дьяк Дорога[4] Хвицкой, докладывали бояр о родных статьях; и бояре слушев статей приговорили. А что в которой статье бояре приговорели, а то писано под статьями.

1. Били[5] челом государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии, в Приказе Холопья Суда, дворяне и дети боярские розных[6] многих городов, а сказы-

[1] *На полях помета* 147.
[2] В рукописи отсутствует.
[3] *Исправлено. В рукописи* и м добровом.
[4] *В рукописи Дорого.*
[5] *На полях помета* 148.
[6] М *далее* чинов.

вали: имали они ис тюрем себе на поруки изменичьих людей, на Москве, и в Серпухове, и под Тулою и в иных городех, и наделяли; а взяв ис тюрьмы на поруку, да имали на них, на свое имя, служилые кабалы; а старые их бояре, которые были в ызмене, а государева опала ныне им отдана, тех холопей имеют и ищут на них, по старым крепостям, холопства.

И бояре по сей статье приговорили. Которые холопи были в воровстве и государю добили челом, и даны были им отпускные, а после тово опять збежали в воровство, — и тех, которых возмут на деле, в языцех, и их казнити, или старым их бояром отдавати, по крепостям, в прежним их отпускным не верети; а которые с нынешнего воровства прибежат ко государю сами, и тех старым их бояром не отдавати, потому что они сами принесли вину свою.

2. Да[1] государю и царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии били челом дворяне и дети боярские, которые были от Ростриги в опале, а люди их отпущены на волю и отпускные им ис Приказу Холопья Суда даны: и дворяне и дети боярские на тех отпущеных своих людех ищут холопства по старым крепостям.

И бояре по сей статье приговорили тем отпускным, которые даваны при Ростриге, верить; а у которых отпускных нет, тех имати, и по крепостям их отдавати старым их боярем.

3. Да[2] в Приказе Холопья Суда ищут дворяне и дети боярские беглых своих людей; и на суде ответчики которых людей у себя скажут, и тем детем боярским, в тех людех, дают сроку по указу; и как срок придет, и те ответчики перед судьями людей на те сроки не ставят, а сказывают, что у них те люди утекли; а за головы цены им судьи указать без государева указу не смеют.

И бояре по сей статье приговорили. Которой на срок не поставит, а скажет, что збежал, и в том меж ими дати вера: которой не поставит, и ему в том целовати, что збежал без хитрости; а в сносе учинить указ по суду; а хто поцелует, а после у него холопа вымет, и тому казнь что государь укажет, а иск без суда, а в холопстве холоп винен исцу.

---

[1] *На полях помета* 149.
[2] *На полях помета* 150.

4. Того[1] же дни князь Иван Андреевич Солнцов да Казарин Давыдович Бегичев, да дьяк Дорога Хвитцкой, докладывали государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии, что в Приказе Холопья суда бьют челом дворяне и дети боярские на своих холопей, а называют их старинными холопи, а крепостей на них не кладут; а те их холопи своим бояром в старинном холопстве винятца, а от старых своих бояр бегая, да на себя дали иным дворяном и детем боярским кабалы, и те их новые государи на них кладут кабалы, и холопи по кабалам винятца.

5. И марта в 19 день, государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии сего докладу слушав и приказал: отдати холопей по кабалам, кому они на себя, бегая, давали кабалы; а в старинном холопстве, которые их держали без крепостей, указал отказывати: почему у себя держал холопа без крепости?

И[2] 117-го мая в 21 день, государь, царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии приказал князю Григорью Ивановичю Гагарину, а велел сей приговор отставити: а как государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии про тое холопью статью указал, как ей впредь быти, и тот государев указ записан в сем же Судебнике впереди, 117-го мая в 21 числе.

[1609 г. мая 21. — Указ о служивых холопах]

Лета[3] 7117-го мая в 21 день, государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии приказал князю Григорью Ивановичю Гагарину.

1. Которые дворяне, и дети боярские, и всякие люди, держат у себя людей по отцов своих крепостям, по кабалам и по докладным, а отцов их не стало, и тех людей велел государь, попрежнему своему государеву указу, отпущати на волю; и кому они учнут на себя давати служилые кабалы, тому они и холопи.

2. А[4] у которых дворян и детей боярских и у всяких людей кабалы иманы на людей, и у тех людей в кабал-

[1] *На полях помета* 151.
[2] *На полях помета* 152.
[3] *На полях помета* 153.
[4] *На полях помета* 154.

ном холопстве дети поросли, и бегаючи от старых своих государей, дали на себя иным кабалы, и тем людем по новым кабалам отказывати, а отдавати их, сыскиваючи, по старине, старым их государем, у кого они в холопстве родились.

3. А которые дворяне и дети боярские помрут, а после их останутся дети, а кабал они, после отцов своих, на тех людей, которые родились у отцов их в кабалном холопстве, на свое имя не взяли; и тех людей указал государь, их отпущати на волю.

4. А[1] которые холопи у государей своих служат безкабално, лет пять, или шесть, или десять и болши, а ныне они государем своим на себя кабал не дают, и тех холопей, которые холопи живут безкабално лет пять или шесть или десять и болши, приказал государь, их отдавати старым их государем, у кого они живут, до своего государева указу, а о том рекся государь говорит з бояры.

[1608 г. марта 6. — Указ о записях на вольных людей]

И[2] 116-го марта в 9 день, князю Ивану Андреевичу Солнцову да Казарину Давыдовичю Бегичеву, да дьяку Дороге Хвитцкому, в памяти за приписью дьяка Данила Яковлева написано:

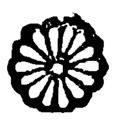
Государь царь и великий князь Василий Иванович всеа Русии укзал. Которые люди всяких чинов учнут приносити к вам в Холопей Приказ, к записке, записи на волных людей, что тем волным всяким людем у тех людей служити по тим записям до своего живота, и тех записей на тех волных людей государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии, в Холопье Приказе в холопьи записные книги записывати не велел, потому: по первому указу и по Судебнику, на волных людей таких записей, что им служити до своего живота у всяких людей, имати не велено и в записные книги в Холопье Приказе холопьи крепости записывати не велено. И по государеву цареву и великого князя Василья Ивановича всеа Русии указу, вперед таких записей на[3] волных людей в Холопье Приказе в записные книги за-

[1] На полях 156.
[2] На полях 157.
[3] *Исправлено. В рукописи* но М не.

писывати не велети, и по таким записям волных людей истцом не выдавати; а имати записи на волных людей всяким людем на урочные лета, по прежнему уложению.

И сесь государев царев и великого князя Василья Ивановича всеа Русии указ велено написати к прежним указом прежних государей, государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, и государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии.

(ГПБ, Q II, №16, лл. 130—157)



Дополнение

1620 г. апреля 18. Память о похолоплении казаков

Лета 7129-го сеньтября в 18 день, по государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии указу, память Семену Михайловичю Колтовскому, да Ивану Козмичю Бегичеву, да дьеку Филипу Митрофанову.

В памяти, в Казачей приказ, к дьяку Потапу Внукову, за твоею Филиповою приписью, написано. Велено выписати из государева указу и из боярсково приговору: во 121-м и во 122-м и во 123-м и во 124-м году и в ыных в прошлых годех, которые казаки ис казачества били челом вновь в холопи и давали на собя служилые кабалы мимо прежних своих бояр, а памятей об них в Холопей Приказ ис Казачья приказу в тех годех не присылывано, и в Казачье приказе о тех казаках государев указ ест ли, по казачеству ли тому холоп, кому бил челом вновь, или по прежнему холопству тому холоп, у ково до казачества служил? А как де по государеву указу сидел в Казачье приказе Иван Колтовской, и того де году в Казачей приказ указная память [1]

[1] Очевидно, далее пропущено слово прислана.

з боярским приговором, в их казацком холопстве в той памяти указано, до и про то описати: с которого году и числа, по государеву указу, велено давати памяти ис Казачья приказу в Холопей Приказ, хто кому казак бьет челом вновь, да тое выписку прислати в Холопей Приказ.

И указ в Казачье приказе, по государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии имянному приказу и по боярскому приговору, как седел в Казачье приказе Иван Колтовской: в прошлых годех которые были в казакех стрелцы и пушкари и посацкие и боярские и всяких чинов люди, похотят ис казачества своею волею в старые свои чины, хто в котором чину до казачества был, и тем всяких чинов людем велено, по их челобитью, учинити воля, хто куды похочет. И по приказом посыланы помяти, а по городом к воеводам государевым грамоты, чтоб их нигде насилством не неволити ни в чем, а в воровстве по них велено имати поруки з записми. А боярские люди, которые, отходя от бояр своих, были в казакех, при боярех под Москвою, да государева обиранья, ис казачества которые похотят в холопи по прежнему к старым своим бояром, хто у ково наперед казачества был в холопех, и тем боярским людем дана воля ж. А которые боярские люди ис казачества бьют челом вновь кому...[1] в искех крестному целованью по утрам в сентябре, в октябре со второго часу да по семой час дни, в ноябре и в декабре со фторого часу да по шестой час дни, в генваре и в феврале с перваго часу да до пятого часу дни, в марте и в апреле со второго часу да по шестой час дни, в мае и в июне с третьяго часу да по семой час дни в ыюле и в августе с четвертаго часу да по осмой час дни, а в вечеру кресному целованью не ставитца. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, Семену Михайловичю Котловскому, да Ивану Козмичю Бигичеву, да дьеком Патрекею их искех велети срочити х крестному целованью, к Николе Старому, по утрам, марта с 21 числа, а ввечеру срочити не велеть; а для обереженья велено быти у крестново цело-

---

[1] Конец этой памяти и начало следующей в рукописи отсутствует (потерян лист?).

ванья дворянину да подьячему, да с ними с сотен целовальником.

А припись дияка Гаврила Богданова у сей памяти.

Лета 7129-го марта в 31 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память Семену Михайловичю Колтовскому да Ива...[1].

(ГПБ, Q II, № 29)

Историко-правовой обзор

Уставная книга разбойного приказа

18 января 1555 г. Приговор о разбойных делах

Уставная книга Разбойной избы 1555—1556 гг. начинается с приговора боярской думы 18 января 1555 г., который в основном был посвящен определению компетенции губных старост, а также установлению порядка проведения судебно-следственных действий по разбойным делам.

Приговор 18 января 1555 г., изданный вслед за губными уставными грамотами и Судебником 1550 года, был одним из этапов в деле упрочения централизованного государства и создания правовых норм, способных обеспечить эксплуататорскому меньшинству поддержание правопорядка, угодного господствующему классу.

Отражая требования дворянства, искавшего защиты у царской власти от посягательств на феодальную собственность со стороны феодально-зависимого населения, приговор 18 января уделяет значительное место правилам проведения розыска.

Постановления приговора впоследствии были использованы при составлении губных грамот, а также вошли в переработанном виде в Уставную книгу Разбойного приказа 1616 года.

---

[1] Далее текст отсутствует.

Ст. 1. Приговор 18 января уделяет основное внимание методам изобличения преступника. В следственном процессе основными доказательствами являлись данные, добытые повальным обыском и пыткой. Показания одного из соучастников, оговаривающего кого-либо в совершении преступления, подкрепленные изъятием поличного и «облихованием» оговоренного при проведении опроса местных жителей, были вполне достаточной основой для вынесения обвинительного приговора и осуждения к смертной казни.

Ст. 2. (ср. ст. ст. 52, 56, 58 Судебника 1550 года). Разрабатывая правила уголовного судопроизводства, составители настоящего Приговора исходили из опыта применения Судебника 1550 года. Меры наказания, предусмотренные Судебником, не удовлетворяли полностью требования феодалов, поэтому Приговор, вопреки постановлениям Судебника, обязывает губные власти подвергать смертной казни тех обвиняемых, в отношении которых имеются обвинительные данные повального обыска и показания свидетеля, уличающего в разбое, хотя сами подследственные под пыткой не признали возведенного на них обвинения. Подобные лица, согласно предписаниям Судебника, подвергались пожизненному заключению.

Приговор приводит мотивы такого отступления от норм Судебника. Пожизненное тюремное заключение не приводило к желаемым результатам. Из текста приговора видно, что нередки были случаи нападения на тюрьмы и освобождения заключенных.

Это свидетельствует также об обострении классовых противоречий в середине XVI века.

Язык — лицо, обвиняющее в разбое, мог быть и «разбойник», уличающий своего соучастника.

Ст. 3. (ср. ст. 5 Медынского губного наказа). При обвинении в «разбоях» решающим доказательством являлась дурная репутация обвиняемого. Порочащие данные повального обыска, не подтвержденные каким-либо более веским доказательством, служили основой для вынесения решения об изоляции обвиняемого от общества, об его осуждении к пожизненному тюремному заключению.

Порочащие данные розыска, подтвержденные указанием на конкретное преступное деяние, хотя бы обвиняемый

и под пыткой продолжал отрицать свою вину, вели к смертному приговору.

Подобные суровые меры закона свидетельствуют о применении в русском феодальном праве принципа устрашения.

Ст. 4. (ср. ст. 6 Медынского губного наказа). Противоречащие показания, добытые при повальном обыске, проверялись основным методом следственного процесса — пыткой.

Однако, даже при помощи пытки, не всегда удавалось получить необходимые признания. В этом случае обвиняемый либо отдавался на поруки местным жителям, либо если большинство опрошенных подтвердило его дурную репутацию, заключался в тюрьму (ср. ст. 5). Если следствие добывало данные, уличающие обвиняемого в совершении иного «лихого» дела, то его казнили, а жители, давшие одобрительные отзывы, несли имущественную ответственность.

Выть — в данном случае пеня, штраф.

Ст. 5. (ср. ст. 7 Медынского губного наказа; ст. 12 Судебника 1497 года, ст. 59 Судебника 1550 года). Расхождение показания при повальном обыске влекло различные меры принуждения для обвиненных в «лихом деле» людей. Если обвиняемого признает «лихим» лишь половина местных жителей и он под пыткой не признается в совершении преступления, то его надлежало отдать на поруки тем жителям, которые дали о нем одобрительный отзыв. Однако при этом обвиняемый обязан был нести имущественную ответственность за ущерб, причиненный разбоем. В случае, если большинство местных жителей даст об обвиняемом отрицательный отзыв, то он подвергается пожизненному тюремному заключению с конфискацией в пользу потерпевших всего своего имущества.

Для признания обвиняемого ведомым лихим человеком приговор требует наличия квалифицированного большинства.

Если же после этого вскроются новые факты участия обвиняемого в разбойных делах, то он подлежал смертной казни, а лица, его «одобрившие», — имущественному взысканию, причем двое-трое из них подвергались телесному наказанию.

Подобная норма повышала ответственность местных жителей за дачу «одобрительных» отзывов и по существу приводила к тому, что при малейшем сомнении повальный обыск давал лишь отрицательные данные об обвиняемом.

Нормы, подобные ст. ст. 4—5, встречаются лишь в губных наказах (ср. Наказ Белозерским губным старостам 1571 года и наказ губному старосте Троице-Сергиева монастыря, 1586—1587 гг. — ААЭ, I, № 281, 330[2]).

Ст. 6. Феодальное право не проводило еще четкого разграничения между различными категориями соучастников (исполнителей, подстрекателей, укрывателей и т. п.).

Настоящая статья предусматривает наличие одного из видов пособничества, а именно укрывательство преступника и имущества, добытого преступным путем.

Город являлся наиболее удобным местом для сбыта награбленного, и в силу этого Приговор особо указывает на порядок розыска укрывателей «разбойной рухляди». При обнаружении разбойника и выемке на месте его поимки поличного губными властями города производилось следствие с целью установления, сознательно ли данный горожанин оказывал пособничество преступнику, или же он не знал о преступном происхождении хранящегося у него имущества. Если «разбойник» показывал на кого-нибудь как на лицо, сознательно укрывавшее преступную добычу, то это лицо подвергалось пытке, а его сотня — штрафу. В случае если обвиняемый указывал, что данный посадский не ведал о преступном происхождении обнаруженного у него на дворе имущества, то прибегали к повальному обыску. Положительные результаты обыска приводили к освобождению посадского под поручительство и освобождению сотни от штрафа, отрицательные данные обыска влекли за собой применение пытки для укрывателя. Исходя из анализа предыдущих постановлений, следует полагать, что признание на пытке влекло для «облихованного» смертную казнь, а отрицание своей вины — пожизненное заключение.

В которои сотни — в данном случае судебный округ, ведавший губными делами (ср. «как к вам ся наша грамота придет и вы б, часа того, учинили промеж себя... у ста дворов сотского, во всех дворех, чьи нибуди на посаде».

Губная грамота Соли Галицкой городским и посадским людем 1540 года — ААЭ, I, № 192).

Ст. ст. 7—8. Должность губных старост была выборной. Однако после избрания губной староста уже не имел права уклоняться от принесения присяги и исполнения своих обязанностей. В противном случае он карался тюремным заключением. После отбытия наказания губной староста обязан был приступить к выполнению своих функций.

В случае если староста не покидал Москвы после принесения присяги, то его принудительным порядком ссылали к месту службы, а при вторичном появлении в Москве заключали в тюрьму.

Креста целовати не будут — не будут приносить присягу при вступлении в должность (см. выше крестоцеловальную запись губных старост, стр. 186—188).

Прогоны имати — удерживать путевые издержки. Таким образом, губные старосты за отказ от исполнения своих обязанностей несли не только уголовную, но и материальную ответственность.

Наказному списку — соответствие с губным наказом (см. выше Медынский губной наказ, стр. 179—185).

Ст. 9. Статья устанавливает ответственность местных жителей за нарушение предписаний губных властей. Жители территории, входившей в определенный судебный округ, обязаны были по первому вызову являться в Губную избу для проведения повального обыска. На жителях также лежала обязанность ставить тюрьмы и выделять людей для охраны заключенных (ср. «А в которых селех или в деревнях, для разбойных и татиных дел учинять приказщиков и губных целовальников и им в тех селах, или в деревнях на разбойников и на татей тюрмы поделати и сторожей к тюрмам выбрати» — Губная грамота Троице-Сергиеву монастырю 1586 года — ААЭ, I, № 330[1]).

Уклонение от исполнения предписаний губных властей каралось штрафом (с сохи по рублю).

Правительство не разрешает бесконтрольно расходовать штрафные суммы, требуя немедленно сообщать о собранных деньгах «боярам, которым разбойные дела приказано ведати», то есть в Разбойную избу.

Ст. 10 (ср. ст. 10 Медынского губного наказа). Закон строго следит за соблюдением правил розыска преступ-

ников на всей территории Русского государства. Поэтому при наличии показаний обвиняемого, уличающего в совершении преступления лиц, подпадающих под юрисдикцию губных властей другого округа, следственные власти, проводившие розыск, обязаны были сообщать об имеющихся показаниях в губную избу соответствующего судебного округа. Местные губные власти обязаны были произвести розыск и доставить оговоренных для очной ставки с оговаривающим. При невыполнении ими этих действий губные старосты, ведшие первоначальное расследование по делу, посылали целовальников с новыми грамотами, которые вручались соответствующим губным властям в присутствии понятых. Если и после этого не принимались соответствующие меры для розыска преступников, то Разбойный приказ (изба) решал вопрос о привлечении к ответственности губных старост.

Все эти меры предосторожности столь тщательно разрабатывались законодательством для того, чтобы не давать возможности губным властям одного округа перелагать ответственность за непоимку преступников на власти другого округа.

Ст. 11 (ср. ст. 7 Судебника 1550 года). Судебник 1550 года провозгласил в качестве одного из принципов управления правило: «давати... жалобником... всем управа, которой будет жалобник бьет челом по делу». В силу этого необходимо было установить порядок рассмотрения жалоб на действия губных властей. Жалобы на злоупотребления или иные неправосудные действия губных старост приносились в Разбойный приказ («А кто х боярину... придет жалобник его приказу»). В случае, если боярин, стоявший во главе приказа, признавал жалобу обоснованной, то он назначал повторное рассмотрение дела с участием губных старост других округов, как лиц, не заинтересованных в исходе дела.

Ст. 12. Во время пожара 1547 года сгорело множество административных зданий со всеми хранившимися там материалами судопроизводства. В случае уничтожения судебных дел лиц, находящихся в заключении, предписывается разрешать вопрос о виновности этих лиц на основе опроса заключенных и допроса самих обвиняемых.

В пожар — имеется в виду майский пожар 1547 года.

Ст. 13. Статья устанавливает выборность и сменяемость тюремных сторожей. Ежегодно избиралось 16 тюремщиков, которые несли свои обязанности помесячно.

Несмотря на то, что тюремное заключение применялось не только как мера пресечения, но и как мера наказания, правительство стремилось всячески сократить количество лиц, находящихся под стражей, требуя от губных старост в случае изобличения преступников принять более суровые меры наказания. (Ср. «Губному старосте Измиру тех татей и разбойников в тюрьмах долго не держати, казнити их смертною казнью», ААЭ, I, № 330 [2]).

А на приговоре были — состав членов боярской думы, принимавших участие в утверждении Приговора 1555 года, весьма показателен. Это виднейшие представители Боярской думы, которые, по мнению И. И. Смирнова, составляли «Ближнюю думу» и входили в правительство 50-х годов XVI века. В его состав входили, в числе других — А. Адашев, Д. Курлятев, И. Шереметев (см. С. В. Бахрушин, Научные труды, т. II, М., 1954, стр. 825—339), В. М. Юрьев (см. И. И. Смирнов, Иван Грозный и боярский «мятеж», 1553, Исторические записки, кн. 43, стр. 157). Постельничий И. М. Вешняков и А. А. Адашев еще в 1553 году занимали положение «детей боярских», которые «были у государя в «думе». О В. С. Серебряном, Булгаковых и И. И. Пронском позднее с раздражением говорит автор вставки в Царственную книгу, писаной в годы опричнины с целью дискредитации деятелей правительства А. Адашева. Поэтому весьма вероятно, что И. И. Пронский, В. С. Серебряной и Ю. М. Булгаков были близки к правительству компромисса.

В мае 1555 года Разбойную избу возглавляли бояре И. Д. Курлятов и И. М. Воронцов, а в ноябре 1555 года И. А. Булгаков (см. ниже).

1555 г. мая 5. Память о правеже долгов

О ней см. приговор 1555 года, Сводный Судебник, грань 1, глава 127.

1555 г. ноября 28. Указ о татебных делах

Мероприятия, разработанные в Приговоре 18 января 1555 г., не дали ощутительных результатов. Сопротивление

феодально-зависимых масс не затухало, а, наоборот, разгоралось с новой силой. В 1554—1555 гг. в Москве было казнено «на Пожаре» «многое множество» посадских людей (Гос. публ. библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q, № 732, л. 166). Необходимо было прибегнуть к новым законодательным мерам, чтобы покончить со столь беспокоившими правительство «татебными и разбойными делами».

Указ 28 ноября 1555 г. состоит из двух частей. Первая часть — это доклад главы Разбойной избы И. А. Булгакова, констатирующий серьезные нарушения закона в деятельности губных учреждений и ставящий перед царем и боярами ряд вопросов, возникших в судебной практике. Вторую часть составляет царский указ по докладу.

По городом и волостем чинетца татбы великие. Законодатель пытался изобразить резкое обострение классовой борьбы в середине XVI века как «татбы великие».

Ст. 1 (ср. ст. 22 Земской уставной грамоты Двинским волостям 1552 года). Судебник 1550 года, как известно, устанавливал правило, что губным старостам надлежит «татей... судити по царевым в великого князя губным грамотам, как в них написано» (ст. 60). Указ 28 ноября 1555 г. детализирует общее положение Судебника, а также развивает и уточняет постановления губных грамот, относящихся к порядку расследования хищений феодальной собственности. Указ подчеркивает особую опасность этого вида преступлений, поскольку отделяет расследования «татьбы» от расследования разбойного нападения, то есть открытого хищения с применением насилия. Относя подобные дела к юрисдикции губных властей, указ особо останавливается на ответственности местных жителей, обязывая их возместить половину ущерба, причиненного татьбой, в случае не обнаружения преступников. Появление данной нормы вызывалось частными случаями укрывательства «татей» местными жителями.

Указ возлагает в этих случаях ответственность не только на рядовых жителей, но и на представителей господствующего класса («...взяти на том, за кем тати жили...»). Данная норма говорит именно о борьбе с уголовными преступлениями, ибо вряд ли представители класса феодалов укрывали бы у себя лиц, активно выступавших против

феодального гнета. Среди уголовных преступников можно найти не только имена холопов, являвшихся исполнителями замыслов своих господ, но и имена представителей господствующего класса. Так, дворовая тетрадь 50-х годов XVI века содержит сведения о детях боярских, которые были убиты во время учинения преступных действий за совершение преступлений (ср. записи в дворовой книге: И. И. Шеин «в разбое умре», А. Д. Путятин-Юрьевский сын боярский «в разбое». «Василей Александров сын дворецкого Левашева. В разбое Василей повешен». Тысячная книга 1550 года и дворовая тетрадь 50-х годов, Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1950, стр. 124, 153, 196).

В соответствии с постановлением ст. 72 Судебника, указ устанавливает обязательность проверки правильности утверждения истца о наличии у него ранее имущества, якобы похищенного татями.

Ст. 2. (ср. ст. ст. 94—96 Судебника 1550 года). Ввиду особой важности коневодства в хозяйственной жизни страны следовало общие нормы Судебника, относящиеся к правилам купли-продажи лошадей, разработать применительно к возможным преступным нарушениям предписаний закона в этой области.

С этой целью регистрация сделок по купле-продаже лошадей возлагается вместо наместников и волостелей, как это было установлено ст. 95 Судебника, на губные власти, которым принадлежало также право взыскания штрафа за нарушение установленных правил регистрации. В то же время губные власти получали полномочия на проведение розыска в случае кражи лошади (см. ст. 1 «...у которой губе... с поля лошади... тати покрадут...»).

Статья подчеркивает возрастающее значение письменной документации при заключении торговых сделок в Русском государстве середины XVI века.

Ст. 3. Указ впервые в истории русского законодательства вводит регистрацию населения в случае его передвижения.

Указ возлагает на губных старост обязанность надзора за новопришлыми в их губе людьми. Новопришлые люди должны «являться» в губную избу, где устанавливались причины их появления на новом месте.

В случае обнаружения у кого-либо из местных жителей пришлых «лихих людей», лица, их приютившие, возмещали половину стоимости иска, предъявленного этим «лихим людем».

О порядке регистрации пришлых людей см. Губную грамоту селам Троице-Сергиева монастыря 1541 года: «которые люди торговые или дети боярские проезжие учнут у вас ставитися ночевати, или в которых селех торговати, и вы б меж себя тех людей являли десятским, а десятские являли пятидесятским, а пятидесятские являли сотским; а сотские с пятидесятскими и с десятскими осматривали и записывали, какие люди в котором дворе ставятся. А которые люди проезжие, необычные и незнаемые, в которых дворех в тех селех и деревнях, станут сказыватися неимянно и непутно, и вы б тех людей имали да про них обыскивали накрепко вправду, безхитростно, по нашему крестному целованию какие они люди: а обыщете, что они добрые люди, и вы б тех людей имена писали в список, а их отпущали не удерживая» (ААЭ, I, № 194[1]).

Нарушение этих предписаний указа влекло для губных старост серьезные последствия — они отвечали своим имуществом за причиненный новопришлыми ущерб и, кроме того, подвергались «великой опале».

Ст. 4. Со времени принятия Судебника 1550 года принцип ответственности должностных лиц за допущенные злоупотребления по службе начинает проникать во все законоположения Русского государства.

Настоящая статья устанавливает ответственность губного целовальника за непоимку преступника и за хищение имущества преступника. Следует полагать, что речь идет не о небрежности должностного лица, случайно не задержавшего разбойника или татя, а об умышленном отпуске преступника на волю, поскольку это преступление законодатель делает равнозначным умышленному посягательству на собственность преступника.

За преступные действия целовальника несет ответственность не только он, но и те местные жители, которые голосовали за его избрание. Они несут материальную ответственность и обязываются разыскать и доставить беглого целовальника губным старостам.

1556 г. августа 22. Приговор о губных делах

Настоящий Приговор датируется 22 августа 1556 г. [См. Сводный Судебник, поместивший ст. ст. 1—13, 15, 20 (грань 3, ст. ст. 101—115) и ст. 21 (грань 12, глава 116) Приговора.]

В данном Приговоре нашло свое отражение стремление правительства как-то парализовать то сочувствие местного населения, которым были окружены многие «разбойники», выступавшие против феодального гнета.

Приговор завершает эволюцию взгляда на «поле», как на архаичный пережиток, чуждый общественно-политическому строю развитого феодального государства, нашедший свое первоначальное выражение в послании митрополита Фотия 1410 года (ААЭ, I, № 369) и ст. 9 Белозерской уставной грамоты.

Ликвидация «поля» и провозглашение розыска во всех случаях в качестве основного метода судопроизводства знаменовали окончательную победу следственного начала в уголовном процессе.

Ст. 1. Настоящее постановление отмечает частые случаи дачи ложных показаний при производстве повального обыска. При наличии разногласия во время обыска, когда показания не дают полного подтверждения требованиям истца или утверждениям о невиновности ответчика, следует производить повторный обыск. В случае, если он не дает определенных результатов и его итоги будут противоречить данным первого обыска, то все равно нельзя прибегать к судебному поединку, а следует продолжать розыск.

В слух... в видение... з ведомо — три вида показаний во время обыска. Различая показания, даваемые при производстве повального обыска, от собственно свидетельских показаний, приговор тем самым делил свидетельские показания на показания лиц, удостоверяющих добрую славу подследственных, и на показания очевидцев.

Ст. 2. В следственном процессе основой всех доказательств являлись данные, добытые путем розыска.

Приговор отбрасывает в качестве доказательства судебный поединок, присягу и даже свидетельские показания, признавая производство розыска главнейшей обязанностью губных властей при расследовании дела. Разноречивость

ссылок сторон приводила к обязательному проведению розыска.

С целью наибольшей достоверности данных розыска при его производстве запрещалось отбирать показания у родственников сторон или лиц, связанных с расследуемым уголовным делом («заговором») (ср. «...сверх того, государь шлюся в слух и в обыск в стан Старой Рязани на Глебовской лес и в Мещеру на детей боярских и на их прикащиков и на священников и их крестьян да на твои, государь, дворцовые села и на бортные села и на монастырские с ворот на ворота... и на все твои государевы села и волости около себя верст на 50 или 100, опричь его *роду и племени и заговора»* — Акты Юшкова, № 220).

Ст. 3. Статья устанавливает порядок проведения повального обыска. Статья перечисляет те категории населения, к чьим показаниям правительство относилось с особым доверием. В первую очередь — это светские землевладельцы, духовенство, а также зажиточная часть посадских людей и крестьянства (ср. грамоту 1558 года: «...перед судьями... в обыску говорили детей боярских 11 человек имяны, да из розных волостей игумен, да 7 попов, да 149 человек старост, и целовальников, и крестьян имяны...» — Акты Федотова-Чеховского, № 71).

Показания «обыскных людей» должны были быть записаны ими собственноручно или же заверены их подписями и подписями их духовников.

А которые грамоте умеют — в издании В. Н. Татищева иначе: «А которыи люди писать умеют, и те бы руки прикладывали; а которые не умеют, ино...» и т. д.

У Татищева далее прибавлено. «А ишее и ответчику и их людем и приятелем у обысков не быти и обыскных людеи не объезжати и не уговаривати, а сыщется про то, что он объежжал и уговаривал, и он тем и виноват».

Ст. 4 (ср. ст. 58 Судебника 1550 г.). Если Судебник 1497 года довольствовался 5—6 участниками повального обыска, Судебник 1550 года довел их число, в зависимости от социального положения, до 10—20 человек, то настоящий приговор доводит число участников до 100 человек и более (ср. приведенную выше правую грамоту 1550 года: «...обыскные люди разных волостей игумен,

да 4 попы, да 4 человеки детей боярских, да 12 человек приказщиков, да боярской человек, да 261 человек целовальников и крестьян, и всего 283 человеки имяны говорили...» — Акты Федотова-Чеховского, т. I, № 71). Подобная практика диктовалась желанием возложить ответственность за поимку преступников на возможно большее число местных жителей. Показания лиц, остававшихся при производстве повального обыска в меньшинстве, проверялись вторично, и если в результате розыска устанавливалась лживость показаний меньшинства, то эти лица подлежали наказанию по всей строгости закона.

Ст. 5. Статья тесно связана с предыдущим постановлением. В отличие от ст. ст. 6—7 Медынского Губного наказа и ст. ст. 5—6 Приговора 18 января 1555 г., где разделение при повальном обыске голосов поровну влекло пытку для облихованного, приговор 1556 года требует в подобных случаях не решать судьбу обвиняемого, а произвести контрольный опрос местных жителей, привлекая к нему лиц, не допрошенных в первый раз. Если в ходе второго обыска выяснилось, что часть допрошенных при первом обыске людей дала ложные показания, то из их числа 5 или 6 человек лучших людей наказывались кнутом, а представители духовенства подлежали церковному суду. Все обыскные люди, давшие ложные показания, также платили судебные пошлины и деньги за бесчестье.

Ст. 6. Разноречивость показаний одних и тех же лиц могла ввести в заблуждение судебные власти. Отсюда вытекает норма, согласно которой лица, дающие в процессе расследования одного и того же дела противоречащие показания, отвечают в уголовном порядке, предусмотренном ст. 5 Приговора.

Ст. 7. Поименная ссылка на нескольких человек для производства среди них обыска не принималась во внимание, если противная сторона ссылается на чьи-либо свидетельские показания. Причем в том случае, если свидетелям «верити будет... не мочно», дело разрешалось обычным судебным порядком, предусмотренным нормами Судебника.

Ст. 8. Отвергая проведение обыска среди нескольких человек как единственный путь выявления преступника (ст. 7), закон не может обойти вопрос о том, как быть, если в числе этих нескольких лиц имеются наиболее

привилегированные представители феодального государства. Показания боярина, дьяка или приказного человека в соответствии с феодальным правом, как правом-привилегией, являются бесспорным доказательством и играют решающую роль при рассмотрении дела (ср. охрану ст. 6 Судебником 1550 года бояр и приказных людей от напрасных жалоб на их действия).

Ст. 9 (ср. ст. 15 Судебника 1550 года). Настоящее постановление основывается на норме Судебника, согласно которой «если... послухи не договорят в истцовы речи, ино тем ищея виноват». В этих случаях не требуется для взыскания приговора ни присяги, ни поединка.

Ст. ст. 10—11 (ср. ст. 4 Медынского Губного наказа). За лжесвидетельство зависимых крестьян и холопов несли ответственность их господа. В случае установления лжесвидетельства крестьяне и холопы наказывались, как за совершение разбоев, а землевладельцы подвергались опале. Феодал мог избежать опалы лишь тогда, когда он, достоверно узнав о даче его людьми ложных показаний при обыске, сообщит об этом надлежащим властям.

Установление ответственности феодалов за действия их людей было необходимо для того, чтобы не давать представителям господствующего класса возможности скрывать свою челядь от органов власти. Феодалы неохотно шли навстречу требованиям представителей власти, ибо, как правило, в случаях привлечения холопов и крестьян к ответственности они подвергались смертной казни. Феодалы же не хотели лишаться необходимых им рабочих рук.

Ст. 12 (ср. ст. 75 Судебника 1550 года). Определяет порядок взаимоотношений центральных органов власти с губными властями. Все распоряжения должны были документироваться. Доставка письменных предписаний губным властям возлагалась на недельщиков («А с записми не посылати никуды, опричь ведомых разбойных дел...» — ст. 75 Судебника). В свою очередь губные старосты обязаны были свои донесения также представлять в письменном виде. Образцы печатей губных старост должны были сообщать в Москву, чтобы никто не мог подменить донесения соответствующего старосты.

Отдаст бояром в ту избу, из которой пошлют — из текста Приговора видно, что перепиской с губными вла-

стями занимался не только Разбойный приказ, но и другие ведомства. В исследуемый период наименование центральных ведомственных органов (приказов) еще не устоялось, и большинство из них носило наименование «изб».

Ст. 13 (ср. ст. 12 Медынского Губного наказа). Губные старосты обязаны были выполнять свои обязанности, согласно данной ими торжественной присяге (см. выше крестоцеловальную запись губных старост). Приговор требует от губных старост не допускать преднамеренного сговора «обыскных людей» и немедленно доносить о подобных случаях. Возлагая на губные власти полицейские функции, правительство вменяет в обязанность губным старостам доносить о всем происшедшем в губе, даже если это не было установлено при помощи повального обыска.

Ст. 14. Требуя от губных властей быть, как говорилось в позднейших документах, «очами государевыми», правительство указывает в приговоре на обязательность опроса местных жителей по самым различным делам. Добытые таким путем сведения должны были немедленно доставляться вышестоящим органам власти.

Так правительство постепенно создавало полицейский аппарат, надзиравший над всей жизнью жителей уезда.

К тем боярам, у кого те городы в приказе (ср. ст. 72 Судебника 1550 года: «к тем бояром их дворецким, и казначеем, их диаком, у кого будут которые городы в приказе») — лишнее подтверждение, что губные власти не всегда подчинялись лишь Разбойному приказу. По отдельным категориям дел они сносились и с другими центральными ведомствами (ср. предписание 1559 года губному старосте исполнить решение суда о передаче вотчины — Акты Федотова-Чеховского, т. I, № 73).

Ст. 15 (ср. ст. 13 Медынского Губного наказа). Неправомерные действия губных властей, выражавшиеся в злоупотреблении губных старост своим служебным положением, а также сокрытии ими преступных деяний местных жителей, влекли для виновных смертную казнь.

Феодальное государство беспощадно расправлялось с теми должностными лицами, кто своими действиями нарушал установленный господствующим классом правопорядок.

Ст. 16 (ср. ст. 31 Земской грамоты Двинских волостей 1552 года). Правительство стремилось всеми способами воспрепятствовать опустошению населенных пунктов. На губные власти возлагается обязанность охраны местных жителей от посягательств со стороны «силных людей», то есть от своеволия феодальной знати, часто не считавшейся на местах с предписаниями центральных властей и захватывавшей самовольно деревни и поселения (ср. Правую грамоту 1543 года, описывающую наезд феодала на деревню: «Приехал, господине, к нам тот Иван Толочанов в Спасскую в монастырскую деревню Еремеецского села на Черныне со многими людми силно, да, нас, господине, бил и ограбил, да выметал из деревни их Черных з женишками и з детишками вон силно, а животы, господине, наши и статкы поимал...» — Н. П. Лихачев, Сборник актов, вып. II, № X.) Если опустошение деревень произойдет по вине губных старост, то последние должны были возмещать казне ее убытки, платя причитающиеся с этих деревень налоги.

Ст. 17. В отличие от предыдущих законодательных актов, допускавших в процессе судебного разбирательства примирение сторон (ср. ст. 9 Судебника 1550 года), Приговор не допускает возможности примирения в разбойных делах. Таким образом, принцип частного обвинения переходит в принцип публичного обвинения. Государственная власть, заинтересованная в подавлении классово-враждебных элементов, не может допустить их уклонения от судебной ответственности.

Ст. 18 (ср. ст. 72 Судебника 1550 года). Во исполнение предписаний Судебника о проверке обоснованности предъявленных истцами требований правительство возлагает на губных старост обязанность обнародовать повсеместно на торгах правила проверки обоснованности исков.

После обнародования приводимых ниже правил истцам запрещалось ссылаться на незнание закона, и нарушение предписаний Судебника и Приговора влекло для них соответствующие меры наказания.

Если на кого-либо нападут разбойники или воры, то потерпевшие обязаны сообщать губным властям о понесенных убытках, не прибавляя ничего лишнего.

Обоснованность искового требования проверялась путем розыска. Если данные повального обыска уличали истца в намеренном увеличении исковых требований, то истцам возмещался лишь их действительный ущерб. Увеличение же исковых требований в 1,5 или 2 раза против действительности приводило к лишению истцов права на иск и к привлечению их к уголовной ответственности (ср. «а в государевой пене и ябедничестве дати его на поруку, да прислати с обыскным списком к Москве», ст. 72 Судебника 1550 года). Фактически причиненный им ущерб взыскивался с преступника в доход государства.

При подтверждении на повальном обыске причиненного разбойным нападением ущерба, он полностью взыскивался с преступников в пользу потерпевших.

Ст. 19 (ср. выше, Память о правеже долгов 5 мая 1555 г.). Большая долговая задолженность приводила к массовому правежу должников. Приговор устанавливает, что в случае невозможности погашения долга из имущества должников их следует отпускать на свободу под поручительство. На поручителей возлагалась обязанность представлять в необходимых случаях должников для правежей по другим делам.

Если же у должников имеется имущество, а они не хотят погашать долги, предпочитая отстояние на правеже (то есть перетерпеть телесные наказания), то их имущество подлежало продаже для покрытия задолженности.

Таким образом, губные старосты уполномочивались рассматривать не только уголовные дела, но и споры, предметом которых служил договор займа.

На правеже — правеж — взыскание долга, проводившееся по судебному решению; на правеже должник подвергался телесным наказаниям, которые должны были заставить его погасить задолженность.

Ст. 20 (ср. ст. 1). Законодатель оказывал предпочтение любому виду доказательства перед «полем». Сторона, отказавшаяся от судебного поединка, могла избирать иной вид судебного доказательства. Закон запрещает принуждать к судебному поединку.

Ст. 21 (ср. ст. ст. 76, 77 Судебника 1550 года). Приговор дополнял постановления Судебника о холопах, запрещал

вольноотпущенникам служить у прежних хозяев. Пребывание вольноотпущенников на службе у своих прежних господ лишало юридической силы их отпускную грамоту.

Уставная книга приказа холопья суда

1597 г. февраля 1. Приговор о служилых холопах

Приговор 1 февраля 1597 г. помещен в памяти от 25 апреля 1597 г., адресованный в Холопий Приказ (см. также Сводный Судебник, грань 12, глава 165). Этот приговор принадлежит к числу крепостнических мероприятий правительства Бориса Годунова 80—90-х годов XVI века, проведенных в сложных условиях хозяйственного разорения страны и роста классовой борьбы крестьян.

В связи с этим приговор 1597 года носит двойственный характер. С одной стороны, он лишал кабальных людей возможности выйти на свободу путем погашения долга. Разделяли судьбу служилого холопа и его дети, родившиеся в неволе. С другой стороны, кабальный человек оставался в холопьей зависимости лишь до смерти своего господина. По смерти господина служилые холопы могли уходить на свободу со всем своим семейством без погашения своего долга. Вдова и дети господина никаких прав на кабального холопа не имели.

Закон превращал в служилых холопов тех лиц, которые жили за господином «добровольно» полгода и больше, таким образом отменял приговор 11 октября 1555 г., допускавший возможность добровольной службы у феодала.

Приговор устанавливал обязательность регистрации в особых крепостных книгах Приказа Холопьего суда всех актов на холопов (полных, докладных и служилых кабал).

Приговор 1 февраля 1597 г. — этап на пути изживания полного холопства, постепенно заменявшегося служилой кабалой. После этого приговора холопьи отношения фиксировались по преимуществу не в полных и докладных, а в служилых кабалах.

В московский пожар в прошлом 79 году — пожар Москвы во время набега Девлет-Гирея 1571 года.

По прежнему... приговору 101 году марта... Уложения лета 7094 года — Приговор 1593 года и Уложение 1586 года до нас не дошли. А. И. Яковлев полагает, что законы 1586—1593 гг. в отличие от указа 1597 г. подчеркнули раз-

решение ликвидировать зависимость по служилой кабале путем уплаты долга. В них якобы содержалось: 1) требование перевода всех старых холопьих крепостей в один вид документа — служилую кабалу; 2) запрещение перевода кабальных холопов в полные и докладные; 3) запрещение холопить детей кабальных людей, если даже они родились при дворе господина. Закон 1597 года А. И. Яковлев рассматривает как уступку правительства, сделанную в интересах холоповладельцев. Эти предположения А. И. Яковлева большинство исследователей, в том числе Е. Н. Кушева, Б. Д. Греков и С. Б. Веселовский, считают недоказанными. В настоящее время с несомненностью можно утверждать только, что уложение 1586 года вводило обязательность регистрации всех крепостей о холопстве в Приказе Холопьего суда. Приговор 1593 года предписывал составлять на полных и других холопов новые крепости, если старая документация погибла во время пожара 1571 года или позднее.

Имати в службе новые крепости. — При утрате старых полных и докладных грамот в официальной канцелярии вместо них выдавались служилые кабалы. За вторую половину XVI века полные грамоты уже отсутствуют. До нас дошли новгородские записные книги 1597 года, содержащие запись служилых кабал, полных и докладных за конец XV—XVI вв. (см. РИБ, т. XVII).

Отсылати к постелничему — постельничие и наместники трети московской ведали регистрацией полных и докладных грамот.

По старым кабалам. — В. И. Веретенников считает, что указ 1597 года запрещал покидать господина путем уплаты долга только тем холопам, которые попали в кабалу до введения указа (то есть «по старым кабалам»). Это предложение не принимается большинством исследователей, которые видят в указе 1597 года постановление, касающееся всех категорий служилого холопства.

1603 г. августа 16. Приговор об отпущенных холопах

Приговор 16 августа 1603 г. был принят в очень тяжелое время третьего голодного года в стране и в обстановке восстания холопов во главе с Хлопком. Влияние

восстания отразилось на тексте закона, из которого видно тяжелое положение холопов. Приговор обязывал холоповладельцев давать отпускные тем холопам, которых они не в состоянии были прокормить. В случае отказа господ выдать им отпускные, указ предписывал выдачу этих документов против воли господ в приказе Холопьего суда.

Закону 1603 года придавалось большое политическое значение, поэтому во всех городах должны были публично объявить, что холопы могли получить отпускные в Приказе Холопьего суда. Приговор 1603 года был временным мероприятием, уступкой холопам с целью вырвать их из лагеря восставших и предотвратить возможность других выступлений кабального люда.

Холопей своих ссылали с двора. — Об этом же пишут современники. Так, Авраамий Палицын сообщает, что «во время же великого глада сего озревшеся вси, яко не мощно питати многую челядь, и начаша рабов своих на волю отпущати, инии убо истинно, инии же и лицемерством... мнози же... имущех, чем препитати и на много время домашних своих, но восхотевше многие богатства собрати и того ради челядь свою отпускающе» («Сказание Авраамия Палицына», М. — Л., изд. АН СССР, 1955, стр. 107).

1606 г. января 7. Приговор о служилых кабалах, написанных на двух господ

Приговор 7 января 1606 г. правительства Лжедмитрия I, исходя из закона 1597 года, подтвердил принцип личной зависимости служилого холопа: служилые кабалы, в которых был отмечен не один господин такого холопа, а несколько, признавались недействительными. Если кабального человека записывали за двумя родственниками, то он освобождался от зависимости вовсе. Таким образом, правительство, оставаясь на крепостнической позиции, декларировало борьбу с попытками отдельных феодалов обойти установленный в 1597 году порядок. В то же время закон 1606 года разрешал «писати кабалы порознь, отцу опрочення кабала, а сыну опришенная кабала», то есть оставлял возможность для превращения кабальной зависимости в наследственную: для этого следовало только заключить одновременно несколько кабал.

Кабалы — служилые кабалы.

Писати кабалы порознь. — Закон, очевидно, допускал составление одновременно двух кабал, одна из которых была на имя заимодавца, другая — на имя его сына. М. Ф. Владимирский-Буданов считает, что второй акт мог быть составлен только после уничтожения первого (то есть после освобождения холопа).

1607 г. марта 7. Указ о добровольных холопах

Указ о добровольных холопах 7 марта 1607 г. был издан на последнем этапе борьбы правительства Василия Шуйского с восстанием Болотникова. Согласно указу 1607 г., запрещалось кабалить так называемых «добровольных холопов». Таким образом, отменялся приговор 1597 года, превращавший лиц, прослуживших более полугода во дворе феодала, в служилых холопов. Новый указ являлся попыткой за счет допущения так называемого «добровольного холопства» расколоть лагерь восставших крестьян и холопов и добиться перехода на сторону правительства наименее устойчивой его части.

Приговором 12 сентября 1609 г. указ о добровольных холопах был отменен как не соответствующий крепостнической линии правительства и восстановлен закон 1597 года, превращавшей их в служилых холопов.

1608 г. февраля 25. Боярский приговор о беглых холопах и холопьих отпускных

Боярский приговор 1608 года состоит из трех статей и одного доклада. В первой статье устанавливалось, что холопы, бежавшие из отрядов Лжедмитрия II, получали свободу.

В обстановке, когда у известной части холопов сохранялась еще вера в «хорошего царя» — Дмитрия, многие участники восстания Болотникова примкнули к выступлению Лжедмитрия II и получили свободу.

Первая статья приговора имела своей целью вырвать из отрядов Лжедмитрия II часть холопов. Вместе с тем статья предусматривала, что холопов, даже получивших отпускные, но перешедших к «Тушинскому вору», при их поимке следует казнить или выдавать старым господам.

Вторая статья признавала законность отпускных, выданных при Лжедмитрии I.

Третья статья устанавливает, что для подтверждения факта побега холопа достаточно присяги его господина.

По докладу Приказа Холопьего суда Василий Шуйский издал приговор 19 марта 1608 г.: холопы, бежавшие от своих господ и поступившие к новым хозяевам, оформив при этом свои отношения служилыми кабалами, старым господам не выдавались, если те не предъявляли соответствующей документации, даже в случае признания беглецом факта холопьей зависимости от прежнего господина. Закон был принят с целью заручиться поддержкой дворян, которые после крестьянской войны 1606—1607 гг. сумели приобрести значительное количество служилых холопов.

21 мая 1609 г. этот приговор был отменен в соответствии с новым законом от того же числа.

Под Тулою. — И. И. Смирнов полагает, что раздача холопов «на поруки» произведена была еще до взятия Шуйским Тулы.

С нынешнего воровства — имеется в виду выступление Лжедмитрия II. В данном случае, очевидно, говорится вообще о холопах, бежавших из войск Лжедмитрия II, а не только о холопах, получивших отпускные, потом изменивших Василию Шуйскому и снова перешедших на его сторону.

На деле — в сражении.

В языцех — в качестве «языков».

От Ростриги — от Лжедмитрия I.

Бояре, которые были в измене, и государева опала ныне им отдана. — И. И. Смирнов считает, что речь идет в данном случае об амнистии феодалов — участников восстания Болотникова.

1609 г. мая 21. Указ о служилых холопах

Указ 21 мая 1609 г. делал шаг по пути утверждения власти наследников холоповладельца над служилыми холопами, обставляя его некоторыми юридическими формальностями. Закон подтверждал приговор 1597 года о том, что после смерти господ служилые холопы и их дети получали свободу. Вместе с тем указывалось, что дети служилых хо-

лопов, бежавшие от своих господ, выдавались им «по старине», если даже они дали кому-либо еще кабалы на себя.

«Добровольные» холопы, прожившие у своих господ, по указу 21 марта 1609 г., без кабал 5 лет и более, закреплялись за этими господами впредь до нового указа.

1608 г. марта 6. Указ о записях на вольных людей

Указ 6 марта 1608 г. о записях на вольных людей написан в развитие указа 7 марта 1607 г. о «добровольных холопах». Его появление, как и приговора 25 февраля 1608 г., объясняется стремлением правительства Василия Шуйского обеспечить условия разгрома движения Лжедмитрия II. Пытаясь всеми средствами обойти приговор 7 марта 1607 г., представители господствующего класса добивались от людей, служивших у них во дворе, составления особых записей, в которых содержалась обязанность этих лиц служить до своей смерти у господ. Эти записи в силу указа 1608 года были признаны не имеющими юридической силы и в записные книги не заносились.

Записи... на урочные лета — речь идет о половничьих порядных, в которых указывался срок найма, а также о житейских записях.

Дополнение 1620 г. сентября 8. Память о похолоплении казаков

Память является отрывком из недошедшего до нас полностью продолжения уставной книги Приказа Холопья суда, сохранившимся в одной рукописи (ГПБ, Q II, № 29).

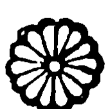
Согласно выписи из Холопьего приказа запрещалось насильственно возвращать старым господам тех холопов, которые, побывав в казаках, захотят поступить в служилое холопство к другим феодалам.

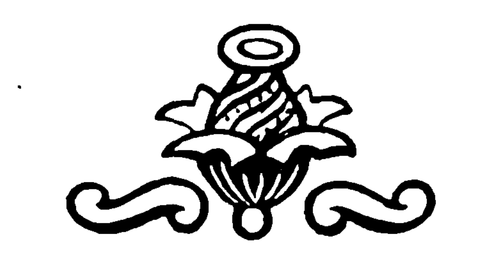
ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Акты исторические, т. I, № 221; т. II, № 44, 63, 85.
2. М. Ф. Владимирский-Буданов, Хрестоматия по истории русского права, вып. III (разные издания).

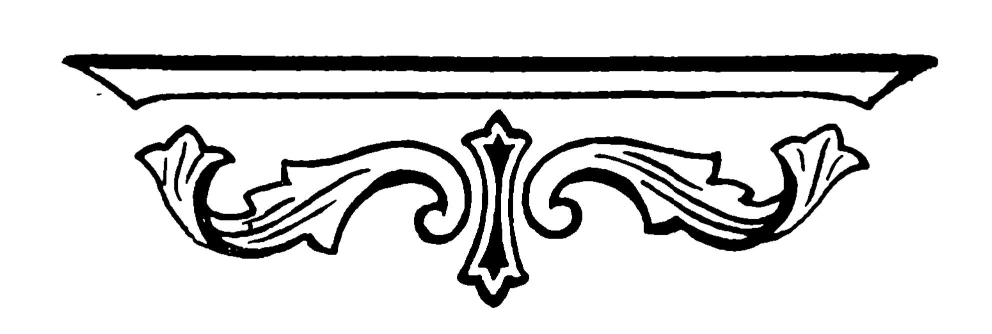
ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. II, изд. 2-е, М., 1954.
2. В. И. Веретенников, К истории кабального холопства. Летопись занятий археографической комиссии, т. I (XXXIV).
3. С. Б. Веселовский, Разбор книги А. И. Яковлева «Холопы и холопство», «Исторический журнал» 1949 г. № 10—11.
4. Е. И. Каменцева, Записные книги крепостям дьяка Дмитрия Алябьева, «Труды Историко-архивного Института», т. II, М., 1946.
5. Е. Н. Кушева, К истории холопства в конце XVI — начале XVII вв., Исторические записки, кн. 15.
6. И. И. Смирнов, Восстание Болотникова 1606—1607 гг., Госполитиздат, 1951.
7. А. И. Яковлев, Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. I, М. — Л., 1943.





СУДЕБНИК 1589 г.



ВВЕДЕНИЕ

Судебник царя Федора Ивановича 1589 года представляет собой памятник права, в котором регламентируются вопросы организации судопроизводства среди населения черносошного севера. Он дает богатый материал по истории экономики, социальных отношений и права в северорусской деревне.

Историческое развитие севера Русского государства (так называемого Поморья) имело ряд особенностей. В отличие от центральных областей государства здесь не получила сколько-нибудь значительного распространения крупная феодальная собственность на землю. Поморье в XVI—XVII вв. оставалось по преимуществу районом черного крестьянского землевладения, сохранившим значительные пережитки древнего общинного землепользования. Крестьяне северных волостей пользовались сообща лесами, лугами, выгонами, выморочными владениями, пустошами и т. д. Все это оказало влияние на складывание всего строя волостной жизни северного крестьянства XVI—XVII вв. с его земским управлением, выборным волостным судом и т. д. Наблюдение за правильным использованием угодий, находившихся в общем владении волости, было, вероятно, первоначально главной обязанностью выборных должностных лиц волости. Правительство Ивана Грозного, уничтожив в 50-х годах XVI века суд кормленщиков — наместников и волостелей, использовало в северных черносошных волостях исторически сложившуюся организацию местного управления и возложило на нее исполнение фискальных и судебных обязанностей.

Характерные особенности жизни русского черносошного севера нашли свое отражение в Судебнике 1589 года, источником которого были также правительственные указы

и Судебник 1550 года. Этим определяется значение Судебника 1589 года для истории русского права. Судебник 1589 года позволяет судить о том, как нормы общерусского права изменялись в практике волостного суда под влиянием так называемого «обычного права». Он дает богатый материал по судоустройству и судебному процессу конца XVI века. Наконец, Судебник интересен как источник для характеристики крестьянского землевладения на севере, а также для изучения социально-экономических процессов в среде крестьянства. В нем нашел отражение факт растущей имущественной дифференциации крестьянства, приводившей к выделению богатой верхушки в деревне. Выделившаяся верхушка волостного крестьянства фактически захватила управление волости в свои руки. Интересы именно этой верхушки отражал и закреплял Судебник 1589 года.

На основании сохранившихся списков Судебника 1589 года, на наш взгляд, можно установить два этапа в работе по составлению его. Первоначально возникла краткая редакция Судебника 1589 года в составе 56 статей, посвященных практике волостного суда и рассматривавшихся как добавление к Судебнику 1550 года. Есть также пространная редакция Судебника 1589 года, составитель которой соединил органически краткую редакцию Судебника 1589 года с Судебником 1550 года, приспособив большую часть статей Судебника 1550 года к условиям жизни северных волостей. Представляя собой сочинение практика-юриста, хорошо знавшего условия судопроизводства среди северного крестьянства, Судебник 1589 года тем не менее был судебным руководством для земских волостных судей и признавался центральными правительственными учреждениями. Это можно объяснить тем, что источниками Судебника 1589 года были главным образом юридические документы, исходящие от правительства.

Источником, использованным составителем краткой редакции для ст. ст. 39—50 Судебника 1589 года, был указ 1556 года о судопроизводстве. Включение этого указа в Судебник 1589 года объясняется тем, что он был обращен к старостам и целовальникам. Для остальных статей краткой редакции такого полного соответствия в имеющихся у нас юридических памятниках нет. Большинство из этих статей формулирует так называемое «обычное право», то есть те

нормы суда, которые бытовали в среде волостного крестьянства севера. Однако заглавие краткой редакции Судебника 1589 года — «Государева Судебника новой приговор» — заставляет предполагать, что для составления его был использован какой-то исходящий от правительства документ, который составитель воспринимал как приговор Это предположение можно подкрепить выборным списком Куростровской волости (Двинской уезд), в котором говорится: «Лета 7097 по государеве царя и великого князя Феодора Ивановича всея Русии по уставной грамоте сотник Куростровской волости... пятидесяцкой... десяций... да волостные люди... выбрали есмя и излюбили в Куростровской волости судиею Мокея Нечаева сына Пикишева и ему Мокею нас крестьян судити во всяких делех по государеве по уставной грамоте. Выборную писал куростровской церковной дьячек Безсонко Марков лета 7097 февраля в 11 день». (Судебники XV—XVI вв., стр. 420). Итак, в одной из центральных двинских волостей в феврале 1589 г. (то есть в тот самый год, которым помечен Судебник царя Федора) имелась уставная грамота Федора, по которой должен был судить волостных крестьян вновь избранный волостной судья. Хронологическое совпадение сведения об уставной грамоте царя Федора на Двине (по которой судили в волости) и возникновение Судебника царя Федора (как руководства для земских судей) позволяют предполагать, что составитель первоначальной краткой редакции Судебника 1589 года использовал эту уставную грамоту. Следы ее мы находим в ряде статей Судебника (в их формуляре и содержании). Уставная грамота царя Федора отражала, очевидно, своеобразные условия волостного суда, существовавшие на Севере. Следовательно, изменение некоторых норм Судебника 1550 года и дополнения их, имеющиеся в краткой редакции Судебника 1589 года, были произведены еще при составлении уставной грамоты и имели законную силу. Поэтому составитель Судебника 1589 года и назвал свое сочинение новым приговором «Государева Судебника». Последующая переработка Судебника 1550 года в целом, соединение его с краткой редакцией и дали пространную редакцию Судебника 1589 года.

Впервые Судебник 1589 года (в пространной редакции) напечатан в 1900 году С. К. Богоявленским, который пола-

гал, что Судебник «является проектом, заслушанным царем и его советниками, но не введенным в действие». В предисловии к краткой редакции А. И. Андреев высказал предположение, что краткая редакция представляет собой выборку из текста пространной редакции. Для доказательств своего вывода А. И. Андреев ссылался на то, что в некоторых статьях краткой редакции текст более удачно отредактирован, чем в пространной, а также то, что в составе краткой редакции есть добавления по сравнению с пространной редакцией. Шаткость этой аргументации становится очевидной, если учесть, что наиболее удачные чтения имеются как раз в пространной редакции по сравнению с краткой. К тому же в краткой редакции отсутствуют две статьи пространной редакции (152 и 153), хотя они логически связаны с тем текстом, который имеется в краткой редакции. В комментированном академическом издании «Судебников XV—XVI вв.» автором этих строк сделана попытка доказать, что краткая редакция Судебника 1589 года была первоначальной, а пространная редакция — вторичной (Судебники XV—XVI вв., стр. 424 и сл.). Однако в рецензии на это издание А. А. Зимин считает доводы комментатора о соотношении редакции недостаточно убедительными и высказывается вновь за первичность пространной редакции. Окончательное решение вопроса о соотношении редакции Судебника 1589 года возможно лишь с привлечением нового материала.

В настоящее время известно пять списков Судебника 1589 года, в краткой редакции — два списка: Барсовский (Б) в рукописи начала XVII века и Музейский (ИМ) в рукописи середины XVII века (обе рукописи хранятся в ГИМ, в пространной редакции три списка: из собрания Мазурина (М), рукопись конца XVI века, хранится в ЦГАДА; список Андреевского (А), рукопись XVII века, хранится в Архиве ленинградского отдела Института истории Академии наук СССР; список Савваитова (С) XIX века, хранится в ГПБ имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ниже публикуется текст Судебника 1589 года в пространной редакции по академическому изданию Судебника.

ПРОСТРАННАЯ РЕДАКЦИЯ

Царь и великий князь Федор Иванович всея Руси в лета 7097 июня в 14 день приговорил и уложил сей Судебник со отцем своим духовным патреярхом московским Иевом, да с митрополитом [1], наогоротцким Александром, и со всеми князми, и бояры, и со вселенским собором, по прежнему уставу, по уложению отца своего благоверного царя Ивана Васильевича всея Руси, и прежних князей, и бояр, как впредь суд судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначием, и дияком, и по городом намесником, и по волостем земским судьям, и по всей моей государеве Руской земли; а впредь всякие дела судить по сему Судебнику и управы чинити по указу, как государь укажет, с котораго дни уложить... [1].

1. Суд царя великаго князя судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначием, и земским судьям. А в суде другу [1]) не дружить, а недругу [1]) не мстити. А посулов не имети в суде. А на том велити судьям крест целовати, что посулов не имати, а судити в правду.

2. А которой дворецкой, или боярин, или дияк, или судья просудится, кого обвинити не по суду безхитросно, или список подпишет и правую грамоту даст, а сыщетца в правду, и боярину, и околничему, и судье в том пени нет; а исцем дать суд з головы новой, а взятые пошлины отдать назадь.

3. А которой боярин, или подьячий, или дворецкой, или судья, или дияк, или целовалник в суде посул возмет, а повинит кого не по суду, а сыщут, что посул взяли, и на том боярине, или на дворецком, и на дьяке, и на судье

---

[1] Далее помещается оглавление с перечислением ст. 231, которое мы опускаем.

взяти исцев иск, и пошлины на царя государя, и езд, и правда, и пересуд, и правой десяток, и пожелезное на том взяти втрое, кои посул взял.

4. А которой дияк список нарядит или речи перепишет не так, как на суде говорили истец и ответчик, или список подпишет без боярскаго или без судьина ведома, а сыщут, что он посул взял, а список нарядил, а на том дияке половина исцева иску, да его бити кнутом да отставити от диячества, а руки ему не сетчи; а другая половина взяти иску на судие, потому что, знаючи дияка лжива, почто с ним судит. А по дьяке взяти поруку, что впредь не воровати, доколе и жив будет; а в суд его не примати, и доколе жив будет.

5. А которой подьячей запишет дело не по делу для посула без диячия приказу, и того подьячего бити кнутом.

6. А хто виноватой солжет на боярина, или на дворецкого, или на судью, или на дияка, или на кого ни буди, а сыщут, что солгал, и того жалобника повинити, безчестие на нем взяти, да бити его кнутом, да вкинути в тюрму, да порука взяти, что впредь не лгати.

7. А которому боярину, или дворецкому, или судье придет жалобник его приказу или не его, иные волости, а биет челом, суда прошает, и судье жалобников от себя прочь не отсылати, давати всем [1]) управа, которой биет челом по делу.

8. А которому будет судье жалобнику без господарева ведома по его челобитной управы учинить не мочно, ино того жалобника челобитье сказати царю государю. А которой боярин, или дворецкой, или судья жалобников отошлет, и суда не даст, и челобитья его царю государю не скажет, и отказу ему не учинит, и тот жалобник биет челом царю государю на судью, что суда не дал и его волочил, и государь его жалобницу подписав, с ним же отошлет [1]) к тому судье, чей суд [1]), а велит ему судити, и боярин, или судья, или казначий управы ему не учинят же, и тому судье быти от господаря царя в великой опале; да на том же судье доправити волокиты рубль да отдати жалобнику. А которой жалобник биет челом не по делу, а судья ему откажет, и он опять учнет царю государю докучять, и того жалобника вкинути в тюрму.

9. А имати боярину, или дворетцкому, или судье, или дияку от рублевого дела на виноватом пошлин: судье одиннатцать денег, а дияку 7 денег с ысца и со ответчика пополам.

10. А учнет дияк судной список набело писать, которой список в доклад идет, и ему писчево десеть денег с обех пополам; а от поручных записей дияку не имати. А судье пошлинные денги, взяв, держати у себя, доколе государь попытает. А будет дело выше рубля или ниже, ино судье имати по тому же розчету с рубля по одиннадцети денег, а болши того не имати. А которой боярин или судья на ком что возмет лишек, на том взяти втрое.

11. А которой жалобник станет бити челом на судью, а скажет, на нем лишек пошлин взял, а сыщут, что он солгал, и того жалобника бити кнутом да вкинути в тюрму.

12. А досудятца до поля, а не став у поля помирятца, а боярину, и дворецкому, и казначию, и дияку, и подьячему имати пошлина по тому же указу; а околничему и недилщику полевых пошлин не имати; а хто возмет болши того лишек, и на том взяти втрое. А которой жалобник солжет, и того бити кнутом да вкинути в тюрму.

13. А у поля став помирятца, и боярину, и дворецкому, и казначию, и дияку по тому же указу имати.

14. А окольничему имати полевых пошлин по 8 алтын по 2 денги [1]), а дияку по 4 алтына, а подьячему денга, а недилщику четверть рубли, да ему вязчего 2 алтына; а болши того им не имати. А хто возмет лишек, на том взяти втрое. А солжет жалобник, и его бить кнутом да на поруки дать, чтобы впред не лгал.

15. А побиютца на поле в заемном деле или в грабеже, и околничему полтина да за доспех убитаго три рубли, а дияку [1]) четверть рубли [1]), а недельщику полтина, да ему ж вязчего 4 алтынь без копейки, а подьячему 2 денги.

16. А не станет хто у поля или отбежит от поля, и околничему, и дияку, и неделщику имати пошлин как с мироваго дела; а избных пошлин имати с рубля по гривне; а болши того не имати им. А кой возмет лишек, и на том взяти втрое. А жалобник солжет, и его бити кнутом да вкинути в тюрму, докамест порука по нем будет.

17. А побиютца на поле в пожеге, или в душегубъстве, или в розбое или татбе, ино на убитом исцев иск доправити да околничему на убитом полтина, да за доспех убитаго три рубли, а дияку 8 алтын 2 денги, а неделщику полтина, да ему ж вязчего 4 алтыны без двух денег. А убитаго дати на поруки: как его государь попытает, и он бы был в лицах. А не будет по нем поруки, ино его кинути в тюрму, доколе по нем порука будет.

18. А к полю приедет околничей, дияк, им воспросити исца и ответчика, хто у них за ними стряпчеи и порутчики. Кого за собою скажут стряпчих и порутчиков, тем велити [1]) у поля стоять. А доспехов и дубин порутчиком у себя не держати. А бой бойщиком давати ровен. А которые люди опришенные стоят, и тех отсылати; и кои не поидут прочь, и тех кинути в тюрму.

19. А битися на поле бойцу з бойцом или небойцу с небойцом; а бойцу с небойцом не битися. А похочет небоец з бойцом битися сам, ино им битися. Да и в ыных делех по тому же.

20. А ищея пошлетце на послуси в заемном деле без кабалы, а ответчик шлетца на свои послуси, или в бою, или в грабеже, или в татбе, или в какове деле не буди, и послуси, став, межу собою порознятца: иные молвят по исце, а иные по ответчике; и которые молвят по исце, а просят поля и целования со ответчиковыми послусями, кои не молвыли по исце, ино дати кресное целованье и поле на волю тех послухов, кои говорили во ответчиковы речи: хотят сами целуют или ищеиным вирят послухом; а меж исцами по суду дати кресное целованье, а сверх того как суд был.

21. А убиют на поле ищеины послуси ответчиковых послухов или крест поцелуют, ино исцев иск доправити на ответчике и на его послусех, что по исце не говорили. А ищеям ответчиков вдургие по кресту не приводити деле иску [1]). А убиют ответчиковы послуси ищеиных послусей, кои по исце говорили или крест поцелуют, ино послусей ищеиных обвинити и пошлина взяти на ищее и на его послусех.

22. А не просят ищеины послуси поля и целованья со ответчиковы послусями, или послуси не зговорят по ищее, ино тем исца повинити.

23. А кто учнет бити челом по кабале, суда прошати, и судье кабалы дозрити; и будет кабала петинатцати лет или ниже, ино судити; а будет того болши лет кабале, ино без господарева ведома не дати суда. А которой судья не даст суда, коя петинатцати лет, и тем судья виноват, и волокита на нем справити рубль, а по кабалам судити. А рост правити за пять лет, а дале пети лет росту не правити. А кабалы писати на крестиян вдвое, а рост правити на пять шестои; а в чем кабала писана, то и справити.

24. А просит ответчик суда на исца в переемных денгах, ино суд дати. А будет истец иного уезду или иные волости, ино там на него не бити челом, чей суд. А в чем ответчик по кабале повинитца, то на нем справити, а в достале суд дати. А в чем не мочно управы учнити меж исцами в какове деле ни буди, ино исцов за судным списком строчити к нам к Москве.

25. А которые исцы или ответчик отобиютца, и судие писати отбои да прислати к нам к Москве; а отбои писати за поповскою рукою.

26. А будет по кабале послуси порознятца и диак, кой кабалу писал, и про то сыскати: которой послух или дияк солгал, и на том повытие иску, что на заимщике ж, доправити; а будет послуси, кои в кабале по скупу все солжут, а дияк руки не попретца, и миром сыщут, что кабала в правду писана, ино исцев иск весь доправити на послусех и на заимщике повытно, а дияк человек доброй. Да и во всяких делех по тому же судити. А истец по кабале дошел.

27. А кого послух опослушествует в бою, или в грабеже, или в какове деле ни буди, ино его повинити, а с послухами дати ему суд да кресное целованье. А будет послух поцелует крест, ино пошлины взяти на ответчике. А будет послуха на поле побьют, ино пошлины на убитом же.

28. А против послуха ответчик стар, или мал, или немощен, увичен, или поп, или чернец, или девка, или женка, и тому против послуха наймит. А послуху наймита нет; а будет чем послух увечен без хитрости, или поп, или чернец, или женка и тем наймит же. А что правому и послухам учинитца убытка, то имати на виноватом.

29. А которой послух перед судью не приедет, есть ли за ним речи или нет, и на том исцевы иски доправити и пошлины; а з довотчиком в строце дати суд.

30. А на ком взыщет женка или девка и мал детина, или хто взыщет на женке или на девке, ино их судити судом, а досудятся до поля или до целования, ино поле отставить, дати вера на ответчикову волю, а сверх того по суду, как суд был; а не мочно вершити дела, ино строчити к нам на Москву, чей суд.

31. А хто взыщет человек на трех, или на 4, или на колки ни буди по жалобнице, а напишет в жалобнице человек 10, или на пятинатцати, или болши, или менши, и те два или 3 за собя и за иных отвичяют, а за иных не отвичяют, а за коих отвичяют по жалобнице, ино судити в их жеребьях, а за которых не отвичяют, ино по тех посылати розсылщыка из езду.

32. А езду имати на версту по денге, колко верст ни буди: хочет пеш поди, хочет лощадь найми. А по кого пристав ходил, ино на тех писати безсудные в их жеребьях.

33. А на котораго на них ездок накинет срочную на одного, и тот срочные товарыщем своим не покажет, кои писаны с ним в одной срочной, и на тех в их жеребьях выляжет безсудная грамота, и езд и хоженое, ино тем дати суд, хто им не показал срочные.

34. А которои люди учнут искати на намесниках, и на властелях, и на иных людех по жалобницам, не за всех отвечяти учнут, а исцы учнут искати на них и на людех всего своего иску по жалобнице и без тех, за которых не отвечяют, и по тех, их жалобницам судити в всем иску тех людей за тех людей, за которых не отвечяют.

35. А которых людей исцы учнут примешивати к намесничьим людем или к волостелным, горсцких людей или волостных людей, а намесничные люди за тех городских людей отвечяти не хотят, ино судити в их вытех, а по городцких и по волосных посылати пристава; а которой не пойдет ко ответу, ино давати неответныя; а до намесничных людей дела нет.

36. А которые люди иногородцы или пришлецы станут бити челом о обидах на намесников, или на судью, или на судецких товарищев, или на волосных людей, и как намесники или властели, едучи на жалованье, или на волосте живучи, или едучи зь жалованья, чем изобидят, и тем людем иногордцем на намесников и на волосных людей

суд давати; а что пришлец в жалобнице напишет и досудятца до креста, а ответчику то под крест класти. А не похотят намесники отвечяти, ино им ко ответу посылати своих людеи.

37. А которые иногородцы, а не станут бить челом о своих бедах на намесников до году, и впредь им и суда не дати; и на их людей и на волосных хрестиян давати суд пришельцам давати до осми лет; а судити им, обыскав по их жалобницам.

38. А на судей давати суд после его году, доколе и жив будет, кроме того, кого государь пожалует, не велит на кого суда дати.

39. А которой ищея взыщет бою и грабежу, а ответчик скажет: бил, а не грабил, — и ответчика в бою повинити и безчестие на нем доправити, а в пене что государь укажет; а в грабеже дати суд и правда, а во всем не повинити. А скажет он, что грабил, а не бил, ино то доправити имянно, что грабил, а в пене что государь укажет и безчестие взяти по человеку. А в ыных делех по тому же судити.

40. А хто в чем на суде повинитца, то на нем по тому же без суда доправити; а в достале суд, и по суду кресть, и как суд был и речи на суду были.

41. А безчестия детем боярским, за которыми кормление, противо доходу, что на кормление по книгам, а женам их вдвое.

42. А которые дети боярские емлют жалованние денежное, и колко емлет на год по книгам, то им и безчестие, а женам их вдвое.

43. А дияком полатным и дворцевым, что царь государь укажет, а женам их вдвое.

44. А гостю большему безчестия пятдесят рублев, а женам их вдвое.

45. А середнему гостю безчестия дватцет рублев, а жене его вдвое.

46. А меньшему гостю безчестия двенатцет рублев, а жене его вдвое.

47. А торговым людем посадцким и всем средним безчестия петь рублев, а женам их вдвое.

48. Боярскому человеку доброму безчестия петь рублев, опричь тиунов и доводчиков, а женам их вдвое.

49. А тиуну и доводчику безчестия против их доходу, а женам их вдвое.

50. А крестиянину пашенному безчестия рубль, а жене его два.

51. А молодчему человеку боярскому, и посадцкому, и волосному безчестия рубль, а жене его два.

52. А доброму крестиянину, которой торгует, или денги и рожь взаимы дает, или в волосте его назовут добрым человеком, безчестия ему три рубля, а жене его вдвое.

53. А повоскому человеку доброму безчестия два рубля; а жене его вдвое.

54. А молодчему человеку повоскому безчестия полтина, а жене его вдвое.

55. А судье безчестия петь рублев, а жене его вдвое.

56. А целовалнику судецкому верному безчестия петь рублев, а жене вдвое.

57. А сотцкому безчестия два рубля, а жене его вдвое.

58. А петидесятцкому и десятцкому безчестия полтина, а жене его вдвое.

59. А дияку земскому безчестия по указу против его доходу годоваго, что от судов дойдет по указу, а жене его вдвое.

60. А старосте церковному безчестия петь рублев, а жене его вдвое; а губному то же, а жене его вдвое.

61. А попу безчестия против волоснаго доходу, что от церкви годом дойдет, а попадье вдвое.

62. А дияку, и пономарю, и проскурне, и строю против их доходу безчестия годоваго, что от церкви дойдет.

63. А игумену, черньцу и чернице что святитель укажет безчестия.

64. А вдове, и девице, и нещему человеку против их животов вдовьих и нищих, а девице против черьницы безчестия.

65. А скомороху описному безчестия два рубля, а жене его ничего.

66. И неописному скомороху гривна безчестия, а жене его вдвое.

67. А каликам безчестия, которые ис кусов ходят, 4 алтыны.

68. А московским городцким нищим кликуном безчестия 8 алтын 2 денги.

69. А выбляткам, которые не у венчялные жены родился, тому безчестия 2 денги для матерних промыслов [1]).

70. А блядям и видмам безчестия 2 денги против их промыслов [1]).

71. А татем, и разбойникам, и зажигалщикам, и ведомым лихим людем безчестия нет, потому что оне лихие люди.

72. А стрелцам, и ратным людем, и волным казакам, и камнещикам что царь государь укажет.

73. А за увичье крестияном указати, зря по человеку и по увичью.

74. А которой чюжеземец взыщет на чюжеземце или на волощание, ино того воля, на ком ищут: хочет сам отцелуетце, что в том не виноват, и под крест положит, чего на нем ищут; истец поцелует; а пошлины имать на ответчике.

75. А которое дело судит царь и великий князь или дети царевы и бояре, и которой суд не кончяетца, а оставят его во обговоре, и дияку исцевы и ответчиковы речи велити записывати пред собою; да те ему дела держати у себя за свою печатью, доколе дело кончяетца.

76. А которые дела судят бояре, и тот суд велити записывати дияком перед собою, а исцем у записки не стояти. И будет исцы к чему будет надобе, и их призывати и, выспрося их, отсылати от записки. А списка не чести перед исцы, а прочести ево бояром.

77. А случитца суд смесной, ищея и ответчик судимы будут не одному судье, и хто по ково возмет пристава в какове деле ни буди, ищея возмет у своего судьи за собою сторожа, да идет к тому судие просити пристава, да перед тем судьею ищет. А будет ответчик, не ходя с суда, да против на нем ищет, и ему отвечяти перед тем судьею. Да и во всяких делех судити смесной суд тому судие, у кого в приказе ответчик. А пошлины имати одне по указу, а делити пополам.

78. А хто по кого пристава пошлет в бою или в какове деле ни буди, а исцы не похотят на суд итьти и, доложа судьи, помирятце, а судие пошлин на них нет, опричь езду и хоженого.

79. А которые исцы зададут судьям челобитные, а сами до суда помирятце, и судьям пошлин не имати.

80. А неделщику на судех на бояр, и на околничих, и на дворецких, и на дьякох посулов не имати и самому неделщику не просити. А которой неделщик возмет посул в суде на боярина, или на околничево, или на дьяка, или на собя посул возмет и уличят его в том, и того неделщика бити кнутом, а посулы на нем доправити втрое да и езд [1]), а из [1]) недельщиков выкинути.

81. А пошлин имати от правые грамоты: боярину от печяти по девети денег, дияку от подписки с рубля по алтыну, а подьечему с рубля по три денги; а болши того им не имати. А кой возмет лишек, и уличят его в том, и на нем взяти втрое. А жалобник солжет, и его бити кнутом да порука взяти по нем, чтобы впредь не лгал.

82. А докладной список боярину, и дияку, и казначию печатати, а дияку подписывати. А пошлин имати с рубля по алтыну, а от печяти дияку с рубля по 4 денги, а подьячему по две денги; а болши того им не имати.

83. А с холопа и с робы от правые грамоты и от отпускные боярину и казначию от печяти имати з головы по 9 денег, а дияку з головы от подписки по алтыну, а подьячему з головы по три денги, кой правую отпускную напишет.

84. А хто займет денги в кабалу в росты, и на те кабалы отписи без боярскаго докладу и без диячьи подписки не имати. А боярину от всякие подписки от печяти по три денги, а дияку от подписки 2 денги, а подьячему, которой отпись напищет, имати по денге.

85. А с царева и великаго князя с суда и з детей царевых с суда пошлин имати на виноватом по тому ж, как з боярскаго суда: с рубля по одиннацети денег, а дияку по 7 денег, а подьячему по 2 денги.

86. А цареву и детей царевых печятником имати от правые грамоты с рубля по 9 денег, а дияку с рубля по алтыну, а подьячему с рубля по 3 денги, кой правую напишет.

87. А з докладного списка царева и великаго князя з докладу имати цареву печятнику с печяти с рубля по девети денег, а дияку по алтыну, а подьячему по 2 денги, которой список напишет.

88. А с холопа и с робы от правые грамоты имати печятнику от печяти з головы по 9 денег, а дияку от подписки по алтыну, а подьячему по 3 денги, кой правую напишет.

89. А от строчных и от подписей имати дияку по 2 денги, а подьячему с рубля от подписей по 2 денги. А похотят оба исца срок отписывати, ино оба платят от подписи пополам, а неделщику хоженое.

90. А безсудные давати, правые за сто верст семым днем, а дале того по тому же розчету. А пошлин имати от правые и безсудные цареву печятнику от печяти с рубля по алтыну, а дияку с рубля по тому ж, а подьячему по тому же с рубля по 2 денги; а болше того им не имати. А кой лишек возмет, и на том доправить втрое.

91. А велит кому какову грамоту дати льготную, или уставную, или полетную с красною печятью, что возмет печятник от грамоты от печяти, а дияку то ж от подписи.

92. А тарханных грамот впредь не давати; а старые имати у всех назад.

93. А от приставных имати цареву печятнику, дияку и недельщику по езду: с которые приставные рубль езду, и печятнику с рубля от печяти по алтыну, а дияку от подписи с рубля по алтыну; а будет езду до катораго города рубля больше или менше, и печятнику и дияку имати по тому же розчету. А будет [1]) в приставной иск менше езду, и дьяком тех приставных не подписывать, а того недилщика вкинуть в тюрму да на него зказати царю государю [1]).

94. А хоженое неделщику в городе 10 денег, а по правду двое. А по волостем доводчику имати хоженое, кого на поруки даст, на версту по деньге; а в трапезе от поруки 2 деньги. А от поруки неделщикам и доводчикам поклоннаго и поминков не имати [1]). А езд им имать [1]) до котораго города по указу, а на правду вдвое.

95. А езду от Москвы: до Коломны полтина, до Кошыры полтина, до Хутыни 10 алтын, до Олексина 25 алтын, до Колуги рубль, до Ерославца полтина, до Клинца 20 алтын, до Можайска полтина, до Вязмы полтора рубли, до Воротынска 40 алтын, до Козелска рубль с четвертию, до Одоева 40 алтын, до Беляева рубль с четвертию, до Мезецка [1]) 40 алтын, до Оболенска полтина, до Звенигорода 2 гривны, до Дмитрова 10 алтын, до

Радонежа 8 алтын, до Ростова рубль, до Ерославля рубль с четвертию, до Вологды полтретья рубли, до Белаозера полтретья рубли, до Устюга петь рублев, до Вятки полосма рубли, до Вычегды семь рублев, до Двины до Колмогор 8 рублев; до Юрьева рубль, до Володимера рубль с четвертию, до Суздала рубль с четвертию, до Костромы полтора рубли, до Галичя полтретья рубли, до Мурома полтора рубли, до Стародубских князей водчин полтора рубля, до Мещеры два рубля, до Новагорода до Нижнего полтретья рубли, до Углечя рубль, до Романова Городка рубль с щетвартию, до Клина полтина, до Кашина рубль, до Твери рубль, до Великово Новагорода полтретья рубли, до Пскова полчетверта рубли, до Смоленска полтретья рубли, до Иванагорода полчетверти рубли, до Великих Лук и до Торопца по получетверта рубли. А где будет болше или меньше того верст, ино имати по тому ж розчету.

96. А ездити недилщику с приставными, на поруки давати, самим или ездоков своих посылати, а людей своих не посылати. А от поруки им полконнаго не имати. А в котором городе недилщик живет, и ему в том городе с приставными не ездити и своих ездоков не посылати. А кой неделщик или доводчик поклоннаго у ково возмут, и уличат его в том, и на нем взяти втрое.

97. А в которой город или в волость приедет неделщик, или доводчик, или ездок с приставною, и ему приставная явити наместнику или судье и его товарищем. А будет оба исца одного города или тое волости, а наместнику и судие оба судимы и ответны, ему обоих исцов перед судиею и наместника поставити. И не явит неделщик и доводчик наместнику и судие приставные, или обоих исцов перед наместника или перед судию не поставит, и он езду лишен своего; а одного исца не поставит, и поручные не покажет, и исправы на себя не поставит, и на нем справити исцева волокита на день по три деньги.

98. А кого даст недельщик или доводчик на поруки в какове деле ни буди, и ему исцов и ответчиков не волочити, а ставить их перед судиею.

99. А строки крестьяном отписывати, и безсудные по срочным давати, и волокита правити по три денги на день, кто на срок не станет по записе; а без записи на поруки не давати. А правя волокита, отдати тому исцу, кото-

рой к строку приедет. А которой истец и ответчик сам на срок не приедет, а пришлет в свое место человека сроку описывати, и доводчику на том имати езд и хоженое.

100. А хто по кого пошлет пристава, а сам на тот срок не станет и не ищет, и что во жданье после сроку учинитца убытка, и тому и то справити на том волокита на день на голову по три денги, кои велят на поруки дать. А сам не стал, да и суда ему не дати за тем судьею до новаго судии году.

101. А пересуду имати на виноватом с рубля по две гривны; а кое дело за иск менше рубля, и пересуду нет.

102. А которой человек судной список оболживит, а лжи на него не доведет, и на том пересуд, да бити его кнутом, да порука по нем взяти чистая, что ему впредь не лживить, да на нем же праваго десятка 4 денги.

103. А приведут ково с поличным впервые с узлом, и доведут на него поличное, и на нем доправити за узол тритцеть рублев государю в казну; а не доведут на него поличного, ино того исца и проводчика бити кнутом да безчестие на нем взяти на того, кого поличнили; а того татя судити да послати про него обыскати, и назовут его лихим человеком, — ино его пытати накрепко, кнутом дать ему 100 ударов; и скажет он сам на себя, ино его казнити смертною казнию, а не скажет сам на себя, и его вкинути в тюрму до смерти, а исцево заплатити из его статков; а скажут в обыску, что он добрый человек, ино дела до него нет.

104. А пошлут котораго недельщика имать татей и разбойников, и ему их имать безхитростно и не норовити; а изымав татя или разбойника, не спустити и посула не взяти; а чистых ему людей не имати.

105. А кой неделщик или в волостех кой человек татю снаровит, посул возмет, а татя отпустит, и уличят его в том, и на том человеке доправити исцев иск, а его бити кнутом да кинути в тюрму, а в казне что государь укажет и его дияки.

106. А у котораго недильщика или в волостях у сотников седят тати и разбойники, и ему татей без боярскаго или без судьина ведома на поруки не выдать. А будет недилщик или сотник без докладу татя или разбойника на

поруки выдаст, и уличят его в том, и на том неделщике или на сотнике доправити исцев иск вдвое да бити их кнутом, а в казни[1]) что государь укажет.

107. А котораго татя поимают с татбою с какою ни буди церковные и головные, а в ыной и прежней татбе доводу на него нет, ино его казнити торговою казнию кнутом да исцев иск доправити, а его дати на крепкую поруку; а не будет по нем поруки крепкие, ино вкинути в тюрму до поруки. А не будет у коего татя исцово заплатити, и его бити кнутом, да отдати исцу в его искупу головою на правеж до искупу; а исца дати на поруки, что ему, доправя свое, отдать его судиям; а не похочет истец по собе поруки дати в том, что ему, доправя свое, отдати, и того татя вкинути в тюрму, доколе по нем порука будет; и тогды на нем за тою порукою, кто его из тюрмы выпустит, выручит, исцев иск доправити. И как на нем истец, свое взяв, отдаст его бояром, и судиям дать его на крепкую поруку, хто ему будет впредь исцы; а не будет по нем поруки крепкие, ино его вкинути в тюрму до поруки; а судье с того не имати ничего.

108. А поимают того ж татя с татбою вдругие, ино его пытати накрепко: скажет сам на себя, ино его казнити смертною казнию, и исцев иск заплатити из его статков; а нет котораго татя с ысцев иск, и его казнити до смерти, а исцу в его гибели головою не выдати; а пытан тать на собя не скажет, ино послати про него обыскати. И скажут про него, что он лихой человек, ино его повисити; а назовут его добрым человеком, ино его дать на крепкую поруку; а нет по нем поруки, ино его вкинути в тюрму, доколе порука будет.

109. А на кого взмолвыт тать, и про того обыскати; и будет в обыску скажут, в какове деле прежнем приточен тот человек, ино его пытати; и скажет сам на себя, ино его казнити татиною казнию; а не будет на него прежнего доводу, и в обыску про него лиха не молвят, ино татиным речем не верити, дати его на крепкую поруку. А того татя казнити по суду и по указу.

110. А на кого молвят дети боярские 10 человек или 15, или в волосте добрых хрестян человек 10, или 15, или 20, или целовальников, или судья по господареву кресному целованию, что он тать, и грабитель, и всякой лихой

человек, хотя на него довода и в прежних делех нет, у кого крал, или татбу плачивал, или обыск старой, или душегубство, или зажигание, или какое дело ни буди, ино тем 10 или 20 человеком повирити и на нем исцев иск доправити без суда, будет ниже 10 рублев; а будет того больше, ино его судити. И как, доправя на нем иск по их обыскным речям, отдати исцу, а у него взяти в том отпись.

111. А на тех на 10 или на 20 человек дати суд да про них и про их речи миром сыскати, отставя их род и племя, и кумовство, и сватовство, сыскати добрыми християны черными, опричь миропродавцов; и скажут про них миром, что оне не лгали, а на того человека не нарядом говорили, а сами оне люди добрые, не лживые, и дело верши по суду; а скажут про них, что оне солгали нарядом, и на них его гибель исцева доправити, а их дати на чистую поруку, чтобы впредь не лгали. А будет миром молвят в прежние их речи, ино того татя дати на крепкую поруку; а нет по нем поруки, ино его вкинути в тюрму.

112. А хто на мошеннике или на оманщике взыщет того, что его оманул, и хоти его трою днем изымаешь и доведешь на него, ино его бити кнутом, а исцева иску не правити, потому что один оманывает, а другой догадывайсе, а не мечися на дешевое.

113. А доведут на кого татбу, и разбой, и душегубство, или ябедничество, или подписку ручную, или кабальную, или какое дело лихое ни буди и будет он ведомой лихой человек, ино его казнити смертною казнию, а исцево заплатити из его животов и статков, а нарядчика и подписщика бити кнутом, а в указе что государь укажет, а нет у котораго татя чем исцева иску заплатити, и его исцу головою не выдать, казнити смертною казнию. А бояром и судьям от того не имати.

114. А на кого татбу, или душегубство, или иное лихое дело, опричь розбою, а в котором городе или в волосте ведомой злой человек, и наместнику его казнити смертною казнию, исцево платить из его животов; что останетце за исцевым, и то имать наместнику и судие; а нечем исцева заплатити, и его казнить смертною казнию.

115. А государьскому убойце, и градцкому здавцу, и коромольнику, и церьковному татю, и головному, и коневому, и подметчику, и зажигалщику, и ведо-

мому лихому человеку живота не дати, казнить смертною казнию. А будет ис тех лихой истец, ино заплатити им его статки; что ся останет, ино отдати в прогоны; а нет котораго татя с ыскуп, ино его повинити или заказнити.

116. А бояром и детем боярским судити, за которыми кормление, а на суде у них быть дворетцкому, да старосте, и лутчим людем, да целовальнику; а судные писати земским дияком, а старостам и целовальником к тем спискам руки прикладывати.

117. А суд боярской: которому наместнику, дано, и ему давати полные и докладные; а правые и беглые давати з докладу, а без докладу правые не давать.

118. А детей боярских судити наместником по всем градом по царевым грамотам по жаловальным. А от правые грамоты имать от печяти с рубля по полутретья алтыны, а дияку с рубля по 3 денги.

119. А намесником и судиям по волостям кабальных людей судити, а полных на них и докладных не давати, и грамоты беглые без докладу не давати.

120. А которой намесник или властель без боярскаго суда, а выдаст холопа или робу без докладу и правую грамоту даст, и та грамота не в грамоту. А что государь того холопа или робы убытка скажем, ино то взяти на судье втрое. А исцам з головы суд.

121. А тиуну намесничю государю на холопа, ни холопу на государя правые грамоты не давать без докладу. А которой тиун государю на холопа или холопу на господаря даст без докладу правую грамоту, и тому холопу на государя дати суд новой, а тиуна вкинути в тюрму до государева указу.

122. А которому намеснику дано в кормление город с волостьми, а преже того в тех волостях, старост не было и целовальников, и ныне быть по всей моей земли по городом и по волостем быть старостам и целовальником, и в суде им с намесником и судиею седити, а суд писати земскому дияку, а без целовалника никако же не судити. А посулов им от того не имати.

123. А пришлет намесник или судья судной список в доклад, и будет ищея или ответчик у докладу полживят список, ино послать на правду по старосту и по целовал-

ника, кои в суде были. И скажут, что суд таков был и руки у списка их есть, и судные мужи молвят, что суд таков был и противень их с матрицею сойдетца слово в слово, и того винити и судной на него подписати, хто лживил список. А скажет целовалник и судные мужи, что суд не таков был, и руки, скажет, не их у писма, и по тому судному исцев иск взяти на судье, а в пене что государь укажет.

124. А не станет за списком ищея и ответчик на срок, а доводчик на него запись положил, и того, кой не стал на срок, повинить, а подписати на вину, будет не станет в седьмой день за сто верст.

125. А кого намесничии люди или властелные станут давать на поруки от кого до суда или после суда, и по ком поруки не будет, и тех им людей евя в городе приказчику да старосте и целовалникам, кои в суде седят; а у намесников и судьи не явя, тех людей к себе не водити и у собя их не держати, не ковати.

126. А намесникам, и волостелям, и тиуном, и великаго князя тиуном боярским татя, и душегубца, и всякаго лихаго человека без докладу ни продати, ни казнить, ни отпустити. А хто татя или душегубца отпустит или продаст, и на том исцев иск доправити, а в пене вкинуть в тюрму до государева указу.

127. А по городам намесником городцких посадских людей промеж их судити и, обыскав по их животам и по промыслом и по розмету, сколко он рублев дани даст, и по тому их судить. А розметные писать дияком земским. А старостам розметные отсылать к Москве ко боярином и дияком, у кого кои городы в приказе.

128. А хто учнет перед намесником тягатись, и про тех исцев сыскивати розметными книгами; и сыщут, что живота его столко есть, на колко ищет, ино дати суд; а будет живота его столко нет, на колко в челобитной писано, тех исцев винити и пошлины на них взяти, а в пене дать на поруки, что государь укажет.

129. А по волостям крестьян черных судити судьям по их жалобницам и управа чинити безволокитно. А хто взыщет много не по животом, а ответчик и станет бити челом, что живота его столко нет, на колко ищет, и тем судьям посылать целовалников и людей добрых на обыск про то сыскати накрепко по тех исцев, сколко он дани дает,

и что под ним позему, и чем промышляет, было ли живота его столко, на колко в жалобнице. Скажут миром в обыску, что живота его было столко, и в том ему дати суд. А скажут в обыску, что живота столко не было, сколка ищет, ино того исца повинити и пошлина на нем взяти, а в пене и в ябедничестве, что государь укажет, да дать на поруки и срочити к Москве перед дияка; а в казне, что государь укажет.

130. А которой ответчик, на суде стоя: сам крест целую, а сверх того исцу вирю, а денег нечево под крест положить, сам под крест сяду до искупа, и тому исцу не выцеловати ответчика головою, а целовать исцу крест из его доиску; а ответчику под крест класть, чего на нем ищут; а сверх того по суду и по речям.

131. А хто ково учит на суде, исца или ответчика, и уличят его в том, будет ответчика учил, и обвинят, на нем половина исцева иску, а другая половина на ответчике; а будет исца оправят, и на нем пересуд по указу; а будет ответчика оправят, и на нем пересуд и правой десяток; а сверх того даст на крепкую поруку, что впредь не учить никого.

132. А хто на ком взыщет, а скажет: дан было ему живот на соблюдение; и ответчик скажет: было у меня живота его не столько, на колко ищет; и что скажет имянно, то на нем взяти; а про досталь сыскати, и судом судити, и кресное целование дать на ответчикову волю, хочет сам целует или исцу вирит.

133. А в котором городе два наместника или на волосте два судьи, а суд у них не в розделе, ино им имати пошлин по списку обем за один человек, а его тиуном за одного тиуна; а которые городы у них в розделе или волости, и случитца у них суд смесной, ино им имати пошлины одне, а делити пополам. А возмут с суднаго дела двои пошлины, а уличят их в том, и на них взяти втрое.

134. А хто пошлет пристава по наместника, или по боярина, и сына боярского, или по волостеля, и по их тиунов, и по царева и великаго князя тиуна, и по доводчиков, и наместнику, и боярину, и тиуну, и детем боярским отвечяти к строку ехати, или своих людей посылати отвечять. А кои наместник и боярин за 100 верст в седмой день ко ответу не приедет и своего человека не пришлет, и его по-

винити по жалобнице, исцев иск доправити, и пошлины неделщиковы и езд.

135. А судиям по волостям, коего году он судит, и ему пред товарищем не отвечяти в новой год, как его судиины дела вершатца. А судным товарищем, целовалнику и сотцкому, опричь дияка, всем отвечяти перед тем судиею, с кем в году судят. А не учнут отвечяти, и их винити; а судье в то место садити людей добрых.

136. А о холопстве суд. По полным кабалам и по грамоте холоп з докладу з женою и з детьми, которые дети у одного государя в одной крепосте родился и в холопстве.

137. А которые дети родились до холопства, а учнеть жить у одного государя, или собе, то не холопи тому, у ково отец их. А по государеву указу по робе холоп, а по холопе робы нет; по духовой холоп; и по приданой робе холоп; а по тиунству без полные кабалы не холоп. А полному холопу и докладному сына своего свободнаго, кой родился до холопства, не продать, а продастся сам кому хочет; а отцу его и матере у полные не стояти, ни из холопства не взяти, потому что отець его и мати сами в холопстве; а в полные писати, что отец его и мати у полные не стояли, потому что сами в холопстве.

138. А у кого отець в черньцах и мати в черньцах, и тому отцу и матере у сына своего у полные не стояти и у докладные, ни из холопства не взяти; а в полные писати, что отець его и мати у полные не стояли, потому что позстрижены. Да и не продати детей своих, а продасться сам кому хочет.

139. А отпускные давати в боярскаго докладу; а бояром к тем отпускным печять прикладывати, а дияком подписывати. А отпускные бояром давати на Москве да в Великом Новегороде и во Пскове бояром и дияком. А пошлины имати отпускные боярину и наместнику от печяти з головы по 9 денег, а дияку по алтыну, а подьячему, который пишет отпускную, ино з головы по 3 денги.

140. А опричь Москвы и Великово Новагорода и Пскова в ыных городех отпускных не давати. А хто отпускную положит без московских и наогородцких бояр дияков к докладу подписи, хотя своего государя рука, и та отпускная не во отпускную.

141. А которые люди волные учнут бити челом князем, и бояром, и детем боярским, и всем людем, а станут на собя кабалы давати за рост служити, и более 15 рублев и на серебряники, кабал не имати. А старые кабалы, кои преж сего на простых людей писаны болше петинатцети рублев, и те кабалы переписывати, а тем людем у них за росты служити; а тем людем приносити кабалы к боярам и детем боярским печяти прикладывати, а диаком подписывати. И впредь хто кабалу оболживит, и та кабала вершить по суду. А имать кабалам на волных людей.

142. А на полных людей и на старых холопей кабал не имати. А хто возмет на них кабалу или беглую грамоту, и по тем крепостям у него денги пропали; а чей то он холоп был, и тот государь скажет, что он у него убежал, что скажет сносу, то взяти на том, хто, не обыскав, на чужого холопа кабалу или беглую возмет; и тот холоп старому государю по прежней крепосте.

143. А положат на одного холопа две кабалы полные, и которая будет старие, тому холоп, а по новой кабале у того денги пропали; а снос стараго государя на том же, хто новую кабалу положил, чево попытает сносу.

144. А холопа рать полонит, а выбежет ис полону, и он свободен, а старому государю [1]) не холоп. А похочет тот холоп к своему старому государю [1]), и того холопа явить бояром, и дияку подписывати на старой крепосте.

145. А которой холоп побежит з государем своим, а не рать полонит, а выйдет холоп из которые земли опять на Русь, и он старому государю опеть холоп по старым полным, оприче кого государь пожалует, даст волную грамоту.

146. А детей боярских служилых, которые век не служивали, в холопех не бывати, опричь кого государь отставит от службы: и хто сколько денег займет в рост, и тем людем не служити, жити им о собе; и у кого сколко заняли, то им и раздавати.

147. А кто казаку даст денег взаймы в рост, да того человека станет держати у собя силно, а будет до него недобр, и казак тот, ни мога терпити, от него покрадчи збежит, и что у него снесет, то пропало, а по кабале денег лишен.

148. А наймит не доживет до сроку у государя своего и пойдет прочь, а вины на государя не скажет, и он найму лишен; а будет государь учнет его до сроку отсылати, и ему дати наем по розчету; а кой государь не захочет найму дати наймиту, уличят его в том, и наймит уличит, на том допровить наем втрое.

149. А о землех суд. Взыщет боярин на боярине, или монастырь на монастыре ж, или боярин на монастыре, ино судити за 3 годы.

150. А взыщет крестиянин на крестиянине, ино судити за 3 годы. А крестиянин на земле суда не поставит в 3 годы и не бьет челом о обиде, и ему дале того не давати.

151. А в землях судити сторожилцы, хто знает межу или преж сего ту землю пахивал и живал. А будет истец или ответчик сторожилца оболживят, а своего не поставит, и он тем виноват.

152. А будет истец много в челобитную напишет не по земле, и судьям про то сыскати, по земле зря: мощно ли столко убытков учинитца; а будет ответчиков повинят, и что на земле сияно, где суд был, или пожня, и то исцу за убытки, а в достале дать суд и кресное целование, а челобитной исцеве не верити.

153. А будет старожилцы, став, в речах порознят: ищеин молвит по ищее, а ответчиков по ответчике, ино им не верити, дати целование на ответчикову волю: хочет сам поцелует, что земля его, или исцу вирит; а убытки под крест положити и земли отступитца.

154. А молвыт исцев старожил или ответчиков не в его речи, как он слался и его повинити в земле и в половине убытков, аще молвыт старожил не в ответчиковы речи.

155. А судиям судити, род и племя отставя о обоих исцев, опричненными людми, ково полюбят оба исца.

156. А взыщет на боярине или на монастыре земли царя великаго князя, ино судити за шесть лет.

157. А по государеву приговору двум судьям на землю не ехати [1]), а ехати [1]) одному судье, да целовалнику с ним верному, и старосте волосному, и людем добрым. А пошлины имать на ищее за боран 2 алтыны, целовальнику 2 денги со обех исцев, а дияку 4 денги с ысцев пополам.

158. А послух придет перед судию правда, и что речи скажет, то дияку записати. А имати дияку с правды з головы 2 денги.

159. А приедет в деревню новой жилец и захочет землю делити во всу землю, и деревню в полях, наволоках, и во всяких землях, и угодья делити [1]), и путики, ино [1]) земля и пожни, и угодья, и путики повытно, по купчим, и где друг друга умирит, туто умер взяти безубыточно. А с полось назму не вести. А где умерит подворною землею, против тово имати земля любая, где захочет, опричь хмелника и садовые земли.

160. А кой складник захочет на новое место двор ставить или иную хоромину, и ему поставить от далних хоромин в любом месте, где похочет, хотя на хмелник; а отдать ему земля в любом месте, где другой полюбит; а на какову землю наставитце двором или хороминсю, такова земля и отдати; а сверьх того по любве.

161. А хто наездом деревню пашет, и ему болше трех годов не пахати наездом: либо скупать, либо спродавати с суда и з жребия; и огород ему по своей выте ставить.

162. А складник у складника в одной деревне натсавитце хороминою на подворную землю, и ему земля очистити, снести хоромина, толко другому на то место что ставити; а будет не ставить ничево на то место, и ему земля противо того взяти в любом месте. Новой приговор.

163. А суд о вотчинах. А хто вотчину продаст, а будет у купчих в послусех брат, или сестра, или племянник, и детем его и внучятом до тое вотчины век дела нет; а не будет брата, ни племянников, ни родни у купчие в послусех, и дети его и внучята отцеву вотчину выкупят; а будет тот купец опродаст им назадь, как ему стоит, и им купити.

164. А судити о вотчинах за сорок лет, а дале сорока лет вотчиньником до вотчин дела нет, до купцов детем его и внучятом дела нет.

165. А хто после живота своего отпишет деревню детем, то им и водчина в век. Хто вотчину выкупит в те урочные сорок лет, и та ему водчина держати за собою, а иному ни продати, ни заложити в чюжей род [1]), а отдать ему в свой род [1]) кому хочет полюбовно.

166. А хто стороннеи человек даст денги, а молвит: выкупи свою водчину, а не надобе себе, ино яз в неи живу; а доведет на него продавец, что он скупил чюжими деньгами, а держит не за собою, ино та деревня первому купцу безденежно, а у того денги пропали у сторонняго. А станет тот продавец и купец иным людем закладывати, и тем сторонним людем имать та вотчина под заклад, а деньги давать, чево та деревня стоила. А возмет хто стороннеи человек, а не вотчичь [1]), водчину в заклад болше того цены, чего та вотчина стоит, и хто водчинник учнет бити челом, что закладывает или уже заложил в чюжеи род, и тому водчиннику в заклад взяти в меру, чего та водчина стоит; и что тот денги лишек дал взаймы, то у того пропало.

167. А хто водчину променит, а примет денег, и хто водчинник учнет ту водчину выкупати, и ему своя водчина выкупати, а земли ему оставить столко, сколко своея вотчины земли променил.

168. А промеж селы и деревни городити межной огород, где межа придет, пополам. А чиим огородом протрава учинитца, и про то сыскати и на нем протрава взяти, чем люди осудят. А протрава до Семена дни, а после Семена дни протравы нет.

169. А огород ставити около поля 7 жердеи добрая, а около гумна 9 жердеи добрая, а осек ставить 7 хлубин нарочитая. А чия животина через таков огород пакость сотворит, и, сыскав, на том потрава взяти; а сыскивать сотцкому, да волосному старосте, и ближными суседи.

170. А про тех людей сыскивати накрепко, хто назло огород отворит и в поле скота напустит, или осек отворит и выпустит скот за осек; и которая невзгода учинитца, и как сыскав того, и на нем гибель взяти, а его бити кнутом, что лихо творит; а будет в поле отворил, и та протрава на нем же взяти, чем люди осудят.

171. А где отхожие пашни, и пожни, и огороды, и пожни, и будет от сел и от деревень на лисе и при реках, и где чья пожня, и будет скот его ходит на тои пожне, в кое время ни буди, или на пашне, ему огород ставити половина; а чеи чюжеи скот ходит, тому другая половина. А будет его скот не ходит, а чия прилегла к пашне ораная земля, или чеи скот ходит, тому и городити все. А пору [1])

ему скотом не травити; а хто стравит, на том и протрава справити без суда.

172. А хто зорет межу или грань ссечет меж селы и деревни, и уличят его в том, и его бити кнутом, а исцу за грань и за межу взяти рубль.

173. А крестиянин у крестиянина в одной деревне межу подорет или перекосит, ино властелю на нем взять за боран два алтына.

174. А у которых сел и деревень есть молоди, и тех молодей прежних выпашей и тех лесов складниками меж собя без делу и без жеребия ни сетчи, ни пахати. А кой складник без делу молоди высечет и запашет, а иной складник не сек, а выть ему такова ж в хлебе, хоти он и ставил того же лесу.

175. А черной лес пахати в суземке просто, без делу, где не молодь, хто сколко может: то лес вопчей, царев и великаго князя.

176. А что за которою деревнею угодья есть, путики или иное что, ино про то сыскивати старыми жилцы; и сыщут в которой деревне или в судной приписати, ино далным жилцам, иным деревням, и тем путикам не ходити за чюжые деревни и никотораго угодья угодовати не полюбовно.

177. А где меж деревнями случитца межа, и межа до осека; а на осек став, топором шиби, до каких мест имет; а дале вопчей лес царев и великаго князя.

178. А крестияном отказыватися из волости в волость, из деревни в деревню один срок в году; за неделю до Егорьева дни и неделя по Егорьеве дни осеннем. А пожи... подворною платить, подворникам на год 8 алтын по 2 денги, до коего лесу десет верст.

179. А хто за кем живет и пойдет прочь, и он платит пожилое по 8 алтын по 2 денги. А останется у кого рожь в земле, и как тот хлеб пожнет, и он с того хлеба даст боран 2 алтыны властелю, да с того же хлеба даст подать цареву, оброки и всякие подати, и ему по хлебу дати, да пожилая копна сена, две сажени с локтем, одинова топтати, и то взяти тому, кому он деревню продаст.

180. А убиют котораго крестиянина на поле в розбое ил в ыном лихом деле, и выручит его государь, за кем

он живет, и пойдет из-за него, ино его выпустити, а по нем порука взяти з записью; и попытают на нем того крестиянина, и он бы был в лицах.

181. А которой купец, идучи на торговлю, возмет деньги у ково или товар, да на пути у него тот товар утеряетца безхитросно, истонет, или згорит, или рать или разбой возмет, и бояром и дияком про то сыскивати и, сыскав, дати царская грамота с красною печятию по его животом полетную, по его животом в колко лет ему платитца, исцу свое имать ему без росту.

182. А хто у ково на торговлю возмучи товар или денги или что ни буди, да тот товар пропиет или безумием потеряет без напрасньства, и того человека исцу выдати головою до искупа.

183. А в розбойном деле дадут кому полетную грамоту, и как своего розбою доищетца, и в его иску розбойников поимают, и у того грамота полетная не в грамоту.

184. А попа и диякона, черньца и черницу, и старую вдовицу, которые питаютца от церкви божии, ино тех судити святителю.

185. А будет поп захочет сам на ком искати какова дела, и судьям его судити; а самому попу отвечяти перед тем же судиею, хто на нем ищет чего. А во всяких делех попа и диякона судити жеребьем, а черньца по тому ж; а в доклад их отсылати к светителю. А будет поп не похочет на доклад к светителю, и ему в приговор садити десятаго попа да старосту церковнаго и людей добрых, хто ему люб; и после приговору под правеж даватися, как список приговорят.

186. А дияка и пономаря, крылашан, опричь проскурни всех судити земским судиям и меж их управа чинити.

187. А будет учнут крылашане меж собю тягатись в какове деле ни буди, ино их судити попу, с коим служат; а в суде у них быти старосте церковному, да целовалнику верному земскому, да волосных людей, коих оба полюбят; и судия их и дело приговорит.

188. А которые люди живут в волосте, а питаютца о собе, не от церкви божии, и тех судити судьям земским и розправа меж ими чинити, как меж крестияны.

189. А которые торговые люди учнут на монастыре жити, и тех с монастыря ссылати. А на монастыре жити нищим, которые от церкви божии питаютца.

190. А которой человек умрет без духовные грамоты, а не будет у него сына, ино статки все и землю дочере; а не будет дочери, ино взяти от ближнего роду от оцева или от материна.

191. А хто при смерти напишет духовную, и попу у духовные седити. А болше рубля безкабалново долгу не писати; да и то писати, коим обычяем дано, что боль говорит, то писати. И будет боль умрет, и попу взяти сорокоуст и духовная отдати, кому приписано. А будет боль оживет, и попу духовная драти, как минет шесть недель.

192. А хто дочерь даст замуж, а та дочь его умрет, а останетца детя водчинник, и ему взимков не прошати; а не будет отрод, ино взимки взяти, что давал.

193. А кой человек умрет, а у него дети не останутце з женою, и жене его приданое взяти, а сверх того полетное имати по две гривны на год.

194. А хто купит на торгу что поношено или из лавки, и ему купити с порукою с рядовою; а хто купит без поруки, и тому быти виновату.

195. А по городам и по волостям, кои около города, лошадь купит где хто или минит, и ему приводить и пятенщикам и пятнати. А пошлины имать с купца денга, с продавца денга.

196. А по волостям и по всей моей государеве земли хто лощадь купит или менит, и тех лошадей не пятнать, а купить и менить перед третьими людми. А хто в городе купя лощадь или около города, держит ея не пятнав, и уличят его в том, и на том пропятения 2 рубли; а хто поимаетца за ту лошадь, чего с тою лощадью взыщет, доколя ея не запятнав, и на том тот исцев иск взяти без суда. А детем боярским купленые лошади по тому ж пятнати.

197. А в служебном походе хто у ково купит лощадь, и хто за нея поимаетца, и тому купцу ставить послухов человек 5 или 6 на том, у кого он купил; а запретца тот человек продавец, ино им суд.

198. А намесником, и властелем, и тиуном, и пятенщиком в городех и волостех непродажных доморощоных ко-

ней не пятнать. И хто учнет непродажные и доморощеные лошади пятнати, а доведуд на него, и хто на нем чего взыщет в тех лошадех, и ему убытки платить без суда втрое, а в пене, что государь укажет.

199. А которые дела преж сего Судебника вершены, и тех всех дел не посуживати, быти тем всем делам земляным, в холопстве и во всяких делех по тому, как те дела преж сего верьшены.

200. А впредь всякие дела судити по сему Судебнику, и управы чинити по указу, как государь укажет, с котораго дни уложит.

201. А которые дела будут новые писаны, и как те дела з государева докладу и со всех бояр приговору вершатца, и те бы дела в сем Судебнике не приписываны были.

202. А велити на Москве и по торгом проклинати и во всех городех Московския земли и Наогордцкия, и по волостям, и по сборным церквам и по выставочным проклинати, чтобы ищеи и ответчики судяим в суде посулов не давали.

203. А послухи бы, не видев, не послуховали, а видев бы сказывали в правду. А послух, не видев, опослушествует ложно, а сыщут, что он ложно правдал, а на лживом послухе исцева гибель и убытки, а во лже казнити торговою казнию и бити кнутом.

204. А взыщет москвитин какова дела на селецких волостелех, и которые сельца Московские земли за удельными князми, ино судити великому князю; а не отвечяет селецкой перед великим князем, и великому князю его повинити. А взыщет его селецкой на селецком, ино их судити их же властелю.

205. А приговорил царь и великий князь. Шлютца с суда ищея и ответчик на мир в обыск, и в обысках многие люди лжут семиями и заговоры великими: иные молвят по исце, а иные по ответчике; и по тем лживым обыскам дел не вершити, а посылати вдругие обыскивати, ино те ж люди говорят иные речи.

206. А ищея или ответчик шлютце на иных в слух, и на иных в видение и в ведомо, а против тово истец или ответчик шлютце в послушество, а отводу не учинят, и за тем лживым послушеством и за обыском дела не вершатца, а иные присужают поля и кресное целование; и в тех бы

делех поля не присужали и обысков бы не оставливали, что шлютца в послушество, а посущества бы его доспрашивали, почему он шлетца в послушество; и будет отводу не учинит, и того повинити.

207. А послати на обыск по ищеиным речям или по ответчиковым и с теми людьми, на которых слался ищея или ответчик, оприче их родов и заговоров; а велити обыскивати старостам и целовалником, да тем обыском и вершити без поля и без целования.

208. А которые ищея или ответчик тяжутца перед бояры и во всех приказех, а шлютца в обыску на многие люди безимянно, и в тех делех пошлют бояр обыскивати с Москвы, старостам и целовалникам велеть по обыском и многим людем добрым, лутчим князем, и бояром, и всем крестияном, и архимандритом, и игуменом, и попом, и дияконом, и з городов с посадов лутчим людем обыскивати с лица на лице; и за очи обыскных людей не писати.

209. А речи бы свои обыскные люди писали; а которые грамоте не умеют, ино отцы бы их духовные руки свои прикладывали.

210. А скажут в обыску обыскные люди не одне речи: иные по ищее, а иные по ответчике, и по котором человеке молвят в обыску людей болше, человек пятдесят или шездесят, и по тому болшему правити, а по меншему винити исца или ответчика без поля и без целованья.

211. А после того сыскивати, в котором городе владыка есть, или архимандрит, или игумен, будет где обыскивати, и государь им пришлет о том, чтобы сыскивали или розведывали в правду, которая половина солгала; и тех лживых казнити по приговору как в розбойных делех.

212. А скажут в обыску поровну, а половина по ищее, а другая по ответчике, и по тем обыском того дела не вершити, а посылати вдругие на обыск, а велити обыскивати старостам, опричь тех людей, иными людми многими про то, которая половина солгала; и на которую половину доведут, что оне солгали, и ис тех людей изо ста человек выбрати прикащиков и лучших хрестиян, человек пять или шесть, бити кнутом, а игуменов, и попов, и дияконов отсылать к светителю; а езд, и волокита, и прогоны правому, что будет убытка в том деле, оприче исцевых исков, то взяти на тех, на коих ложь доведут. А которых

людей по тому обыску попытает, и тем людем взяти безчестия вдвое для лжи, чтобы впредь не лгали.

213. А которые люди в одном обыску двои речи говорят, и ис тех людей изо ста выбрати человек пять или шесть, бить кнутом.

214. А пошлутца в суде ищея или ответчик в обыск из виноватаго человек на 5 или 6, а вирить кому не мочно, и теми людми не обыскивати, а вершити дело по суду, зря по ричем.

215. А пошлетца в суде ищея или ответчик на боярина, или на прикащика, или в волосте на добраго человека, или на целовалника, или на старосту волостнаго или на церковнаго, или дияка, кому мочно вирити, тое правды спросити; и что скажет, как дело вершити без целования.

216. А будет ищея или ответчик сошлютца на одного человека из виноватаго в слух и в ведомо, и тое правды опросити: и что скажет, так же как дело вершити без целованья; и хоти правда не великим словом не договорит, и тем не винити исца или ответчика.

217. А бояром, и дияком, и всем приказным людем приказывати о своих землех своим хрестияном, чтобы оне в обысках говорили правду, что знают. А сыщут, что их хрестияне лгали в обысках, и в том боярем самим быть от государя в опале, а крестиянам быти казненым от государя, как в разбойных делех. А заведают бояре и приказные, что хрестияне в обысках не лгали, сказали правду, ино им сказывати государю; дело, сыскав, по тому вершити.

218 [1]). А старостам и целовальникам татиные дела сыскивать, обыскивати, и разбойные в правду по государеву крестному целованию, другу не дружити, а недругу не мстить. Да и того им сыскивати накрепко, кто в обысках семьями и заговоры великими говорят неподельно, стакався, и старостам сыскивати, и о тех людех семьях и заговорах отписати царю государю, что семьями говорят в обысках неподельно.

219. А учнут старосты татиные и розбойные дела сыскивати ложно, не по государеву крестному целованию и не по государеву наказу, другу дружити, а недругу мстити, или сыскивати не учнут, про те заговоры [1]) не учнут

государю описывати, ино им от государя быти будет казнь без милости.

220. А посылати старостам неделщиков со обысками к Москве и, сыскав, им про всякое дело и руки свои прикладывати; а кои грамоте не умеют, ино отцы бы их духовные руки свои прикладывали да, запечятав своими печатми, прислати к Москве; а в печяте писати старосте свое имя.

221. А досудятца в котором деле до поля, и станет ответчик бити челом, что ему не мочно стоять у поля, чтобы ему присудили целованье, ино поле оставити, а дати кресное целованье на ответчикову волю. А учнет [1]) бити челом истец, что нечем поля поставить, ино его повинити.

222. А которому холопу дадут отпускную грамоту с боярского докладу, а у которого старая отпускная, и тем холопам у старого государя не служити; а станет которой холоп служить с отпускною старому государю, и та его отпускная не в отпускную.

223. А дороги с Москвы до Колмогор, куде были преж сего дороги, и ныне бы те дороги были чисты, и через реки перевозы по государеве дороге, а через ручьи мосты вново добрые, где мосты были момо волости истари. А на которых дорогах мосты не починиваны, и кто едучи [1]) лошадь истепет или ногу изломит, и про то сыскати тою волостию накрепко, в которой волосте деетца и коея деревни та земля и мост; на ково взыщут, и на том исцева гибель доправити без суда по обыску.

224. А где в осень дороги живут, дорога живет по рекам, и по той дороге ставить вехи, до кех мест чья земля имет. А хто не ставит по дороге вех, и что над кем учинитца, и то взяти на том весь убыток. А по лесом дорога частить поперег полторы сажени, и выскиди и поперечной лес высекати. А на ручьях мосты мостити поперег полторы сажени. А где на проезжей дороге заворы, и тут бы были отводы.

225. А хто сусед у суседа в одной деревне какую животину утепет безвинно, лошадь, или корову, или овцу, или куря, или курицу, или какую животину ни буди, и убиет не повинно, извету не положа иным складникам, и уличят его в том, и какову он животину убил, такову ему и отдати или цену, чем люди осудят добрые да чем тот пожалует, у кого он убил. А будет он

куря убил петуха, ино на нем взяти сорок алтын, а за курицу две денги.

226. А хто у ково собаку утепет безвинно, дворовую, или гонную, или лешую, и уличят его в том, что он убил безвинно, и на нем взяти за собаку цена, чем государь тое собаки пожалует. А будет он не учнут миритесь, и тому, хто собаку убил, стеретчи двора до каких мест такову же собаку скормит; а в том по нем порука взяти крепкая, чтобы его тати не покрали, чтоб он стерег двора

227. А кой человек умрет, а у него останутце дети, и захотят оне меж собою делитися, ино колко их братов и сестер, ино им делити живот повытно: дочере та же выть, что сыну. А по отце меж их дел, а по матере меж их делу нет и во веки, и з дядею по отцеву делных нет.

228. А приговорил царь и великий князь, что по всей моей Руской земли, по городом, и по селом, и по волостем земли без управы не держати ни чясу: а про всякое дело суд давати не лживо.

229. А погонные за беглыми давати и выписи в ыной уезд. А хто не даст погонные, а беглому снаровить, и он тем виноват.

230. А под суд даватися, чей хто ни буди.

231. А где кого застанет дань, тут с него имати, тут с него поголовное дань, чем мир осудит; а где хто даст дань, тут ему и судитися.

И ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Судебники XV—XVI вв., стр. 366—414

Историко-правовой обзор

Заголовок. По примеру Судебника 1550 года к Судебнику 1589 года в обеих редакциях предпослан заголовок-предисловие, который придает ему характер государственного акта. Составитель вставил новые имена — царя, патриарха и митрополита, но сохранил общую структуру заглавия царского Судебника и даже месяц его издания (июнь).

Упоминание в заголовке «вселенского собора» (то есть Земского собора), с которым царь якобы выработал

Судебник, отражает в какой-то мере взгляд на государство и законодательную власть той среды, из которой он вышел.

Заключительная фаза заголовка краткой редакции указывает на то, что она рассматривалась как добавление, как «новый приговор», к «прежним главам», то есть к статьям Судебника 1550 года. В заголовке пространной редакции это указание уже убрано, так как Судебник 1550 года органически слит здесь с краткой редакцией и переработан. Однако здесь добавлено о том, что по этому Судебнику должны судить как судьи центрального суда, так и волостного суда, что вполне соответствует содержанию пространной редакции. Заключительная часть заголовка говорит в будущем времени об утверждении Судебника царем. Это доказывает, что Судебник не был утвержден правительством.

Ст. ст. 1—3. Эти статьи являются результатом переработки ст. ст. 1—3 Судебника 1550 года. Составитель Судебника 1589 года поставил рядом с судьями центрального суда земских судей, благодаря чему указанные статьи Судебника 1550 года приспосабливались к условиям суда волостного. К этому же приему составитель прибегает при переработке всех статей Судебника 1550 года, в которых по тому или иному поводу дается перечень судей (ст. ст. 8, 9, 10, 36, 106, 107, 114). Иногда центральные судьи перечисляются не все, а в ст. 11 и совсем не упоминаются. Присяга судей, вводимая ст. 1, является установившейся практикой в отношении земских судей и неожиданным нововведением для центральных судей, бояр, окольничьих, казначеев и т. д., о служебной присяге которых сведений нет. Несоответствие произошло в результате того, что составитель пространной редакции, поставив в ст. 1 Судебника 1550 года земского судью рядом с судьями центрального суда, присоединил к ней механически ст. 1 краткой редакции, относящуюся только к волостному суду, то есть только к земскому судье.

Суд с головы — это выражение означает, что по тем или иным обстоятельствам следует суд начать сначала.

Ст. 3. Статья устанавливает материальную ответственность земского судьи за своих помощников. С судьи берется в тройном размере «исцев иск» и пошлины, если ка-

кое-либо дело будет решено неправильно вследствие посула, взятого кем-либо из представителей волостного суда.

Ст. 4. Как и в ст. 4 Судебника 1550 года, здесь говорится о дьяке, совершившем намеренный подлог в судебном списке или речах сторон. Но определение наказания дьяку и размеры возмещения убытков, которые понесет потерпевший и т. д., различные. Волостной дьяк по Судебнику 1589 года в таких случаях наказывается кнутом (а не тюрьмой, как в Судебнике 1550 года), отставляется от дьячества навсегда (что возможно было осуществить в волости, при выборности дьяков), за него берется порука «что впредь не воровати, доколе и жив будет» (обстоятельство важное для волости, так как дьяк оставался жить среди волостных крестьян), при этом дьяку, запрещается «сетчи» руки (в практике такая расправа имела место).

В ст. 4, как и в ст. 3, возлагается материальная ответственность на судью — он платит половину «исцова иска» (другая половина — взыскивается с дьяка), причем мотивировка звучит народной присказкой: «...знаючи диака лжива, почто с ним судит».

Ст. 6. Защищает представителей волостного суда от лживых обвинений. Новым по сравнению со ст. 6 Судебника 1550 года является постановление о взыскании с жалобщика бесчестия в пользу лживо обвиняемого. Жалобщик наказывается так же кнутом и заключением в тюрьму, но только до тех пор, пока не будет взята порука, «что впредь не лгати».

В результате человек, виновный в ложном оговоре судей, становился под наблюдение волости.

Ст. 7. В отличие от ст. 7 Судебника 1550 года, по которой судья обязан выслушать жалобщика «его приказу», здесь говорится об обязанности земского судьи принимать жалобщика не только «его приказу», но и «не его, иные волости». Этим редакционным изменением составитель приспособил статью о центральном суде к условиям волостного суда, где волость была судебным округом.

По ст. 7 земский судья обязан был разбирать дела по претензиям жителей других волостей к жителям его волости, то есть его судебного округа.

Ст. 8. Новым по сравнению со ст. 7 Судебника 1550 года является постановление о взыскании с судьи

штрафа в пользу жалобщика за необоснованную затяжку дела — «волокиты рубль», имевшее целью нормализировать работу волостного суда.

Ст. ст. 9—10. Определяется порядок взимания пошлин, отличный от порядка, установленного ст. 8 Судебника 1550 года. Если собственно судебные пошлины (в соответствии с Судебником 1550 года) взимаются с виноватого, то канцелярские пошлины (дьяку) с обеих сторон по половинам («писчее», ст. 9). Соответствует практике волостного суда также постановление ст. 9 о невзимании дьяком пошлин от порученных записей. Оговорка об отправке судебных пошлин в казну указывает на важное отличие волостного суда от бывшего суда кормленщиков, когда пошлины шли судье.

Ст. 11. Выражение «казнити торгового казнью», свойственное Судебнику 1550 года, заменяется обычно в Судебнике 1589 года «бити кнутом» (ср. ст. 105). Объясняется это тем, что в волости не было особого места, которое бы называлось торгом.

Ст. ст. 12—22. Статьи почти полностью соответствуют ст. ст. 9—15 Судебника 1550 года, в которых определяются нормы судебного поединка — «поля». К концу XVI века «поле» в судебном процессе уже не применялось. В волостном суде «поле» запрещалось еще уставными грамотами середины XVI века (см. уставную Двинскую грамоту 1556 года, ААЭ, I, № 250). Следовательно, статьи Судебника 1550 года о «поле» нельзя было никакими редакционными изменениями приспособить к условиям волостного суда конца XVI века. Поэтому ст. ст. 9—14 Судебника 1550 года переписаны в Судебник 1589 года почти полностью с частичными переменами, не меняющими смысла, а ст. 15 не понятая составителем, ошибочно переделана в ст. ст. 20—22, в смысле поединка двух сторон. При этом составитель противопоставляет «полю» «крестное целование» — норму процесса, более близкую ему (тоже ст. ст. 27, 30).

Ст. 23. Статья новая, говорит о 15-летнем сроке действия кабалы и о взимании роста в течение пяти лет. М. Н. Владимирский-Буданов считает, что содержание статьи основано на указе 8 февраля 1588 г. (АИ, I, № 221). Однако данная норма Судебника 1589 года быто-

вала в Поморье задолго до составления этого указа. Еще в уставной грамоте Ивана Грозного Луцкой Пермце судьям запрещалось давать суд по кабалам по истечении 15-летнего срока, и устанавливался рост за пять лет (С. Б. Веселовский. Земская уставная грамота Усольского уезда, Чтения ОИДР, 1907, кн. Смесь, стр. 44). Эта норма, вероятно, была занесена в уставную грамоту царя Федора и оттуда вошла в краткую редакцию Судебника 1589 года (ст. 3). Постановление Судебника о взимании роста за 5 лет, находится в связи с размером роста, установленным ст. 23 («рост правити на пять шестой», то есть 20 процентов). Следовательно, за пять лет сумма долга уже удваивается. В практике выработался, несомненно, под давлением кредиторов обычай писать кабалы с удвоенной суммой долга. Постановление ст. 23: «А кабалы писати на крестиян вдвое» и «...а в чем кабала писана, то и справити» (то есть взыскать двойную сумму долга, написанную в кабале) означало лишь возведение в общую норму установившегося обычая. (Судебники XV—XVI вв., стр. 452; М. М. Богословский, Кредит в земском хозяйстве XVII века, Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому, М., 1909, стр. 39).

Ст. 24. Статья новая, развивает положения ст. 23. В ней излагается случай, когда ответчик (должник) предъявлял иск к истцу (заимодавцу) в том, что заимодавец взял с должника денег свыше нормы, установленной в ст. 23, то есть взял «рост» не за пять лет, а за больший срок, и не на «пять шестой», а выше (переемные деньги). Сохранение в заключительной фразе ст. 24 слов «к нам к Москве» показывает на источник этой статьи — царскую грамоту (уставную), где личная форма «к нам» вполне уместна (см. тоже в ст. 25).

Ст. 25. Статья новая. *Отбой* — сопротивление истцов или ответчиков исполнению судебных решений, приговоров или отдельных предписаний суда, принимавшее различные формы. О сопротивлении составлялся протокол — отбой, отбойная запись (пример отбойной записи см. М. М. Богославский, Земское самоуправление, т. 2, стр. 245).

Ст. 26. Статья новая, является логическим продолжением ст. ст. 23—25 Судебника 1589 года. В ст. 26

рассматривается случай, когда возникает противоречие между показаниями послухов, подписавшихся под кабалой, и дьяком, писавшим кабалу. В Судебнике 1550 года (ст. 15) предлагается в таком случае «поле», здесь же рекомендуется «про то сыскати». Причем сыск производится «миром», то есть общиной, к которой принадлежит истец и ответчик. В ст. 26 имеются в виду и материальные последствия для дьяка и послухов. Тот из них, кто окажется неправым, привлекается вместе с заимщиком («по вытям») к уплате долга.

Ст. 28. Статья повторяет ст. 17 Судебника 1550 года с добавлением «девки» в перечне лиц, имеющих право на «наймита» для «поля». Эту вставку составителя Судебника 1589 года можно понять так, что права незамужней женщины не ущемлялись (см. ст. ст. 30, 64).

Ст. 29. Эта статья повторяет ст. 18 Судебника 1550 года с заменой «недельщиков» и «праведчиков» центрального суда «доводчиком».

С доводчиком — доводчик, низший выборный служитель при волостных судах, его обязанностью было вызывать в суд ответчика, свидетелей и отдавать вызываемых на поруки.

Ст. 30. Доклад нерешенных дел в Москву тому, «чей суд», отражает тот факт, что центральное управление отдельных областей Русского государства в конце XVI века сосредоточивалось в территориальных приказах — четвертях.

Ст. ст. 34—37. Эти статьи соответствуют ст. ст. 22—24 Судебника 1550 года, в которых определялся порядок подачи исков на наместников, волостелей и их людей.

Несмотря на отмену в 1555 году кормлений и замену их земскими судьями, составитель Судебника 1589 года сохранил статьи, относящиеся к наместничьему суду. Некоторые из них с помощью редакционных изменений (составитель выставляет на первый план земских судей) были приспособлены к условиям волостного суда.

Неответная — неответная запись, которая составлялась тогда, когда ответчик отказывался отвечать, явившись в волостной суд, или скрывался от волостных агентов.

Ст. 38. Статья отвергает какую-либо давность исков на земских судей. В течение всей жизни земский судья мог быть привлечен к ответственности за совершенные им

во время выборной службы преступления. Жалобы на земских судей, отбывших свою должность, в большом количестве встречаются в архивах приказов, управлявших Поморьем. Иногда иск к судье за его смертью обращался даже на его наследников.

Ст. ст. 41 — 73. Статьи являются развитием ст. 26 Судебника 1550 года. 10 статей повторяют с бо́льшими или меньшими изменениями ст. 26. В остальных 23 статьях перечисляются новые, по сравнению с Судебником 1550 года, разряды населения и должностные лица, для которых определяется тот или иной размер бесчестия. Как известно, размер бесчестия в памятниках феодального права устанавливается «зря по человеку», то есть в зависимости от социального положения. Поэтому в статьях о бесчестии Судебник 1589 года раскрывает картину социального состава общества русского севера конца XVI века.

В связи с развитием товарно-денежных отношений в Русском государстве происходила имущественная дифференциация городского населения. Этот факт нашел отражение в Судебнике 1589 года. Сравнение размеров бесчестия различных категорий городского населения (гостей — ст. ст. 44—46; торговых и посадских людей и всех середних людей посада — ст. 47, городских добрых людей — ст. 53, городских молодчих людей — ст. 54, молодчих посадских людей — ст. 51) показывает, что честь самой низшей в социальном отношении категории населения оценивалась в сто раз ниже, чем честь самой высшей категории «гостей больших». То же самое наблюдается и в отношении сельского населения. Бесчестие разбогатевшего крестьянина, связанного с торговлей и ростовщичеством, устанавливается в 3 рубля (ст. 52), а рядового жителя волости — пашенного крестьянина — в 1 рубль (ст. ст. 50, 51). Это свидетельствует об имущественной дифференциации волостного крестьянина, подтверждаемой и другими документами XVI века. На процесс расслоения посадского и сельского населения указывают также статьи о нищих (ст.ст. 64, 67). В статьях о бесчестии Судебник 1589 года выделяет значительную прослойку населения севера — церковников (ст.ст. 61, 62, 63) и служилых людей (стрельцов, вольных казаков и каменьщиков, ст. 72). Называется и такая категория населения, как скоморохи (ст. ст. 65, 66).

Характерной особенностью Судебника 1589 года являются статьи о бесчестии представителям волостного управления: судье (ст. 55), целовальнику (ст. 56), сотскому (ст. 57), пятидесятскому и десятскому (ст. 58), земскому дьяку (ст. 59), старосте церковному (ст. 60). Все эти статьи наглядно показывают связь Судебника 1589 года с волостным судом и управлением. В них Судебник 1589 года выходит за рамки охраны личной чести, здесь охраняется честь лица, поставленного на должность мирским выбором. Поскольку важнейшие выборные должности в волости занимала богатая волостная верхушка, постольку высокий размер бесчестия для выборных должностных лиц был одним из путей обеспечения господства разбогатевших волостных крестьян.

Однако по ст.ст. 39, 103, 212 и 6 Судебника 1589 года можно заключить, что бесчестьем считалось действие, наносившее кому-либо личную обиду или оскорбление.

Гостю большему — «Гости» как бытовое прозвание чужеземных или иногородних купцов, известное по источникам с X века, сохранилось в XVI веке. В конце XVI века появилось новое значение этого термина — гость, как звание, жалуемое царской властью богатейшим торговцам и промышленникам. В терминологии Судебника 1589 года («гость большой», «гость средний», «гость меньшой»), вероятно, нашел отражение факт создания к концу XVI века гостиной и суконной сотен, в состав которых набирались «лучшие люди» Москвы и других городов.

Доброму крестьянину — добрый крестьянин, деревенский богатей, связанный с торговлей и ростовщичеством. Бесчестие ему назначено в три раза выше, чем рядовому крестьянину «пашенному». Под пасадским и волостным молодым человеком разумеется, вероятно, тот непашенный крестьянин, о котором говорится в ст. 26 Судебника 1550 года.

Повоскому — то есть жителю погоста («повоста»). Правильнее чтение ст. 7 краткой редакции, где вместо этого слова употреблено в обоих случаях «гороцкому». Правильность чтения краткой редакции подтверждается тем, что в ней городскому «молодчему человеку» противопоставляется «деревенский крестьянин» — им устанавливается одинаковое бесчестие. При переработке краткой ре-

дакции в пространную о «деревенском крестьянине» сказано в ст. 51 (здесь он назван волостным человеком), а о городских людях — в ст.ст. 53—54 (здесь они названы погостскими людьми).

Судье бесчестия. Бесчестие земскому судье в 5 раз выше, чем рядовому волостному жителю. Судья избирался на волостном сходе преимущественно из числа богатых «прожиточных» крестьян, которые имели возможность влиять на волю схода, экономически господствуя в деревне.

Судецтскому целовалнику — избирался волостью, заседал вместе с судьей при разборе дел, принимал участие в следствии, наблюдал за правильностью составления судного списка и т. д.

Сотцкому — сотский ведал сбором податей, заключал мирские займы, собирал мирской сход, участвовал в суде и следствии, заведовал волостной тюрьмой.

Петидесятцкому — пятидесятский помогал сотскому, участвовал в суде, вел следствие.

Десятцкому — десятский, низший полицейский агент. Иногда он избирался волостью, иногда своим десятком. Из документов известно, что «десятки» могли состоять из 7, 10, а иногда и 20 дворов.

Диаку земскому — земский дьяк, или дьячок, писал приговоры мирских сходов, всякого рода бумаги земских властей, а также частные акты и выбирался волостным сходом и необязательно из жителей данной волости. В «выборе» — избирательном акте — указывался срок службы земского дьяка (иногда продолжительный) и размер «найма», то есть платы.

Старосте церковному — в отношении размера бесчестия уравниваются губной староста и староста церковный — потому, что и тот и другой избирались из волостных крестьян, так как принцип уставных грамот — избирать губных старост «из детей боярских грамотных» в местности, где действовал Судебник 1589 года, не выполнялся. Вообще с развитием на севере во второй половине XVI века земских учреждений в сферу их деятельности попадали и разбойные дела. Губной староста становился помощником земского судьи.

Церковный староста избирался на сходе прихожан той или иной церкви или погоста из «прожиточных», то есть

(богатых) крестьян и посадских и занимал иногда эту должность десятки лет. Он управлял всеми церковно-хозяйственными делами (сдавал подрядчикам в аренду церковную землю, следил за получением с них оброка, раздавал церковные деньги «в рост», наблюдал за сохранностью имущества церкви и т. д.) и представлял церковь как юридическое лицо. Когда приход совпадал с волостью, церковный староста выполнял и полицейские функции.

Попу, дияку и пономарю, проскурне и строю — размер бесчестия церковникам устанавливался по их доходам, которые они получали от церкви и волости, а бесчестие представителям черного духовенства (игуменам, монахам и монахиням) устанавливалось церковными властями — «что святитель укажет».

Нищему человеку.— Размеры бесчестия различные для нищих городских «московских» (то есть не местных), для нищих, которые имеют еще какое-либо имущество и проживают на погосте, и для нищих, собирающих куски по деревням. Нищенство — прямой результат расслоения волостного крестьянства — было иногда единственным средством прокормления для обедневших семей и нетрудоспособных бедняков.

Скомороху описному — довольно высокий размер бесчестия скоморохам указывал на то, что скоморошество в Поморье в конце XVI века было еще значительно развито, несмотря на решительное противодействие церкви и правительства. «Описной скоморох» жил постоянно в волости и заносился при описании писцов в книгу. «Неописный скоморох» — тот, который известен по другим источникам как скоморох перехожий (ААЭ, I, № 244), то есть скоморох странствующий. В ст. 7 краткой редакции названа еще одна категория странствующих скоморохов — «похожие» скоморохи. При составлении пространной редакции эта категория опущена, так как составитель мыслил «похожих» скоморохов в группе «неописных» скоморохов.

Не увенчальные жены. — Незначительный размер бесчестия назначался незаконнорожденным, женщинам неприличного поведения и всевозможным ворожеям и предсказательницам. Совсем отказывалось в бесчестии: татям, разбойникам, зажигальщикам и «ведомым лихим людям», которые подлежали казни по ст. 115. В краткой редакции

(ст. 7) назначалось еще 2 деньги бесчестия зернщикам, кабацким. ярыжкам и бражникам. Но эта статья не была включена в пространную редакцию, так как азартный игрок (зернщик) и пропойца (бражник) могли относиться к любому разряду населения, которым бесчестие было назначено в других статьях.

Каменщикам. — В один ряд с мелкими служилыми людьми; стрельцами, ратными людьми и вольными казаками поставлены каменщики, причем размер бесчестия всем этим категориям определен в общей форме «что царь государь укажет». Каменщиками с 1583—1584 гг. ведал приказ Каменных дел. Они обязаны были ежегодно являться в Москву для отправки на работу.

Ст. 74. В статье имеются в виду, во-первых, тяжбы между чужеземцами и, во-вторых, тяжбы между чужеземцами и волостными жителями. В том и другом случае Судебник 1589 года предусматривал принесение крестного целования при желании на это ответчика. Это противоречит ст. 27 Судебника 1550 года, по которой вопрос о том, кому представить крестное целование, во втором случае решался жребием.

Ст. 77. Статья повторяет без существенных изменений ст. 30 Судебника 1550 года о сместном суде. Но если в Судебнике 1550 года в статьях 91 и 100 сохранились указания на случаи, когда дело должно было решаться сместным судом (то есть с участием двух судей, представляющих обе стороны), то в Судебнике 1589 года таких случаев не отмечается. Например, дела между церковными и волостными людьми (ст.ст. 185, 186) положено судить только земским судьям.

Ст. 94. Представляет собой переработку ст. 45 Судебника 1550 года, в которой определялось хоженое для недельщика.

В волостном суде роль недельщика выполнял доводчик, он вызывал стороны в суд, отдавал их на поруки и т. д. При разъездах по волости доводчик получал хоженое по деньге с версты. Статья предусматривает также случай, когда доводчик, никуда не идя, брал поруку по тому или иному лицу в церковной трапезе.

В трапезе.— Трапеза — помещение, находящееся обычно в одном здании с церковью: она была местом заседания

волостного правления и суда, местом людского схода; здесь заключались всевозможные сделки, писались челобитные и частные акты.

Ст. 97. Путем редакционных изменений ст. 48 Судебника 1550 года приспособлена к условиям волостного суда. Согласно ст. 97, прибывшие в волость или город недельщик или ездок центрального суда, или доводчик из другой волости были обязаны предъявлять приставные грамоты земским судьям и их товарищам (помощникам), а также поставить перед ними истца и ответчика в том случае, если они оба проживали в данной волости или городе и были подсудны данному земскому суду.

Ст. 99. Статья предписывает взимать штраф («править» волокиту) по 3 деньги на день с того, кто в срок не явится в суд, в пользу стороны, которая явится к судьям в срок и вынуждена будет ждать другую сторону.

Ст. 100. Статья устанавливает штраф с истца, взимаемый в пользу ответчика («что во жданье после сроку учинится убытка»), если первый, возбудив дело, сам к сроку не явится. Кроме того, рассмотрение дела истца откладывается до нового судьи, то есть до окончания полномочий того судьи, перед которым было возбуждено дело (обычно земские судьи выбирались на год).

Ст. 102. Тот, кто поставит под сомнение судный список и добьется нового рассмотрения дела, но не докажет своей правоты, уплачивает пошлину — «пересуд» и «правый десяток», кроме того, отдается на поруки, «что ему впредь не лживить».

Ст. 103. Новым в ст. 103 сравнительно со ст. 52 Судебника 1550 года является предписание привязывать поличное (то есть украденную вещь) к вору, при представлении преступника к судье. Новым также является постановление о наказании кнутом за ложное обвинение («ополиченье») и о взыскании с лжеца, истца и приводчика бесчестия в пользу оклеветанного. В статье устанавливается сила пытки — 100 ударов.

Ст. 105. Путем редакционных изменений ст. 53 Судебника 1550 года в ст. 105 устанавливается, что все волостные жители («или в волостях кой человек») обязаны ловить татей и разбойников.

Снаравит — понороввка — попустительство татю или разбойнику со стороны любого волостного человека — наказывалась.

Ст. 106. В волости тати, разбойники содержались в тюрьме, подведомственной сотскому, который не мог выпустить из заключения преступника на поруки без «судьина ведома».

Ст. 108. Тать, который при пытке «на себя не скажет», то есть не признается в преступлении, но будет в обыске назван «лихим» человеком, подлежит смертной казни — «повесити». (В ст. 56 Судебника 1550 года в таких случаях предписывается пожизненное тюремное заключение.)

Замена составителем Судебника 1589 года пожизненного заключения смертной казнью отразила победу принципа устрашения в феодальном праве.

Волость должна искоренять в своей среде «лихих» людей и отвечала за преступления, совершенные ее членами или хотя бы на ее территории.

Ст. 110. Статья повторяет ст. 58 Судебника 1550 года, но со значительными изменениями: среди «добрых людей», показания которых о преступности того или иного лица («что он тать, и грабитель, и всякой лихой человек») принимались в расчет, названы волостные «добрые» крестьяне, а также земский судья. Обвиненный, таким образом, 10—20 «добрыми людьми» обязан уплатить «исцов иск», причем, в отличие от Судебника 1550 года, в ст. 110 устанавливается, что иск в размере не свыше 10 рублей взыскивается без суда, свыше — по суду.

Ст. 111. Статья новая, в ней устанавливается порядок проверки показаний тех 10—20 «добрых людей», о которых говорится в ст. 110.

Проверка производилась посредством мирского обыска, по инициативе заинтересованной стороны, и если показания «добрых людей» не подтверждались, то тогда на них взыскивалось «гибель исцова» — то есть то, что было украдено у истца и о чем он заявлял перед волостным судом. Это новшество Судебника 1589 года по сравнению с Судебником 1550 года представляло собой важный шаг по пути развития судебного процесса и отражало практику волостного суда, в котором иногда вся волость (мир)

привлекалась к ходу судебного разбирательства. От участия в обыске устранялись «миропродавцы», то есть те волостные жители, которым волость не оказывала доверия (сутяжники, ростовщики, склочники и т. д.).

Ст. 112. При мошенничестве истец не получает никакого материального возмещения, если он даже поймал обманщика и доставил его судье. Мотивировка звучит опять-таки народной присказкой: «один оманывает, а другой догадывайсе, а не мечися на дешевое». Однако уличенный обманщик наказывается кнутом.

Хоти его трою днем изымаешь — хотя бы пришлось поймать трижды в день. Соответствует ст. 58 Судебника 1550 года.

Ст. 113. В отличие от ст. 50 Судебника 1550 года в ст. 113 смертная казнь для «нарядчиков» и «подписчиков» заменяется наказанием кнутом.

Нарядчика — ябедника, клеветника. По ст. 111 говорить нарядом — значит клеветать.

Подписщика — подписчик, человек, совершивший подлог документа.

Ст. 114. Статья представляет собой лишь первую часть ст. 60 Судебника 1550 года, вторая часть ст. 60, в которой определяются границы судебной власти наместников и губных старост, совсем не включена в Судебник 1589 года. Это можно объяснить тем, что роль губных старост в северных волостях была незначительной, так как разбойными делами ведали земские судьи.

Ст. 115. Статья повторяет ст. 61 Судебника 1550 года с добавлением конокрадства в перечне тех преступлений, которые влекут за собой смертную казнь.

Ст.ст. 116—129, 133—134. Статьи соответствуют ст.ст. 62—75 Судебника 1550 года, посвященным суду кормленщиков-наместников и волостелей. Составитель Судебника 1589 года пытается перерабатывать некоторые статьи Судебника 1550 года, относящиеся к провинциальному суду, теми же приемами, которыми он приспосабливал статьи о центральном суде к условиям волостного судопроизводства.

В ряде статей он упоминает наряду с наместниками земских судей (ст.ст. 119, 122, 123, 125), а в ст.ст. 129

133 земский судья упоминается вместо волостеля. Статьи о суде кормленщиков, которые нельзя было приспособить к условиям суда волостного, переносятся в Судебник 1589 года или полностью, или с значительными сокращениями.

Матицею (матица) — подлинник акта (в отличие от копии).

Ст. 130. Статья новая, по этой статье несостоятельный должник может быть выдан истцу для отработки долга. Это постановление отражало интересы крестьянской и «посадской» богатой верхушки, эксплуатирующей бедноту.

В источниках есть прямые указания на то, что несостоятельный должник обязан был отрабатывать долг истцу (см. приписку от 8 марта 1556 г. к Важской уставной грамоте — М. Ф. Владимирский-Буданов, Хрестоматия, вып. 2, стр. 290—291).

Ст. 131. Статья новая. Сторонам запрещается на суде иметь помощников. Тот, кто во время судоговорения будет учить одну из сторон, обязывается уплатить половину иска и пошлины (пересуд и правый десяток).

Ст. 132. Статья новая, говорит о развитии договора поклажи. В статье устанавливается порядок рассмотрения споров, возникающих в случае, когда человек, взявший имущество другого на сохранение («соблюдение»), признавая сам факт принятия, отрицал, однако, показания владельца о количестве этого имущества. Ответчик обязан вернуть то имущество, хранение которого он признает, а решение вопроса об остальном имуществе возложить на суд.

Ст. 135. Статья новая. В ней содержится постановление о подсудности земских судей и их помощников — сотских и целовальников. В ст. 38 устанавливается, что по жалобам на земских судей судебное разбирательство могло вестись после того, как обвиняемый отслужит свой (годовой) срок («после его году»).

В ст. 135 в дополнение к этому говорится, что судья не отвечает перед своими сотоварищами по службе (сотским и целовальником) во время ее несения, и устанавливается ответственность отбывшего свой срок земского судьи перед новым земским судьей («а отвечати в новой год, как его судиины дела вершатца»). Помощники же судьи —

сотский и целовальники — отвечают перед своим судьей и во время исполнения служебных обязанностей.

Статьи 38 и 135 подчеркивают авторитетное положение земского судьи в волости и известную его независимость во время отбывания срока службы.

Ст. ст. 136—148. Эти статьи посвящены вопросам холопства и являются иногда дословным, иногда сокращенным повторением статей Судебника 1550 года. Важнейшим новшеством является отрицание холопства свободной женщины, вышедшей замуж за холопа (ст. 137); нет также в отличие от Судебника 1550 года упоминания о таком источнике рабства, как холопство «по сельскому ключу без ряда» (ст. ст. 136—137).

Сравнивая статьи о холопстве обоих Судебников, мы замечаем, что составитель Судебника 1589 года не проделал в данном случае такой работы по изменению норм Судебника 1550 года, которую мы наблюдаем в статьях о крестьянстве и землевладении. Это обстоятельство можно объяснить тем, что институт холопства был чужд составителю Судебника 1589 года, так как в среде черносошного крестьянства холопство не было развито.

Казаку. — Статья 147 охраняет интересы военнослужилого человека — казака подобно тому, как в ст. ст. 81—82 Судебника 1550 года защищались интересы служилых людей—детей боярских. Если казак возьмет деньги в рост, то заимодавец не может его превращать в кабального холопа. По мнению составителя Судебника 1589 года, казак должен оставаться вольным человеком (ст. 72).

Наймит не доживает до сроку. — Статья 148 предусматривает случай, когда наниматель нарушает договор найма, выгоняя нанятого до срока. Тогда наймит имеет право на получение платы «по розчету», то есть за прожитое время, причем на нанимателя не налагается никакого штрафа за такое нарушение договора. Таким образом, Судебник 1589 года, сохраняя постановление Судебника 1550 года о фактическом запрещении для наймита уйти ранее срока (ибо он тогда терял всю плату), дает нанимателю возможность безнаказанно в любое время рассчитать неугодного ему наймита. Это постановление отражает интересы экономически состоятельной верхушки, волостного крестьянства, применявшей в своих хозяйствах труд наймитов.

Ст. ст. 149—177. Статьи посвящены вопросам преимущественно крестьянского землевладения. Часть этих статей представляет переработку (иногда и дословное заимствование) ст.ст. 84—87 Судебника 1550 года. Целью переработки и в данном случае было приспособление статей Судебника 1550 года (в частности, ст. 85), посвященной земельной собственности феодалов-вотчинников, к порядкам крестьянского волостного землевладения. Таким образом, в ст.ст. 149—177 Судебник 1589 года фиксирует в концентрированном виде те нормы крестьянского землевладения, о частных проявлениях которых мы узнаем из многочисленных юридических актов XV—XVII вв. При изучении статей Судебника 1589 года о крестьянском землевладении встает общий вопрос о характере крестьянского землевладения на севере в конце XVI века.

Буржуазная историческая наука, несмотря на богатый фактический материал, собранный ею, не смогла разрешить проблему возникновения волости-общины и вскрыть тесно связанный с этим вопрос о характере крестьянского землевладения. Лишь в марксистско-ленинской исторической науке эти вопросы нашли свое принципиальное решение. Община XVI—XVII вв. является пережитком первобытно-общинного строя. Северная черносошная крестьянская волость XVI—XVII вв. сохраняет целый ряд черт прошлого и прежде всего пережитков древнего общинного владения землей. В этом отношении наша община-волость, как отмечает Маркс в письме к Энгельсу от 7 ноября 1868 г., «до малейших деталей тождественна с первобытной германской общиной» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 127). Русская волость-община имела право владения на все земли волостной территории. В общем пользовании волостных крестьян находились леса, луга, выгоны, выморочные владения, пустоши и т. д.

Ряд статей Судебника 1589 года и актовый материал XVI—XVII вв. устанавливают формы крестьянского землевладения как своеобразный компромисс между общинным и частным землевладением. О праве пользования крестьян своим наделом, своей деревней (деревней в актах иногда называется часть ее, принадлежащая тому или иному крестьянину) свидетельствует ст. 165. В ней говорится о передаче деревенского надела или всей деревни от

отца к детям, причем к такому наследственному владению применяется термин «вотчина» («А хто после живота своего отпишет деревню детем, то им водчина в век»). По ст. 163 подобное владение — вотчину крестьянин мог продать, причем при определенных условиях совершения сделки дети и внуки его сохраняют право выкупа. В свою очеређь купивший мог также, соблюдая известные порядки, перепродать, заложить или променять эту землю третьим лицам (ст. ст. 166, 167). Однако земля, становившаяся владением отдельного крестьянина, связана еще неразрывными узами с теми владениями, которые находятся в общем пользовании деревни или волости.

Каждый крестьянин-собственник земли, разбросанной в деревенских полях чересполосно с землями соседей, имел право на пользование лугами (частично переделяемыми ежегодно), лесом (как в границах деревни, так и в границах волости), выгоном (для прокормления скота) и другими угодьями. Взгляд крестьян на деревню, как на единое целое в поземельном отношении, нашел отражение в ст. 159. В ней говорится о случае, когда в деревню приедет новый жилец и захочет землю делить «во всу землю» (то есть произвести передел всех земель деревни). Судебник предписывает в соответствии с желанием новопришельца разделить деревенскую землю «повытно, по купчим» (делились подворные земли, полевые, пожни, наволоки и даже путики). Но новопришелец мог и не пожелать дележа деревни через «всю землю». При этом часть земель и угодий в деревне оставалась обычно в общем пользовании (по актам такие случаи очень часты). Выше было указано, что даже те земли, которые примыкали к крестьянским дворам, могли быть переделены (ст. 159). Более того, по ст. 162 складник мог построить свои хоромы на подворном участке своего соседа, а по ст. 160 складнику позволяется поставить двор на любой земле, правда, с предоставлением взамен из своего надела такого же количества земли. Эти статьи показывают, что даже в подворных землях (землях, на которых построена деревня) размер владения отдельного крестьянина мог меняться в зависимости от различных условий. В деревне совокупность всех владений обводилась общей межой. Статья 172 говорит об охране общих деревенских меж. Выражение «А хто зорет межу... меж селы и деревни» по-

казывает, что граница проходила и по пахотным землям различных деревень, причем между полями этих деревень не всегда городился огород (изгородь), ибо тогда слова «А хто зорет межу» были бы бессмысленными (нельзя перепахать межу, если на меже изгородь — «огород»). Такое примыкание пахотных земель нескольких деревень показывает, что первоначально эти земли составляли единое целое. Иногда деревня от деревни отгораживается огородом (ст. 168). Но характерно, что огород должен крепиться до 1 сентября — «до Семена дни». После этого скот одной деревни мог ходить по полям другой. Потравы уже не бралось. Вероятно, это было остатком древнего общего владения. В общем владении деревенских крестьян-складников были «молоди»—пашни, заросшие молодым лесом (ст. 174). На практику общего владения крестьянами нескольких деревень угодьями охоты указывает ст. 176. В ней запрещается крестьянам одной деревни ходить к «путикам» «чужих деревень» без особых соглашений. В Судебнике имеется указание и на более обширную поземельную организацию — волость. Статья 177 говорит, что за деревенскими межами шли леса («вопчей лес царев и великого князя»), которыми деревни не владели, а владела, вероятно, вся волость. В ст. 175 именно такой «вопчей» лес разрешается пахать кретьянам всех деревень «без делу», кто сколько может. Причем «молоди» и здесь, в этом общем лесу, пахать также не полагалось. Ими, вероятно, распоряжалась волость. Наконец, ст. 178 определяет порядок отказа крестьян «из волости в волость, из деревни в деревню». Из этой статьи видно, что волость интересуется не только личностью крестьянина, но и его земельным наделом. Волость, как самоуправляющаяся община, вмешивается всякий раз, когда возникают поземельные споры между крестьянами внутри одной деревни или различных деревень. Судебник в ст. 169 говорит о привлечении сотского, волостного старосты и ближних соседей к разбирательству спора в случаях потравы. Статья 170 называет «людей» (то есть также волощан), которые определяют размер возмещения потравы.

Итак, Судебник 1589 года дает материал для характеристики земельных отношений в деревне. В общем, заметна

тенденция выделить деревню как поземельную общину из волости.

Ст. 150. В статье излагается порядок предъявления иска одного волостного крестьянина к другому. Об исках помещика к помещику или крестьянина к помещику (ст. 84 Судебника 1550 года) Судебник даже не упоминает.

Ст. 151. Статья новая, определяет порядок привлечения к судебным разбирательствам по земельным делам старожильцев, которые знают межи. Если истец или ответчик заявит, что показания старожильца, выставленного другой стороной, ложны, то они обязаны выставить своих старожильцев. В противном случае сторона, не выставившая старожильцев, проигрывает процесс.

Ст. 152. Статья новая, посвящена тому случаю, когда истец, предъявив иск о земле ответчику, потребует возмещения убытков на сумму, большую чем тот доход, который ответчик мог извлечь из нее. Судьи должны определить: прав ли истец в требовании такой суммы убытков («по земле зря: мошно ли столко убытков учинитца»). Все посеянное на земле (в год совершения суда) получает сторона, выигравшая процесс.

Ст. 153. Статья новая, развивает положение, изложенное в ст. 151. Если старожильцы истца и ответчика дадут различные показания («в речах порознят: ищеин молвит по исцее, а ответчиков по ответчике»), то в таком случае старожильцам обеих сторон предписывается не верить. Дело решается крестным целованием, которое передается на волю ответчику.

Ст. 154. Статья новая, говорит о том, что показания старожильцев имели решающее значение для истца и ответчика, их выставивших в качестве свидетелей, так как если старожильцы не подтверждали показаний (не скажут в «речи») своей стороны, последняя проигрывала дело. В случае когда старожильцы ответчика дадут показания, отличные от тех, какие давал сам ответчик, и дело, следовательно, будет решено в пользу истца, то ответчик должен уплатить убытки в половинном размере.

Ст. 155. Статья новая. Под «оприченными людми» этой статьи следует понимать старожильцев.

Ст. 157. Вслед за ст. 84 Судебника 1550 года в ст. 157 предписывается не посылать на землю «дву судей». Пред-

писание вполне понятное, так как в некоторых волостях было по нескольку земских судей (ст. 133). Важнейшим постановлением ст. 157 является предписание привлекать при разборе поземельных споров волостного старосту, целовальников и «лучших людей», то есть представителей той волости, о землях которой шел спор. Это постановление Судебника 1589 года показывает, что всякое волостное поземельное дело касалось крестьян всей волости.

Ст. 158. Статья новая. Земский дьяк получает по 2 деньги за запись показания каждого послуха.

Ст. 159. Статья новая, возникла она в результате слияния ст. ст. 18 и 19 краткой редакции. Предусматривает производство передела земли в деревне с приездом нового жильца.

Новый жилец может потребовать (но может и не потребовать) делить все земли деревни или части их («во всу землю» или не «во всу землю»). В соответствии с его пожеланиями делятся земли, занятые самой деревней, поля, наволоки, пожни и другие угодья «повытно», «по купчим», то есть в соответствии с той долей, которая полагается тому или иному домохозяину, или по купчим, если часть земель деревни приобретена в результате продажи. Если при переделе обнаруживалось, что у того или иного домохозяина земли было больше, чем полагалось, то этот излишек («умер») у него отрезался. Судебник предписывал не причинять ему при этом убытка («умер взяти безубыточно»).

Хозяйственные интересы деревенских крестьян, которые могут быть нарушены при переходе земли от соседа к соседу, охраняются этой формулой.

Навоз, вывезенный на поле, не разрешалось свозить с полос, если они переходили в результате передела к другому хозяину. В случае, если «умер» будет обнаружен в дворовых землях, то владеющему уменьшенной усадьбой позволяется взять любую землю, кроме хмельника и сада. Нормы ст. 159, несомненно, отражают тот факт, что деревня в поземельном отношении была единым целым. Только при этом условии можно было провести частичный или полный передел земельных владений деревни, который предписывался ст. 159.

На ст. 159 Судебника 1589 года имеется ссылка в судебном деле в 1641 году, разбиравшемся в волостном суде

Введенского стана Устьянских волостей (см. Судебники XV—XVI вв., стр. 562).

Ст. 160. Статья новая (ст. 20 краткой редакции), регулирует взаимоотношения между складниками в том случае, когда по той или иной причине складнические отношения (может быть, неполностью) нарушаются, что выражается в стремлении складника поставить свой (новый) двор, построить свои хоромы и т. д. В таком случае он может поставить свой двор на любой общедеревенской земле (пусть даже это будут хмельники), но только вне ряда прежних построек деревни («ему поставить от далних хоромин в любом месте»). Деревенский житель, у которого была занята таким образом земля, имел право получить точно такое же количество земли и такого же качества из надела новостроящегося хозяина.

Ст. 161. Статья новая, ограничивает владение наезжими пашнями сроком не более трех лет. При свободном распоряжении крестьян своими землями получалось, что те или иные земли попадали во владение крестьян других деревень. На этой почве возникал обычай пахать землю наездом. Крестьянин, пашущий землю наездом, конечно, не мог проводить все сельскохозяйственные работы с надлежащей тщательностью, что вредно отзывалось на всем земледельческом хозяйстве деревни.

Ущерб, причиняемый такой формой хозяйства остальным жителям деревни и даже целой волости, несомненно, пораждал желание отделаться от наезчиков. Судебник 1589 года не устранял совсем пашни наездом, но ограничивал срок пользования ею тремя годами. В эти три года владелец наезжей пашни должен был или скупить всю землю у однодеревенцев или же продать свою долю кому-либо из них. Судебник охраняет общинную связь деревни путем удаления из нее чужеродных элементов.

Ст. 162. Статья новая. В ней определяется решение спорных вопросов о подворной земле. Деревенский житель вследствие тесноты мог ставить свой дом на подворную землю своего соседа, если последний ее ничем не застраивает.

В этом случае хозяин, уступивший подворную землю, имеет право на вознаграждение из других земель.

Ст. ст. 163—167. Эти статьи представляют собой переработку ст. 85 Судебника 1550 года о праве родового выкупа вотчин в духе приспособления ее норм к порядкам крестьянского землевладения. Так, по ст. 163 право родового выкупа предоставлено прямым потомкам продавца (его детям и внукам) в том случае, если при совершении сделки в качестве послухов не участвовали боковые родственники. Если последние записаны в купчей, то тогда дети и внуки продавшего лишались права выкупа. Боковые родственники также не исключались из круга лиц, имеющих право на родовой выкуп. По ст. 164 устанавливается тот же, что и в Судебнике 1550 года, 40-летний срок выкупа вотчины, а по ст. 166 запрещается выкупать вотчины чужими деньгами.

Ст. 168. В отличие от ст. 86 Судебника 1550 года здесь устанавливается, во-первых, срок, до которого жители деревни или села обязаны были укреплять свои межные огороды, а именно до 1 сентября, и, во-вторых, устанавливается способ оценки потравленных угодий через посредство волостных людей.

Ст. 169. В статье устанавливается для огорода обязательная высота (7 жердей для полевого огорода, 9 — для городьбы около гумна и 7 хлудин для осека). Если при соблюдении этой меры скот пройдет («проломится») через огород и произведет потраву, то ответственность падает уже не на хозяина огорода, а на владельца животного. Сыск о потраве производят волостные власти: сотский, волостной староста, а также ближние соседи. Осек, в отличие от огорода, строился из хвороста, деревьев, неочищенных от сучьев, кустарников и т. д. Осеком обычно отделялись земли, принадлежавшие деревне, от окружающих их лесов.

Ст. 170. (Краткая редакция ст. 24.) Статья определяет наказание за умышленное повреждение огорода или осека («огород отворит... или осек отворит»), результатом чего будет потрава или гибель скота (от зверя в лесу за осеком). В том и другом случае преступник должен платить «потраву» или «гибель» и, кроме того, он наказывается кнутом. Размер потравы определялся обычным способом (по ст. 169 «чем люди осудят»).

Ст. 171. Если ст. 86 Судебника 1550 года говорит только об отхожих пожнях, то Судебник 1589 года наряду с ними называет отхожие пашни и огороды.

30 Зак. 982. Памятники русского права, вып. IV

Отхожие пашни. Отхожими назывались такие владения крестьян, которые находились вне общего комплекса обрабатываемых деревенских владений. Огораживать отхожие пашни и пожни (половину огорода) хозяин их обязан лишь в том случае, если он пускает на эту землю скот. Если же он не пускает скот, то огораживать должны те, кто пускает скот в этих местах.

Ст. 172. Статья посвящена охране границ между деревнями и селами. Твердо установленная межа, охватывающая все земельные владения той или иной деревни или села, показывает, что каждая деревня, каждое село в поземельном отношении представляли единое целое. Наблюдение за сохранностью этих границ было важной функцией волостного управления.

Ст. 173. Статья повторяет с изменениями ст. 87 Судебника 1550 года. В ней запрещается нарушать межи крестьянских владений внутри деревни или села. Речь идет лишь о пахотных и сенокосных угодьях («межу подорет или перекосит»).

Ст. 174. Статья запрещает складникам (соседям однодеревенцам) сечь и пахать без раздела «молоди» (леса, выросшие на прежних пашнях). Тот, кто нарушит это требование, обязан выдать другим складникам такую долю урожая, какую они могли бы получить, если бы принимали участие в распахивании молоди. Причем он это обязан сделать и в том случае, если при распашке молоди оставит соответствующую долю для других складников. Из этой статьи видно, что если пашни, находившиеся в индивидуальном владении крестьян деревни, запускались и зарастали лесом, то они становились общим владением всей деревни. В этом факте проявляются черты общинного владения землей внутри деревни или села. На ст. 174 Судебника 1589 года имеется ссылка в Судебном деле 1641 года (см. комментарии к ст. 159).

Ставил того же лесу. Лучше в краткой редакции: «оставил того же лесу».

Ст. 175. Статья устанавливает, что в противовес молодям — лесной поросли на бывших пашнях — черный лес можно было рубить и землю распахивать без «дела» столько, кто сколько может. Но не всякий черный лес

(тот, который находился в общедеревенской меже, исключался), а лишь черный лес «в суземке».

В суземке. Суземьем называлось пространство между реками, по которым тянулись деревни. О таком лесе Судебник говорит «...то лес вопчей царев и великаго князя».

«Лес вопчей» — лес, являющийся объектом общего пользования жителей всех прилегающих деревень и находящийся, вероятно, под наблюдением крестьянского мира-волости.

Ст. 176. Статья новая, регулирует пользование охотничьими угодьями. Запрещается без особого соглашения «не полюбовно» жителям одной деревни ходить «к путикам» или к другим угодьям, принадлежащим другой деревне. Право на эти угодья подтверждалось показаниями старожильцев или сотной выписью. Сотная — выпись из писцовой книги, служившая документом на владение.

В судной приписати — правильнее в ст. 28 краткой редакции — «в сотной приписано».

Путики — лесные тропинки в черном лесу — на них ставили силки и перевесы для ловли зверей.

Иным деревням — в краткой редакции — «иных деревень».

Подовати — в краткой редакции «не угодовать».

Ст. 177. Статья новая. В ней определяется порядок проведения деревенской межи. Межи между деревнями проводятся до осека. Причем небольшая полоса черного леса, сажен 20—40 (определяемая полетом топора, запущенного с осека), считается принадлежащей к той деревне, к землям которой примыкает этот лес. Далее этой полосы лес считается общим (то есть всех деревень, волости).

До осека, то есть той ограды, которая отделяет деревенские земли от черного леса.

Ст. ст. 178—179. Статьи представляют переработку ст. 88 Судебника 1550 года. Б. Д. Греков отмечал, что составитель Судебника 1589 года был не заинтересован в судьбе частновладельческих крестьян, так как перерабатывал царский Судебник с целью приспособления его «к условиям общественной жизни Севера, т. е. территории свободного независимого крестьянства» (Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси, кн. II, стр. 300).

Этим объясняется небрежное отношение составителя Судебника 1589 года к тексту ст. 88, определяющей нормы крепостного права. Он допускает значительные пропуски, нарушающие смысл ст. 88. О попытках приспособить ст. 88 к условиям северного черносошенного крестьянства свидетельствует указание о взимании с подворника подворного (ст. 178) и определение в ст. 179 процедуры продажи одним крестьянином земли другому крестьянину (продавец обязан уплатить государеву подать, оброки и особую пошлину с того хлеба, который посеян на проданной земле. Кроме того, он должен дать покупателю «пожилую» копну сена).

Ст. ст. 184—189. Статьи посвящены подсудности церковнослужителей и других лиц, связанных с церковью (нищих, вдов и т. д.). Приходское духовенство в северной волости играло незначительную роль в силу материальной зависимости его от волостного мира. Весь причт приходской церкви (поп, дьячок, пономарь и т. д.) выбирался обычно на волостном сходе, от волости получал он пахотную землю и денежную плату. Члены приходского причта были подсудны волостному суду. Последнее обстоятельство нашло яркое отражение в Судебнике 1589 года. Так, в ст. 184, повторяющей часть первую ст. 91 Судебника 1550 года о суде святительском, совсем не упоминается, в отличие от Судебника 1550 года, о суде сместном по делам между церковниками и светскими людьми. Объясняется это тем, что такого рода дело по Судебнику 1589 года решались судом волостным. По ст. 185 все дела, возникавшие между духовными лицами и светскими, разбирают земские судьи, причем в процессе большую роль играет жребий («во всяких делех попа и диакона судити жеребьем, а черньца потомуж»). Если судьи не могли решить то или иное дело, то доклад по нему отправляли к святителю — архиерею. Но характерно, что ст. 185 предусматривает случай, когда поп мог не захотеть «итти к докладу», тогда суд пополнялся одним представителем местного духовенства, церковным старостой и «добрыми людьми». Приговору суда в этом составе поп должен был подчиняться («под провеж даватися»). В ст. 186 говорится о подсудности земским судьям всех мелких церковнослужителей приходской церкви, названных обобщающим именем «крылошане». При раз-

боре спорных дел, возникающих между «крылошанами», вместе с попом (по ст. 187) должны участвовать церковный староста, земский верный целовальник и волостные люди по выбору сторон, то есть опять-таки представители волости.

По ст. 188 все живущие на погосте (так читается это в краткой редакции), то есть около церкви (нищие, вдовы, бобыли, занимавшиеся ремеслом), подсудны также земским судьям.

Ст. 190. В отличие от ст. 92 Судебника 1550 года, по Судебнику 1589 года, наследство переходит кому-либо «от ближнего роду от отцова или от материна», то есть за отсутствием рода отца наследовал род матери.

Ст. 191. Статья новая, определяет порядок составления завещаний. При составлении духовной должен присутствовать поп (обычно приходской церкви данной волости). Текст ее составлялся со слов умирающего («... что боль (больной) говорит, то писати»). Духовная хранится у попа до тех пор, пока ему не будет дано то, что завещатель выделил на сорокоуст; после этого поп отдает духовную душеприказчику. Если больной выздоровеет, то духовная через шесть недель уничтожается. «А болше рубля безкабалного долгу не писати, да и то писати коим обычяем дано» — означает, что долги свыше рубля, не оформленные письменными документами — заемными кабалами, — в духовную записывать запрещается. О каждом долге должно указываться, при каких условиях заем заключен.

Ст. 192. Статья новая, говорит о возвращении приданого («взимков») родителям в случае, если дочь, выданная замуж, умрет бездетной. Если же от нее останутся дети, то родители теряют всякие права на приданое.

Ст. 193. Статья новая, определяет имущественное положение бездетной жены в случае смерти мужа. Бездетная вдова получает обратно приданое. Кроме того, ей платится 2 гривены в год полетного. Полетное — плата вдове за годы, проведенные в браке.

Ст. ст. 195—198. Эти статьи соответствуют ст. ст. 94—97 Судебника 1550 года. В них определяется порядок пятнания лошадей. По ст. 195 лошадей, приобретенных в городе или в близлежащих (около городних) волостях, следует приводить к пятенщикам (находящимся в городах) для наложения пятна. Наоборот, в волостях, удаленных от

городов, пятнание совсем отменяется (ст. 196). Вместо пятнания предписывается здесь совершать покупку и обмен лошадей перед третьими лицами (при свидетелях). Пропятнение (штраф за уклонение от наложения пятна) налагается только на тех, кто купит лошадь в городе или около городных волостях, то есть там, где по ст. 195 пятнание было обязательно.

Ст. 200. Статья повторяет заключительную часть ст. 97 Судебника 1550 года с изменениями. В Судебнике 1550 года постановляется чинить управу по Судебнику «...как царь и великий князь в сем Судебнике, с которого дни уложил». Составитель Судебника 1589 года, включив положение о том, что впредь дела судить по Судебнику, продолжает: «как государь укажет, с котораго дни уложит», то есть говорит об уложении (утверждении Судебника) не в прошлом, как в Судебнике 1550 года, а в будущем времени.

Ст. 202. Статья определяет порядок обнародования закона. На севере оно происходило чаще всего в церквах. Поэтому составитель Судебника 1589 года к формуле Судебника 1550 года об объявлении закона на торгу добавил: «...и по соборным церквам (и погостам — в краткой редакции) и по выстовочным».

По выстовочным — выставки, новые поселки, приобретающие административное значение. Здесь строились иногда церкви.

Проклинати — описка надо «прокликати».

Ст. 204. Статья повторяет лишь первые фразы ст. 100 Судебника 1550 года и является несомненным анахронизмом, так как при царе Федоре удельных князей (кроме Дмитрия углицкого, погибшего в 1591 году) не было, и никакого вопроса о подсудности между московитянами и жителями уделов не могло быть. Поэтому при составлении Судебника 1589 года были взяты лишь первые фразы ст. 100 и опущен весь остальной текст. Статьи 100 и 99 Судебника 1550 года были включены в пространную редакцию, вероятно, потому, что составитель считал последними статьями Судебника 1550 года ст. ст. 97 и 98 (которые по содержанию фактически и были заключительными статьями). А так как он рассматривал краткую редакцию как дополнение к Судебнику 1550 года, то он и вписал в свой памятник ст. ст. 99 и 100 как статьи, добавочные к уже законченному Судебнику.

Ст. ст. 205—222. Статьи новые. Источником для этих статей является уложение 1556 года о судопроизводстве. В ст. 205, благодаря редакционным изменениям в мотивировочной части указа 1556 года, появилось постановление о повторном обыске («и по тем лживым обыскам дел не вершити, а посылати в другие обыскивати». Сам обыск понимается составителем как мирской обыск «...Шлются ...на мир в обыск»).

В ст. 206 устанавливается, что ссылка на послухов в том или ином деле не должна устранять обыска, если не будет предоставлено уважительного отвода («... и обысков бы не отставливали, что шлютца в послушество» и т. д.).

В ст. 215 перечень лиц, показания которых считались достаточными для решения дела, расширен путем включения волостного «доброго» человека, целовальника, старосты волостного или церковного и дьяка. Устраняется указание на поле.

В статье 218 говорится о том, что старосты должны «татинные и разбойные дела делати», но здесь имеются в виду не губные старосты (как в указе 1556 года), а волостные старосты, так как именно они ведали губными делами на севере.

Статья 221 излагает постановление указа в обратном смысле. Если ответчик просит о замене поля крестным целованием, то последнее присуждается на его волю («а дати кресное целование на отвечикову волю»), а если истец будет отказываться от поля, то он проигрывает процесс («ино его повинити»). По указу и ответчик, и истец находятся в равном положении.

А пошлютца... в обыск из винозатаго. — Ссылка «из виноватых» означает, что «сторона ссылается на одного свидетеля с условием подчиниться обвинению, если свидетель покажет против сославшегося» (М. Ф. Владимирский-Буданов, Обзор истории русского права, изд. 7-е, стр. 637). Ссылка на 5—6 человек, недостойных доверия, появилась в результате редакционной ошибки. Такого же характера ошибка в ст. 216.

Хрестианом — здесь и далее вместо термина «люди», под которыми в указе 1556 года разумеются холопы, всюду ставятся крестьяне.

Ст. 223. Статья новая. В ней устанавливается ответственность волостей и деревень за исправное содержание государственной («цареве и великого князя» — как сказано в списке Барсова) дороги «от Москвы до Холмогор». Дорогу надлежало чистить, устраивать хорошие перевозы через реки и мосты через ручьи. В случае если из-за неисправного моста причинится вред лошади («кто едучи лошадь истепет или ногу изломит»), то волость должна была определить, какая деревня ответственна за починку этого моста, и взыскать «без суда по обыску» убытки в пользу потерпевшего.

Ст. 224. Статья новая, развивает постановление ст. 223. В зимнее время деревни в пределах своих земель обязаны были ставить по дорогам вехи. По лесу дорога должна чиститься на полторы сажени. Упавшие поперек дороги («выскиди») и наклонившиеся над дорогой деревья следовало вырубать. Вместо «завор» на проезжих дорогах должны были устраиваться ворота («а где на проезжей дороге заворы, и тут бы были отводы).

Заворы — часть огорода, но устроенная так, что поперечные жерди легко вынимаются и вкладываются.

Ст. 225. Статья новая, охраняет права владельцев домашних животных. Кто убьет «не повинно» (то есть без необходимости самообороны) какое-либо домашнее животное, тот должен отдать потерпевшему такое же животное или уплатить вознаграждение, определяемое «добрыми людьми».

Убиет не повинно извету не положа иным складникам— убивший животное должен был заранее довести до сведения соседей об опасном домашнем животном.

Ст. 226. Статья новая, развивает постановление ст. 225. Убивший собаку, если он не согласится уплатить вознаграждение, требуемое хозяином собаки, обязан стеречь двор потерпевшего, пока он «не скормит» такую же собаку. В краткой редакции была еще одна статья — 53, предусматривающая ответственность хозяина «съедистой» собаки, в случае если она искусает кого-либо во дворе или под окном на улице, или в избе; хозяин должен был лечить потерпевшего.

Ст. 227. Статья новая, определяет порядок раздела имущества детьми по смерти отца. Причем все дети — братья и сестры — делят имущество по равным долям: дочери причитается такая же доля, как и сыну. Раздел допускается лишь по смерти отца, после же смерти матери раздела нет. Дядя (брат умершего) не должен претендовать на имущество племянников и племянниц. Нормы ст. 227 противоречат порядку наследования, установленному ст. 190, по которой имущество и земля умершего переходила к сыну и лишь при отсутствии сына — к дочери. Документы XVI века подтверждают, однако, что нормы ст. 227 были действующими в крестьянской среде.

Ст. ст. 228—230. Статьи новые. В них составитель ограничился декларативными заявлениями о том, что закон должен соблюдаться неукоснительно, что суд и управление должны функционировать непрерывно. Несомненно, это навеяно общими положениями той уставной грамоты, которая была использована составителем Судебника 1589 года. Следы формуляра уставной грамоты можно обнаружить в ст. 228. Она начинается в третьем лице: «а приговорил царь» и т. д., а далее продолжается в характерном для грамот первом лице: «...что по всей моей Русской земли», и т. д. Погонные грамоты посылались в тот уезд, куда бежал преступник. Невыдача погонной рассматривалась как понаровка преступнику.

Ст. 230. Статья дополняет ст. 229. Тот, по ком была послана погонная грамота, должен был отдаваться под суд независимо от того, из какого он присуда происходит («чей хто ни буди»).

Ст. 231. Статья новая, определяет подсудность земскому судье всех тех, кто платит в данной волости все платежи, как государственные, так и волостные («дань»), раскладываемые то «по земле», то «по животам», то «по головам» (см. Судебник XV—XVI вв., стр. 561—562).

Дань, чем мир осудит. В ст. 56 краткой редакции слово «дань» отсутствует.

Судитися — в краткой редакции вместо дальнейшей концовки Судебника помещены слова «в том присуде».

Текстологический комментарий

Пространная редакция

Заголовок 1) *Далее в списке* М *зачеркнуто:* московским.

[Ст. **1**] 1)—1) *Восстановлено по списку* А.

[Ст. **7**] 1) А. *Доб.* суд и

[Ст. **8**] 1) В *списке* М: к тому же; *исправлено по* А.

[Ст. **14**] 1) А. по четыре.

[Ст. **15**] 1)—1) А. четвертой рубль.

[Ст. **18**] 1) В *списке* М винити; *исправлено по списку* А.

[Ст. **21**] 1) Так в рукописи. *Вероятно, следует читать* для иску.

[Ст. **69**] 1) В *списке* М а для матерних промыслили: *исправлено по* А.

[Ст. **70**] 1) *Статья 70 в списке* М. *пропущена, восстановлена по списку* А.

[Ст. **80**] 1)—1) *Восстановлено по* А.

[Ст. **93**] 1)—1) *Восстановлено по* А.

[Ст. **94**] 1)—1) *Восстановлено по* А.

[Ст. **95**] 1) В *списке* М Мерецка; *исправлено по* А.

[Ст. **106**] 1) В *списке* М указе; *исправлено по* А.

[Ст. **110**] 1) В *списке* М 12; *исправлено по* А.

[Ст. **144**] 1)—1) *Восстановлено по Судебнику 1550 года.*

[Ст. **157**] 1)—1) *Восстановлено по* А.

[Ст. **159**] 1)—1) *Восстановлено по* А.

[Ст. **165**] 1)—1) *Восстановлено по* А.

[Ст. **166**] 1) *Восстановлено по* А.

[Ст. **171**] 1) В *списке* М *слово переправлено, возможно, следует читать:* пару.

[Ст. ст. **218, 219**] 1)1) *Восстановлено по* С.

[Ст. ст. **221, 223**] 1)—1) *Восстановлено по* С.

СПИСКИ СУДЕБНИКА 1589 Г.

Краткая редакция

1. Список середины XVII века Музейный. ГИМ, Муз., № 1915.
2. Список начала XVII века Барсова. ГИМ, Собр. Барсова, № 2079.

Пространной редакции

1. Список конца XVI века Мазурина. ЦГАДА, Собр. Мазурина.
2. Список XVII века Андреевского. Архив ЛОИИ, собрание рукописей, № 296.
3. Список XIX века Савваитова ГПБ. Собр. Савваитова, сборник № 152 (XVII—61).

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. С. К. Богоявленский, Судебник царя Феодора Иоанновича 1589, М., 1900.
2. М. Ф. Владимирский-Буданов, Хрестоматия по истории русского права, вып. II, изд. 5-е, Киев, 1915.
3. А. И. Андреев, Судебник 1589 года и его списки, Известия Российской Академии наук, Л., 1924, и отдельно.
4. Судебники XV—XVI вв., М. — Л., 1952.

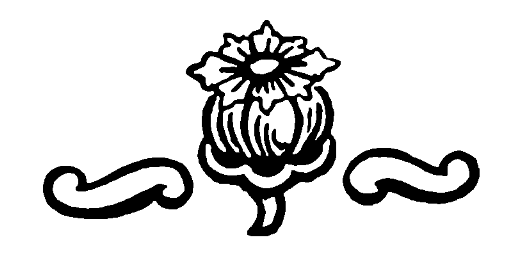
ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. А. И. Андреев, О происхождении и значении Судебника 1589 года, Пгр., 1922.
2. М. М. Богословский, К вопросу о Судебнике 1589 года, ЖМНП, 1905, декабрь.
3. М. М. Богословский, Еще к вопросу о Судебнике 1589 г. ЖМНП, 1915, декабрь.
4. М. М. Богословский, Земское самоуправление на русском севере XVII века, тт. I—II, М., 1909—1912.
5. М. Ф. Владимирский-Буданов, Судебник 1589 года, его значение и источники, Киев, 1902.

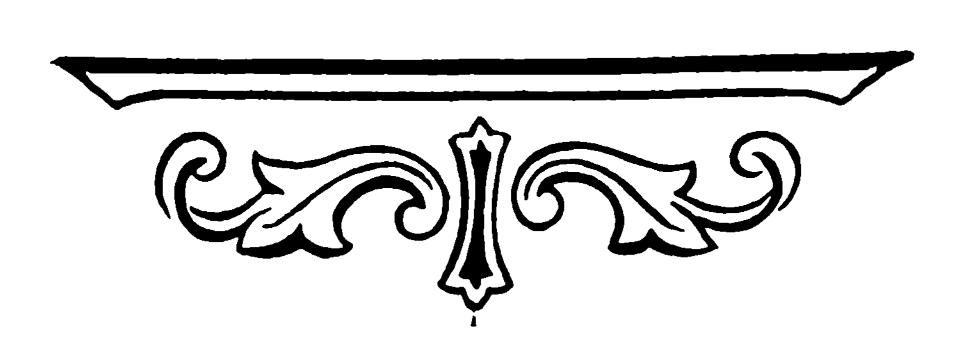
6. А. А. Зимин, Рецензия на «Судебники XV—XVI вв.», «Вопросы истории», 1953 г. № 5.

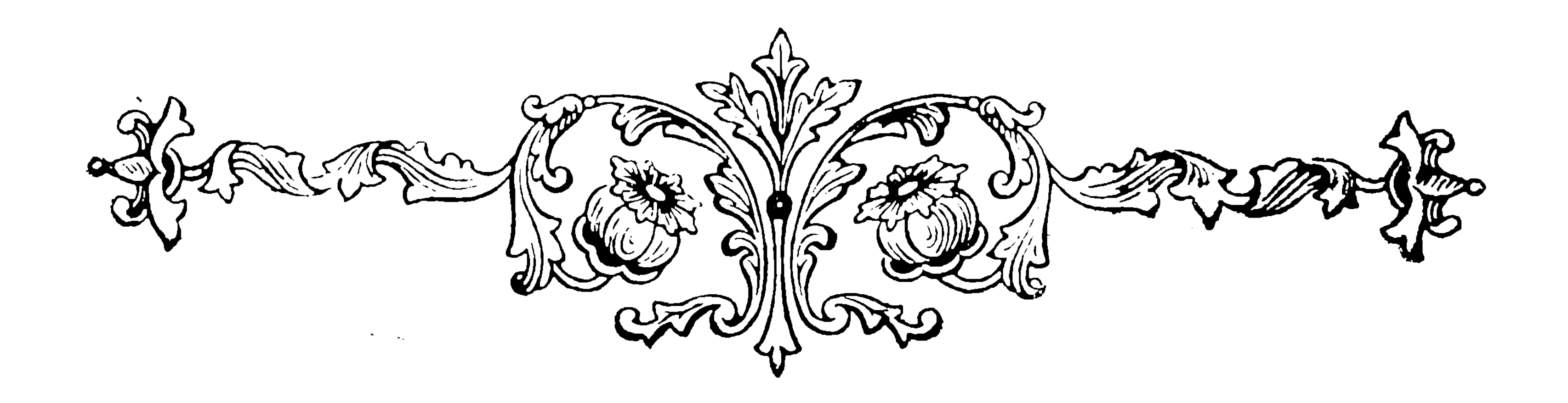
7. А. И. Копанев, Комментарии к Судебнику 1589 года в кн. «Судебники XV—XVI вв.», М. — Л., 1952.

8. В. Н. Седашев, Опыт изучения земельных отношений на севере России по Судебнику 1589 г. «Памятная книжка Константиновского межевого института за 1908 г.», М., 1909.



СВОДНЫЙ СУДЕБНИК





ВВЕДЕНИЕ

Сводный Судебник начала XVII века представляет собой опыт кодификации русского права в одном из центральных правительственных учреждений. Он составлен около 1606—1607 гг. В основу Сводного Судебника положен Судебник 1550 года, так называемые «дополнительные статьи» в редакции 1606 года, а также указы 1562 и 1572 гг. о княжеских вотчинах и приговор 1 февраля 1597 г. В Судебнике сведено воедино русское законодательство второй половины XVI — начала XVII вв.

Сводный Судебник показывает дальнейшее после Судебника 1550 года развитие норм русского права, проводившееся в целях законодательного оформления привилегий дворян — помещиков и дальнейшего закрепощения непосредственных производителей. В интересах дворянства были приняты законы 1551, 1562, 1572 и 1580 гг., наносившие удар по княжеско-боярскому и церковному землевладению и укреплявшие дворянскую собственность на землю. Интересы дворянских залогодателей в первую очередь учитывали законы 1558 года и др., облегчавшие выплаты долгов служилыми людьми. В интересах дворянства были изданы и законы 1597, 1602 и 1606 гг., юридически оформившие процесс закрепощения крестьянства.

Все перечисленные законы сводились в основном к одному: «удержать власть помещика над крепостным крестьянством» (В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 445). Ряд законов, вошедших в состав Сводного Судебника, поднимает значение центральных органов управления и его

должностных лиц (приказов и дьяков), усиливая их контроль над органами местного управления.

Сводный Судебник содержит материалы, показывающие серьезные сдвиги в развитии ряда институтов феодального права (в том числе права наследования, залогового права и т. д.). Особое внимание уделяет Сводный Судебник нормам уголовного права, развивая принцип устрашения, закрепленный в Судебнике 1550 года и губных грамотах. В судопроизводстве, как показывают законы из состава Сводного Судебника, все большее место занимает следственный процесс, вытесняющий постепенно обвинительный процесс и вызвавший к жизни новые формы судебных доказательств. Таким образом, если Судебник 1550 года появился в ходе кодификационной деятельности правительства 50-х годов XVI века, опиравшегося на поддержку различных прослоек класса феодалов, то дополнительные статьи, вошедшие в состав Сводного Судебника, в большей степени отражали интересы дворянства, политические позиции которого окрепли в результате реформ 50-х годов XVI века.

По сравнению с Судебником 1550 года в Сводном Судебнике систематизация правовых норм производится еще более отчетливо. В Сводном Судебнике законодательный материал распределен не только по главам, но и в тематически однородных гранях (первое известное нам деление на грани в русских памятниках мы встречаем в хронографе — «гранографе» редакции 1617 года, сложившемся в официальной канцелярии). Несмотря на некоторые отступления от принятого составителем плана, деление на грани представляло дальнейший шаг вперед по пути развития кодификации норм русского права. Этот принцип деления законодательного материала впоследствии был использован при составлении Соборного уложения 1649 года.

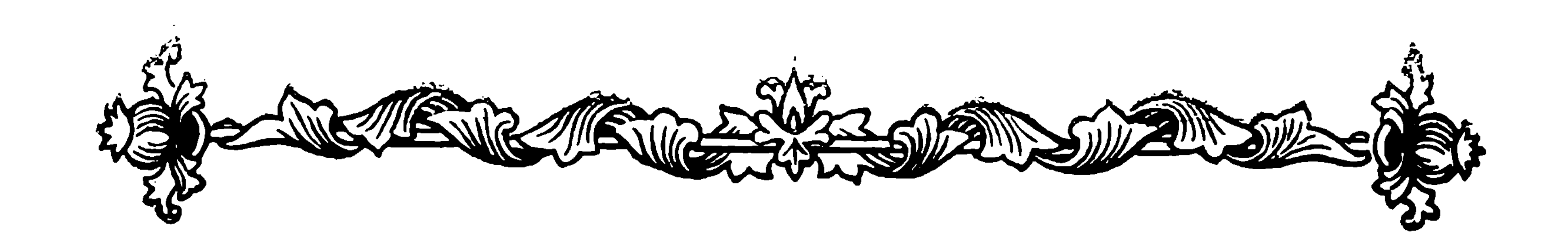
Вопрос о времени составления Сводного Судебника остается не вполне ясным. Во всяком случае памятник появился после 1 февраля 1606 г. (см. грань 168). А. И. Андреев связывает его с деятельностью Лжедмитрия, который, по словам С. Немоевского, «желал дать новые права и писаные законы» (А. А. Титов, Рукописи славянские и русские, принадлежавшие И. А. Вахрамееву, 1907, в. 6, стр. 118). Однако это свидетельство современника отно-

сится, скорее, к составлению дополнительных статей редакции 1606 года, источника Сводного Судебника, чем к самому этому законодательному своду.

Поскольку в Сводном Судебнике имя Лжедмитрия отсутствует, постольку время составления этого памятника следует, скорее всего, относить к первым месяцам правления Василия Шуйского, стремившегося в обстановке начала крестьянской войны укрепить свои позиции. В тексте памятника нет указа 7 марта 1607 г. о холопах, а есть указ 1597 года, потому составление его следует относить ко времени до 7 марта 1607 г.

Сводный Судебник окончательного утверждения не получил и остался лишь опытом кодификационной работы, интересной попыткой систематизации русского законодательства.

Текст памятника мы публикуем по рукописи первой трети XVII века (РБЛ, Рогожск., № 660).



ТЕКСТ

Выписано из Судебника о всяких делех и сношений [1]) государевы указы и приговоры из розных глав в одно место по гранем для того, что об одном деле указы и приговоры во многих годех писаны в розни; а которые дела после Судебника приговорены внове, и то приписано к тем же гранем, а именно: тем прибылым делам главы писаны ниже сего [1].

Ле[та 7058-го июня в] [1]) 18 день царь и великий князь Ива[н] Васильевич всеа Руси с своею братьею и з бояры сесь Судебник уложил, как судити бояром и околничим, и дворецким, и казначеям, и дьяком, и всяким приказным людем, и по городом намесником и по волостям волостелем и тиуном и всяким судьям.

ГРАНЬ 1

В НЕЙ ЖЕ О СУДЕ, КАК СУДИТИ СУДЬЯМ, И КОТОРЫЙ СУДЬЯ ПРОСУДИТЦА БЕС ХИТРОСТИ ИЛИ ПО ПОСУЛОМ, И КОТОРЫМ ЖАЛОБНИКОМ [СУДЬИ СВОЕГО ПРИКАЗУ УПРАВЫ НЕ У]ЧИНЯТ [И ХТО СОЛЖЕТ НА СУДЬЮ И О ВСТРЕ]ЧНОМ [СУДЕ, И КОТОРЫЕ ДЕЛА Д[ЬЯКУ ДЕРЖАТИ У СЕБЯ, А [У ПОДЬЯЧЕГ]О НЕ БЫТИ И ИСЦОМ У ЗАПИСКИ НЕ СТОЯТИ, И КАК СУДИТИ БОЯРОМ И ДЕТЕМ БОЯРСКИМ И ЗА КОТОРЫМИ КОРМЛЕНИЕ, И О СУЖЕНЫХ, О ВЕРШЕНЫХ И О НЕВЕРШЕНЫХ ДЕЛЕХ, И КОТОРЫЕ ДЕЛА В СУДЕБНИКЕ НЕ НАПИСАНЫ, А ВЕРШАТЦА С ПРИГОВОРУ, И ТЕ ДЕЛА В СУДЕБНИК ПРИПИСЫВАТИ, И СКОЛЬКО КОМУ В ЫСЦОВЫХ ИСКЕХ СТОЯТИ НА НА ПРАВЕЖЕХ И О ПОЛЕТНЫХ

Главы: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 28, 29, 32, [61][2]), 62, 63, 64, 96, 97, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 161 [3])

Глава 1

Суд царя и великого князя судити бояром и околничим, и дворецким, и казначеям, и дьяком; а судом не

[1] Далее помещается оглавление с перечислением содержания Судебника, которое мы опускаем.

мстити, ни дружити никому, и посулу в суде не имати. Такъже и всякому судье посулу в суде не имати.

(1). **2**[2]). А который боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк просудится, а обвинит кого не по суду, бес хитрости, или список подпишет, и правую грамоту дасть, а обыщетца то в правду, и боярину, и окольничему, и дворецкому, и казначею, и дьяку в том пени нет, а исцом суд з головы, а взятое отдати назад.

(1). **3**. А который боярин [или окольничей][3]), или дворецкой, или казначей, или дьяк в суде посул возмет и обвинит кого не по суду, а обыщетца то в правду, — и на том боярине, или на околничем, или на дворецком, или на казначее, или на дьяке взяти исцев иск, а пошлины на царя[4]) и великого князя[4]), и езд, и правда, и пересуды, и хоженое, и правой десяток, и пожелезное взяти втрое, а в пене, что государь укажет.

(1). **4**. А которой дьяк список нарядит или дело запишет не по суду не так, как на суде было, без боярского или без дворецкого или бес казначеева ведома, а обыщетца, то в правду, что он от того посулы взял, — и на том дьяке взяти перед боярином в полы, да вкинути его в тюрьму.

(1). **5**. А подьячей которой запишет дело не по суду для посулу без дьячего приказу, — и того подьячего казнити торговою казнью, бити кнутом.

(1). **6**. А хто виноватой солжет на боярина, или на окольничево, или на дворецкого, или на казначея, или на дьяка, или на подьячего, а обыщетца то в правду, что он солгал, и того жалобника сверх ево вины казнити торговою казнью, бити кнутьем, да вкинути в тюрму.

(1). **7**. Аще хто х которому боярину, или к дворецкому, или х казначею, или к дьяку придет жалобник его приказу, — и ему жалобников своего приказу от себя не отсылати, а давати ему жалобником своего приказу всем управу, которой будет жалобник бьет челом по делом. А которому будет жалобнику без государева ведома управы учинить не мочно, — ино челобитье его сказати царю государю. А которой боярин, или дворецкой или казначей, или дьяк жалобника своего приказу отошлет, а жалобницы у него не возмет, управы ему или указу не учинит, и царю государю челобитья его не скажет; и учнет то челобитчик

бити челом государю, что ему управы не учинили, и государь ту его жалобницу отошлет х тому, чей суд, и велети ему управа учинити, и бояре ему или дворецкой или казначей управы не учинят же, — и тем которые управы не учинят, быти от государя в опале. А которой жалобник бьет челом не по делу, и бояре ему откажут, и тот жалобник учнет бити челом, докучати [5]) государю, — и того жалобника вкинути в тюрьму.

(1). **28.** А которые будет дела судить царь и великий князь, или дети царя и великого князя, или его бояре, и которой суд не кончаетца, оставят его в [о]бговоре [6]), — и дьяку исцовы и ответчиковы речи велети записать перед собою. Или о чем ся пошлют в послушество, и дьяку то велети записать перед собою ж. А те ему дела держати у себя за своею печатью, доколе дело кончаетца. А которые дела дьяки дадут подьячим с черна на чисто переписати, и дьяком к тем же жалобницам и к делам по сставом руку свою приложити. А как подьячей с черна на чисто дело перепишет, и дьяку те дела все справити самому, да к тем делам дьяку рука своя приложити, и держати те дела дьяку у себя за своею печатью.

А подьячему у себя дел никоторых не держати, а вымут и подьячего список, или дело не за дьячьею печатью, и руки дьячий у того дела или у списка и у жалобницы не будет, и тот [7]) иск и пошлины и езд взяти на дьяке, а подьячего бити кнутом. А вымут у подьячего список, или дело за городом, или на подворье, — и тот иск взяти на дьяке, а подьячего казнити торговою казнью, да выкинути ис подьячих, и ни у кого ему в подьячих не быти.

(1). **29.** А которые будет дела судят бояре, и тот суд велети дьяком записывати перед собою, а исцом у записки не стояти. А будет на которое дело надобе исца или ответчика спросити, — ино к себе позвати да выспросив его от записки отослати; а как дело дьяк запишет, — и то дело перед исцы не чести, а прочести его бояром.

(1). **32.** А неделщику на суде на бояр, и на окольничих, и на дворецких, и на казначеев, и на дьяков посулов не просити, а самому неделщику посулов не имати. А которой неделщик возмет на суде на боярина, или на окольничего, или на дворецкого, или на казначея, или на дьяка посул, или себе посул возьмет, и уличат ево в том,— и того

неделщика казнити торговою казнью, а посул на нем доправити втрое, да из недель выкинуть.

(1). **62.** А бояром и детем боярским судити, за которыми кормление с судом боярским, а на суде у них и у их тиунов [быти][8]), где дворские, дворскому да старосте и лутчим людем, целовальником. А судные дела у намесников и у их тиунов писати земским дьячком, а дворскому да старосте и целовальником к тем [судным][9]) делам руки свои прикладывать. А противни тех судных дел, слово в слово, писати намесничьим дьяком, а намесником к тем противням печати свои прикладывать. Да тех судных дел записку земъского дьячка рука з дворского и [10]) старостиными и с целовальниковыми руками намесником имати к себе противни, а с тех дел намесником дьяков своих руку за своими печатьми давати дворскому, да старосте, и целовальником. А которые старосты и целовальники грамоте умеют, и тем старостам и целовальником к судному списку к земского дьячка руке руки свои прикладывати, и к противнем с тех дел намесничья дьяка руке быти у того старосты и у целовалников, которые грамоте не умеют, и оне его держат у собя спору для. А без дворского и без старосты и без целовальников намесником и их тиуном суда не судити, а где дворского нет, и преж сего не бывали, — ино быти в суде у намесников и у них тиунов старосте и целовальником. А без старосты и без целовальника суда не судити, и посулов и поминков намесником и их тиуном и их людем не имати; а на государя своего тиуну пошлину никому посулов от суда не просити. А имати намесником от суда пошлин, доищетца ищея своего в заемном деле, или в бою, или в лае, — и ему имати на виноватом по гривне с рубля, то ему и с тиуном; а не доищется ищея своего, а будет ищея виноват, — и ему имати на ищее с рубля по тому ж; а будет дело выше рубля, или ниже, — ино имати на ищее или на ответчике по тому ж росчету. А довотчику его имати хоженое и езд и правда по уставной грамоте, а где не будет грамоты, — и ему имать хоженое в городе по четыре деньги, а езды на версту по деньге, а на правду в городе или в волости вдвое. А досудятца до поля, да став у поля помирятся, — и ему имати с рубля по гривне ж, то ему и с тиуном, да полевых пошлин полтретьятцать алтын. А побьютца на поле, и на убитом полевых пошлин взяти

полтора рубли, а доспеху не имати; а побьютца на поле в пожоге, или в душегубстве, или в розбое, или в татьбе, а убьют ответчика, — и на убитом исцово доправити, а сам убитой в казни[11]) и в продаже наместнику и его тиуну; а убыток на поле ищею в пожоге, или в татьбе, или в душегубстве, или в розбое, и наместнику на нем имати с его иску четвертая пошлина по полуполтине с рубля, то ему и с тиуном, да полевых пошлин полтора[12]) рубли, а доспеху не имать.

(1). **63.** А суд боярской, что которому наместнику дано с судом боярским, и ему давати полные и докладные, а правые и беглые давати з докладу, а без докладу правые и беглые не дати.

(1). **64.** А детей боярских судити наместником по всем городом по нашим государевым царевым жалованным грамотам.

(1). **96.** А которые дела преж сего Судебника вершены или которые не вершены в прежних во всяких делех суженых и не суженых, и тех дел всех не пересуживати, быти тем делам всем в землях, и в холопстве, и в кабалах, и во всяких делах, и в тиунствех по тому, как дела преж сего вершены. А вперед всякие дела судити по сему Судебнику, и управа чинити по тому, как царь и великий князь в сем своем Судебнике с которого дни уложил.

(1). **97.** А которые будет дела новые в Судебнике не написаны, и как те дела з государева докладу и со всех бояр приговору вершатца, — и те дела в сем Судебнике приписывати.

(1). **[127.]**[13]) Лета 7060-го маия в 15 день, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии приговорил со всеми бояры. Которые люди, и в которых делех обвинены, стоят на правежех в ысцовых искех, — и те б люди стояли во сте рублех месец. А которые люди стоят на правеже меньши ста рублев, или болши, — и те б люди стояли по тому ж росчету. А на которых людех в месец исцова иску доправити на мочно, — и тех людей в исцовых искех выдавати исцом головою до искупа, а болши месеца ответчиком в ысцовых искех на правежи не стояти. А которые побьют челом о переводе, — ино дати сроку деньги пере-

весть на другой месец, а болши того не давати для волокиты люцкие.

(1). **128.** Лета 7066-го царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии приговорил з бояры на служивых людех правити долги денежные и хлебные по кабалам и по памятем и по духовным грамотам в пять [лет][14]) истинну деньги без росту, а хлеб без наспу, росчитая на пять жеребьев, сколко на ком какова долгу ни буди с Рожества Христова от лета 7066-го да до лета 7071-го. А по старым кабалам по Рожество Христово до лета 7066-го, на прошлые лета все росты отставил, и вперед старым ростом не быти.

(1). **129.** А у кого на которые служилые люди учнут заимовати деньги в рост, а хлеб в наспы[15]), в те правежные пять лет до урочных лет, в тех новых долгех не выплатитца, и вперед лета 7071-го новые долги на служивых людех правити истинна вся сполна, да в полы на деньги рост, да хлеб в полы насоп, как идет на пять шестой, и правеж на них давати во всем долгу всегда.

(1). **130.** А которые заимщики в те лета от лета 7066-го не станут в ту пять лет платити по годом, и сколько хто кому деньгами и хлебом изволочит, а будет на службах, или в отъезде год или два, а как появитца в тех годех, где кто судим, — и на тех велети деньги правити на те годы вдруг на все, сколко годов хто на службе или в отъезде был.

(1). **131.** А вперед до урочных лет достальной долг правити на них по тому ж росчету на пять жеребьев, сколько на ком какова долгу на год иметца взяти.

(1). **132.** А которые люди будет на службах или в отъездех в те урочныя лета всю пять лет, а как появятца, где хто судим в котором городе, — и на тех людех велети после тех урочных лет, лета 7071-го с Рожества Христова, правити весь старой долг сполна без росту.

(1). **133.** А на ком будет долгу на служивых людех сто рублев, и на тех правити долг два месеца; а будет болши того долгу, или менши, и те долги правити по росчету.

(1). **134.** По рядным грамотам на всех людех велети правити всегда сполна.

(1). **135.** А не служивым людем велети стояти на правежи во сте [16]) рублех месяц по [прежнему] [17]) приговору.

(1). **136.** А не служивых людей долги велети правити по старым кабалам в те урочные лета все сполна без росту.

(1). **137.** А которые не служилые люди учнут займовати деньги в рост, или хлеб в наспы, в те же правежные лета, и на тех не служилых людех в тех новых долгех правеж давати всегда, а рост на них на деньги и насоп на хлеб велети правити, как идет, на пять шестой, в полы, а не выплатятца в долгех в новых в те урочные лета в пять лет, на них долги после [18]) урочных лет правити хлеб истинна сплона, а рост и [19]) наспы в полы ж, как идет [в людех] [20]), на пять шестой.

(1). **138.** А хто у кого возмет деньги в займы бескабално, и без памяти, или хто возьмет на ссуду что нибуди, и на суде того не запретца, и на тех деньги с суда велети правити, с суда правеж на них давати всегда, и [21]) в городы розсылати грамоты, чтоб всем людем тот государев приказ и приговор ведом был, о управе в долгех всем людем давати, где кто судим, по сему государеву указу.

(1). **161.** Да которым людем государь велел полетные давати в долгех на пять лет по же[ре]бьем [22]) без росту, и нынеча на тех людех, у которых дворы горели, бьют челом о управе [23]) те люди, у которых дворы погорели ж, и о том, как государь укажет, давати меж их управу, или тем та ж пять лет ждати? И государь приговорил, у которых людей в нынешней пожар лета 7068-го году дворы горели, а учнут по кабалам искати заемных денег на тех людех, у которых дворы згорели ж, и царь и великий князь тем людем, у которых дворы горели [24]), в долгех приставов давати не велел, и правити на них долгов не велел пять лет, от лета 7068-го году июня с 17-го числа по лето 7073-го июля по 17 число.

О пошлинах, что имати боярину, или дворецкому, или казначею, и печатнику и кормленщиком, которым дано с судом, и диаку и подьячему, с суда, и от правых грамот, и с отпускных, и з докладных списков, и полевых пошлин, и отказных подписей, и от срочных, и безсудных, и ото льготных, и от приставных, и о смесном суде.

ГРАНЬ 2

Главы: 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 65, 74

(2). **8.** А имати боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку в суде от рублевого дела на виноватом пошлин, хто будет виноват, ищея или ответчик, и боярину, и дворецкому, и казначею на виноватом одиннатцать денег, а дьяку семь денег, а подьячему две деньги; а будет дело выше рубля, или ниже рубля, — и им имати пошлины по росчету, а болши того не имати ничево. А возьмет боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк, или подьячей, или неделщик на ком што лишек, и на том взяти втрое. А хто учнет бити челом на боярина, или на казначея, или на дьяка, или на подьячего, или на неделщика, что взяли на нем сверх пошлин лишек, а обыщетца то, что жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью, да [1]) вкинути в тюрму.

(2). **9.** А досудитца до поля и став у поля помирятся, и боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку и подьячему имати по тому ж указу, а окольничему, и дьяку, и недельщику пошлин полевых не имати, а возьмет боярин, или окольничей, или дворецкой, или казначей, или дьяк, или подьячей, или неделщик лишек болши того, и обыщетца то, и на том взяти втрое. А обыщетца, что жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью, да вкинути в тюрьму.

(2). **10.** А у поля став, помирятца, и боярину, и дворецкому и казначею, и дьяку имати пошлины по тому ж росчету, а окольничему имати полевых пошлин четверть рубля, а дьяку четыре алтына, а подьячему деньга, а неделщику имати четверть рубля, да неделщику ж имати вясчего два алтына, а болши того не имати. А хто возмет лишек, и на том взяти втрое; а обыщетца, что жалобник солгал, — и того жалобника казнити торговою казнью, да вкинути в тюрьму.

(2). **11.** А побьютца на поле в заемном деле или в бою, и окольничему полтина да за доспех убитого три рубли, а дьяку четверть рубля, да неделщику полтина, да неделщику жь вясчего четыре алтына без дву денег,

а подьячему две деньги. А не станет хто у поля, или от поля хто збежит, — и окольничему, и дьяку, и неделщику имати на том, как с мирового дела, избные пошлины с рубля по гривне; а болши им того не имати. А возьмет хто лишек, — и на том взяти втрое. А обыщетца то, что жалобник солгал, — и того жалобника казнити торговою казнью, да вкинуть в тюрьму.

(2). **12.** А побьютца на поле в пожоге, или в душегубстве [1]), или в розбое, или в татьбе, ино на убитом исцово доправити, да окольничему на убитом полтина, да за доспех убитого три рубли, а дьяку четверть рубля, а неделщику полтина, да неделщику ж вясчего четыре алтына без дву денег, а подьячему две деньги; а убитого дати на поруку: как ево государь попытает, ино его поставить перед государем; [а] [2]) не будет [по нем] [3]) поруки, ино его вкинуть в тюрьму, доколе по нем порука [4]) будет.

(2). **13.** А к полю приедет окольничей и дьяк, — и окольничему и дьяку исцов и ответчиков спросити, хто за ними стряпчие порутчики, и кого за собою стряпчих порутчиков скажут, и им тем велети у поля стояти, а доспех, и дубин, и ослопов стряпчим и порутчиком у себя не держати, а бой [5]) полщиком дати окольничим и дьяком ровен. А которые у поля будут опричные люди, и окольничим и дьяку от поля их отсылати, а которые прочь не идут, и им тех отсылати в тюрьму.

(2). **14.** А битися на поле бойцу з бойцом, или небойцу не з бойцом, а бойцу с небойцом не битися, а похочет небоец з бойцом на поле битися, ино им на поле битися. Да и во всяких делех бойцу з бойцем, а небойцу с небойцом или бойцу с небойцом по небойцове воле на поле битися [6]) по тому ж.

(3). **30.** [О пошлинах и сместном суде] [7]). А случится суд смесной, ищея или ответчик судимы будут не одному судье, или хто по ково возьмет пристава в какове деле нибудь, и тот ищея возьмет у своего судьи за собою сторожа, да идет [8]) к тому судье просити пристава, у ково в присуде тот, на ком ему искати, да перед тем судьею ищет. А будет тот ответчик не ходя с суда, да против на нем взыщет, и ему перед тем судьею отвечати, да и во всех делех судити смесной суд тому судье, у ково в присуде ответчик; а пошлины обоим судьям имати по указу, а де-

литися судьям [теми][7]) пошлинами пе половинам, а пошлина имати обоим судьям одна.

(2). **31.** А хто ково поимает приставом в бою, или в лае, или в займех, а на суд итить не похотят, и оне доложат судьи, да помирятца, а с суда и пошлин и продажи нет, опричь езду и хоженого. А которые жалобницы зададут судьям, и оба исца до суда помирятца, — и по тем жалобницам судьям пошлин не имати.

(2). **32.** А пошлины имати от правые грамоты, боярину от печати по девяти денег с рубля, а дьяку имати от подписи с рубля по алтыну, а подьячему, которой правую грамоту пишет, имати с рубля по три деньги, а болши им того не имати. А хто возьмет болши того, и уличат его в том, на том взяти втрое. А обыщетца то, что жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью, да вкинути в тюрьму.

(2). **34.** А докладной список боярину, или дворецкому, или казначею печатати, а дьяку подписывати, а имати боярину от печати, или дворецкому, или казначею с рубля по алтыну, а дьяку с рубля по четыре деньги, а подьячему, которой на списке подпишет, с рубля по две деньги, а болши того не имати. А хто возьмет лишек, и уличат его в том, и на том взяти втрое. А обыщетца то, что жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью, да вкинути в тюрьму.

(2). **35.** А с холопа и с робы от правые грамоты и отпускные боярину, или дворецкому, или казначею имати от печати з головы по десяти денег, а дьяку имати з головы от подписи по алтыну, а подьячему, которой правую грамоту или отпускную напишет, з головы по три деньги.

(2). **36.** А хто займет деньги в кабалу в рост, — и на те кабалы отписи без боярского докладу и без дьячьей подписи не быти. А боярину ото всякие отписи, сколко отписей будет, от печати имати по три деньги, а дьяку имати от подписи по две деньги, а подьячему, которой отпись напишет, имати по деньге.

(2). **37.** А с царева и великого князя суда и детей царя и великого князя пошлин с суда на виноватом по тому жь, как и з боярского суда, с рубля по одиннатцати денег, кому государь укажет, а дьяку семь денег, а подьячему две деньги.

(2). **38.** А цареву и великаго князя печатнику [и детей царя и великаго князя печатнику] [9]) от печати имети от правые грамоты с рубля по девяти денег, а дьяку с рубля по алтыну, а подьячему, которой правую грамоту напишет, имати с рубля по три деньги.

(2). **39.** А з докладново списка царя и великого князя докладу и детей царя и великого князя докладу имати цареву и великого князя печатнику от печати с рубля по девяти денег, а дьяку от подписи [10]) с рубля по алтыну, а подьячему, которой на списке подпишет, имати с рубля по две деньги.

(2). **40.** А с холопа и с робы от правые грамоты имати печатнику з головы по девяти денег, а дьяку от подписи имати з головы по алтыну; а подьячему, которой правую грамоту напишет, имати з головы по три деньги.

(2). **41.** А от срочных от подписей имати дьяку от срочные [11]) по две деньги, а от подписных срочных дьяку имати от подписи с рубля по три деньги, а подьячим имати от писма с рубля по две деньги. А похотят оба исца, ищея и ответчик, срок отписати, — и они оба платят от подписи и от писма, и неделщику хоженое по половинам. А которой ищея и ответчик к сроку не будет, а пришлет срока отписывати, и тому все платити одному от обеих срочных, и хоженое, опричь служилых людей. А будет оба исца, ищея и ответчик, служилые люди, а пошлют их на службу, а похотят перед [12]) тем сроком, недели за две или за три того сроку, на которой день велено им на службу быть, по срочным, срок отписати тем служилым людем недели за две или за три, срок отписывати беспошлинно для службы, а срочные дьяком держати у собя за своею печатью. А как давати безсудные, и дьяком срочные снести в одно место самим, да розобрав срочные самим дьяком по сроком, да велети им подьячим безсудные давати и сроки отписывати [13]), а у подьячих дьяком срочных не держати. А которой дьяк срочные учнет держати у подьячих, и у него подьячего ищея или ответчик с приставом вымет срочную подписану до сроку не за дьячьею печатью, и на том дьяке тот список, что в срочной [14]) написан, доправити, а дьяк с своим подьячим сам ся ведает.

(2). **42.** А безсудные и правые давати за сто верст семым днем, а дале того по тому же росчету, а пошлин

имати от правые грамоты и от бессудные царя и великого князя печатнику от печати с рубля по алтыну, а дьяку от подписи [15]) с рубля по алтыну ж, а подьячему с рубля по две деньги, а болши им того не имати. А хто возьмет болши того, и уличат его в том, и на том взяти втрое. А хто солжет, того казнити торговою казнью да вкинуть в тюрьму.

(2). **43.** А велит государь кому дати какову грамоту лготную, или уставную, или полетную с красною печатью, и что возьмет печатник от которые грамоты от печати, а дьяку от подписи [16]) взяти тож. А тарханных вперед не давати никому, а старые торханные грамоты поимати у всех.

(2). **44.** А от приставных имати царя и великого князя печатнику и дьяку у неделщиков по езду, с которые приставные рубль езду, и печатнику у неделщика имати с рубля по алтыну, а дьяку от подписи [16]) по алтыну ж. А будет езд до которого города рубля болши или менши, печатнику и дьяку имати по тому ж росчету. А будет приставной иск менши езду, и дьяку тех приставных не подписывати, а того неделщика вкинуть в тюрьму, да сказати государю царю [17]), а без неделщиков дьяком приставных не подписывати, а приставной болши дватцати дел вытей не писати, а неделщику от приставной один езд, от которого города в которой город приставная написана. А подпишет которой дьяк приставную, а в приставной иск будет менши езду, или подпишет приставную без неделщика, и уличат его в том, что приставной иск, и то взяти на дьяке, а в пене что государь укажет.

(2). **65.** А от правые грамоты имати боярину или сыну боярскому, за которым [18]) кормление с судом боярским, от печати с рубля по полутретья алтына, то ему и с тиуном; да дьяку, которой правую грамоту напишет, имати от писма с рубля по три деньги. А тиун его даст правую грамоту, и он емлет на государя своего от [19]) печати по тому ж [19]) с рубля по полутретья алтына, а дьяк емлет от писма, которой правую грамоту напишет, с рубля по три деньги. С холопа и с робы от правые грамоты и от полные боярину или сыну боярскому, за которыми кормление с судом боярским, имати от печати з головы по полутретья алтына, а дьяку от писма з головы по три денги.

(2). **74.** А на котором городе будет два намесника, или на волости два волостеля, а суд у них не в розделе, и им имати пошлин по списку, обема за одново намесника, и тиуном их за одново тиуна, и оне себе делят пополам. А которые городы или волости поделены, а случитца у них суд вопче, и им обема пошлины имати одне, да те им пошлины меж себя делити по половинам же. А возмут те два намесника, или два волостеля, или два тиуна с одного дела пошлины [20]) двои [20]), и уличат их в том, — и тому, на ком пошлины взяты, на тех намесниках и на волостелях и на их тиунах, те пошлины взяти втрое.

ГРАНЬ 3

О ПОСЛУСЕХ И О БОЙЦЕХ И О ЛЖИВЫХ ОБЫСКЕХ

Главы: 15, 16, 17, 18, 19, 98, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115

(3). **15.** А ищея пошлетца на послуси в заемном деле бескабално, или в какове деле нибуди послуси став, да меж собя порознятца: иные молвят в ысцовы речи, а иные в ысцовы речи не молвят, и которые молвят в ысцовы речи, а попросят с ними послуси поля, которые не молвят в ысцовы речи, и в том им присужати поля. А убьют на поле послуси, которые послушествовали в ысцовы речи, в тех послухов, которые в ысцовы речи не послушествовали, ино исцово и пошлины имати по списку на ответчиках и на тех послусех, которые не послушествовали в ысцовы речи. А которые послуси не послушествовали в ысцовы речи, а убьют будет тех послухов, которые в ысцовы речи не послушествовали, ино имати пошлины по списку на ищее и на тех послусех, которые послушествовали в ысцовы речи. А не попросят поля те послуси с теми послуси, которые не послушествовали в ысцовы речи, или послуси не договорят в ысцовы речи, ино тем ищея и виноват. А по кабале порознятца послуси и дьячок, ино им по тому же.

(3). **16.** А ково послуси опослушествуют в бою, и в грабеже, или в займах, ино судити на ответчикову волю, хочет с послухом на поле лесть, или став у поля, у креста — на целованье ему, или бес целованья даст, а вины в том ответчику нет, пошлин полевых убитых нет. А побьютца

на поле, и пошлины судные и полевые взяти по указу на убитом.

(З). **17.** А против послуха ответчик будет стар, или мал, или увечен, или поп, или чернец, или черница, или жонка, и тому против послуха наймит, а послуху наймита нет. А которой послух чем будет увечен бес хитрости, или будет в послусех поп, или чернец, или черница, или жонка, тем наймита наняти [1]) вольно ж. А что правому или его послуху учинитца убытка, и те убытки имати на виноватом.

(З). **18.** А послух перед судьею не приидет [2]), есть ли за ним речи, или нет, и на том послухе исцовы убытки и все [3]) пошлины взяти, а с неделщиком и с праветчиком о сроце тому послуху суд.

(З). **19.** А на ком взыщет жонка, или детина мал, или стар, или немощен, или чем увечен, или поп, или чернец, или черница, — ино им наймита наняти волно же, а ответчик против наймита наймет же. А исцу и ответчику крест целовати, а наймитом битись, а похочет истец или ответчик на поле сам битися с наймитом, — и он сам бьетца.

(З). **98.** Да велети прокликати по торгом на Москве и во всяких городех Московские земли, и Новгороцкие земли, и [4]) Тверские земли и по волостям, чтобы ищея или ответчик судьям и приставом посулов в суде не давали и не сулили, а послухом [5]), не видев, не послушествовати, а видев, сказати правду [6]). А послух опослушествует, не ведав, лживо, а обыщетца то после, — ино на виноватом послухе гибель исцова и убытки все взяти, а в вине казнит его торговою казнью.

(З). **101.** Лета 7064-го августа в 21 день приговорил царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии со всеми бояры: шлютца с суда на обыск, и посылают обыск, и в обыскех многие люди солжут семьями и заговоры великими, иные говорят по ищее, а иные по ответчике, и по тем по лживым обыском посылают вдругие обыскивать, ино те жь люди говорят другие речи, а на суде ищея или ответчик шлются на многие люди, на иных в слух, а на иных в виденье и в ведомо, а против того шлютца в послушество, и за теми за лживыми обыски за послушеством дело не вершитца, а иным присужати поля и крестное целованье, а в тех бы делах поль не присуживать [7]) и обысков не отставливати, шлютца в послушество.

(3). **102.** Пошлетца ищея, или ответчик в слух, и в виденье, и в ведомо, а против того ответчик или ищея шлетца в послушество, и судьям в том поль не присуживати [8]), а посылати обыскивать по ищеиным речем, или по ответчиковым речем теми людьми, на которых на многих людей ищея слалася или ответчик, опричь [их] [9]) родов и заговоров, а велети обыскивати старостам и целовальником накрепко, да по тем обыскам и вершити бес поля и бес целованья.

(3). **103.** А которые ищеи и ответчики тяжутца перед бояры во всех приказех, а шлютца в обыск на многие люди безымянно, и в тех делех пошлют бояре обыскивать с Москвы, и старостам и целовальником велети ездити к обыском многим людем лутчим всем, князем, и детем боярским, и их приказным людем, и крестьяном, и архимаритом, и игуменом, и попом, и дьяконом, а из городов с посаду лутчими людми обыскивати с лица на лицо, а за очи обыскных людей не писати, а речи б свои обыскные люди писали сами. А которые люди грамоте умеют, и те [10]) б [10]) руки прикладывали, а отцы б их духовные к тем речем руки ж прикладывали.

(3). **104.** Скажут в обыскех обыскные люди не одне речи, иные люди говорят по ищее, а иные по ответчике, в обыску скажут болши, людей человек пятьдесят или шестьдесят, и [11]) по тому болшему [12]) обыску ищею или ответчика оправити, а по меньшому обинити бес поля и бес целованья, а после того сыскати, в котором городе владыко есть, и архимарит, и игумен. Будет в тех местех где обыск был, и о том им государь прикажет, чтобы того сыскали, и розведали в правду, которая половина солгала [13]), и по тому лживых казнити по приговору, как и в розбойных делех.

(3). **105.** А скажут в обыску по ровну половина обыскных людей по ищее, а другая по ответчике, и по тем обыском того дела не вершити, а посылати вдругие на обыск, а велети обыскивати старостам и целовальником опричь тех людей иными многими людьми про то, которая половина солгала. И на которую половину доведут, что они солгали, и ис тех людей изо ста человек выбрати прикащиков и крестьян лутчих людей человек пяти, или шти, бити кнутьем, а игуменов, и попов, и дьяконов отсылати к святителю, а езд и прогоны и проесть и волокита, что будет убытка в том деле, опричь исцовых исков, и то взяти

на тех, на которых доведут; а которых людей пытают по ложному обыску, и тем людем взяти на них бесчестье вдвое для лжи, чтоб вперед не лгали.

(3). **106.** А которые люди в обыскех в одном деле двои речи говорят, и ис тех людей изо ста человек выбрав лутчих людей, прикащиков и крестьян пяти или шти, бити кнутьем, и игуменов, и попов, [и][14]) дьяконов отсылати к святителю, а езд и прогоны, и что будет убыток в том деле, оприч исцовых исков, и то взяти на тех, которые двои речи говорят.

(3). **107.** А пошлетца ищея или ответчик в слух, или в обыск, или в виденье, и в ведомо, не на многие люди, человек на пять или на шесть имянно, а против того пошлютца в послушество, а верити будет тем людем не мочно, и теми людми не обыскивати, а вершити дело по суду и по делу, то положено на суде.

(3). **108.** А пошлютца на суде ищея или ответчик на боярина, или на дьяка, или на приказного человека, кому мочно верить, посмотря [15]) по делу, и тое правды не отставливать, как скажет, так и вершить бес поля и бес целованья.

(3). **109.** А пошлютца на суде ищея, и ответчик из виноватого, хотя на одного человека, и тое правды не отставливать, что скажет, по тому и винити бес поля и бес целования. А хто не великим словом не договорит, исправит [16]), и тем обвинити. А бояром, и дворяном, и дьяком, и всяким приказным людем приказати, чтоб оне приказали в своих селех накрепко, чтоб в обыскех люди их и крестьяне не лгали, а говорили правду. А сыщетца, что люди их и крестьяне солжут [17]) в обыскех и [17]) самим бояром и детем боярским быти от государя в великой опале, и людем их и крестьяном быти казненым, как и в разбойном деле.

(3). **110.** А сведает боярин, или дьяк, и всякой приказной человек, или дворянин и всякой сын боярской, что в обыску люди их и крестьяне лгали, и им сказати в [18]) правду государю [17]), и в том ему от государя опалы нет, а дело сыскав, в правду вершить.

(3). **111.** А старостам татиные и розбойные дела делати, и обыскивати в татиных, и в розбойных, и во всяких делех в правду, по государеву цареву и великого князя крестному целованью, другу не дружити, а недругу не мьстити, да и тово старостам беречи и сыскивати накрепко,

чтоб семьями и заговоры стакався, в обысках не поделно не говорили. А хто учнет семьями и заговоры в обыскех говорити не по делом [19]), и старостам того сыскати, — и о тех семьях и заговорех отписати к государю. А хто семьею и заговором в обыскех говорят неправду [20]), да и самем того старостам, что ведают [21]) мимо обыскных людей, отписывати к государю в правду.

(3). **112.** А учнут старосты татины [22]) и розбойные дела делати, и обыскивати в татиных и в розбойных делах, и во всяких обыскех обыскивати ложно не по государеву указу, или другу дружити, а недругу мстити, или не учнут того беречи и сыскивати, которые семьями и заговоры в тех обыскех говорят неправду и не учнут к государю на те семьи и заговоры отписывати, и старосту казнити без милости.

(3). **113.** А посылати к старостам и целовальником грамоты с неделщиком, запечатав, и старостам, сыскав правду всякими сыски, написати и прикласти всем руки свои. А хто грамоте не умеет, ино отцу их духовному в их место руки приложити, да запечатав [23]) своею печатью, прислати с тем, хто к ним грамоту привезет. А старостам писати печати свои именно в грамотах, каковы их печати, и неделщик, или езд отдаст боярам в ту избу, ис которые пошлют. А недельщиком с старостами не обыскивать, и никоторого дела с ними не делать, взяти грамота для своего езду.

(3). **114.** А досудятца в котором деле до поля, а станет бити челом ответчик, что ему стояти у поля не мочно, чтоб присудили крестное целованье, ино поле отставити, а дати на волю исцу, хочет сам целует, или ему даст. А учнет бити челом ищея, ино дати по тому ж ответчику на волю.

ГРАНЬ 4

О ИСТЕЦАХ, ХТО ВЗЫЩЕТ НА ТРЕХ, ИЛИ НА ЧЕТЫРЕХ ЧЕЛОВЕКЕХ, А ПИШЕТ В ЧЕЛОБИТНОЙ ЛЮДЕЙ БОЛШИ ТОГО, И О СРОЧНЫХ, И ХТО УЧНЕТ БИТИ ЧЕЛОМ НАМЕСНИКОМ

Главы: 20, 21, 22, 23, 24

(4). **20.** А хто взыщет человекех на трех или на четырех по жалобнице, а напишет в жалобнице десяти, или пятинатцати, или болши, или меньши, и те два или три за

себя и за иных товарыщев отвечают, а за иных не отвечают, и за которых по жалобнице отвечают, ино тех судити в их жеребьях; а за которых людей по жалобнице не отвечают, — ино в тех жеребьях велети посылати пристава. А будет по тех людей ходила приставная, ино по тех срочных в их жеребьях дати безсудные.

(4). **21.** А на которого из них ездок накинет срочную на одного, и тот срочные своей товарыщем своим, которые с ним в срочной писаны [1]), не покажет, и на которых ево товарыщей выляжет в их жеребьях безсудная грамота, — ино тем людем с теми дати суд, хто им [2]) срочные не показал.

(4). **22.** А которые люди учнут искати на намесниках, или на волостелех, и на их людех по жалобнице, и которые намесники или волостели за своих людей по жалобницам не за всех отвечают, а исцы учнут искати на намеснике, или на волостелех, и на их людех всего своего иску по жалобнице, и бес тех, за которых людей не отвечают, и по тем жалобницам судити во всем иску по жалобнице, и бес тех людей, за которых не отвечают.

(4). **23.** А у которых людей учнут примешивати исцы к намесничьим или к волостелиным людем гороцких людей или волостных, а намесничи или волостелины люди за тех гороцких и волостных отвечати не похотят, и намесничих и волостелиных людей судити в их вытех, а не тех гороцких или волосных людей в их вытех давати пристава, а до намесничих и до волостелиных людей в тех вытех дела нет.

(4). **24.** А которые люди иногородцы учнут бити челом на намесников или на волостелей о обидных [3]) делех, как те намесники или волостели, едучи на жалованье, и на жалованье живучи, и з жалованья сьедучи, кого чем изобидят, и тем людем иногоротцом приставов по тех намесников и по волостелев, и по их людей и до съезду з жалованья давати, а велети тем намесником и волостелем присылати в свое место к ответу людей своих. А которые иногородцы не учнут о тех своих обидных [4]) делех [4]) бити челом на намесников, или на волостелей, и на их людей до году, — и тем людем тогда приставов и суда на намесников, и на волостелей, и на их людей не давати.

ГРАНЬ 5

ХТО ВЗЫЩЕТ БОЮ И ГРАБЕЖУ, И ОТВЕТЧИК СКАЖЕТ, ЧТО БИЛ, А НЕ ГРАБИЛ, ИЛИ ГРАБИЛ, НЕ БИЛ, И О БЕСЬЧЕСТЬЕ, И О УВЕЧЬЕ, И ХТО ЧЮЖЕЗЕМЕЦ ВЗЫЩЕТ НА ЧЮЖЕЗЕМЬЦЕ, ИЛИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРЬСТВА НА ЧЮЖЕЗЕМЬЦЕ, ИЛИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРЬСТВА МЕЖ СЕБЯ НЕ ОДНОГОРОДЦЫ

Главы: 25, 26, 27, 151, 152

(5). **25.** А которой ищея взыщет бою и грабежу, и ответчик скажет, что бил, а не грабил, и ответчика в бою обвинить, а бесьчестье на нем взяти, а в пене, смотря по человеку, что государь укажет, а в грабеже суд, а во всем не обинити. А скажет, что грабил, а не бил, и на том грабеж доправить, а в пене посмотря по человеку, что государь укажет, а в бою суд и правда, и в ыных делех судити по тому же, хто в чом скажетца виноват, на том взяти, а в пене что государь укажет, посмотря по человеку, а в достали суд и правда, и крестное целованье.

(5). **26.** А бесчестье детем боярским, за которыми кормление, указати противу доходу [что на том кормлении доходу] [1]), по книгам, жене ево вдвое бесчестье против его доходу. А которые дети боярские емлют денежное жалованье, и сколько которой емлет жалованья, то ему бесчестье, а жене его вдвое против его жалованья, а дьяком полатным и дворцовым бесчестье что государь, царь и великий князь укажет, а женам их вдвое против их бесчестья, а гостем большим [2]) бесчестья пятьдесят рублев, а женам их вдвое против их бесчестья, а торговым посадцким людем всем середним бесчестья пять рублев, а женам их вдвое против их бесчестья. А боярскому человеку доброму бесчестья пять рублев, опричь тиунов и довотчиков, а женам их вдвое. А тиуну боярскому, и довотчику, и праветчику бесчестья против их доходу, а женам их вдвое. А крестьянину пашенному и непашенному бесчестья рубль, а женам их вдвое. А боярскому молотчему человеку, черному городцкому человеку бесчестья рубль же, а женам их вдвое. А за увечье крестьянину указывати, смотря по увечью и по бесчестью, и все указывати, за увечье, посмотря [3]) по человеку и по увечью.

(5). **27.** А которой чюжеземец взыщет чего на чюжеземьце, — и того воля, на ком ищут, хочет сам отцелуетца,

что в том не виноват, или у креста положит, чего на нем ищут, истец, поцеловав крест, да возьмет. А которой человек здешнего государьства взыщет на чюжеземце, или чюжеземец на здешнем человеке, — и в том дати им жеребей, чей ся жеребей вымет, тот поцеловав, свое возьмет, или отцелуетца.

(5). **151.** А которой человек земьской Великого Новаграда, или псковитин, или устюженин, или иного которого города ни буди земской человек, приедет к Москве за каким делом своим ни буди, и учнет на него хто бити челом о управе иного города земской человек в какове деле ни буди, а не того города человек, — и казначеем тех людей в тех делех судити, и управа им давати по суду. А которые люди одново [4]) города [4]) похотят тягатися в своих земских делех, — и тех не судити, отдати их намесником [5]) судити, которые на тех городех пожалованы.

(5). **151**-ж. А взыщет хто на ком одного города хто ни буди, что его ограбил на Москве, или иным чем изобидил, и в том судити казначеем же.

ГРАНЬ 6

О ХОЖЕНОМ И ЕЗДУ И О ПЕРЕСУДЕ, И О ПОСЛАНИИ НЕДЕЛЩИКОВ ПО ТАТЕЙ И ПО РОЗБОЙНИКОВ

Главы: 45, 46, 47, 48, 49, 51, 53, 54

(6). **45.** А хоженое неделщику в городе десять денег, а не правду вдвое, а от поруки неделщиком поминьков не имати, а езд неделщиком имати до которого города по указу, а правды имати вдвое езду, а болши того не имати.

(6). **46.** А езду от Москвы до Коломны полтина, до Коширы полтина, до Хотуни десять алтын, до Торусы дватцать алтын, до Олексина полтретятцать алтын, до Колуги рубль, до Ерославца полтина, до Боровска полтина ж, до Вышегорода полтина, до Кременска дватцать алтын, до Можайска полтина, до Вязьмы полтора рубли, до Воротынска сорок алтын, до Козельска рубль с четью, до Одоева сорок алтын, до Белева рубль с четью, до Мценска

сорок алтын, до Оболенска полтина, до Звенигорода две гривны, до Дмитрова десять алтын, до Радонежа четверть рубля, до Переславля дватцать алтын, до Ростова рубль, до Ярославля рубль с четью, до Вологды полтретья рубли [до Белаозера полтретя же рубли] [1]), до Устюга пять рублев, до Вятки полосма рубли, до Вычегды семь рублев, до Двины и до Колмогор восмь рублев московская, до Юрьева рубль, до Володимеря рубль с четью, до Суздаля рубль с четью, до Костромы полтора рубли, до Галича полтретья рубли, до Мурома полтора рубли, до Стародубских князей вотчины полтора рубли (до Мещеры два рубли, до Нижняго Новагорода полтретя рубли, до Углеча рубль, до Бежицкого верьху полтора рубли] [2]), до Раманова городка рубль с четью, до Клина полтина, до Кашина рубль, до Твери рубль, до Зубцова рубль, до Опоки рубль, до Хлепни сорок алтын, до Торшку рубль с четью, до Вереи полтина, до Медыни полтретьятцать алтын, до Великого Новаграда полтретья рубли, до Пскова полчетверта рубли, до Смоленска полтретья рубли, до Иваня города полчетверта рубли, до Лук и до Торопца по получетверта рубли. А где будет болши того верст, ино имати по тому ж росчету.

(6). **47.** А ездити неделщиком с приставными на поруки давати самим [или своих ездоков посылати] [3]), а людей своих с приставными не посылати, а от поруки им самим, ездоком, поклоннова, с приставными ездячи, не имати ничего. А в котором городе неделщик живет, и ему в тот город с приставными не ездить, и в свое место не посылати ни в какове деле. А которого неделщика пустят в недели, и сколко у которого неделщика будет заговорщиков и ездоков, кому с кем в заговоре делати, и кому от ково с приставными ездити, и тому неделщику тех своих ездоков приводити к дьяком, которые дьяки у кормленей будут, да тех своих заговорщиков, и ездоков, и неделщиков у дьяков записывати в книги для того, чтоб неделщики своих заговорщиков и ездоков не отпиралися. А какову обиду или продажу ездок кому учинит, и уличат его в том, — и тот иск взяти на неделщике, от кого тот ездок ездил, а ездока казнити торговою казнью. А держати неделщику до семи ездоков, а болши семи ездоков неделщику не держать. А ко-

торого ездока изымают, а тот в книгах у кормленых дьяков ни у которого неделщика будет не записан, — и того ездока казнити торговою казнью. А будет тому ездаку исцы, и тех исцов иск взяти на том ездоке без суда. А как неделщик из недель выдет, — и тем ездоком в том городе от иных неделщиков не ездити. А которого ездока изымают, а он ездит в том же городе от иного неделщика, — и того неделщика казнити торговою казнью, да вкинути в тюрьму. А будет тому ездоку исцы, — и те иски взяти без суда на том неделщике и на ездоке, от кого ездил. А которой ездок в котором городе живет, — и тому ездоку не ездити ни от какова неделщика в том городе. А которого ездока изымают, а он в том городе живет, да в том же городе и с приставными ездят, а хто ему будут [4]) исцы, —и те иски взяти на нем без суда, а его казнити торговою казнью. А что заговорщик кому учинит какову продажу или обиду, и уличат его в том, — и те иски все взяти на всех заговорщикех, а его вкинути в тюрьму. А без заговорщиков неделщиком недель не делати.

(6). **48.** А в которой город или в волость приедет неделщик или ездок с приставною, и ему явити приставная наместнику, или волостелю, и их тиуном; а будет оба исца того города или волости, и наместнику и волостелю оба будет судимы, — и ему обеих исцов ставити перед наместником, или перед волостелем, или перед их тиуны. А не явит неделщик или ездок ево наместнику, или волостелю приставные, или их тиуном, обоих исцов перед наместником, и перед волостелем, и перед их тиуны не поставит, а будет истец и ответчик одного города или одноё волости, и ему будет оба судимы, — и тот неделщик и ездок лишен езду; а довотчику на том неделщике или на ездоке взяти хоженое.

(6). **49.** А кого даст неделщик на поруки в какове деле нибудь и ему исцов и ответчиков не волочити, а ставити их перед судьями, а сроки крестьяном отписывати, безсудные по срочным давати по сроком по указу безволокитно. А хто станет волочить после срока, — и на том взяти тому, ково волочит, проести по три деньги на день, а от безсудные неделщиком, опричь пошлин, не имати ни у кого ничего. А коли неделщик срок отпишет обоим исцом вместе,— и ему взяти с обеих исцов одно хоженое, опричь ему того

не взяти ничего. А в езду своем даст на поруку, доколе дело кончает [5]), — и ему взяти езд на виноватом. А которой ищея или ответчик сам к сроку не приедет, а пришлет [6]) в свое место срока отписывать, — и неделщику взяти хоженое на том, хто приедет в его место срока отписывать.

(6). **51.** А пересудчиком пересуду имати на виноватом по две гривны, а менши рубля пересуду нет, а с поля со всякого пересуд [7]). А список хто оболживит да шлетца на правду, и в том пересуд, а подвойским правого десятка четыре деньги имати [8]) и на виноватом [же] [9]).

(6). **53.** А пошлют которого неделщика имати татей или розбойников, и ему имати татей или разбойников без хитрости, а не норовити ему никому. А изымав, ему татей и [10]) розбойников, не отпустити, и посулов не взяти, а опричных ему людей не взяти. А понаровит [11]) которой неделщик татю или розбойнику по посулом, и его отпустят, и уличат его судом, — и на том неделщике исцов иск доправити, а его казнити торговою казнью, да вкинути в тюрьму, а в казни что государь укажет.

(6). **54.** А у которого неделщика сидят тати, и ему татей без докладу на поруку [12]) не давати и не спродати [13]) ему татя. А которой неделщик без боярского докладу и без дьячья ведома татей подаст [14]) на поруку [14]) или татя спродаст, и уличат ево в том, — и на том неделщике исцов иск доправити вдвое, а его казнити торговою казнью, да вкинути в тюрьму, а в казни что государь укажет.

ГРАНЬ 7

О ПРОЕСТИ И УБЫТКЕ ХТО ПО КОГО ПОШЛЕТ ПРИСТАВА, А САМ К СРОКУ НЕ ПРИЕДЕТ

Глава 8

(7). **8.** А хто по кого пошлет пристава, а сам к сроку не приедет, или ответчик на тот срок не станет, и что после срока тому учинитца убытка, что даст пошлин, и что, живучи, проесть, — и правому те все убытки и проести взяти на виноватом, а проесть класти на человека на голову на день по три деньги.

ГРАНЬ 8

ПРИВЕДУТ КОВО С ПОЛИЧНЫМ В ПЕРВЫЕ И ДРУГИЕ, ИЛИ НА КОГО ТАТЬ ВЗМОЛВИТ, ИЛИ В ОБЫСКУ ГОВОРЯТ, ИЛИ РОЗБОЙ И ДУШЕГУБСТВО, И ИНОЕ КАКОЕ ЛИХОЕ ДЕЛО ДОВЕДУТ

Главы: 52, 55, 56, 57, 58, 59, 60

(8). **52.** А приведут ково с поличным впервые, — ино его судити да послати про него обыскати. И назовут его в обыску лихим человеком, ино его пытати, а скажет на себя сам, — ино его казнити смертною казнью; а не скажет на собя сам, — ино его вкинути в тюрму до смерти, а исцово заплатити из ево статка. А скажут в обыску, что он доброй человек [1]), ино дело вершити по суду.

(8). **55.** А которого татя поимают с какою татьбою ни буди впервые, опричь церковные и головные татьбы, а в ыной в прежней татьбе на него довода [2]) не будет, — ино его казнити торговою казнью, бити кнутом, да исцов иск доправити, а его дати на крепкую поруку, а не будет по нем поруки, ино его вкинуть в тюрьму, доколе по нем порука будет. А не будет у которого татя столко статков, чем исцово заплатить, ино его бив [3]) кнутьем, а исцу в его гибели выдать головою на правеж [4]) до искупа, а исца дати на поруку, что ему, доправя свое, отдати его бояром. А не похочет по себе истец поруки дать, в том, что ему, доправя свой иск, да того татя привести к судье, — и того татя вкинути в тюрьму, доколе по нем порука будет, а как по нем порука будет, и тогды на нем за тою порукою, хто его ис тюрьмы выручит, исцов иск доправити. И как истец взяв на нем свой иск, и отдаст его бояром, и бояром велети его дать на крепкую поруку, хто ему иные будут [5]) впредь исцы [5]). А не будет по нем поруки, ино его вкинути в тюрьму, доколе по нем порука будет. А судье с тово не имати ничево.

(8). **56.** А поимают того же с татьбою вдругие, ино его пытати. А скажет на себя сам, ино его казнити смертною казнью, и исцово заплатити из ево статка. А не будет [у] [6]) которого татя с ысцову гибель, — ино его велети казнити смертною казнью, а исцу в его гибели не выдавать. А пытан тать на себя не скажет, ино про него послать

обыскать. И[7]) скажут про него, что он лихой человек, ино его всадити в тюрьму до смерти. А назовут его добрым человеком, — ино его дати на крепкую поруку. А не будет по нем крепкие поруки, — ино его вкинути в тюрьму, доколе по нем крепкая порука будет.

(8). **57.** А на кого тать взмолвит, и про того послать обыскати[8]), и будет в обыску в какове в прежнем деле приличной человек з доводом, ино его пытати. И скажет на себя сам, ино его казнити торговою казнью. А не[7]) будет на нево довода, и в обыску про нево лиха не скажут, — ино татиным речем не верить, дати ево на поруку.

(8). **58.** А на кого взмолвят дети боярские, человек десять или пятнатцать добрые, или черных людей человек пятнатцать добрых или дватцать крестьян, по крестному целованью, что он тать, а доводу на него в прежних делех не будет, у кого крал или татьбу плачивал, — и на том взяти исцову гибель без суда, а ево дати на крепкую поруку. А не будет по нем крепкие поруки, ино его вкинути в тюрьму, и[9]) бес крепкие поруки его ис тюрьмы не выпустить[10]). А мошеннику такоже казнь, что [и][11]) татю; хто на мошеннике взыщет, и не доведут на него, — ино у ищеи иск пропал, а обманщика, как приведут, ино его бити кнутьем.

(8). **59.** А доведут на кого разбой, или душегубство, или ябедничество, или подписку, или иное какое лихое дело, а будет ведомой лихой человек, — и боярину велети того казнити смертною казнью, а исцово велети заплатить из ево статка. А что ево статка за исцовым останетца, — и то отдати в прогоны. А не будет у которого лихово статка, чем исцово заплатить, — и боярину тово лихово в ысцове гибели исцу не выдавать и велети его цареву и великого князя тиуну московскому да дворскому казнити смертною казнью, а боярину, и дьяку, и неделщику того не имати ничего.

(8). **60.** А на кого доведут татьбу, или душегубство, или иное какое дело, опричь розбою, в котором городе или в волости, а будет ведомой лихой человек, — и наместнику и волостелю велети того казнити смертною казнью, а исцово велети доправити из его статка. А что [ся][12]) от[13]) статков[13]) исцова останетца, — и наместнику и его тиуну то имати себе. А не будет которого лихово статка, чем[14]) ис-

цово заплатить, — и ему того лихого человека исцу в его гибели не выдати, а велети его казнити смертною казнью; а на исце наместнику, или волостелю, и их тиуном не имать ничего. А приведут кого в розбое, или на кого в суде доведут, что он ведомой разбойник, — и наместником тех отдавати губным старостам, а старостам губным, опричь ведомых розбойников, у наместников не вступатися ни во что, а тати судити им по [15]) царевым и великого князя [по] [16]) губным грамотам, как в них написано.

ГРАНЬ 9

О ГОСУДАРЬСКОМ УБОЙЦЕ, И О ГРАДЦКОМ ЗДАВЦЕ, И КОРОМОЛНИКЕ, И ЦЕРКОВНОМ, И ГОЛОВНОМ ТАТЕ, И О ПОДМЕТЧИКЕ, И О ЗАЖИГАЛЩИКЕ

Глава 61

(9). **61.** А государьскому убойце, и градцкому здавцу, и коромолнику, и церковному, и головному татю, и подметчику, и зажигалнику, ведому лихому человеку, живота не дати, казнити его смертною казнью. А будет ис тех кому лихому человеку истец, — и заплатити исцово из ево статка; а что его статка останетца за исцовым — и то отдати в прогоны. А не будет у которого лихово столко статков, чем исцово заплатить, — ино его исцу [1]) в его [2]) гибели не выдавати, казнити его смертною казнью.

ГРАНЬ 10

НАМЕСНИКОМ И ВОЛОСТЕЛЕМ, КОТОРЫМ ДАНО КОРМЛЕНИЕ БЕЗ БОЯРСКОГО СУДА, ХОЛОПЕЙ НЕ ВЫДАВАТИ, И БЕЗ СТАРОСТ И БЕЗ ЦЕЛОВАЛЬНИКОВ НАМЕСНИЧИМ ТИУНОМ НЕ СУДИТИ, И О СУДНЫХ [ДОКЛАДНЫХ] [8 1]) СПИСКАХ, ХТО ОБОЛЖИВИТ, И ПО НЕМ [2]) В ЫСЦОВЕ ИСКУ ПОРУКИ НЕ БУДЕТ, И ТАТЕЙ И ВСЯКИХ ЛЮДЕЙ БЕЗ ДОКЛАДУ НЕ СПРОДАТИ И КАК НАМЕСНИКОМ СУДИТИ ВСЯКИХ ЛЮДЕЙ, ОБЫСКИВАЯ ПО ИХ ЖИВОТОМ

Главы: 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73 [4])

(10) **66.** А намесником и волостилем, которые держат кормление без боярского суда, полных и докладных не давати, и холопа и робы без докладу не выдавати, и грамоты

беглые не давати, такоже и холопу и робе грамоты правые без докладу не давати. А которой намесник или волостель без боярского суда, а выдаст холопа или робу без докладу, и правую грамоту даст, — и та грамота не в грамоту. А что государь того холопа или робы убытка своего скажет, — и то взяти на судье вдвое, а исцом суд з головы.

(10). **67.** А тиуном наместничим на кормление государю на холопа и холопу на государя правые грамоты без докладу не давати. А которой тиун государю на холопа или холопу на государя даст без докладу [5]) правую грамоту, — и тому холопу, которой возьмет правую грамоту на государя, дати суд з головы, да то дело по суду и кончати; а наместнича или [6]) волостелина тиуна до [царева] [7]) государева указу вкинути в тюрьму, а убытки все правому взяти на тиуне; а даст тиун государю на холопа правую грамоту без докладу,. и та [правая] [8]) грамота не в грамоту, а дати суд з головы.

(10). **68.** А которому намеснику дано кормление город с волостми, или ему даны в кормление волости, а [в] [9]) которых волостех наперед сево старост и целовалников не было, — и ныне в тех во всех волостех быти старостам и целовальником. А случитца кому ис тех волостей перед намесником или пред его тиуном искати или отвечати, — и в суде быти у намесников, и у волостелей, и у их тиунов тех волостей старостам и целовальником, и которые волости хто ищет или отвечает, а судные дела писати земскому дьяку [10]) тое же волости. А без старост и без целовальников намесником и волостелем, за которыми кормление [з боярским судом, и за которыми кормления] [11]) без боярского суда, и их тиуном також не судити, и посула в суде намесником и волостелем и их тиуном не имати.

(10). **69.** А пришлет намесник, или волостель, или их тиун судной список к докладу, и будет ищея или ответчик у докладу список оболживит, — и послати на правду по дворского, и по старосту, и по целовальников, которые у того дела в суде сидели, да велети им того дела противень с списка намеснича или волостелина [12]) дьяка [12]) руку, с намесничьею или с волостелиною печатью, на исправу с собою привести. Да будет те судные мужи скажут, что суд таков был, и руки у списка их, и противень будет намеснича или волостелина дьяка с тем судным списком зем-

ского [13]) дьячка рукою сойдетца слово в слово, и тем тот виноват, хто список лживил [14]), и список на него подписати. А скажут судные мужи, что суд был, да не таков, и список не земского дьячка рука, и рука скажут у [15]) списков не их [15]), и противень будет наместнича или волостелина дьяка [16]) с судным списком не слово в слово, — и по тому списку исцов иск взяти на суде; а пеня судье сверх того, что государь царь и великий князь укажет. А будет скажет дворской, и судные мужи, и староста, и целовальники, которые грамоте умеют, что суд был таков, и руки у списков их, а те судные мужи, которые грамоте не умеют, с ними рознят, а скажут, что суд был да не таков, а которой противень наместнича или волостелина дьяка рука положат, — и тот противень с судным списком не слово в слово, и тем судья виноват, и судные мужи, которые по списку такали, и взяти исцов иск на судье и на тех судных мужех, которые по списку такали, а пеню сверх того, что государь укажет. А не станет ищея за списком или ответчик на срок, а довотчик на него запись поручную положит, — и того, которой не [17]) стал [17]) по довотчикову слову, — обвинить, а подписати на него список за сто верст по сроце семым днем, а дале ста верст, или ближе, ино подписывати списки после сроку по тому же росчету.

(10). **70.** А кого наместничи или волостелины люди учнут давати на поруку от кого до суда или после суда, и по ком поруки не будет, и наместничим людем тех людей являти в городе прикащиком [18]) городовым [18]), да дворскому, и старосте, и целовальником, которые у наместников [19]), и у волостелей, и у их тиунов в суде сидят, а не являя тех людей, по ком поруки не будет, — и наместничим и волостелиным людем к себе не сводити, и у себя не ковати. А ково наместничи или волостелины люди, не явя прикащиком, да дворскому, да старосте, и целовальником, к себе сведут, да [20]) у себя его скуют, и хто тем людем род и племя придут на наместничих или на волостелиных людей к прикащику, и к дворскому, и к старостам, и к целовальником о том бити челом и являти, и прикащиком, и дворскому, и старостам, и целовальником, у наместничих и у волостелиных людей тех людей вымати; и ково у наместничих и у волостелиных людей выимут [21]) скована, а им не явлено, — ино на наместничих и на волостелине [22])

человеке [22]) взяти того человека бесчестье, посмотря [23]) по человеку. А чего тот на намесниче или на волостелине человеке взыщет, и тот иск взяти на нем вдвое.

(10). **71.** А намесником и волостелям, которые держат кормления [24]), и тиуном великого князя, и боярским тиуном, и детей боярских тиуном татя, и душегубца, и всякого лихово человека без докладу не спродати, ни казнити, ни отпустити. А хотя душегубца и всякого лихово человека отпустит, или ково без докладу спродаст и казнит, — и на том судье исцовы иски доправити вдвое; а в государево пене вкинути его в тюрьму до государева царева указу.

(10). **72.** А по городом намесником гороцких [25]) посадцких всех людей промеж их судити, обыскивая по их животом и по промыслом и по розмету, хто сколько рублев в-цареву и великого князя казну подати даст [26]), — по тому их обыскивая, судити и управа чинити. И розметные книги старостам и соцким, и десяцким, и всем людем с тех городов розметов своих, земьского дьячка руку за своими руками, ежегод присылати к Москве к тем бояром, и к дворецкому, и х казначеям [27]), и к дьяком, у кого будут которые городы в приказе, а другие книги своих розметов старостам и десяцким тех городов, где хто живет, отдати тех городов старостам и целовальником, которые у намесников в суде сидят. И хто тех городов гороцкие [28]) посадцкие люди учнут промеж себя искати много не по своим животом, и про тех исцов сыскивати [29]) розметными книгами, сколько он рублев своего живота в подати дает, и будет живота его столко есть, на сколько ищет, ино ему суд дати; а будет живота его столько нет, и тех исцов в их искех тем [и] [30]) винити, и пошлины имати по Судебнику; а в цареве [31]) государеве [31]) пене велети дати [32]) на поруку [32]), да прислати к [33]) Москве к государю [33]). А гороцким посадцким людем искати на намесниках и на их людех по своим животом, и по промыслом, и по розмету; а которого города старосты и целовалники розметных книг к Москве не пришлют, и в том году на намесника суда не дати. А по волостем волостелем судити чорных людей по их жалобницам, и управа им чинити безволокитно; а хто взыщет много не по животом, и ответчик учнет бити челом, а скажет, что тот истец ищет много, а живота его столко нет, на колко ищет, и тем волостелем посылати о том, выбираючи тех же

волостей лутчих людей да целовальника одного, или дву, посмотря [34]) по делу, а велети про то обыскати накрепко, было ли живота его столко, на колко ищет. И скажут в обыску, что живота его столко было, и в том ему дати суд; а скажут в обыску, что живота его столко не было, ино его обвинить и пошлины на нем взяти; а в государеве пене и в ябедничестве дати его на поруку, да прислать с обыскным списком к Москве.

(10). **73.** А которой человек скажет, что у него был чюжей живот, и того обыскати, был ли у него чюжей живот, и было ли столько того живота. И чей скажет тот у него живот был, ино про то обыскати, было ли у него столко живота, и которым обычаем тот у [35]) него живот [35]) взят. Да по тому дело вершить.

ГРАНЬ 11

ХТО ПОШЛЕТ ПРИСТАВА ПО НАМЕСНИКА

(11). **75.** А хто пошлет пристава по намесника, по боярина, или по сына боярского, или по волостеля, и по их тиунов, и по царя, и великого князя тиуна, и по девотчиков, — и намесником, и волостелем, и их тиуном, и царя и великого князя тиуном и довотчиком отвечати к сроку ехати. А не поедут к сроку сами, — и им к сроку в свое место послати к ответу. А не приедут сами к ответу и в свое место ответчика не пришлют и после сроку за сто верст в семой день, — ино тех обвинити, исцовы иски по жалобницам и неделщиков езд на тех доправити, да отдать иск ищеям. А [1]) срочных по приставным на намесников, и на волостелей, и на их тиунов не наметывати, а из далних городов росчитати по верстам по тому же росчету. А з записми не посылати никуды, опричь ведомых розбойных дел, и намесников, и волостелей, и их тиунов, и их людей, опричь приказных людей, в которых делех велит государь дати запись. А приставов з записми по намесников, и по волостелей, и по их тиунов ждати; а велеть им срок чинити, как сьедет з жалованья, опричь тех записей, которую запись велят дати бояре, приговоря вместе, а одному боярину и дьяку пристава з записью не дати.

ГРАНЬ 12

О ХОЛОПЕ И НАЙМИТЕ И [О] [1]) ОТПУСКНЫХ

Главы: 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 100, 116, 117, 148, 149, 150, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 160, 162, 165

(12). **76**. А о холопстве суд. По полной грамоте холоп, по ключю по селскому з докладною холоп з женою и з детми, которые одного государя с ними в одной крепости, и которые породилися в холопстве; а которые дети родилися до холопьства, учнет жити у иного государя, или учнут себе жити, то не холопи. А по гороцкому ключю не холоп; по робе холоп, по холопе роба, а по духовной холоп, по приданой робе холоп, по холопе роба. А по тиунству бес полные и без докладные не холоп. [А по сельскому ключу без докладные не холоп] [2]). А полному и докладному холопу сына своего свободного, которой ся у него родил до холопства, не продати; продасться он сам, кому хочет, тому же ли государю, у ково отец ево и мать служит, или иному хочет. А отцу его и матери у полные не стояти, и ис холопьства не взяти по тому, что отец его и мать сами в холопех, да и в полных, и в докладных пописати, что отец у него и мати есть, а у полные не стояли по тому, что сами в холопех. А у ково отец в черньцах или мать в черницах, и тому отцу и матери у своего сына и у дочери у полные и у докладные не стояти же, и ис холопства не взяти, а в полные и в докладные писати, что отец у него и мати есть, а у полные и у докладные не стояли по тому, что пострижены, да и не продавати им детей своих, продасться сам, кому хочет.

(12). **77**. А которые люди волные [3]) почнут бити челом князем, и бояром [4]), и детем боярским, и всяким людем, а станут на себя давати кабалы, а за рост служити, и болши пятнатцати рублев на серебряника кабалы не имати. А старые кабалы, которые иманы на волных людей болши пятинатцати рублев до сего уложения, а за росты в тех деньгах у них служить, и тем людем те кабалы приносити бояром, и бояром к тем кабалам печати свои прикладывати, а дьяком подписывать; а впредь хто кабалу оболживит, и та кабала вершити по суду. А имати им кабалы на волных

людей; а на полных людей, и на докладных, и на старинных холопей кабалы не имати. А хто возмет на полного, или на докладного, или на старинного холопа кабалу, не опытав, или хто на него беглую грамоту возмет; а хто на того холопа положит полную, или докладную, или доведут на него старинное холопство по духовной грамоте и по иным крепостям, и у того деньги пропали. А чей холоп был, а скажетца тот, что от него збежал, покрадчи[5]), тот холоп и гибель взяти на том, хто, не обыскав чюжего холопа, кабалу или беглую возмет[6]), а тот холоп по старому холопьству, или полной, или по духовной тому государю.

(12). **78.** А положит на одного холопа две полные или две докладные, и которая будет старея, и тому тот холоп; а деньги по новой полной и по докладной у того пропали. А снос старого государя взяти на том, хто положит новую полную или докладную, а тот[7]) ся ведает с своим знахарем сам; а станет тот на того знахоря бити челом о суде, ино на него дати суд.

(12). **79.** А холопа полонит рать, а выбежит ис полону, — и он свободен, а старому государю не холоп. А похочет тот холоп к старому своему государю, — и того холопа явити бояром, и дьяком подписывати на старой крепости, а пошлины имати з головы по алтыну. А которой холоп побежит з государем своим, или один побежит без государя своего, а не рать полонит, и выйдет[8]) тот холоп ис которые земли опять к Москве, и он старому государю холоп по старому холопству, опричь того, нечто кому государь пожалует, даст вольную грамоту.

(12). **80.** Детей боярских служилых и их детей, которые не служили, в холопи не приимати никому, опричь тех, которых государь от службы отставит.

(12). **81.** А хто займет сколко денег в росты, и тем людем у них не служити ни у кого, жити им себе, а на деньги им рост давати, хто даст денег в заем в рост, да того человека станет держати у себя, и збежит от него тот человек, пократчи, или что снесет, то у него пропало[9]), а по кабале денег лишен.

(12). **82.** А наймит у[10]) государя не доживет[10]) сроку своего, а пойдет прочь, — и он найму лишен. А которой государь наймиту не захочет дать найму, и уличат ево в том наймите, и на том доправити наем вдвое.

(12). **100.** Лета 7064-го октября в 11 день по памяти с приписью дьяка Ивана Безсонова, царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии приговорил со всеми бояры, и приказал бояром, которые люди учнут у кого служити доброволно бес крепости, а пойдут от них прочь с отказом, или без отказу, и те люди, у которых они служили, учнут на них искати сносов, на сколко нибуди, — и тем людем у которых служили, на тех людей суда не давати по тому, что у него служил доброволно, и он его не хотя от себя отпустити, да на нем ищет сносу, что у него пропало, то у себя потерял того для, что доброволному человеку верил, и у себя его держал бес крепости. И бояре в сесь Судебник велели написать, да и в городы к выборным головам послати, чтоб они о доброволных людех судили по сему приговору.

(12). **116.** Да написати в Судебник к Холопью суду, которому холопу дадут отпускную з боярского докладу, или у ково старая отпускная без боярского докладу, — и тем холопем по старым крепостям у своих государей не служити. А станет которой холоп служити с отпускною у старого государя, — и та его отпускная не в отпускную.

(12). **117.** А хто ищет полоняника в холопи, которого полону ни буди, и утяжет его многими людми свидетели, — и тот его полоняник до его живота, а детем его не холоп; а будет дети ево полоняника, — и те полонениковы дети ему не холопи, и детем ево не холопи же. А которой полоняник возьмет робу, или какову крепость на себя дасть, — и тот полоняник, как и прочей холоп.

(12). **148.** А отпускные давати з боярского докладу, а бояром к тем отпускным печати свои прикладывати, а дьяком подписывати. А отпускные давати на Москве, да в Великом Новегороде, да во Пскове намесником да дьяком, а пошлины имати от отпускные боярину или намеснику от печати з головы до девяти денег, а дьяку от подписи з головы по алтыну, а подьячему, которой отпускную пишет, з головы по три деньги. А опричь Москвы, да Великого Новагорода и Пскова, инде нигде ни в которых городех отпускных не давати. А хто положит отпускную без боярского докладу и без новгородцких и [безо] [11]) псковских намесников докладу, и без дьячей подписи, хотя и государя своего рука, и та отпускная не в отпускную.

(12). **149.** Лета 7067-го ноября в 30 день, приговорил царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии з бояры, которые люди учнут впредь искати людей своих в холопи по полным и по докладным, или по холопе робы, или по робе холопа, и сносу, и те холопи перед судьею учнут оттягиватися от того холопьства, и хто тех холопей с суда выручит, и за порукою тот холоп збежит, — и в том деле иск ищеин весь и пошлины имати на порутчикех, хто по холопе поруку держит. А за холопью голову за всякую взяти по четыре рубли на порутчике. А на холопа, хоти еще государь не довел холопства, — и тот холоп тем [и] [12]) виноват, что збежал, присудити ево в беглые, где ево ни найдет, тут ево изымав [13]) холопи [14]) и бес пристава; а те деньги, что взял на порутчике за тех своих холопей, назад ему, порутчику, не отдавати, те деньги ему же.

(12). **150.** А которые люди вперед учнут наряжати на волных людей полные или докладные, стакався с таможники, а в том на них доведут, — и тех людей и таможников казнити смертною казнью, как и головного татя.

(12). **153.** Лета 7067-го сентября в 1 день, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии приказал казначеем о суде сентября 1-го числа, которые люди у кого учнут займовати денег [15]), и кабалы на себя учнут давати, за рост служити.

(12). **154.** А хто на ком взыщет по служивой кабале, и ответчик кабалу оболживит, а скажет, что он сына боярского служивого сын, и про то государь велит сыскати, будет тот человек, который кабалу оболживил, сына боярского служивого сын, лет болши пятинатцати, а службы будет государевы не служит, и в десятне не написан, а та будет на [16]) него кабала [16]), по которой на нем взыщут, писана в тех летех, как ему минуло пятнатцать лет, — и по тем кабалам [государь] [17]) приговорил и на детей боярских суд давати, и вершить дело по новому Судебнику.

(12). **155.** [18]). А хто на кого положит служивую кабалу, а будет тот человек сына боярского служивого сын, а менши пятинатцати лет, — и те кабалы государь приговорил отставливати, и суда по тем кабалам давати не велел, а велел государь те кабалы вершить по своему государеву прежнему уложенью по новому Судебнику.

(12). **156.** Да государь же приговорил, хто боярской человек поимает на Москве какова человека ни буди, а назовет его государя своего холопом, или скажет изымал кого по заказу чьему, а того не скажет, какая у государя его на того человека, кого поимает, крепость, или в кольких рублех кабала, или про татбу имянно не скажет, чего на нем, опричь крепостей, искати, да учнет просити срока до государя своего, или в чье место поимал, с крепосми поставити, — и государь приговорил тех людей, кого хто поимает, дать на поруку по кабале в пятинатцати рублех, а в кабале или в крепости дати тому человеку, хто поимает, на сто верст семь дней. А будет государя своего скажет в поместье, или в вотчине, или на службе дале ста верст, ино срок давати по тому же росчету, на сто верст по семи ден. А как на срок тот человек, хто поимал, кабалу или иную какую крепость ни буди положит, ино суд давати, и вершити по Судебнику. А будет положит крепость или кабалу меньши пятинатцати рублев, ино суд дати да по суду, и управа учинить. А в том не винити, что дан на поруку в крепости в пятинатцати рублех. А положит кабалу, или какую крепость ни буди болши пятинатцати рублев, — и в том ему суда на тово человека не давати, которого он имал. А про крепость и про иск имянно не сказал, — да положит [19]) на него крепость или кабалу болши пятинатцати рублев.

(12). **157.** Доложити государя царя и великого князя, которые полоненики которые земли ни буди, и иноземцы в государеве имени, и которые иноземцы которых земель ни буди, и службу государеву служили и дети их, а хотят креститися, и те новокрещеные, которые живут по монастырем, или кому отданы држати, да как крестився, похотят в службу кому бити челом, а государю в службу те новокрещены не пригодятца, или которые от службы отставлены, и тех новокрещеных волно ли кому в службу приняти, и крепость на него взяти, и о том государь, как укажет.

Лета 7067-го сентября в 1 день, царь и великий князь сего докладу слушал, и приговорил со всеми бояры: которые полоняники и которых земель ни буди и служилых иноземьцов дети крестятца, а государю в службу не пригодятца, и которые службу государеву служили, да от службы отставлены, а похотят кому в службу бити челом, и полную, или докладную, или кабалу, или какую крепость

ни буди похотят на себя дати, — и кто новокрещена учнет к себе в службу приимати, и того новокрещена в службу приимати, а крепость на него взяти с казначеева докладу, да того новокрещена и крепость своя и в книги записати у казначея.

(12). [**158**][19]). А хто новокрещена примет к себе в службу[20]), и крепость на него возмет какову ни буди без казначеева ведома, и в книги у казначея не напишет, и взыщет на том новокрещене по какой крепости ни буди сносу, — и те крепости государь приговорил отставливати, и в сносех на тех новокрещенов суда не давати никому, хто бес казначеева докладу новокрещена примет, и крепость на него возмет. А которые люди новокрещенов к себе приимали и крепости на них имали без докладу до сего приговору, — и государь приговорил тех новокрещенов приводити х казначеем, да тех новокрещенов и крепости свои у казначеев записывати в книги.

(12). **160.** Которые отпускные без боярские печати и без дьячьи руки в прежних летех даваны до уложенья, — и те отпускные в отпускные ли? И государь указал, что с отпускною у того государя не служити.

(12). **162.** На которых людех ищут по кабалам заемных денег, за рост служити, а на иных сносов, а заимьщики по кабалам и в сносе скажут не виноваты, а иные вины судом дойдут, а доправити на тех ответчикех исцовых исков по кабалам и сносов не мочно, — и тех людей исцом[21]) выдают головою[22]) до искупа. И иные ответчики ис тех сами бьют челом, а хотят исцом в тех искех давати на себя крепости полные и докладные.

И лета 7069-го октября в 15 день, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии указал: хто на ком ищет по кабалам заемных денег, или за рост служити, да[23]) сносов, и заимьщики, которые почнут в ысцовых искех по кабалам и в сносех винитися, или в которых исцовых искех судом обвинят, а доправити будет исцовых исков не мочно, и поруки и переводу по них в ысцовых искех не будет, — и тех ответчиков велел государь исцов выдати в ыскех головою до искупа, а в полные и в докладные тем ответчиком исцом своим не продаватися.

(12). **165**[23]). Лета 7105-го февраля в 1 день государь царь и великий Федор Иванович всеа Русии приговорил

со всеми бояры о холопех о полных, и о докладных, и о кабалных людех. Которые люди на Москве и по городам служат в холопстве у бояр, и у князей, и у дворян, и у приказных людей, и у детей боярских, и у всяких служивых людей, и у гостей, и у всяких торговых людей по полным, и по купчим, и по докладным, и по всяким крепостям, и по кабалам, по старым и по новым записным кабалам, и от кого полные которые холопи и кабальные люди побежали, и бояром имяна своих холопей и на них крепости прислати. А князем, и дворяном, и приказным людем, и детем боярским, и всяким служилым людем, и гостем, и всяким торговым людем своих холопей имяна и на них крепости принести в Холопей приказ да тех холопей имяна, которые у государей своих служат и которые холопи от кого збежали, и на них крепости старые, полные, и купчие, и докладные, и всякие крепости и кабалы старые в Холопье приказе записывати в книги. А тем всяким холопьим крепостным [24]) книги быти за дьячьею рукою болшого для укрепленья. А пошлин с старых кабал и со всяких крепостей не имати.

А приговорил государь со всеми бояры Московского государьства всяким людем холопьи имена и на них крепости всякие записывати с нынешняго нового уложенья бессрочно. А ближних городов дворяном, и детем боярским, и всяким служивым людем имяна холопьи и на них крепости всякие писати в год. А которые князи, и дворяне, и дети боярские, и всякие служилые люди на государевых на далних службах в Астрахани, и на Тереке, и на Сунше, и в Сибирьских городех, — и тем князем, и дворяном, и детем боярским, и всяким служилым людем в ыменах холопьих и в крепостях дати сроку на три года; и которые люди скажут: служат в холопстве у бояр, и у князей, и у дворян, и у детей [25]) боярских, и у всяких торговых людей по полным, и по купчим, и по рядным полные люди, — и те люди и жены их и дети в холопстве тем своим государем и их детем по прежнему государеву Уложенью по Судебнику. А у кого на холопа или на робу была полная или докладная или у кого по рядным, или по докладным, или по духовным грамотам, и по иным старинным крепостям холопи служили, а те будет у них полные, и докладные, и рядные, и даные, и духовные, и всякие старинные крепости

в московской пожар в прошлом в 79-м году и после того в ыные пожары погорели, или будет иным каким обычаем те у них крепости утерялись, и в том у них даваны явки, и явки сыщут, а крепости на тех людей нет, — и тем людем на тех своих крепосных и на всяких старинных людей по прежнему государеву приговору 101-го году с марта имати в службе новые крепости. А которых всяких крепосных холопей государи их, отходя сего света, от себя велели отпустить и отпускные им давали, — и те холопи по тем отпускным впредь свободны; и женам и детем их впредь до тех холопей дела нет. А которые люди до государева уложенья в прошлых годех, до лета 7094-го июня до 1-го числа, били челом в службу бояром, и дворяном, и приказным людем, и детем боярским, и всяким служилым людем, и гостем, и всяким торговым людем, и кабалы служилые на себя давали, а в книги до того в приказе Холопья суда те служилые кабалы не писаны, — и которые люди з государева уложенья лета 7094-го июля с 1-го числа били челом в службу бояром, и князем, и дворяном, и приказным людем, и дьяком, и детем боярским, и всяким служилым людем, и гостем, и всяким торговым людем, и кабалы служилые на себя давали на Москве з докладу Холопья суда и во всех городех с ведома приказных людей, и в записных московских кабалных книгах и в городех те служилые кабалы записываны до нынешняго государева нового уложенья 105-го году февраля по 1-е число, и которые люди вперед, лета 7105-го февраля с 1-го числа, били челом [26]) и вперед учнут бити челом в службу бояром, и князем, и дворяном, и приказным людем, и детем боярским, и всяким служилым людем, и гостем, и всяким торговым людем з докладу Холопья суда и во всех городех с ведома приказных людей, и в московских в записных в кабалных книгах и в городех у приказных людей те служилые кабалы будут записаны, и те все люди и жены и дети в тех служилых кабалах писаны в службу государем своим по тем служилым кабалам по старым и по новым, быти в холопстве, как и по докладным. А от государей своих им не отходить, и денег по тем служилым кабалам у тех холопей не имати, и челобитья их в том не слушати по старым кабалам. А выдати их тем государем по тем кабалам в службу до их смерти. А у которого записного человека у кабалного кото-

рая кабала старая и новая по новому уложенью записана в книги, а в том кабалном холопстве у кого родитца сын или дочь, — и те их дети тем своим государем в холопи против докладных людей и по государей своих смерть, как и отцы их. А женам после мужей своих и детем после отцов своих до тех кабалных записных людей и до их детей, которые дети в кабалах будут писаны и которые дети в том кабалном холопьстве родятца, дела нет и денег по тем отцовским кабалам на тех кабалных холопех женам и детем не указывати. А которая служивая кабала на холопа или на робу у которого государя старее, или будет те оба государя живут одном городе, а возьмет на нево ж кто, ведая, новую служивую кабалу, будет украдом тое служивую кабалу и в книги запишет, — и тех людей и жены их и дети по тем по старым служилым кабалам отдавати прежним их государем. А по новой кабале денег не имати. А которой государь [27]), поимав, приведет к Холопью суду своего кабалного человека или робу, а кабала будет Холопья суда в записных книгах записана, — и того холопа и робу по записной кабале отдавати в холопство тому его государю, а в сносе дати суд. А которые кабалные люди учнут на себя полные и докладные давати, — и тех кабалных людей отсылати с татями и с кабалами постелничему и наместнику трети московские. А которые кабальные люди, став, скажут, что они служили преж сего по кабалам, а ныне на себя дают полные и докладные, да, постоя тут же, скажут, что полные на себя не дают, — и тех кабалных людей присылати в Холопей приказ и, записав в книги, отдавати тех кабалных людей по прежнему в холопи по их кабалам, по которым повинятца, старым их государем.

А о волных людех государь приговорил со всеми бояры: которые люди на Москве и по городом служат у кого доброволно, и тех волных людей ставити в Холопье приказе с теми людьми, хто у ково служит доброволно, да тех волных людей роспрашивати, сколь давно хто у ково служит доброволно и кабалу на себя даст ли. И которые люди волные послужили у кого недель пять и шесть, а кабал на себя дати не похотят, — и тех людей отпущати на волю. А хто скажет, послужил у кого доброволно с полгода и болши, а кабалы на себя дати не захочет, а сыщут, что тот доброволной холоп у того человека служил с пол-

года, — и на тех волных холопей служилые кабалы давати и челобитья их в том не слушати, потому что тот человек того доброволного холопа кормил и одевал и обувал. А которой государь того доброволного холопа, однолично мимо того государя никак не приимать. А хто того доброволного холопа мимо нынешнее новое государево Уложенье примет, — и тех добровольных холопей, сыскав, отдавати со всем старым их государем, у кого хто жил доброволно, а в сносе давати суд и управа по государеву указу.

ГРАНЬ 13

О ЗЕМЛЯХ ПОМЕСНЫХ И О ВОТЧИНАХ, СТАРИННЫХ, И ЗАКЛАДНЫХ, И О МОНАСТЫРЬСКИХ, И О ОГОРОДЕ, И О МЕЖАХ, И ГРАНЕХ, И УГОДЬЯХ, И О ВЫКУПЕ

Главы: 83, 84, 85, 86, 119, 120, 121, 122, 125, 126, 139, 140, 164

(*13*). **83.** О землях суд. Взыщет боярин на боярине, или монастырь на монастыре, или боярин на монастыре, — ино судити за три годы. А взыщет монастырь на боярине, — ино судити за три ж годи; а дале трех годов не судити. А взыщет чорной на чорном, или помещик на помещике, за которыми землями государя царя и великого князя, или черносельской на помещике, или помещик на черносельском, — ино судити по тому ж за три годы; а дале трех годов не судити. А взыщет на боярине или на монастыре царя и великого князя земли, — ино судить за шесть лет; а дале не судити. Которые земли за приставом в суде,— и те земли досуживати, а государю и бояром и всем приказным людем по ищеину челобитью судьи на землю не посылати, а посылати судью на землю, выбрав одного не по их челобитью, а дву судей на землю не посылати.

(*13*). **84.** О вотчинах суд. Кто вотчину продаст, — и детем ево и внучатам до тое вотчины дела нет, а не выкупити ее им. А братья будет или племянники в тех купчих послуси, — и им, и их детем, и внучатом до тое вотчины дела нет по тому же. А не будет братьи в послусех, или племянников, — и братья, или сестры, или племянники ту вотчину выкупят. А станет тот купец ту вотчину продавати, — и тем продавцом у них та вотчина купити полюбовно, как ему тот продавец ту вотчину продаст. А не

полюбовно ему вотчины не выкупати. А судити о вотчине за сорок лет. А далее сорока лет вотчинником до вотчины дела нет [а до купель дела нет] [1]). Хто куплю продаст, — и детем и братьям и племянником те купли не вкупати. А хто напишет свою куплю детем своим после своего живота, — ино им та вотчина, то им держати в вотчину, и вперед им та вотчина выкупати по тому ж указу за вотчину. А хто вотчину свою выкупит в те урочные свои сорок лет, — и та ему вотчина держати за собою. А иному ему тое вотчины не продавати, ни заложити в чюжей род, а отдати ему вотчина в свой род тому ж, ково в прежних купчих в послусех нет. А хто купит вотчину чюжими деньгами, или заложит, или продаст, а доведет на него продавец, что он выкупил чюжими деньгами, и держит ее за собою, — и та вотчина прежнему продавцу безденежно. А хто хочет вперед свою вотчину мимо вотчичев заложить у стороннего человека, — и тем сторонним людем, не вотчичем, те вотчины в заклад имати, в колко чево та вотчина стоит. А возмет кто стороннеи человек, а не вотчич вотчину в заклад болши тое цены, чево вотчина судит, и хто вотчич учнет бити челом, что закладывает, или уже заложил в чюжей род, — и тому вотчичю та вотчина взяти на выкуп, в меру чево та вотчина судит [2]). А што [3]) тот денег в займы дал лишек болши тое цены, чево та вотчина судит, — и у того те деньги [4]) пропали. А хто свою вотчину применит не вотчичю, а примет денег, и хто вотчич учнет ту вотчину выкупать, — и тому та вотчина выкупить, а земли ему оставить меру, сколко он своей земли променил.

(*13*). **85.** Промеж сел и деревень городити огорода по половинам, а чьею огородою учинитца протрава, — и тому платити, чья огорода. А где отхожие пожни от села и от деревень, — и поженному государю не городитца, городити вся огорода, чья к пожням земля ораная пришла. А хто вытравит какой хлеб или пожню, — и тот хлеб и пожня платити [5]) тому, чья огорода.

(*13*). **86.** Хто сорет межи или грань ссечет ис царевы и великого князя земли у боярина или у монастыря, или боярские у монастыря, или монастырьские у боярского, и хто в тех межу сорет или грань ссечет, — ино того бити кнутьем, да исцу на нем взяти рубль;

а крестьяне меж себя в одной волости или в селе хто у кого межу переорет или перекосит, и волостелю или посельскому имати на нем за боран два алтына.

(*13*). **119.** Лета 7065-го майя в 1 день, царь и великий князь Иван Васильевичь всея Русии приговорил с отцом своим с Макарием митрополитом всеа Русии, и со архиепископы, и епископы, и со всеа собором, что вперед архиепископом, и епископом, и монастырем, бес царева и великого князя ведома и без докладу, вотчин не покупати ни у кого, а князем, и детем боярским, и всяким людем вотчин без докладу не продати же. А хто купит или продаст без докладу вотчину, — и у тех, хто купил, деньги пропали, а у продавца вотчина взяти на государя царя и великого князя безденежно.

(*13*). **120.** А которые люди напред сего и по ся места вотчины свои монастырем давали по своих душах и родителей своих по душах в вечной поминок, или которые вперед учнут потому ж вотчины давать в вечной же поминок, — и тех вотчин у монастырей никому ж никак не выкупать. А которые люди вотчины свои в монастыри по ся места давали, да и вперед которые учнут вотчины свои в монастыри давати, а напишет хто в духовных и в даных и всяких крепостях, кому будет их вотчины роду, и их роду искуп дадут [столько] [6], сколко в духовной или в ыных крепостях написано дати искупу, — и те вотчины вотчичем по духовным и по даным крепостям по старине по тому ж указу, как было преж сего при великом князе Василье Ивановиче всеа Русии.

(*13*). **121.** А которые царева и великого князя помесные и черные земли задолжали у детей боярских и у крестьян и насильством поотнимали владыки и монастыри, или которые земли писцы, норовя, владыком же и монастырем подавали, а называют владыки и монастыри те земли своими, а иные починки поставлены на государевых землях, — и того сыскати, чье земли изстари, за кем те земли учинити.

(*13*). **122.** А которые села, и волости, и рыбные ловли, и всякие угодья, и оброчные деревни после царя и великого князя Василья бояре подавали архиепископом [и епископом] [7]), и монастырем, — и того сыскав, учинити, как было при великом князе Василье.

(*13*). **125.** А что исстари по Уложенью[8]) великого князя Ивана Васильевича всеа Русии [и по Уложению великого князя Василья Ивановича всея Русии][9]), во Твери, и в Микулине, и в Торшку, и в Оболенску, на Белеозере, на Резани, мимо тех городов людем вотчин не продавати, и по душам в монастыри без докладу не давати. А суздальские князи, и ярославские князи, да стародубские князи, без царева и великого князя ведома вотчин своих мимо вотчичь не продавати никому же, и в монастыри по душам не давати. А ныне, де, в тех городех князи и дети боярские в монастыри вотчины продавали, и по душам давали. И вперед во Твери, и в Микулине, на Белеозере, на Резани, в Обленску иногородцом вотчин и купель не продавати, и суздальским князем, и ярославским, и стародубским князем вотчин своих бес царя и великого князя ведома не продавати, и по душам не давати. А хто вотчину свою бес царя великого князя ведома чрез сесь указ кому продаст, — и у купца деньги пропали, а вотчичь вотчины лишен. А хто бес царева и великого князя ведома в сех городов во Твери, и в Микулине, и в Торшку, и в Оболенску, на Белеозере, на Резани, да суздальские и ярославьские князи, да стародубские князи, в которой монастырь хто даст по душе[10]) без государева докладу, — и та вотчина у монастырей имати на государя безденежно. А которые отчины свои по душам в монастыри до сего приговору давали без государева ведома, — и те вотчины имати на государя, да за них по мере деньги платить, да те вотчины отдавать в поместье. А кто[11]) без государева ведома в которой монастырь вотчину свою даст по душе, — и та вотчина у монастыря безденежно имати на государя. А которые вотчины свои в монастыри по душам давали до сего государева приговору, и тем вотчинам вперед за монастыри быти по тому, что те вотчины даны в монастыри до сего государева приговору.

(*13*). **126**[12]). Лета 7065-го августа в 15 день, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии приговорил с своими бояры в Московских городех вотчичем, которые вотчичи выкупают вотчину под лесом, и под рощами, за землю цену платити как за пашенную землю, а за лес за всякой царь и великий князь велел цену уставити. А которые вотчичи учнут вотчину выкупати у монастырей по

духовным грамотам, а учнут будет бити челом о мере, а духовные будет подписаны и запечатаны, а будет преж того те духовные не вершены, и о том не били челом, что по духовной на вотчину цена написана велика от вотчичев, ухитряючи, и по тем духовным грамотам в духовной цена написана. А которые вотчичи бьют челом о том, докуды духовная не запечатана [13]) и не вершена, — и тем вотчичем давати на вотчину мерщиков, и выкупати вотчины по мере, чего вотчина стоит. А велел сесь приговор в Судебник написати.

(*13*). **139.** Лета 7066-го генваря в 11 день, царь и великий князь приговорил о закладных вотчинах, которые люди займовали деньги у кого ни буди, а в тех деньгах закладывали вотчины свои, в рост их пахати, — и тем людем, которые вотчины свои закладывали, а ныне будет мочно тем заимщиком платитися в те правежние [14]) пять лет, от лета 7066-го с Рожества Христова до лета 7071-го, по Рожество же Христово, тем людем платитися в ту же пять лет по государеву указу по росчету, в сколько [15]) у кого чья вотчина заложена. А взяти на заимщике на первой год заемных денег по росчету пятой жеребей, а вотчина отдати тому, хто закладывал. И вперед в том долгу велети платитись по годом до урочных лет беспереводно ежегод, и та вотчина закладная, кому из закладу какову вотчину дадут, держати за собою, доколе своему должнику выплатит, а у иного в ту же пять лет тое вотчины за рост пахати, ни заложити ни у кого, ни продати, ни променити, ни в приданые, ни по душе не отдати, доколе все деньги выплатит в ту пять лет, ежегод, по Уложенью, по годом, по росчету, — и на тех велети деньги правити по годом. А не мочно будет которым вперед в ту пять лет платити, — и у тех вотчины велети имати, да отдавати тем же людем назад в их деньгах пахати по старине. А хто возмет вотчину свою по сему государеву указу, и долгу своего заплатит тому, у кого займовал, на первой год пятой жеребей, а на весь год тое же свою вотчину взем из закладу, продаст кому иному, опричь того, кому он должен был, а долгу своего всего сполна, вотчину свою продав, не платит, — и на том заимщике велеть [16]) долг по кабалам правити весь сполна. А не будет того заимщика в лицах, — и те деньги по кабале велеть [17]) доправить на том,

хто у того заимщика тое закладную вотчину купил. А будет на том купце, опричь тое закладные вотчины, которую он купил, тех денег, у ково было заложена, за рост пахати, доправити не мочно, — и та вотчина того купца взяти, да отдать тому по его кабале, у кого она была в закладе за рост пахати; а тому купцу в его деньгах дати правеж на того, у кого [он] [18]) тое вотчину купил. А не мочно будет на том продавце денег его доправить, — и того продавца выдать ему головою до искупа. А не будет его в лицех, — и у того купца, которой закладную вотчину купил, деньги пропали по тому, купит вотчину, сыскивая в тех книгах, розсмотря, где вотчинные купли и закладные, у которых дьяков в книгах написаны. И вперед будет появитца продавец его в лицах, — и тому на него в его деньгах дати управа, как и во всяком долгу во всем правеже всегды.

(13). **140.** А хто ныне с Рожества Христова лета 7066-го захочет вотчину свою заложить, и за рост дать пахати, тому воля; а захочет выплачиватца в ту пять лет пятую выть, — и тем велети по тому же уплачивати пять вытей, и на кабале подписывати, а заимьщиком давати на тех пристава, что у них пятую выть имати, и вотчину держати за собою, доколе все деньги заплатит; а вотчичам в вотчинах давати управа по суду; а о выкупке закладной по тому же приговору да и по городом и прежним с ростовым приговором о сем государеве указе розсылати, чтоб государев приговор о ростех и о закладных вотчинах всем людем ведом был.

(13). [**164**] [18]). Лета 7089-го генваря в 15 день, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии с сыном своим с царевичем с Ываном Ивановичем, и со отцом своим со Антонием митрополитом всеа Русии, со всем освященным собором, и со всеми бояры приговорил о землях, которые за монастыри вотчины куплены, и вклад даваны, и грамота по тому приговору написана, и по той грамоте и по Уложенью в Поместной избе дьяком, и делати. Благоволением бога и отца, и поспешением сына, и содейством святого духа в тройцы славимаго бога нашего, и во единстве покланяемаго, милостию пречистыя и преблагословенныя владычица нашея богородица, молитвами и всех святых, повелением благовернаго царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, мы, преосвященный Антоней, митрополит

московский и всеа Руси, архиепископ Великого Новаграда и Пскова Александр, архиепископ Казанский и Свияжьский Еремея, архиепископ Ростовский и Ярославский Давыд, епископ Вологоцкий, и Великопермьский Варлам, епископ Суздальский и Торуский Варлам, епископ Резанский и Муромский Леонид, епископ Тверский и Кашинский Захария, епископ Коломенский и Коширский Давыд, епископ Сарский и Подонский Феодорит, архимарит Троицы Сергеева монастыря бывшей архимарит Феодосей, архимарит из Володимеря Рожественской Иаким, архимарит Спаской Нового Иев, архимарит Юрьевской из Великого Новагорода Мисайло, архимарит Чюдовской Христофор, архимарит Симановьской Гермоген, архимарит Андронниковской Еуфимей, архимарит Казанской Герман, архимарит Печерской из Нижнего Новагорода Иона, игумен Хутынской Деонисей, игумен Кириловской Козьма, архимарит Иосифовской Горицкой ис Переславля, архимарит Лужецкой Можайской Мисаило, игумен Богоявленской из-за Торгу Аврам, архимарит Богоявленской из Ростова Иосиф, архимарит Спаской из Ярославля Феодосей, игумен Пафнотьевъской Еуфимий, игумен Антоньевъской из Великого Новагорода Иосиф, игумен Соловецкой Варлам, архимарит Спаской из Суздаля Иев, архимарит Тверской Отроча монастыря Никандр, архимарит Возмицкой Селивестр, архимарит Даниловской ис Переславля Сергей, игумен Ферапонтьевъской, игумен Борисоглебской с Устья Антоней, архимарит Солочинской с Резани Пимин, игумен Прилуцкой с Вологды Ияким, игумен Троицкой Павлова монастыря Иван, игумен Глушицкой Андреян, игумен Колязинской ис Кашина Игнатей, игумен Корнильевьской Андреян, старцы живоначалныя Троицы Сергеева монастыря келарь Еустафей, старец Варсунофей, Кирилова монастыря старец Зиновей, Александр, Леонид, Пафнотьева монастыря старец Елисей, Осифова монастыря старец Измайло, да старец Гурей Ступишин, собрахомся в преименитом граде Москве некоих ради царьских вещей, и паки же от належащаго варварского прещения от Турскаго, и от Крымского, и от Нагайского, и от Литовского короля, с ним же совокупишася ярым [19]) образом Польша, Угры и немцы Лифляндские [20]), и други Свийские [21]), все совокупившеся [дивии звери] [22]), роспыхахуся гордостию, дмящеся,

хотяху потребити православие. Мы же их ради со благочестивым царем нашим поболехом зелне, и многая попечения о сем благочестивый царь наш с сыном своим с царевичем со князем Иваном, и с своими бояры, и со всем своим синглитом сотвори, яко довлеет его царьской власти. В них же и в нас внесена быша некая, и яко возложеная богови, села, и пожни, или иная земная угодия, яко же по священным епископиям, и по святым монастырем в пустошиях изнуряетца ради пьянственнаго и непотребнаго слабаго жития многообразне, многия же в запустение[23]) приидоша, яко же убо по монастырем сия запустеваху, а к тому от мирских живущее прилагаху, не токмо же по благословенней вине, но и со ухищрением и тяжею, и прибытка никоего же несть, но развее токмо по монастырем в пустошь изнуряется на пиянственныя и на иныя проторья, яко же не токмо иноком, но и мирских свыше потреб не подобает творити. И сия убо по монастырем в пустошь изнуряхуся паче потребы и воинственному чину от сего оскудения приходят велия.

И сего ради со благочестивым царем и великим князем Иваном Васильевичем всеа Русии, и с его царевичем со князем Иваном Ивановичем, мы, преосвященный Антоней, митрополит всеа Русии, со всем освященным собором, и со всем царьским синглитом, уложихом сице: да церкви божия, и священная места без мятежа будут, а воинский чин на брань против врагов креста Христова ополчатца крепцы, и сице устроихом. Да елико есть земель и земляных угодей, и елико недвижимых вещей, иже есть села, и деревни, и пожни, и сеножате[24]), что до сего данная и возложенная богови, в митрополие, и во епископьях, и по монастырем, да ничто же предваряется[25]) из митропольих, и из епископов, и из монастырей не исходит, и вотчины ни которым судом и тяжею у митрополита, и у владык, и у монастырей не емлют, и не выкупают. Хотя которые места и не утвердили крепостьми, — и того у монастыря не выкупати, и вперед с монастыри о вотчинах не тягатца. От сего дни вперед, з генваря месеца с 15-го числа, вотчинником вотчин своих по душам не отдавати, а давати за них в монастыри деньги, которые села чего судят; а село имати вотчинником, хотя хто и далеко в роду.

А будет у кого роду не будет ни дальняго, — и та вотчина имати на государя, а деньги за нее платити из казны.

А митрополиту, или владыкам, или монастырем земель не покупати, и в закладе не держати. А хто после сего Уложенья купит землю, или закладную учнет за собою держати, — и те земли имати на государя.

ГРАНЬ 14

О КНЯЖИХ ВОТЧИНАХ

Глава 163

Лета 7070-го генваря в 15 день, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии приговорил з бояры. Которые вотчины за князьми ярославскими, и за стародубскими, за ростовскими, за суздальскими, за тверскими, за оболенскими, за белозерскими, за воротынскими, за мосальскими, за трубецкими, за одоевскими, и за иными многими служилыми князьями вотчины их старинные [1]), и тем князем вотчин своих не продавать, и не менять, и за дочерьми своими, и за сестрами в приданые не давать. А которого князя бездетна не станет, — и те вотчины имати на государя. А которой князь напишет в своей духовной грамоте вотчину своей дочери, или родной своей сестре, и душу напишет с тое вотчины строити, — и тех вотчин дочерем и сестрам в приданые не давать, а давати в приданые, и души тех, чьи вотчины, поминати [2]) из животов их. А у которого князя живота его приданое, что за дочерью, или за сестрою его дати, и чем душа поминати, столко не будет, — и государь, розсудя по вотчине, что кому дати пригоже, велит дати из своей казны; а те вотчины велит государь имати на себя. А которой князь вотчину [3]) свою напишет [3]) брату своему родному, или двоюродному, или племяннику, своего родного брата сыну, или которому своему [4]) ближнему [4]) роду, опричь тех, как кому мочно меж себя женитися, — и государь того посмотря по вотчине, и по духовной, и по тех службе, кому которую вотчину напишет, указ учинити. А на котором князе останетца долг великой, а будет того вотчину велит взяти государь на себя, — и государь, розсудя по вотчине и по долгу, за ту вотчину велит долг платити из своей казны. А которого князя брата

его [5]), или племянника [его] [6]) пожалует государь тою вотчиною, и которая кому в духовной написана, или без духовные кого государь пожалует, — и тому с тое вотчины душу брата своего или дяди своего устроити, и в монастыри [7]) по нем давати. А у которого будет дочери или племянницы, — и за теми приданое давати с тое же брата или дяди своего вотчины, розсудя по человеку и по вотчине, или где как государь укажет что дати. А которой брат или племянник с тое вотчины брата или дяди своего души устроити, и в монастыри [8]) по нем давати, и за сестрами и за племянницами приданого давати не похотят, — и те вотчины устроити, и долг платити, и девкам приданое государь велит [9]) давати, розсудя по вотчине из своей государевы казны. А хто продаст тех князей свою вотчину кому сыну боярскому или какому человеку ни буди, опричь своей братьи и племянников, — и та вотчина взяти на царя государя безденежно.

А которые люди будет иногородцы [10]) у тех князей, после государя и великого князя Василия Ивановича всеа Русии до сего государева приговору лет за дватцать и за пятнатцать, вотчины покупили [11]) или в приданые поимали, — и те вотчины у тех людей поимати [12]) [на государя] безденежно. А которые люди вотчины покупали или в приданые поимали до сего государева приговору лет за пять, и за шесть и болши, а меньши десяти лет, — и тех государь, выписывая вотчины, велел себя докладывать, велит ли кому и что давати денег, или не велит. А что во Твери, и в Торшку, в Ярославле, на Резани, на Белеозере, на Романове изстари иногородцы [13]) вотчиных земель не покупали, а покупали, и в приданые меж собою и по душам давали тех же городов люди, в которых городех которых людей вотчина, а не опричных [14]) городов людем, и ныне царь и великий князь приговорил вотчины в тех городех тех городов людем меж себя покупати, и в приданые и по душам давати [15]), и меняти по тому ж, как было изстари. А которые люди иногородцы в тех городех вотчины покупали, и в приданые имали, или которые давали после государя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии, до сего государева приговору лет за дватцать и за пятнатцать, — и те вотчины у тех поимати на государя безденежно. А которые люди вотчины покупали или в приданые

имали без [16]) государева ведома, до сего государева приговору лет за пять, и за шесть и болши, а меньши десяти лет, — и тех государь, выписывая вотчины, велел себя докладывать, велит ли кому и что за вотчины давати денег, или не велит. А которых будет людей тех городов иногородцов купили, а держать будет их по государя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии, и по царя и великого князя, и прежних государей по грамотам, — и тем вотчинам за теми людми быти по старине. А которого князя не стало [17]) бездетна, а останетца у него жена, а напишет муж ее [18]) духовную, что из своей вотчины, — и ей на той вотчине жити до своего живота. А как ее не станет, — и та вотчина на царя и великого князя [а] [19]) душу ее велит государь из своей казны устроить. А которой будет князь напишет жене своей в духовную [всю] [19]) свою вотчину, а вотчина будет великая, — и государь [о] [19]) той вотчине указ учинит. А [20]) которой князь напишет своей жене духовную [21]), что из своей вотчины, а волна она ту вотчину продати, и променити, и по душе отдати, — и той жене жити на вотчине до своего живота; а после ее живота вотчина государя царя и великого князя. [А] [19]) которого боярина или сына боярского не станет бездетна, а ближнего роду и духовные у него не будет — и та вотчина государя ж царя и великого князя, а жене его ис тое вотчины государь учинит, как ей мочно прожити, а душу умершаго государь велит устроити из своей казны.

Да [в] [22]) 81-м году октября в 9 день, по государеву цареву и великого князя приказу, преосвященный Антоней, митрополит всеа Русии, архиепископы [23]), и епископы, и весь освященный собор, и бояре, князь Иван Федорович Мстиславской [24]) и все бояре приговорили. Которые вотчины княженецкие и боярские не давалися [25]) в продажю, ни в мену, ни в приданые, ни роду, ни по душе, у иных и [26]) родных братьи жеребей, которого брата не станет, — и тем вотчинам быти по старому государеву Уложенью, в тех во всех городех, про которые городы указ государев есть, про ярославьские, и про ростовские вотчины, и про оболенские, и про резанские, и про тверские, и про мосальские, и про все вотчины, и про княжецкие, про такие ж один приговор. А у которого боярина такие ж вотчины государьского данья, а не их старинные вотчины,— и те вотчины после того, которого [27])

не станет бездетна боярина, и та вотчина по царьской грамоте по жаловалной, какова грамота будет дана ему, и его жене, и его детем, и роду его, по тому и быти. А у которого будет в грамоте ему одному написано, — и после его та вотчина на государя; а не будет у кого [28]) государевы грамоты, — и такие вотчины после того, кого не станет, на государя, хоти у кого и дети будут.

А у которых вотчин вотчинники вымрут, — и те вотчины вотчинником отдавати ли, и по которое колено? И о том приговорили: которой брат родной умрет бездетен, а останутца у него братья родные, — и та вотчина родным братьям, и детем, и внучатом. А которой сын или внук умрет бездетен, — и те их жеребьи отдавати братьям их, которые останутца, и дядьям, и племянником, и внучатом; а дале внучат не отдавати вотчин роду. Которой внук умрет бездетен, а останутца братья его меж собою в правнучатах, — и та вотчина, тот жеребей, взяти на государя; а правнуку правнучьи вотчины не отдавати.

А о монастырьских вотчинах приговорили митрополит, и весь освященный собор, и все бояря: большия монастыри, где вотчины много, вперед вотчин не давати.

А которая будет отчина [и] [29]) написана, — ино ее в Поместной избе не записывати, а отдавати ее роду и племяни служилым людем, чтоб в службе убытка не было, и земля бы из службы не выходила. А у монастырьских вотчин вотчичем вперед не выкупати. А х которым монастырем к малым даст хто вотчину, у которых монастырей земель мало, — и те вотчины, доложа государя, записывати; а без докладу не записывати и без боярского приговору.

ГРАНЬ 15

О КРЕСТЬЯНЬСКОМ ОТКАЗЕ И О ВЫХОДЕ

Главы: 87, 88

(15). **87.** Крестьяном отказыватца из волостей в волость, из села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева [1]) дни осеннего и неделю по Юрьеве [2]) дни осеннем. А дворы пожилое платити вполы, за двор рубль два

алтына, а в лесе доход, где много лесу, десять верст, да хоромного лесу за двор полтина два алтына. А которые крестьяне живут за кем год, да идет прочь, — и он платит четверть [3]) двора; а два года поживет, — и он платит полдвора; а три годы поживет, — и он платит три четверти [4]) двора; а четыре годы поживет, — и он платит весь двор, рубль два алтына. А пожилое имати с ворот. А за повоз имати з двора по два алтына. Оприч того на нем пошлин нет. А останетца у которого крестьянина хлеб в земли, и как тот хлеб пожнет, — и он с того хлеба, или стоячего даст боран два алтына. А покаместа была рожь в земле, — и он подать царя и великого князя платит со ржи, а боярского ему дела, за кем жил, не делати. А попу пожилого нет, и ходити ему безсрочно воля. А которой с пашни крестьянин спродасться кому в полные холопи, — и он выидет безсрочно, и пожилово с нево нет; а которой хлеб его останется в земле, — и он с того хлеба подать цареву и великого князя платит; а не хочет подати платить, и он своего хлеба земнаго лишен.

(15) **88.** А убьют которого крестьянина на поле в розбое, или в [ыном] [5]) в [5]) котором деле лихом, а дадуть того крестьянина за государя его, за кем живут, или выручит государь его, тот за кем живет, и пойдет тот крестьянин из-за него вон, — ино его выпустить, а на отказщика в том деле взяти порука з записью; попытают того крестьянина на том его государе, за кем жил, в ыном какове деле, — и он бы был в лицех.

ГРАНЬ 16

О КУПЦЕ, У КОТОРОГО ТОВАР УТЕРЯЕТСЯ БЕЗ ХИТРОСТИ, ИЛИ СВОИМ БЕЗУМЬЕМ ПОТЕРЯЕТ

Глава 89 [1])

16. [**89.**] А который купец, идучи на торговлю, возмет у кого денги, или товар, да на пути у него утеряется тот товар бес хитрости, истонеть, или згорит, или рать, или розбой возьмет, — и боярин, обыскав, велит тому дати цареву и великого князя дьяку полетную грамоту с великого князя печатью, посмотря по животом, платити исцом

в ыстину без росту. А хто у ково взял, идучи в торговлю, да пропьет, или иным каким безумьем тот товар погубил без напрасньства, — ино [2]) того выдати исцу головою до искупа. И в розбойном деле дадут кому полетную грамоту, и как своего розбою доищетца, или в его иску розбойников поимают, — и у того та его полетная грамота не в грамоту.

ГРАНЬ 17

О СУДЕ, КОТОРЫЕ ПИТАЮТЦА ОТ [1]) ЦЕРКВИ [1]) БОЖИИ, ИЛИ ХТО НА ЦЕРКОВНОМ ПРИЧТЕ ВЗЫЩЕТ

Глава 90

17. **90.** А попа, и дьякона, и черньца, и черницу [и старую вдовицу] [2]), которые питаюца от [3]) церькви [3]) божии, — ино их судити святителю, или его судьям. А будет простой человек с церковным, — ино суд вопче. А которая вдовица питаетца не от церкви [4]) божии, и она живет своим домом, — ино тот суд не святительской. А торговым людем городцким в монастырех не жити, а жити им в городцких дворех. А которые торговые люди учнут жити на монастырех, — и тех с монастырей сводити, да наместником их судити. А на монастырех жити нищим, которые питаютца милостынею от [5]) церькви [5]) божии

ГРАНЬ 18

КОТОРОЙ ЧЕЛОВЕК УМРЕТ БЕЗ ДУХОВНОЙ ГРАМОТЫ, И КОТОРАЯ ЖЕНА УМРЕТ З ДУХОВНОЮ

Главы: 91, 118

18. **91.** А которой человек умрет без духовной грамоты, а не будет у него сына, — ино статок весь, земля, взяти дочери, а не будет у него дочери, ино взяти ближнему от его роду.

18. **[118].** А о духовной суд; которая жена умрет, а напишет в духовной мужа своего в приказщики [1]), — и тому мужу в приказщикех не быти, а та духовная не в духовную потому, что жена в его воле, что ей велит писати, то она и пишет.

ГРАНЬ 19

ХТО КУПИТ НА ТОРГУ ЧТО НОШЕНОЕ, ИЛИ ХТО КУПИТ ЛОШАДЬ, ИЛИ ВЫМЕНИТ НА МОСКВЕ И В МОСКОВСКОМ УЕЗДЕ, И О НЕ ПРОДАЖНЫХ И О ДОМОРОЩЕННЫХ ЛОШАДЕХ, И О ЗАПИСКЕ, И О ПЯТНАНЬЕ

Главы: 92, 93, 94, 95

19. **92.** А хто купит на торгу что ношено у носящаго, или с лавки, — и тому купити с порукою с рядовою; а хто купит бес поруки, — и тому в том быти виновату.

19. **93.** А хто купит лошадь на Москве, или в Московском уезде, и тем [те] [1]) лошади пятнати у пятинщиков на Москве, да в книги писати по старине, а пошлины имати пятенщиком по старине же.

19. **94.** А по городом и по волостям где хто лошадь купит, или менит, — тот у наместников, или у волостелей, и у их пошлинников, и пятнать и записывать те [2]) лошади в книги у целовальников дьяку земскому. А пятенщиком имати с купца денга, а с продавца деньга ж. А целовалником и дьяку земскому тех наместников и волостелей пятно их образец [3]) писати [3]) в книгу спору для. А хто купит лошадь в своей волости, или выменит, а до такова [4]) же дни не запятнит, и в книги не напишет, и уличат его в том, хто купит или выменит, — и на том взяти наместнику, или волостелю, или пятенщику пропятенья два рубли. А хто поимаетца за ту лошадь, и чево [с] [1]) тою лошадью взыщут, доколе ее не запятнил, — и на том тот иск без суда, хто ее не запятнил. А детем боярским купленые и меновные лошади пятнити по тому ж. А в служебном походе хто купит лошедь, и хто у ково за тое лошедь поимаетца, и тот, хто купил, поставит свидетелей человек пять или шесть на того, у ково купил, а запретца тот, у ково купил, ино ему суд. А хто где купил лошедь или выменил не в своем присуде, тот туто и пятнил. А приведут ту лошадь к себе не пятнену, и уличат ево в том, — и на том пропятенье взяти, у кого он в присуде.

(19). **95.** А наместникам, и волостелем, и тиуном, и пятенщиком в городех и в волостех не продажных и домощеных лошадей не пятнити. А хто учнет в городе и в

волостях не продажные и доморощеные лошади пятнати, и доведут на них то, чего на [5]) нем взыщет [5]) в тех лошадех, — и те ему убытки платити без суда втрое, а в пене, что государь укажет.

ГРАНЬ 20

О СУДНЫХ ДЕЛАХ С УДЕЛНЫМИ КНЯЗЬМИ

Глава 99

[*20.* **99**]. Взыщет москвитин какова [1]) дела [1]) на селецких волостелях, которые селца [московские] [2]) за уделными князьми, — ино судити государю и великому князю. А не отвечает волостель селецкой [и царю и великому князю его обвинити. А взыщет селецкой на селецком] [3]), а судит их же волостель. А не будет их князя на Москве, — и волостелю к докладу с Москвы не вести, а ждати князя на Москве. А поведет их волостель с Москвы к докладу к своему князю, а утечат тех исцов к царю и великому князю, и бьет челом царю и великому князю на того волостеля, — и царю и великому князю на того волостеля дати пристава. А поведет ево через то в удел, — тем его царь и великий князь и обвинил. А бьет челом царю и великому князю царев [4]) и великого князя сын боярской на удельново человека, — и царь и великий князь, выименовав судью своего, и пошлет к своему брату к удельному князю. Коли будет не будет князя на Москве, — и уделной князь даст своего судью; а суду быти на Москве, хотя б тот человек был в его воле на Москве. А уделного князя сын боярской бьет челом на царева и великого князя человека, — ино судити так же на Москве. А бьет челом жалобник царю и великому князю, удельново князя человек из ево вотчины, на царя и великого князя человека, — и царь и великий князь даст пристава, да судит царь и великий князь сам. А на москвитине взыщет которого удельного князя городцкой человек, — ино судити им наместником московским. А искати москвитину на удельново князя на городцком человеке, — ино ему ехати с судьею, а судье быти московских же наместников. А деловые люди монастырьских станет которого, — и писцы царя и великого

князя пишут их и под сотника в дань и во все проторы, а князю над ними суд один [5]). А случитца суд сместной в сельцах в монастырьских удельному с удельным, или деловым становым з городцким, или сельским с монастырьскими, — и судьям доложити царя и великого князя, а трети его им в том нет ничего.

ГРАНЬ 21

О РУГАХ В МОНАСТЫРЕ, И К ХРАМОМ, КОТОРЫЕ ДАНЫ ВНОВЕ

Главы: 123, 124

21. **123.** А которые будут монастыри [1]), или которым церквам нищим в ругах и в милостынях [2]) придача нова после великого князя Василья, — и те руги и милостыны новопридaные, сыскав, отставити, а учинити по старине по тому же, как где давали ругу и милостыню наперед сего, при великом князе Василье Ивановиче всеа Русии.

21. **124.** А которые милостыни будут [3]) наперед сего которые монастыри, или х которым церквам времены шли года в два, или в три, или больши, или менши, а они будут после великого князя Василья [4]) поимали грамоты, что [4]) им имати милостыни те ежегод, — и те сыскав, отставити же, а выдати им в приказе по старине же, в колко годов, как государь пожалует.

ГРАНЬ 22

О КРЕСТНОМ ЦЕЛОВАНЬЕ

Главы: 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147

22. **141.** Хто будет в полону, и велят ему крест целовати на том, что ему не бежати, или на ином на чом крест поцеловати нужею, и побежит ис полону, — ино ему дати опитемья, как в свою землю придет, и комкает за нужу. А будет хто в полону послом послан, или гостем пошол, да их тамо посадят, — и они по своей воли крест целуют, посол, или гость, или полоняник, на том, что им не збежати, а поцеловав крест, да побежит ис тое земли, — и как придет в свою землю, ино им опитемья до их смерти, что они целовав,

побежали, изменив, а дати им за то опитемья в понеделник, в среду, в пяток, однова днем ясти хлеб с укропом, да во вторник и в четверг двожды днем ясти сухоядение, хлеб с укропом, в суботу и в неделю двожды днем ясти варение без масла, дары таковым дати при смерти. Буди о сем ведомо, лутчи бы умрети, а креста не целовати, занеже крестному целованью покаяния несть, то есть грех смертный.

22. **142.** Аще крестьянин крестьянина напрасно приведет к целованью, велит крест поцеловати и он крест целует на том, что он прав, — и вы, попове, таковым к церкви приходити не велите, и в церковь их не пущайте, занеже вам, церкви, дана власть, и в домы к ротником не приходите, и свята у них не говорите, и свещи, и просвиры на молебен, и на литоргию приносу у них, у ротников, не примайте.

22. **143.** Аще будет велможа крест целует на виновате, или кому велит крест целовати на криве, — и вы, попове, тех не стыдитеся, в церковь их не пущайте, а в домы их не приходите, и свята не говорите. Аще поп станет свято говорити, — и ротником лести вон ис храмины, и над пивом у них свята не пети.

О крестном целованье. Аще хто крест накриве поцелует, — тритцать лет опитемьи, и к церкви не приходити, и приносу от них попом не примати, ни в домы к ним попом не приходити, и молитвы им не давати.

22. **145.** Аще хто просит покаяния, и поп ему заповедает тритцать лет ясти сухо в понеделник, и в среду, и в пяток, единою днем хлеб с укропом; во вторник, в четверг, дважды днем с варевом [1]) без масла, а дары ему дати при смерти у нужи [2]).

22. **146.** О том же крестном целованье. Аще кто на правеже на своем праве у нужи и крест поцелует, и вы, попове, таковым три лета ротником не велети к церкви [3]) приходити, и свечь, и просвир, и приносу от них не примати, а над кануном у них свята не говорити; аще станете вы, попове, к ротником в домы приходити, или велите им к церкви [4]) приходити: сами общую муку приимете, геену огненую, и тму кромешную, занеже ротником и еретиком, или хто сам на собя осил положит, да удавитца от своих рук, те все едину муку приимуть на втором прише-

ствии Христове, не каятися без ответа, то в муку вечную пошли, — и вы, попове, тех унимайте, наказывайте их и учите, занеже вам велено вязати и решати, не стыдите лица своего от них.

ГРАНЬ 23

В КОТОРОЙ ДЕНЬ У ГОСУДАРЯ ЖИВЕТ БОЛШАЯ ПОНАХИДА, И В ТОТ ДЕНЬ СМЕРТНОЮ КАЗНЬЮ, НИ ТОРГОВОЮ НЕ КАЗНИТИ

Глава 159

23. **159.** Лета 7067-го апреля в 25 день царь и великий князь указал. В которой день живет болшая понахида, митрополит у государя за столом, а государь перед ним стоит, и в тот день смертною казнью и торговою казнити не велети никого.

ГРАНЬ 24

О БЕГЛЫХ КРЕСТЬЯНЕХ

Главы: 166, 168

24. **166.** Лета 7106-го ноября в 24 день царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии указал. Которые крестьяне из-за бояр, и из-за дворян, и из-за приказных людей, и из-за детей боярских, и из-за всяких людей, ис поместей, и из вотчин, ис патриарховых, и из митрополичих, и изо владычних, и из монастырьских вотчин выбежали до нынешнего 106-го году за пять лет, — и на тех беглых крестьян в их побеге и по тех помещиков и вотчинников, за кем они, выбежав, живут, тем [1]) помещиком, из-за ково они [2]) выбежали, и патриаршим, и митрополичим, и владычним, и детем боярским, и монастырьских сел приказщиком и служкам давати суд и сыскивати накрепко всякими сыски. А по суду и по сыску тех крестьян беглых з женами и з детми и со всеми их животы возити их назад, где хто жил. А которые крестьяня выбежали до нынешнего 106-го году лет за шесть и за семь и за десять и болши, а те помещики и вотчинники, из-за ково они выбежали, и патриарши, и митрополичьи, и владычни, и дети боярские, и монастырьских вотчин приказщики и слушки на тех своих

беглых крестьян в их побеге и на тех помещиков и вотчинников, за кем оне, из-за них выбежав, живут до нынешняго 106-го году лет за шесть и за семь и за десять и болши, государю не бивали челом, — и государь указал на тех беглых крестьянех в их побеге и на тех помещиков и вотчинников, за кем оне, выбежав, живут, суда не давати и назад им, где хто жил, не вывозити. А давати суд [3]) и иск [3]) в беглых крестьянех которые до ненешняго 106-го году выбежали за пять лет. А которые дела в беглых крестьянех засужены, а до нынешняго государева указу не вершены, — и государь указал те дела вершить по суду и по сыску.

(24). **168.** Лета 7114-го февраля в 1 день бояря приговорили. Которые бояря, и дворяне, и дети боярские, и владычних и монастырьских вотчин бьют челом о суде в беглых крестьянех, а ищут, бежали от них крестьяне до 110-го году, до голодных годов, за год на посады, и в государевы дворцовые села, и в чорные волости, и за помещиков и за вотчинников во крестьяня и в холопи, — и тех приговорили, сыскивая, отдавати старым помещиком. Которые крестьяня, бежали во 110-м году и во 111 и во 112-м году в голодные лета з животы, а прожити было им мочно, а пришли за иных помещиков и за вотчинников жити во крестьяне и в холопи, — и тех, сыскивая, отдавати старым помещиком и вотчинником. А которые бегали з животы в дальние места из Замосковных городов на украины, и с украины в Московские городы, или из города в город, верст за двесте и за триста и болши, а пошли от старых своих помещиков з животы и, ростеряв животы, пришли к иным помещиком в бедности, — и про то сыскивати около тех мест, откуду тот крестьянин пошол. Да будет в сыску окольние люди скажут, что он был не беден и збежал от своего помещика или от вотчинника з животы, а прокормитися ему было мочно, а ныне за кем во крестьянех или у ково служит по кабале, — и того по сыску отдати старому помещику или вотчиннику, из-за кого он збежал, каков он есть. А про которого крестьянина скажут, что он в те голодные лета от помещика или от вотчинника збрел от бедности, что было ему прокормитися нечим, — и [4]) тому крестьянину жити за тем, хто его голодное время перекормил, а исцу отказывати: не умел он крестьянина своего прокор-

мити в голодные лета, и ныне его не пытай. А которые крестьяня в голодные лета во 110-м и в 111-м и во 112-м году пошли в холопи к своим или к сторонним помещиком или к вотчинником, кабалы служивые на себя подавали, а старые их помещики или вотчинники учнут их вытягивати ис холопства по крестьяньству, — и того сыскивати накрепко. Будет сшол от бедности и животов у него не было ничево, — и тем исцом отказывати: в голодные лета тот помещик или вотчинник прокормити его не умел, а собою он кормитися не возмог, и от бедности, не хотя умереть голодною смертью, бил челом в холопи, а тот его, приняв в голодные лета прокормил, и себя тем истощил, проча себе, — и ныне того крестьянина ис холопства [во крестьяне] [5]) не отдавати, а быти ему у того, хто его голодные лета прокормил. А не от самые от нужи он в холопи не шол, а которые люди учнут оттягиватися, а учнут говорити «взял его помещик во двор силно и взял кабалу, а ему было прокормитися самому мочно», — и о том сыскивати крепостьми, в кое время и в которых годех кабалы писаны. Будет на Москве и в городех в книги писаны, — и по тем кабалам в холопи выдавати, потому имал бы на него кабалу силно, и он бы о том, о записке, бил челом. А которые кабалы в книгах записаны, — и тем верити нечему. А которые крестьяня и из-за Москвы бежали до 110-го году, до голодных лет за год, и которые после голодных лет во 113-м году и в нынешнем во 114-м году, — и про тех крестьян, сыскивая, отдавати ж прежним помещиком и вотчинником. А в чом будет спор, — и в том давати суд. А которые крестьяня пошли в холопи до голодных лет, — и тех, сыскивая, по крестьянству ис холопей отдавати. А на беглых крестьян по старому приговору дале пяти лет суда не давати.

ГРАНЬ 25

О КРЕСТЬЯНЬСКОМ ВЫХОДЕ

Глава 167

Лета 7110-го ноября [1]) в 28 день [1]) указал государь во всемь Московском государьстве от налог и от продаж крестьяном дати выход. А отказывати и возити крестьян

боярским дворовым, и городовым приказщиком всех же городов и иноземцом всяким и Болшово дворца дворовом людем всех чинов, ключником [стряпчим, сытником][2]), подключником, Конюшенного приказу приказщиком, и конюхом стремянным, и стряпчим, Ловчего пути охотником и конным псарем, Сокольнича пути кречетником, и сокольником, и ястребником, трубником и сурначеям, и Стрелецково приказу сотником стрелецким и головам казачьим, и Посольского приказу переводчиком и толмачем, и царицыным детем боярским, и всех приказов подьячим, и патриаршим, и митрополичим, и архиепископлим, и епискуплим приказным людем и детем боярским промеж собя. А срок крестьян отказывати и возити: Юрьев[3]) день осенней да после Юрьева[4]) дни две недели. А пожилого крестьяном платити за двор по рублю да по два алтына. А в дворцовые села и в черные волости, и за патриарха, и за митрополиты, и за архиепископа, и за владыки, и за монастыри, за бояр, и за околничих, и за дворян болших, и за приказных детей и за дьяков, и за стольников, и за стряпчих, и за голов стрелецких и из-за них возити крестьян в нынешнем во 110-ом году велено. А в Московском уезде всем людем промеж себя да и[з]-за[5]) ины городов в Московской уезд по тому ж крестьян[6]) не отказывати и не возити. А которым людем промежи себя в нынешнем во 110-ом году крестьян возити, и тем возити меж себя одному человеку, и[з]-за[5]) одново же человека крестьянина одного или дву, а трех и четырех одному из-за одново никому не возити.

ГБЛ, Рогожское собрание, № 660, лл. 276—384

Историко-правовой обзор

Грань 1, глава 127

Приговор 5 мая 1555 г. (см. его также в уставной книге Разбойного приказа) устанавливал срок правежа, наступавший после истечения срока выплаты займа. Во время правежа, продолжавшегося месяц, взыскивался долг в 100 рублей. Если должник не выплачивал во время пра-

вежа долга, то он выдавался «головою» кредитору (то есть становился его холопом до погашения долга). Приговор свидетельствует о росте задолженности как среди непосредственных производителей, так и среди известной части рядовых феодалов. Эти явления были вызваны и ростом феодальной эксплуатации и условиями развития товарно-денежных отношений. В приговоре 5 мая 1555 г. содержатся материалы для изучения развития договора найма в середине XVI века.

Приговор 1555 года входит в состав так называемых «дополнительных статей», то есть указов и приговоров, приписывавшихся в соответствии со ст. 98 к Судебнику 1550 года.

Судебник 1550 года пополнился новыми указами во многих приказных и иных (например, митрополичьей, воеводских и др.) канцеляриях, куда они направлялись в составе «памятей» (ведомственных писем) для руководства в повседневной судебно-административной деятельности. Иногда (как это было, например, в Разбойном приказе) памяти с указами заносились в особые указные книги приказов, пополнявшиеся затем текущими материалами учреждения. Дополнительные статьи сохранились, как установил А. И. Андреев, в нескольких редакциях.

Первая редакция дополнительных статей представлена четырьмя списками: 60-х годов XVI века, ОДРА, Лихачев, № 228 (далее Л), 60-х годов XVI века, Археогр., № 525 (далее А), конца XVI века, ГПБ Погод., № 1841 (далее П) и середины XVII века, ГИМ Ув., № 593 (далее Ув.).

В этой редакции в хронологической последовательности помещены ст. ст. 127, 100—116, 128—138, 153—156, 117, 157—162, 117 (вторично), память митрополичьих бояр 14 марта 1561 г. В конце списка Ув. помещены ст. ст. 119—125. Вслед за ними в списке А, после фразы «В Судебник приписано в Новегороде лета 7069-го ноября в 1 день» — повторены ст. ст. 127, 100, 128—138. В списках Ув. и П, в которых использовались материалы Разбойного приказа, после ст. 138 помещены ст. ст. 139—140 и указы 17 февраля и 9 марта 1558 г. В списке П статья с удельными князьями (99 по нумерации Сводного Судебника) помещена после ст. 100.

Список Л начинается фразой: «В сей тетрати писаны приговоры с памятей, которые памяти присыланы от дьяков из приказов, лета 7069-го ноября с перваго числа»; список Ув. открывается фразой: «В сем судебном снике выписано съемочных тетрадей и снимок же выписан с приговорных памятей, которые памяти присыланы от дьяков ис приказов лета 7063-го ноября с 1 числа»; список П начинается словами: «В сем судебном списки выписаны с съемочных тетратей и снимок же выписан с приговорных памятей, которые памяти присланы от дьяков из приказов лета 7069-го ноября с первого числа».

Итак, первая редакция дополнительных статей составлена до 1 ноября 1560 г. (память митрополичьих бояр, очевидно, являлась позднейшей припиской). Поскольку все указы и приговоры (за исключением отмеченной памяти и губного уложения 21 августа 1556 г., имевшего общегосударственное значение) сохранились в составе дьяческих памятей, направленных казначеям с 5 мая 1555 г. по 15 октября 1560 г., постольку мы можем первую редакцию дополнительных статей назвать указной книгой ведомства казначеев (государева казна в середине XVI века была центральной государственной канцелярией). Эта книга, возможно, сохранилась в копии, попавшей в Новгород (см. приписку в списке А; список Л оканчивается новгородским губным наказом 6 мая 1559 г.).

К рукописям, представляющим первую редакцию, примыкает список начала XVII века. ГИМ Барс, № 2077 из Новгородского Софийского собора (ниже Б) и его копия начала XIX века ГБЛ Рум., № 429 (ниже Р); здесь находятся ст. ст. 101—116, 127, 100, 128—138, 153—156, 117, 159—162, 117 (вторично) и память 1561 года (отличие списков Б и Р от списков первой редакции состоит лишь в том, что уложение 21 августа 1556 г. вынесено в качестве первой дополнительной статьи).

Несколько списков дополнительных статей являются промежуточными между первой и второй редакциями. Так, в списке 60-х годов XVI века ГБЛ Унд., № 823 (далее У), после текста Судебника помещены ст. 118, о суде с удельными князьями (99 по нумерации Сводного Судебника), ст. ст. 119—125, 101—117.

Список конца XVI — начала XVII вв., БАН Арх., № 197 (далее А II) в первой своей части содержит текст статей, имеющихся в списке У; далее после заголовка «У Судебнику приписано в Новегороде лета 7069-го ноября в 1 день» — идут ст. ст. 100, 127, 128—138, совпадающие со второй частью списка А.

В списке конца XVI века, ГБЛ Унд., № 822 (далее У II) помещены только главы 100—116. В списке конца XVI века, ГБЛ Унд., № 824 (далее У III) находятся главы 101—117, 128—138. В списке XVIII века ГИМ Уваров, № 382 (Ув. II) помещены только главы 119—125. В списке начала XVII века, ЦГАДА, Гос. Древл. отд. 5, рубр. 1, № 4 (далее Д) находятся главы 127, 100—117, 126 (до 15 августа 1557 г.).

Вторая редакция представлена двумя изводами: первый из них Толстовский содержит списки 60-х годов XVI века, ГПБ Q II, № 118 (ниже Т). Здесь помещены ст. ст. 100—117, 126—140. Такой же состав, судя по оглавлению, был и в списке 60-х годов XVI в., ГПБ, Новг., Соф., № 1443 (ниже НС). Второй извод (Музейный) представлен списками середины XVII века, ГПБ Михайловского, Q, № 280 (ниже Мих.), вторая половина XVII века, ГПБ, Q, II № 16 (ниже Т II), конец XVII века, ГБЛ Муз., № 6689 (ниже М). В этих списках после ст. 117 добавлены ст. ст. 118—125. Списки Т II и М., кроме текста I извода, содержат позднейшие приписки — приговор 8 февраля 1588 г. и ст. ст. 167—168, оканчивающиеся ст. ст. 141—147 и списком митрополитов. Протограф второй редакции не имел своим адресатом казначеев и сложился, очевидно, около 1558 года.

Вторая редакция была пополнена указами за 1558—1560 гг. и образовала III редакцию в двух изводах. В первом изводе (Эрмитажном) помещены (наряду с главами 100—148) главы 149—160, 162 (первая половина), 161, 162 (вторая половина) и память 14 марта 1561 г. (см., например, ГПБ Эрмитаж, № 59, ГПБ Погод., № 1844 и др.). Во втором изводе помещены главы 149—150, 153—156, 162, 157, 151, 159—161 и память 14 марта 1561 г. (списки XVII в., ГПБ Q II, № 29; ГПБ Погод., № 1842; ГБЛ Большак., № 297, 333; ГИМ Муз., № 1554 и др.).

Третья редакция составлена (за исключением позднее приписанной памяти 1561 года) не позже октября 1560 года. Дошла она до нас лишь в составе четвертой редакции, доводящей текст дополнительных статей до февраля 1606 года (то есть с прибавлением глав 164, 166—168). Эта редакция была использована при создании Сводного Судебника. Однако в Судебнике отсутствуют приговоры 17 февраля и 9 марта 1558 года и память 1561 года, но зато имеются указы 1562 и 1573 гг. (ст. 163) и приговор 1597 февраля 1 (ст. 165). При помещении дополнительных статей в текст Судебника составитель подвергал их редакционной обработке (главным образом изымались памяти в приказы, в обрамлении которых обычно находятся дополнительные статьи). В Сводном Судебнике ст. 77 помещена как 148, поэтому нумерация статей после 76 на одну цифру меньше, чем в Судебнике 1550 года.

Лета 7060-го. Дата ошибочна. Л, Ув, А, П, Б, Р «Такову память прислал дьяк Данило Вылузга за своею приписью лета 7063-го мая в 5 день (П фраза помещена в конце памяти; Б, Р вместо фразы «Лета 7063 мая в день»). Память царя и великого князя казначеем Федору Ивановичу Сукину да Хозяину Юрьевичю Тютину». В списках, ГПБ Пог., № 1842, ГБЛ Муз., № 6689, ГПБ Q II, № 16, ГБЛ Большаков, № 297, дата 1559 года мая 15; в ГПБ Q, № 118 и ГБЛ Большаков, № 333—1557—1558 гг., у Татищева — 15 мая 1558 г., ГПБ Михайловского, Q, № 280, «7060-го мая 15», ГПБ Q, II № 29 «7060 мая в 5».

Во сте рублех — 100 рублей для середины XVI века чрезвычайно большая сумма (см., например, максимум в служилых кабалах в 15 рублей). Ее могли брать в заем прежде всего представители класса феодалов и торгово-ремесленных верхов.

Деньги перевесть — отсрочить уплату долга.

Грань 1, главы 128—138

Приговор 25 декабря 1557 г. запретил взимание процентов («рост») по заемным кабалам служилых людей. Взимание долгов рассрочивалось на пять лет до декабря 1562 года. Впредь устанавливался по новым обязательствам «рост» не в 20 процентов («на пять шестой»), а всего

10 процентов. Приговор, таким образом, отражал интересы широких кругов феодалов и своим острием был направлен против их кредиторов главным образом из числа духовных феодалов-ростовщиков. Срок правежа для служилых людей увеличивался с месяца до двух. Закон не распространялся на долги, не оформленные заемным обязательством.

В списке У III вместе «лета 7066-го» (как в списке ГПБ Q II, № 29) «Память царя и великого князя околничему и оружничему Лву Андреевичю Салтыкову» В. Л, А, Ув, П, Б, Р «Память царя и великого князя казначею Хозяину Юрьевичю Тютину». В первом случае Память направлена была в государев Дворец, а во втором — в Казну (в списках Л, А, Ув ей предшествует фраза «Такову паметь прислал казначеем дьяк Леонтей Офутин за своею приписью лета 7066 декабря 25 день». В списке П эта фраза помещена в конце памяти).

Без наспу — без процента, шедшего зерном.

На пять жеребьев — то есть ежегодно в течение пяти лет уплачивалась одна пятая часть долга.

По рядным грамотам — по грамотам, содержащим запись о приданом.

По прежнему приговору — см. гл. 127 Сводного Судебника.

И в городы розсылати... указу. Конец указа в У III, П Т II, М, Q II № 29, У, Л, А, Б, Р иначе: «И Лву Андреевичю (II вместо двух слов «бояром» Б, Р «Хозяину Юрьевичу», Q II № 29, У III «боярину князю Дмитрию Ивановичю с товарыщи») во своем приказе (Б, Р «во всех приказех») в долгех всем людем управа давати по сему государеву указу и в свой приказ (П вместо трех слов «из своего приказа», Б, Р «в свои приказы»), во все городы и в станы, и в волости, и в села дворцовые (Т II, Q II № 29, М., последние 9 слов отс. П, Б, Р вместо них «к наместником и ко всем судиям») розослати грамоты, чтоб приказу его всем людем тот государев приговор ведом был (П далее «и управу всем людем давати в долгех поровну по сему государеву уложению»). А к околничему к Федору Ивановичю Умному велети ему своего приказа дьяком (П четыре слова отс.) отписати (П далее «память») того же дни, часа того (П далее «казенному дияку»)

память (П отс.) за своею приписью, что (так П У III «чтоб») до него ся память государева приговору (П два слова отс.) дошла. А у памяти припись дьяка Левонтия Офутина (П фраза отс. В списке ГПБ Q II № 16 приговор датируется 1555—1556 гг.; у Татищева 4 августа 1558 года; ГПБ Q II № 29, Мих. Q № 280, ГБЛ Большак., № 333, 1557—1558 г., ГБЛ Большак., № 297, 1558—1559 гг.).

Грань 1, глава 161

Указ 15 октября 1560 г. предоставлял новую льготу служилым людям, платившим долги «без росту» (ср. гл. 128—138). Если у должников-феодалов во время пожара 1560 года сгорели дворы, то им предоставлялась отсрочка на пять лет (до июля 1565 года).

Полетные — грамоты, фиксирующие ежегодную выплату долга.

Июля по 17 число. Глава 161 и глава 162 (грань 12) составляют в списках ГИМ Муз., № 1554 (далее М) и др. — один указ, начинающийся словами: «Доложити государя царя и великого князя». Вслед за этим идет текст «На которых людех... докладные» (1 половина главы 162), затем 1 часть 161 главы: «Да которым... пять лет ждати», затем «Лета 7069 октября... продаватись» (II половина главы 162) и, наконец, «А у которых... по 17 число (II половина главы 161). Порядок изложения в списках П и М первоначальнее, чем в Сводном Судебнике и в дополнительных статьях редакции 1606 года.

Грань 3, главы 101—114

Приговор 21 августа 1556 г. о губных делах вошел в более полном виде в Уставную книгу Разбойного приказа 1555—1556 (см. стр. 363). В М. ему предшествует текст: «А сие главы новые приписки все».

Грань 115

Грань 115 в Сводном Судебнике отсутствует.

Грань 5, главы 151—151-bis.

Приговор по делам иногородцев отражает дальнейшую централизацию суда и ограничение судебных полномочий наместников. Истец, обратившись в Москве по тяжбе с иногородным ответчиком, судился теперь казначеями, а не наместниками (ср. ст. 30, 48 Судебника 1550 г.). В случае грабежа, совершенного в Москве, можно было предпринимать тяжбу у казначеев с жителями своего города.

Приговор о делах между иногородными людьми и москвичами в списках первого извода второй редакции дополнительных статей (ГПБ, Эрм., № 59 и сходные с ним) помещен как заключительная часть Приговора 1558 года о сыске холопов. Во втором изводе второй редакции эти два приговора даны в разных частях памятника (список М. и др.). Это размещение более логично, ибо оба приговора говорят о совершенно различных сюжетах.

Казначеем... судити — К 1558 году судебные функции формирующихся приказов не были еще отчетливо выражены. Поэтому суд по «сместным делам» сохранялся за казначеями, возглавляющими центральную государственную канцелярию (казну).

Наместником — Несмотря на провозглашенную в 1555—1556 гг. отмену наместничьего управления, в крупнейших северо-западных, южных и юго-восточных порубежных городах наместники сохранились.

Грань 12, глава 100

Стремясь добиться оформления кабальных отношений правовой документацией, правительство приговором 11 октября 1555 г. постановило, что оно не будет принимать никаких претензий господ к ушедшим от них добровольным холопам, которых они держали «без крепостей». Таким образом, приговор решительно выступал против добровольного холопства и содействовал развитию служилой кабалы.

Лета 7064... Безсонова — В списках Л, Ув, А, П, Б, Р, — «Такову память прислал х казначеем дьяк Иван Безсонов за своею приписью лета 7064-го октября 11 день (П фраза в конце памяти). Память царя и великого

князя казначеем Федору Ивановичю Сукину да Хозяину Юрьевичю Тютину».

Бояром — в списке Д «К боярину князю Федору Ивановичю Шуйскому с товарищи».

И бояре — В списке П, Л, А, Б, Р, Ув «и казначеем Федору Ивановичю да Хозяину Юрьевичу», Д «и боярину Федору Ивановичу».

В городы — В списке П и др. далее «которые им приказати судити». В списке Д «которые ему приказаны судити», в списке М «которые кому приказаны судити».

Грань 12, главы 116 и 117

Приговоры 1556 и 1558 гг. связаны с законодательством 1558 года о холопах (см. грань 12, главы 149—150, 153—156). Первый из них устанавливал, что отпускные отныне должны даваться с «боярского докладу» (возможно, в казне или наместничьей канцелярии); правда, оговаривалось, что старые отпускные «без боярского докладу» сохраняют юридическую силу. Если бывший холоп все-таки будет служить у своего господина, то его отпускная аннулируется. Приговор о полоняниках устанавливал, что холоп из числа пленников был зависим от господина только до смерти последнего, причем дети холопа в зависимость вовсе не попадали. Таким образом, плен становился источником не полного, а служилого холопства. Смягчение положения холопов полоняников объясняется постепенным изживанием полного холопства.

Обе главы в дополнительных статьях часто помещены как непосредственное продолжение приговора 21 августа 1556 г. (см. грань 3, главы 101—114, ср. списки П, М). Однако тематически они с этим законом о губных делах не связаны и носят характер позднейших приписок. В уставной книге Разбойного приказа, где этот приговор помещен, глава 117 отсутствует; нет главы 117 и в списке У II.

В списках Л, Ув, П, А, Б, Р, глава 117 помещена дважды. Впервые она находится после глав 153—155 (см. грань 12). При этом ей предшествует заголовок «Такову память прислал к казначеем дьяк Данило Вылузга за своею приписью. Приписати в судебник к Холопью суду». При

этом последняя фраза приговора в списках Л и другие опущена. Вторично приговор помещен в списках Л и других полностью после указа 15 октября 1560 г. с заголовком «Приписати в Судебник к Холопью суду». Судя по этим спискам и уставной книге Разбойного приказа, приговор о полоняниках следует датировать примерно 1558 годом, а приговор об отпускных — 1556 годом. Тем не менее размещение статей в Уваровском списке отнюдь не значит, как полагает И. И. Смирнов, что «статья о холопах-полоняниках... составлена из двух указов — 1558 и 1560 гг.» (И. И. Смирнов, Судебник 1550 г., стр. 348). «Укороченный» текст приговора под 1558 год и вторичное его помещение под 1560 год являются особенностями первой редакции дополнительных статей и отнюдь не отражают какую-либо особую кодификационную работу. И. И. Смирнов, основываясь на списке Ув, считает, что соединение приговора об отпускных с приговором о полоняниках произошло после 1560 года, точнее в начале 60-х годов XVI века. Однако эти оба законодательных акта существовали уже в 1558 году (то есть во второй редакции дополнительных статей).

Грань 12, главы 148

Повторяет ст. 77 Судебника 1550 год. Ее появление объясняется тем, что в одной из редакций дополнительных статей с пропущенной ст. 77 она была позднее дописана.

Грань 12, главы 149—150

Приговор 1558 года стремится предотвратить возможность побега холопов, дела о холопьей зависимости которых рассматриваются в суде. Для этой цели устанавливается штраф в 4 рубля, платившийся поручителем за сбежавшее лицо, к которому предъявлен иск о холопьей зависимости. Если это лицо бежит, то оно без суда признается холопом. Вместе с тем закон вводит строжайшее наказание (смертную казнь) тем, кто будет составлять («нарядят») поддельные грамоты на холопство.

Лета 7067-го ноября в 30 день. В списках ГБЛ Большак., № 297, ГПБ Погод., № 1844, ГПБ Эрм., № 59 и др. дата «7066», что вернее (дата «7067», очевидно, соответствует времени получения Приговора в одной из канцелярий, где он был записан).

Таможники — Грамоты на полных и докладных холопов составляли ямские дьяки в присутствии таможников. См., например, в Новгородской таможенной грамоте 1571 года «А кто купит человека в полницу и перед которым наместником поставят, — и наместнику имети с головы по алтыну, а приставу наместничу — две денги, а дьяку, который грамоты полные пишет, имати с головы по алтыну ж. А таможником имати с головы по алтыну ж, да таможникам же писати полные грамоты в книги самим да те книги отдавати им дьяком в цареву и великого князя казну с казною вместе на срок. А полных грамот дьяком (в других списках далее «на борзе») из таможенные не выдавати» (ААЭ, I, № 282).

Грань 12, глава 153—156

Указ 4 сентября 1558 г., посвященный служилым холопам, является развитием ст. 78 Судебника 1550 года о служилых холопах и ст. 81, запрещавшей закабаление служилых людей и их детей. Указ вместе с тем входит составной частью в законодательство 1556—1558 гг. о холопах (см. главы 116, 117, 149—158). В главах 153 и 154 уточняется ст. 81 Судебника 1550 года: суд принимает к рассмотрению иски совершеннолетних феодалов об их похолоплении даже в том случае, если эти лица не были записаны в десятни. Холопья зависимость малолетних дворян попросту аннулируется. По делам о беглых холопах устанавливался срок (на 100 верст расстояния от Москвы — 7 дней), в течение которого истец в суде (или его представитель) мог предъявить документы, подтверждающие его право на ответчика как холопа. Служилые кабалы, содержащие запись о получении холопом займа свыше 15 рублей, в соответствии со ст. 78 Судебника 1550 года рассматривались как документы, не имеющие юридической силы.

В десятне — в поуездном учетном списке военнослужилых людей. Десятни впервые упоминаются в 1554 году и появились, очевидно, в ходе военных реформ 50-х годов XVI века.

Бoярской человек — боярские холопы в XVI веке часто вели дела своих господ в суде.

Грань 12, главы 157—158

Приговор 1 сентября 1558 г. о «новокрещенах» распространил действие ст. 81 Судебника 1551 года и других законов о служилых холопах на тех новокрещенных пленников-иноземцев, которые брали на себя служилые кабалы. Закон был принят в связи со значительным увеличением полоняников-иноземцев в годы войн середины XVI века.

Кабалы на этих полоняников приобретали и юридическую силу только после регистрации их в книгах у казначеев. Ранее (см. главу 117) дела о холопах докладывались боярам. Передача дел о холопах-иноземцах казначеям отражала усиление роли дворянской бюрократии и ограничение власти боярской думы. Позднее (указы 1586 и 1597 гг.) всякая служилая кабала должна была регистрироваться в особых записных книгах крепостей.

Грань 12, глава 160

Приговор посвящен уточнению порядка оформления отпускных. В дополнение к ст. 116, устанавливавшей обязательность боярского доклада, новый приговор вводил обязательность приложения и отпуска боярской печати и дьячьей росписи на ее тексте.

Которые отпускные — Л, А, Ув, П, Б, Р перед словами «Доклад за Олексеевою приписью Адашева. [Д]оложити государя царя и великого князя».

И государь указал — Л, А, Ув, А, Б, Р вместо этого текста: «А Алексеева припись: казначеем велети записати». Упоминание об А. Адашеве свидетельствует об активном

участии этого видного политического деятеля, фактического главы государственной канцелярии (казны) в разработке законодательства 50-х годов XVI века. (Подробнее см. С. О. Шмидт, Правительственная деятельность А. Ф. Адашева, Ученые записки МГУ, вып. 167, М., 1954, стр. 25—53.)

В издании Судебника В. Н. Татищева приговор сформулирован иначе: «Которыя отпускныя до сего уложения без боярския печати и без дьячьей приписи в прежних летах даваны, и отпускныя велети являти и казначеем записати, что с тою отпускною у государя того [не] служити, а не явит кто и не подпишет сего года, ино та отпускная не в отпускную» (Судебник.., изд. II, М., 1786 стр. 197—198). Трудно сказать, кем приговор был обработан: самим Татищевым, одним из переписчиков Приговора, или переформулирован в правительственной канцелярии. И, конечно, на основании выражения об обязательности регистрации отпускных «сего года» отнюдь нельзя отнести составление Приговора к началу 50-х годов XVI века (ко времени после издания Судебника), как это делает И. И. Смирнов («Судебник 1550 г.», стр. 349) и С. О. Шмидт (ср. его статью «Челобитенный приказ в середине XVI века», Известия Академии наук СССР, серия истории и философии, т. VII, в. 5, 1950, стр. 458). Приговор Алексея Адашева возник не ранее 1556 года (поскольку он дополняет приговор 1556 года) и не позднее начала 1560 года (время опалы Адашева). Судя по тому, что в дополнительных статьях Приговор помещался после Памяти от 25 апреля 1559 г. (глава 159), его следует датировать апрелем — декабрем того же 1559 года.

Грань 12, глава 162

Указ 15 октября 1560 г. устанавливал, что должники, не выплатившие своего долга, выдавались кредитору «головою» только до «искупу» (до погашения задолженности), а не в полные и докладные холопы. Указ в соответствии со всей законодательной политикой Русского государства 50 — начало 60-х годов XVI века ограничивает докладное холопство.

Глава 162 составляла вместе с главой 161 (см. выше) единый указ 15 октября 1560 г., содержавший два раздела: о должниках-погорельцах (гл. 161) и о неплатежеспособных должниках (гл. 162).

Грань 12, глава 165

Указ о служилом холопстве 1597 года. Разбор его см. в историко-правовом обзоре к уставной книге Приказа Холопьего суда.

Грань 13, главы 119—122, 125

Приговор 11 мая 1551 г. запретил покупку земель монастырями «без доклада» Ивану IV. Нарушение Приговора каралось конфискацией объекта продажи. Отписывались на царя и великого князя поместные и черные земли, которые были захвачены монастырями у детей боярских и черных крестьян «насильством» за долги, а также все владения и земли, переданные монастырям в малолетство Ивана IV. Запрещались отныне суздальским, ярославским и другим княжатам продажа земель и дарение монастырям (без доклада царю). Приговор в целом отвечал интересам широких кругов светских феодалов, заинтересованных в сокращении земельных богатств духовенства. Однако он носил компромиссный характер. Осифлянскому духовенству удалось сохранить за собой свои основные владения и добиться даже (гл. 120) отмены родового выкупа для земель, полученных по вкладу от светских феодалов; выкуп мог быть только в том случае, если вкладчик оговаривал это в своем завещании или данной грамоте. В целом же Приговор 11 мая 1551 г. являлся одним из звеньев в цепи мероприятий начала 50-х годов XVI века по ограничению прав духовных феодалов (см. Судебник 1550 года и др.); главы 123—124, также входившие в приговор 1551 года, см. ниже в грани 21.

Лета 7065-го мая в 1 день. Дата ошибочна. Встречается уже во второй редакции дополнительных статей (возможно, в 1557 году указ был приписан к дополнительным статьям). Дата «7060-го мая 1» см. Q II № 29, ГБЛ Большак., № 333, Мих. Q № 280, 1555 мая 5 в списке Д,

1558 мая 1 Q II № 16. Верную дату — май 1551 г. см. в списке У и др. В списках А, П приговор датируется 11 мая 1551 г.

Во Твери и в Микулине... Мимо тех городов людей вотчин не продавати — в ряде территорий бывших удельных княжеств запрещалась вовсе передача земель монастырям и продажа служилым людям иных территорий.

По Уложению великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и по Уложению великого князя Василия Ивановича всеа Русии Некоторые исследователи (в том числе Б. Д. Греков) полагают, что в данном случае имеется в виду Судебник 1497 года и недошедший до нас Судебник Василия III.

В одном наказе 1646 года упоминается какой-то судебник 1538—1539 гг. («А в судебниках... царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии... 47-го и 58-го году написано» чтения ОПОР, 1915, кн. III, стр. 48). В данном случае писец ошибочно прочел год судебника 1497 (7006), приняв знак тысячи за цифру «40» («М»), а цифру «6» («5» за слог «го», то есть надстрочное «г» с вертикальным титлом).

В Приговоре, очевидно, имеются в виду какие-то недошедшие до нас законы о землевладении в Твери и других городах, изданные Василием III и занесенные в особые уставные книги. П. П. Смирнов считает, что при Василии III была проведена конфискация частновладельческих слобод, на которых у их владельцев не было жалованных грамот (П. Смирнов, Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I, М.—Л., 1947, стр. 94). Побывавший на Руси в 1517 и 1526 гг. С. Герберштейн писал, что Василий III «исполнил то, что начал его отец, именно — отнял у всех князей и других владетелей все их города и укрепления» (С. Герберштейн, Записки о Московитских делах, стр. 20).

Грань 13, глава 126

Приговор 15 августа 1557 г. дополнял приговор 11 мая 1551 г., установивший, что при выкупе земель по духовным следовало руководствоваться ценой владения, зафиксированной в завещании. В Приговоре 1557 года от-

мечалось, что родственники завещателя могли предъявлять претензии на повышение цены вотчины. Это делалось в интересах духовных феодалов, если «духовные» не были еще утверждены («вершены») во владычней канцелярии. В таком случае цена вотчины определялась специальной комиссией «мерщиков». Приговор 1557 года давал большие возможности для выкупа вотчин у монастырей светскими феодалами.

Уставити — в других списках дополнительных статей правильнее «отставити», то есть выкупу подлежала сама земля, а не лес, находившийся на ней.

Грань 13, главы 139—140

Приговор 11 января 1558 г. о закладных вотчинах дополняет указ 27 декабря 1557 г. (см. грань 1, главы 128—138), посвященный несостоятельным должникам.

Выкуп заложенных вотчин «без росту», так же как и платеж долгов вообще, происходил в течение пяти лет (с декабря 1557 года по 25 декабря 1562 г.) по «жребьем» (ежегодно уплачивалась одна из пяти равных частей долга). Вотчина возвращается залогодателю уже после выплаты пятой части долга. Однако залогодатель лишается права распоряжения этой вотчиной до погашения всего долга. Если же он не сможет выплатить своего долга, то его вотчина переходит кредитору («пахать по старине»). В случае продажи залогодателем заложенной вотчины ответственность при его неплатежеспособности за погашение долга перекладывается на лицо, купившее объект заклада: это лицо или погашало долг или отдавало объект заклада кредитору. Неплатежеспособный залогодатель, продавший объект залога, выдавался покупателю «головою до искупа». Установленный порядок распространялся и на залоговые сделки, которые будут заключаться впредь с 25 декабря 1557 г. В целом приговор 11 января 1558 г. отвечал интересам залогодателей из числа широких кругов дворянства, ибо обеспечивал их право владения земельным объектом залога даже до погашения всего долга.

Генваря в 11 день. В списке М, далее, «Память государя царя и великого князя боярину князю Дмитрию Ивановичу Немово с товарищи. Послан к нему преж сего царев

и великого князя указ в старых долгех и в новых займех и в ростех». В списке Ув. «царь и великий князь приговорил з бояре в тех же старых долгех и в новых займех и в росписех».

По государеву указу — имеется в виду указ 27 декабря 1557 г.

По Рожество ж Христово — Ув далее «и бояром... велети», М «И князю Дмитрею Ивановичу с товарыщи... велети».

Должнику выплатит — выплатить кредитору.

По тому ж приговору — Ув далее «и бояром». «И боярину князю Дмитрею Ивановичу с товарищи».

Купца — лицо, купившее вотчину.

С ростовьщика — то есть залогодателя.

Приговором — то есть с Приговором 27 декабря 1557 г.

Выть — в данном случае «жеребий» — доля, часть.

Ведом был — Ув далее «А к околничему Федору Ивановичу Умному велети отписати, чтоб ся память до него дошла. А припись у памяти дияка Леонтия Офутина».

Грань 13, глава 164

Соборный приговор 15 января 1580 г., как и соборный приговор 1584 года (являющийся его развитием), были составлены в период хозяйственного разорения 70—80-х годов XVI века и имели своей целью укрепить дворянское землевладение за счет ограничения роста церковно-монастырских вотчин. Годы опричнины были временем невиданного дотоле притока земельных вкладов в монастыри, который несколько сократился к началу 80-х годов XVI века.

Приговор 1580 года запрещал вообще земельные вклады в монастыри, подтверждая при этом права духовных феодалов на земли, приобретенные до 1580 года. Запрет вкладов в монастыри ударял не только по интересам духовных феодалов, но и вкладчиков из числа княжеско-боярской знати, которые, спасаясь от репрессий, пытались сохранить свои земли под патронатом монастырей и спасти тем самым их от конфискации.

Приговор 1580 года не был вполне последовательным. Уступкой духовным феодалам была ликвидация права вы-

купа земельных вкладов в монастыри, поступивших туда до 1580 года. Приговор 1580 года и повторявший его закон 1584 года оказали заметное влияние на сокращение притока земель в монастыри.

Лета 7089-го генваря в 15 день. Эта дата имеется во всех списках дополнительных статей. В подлиннике приговора — 1580 января 15 (СГГ и Д, ч. 1, № 200). А. И. Андреев полагает, что дата 1581 года не описка, а дата выписки из Приговора, составленной в Поместном приказе. С. Б. Веселовский считает, что в 1581 году указ 1580 года был подтвержден новым Приговором (С. Б. Веселовский, Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, стр. 99). Текст «лета 7089-го... дьяком и делати» в подлиннике указа 1580 года отсутствует (СГГ и Д, ч. 1, № 200).

В них же — В СГГ и Д «в сих же».

Села... изнуряетца ради пьянственного и непотребного жития. Объяснение оскудения воинского чина «пьянственным житьем» монашества, приводившим к запустению свои села, показывает истинный смысл Приговора 1580 года, принятого в интересах дворянства. Эта аргументация в значительной степени взята из публицистики нестяжателей.

Земель не покупати — повторение закона 1551 года, запрещающего покупку земель монастырям-вотчинникам.

В закладе... закладную. В СГГ и Д «Закладней... закладная». Некоторые полагали, что речь идет в данном случае о «закладчиках», но С. Б. Веселовский установил, что Приговор 1580 года говорит о вотчинах закладных.

На государя. В подлиннике указа 1580 года далее идет текст: «безденежно. А которые ныне закладни за митрополитом и за владыками и за монастыри, и те земли поимати на государя ж, а в денгах ведает бог да государь, как своих богомолцев пожалует. А которые вотчины княженецкие даваны преж сего, и в тех волен бог да государь, как своих богомолцев пожалует. А вперед княженецких вотчин не имати. А хто возмет без государьского ведома, и те вотчины взяти на государя безденежно. А которые покупали княженецкия вотчины, и те вотчины взяти на государя, а в денгах ведает бог да государь, как своих богомолцов пожалует. А вперед митрополиту и владыкам и

манастырем земель не прибавливати никоторыми делы, жити им на тех землях, что ныне за ними. А которое место убогое, земли будет мало или не будет и он бьет челом государю, и государь с митрополитом соборне и з бояры приговоря, и устроят тот монастырю землею, как будет пригоже, как бы ему мочно прожити». Далее идет протокольная часть грамоты, в которой сообщается, что она написана 15 января 1580 г., и скреплена печатями Ивана IV и владык и подписями архимандритов и игуменов (СГГ и Д, ч., I, № 200).

Отсутствие приведенного текста в дополнительных статьях и Сводном Судебнике можно объяснить тем, что в 1581 году Приговор 1580 года подвергся некоторому ограничению. Во-первых, было снято постановление о безденежной конфискации новоприобретенных монастырями земель. Во-вторых, снято решение о конфискации земель, заложенных до Приговора 1580 года. В-третьих, опущен раздел о княженецких вотчинах (о конфискации этих вотчин, купленных монастырями, и о пересмотре княжеских земельных вкладов). Очевидно, при вопросе об этих землях должно было теперь руководствоваться старыми приговорами 1562 и 1572 гг. Последний раздел, отсутствующий в Приговоре 1581 года, разрешал земельные приобретения «убогим монастырям», но ставил их под контроль правительства. Дело, очевидно, решалось и в данном случае по старому указу 1572 года. В целом же в 1581 году Приговор 1580 года был значительно урезан в интересах монастырей-вотчинников.

Грань 14, глава 163

В главе 163, 14-й грани помещены приговоры 15 января 1562 г. и 9 октября 1572 г. о княжеском землевладении. Приговор 1562 года частично повторяет и развивает закон от 11 мая 1551 г. (грань 13, глава 125). Этот приговор ограничивает право распоряжения служилых князей продавать и менять свои вотчины. В отличие от закона 1551 года Приговор распространяется не только на ростовских, ярославских и стародубских, но и на всех служилых князей. Запрещение продажи вотчин дополняется запре-

щением обмена и дачи их «в приданые» под угрозой их конфискации. В случае отсутствия прямых наследников мужского пола княжеские вотчины отписывались на государя (см. аналогичное установление для удельных княжат в духовной Ивана III, Д и ДГ, № 89). Вопрос о наследовании боковых наследников (братьев и племянников) решался по усмотрению царя. Княжеские земли, купленные или полученные в качестве приданого в малолетство Ивана IV, подлежали конфискации, а вопрос о землях, приобретенных ими после указа 1551 года, подлежал рассмотрению царя. Приговором 1562 года подтверждалось запрещение иногородцам отчуждать земли Твери, Торжка, Рязани, Белоозера и (в дополнение к указу 1551 года) Романова и Ярославля.

Выморочные земли бояр и рядовых феодалов, не оставивших после себя письменного завещания, переходили в государеву казну.

Приговор 1562 года, принятый накануне введения опричнины, наносил ощутительный удар по правовым устоям княжеского землевладения.

Боярский приговор 9 октября 1572 г., принятый во время перестройки «опричнины» в «двор», подтвердил предшествующее законодательство о княжеском землевладении (приговор 1562 года). Новый приговор уточнял порядок наследования так называемыми «жалованными» вотчинами бояр. Этот порядок устанавливался в соответствии с содержанием той правовой документации, которая фиксировала передачу боярину земли из царской казны. Боярские «жалованные» земли, право владения которыми не подтверждено государевыми грамотами, по смерти владельца отписывались «на государя».

Приговор ограничивал круг наследников выморочными вотчинами, в который входили теперь только дети, братья умершего, племянники, дяди и внучата (то есть не далее четвертой степени родства). Другие родичи теряли право на выморочные земли, отписывавшиеся на государя. Все эти мероприятия ущемляли землевладельческие права вотчинников и содействовали увеличению государственного фонда земель, шедшего в поместную раздачу.

Приговор 1572 года, являясь прямым предшественником закона 1580 года, запретил земельные вклады в крупные

36 Зак. 982. Памятники русского права, вып. IV

монастыри и устанавливал правило обязательного «доклада» в случае вкладов в другие монастыри. Приговор, наконец, ликвидировал право родового выкупа земель, приобретенных монастырями.

Бездетна не станет — умрет без наследников мужского пола.

Душу строити — сделать вклады в монастыри на помин «души» умершего.

Княженецкие и боярские — Владимирский-Буданов полагает, что действие приговора распространялось и на некоторые боярские вотчины (возможно, которые перешли к боярам от князей). Однако ниже говорится только о княжеских землях («про все вотчины и про княженецкие»). О боярских землях ниже дается особое установление.

Грань 18, глава 118

Указ о духовных запрещает жене быть душеприказчиком мужа в его завещании, ибо жена являлась одним из естественных наследников завещателя. Указ в дополнительных статьях редакции 1606 года является припиской к приговору 21 августа 1556 г. (ср. главы 101—114 грани 3 и главы 116, 117 грани 12). Однако в списках У II, У III, П, Б, Р, Л, А, Д указ отсутствует. В списке У он приписан в качестве главы 100 к Судебнику 1550 года. Очевидно, этот указ был составлен около 1558 года. Впрочем, у В. Н. Татищева он датирован 2 января 1557 г. Во всяком случае приговор 14 марта 1561 г. уже ссылается на данное постановление.

Грань 21, главы 123—124

Главы являются отрывком из закона 1551 года (см. грань 13, главы 119—122, 125), извлеченными из него составителем Сводного Судебника. Согласно этим главам, отменялась завышенная в малолетство Ивана IV руга (денежное «жалованье», пособие) и «милостыня» монастырям и вводилась руга, существовавшая еще при Василии III.

Грань 22, главы 141—147

Указ 1558 года «о крестном целовании» посвящен ответственности за ложную дачу присяги. Поскольку сама присяга носила церковный характер (целование креста), постольку и наказание за нарушение присяги было церковное (епитимья), то есть лишение церковного причащения. Особенно строго каралась дача присяги русским полоняником в том, что он не побежит из плена, ибо «лутчи бы умрети, а креста не целовати.., то есть грех смертный». Некоторые историки, например В. Н. Татищев и др., заподозривали указ в неподлинности (он даже не был опубликован Археографической комиссией в составе дополнительных статей), но М. Ф. Владимирский-Буданов и А. И. Андреев отвергли эти сомнения и указали, что указ был даже использован в ст. 10 главы XIV Соборного Уложения 1649 года.

Лица своего от них — Указ о крестном целовании помещается уже в списках дополнительных статей второй редакции 1558 года, после Памяти 11 января 1558 г., то есть, очевидно, составлен в том же 1558 году. Выше (грань 12, глава 117) мы датировали этим же годом другой указ, в котором также говорилось о полоняниках, но только иноземных.

Грань 23, глава 159

Память 15 апреля 1559 г. устанавливала, что в день, когда происходила «большая панихида» (поминовение умерших), во время которой царь принимал митрополита, не совершались смертная и торговая казни. Лета 7067 апреля в 25 день. В списках А, Л, П, Ув, Б, Р перед текстом «Такому память прислал х казначеем дьяк Истома Кузмин за своею приписью». (П фраза помещена в конце Памяти). После даты: «Память царя и великого князя казначеем Федору Ивановичю Сукину да Хозяину Юрьевичю Тютину».

Грань 24, глава 166

Указ 24 ноября 1597 г. устанавливал пятилетний срок сыска беглых крестьян. Крестьяне, бежавшие от помещиков и других феодалов за 6 и больше лет до указа, сыску не подлежали. Указ 1597 года — одно из важнейших крепост-

нических мероприятий правительства Бориса Годунова. Еще с 1581 года в связи с началом поземельной переписи ежегодно издавались указы, запрещавшие («заповедывшие») крестьянский выход на данный год (введение так называемых «заповедных лет»). Это не смогло сколько-нибудь серьезно воспрепятствовать росту крестьянских побегов, приводивших к запустению центральных уездов страны. Недостаточной была и обычная для XVI века практика сыска крестьян по писцовым книгам. Понадобилось специальное законодательное решение о сыске беглецов, которое и было принято 24 ноября 1597 г. Однако массовый характер крестьянских побегов в 70—80-х годах XVI века вынудил правительство ограничиться пятилетним сроком иска (который впоследствии неоднократно увеличивался), а не подтвердить бессрочность сыска крестьян. Утверждение бессрочного сыска в обстановке конца XVI века было бы невыгодно и тем феодалам, у которых прочно осели беглые крестьяне.

Ссылаясь на Уложение 1607 года, упоминавшее о крестьянах, записаных в книгах «101 года» (то есть 1592—1593 гг.), Н. С. Чаев предположил, что пятилетний срок сыска введен в 1597 году в связи с окончанием переписи русских земель в 1592—1593 гг.; крестьяне, попавшие в писцовые книги, признавались окончательно закрепленными за помещиком (Н. С. Чаев, К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI века, «Исторические записки», т. 6, стр. 160 и сл.). Однако в 1592—1593 гг. в основных землях Русского государства перепись не была закончена, так что прямой связи указа 1597 года с составлением писцовых книг 1592—1593 гг. установить нельзя.

А. А. Новосельский считает, что введение урочных лет сыска крестьян произошло только при первых Романовых, и что крестьяне XVI века были «крепки» феодалу по писцовым книгам (А. А. Новосельский, К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в. Сборник Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия, М., 1952, стр. 178, 189). Вывод Новосельского об урочных летах, как о новом явлении, нарушившем «старину» XVI века, заслуживает всяческого внимания. Появление же урочных лет сыска крестьян следует связывать с указом 1597 года.

Грань 24, глава 168

Приговор 1 февраля 1606 г. о сыске беглых крестьян различает две категории беглых крестьян. Одни попрежнему подлежали возврату своим господам (это, во-первых, бежавшие до или после голодных 1602—1604 лет или, вовторых, — бежавшие в голодные годы «с живота, а прожити было им мочно»). Другие беглые крестьяне, бежавшие в голодные годы от бедности «в те голодные лета от помещика или от вотчинника сбрал от бедности», возврату своим прежним господам не подлежали.

Приговор 1 феврался 1606 г., так же как и Приговор 7 января 1606 г., показывает крепостнический характер политики Лжедмитрия I. Законодатель стоит на страже интересов помещиков, заинтересованных в усилении крепостнического гнета. Учитывая интересы «украинных» помещиков, которые содействовали победе самозванца, закон сохраняет за ними значительный контингент бежавших из центра страны крестьян. Восстановление пятилетнего срока сыска беглых крестьян («А на беглых крестьян по старому приговору, дале пяти лет суда не давати») означало по существу, что крестьяне, бежавшие до 1601 года, не подлежали возврату своим господам. Таким образом, указ 1597 года о сыске крестьян, бежавших позднее 1592 года, был на деле отменен. Это никак не могло удовлетворить московское дворянство (не случайно 9 марта 1607 г. Шуйский утвердил пятнадцатилетний срок сыска крестьян, то есть вернулся к указу 1597 года о сыске крестьян, бежавших с 1592 года). Закон 1 февраля 1606 г. создавал у части беглых крестьян и холопов иллюзию о «хорошем царе» — Дмитрии, что способствовало популярности имени «Дмитрия» среди участников восстания Болотникова (О законе см. также И. И. Смирнов, К характеристике внутренней политики Лжедмитрия I, «Ученые записки ЛГУ», № 49, Л., 1938, стр. 187—199).

Лета 7117-го февраля в 1 день, бояре приговорили: Из приговора изъято в Свободном Судебнике упоминание о Лжедмитрии I, от имени которого он был издан. В списке ГПБ Муз., № 6689 приговор помещен в памяти Лжедмитрия I, адресованной боярину Аф. Александр. Нагому,

думному дворянину Григ. Ив. Микулину и дьякам П. Желябужскому и Дею Чечетову.

Голодные лета — имеется в виду голод 1602—1604 гг. Указ отмечает массовые крестьянские побеги в эти годы.

Грань 25, глава 167

Указ 28 ноября 1601 г. представляет собой решение правительства Бориса Годунова в связи с неурожаем и голодом временно отменить «заповедные лета» и разрешить крестьянский выход. Это мероприятие по существу означало разрешение «вывозить» крестьян феодалам «меж собя». Запрещен был вывоз крестьян духовными феодалами, боярами, приказной администрацией, многовотчинными дворянами и феодалами Московского уезда. Разрешено было вывозить от одного феодала по 1—2 крестьянина одному человеку.

Указ был повторен 30 ноября 1602 г. (ААЭ, II, № 24).

Лета 7110-го. В списках Т II и Муз. указ дошел в составе памяти, адресованной боярину князю В. К. Черкасскому и окольничему Б. Я. Бельскому; в ГБЛ, Большак., № 297 и обычно в составе памяти окольничему В. П. Морозову.

Ноября в 28 день. Указ был введен в действие через два дня после Юрьева дня осеннего. Поэтому разрешено было вывозить крестьян после Юрьева дня две недели (а не за неделю до Юрьева дня и неделю после него, как это было по Судебникам). Все это говорит о поспешности, с которой закон издан в тяжелых экономических условиях (голод).

Трубникам и сурначеям — военным и придворным музыкантам.

Текстологический комментарий

[Введение]. Заголовок. [1]) *Испр.* Р сношены. [1]) *Здесь и ниже в рукописи на лл. 284 об. текст попорчен. Восстанавливается в* [ ] *по Т, Л, С.* [2]) *Так С. Р, Л, Т. отс.* [3]) *Р далее более светлыми чернилами* черные главы *С вместо 161* — червлено и грань черной главы. *Т, Л далее* червленое грань. Черное главы.

[Грань 1] [1]) *Так Л, Т, С. Р отс.* [2]) *Здесь и ниже в рукописи номера граней и глав помещены на полях. В* [ ] *даются отсутствующие в Р номера, имеющиеся в Л, С, Т. З. Так С. Л, Р, Т отс.* [4])—[4]) *Так обычно. Р.* государя. [5]) *Так Т, Л. Р* докучно. С докончати. [6]) *Так Т, С, Л. Р* бговоре. [7]) *Так обычно. Р* тово. [8]) *Так Т, С. Р. Л отс.* [9]) *Так обычно. Р отс.* [10]) *Так Т, С, Л. Р и з.* [11]) *Так, Т, С, Л. Р* казне. [12]) *Так по смыслу Р и везде отс.* [12]) *Так. обычно.* Р по полтора. [13]) *Так. Т, С. Л, Р отс.* [14]) *Так Т, С. Р, Л отс.* [15]) *С.* наспь. [16]) *Так Т, С, Л. Р* сто. [17]) *Так Т, С. Р, Л отс.* [18]) *Так Т, Л, С. Р* и после. [19]) *Так Т, С. Л* с. [20]) *Так С. Р, Л, Т* отс. [21]) *Так Т, Л, С. Р* а *исправлено на* и. [22]) *Так Л, Т, С. Р* жебьем. [23]) *Так Л, Т, С. Р* управех. [24]) *Так Т, С, Л. Р* погорели.

[Грань 2] [1]) *Так обычно.* Р *далее* на поле. [2]) *Так Л. Р, Т отс. С* и только. [3]) *Так С. Р, Т, Л отс.* [4]) *Так Т, Л, С. Р* поруки не. [5]) *Так Т, Л, С. Р* буй. [6]) *Так Т, Л, С. Р далее* или по исцове. [7]) *Так Т, С, Л. Р отс.* [8]) *Так Т, С. Р, Л* имет. [9]) *Так С, Т. Р, Л отс.* [10]) *Так Л, Т, С. Р* потписи. [11]) *Так Л, Т, С. Р* срочных. [12]) *Так Л, С, Т. Р* перет. [13]) *Т* отпи... *(конец л. 328, об.), далее текст отсутствует до гл. 15.* [14]) *Так Л, С. Р* урочной. [15]) *Так Л. Р* потписи. [16]) *Так Л, С. Р* потписи. [17]) *Так обычно Р далее* и великому князю. [18]) *Так Л. Р, С* которыми. [19])—[19]) *Так Л, С. Р* по тому ж от печати. [20])—[20]) *Так Л, С. Р* двои пошлины.

[Грань 3] [1]) *Так обычно Р. далее* ж. [2]) *Так Л, С. Р* придет. [3]) *Так Л, С. Р поставлено после двух следующих слов.* [4]) *Так судебник 1550 г. Р, Л* о. *С* от. [5]) *Так Л, С. Р* послухов. [6]) *Так Л. Р, С* в правду. [7]) *Р* присужати вать, *причем буквы* вать *приписаны позднее. С* присужати. [8]) *Р* присужати, *причем над строкой приписка* ва. [9]) *Так Л, С. Р* отс. [10])—[10]) *Так Л.* Р тем. [11]) *Так Л, С. Р отс.* [12]) *Р описка* бошлему. [13]) *Так обычно. Р описка* сыскала. [14]) *Так Л, С. Р отс.* [15]) *Так Л, С. Р* смотря. [16]) *В Уставной книге разбойного приказа* из права. [17])—[17]) *Так Л, С. Р* в обыскех солжут. [18])—[18]) *Так Л, С. Р* государю в правду. [19]) *Так Л, С. Р* делу. [20]) *Так Л, С. Р* правду. [21]) *Так Л. Р описка* дедают. *С* ведает. [22]) *Так Л, С. Р* татиные. [23]) *Так Л, С. Р* запечатать.

[Грань 4] [1]) *Так Л, С. Р* написаны. [2]) *Так Л, С. Р* их. [3]) *Так С. Р, Л* обыскных. [4])—[4]) *Так Л, С. Р* обидах.

[Грань 5] [1]) *Так С. Р, Л отс.* [2]) *Так Л. Р* болши. [3]) *Так Л, С. Р* смотря. [4])—[4]) *Так Л. Р* от Новагорода. *С* одногородные (одного города). [5]) *Так Л, С. Р* наместнику.

[Грань 6] [1]) *Так С. Р, Л отс.* [2]) *Так С. Р, Л отс.* [3]) *Так С. Р, Л отс.* [4]) *Так С. Р, Л* будет. [5]) *Так Л, С.* Р кончаетца. [6]) *Так Л. Р* пришлют. *С* пошлют. [7]) *Так Л, С. Р* пересуду. [8]) *Так Л, С. Р поставлено перед двумя предыдущими словами.* [9]) *Так Л, С. Р отс.* [10]) *Так Л, С. Р* или. [11]) *Так обычно. Р далее* кому. [12]) *Так Л, С. Р* по[ру]ки; *текст попорчен.* [13]) *Так Л, С. Р* испродати. [14])—[14]) *Так С. Р, Л* подает на поруки.

[Грань 8] [1]) *Так Л, С. Р текст в скобках отс. Возможно, потерян лист.* [2]) *Так Л, С. Р* доводу. [3]) *Так Л, С. Р* бить [4]) *Так С. Л, Р* правеже. [5])—[5]) *Так Л. Р* впредь будут исцы. *С* исцы будут

вперед. [6]) *Так Л, С. Р отс.* [7]) *Так Л. Р, С* а. [8]) *Так Л, С. Р* обыскивати. [9]) *Так Л. Р* а. *С* отс. [10]) *Так Л. Р* выпускать. *С* выпущати. [11]) *Так С. Р, Л* отс. [12]) *Так Л, С. Р отс.* [13])—[13]) *Так С. Р* остатков от. [14]) *Так Л, С. Р* нечем. [15]) *Так Л, С. Р* по государевым. [16]) *Так Л. Р, С отс.*

[Грань 9] [1]) *Так С. Р, Л* исцом. [2]) *Так Л, Р* их. *С* отс.

[Грань 10] [1]) *Так Л, С. Р отс.* [2]) *Так Л, С. Р* ком. [3]) *Так Л, С. Р* испродати. [4]) *Так Л, С. Р перед тремя предыдущими цифрами.* [5]) *Так Л, С. Р* докладную. [6]) *Так Л, С. Р* и. [7]) *Так Л, С. Р отс.* [8]) *Так Л, С. Р отс.* [9]) *Так Л, С. Р отс.* [10]) *Так С. Р, Л* дьячку. [11]) *Так Л, С. Р отс.* [12])—[12]) *Так Л. Р* волостелина дьячка. *С* волостеля дьяка. [13]) *Так С. Р, Л* судного. [14]) *Так Л. Р, С* лживит. [15])—[15]) *Так Л, С. Р* не их у списков. [16]) *Так Л, С. Р* дьячка. [17])—[17]) *Так Л, С. Р поставлено после трех следующих слов.* [18])—[18]) *Так Л. Р* городовым прикащиком. *С* приказным людем городовым. [19]) *Так Л, С. Р* наместника. [20]) *Так Л, С. Р* и. [21]) *Так Л. Р, С* вымут. [22])—[22]) *Так Л, С. Р* волостелиных людех. [23]) *Так Л, С. Р* смотря. [24]) *Так Л, С. Р* кормление. [25]) *С. далее* и. [26]) *Так С. Р, Л* дают. [27]) *Так Л. Р, С* казначею. [28]) *Так Л. Р, С далее* и. [29]) *Так С. Р, Л* сыскати. [30]) *Так Л, С. Р отс.* [31])—[31]) *Так Л, С. Р* государеве цареве. [32])—[32]) *Так Л, С. Р* на поруки дать. [33])—[33]) *Так Л, С. Р* к государю к Москве. [34]) *Так Л, С. Р* смотря. [35]) *Так Л, С. Р* живот у него.

[Грань 11] [1]) *Так Л. Р, С* А с.

[Грань 12] [1]) *Так С. Р, Л отс.* [2]) *Так Л, С. Р отс.* [3]) *Так С. Р, Л* полные. [4]) *Так Л, С. Р* боярем. [5]) *Так Л, С. Р* пократчи. [6]) *Так Л, С. Р* взял. [7]) *Так Л, С. Р* то. [8]) *Так Л. Р, С* выдет. [9]) *Так Л, С. Р* прапало. [10])—[10]) *Так С. Р, Л* не доживет у государя. [11]) *Так Л, С. Р отс.* [12]) *Так Л, С. Р отс.* [13]) *Так Л, С. Р* изымает о. [14]) *Так Л, С. Р* хопи. [15]) *Так Л, С. Р* денги. [16])—[16]) *Так Л. Р* кабала. *С* кабала на него. [17]) *Так Л, С. Р отс.* [18]) *Так Л, С. Р описка* 105. [19]) *Так С. Р, Л* положил. [19а]) *Так по смыслу. Обычно отс.* [20]) *Так Л, С. Р описка* сужбу. [21]) *Так Л, С. Р описка* исцов. [22]) *Так Л, С. Р описка* говою. [23]) *Так С. Р, Л описка* до. *Испр.* Р 160. [24]) *Так Л, С. Р* крепостям. *С далее* людским. [25]) *Так Л. Р. описка* дей. *С отс.* [26]) *Так Л, С. Р описка* чем. [27]) *Так Л, С. Р далее,* а которой государь, *причем первые два слова зачеркнуты.*

[Грань 13] [1]) *Так Л, С. Р отс.* [2]) *Так С. Р, Л* стоит. [3]) *Так С. Р, Л* что т. [4]) *Так С. Р далее* и. [5]) *Л текст* вотчины в заклад имати *(ср. Р л. 351 об.)*... платити *отс. (возможно, потерян лист).* [6]) *Так Л, С. Р отс.* [7]) *Так С. Р, Л отс.* [8]) *Так С. Р, Л далее* царя и. [9]) *Так С. Р, Л отс.* [10]) *Так Л, С. Р* души. [11]) *Так С. Р, Л* что. [12]) *Так С. Р и Л описка 156.* [13]) *Так Л, С. Р* печатана. [14]) *Так С. Р, Л* прежние. [15]) *Так С, Л. Р* кольке. [16]) *Так Л, С. Р описка* велел. [17]) *Так Л, С. Р описка* велед. [18]) *Так Л, С. Р отс.* [19]) *Так Л, С. Р* ярыи. *В тексте* СГГ *и* Д *(далеее — тексте)* слов «ярым образом» *нет.* [20]) *Так Л. Р* Вифлянские. [21]) *Так Л. Р* Свиские. *С* Свинские. [22]) *Так С. Р, отс. В тексте* «образом дивнего зверя». [23]) *Так Л, С. Р* запустения. [24]) *Так С. Р, Л, С* сеножам. [25]) *Так Л, С. Р* предворяется.

[Грань 14] [1]) *Так Л, С. Р* старинными. [2]) *Так Л, С. Р описка* поминами. [3])—[3]) *Так Л, С. Р* напишет вотчину свою. [4])—[4]) *Так С. Р* ближнему своего *Л* ближнего своего. [5]) *Так Л, С. Р* своего. [6]) *Так Л, С. Р отс.* [7]) *Так Л. Р* монастырь. *С* монастыря. [8]) *Так Л, С. Р* монастыре. [9])—[9]) *Так Л, С. Р* велит государь. [10]) *Так Л, С. Р* иногоротцы и. [11]) *Так Л, С. Р* покупали. [12]) *Так Л, С. Р* имати. [13]) *Так Л, С. Р* иногоротцы. [14]) *Так Л, С. Р* оприч. [15]) *Так Л, С. Р* дати. [16]) *Так Л, С. Р* и без. [17]) *Так Л, С. Р* станет. [18]) *Так Л, С. Р* ей. [19]) *Так Л, С. Р отс.* [20]) *Так Л, С. Р* А по. [21]) *Так С. Р, Л* в духовную. [22]) *Так Л, С. Р отс.* [23]) *Так С. Р, Л* и архиепископы. [24]) *Так Л, С. Р* Мстиловской. [25]) *Так С. Р, Л* давывалися. [26]) *Так С. Р, Л* и у. [27]) *Так Л, С. Р* котороге. [28]) *Так Л, С. Р* которого.

[Грань 15] [1]) *Так Л, С. Р* Георгиева. [2]) *Так Л, С. Р* Егорьеве. [3]) *Так Л, Т, С. Р* четь. [4]) *Так Т, С. Р, Л. чети.* [5])—[5]) *Так Л Т. Р отс. С.* иному.

[Грань 16] *Далее обычно* 100. *Но это описка.* [2]) *Так Л, Т, С. Р* и.

[Грань 17] [1])—[1]) *Так С. Р, Л* о церкве. *Т* о церкви. [2]) *Так Л, Т, С. Р отс.* [3])—[3]) *Так С. Р* о церкве. *Л. Т* о церкви. [4]) *Так Т, С. Р, Л* церкве. [5])—[5]) *Так Т, С. Р* о церкве.

[Грань 18] [1]) *Так Т, С, Л. Р* при.

[Грань 19] [1]) *Так Т, С, Л. Р отс.* [2]) *Л далее* и. [3])—[3]) *Так Л, Т, С. Р* писати образец. [4]) *Так Л, Т, С. Р* описка татакова. [5])—[5]) *Так Л, Т, С. Р* взыщут на нем.

[Грань 20] [1])—[1]) *Так Т, Л. Р* такова дела. *С отс.* [2]) *Так Л, Т, С. Р отс.* [3]) *Так Л, Т, С. Р отс.* [4]) *Так Т, Л, С. Р* государев. [5]) *Так обычно. Р далее А* случитца суд один.

[Грань 21] [1]) *Так обычно. Р* монастыре. [2]) *Так Л, Т. Р описка* монастырях. *С* милостыню. [3]) *На этом обрывается список Т* (л. 333, об.). [4]) *Так Л, С. Р далее* и.

[Грань 22] [1]) *Так Л, С. Р* варением. [2]) *Так Л, С. Р* нуже. [3]) *Так Л, С. Р* церкве. [4]) *Л* пер... *далее пропуск, включая слова главы* 24. О беглых крестьянах главы 166, 168 *(возможно, вырван лист).*

[Грань 24] [1]) *Так Л, С. Р описка* те. [2]) *Так Л, С. Р описка* ни. [3])—[3]) *Так С. Р,* судник. [4]) *Так Л, С. Р* а. [5]) *Так С. Р, Л отс.*

[Грань 25] [1]) *Так Л, С. Р* году. [2]) *Так Л, С. Р* отс. [3]) *Так Л. Р.* Гегоргиев. [4]) *Так Л. Р.* Гегоргиева. [5]) *Так С. Р.* и за. [6]) *Р описка* крестья.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СПИСКИ

1. I полов. XVII в. Рогожский. ГБЛ, Рогожское собрание, № 660, лл. 276—384(Р).

2. I полов. XVII в. Лихачева. ОДРА, собрание Лихачева, № 490, лл. 1—124, об (Л).

3. I полов. XVII в. Троицкий, ГБЛ МДА, № 17/203, лл. 302—336(Т).

4. XVIII в. Сенатский. «Сводный Судебник... Напечатан первым тиснением при Сенате 1774 года» (С).

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

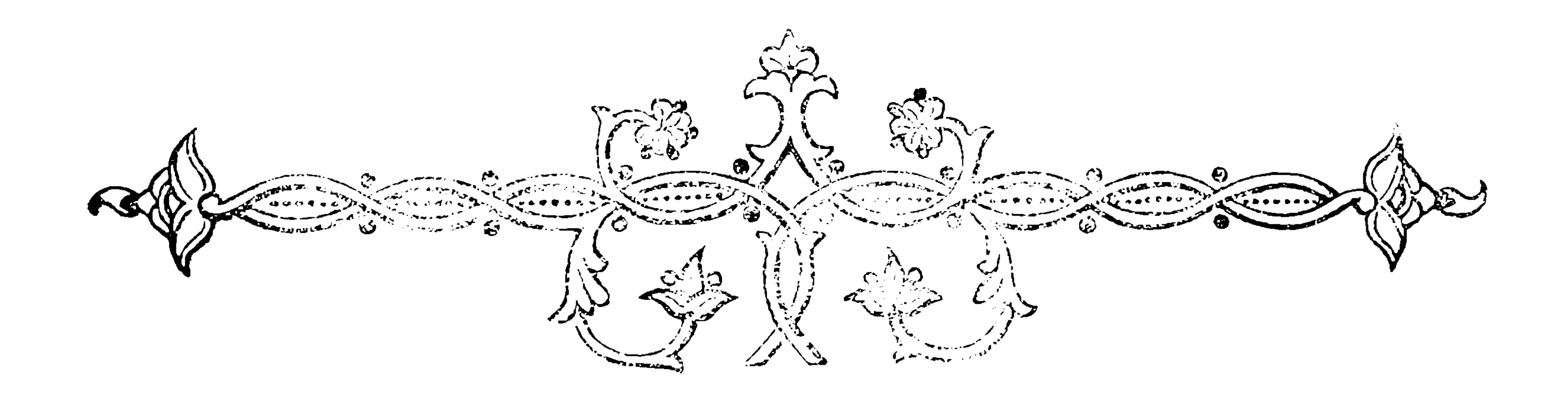
1. «Сводный Судебник, учиненный по указу Его величества государя, царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России самодержца в лето от сотворения мира. Напечатан первым тиснением при Сенате 1774 года.»

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. А. И. Андреев, Сводный Судебник, «Известия Академии наук», 1925, стр. 621—644.

См. также литературу к Судебнику 1550 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ



ВВЕДЕНИЕ

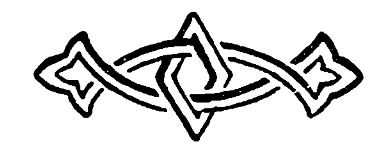
В приложениях к IV выпуску «Памятников русского права» публикуется приговор 1550 года о монастырских слободах, имеющий важное значение для изучения истории отношений Русского государства с церковным землевладением, а также несколько документов, содержащих записи о важных преобразованиях государственного аппарата середины XVI века, связанных с оформлением в России сословно-представительной монархии. Так, в продолжении хронографа 1512 года помещается запись о первом Земском соборе 1549 года, с которым связывается начало реформ в центральном и местном государственном аппарате. Царские вопросы (февраль 1550 года) содержат программу реформ, осуществлявшуюся позднее правительством А. Адашева, которое сложилось в результате компромисса между основными прослойками класса феодалов в обстановке резкого обострения классовой борьбы в стране. Остальные три документа рисуют военные реформы (ограничение местничества и «Уложение о службе» 1556 года) и перестройку местного аппарата (ликвидацию системы кормлений и создание органов губного и земского управлений). Некоторые из намеченных в середине XVI века мероприятий (например, испомещение тысячников в 1550 году) так и остались лишь проектами, не получив осуществления в сложной обстановке 50-х годов XVI века.

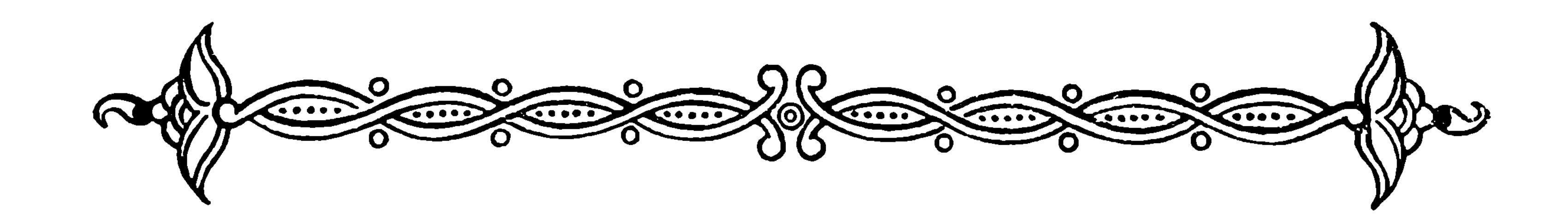
Основное содержание преобразований 50-х годов XVI века, проведенных в интересах класса феодалов, сводилось к укреплению централизованного аппарата власти и оформлению сословно-представительной монархии. После ликвидации мартовского «мятежа» 1553 года, вызванного

недовольством боярской реакции централизаторской политикой, были проведены реформы, укрепившие положение дворянства в местном и центральном аппарате власти (оформление приказной системы и завершение губной реформы) и частично верхов торгово-ремесленного населения (завершение земской реформы).

Однако проведенные реформы страдали непоследовательностью. Прежде всего не были подорваны экономические основы могущества феодальной аристократии — крупное привилегированное землевладение. Боярство занимало ключевые позиции в таких важнейших органах власти, как боярская дума и другие. Задачи дальнейшего укрепления централизованного государства вызвали падение правительства Алексея Адашева в 1560 году и переход в 1565 году к политике опричнины.

Публикуемые материалы являются необходимым дополнением к дошедшим до нас законодательным актам, рисующим правительственную политику 50-х годов XVI века. Помещаются они в приложениях потому, что часть из них является лишь изложением законодательных мероприятий (а не их официальным текстом), а часть представляет только проекты реформ.





ЗАПИСЬ ПРОДОЛЖАТЕЛЯ ХРОНОГРАФА 1512 Г. О ЗЕМСКОМ СОБОРЕ 1549 Г.

Того же месяца февраля, в 27 день [1] царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси в своих царьских полатах перед отцем своим Макарьем митрополитом и предо всем освященным собором говорил бояром своим князю Дмитрею Феодоровичю Бельскому, князю Юрью Михайловичу Булгакову, князю Феодору Андреевичу Булгакову, князю Петру Михайловичю Щенятеву, князю Дмитрею Феодоровичю Палецкому, Василию Дмитреевичю Шеину, князю Данилу Дмитреевичю Пронскому, князю Александру Борисовичю Горбатову, и иным своим бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, что до его царьского возраста от них и от их людей детем боярским и христьяном чинилися силы и продажи и обиды великие в землях, и в холопех и в ыных во многих делех, и они бы вперед так не чинили, детем бы боярьским и христьяном от них и от их людей силы и продажи и обиды во всяких делех не было никоторые, а хто вперед кому учинит силу или продажу и обиду, и тем от царя и великого князя быти в опале и в казни.

И бояре все били челом государю царю и великому князю, чтобы государь их в том пожаловал, сердца на них не дерьжал и опалы им не учинил никоторые, а они хотят служити ему, государю царю и великому князю, и добра хотели ему и его людем во всем вправду, безо всякия хитрости, по тому же, как служили и добра хотели государю своему, отцу его, великому князю Василию Ивановичю всея Руси [2].., и деду его, великому князю Ивану Васильевичу всея Руси. А которые будут дети боярьские и

---

[1] То есть 27 февраля 1549 г.

[2] Далее, может быть, пропущено слово.

христьяне на них и на их людей учнут бити челом, о каких делех ни буди, государь бы их пожаловал, давал им и их людем с теми детми боярьскими и со христьяны суд. И царь и великий князь Иван Васильевичь всея Руси перед отцом своим Макарьем митрополитом и перед всем освященным собором бояр своих пожаловал с великим благочестием и усердием, наказав их, умилне говорил им: «по се время сердца на вас в тех делех не держу и опалы на вас ни на кого не положу, а вы бе вперед так не чинили». Да и воеводам и княжатам и боярьским детем и дворяном болшим то же говорил; и пожаловал их, наказал всех с благочестием умилне.

Того же месяца февраля, в 29 день, царь и великий князь Иван со отцем своим Макарьем митрополитом и з бояры уложил, что во всех городех Московьские земли наместником детей боярьских не судити ни в чем, опричь душегубства и татьбы и розбоя с поличным; да и грамоты свои жаловальные о том во все городы детем боярьским послал.

С. О. Шмидт. Продолжение хронографа редакции 1512 года, Исторический Архив, т. VII, стр. 295—296

1550 г. февраля

ВОПРОСЫ ИВАНА IV МИТРОПОЛИТУ МАКАРИЮ, СОДЕРЖАЩИЕ ПРОЕКТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕФОРМ

Говорити перед государем, и перед митрополитом, и передо владыки, и передо всеми бояры дияку, как было перед великом князе Иване Васильевиче, при деде, и при отце моем, при великом князе Василье Ивановиче, всякие законы, тако бо и ныне устроити по святым правилом и по праотеческим законом, и на чом святители, и царь, и все приговорим и уложим, кое бы было о бозе твердо и неподвижно в векы.

1. Отец мой, Макарей митрополит, и архиепископы, и епископы, и князи, и бояре. Нарежался есми х Казани со всем христолюбивым воинством и положил есми совет своими боляры в пречистой и соборной перед тобою, отцем своим, о местех в воеводах и в всяких посылках в всяком розряде не местничатися, кого с кем куды ни пошлют,

чтобы воиньскому делу в том порухи не было; и всем бояром тот был приговор люб [1]. И в Володимере перед митрополитом з бояры тот же приговор был и в Нижнем Новегороде також. И как приехали х Казани, и с кем кого ни пошлют на которое дело, ино всякой розместничается на всякой посылке и на всяком деле, и в том у нас везде бывает дело не крепко; и отселе куды кого с кем посылаю без мест по тому приговору, никако без кручины и без вражды промежь себя никоторое дело не минет, и в тех местех всякому делу помешька бывает.

О сем посоветуйте все вкупе и уложите, как вперед тому делу быть без вражды и без кручины и полюбовно, чтоб воиньском деле в том никоторые споны не было, а мне бы о том кручины не было.

2. Да о том говорите: как были у кого вотчины, да у тех же каковы поместья, и каковы им кормленья давалися и в колько год, и как оне с тех вотчин и с тех поместей служили; и ныне, после великого князя Василья и после великие княгини Елены до возраста царьскаго, каковы за ним вотчины, и каковы поместья, и каковы кормленья, и всякие приказы, и за дьяки, и за подьячими, и за сытники, и за огневщики, и за выимщики, и за городничими, и за иными приказными людьми, також вотчины, и поместья, и кормленья, и многие приказы, и о том что приговорити и недостальных как пожаловати? А у которых отцов было поместья на сто четвертей, ино за детми ныне втрое, а иной голоден; а в меру дано на только по книгам, а сметить, ино вдвое, а инъде больши, и тобы приговоря, да поверстати по достоиньству безгрешно, а у кого лишек, ино недостаточного пожаловати.

3. Да у монастырей, и у князей, и у бояр слободы внове починены, а где бывали старые, извечные слободы, государьская подать и земьская тягль изгибла, и вперед как тому быти? И възрите в дедовы и в батьковы в уставные книги, каков был указ слободам, ино бы так и ныне учинити.

4. О корчмах, даных по городам и по пригородом и, по волостем; даны изстари, а иные чтоб наместником и кормленщиком с тех земель бражное уложити, а корчьмы

[1] В *рукописи далее зачеркнуто.* А в Нижнем Новгороде.

бы отнюдь не было, занеже от корчемь хрестьяном великая беда чинитца и душам погибель.

5. О мытех по дорогам. Коеа ради вины пошлины уставлены со всякого человека, и с торгов и не с торгов, и священническаго чину и иноческаго, и со всякого з домашнего запасу и с товару, и чтобы с товару пошлину прибавить у тамги, а мыта б не было, опричь порубежных мест от чужих земель.

6. О перевозех и о мостех. То должное только бы по указу имали, и по городом явьки проезжим; а где торгуеть, ино туто тамга, то достойно, а где не торгует, ино недостоит ничего взяти, развие от явьки.

7. А по рубежем по литовскым, и по немецким, и по татарскым заставы крепкые, и явька и мыт добре надобети бречи всего и осматривати и беглых людей и заповедных товаров.

8. А у кого вотчины, ино вотчинные книги устроити хто купит, или продасть, или по душе отдаст, или променит, или племяннику отдаст, и то записати в книгах в меру — и пашенная земля, и не пашенная, и лешая, и луги, и перевесы, и борти, и реки, и озера, и пруды, и ряды, и перевозы, и мосты, и всякие угодья, и церковная земля, и дворы, и огороды, — ино его не обидит нихто, а ему чюжево прибавить не уметь же; чем умерят лишьком над книгами, то отъимуть на меня, и ведомо, за кем сколько прибудет и убудет, и по вотчине и служба знать.

9. А поместья кому давать — в меру и пашенная земля, и не пашенная, и луги, и лес и вякие угодья; что в книгах стоит, то бы и в жаловалной грамоте слово в слово, и он чюжево не заимает, а в его вступитца не умеет; прибудет у него пашни, ино будет перелогу и лишие земли, а все будет вместе, а что на своей земле ни примыслит, то все божье да ево; и запустошит, от себя ему пришло, а от меня опала, и о том тяжбы не будет ни с кем вперед.

10. О вдовых боярынях. Которые дети боярскые на службах побиты или где ни померли, и о тех поместьях жены и дети волочатца, а слуг в то место нет, а дьяк умрет или приказной человек, а поместье за ним или за детьми, а слуг нету; и дадут поместье на прожиток молодой боярыне, и она замужь не идеть поместья для и на грех дерзнеть за молодость, а службы нет. И чтобы уложити так:

боярыня вдова молода, ино сыну боярскому на ней женится, а служба служить с того поместья, а детей кормити и дочери замужь давати, а сынове взростут, ино им придача, посмотря по человеку; а боярыня стара, а дочь невеста, ино боярской сын на дочери женитца и с поместья служит и тещу кормит; и будет боярыня стара, а дети и внучата малы, и доколе ростут, а за них служит племянник или брат по их совету, — поместьем владееть, а их кормит, ино вселды служеные люди полны, а вдовы з детми не погинут, по двором волочась, а государю докуки от них нет; а которая боярыня бездетна и племянника доброго нет, кому с того поместья служить, а ее кормить и такая пустотная боярыня старая устроити в монастырь, а поместье на государя, а не похочет в моностырь, ино земли уделити, как мощно сытой быть.

11. Лучитца гостей Нагай отпущати или послов, и наперед отпустити большие люди да с ними сына боярского доброго, а на брежение оставити у собя лучих дву послов или трех и с рухлядью з доброю да отпустити опосле, дни с три спустя, с крепкими проводники. Выдут за рубеж на Проню смирно большие люди, и нашь проводник, отпустивь их, да скажет, что вышли тихо из земли, ино и достальных с рубежа за ними отпустить; а будет что изуродуют или которые лихо учинят, и проводники приехав скажют, ино тех лучших послов не выпущати, доколе в том управятца, что збредили: ино нашим детем боярским волокиты не будет, и они себя для ездят брежно; хрестьянству не будет никоторого лиха ни от татар, ни от своих, — и свои пакости чинят пуще татар, коли их много. А коли послы или Нагаи с торгом к нам или от нас идут, ино бы над ними наши никоторого лиха не чинили, ни крали бы их, ни грабили; всякое лихо от наших задор чинится: наши над ними поуродуют, и они вдесятеро беду доспеют.

12. Да приговорил есми писцов послати во всю свою землю писать и сметити и мои, царя, великого князя, и митрополочи, и владычни, и монастырские, и церковные земли, и княжеские, боярские, и вотчиные, и поместные, и черные, и оброчные, и починки, и пустоши, и селища, и земецкие земли всякие, чье ни буди, а мерити пашенная земля, и не пашенная, и луги, и лес, и всякие угодья смечати и писати, — реки, и озера, и пруды, и оброчные ловли,

и колы, и сежи, и борти, и перевесы, и мыти, и мосты, и перевозы, и рядки, и торговища, и погостьцкая земля и церковная, и дворы, и огороды, и в книгах то все поставити. И кого чем пожалую, и по книгам жаловальные грамоты давати слово в слово для того, чтобы вперед тяжа не была о водах и о землях, — и что кому дано, тот тем и владей, а утяжют кого черес писмо лишьком, и то имати на меня, царя и великого князя, да и того ради кто чего попросит, и яз ведаю, чем кого пожаловати, и хто чем нужень, и хто с чего служит, и то мне будет ведомо же, и жилое, и пустое.

(ГПБ, Q, XVII, № 50, лл. 332 об. — 339

1550 г., сентября 15

ПРИГОВОР О МОНАСТЫРСКИХ СЛОБОДАХ

Лета 7059-го сентября в 15[1] говорил со царем и великим князем отец его Макарей митрополит всея Русии. Приговорил еси, государь, прежде сего с нами, с своими богомольцы, со архиепископы и епископы, о слободах о наших митрополичьих[2] и о архиепископлих и епископлих, и о монастырских, что слободам всем новым тянути з городцкими людми во всякое тягло, и з судом. И мы и ныне тот приговор помним. В новых слободах ведает бог да ты, государь, опричь суда. А ныне наместники твои царевы государевы, и волостели возле тех новых приходцев и старых слобожан хотят судити, и в том тем слобожаном нашим запустети. А преже того, государь, твои наместники и волостели наших слобожан не суживали. И ты бы, государь, своим наместником и волостелем и впред наших слобожан не велел судити.

А ныне твой царской приговор с нами, что в те в новые слободы вышли посадцкие люди, после описи и тех бы людей из новых слобод опять вывести в город на посад. И о том ведает бог да ты, государь, как тебе о них бог известит. А впред бы митрополитом и архиепископом

[1] Далее в тексте глава 94. В других списках — глава 98.
[2] В тексте митрополиих.

[и епископом][1] и монастырем держати свои старые слободы по старине, о суде и о всяких делех по прежним грамотам. А новых слобод не ставити и дворов новых[2] в старых слободах не прибавляти, развее ото отца детем, или от тестя[3] зять[3], или от брата братьи выставливатися и своими дворы жити. А опричним прохожим людем градцким и селским в тех старых слободах новых дворов не ставити. А в которых в старых слободах дворы опустеют, и в те дворы называти людей пашенных и непашенных по старине, как преже сего было. А отказывати тех людей о сроце о Юреве днии о осеннем по цареву указу по старине же.

А с посаду впред городцких людей в слободы не называти и не приимати, развее казаков нетяглых людей. А[4] из слобот из митрополичих, и из архиепископлих, и из епископлих, и из монастырских, которые християне похотят итти во град на посады или в села жити, и тем людем итти о сроце же о Юреве днии со отказом по нашему указу царьскому[4].

Макарьевский Стоглавник. Труды Новгородской Губернской Ученой Архивной комиссии, вып. 1, Новгород, 1912, стр. 128—129

ЗАПИСЬ ТЫСЯЧНОЙ КНИГИ 1550 Г. О ПРОЕКТЕ ИСПОМЕЩИЯ ИЗБРАННОЙ ТЫСЯЧИ

Лета 7059-го октября царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии приговорил з бояры учинить в Московском уезде, да в половине Дмитрова, да в Рузе, да в Звенигороде, да в числяках, и в ординцах, и в перевесных деревнях, и в тетеревничих, и в оброчных деревнях, от Москвы верст за 60 и 70, помещиков детей боярских лутчих слуг 1000 человек.

---

[1] *В тексте* отс. *Так в других списках.*

[2] *В тексте* многих. *Так в других списках.*

[3-3] *Исправлено. В тексте* отстязаний.

[4-4] В издании «Стоглав СПб., 1863 г.»: «А которые християне митрополичьи, или архиепископльи и епископльи похотят из слобод итти на посад, или в села жити, и тем людем ити вольно на тот же срок».

А которым бояром и окольничим быти готовым в посылки, а поместей и вотчин в Московском уезде у них не будет, — и бояром и околничим дати поместья в Московском уезде по 200 чети; а детем боярским — в 1-й статье дати поместья по 200 ж чети; а другой статье детем боярским дати поместья по 150 чети, а третьей статье дати детем боярским поместья по 100 чети; а сена им давати по тольку ж копен, на колько кому дано четвертные пашни, опроче крестьянского сена, — а крестьяном давати на выть по 30 копен. А которой по грехам ис той тысечи вымрет, а сын его не пригодитца к той службе, ино в того место прибрать иного. А за которыми бояры и за детьми боярскими вотчины в Московском уезде или в ыном городе, которые блиско Москвы верст за 50 или 60 и тем поместья не давати.

Тысячная книга 1550 года. Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века, М.—Л., 1950, стр. 53—54.

ЗАПИСЬ РАЗРЯДНОЙ КНИГИ ОБ УКАЗЕ 1550 Г. О ЧАСТИЧНОЙ ОТМЕНЕ МЕСТНИЧЕСТВА

Лета 7058 г., июля ц[а]рь и великий княз Иван Васильевич всея Русии приговорил с о[т]цом своим Макарьем митрополитом, и з братом своим со князем Юрьем Васильевичем, и со князем Володимером Андреевичем, и с своими бояры, да в наряд служебной велел написати, где быти на ц[а]р[е]ве и великого князя службе бояром и воеводам по полком: в болшом полку быти болшому воеводе, а передоваго полку, и правые руки, и левые руки воеводам и сторожевого полку первым воеводам быти менше болшого полку первого воеводы. А хто будет другой в болшом полку воевода, и до того болшаго полку другово воеводы правые руки болшему воеводе дела и счету нет: быти им без мест.

А которые воеводы будут в правой руке, и передовому полку да сторожевому полку воеводам первым быти правые руки не менши. А левые руки воеводам быти не менши передового полку и сторожевого полку первых воевод. А быти левые руки воеводам менши правые руки первого воеводы. А другому воеводе в левой руке быт менши другово ж воеводы правые.

А князем, и дворяном болшим, и детем боярским на ц[а]р[е]ве и великого князя службе з бояры и с воеводы [и]ли с легкими воеводами ц[а]р[е]ва и великого князя для дела быти без мест. И в наряд служебной ц[а]рь и великий князь велел записати, что боярским детем и дворяном болшим лутчица на ц[а]р[е]ве и великого князя службе быти с воеводами не по их отечеству, и в том их отечеству порухи никоторые нет.

А которые дворяне болшие н[ы]не будут с меншими воеводами, где на ц[а]р[е]ве и великого князя службе не по своему отечеству, а вперед из них лучитца кому ис тех дворян болших самем быт в воеводах и теми ж воеводами вместе, с которыми оне были, или лучитца где быти на какове посылке, и с теми им воеводами, с которыми оне бывали, счет дати тогды, и быти им тогды в воеводах по своему отечеству. А наперед того хотя и бывали с которыми воеводами с меншими на службе, и тем дворяном с теми воеводами в счете в своем отечестве порухи нет по г[осу]д[а]р[е]ву ц[а]р[е]ву и великого князя приговору.

П. Н. Лихачев. Древнейшая разрядная книга, М., 1901, стр. 142—143.

ЗАПИСЬ ПРОДОЛЖАТЕЛЯ ЛЕТОПИСЦА НАЧАЛА ЦАРСТВА О ЧАСТИЧНОЙ ОТМЕНЕ МЕСТНИЧЕСТВА В 1550 Г. И ОБ ОТМЕНЕ КОРМЛЕНИИ И УЛОЖЕНИИ О СЛУЖБЕ 1555—1556 ГГ.

В лето 7058-го Приговор государев. Лета 7058-го приговорил царь государь с митрополитом и с всеми бояры: в полкех быти княжатам и детем боярскым с воеводами без мест, ходити на всякие дела со всеми воеводами для вмещениа людем, а в том отечеству их уничижениа нет, которые будут вперед в боярех или воеводах, и он считается по своему отечеству.

О воеводах. А воеводы в полкех: болшой полк да правая рука да леваа рука по местом, а передовой полк да сторожевой полк менши одного в болшем полку болшего воеводы, а до правой рукы и до левой рукы и в болшом полку до другово воеводы дела нет, с теми без мест; кто

с кем в одном полку послан, тот того и менши. А воевод государь прибирает, разсужая их отечество, и хто того дородитца, хто может ратной обычай съдержати.

Приговор царской о кормлениах и о службе. Лета 7064-го приговорил царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии з братиею и з боляры о кормлениях и о службе всем людем, как им вперед служити. А посе время бояре и князи и дети боярские сидели по кормлением по городом и по волостем, для росправы людем и всякого устроениа землям и собе от служеб для покою и прекормления; на которых городех и волостех были в кои лета наместники и волостели, и тем городом и волостем розсправу и устрой делали и от всякого их лиха обращали на благое, а сами были доволны оброкы своими и пошлинами указными, что им государь уложил.

И вниде в слух благочестивому царю, что многие грады и волости пусты учинили наместникы и волостели, изо многых лет презрев страх божий и государьскые уставы, и много злокозненых дел на них учиниша; не быша им пастыри и учители, но сътворишася им гонители и разорители. Такоже тех градов и волостей мужичья многие коварства содеяша и убийства их людем: и как едут с кормленей, и мужики многими искы отъискывают; и много в том кровопролития и осквернениа душам содеяша, их же не подобает в христианском законе не слышати; и многие наместникы и волостели и старого своего стяжениа избыша, животов и вотчин.

Царю же благочестивому обычай бяше таков: начало его премудрости страх господень, а все перед богом собя чиста соблюдает, церковное предстояние в страсте и трепете имети, ничто же глаголюще, ниже помышляюще в время святого пения, токмо съвесть своя пред богом исправляюща; и на всяк день некоторым обычаем не разлучится от преданнаго правила божественаго всего церковнаго, такоже и уединеная молитва, потом же суд и правда нелицемерна всем; потехи же царьскые, ловы и иные учрежения, еже подобает обычаем царьскым, все оставиша, но тъщащеся по Христе волю его сътворити во всем и порученые ему государства съблюсти и устроити во всем подобие вправду и оборонити от всех иноверных бусурман и латын. А храбрость же и мужество его и от бога даное ему благородие

како тщится за благочестие поборати по всяк день и час? Ничто же ино съдевает, токмо о том печется, как утвердити закон и веру пресветлую и благочестивую христианскую в всех подрученных ему государьствах; тако же и против неверных на вся лета и в вся времена въоружается и поборает, ополчаетца, како бы свободити православие от рук нечестивых; не токмо не щадит своей царьской вые приимати всегда нужде и не радит о сем но паче тщится всегда о пролитие своей праведной и царской крови, о избавлении единородных наших братий православных христиан; и иное услаждение и потехи никоторые в ум его царьской не внидут, токмо о избаве христианом, просто рещи, толко закон Христов и ратные дела. Любовь же его по бозе ко всем под рукою его, к велможам и к средним и ко младым ко всем, равна: по достоянию всех любит, всех жалует и удовляет урокы вправду, против их трудов, и мзды им въздает по их отечеству и службе; ни единаго же забвена видети от своего жалования хочет, такоже никого ни от кого обидима видети хощет. И такова его бог яве царя и государя православным землям уродил подражателя прежним и благочестивым царем и храбрым государем; паче же иных благодать свою на нем всемогый бог показа, потребителя его бусурманом и иноверным сътвори; и какова его бог створи, и по тому тщится и подручных всех пред богом в законе христианском и непорочных поставити и обращая их от всех недобрых дел; яко же есть речено в святем еуангелии: пастырь добрый иже душю свою полагает за овца, и истинный пастырь, а не наемник, о всех промышляет душами их, такоже и пищею и одежею вправду устроит; и хощет от бога в страшное второе пришествие праведный глас слышати: «Ты еси царь правде», и ему же бы без стыда отвещати: «Господи! Се аз и люди, яже ми еси дал».

О повелении царьском. И повеле государь во градех и в волостях разчинити старосты, и сотцкые, и пятьдесятцкые, и десятцкые и з страшным и грозным запрещением заповедь положити, чтоб им разсужати промежь разбои и татбы и всякие дела, отнюдь бы никоторая вражда не именовалася, также ни мзда неправедная, ни лжывое послушество; а кого промеж собою такова лиха найдут, таковых велел казнем предавати; а на грады и на волости положити

оброкы по их промыслом и по землям, и те оброкы збирати к царьскым казнам своим диаком; бояр же и велмож и всех воинов устроил кормлением, праведными урокы, ему же достоит по отечеству и по дородсту, а городовых в четвертой год, а иных в третей год денежьным жалованием.

О расмотрении государьском. По сем же государь и сея расмотри: которые велможы и всякие воины многыми землями завладали, службою оскудеша, — не против государева жалования и своих вотчин служба их — государь же им уровнения творяше: в поместьях землемерие им учиниша, комуждо что достойно, так устроиша, преизлишки же разделиша неимушим; а с вотчин и с поместья уложеную службу учини же: со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне и в доспесе в полном, а в далной поход о дву конь; и хто послужит по земли, и государь их жалует своим жалованием, кормлении, и на уложеные люди дает денежное жалование; а хто землю держит, а службы с нее не платит, на тех на самех имати денги за люди; а хто дает в службу люди лишние перед землею, через уложенные люди, и тем от государя болшее жалование самим, а людем их перед уложеными и полътретиа давати денгами.

И все государь строяше, как бы строение воинъству и служба бы царская безо лжи была и без греха вправду; и подлинные тому розряды у царьскых чиноначалников, у приказных людей.

Полное собрание русских летописей, СПб, 1904, т. XIII, стр. 267—269

1607 г., марта 9

СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ ЦАРЯ ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО О КРЕСТЬЯНАХ И ХОЛОПАХ

Лета 7115-го [1] марта в 9 день государь царь и великий князь Василий Иванович всеа Руси с отцом своим Иермогеном патриархом, со всем освясченным собором и с своим царским сигклитом, слушав доклада Поместной избы бояр и диаков, что де переходом крестьян [2] причинились великиа

[1] *В рукописи* ЗРЕ 1607-го.

[2] *В рукописи* престьян.

кромолы, ябеды и насилия несмочным от сильных, чего де при царе Иване[1] Василиевиче не было, потому что крестьяне выход имели волный; а царь Федор Ивановичь, по наговору Бориса Годунова, не слушая советов старейших бояр, выход крестьяном заказал и у кого колико тогда крестьян где было, книги учинил, и после от того началися многие вражды, кромолы и тяжи [суды][2]. Царь Борис Федоровичь, видя в народе волнение велие, те книги отставил и переход крестьяном дал, да не совсем, что судии не знали, како по тому суды вершити. И ныне чинятся в том великие разпри и насилиа, многим разорения и убивства смертные, и многие разбои, и по путем грабления содеяшаяся и содеваются.

Сего ради приговорили есми[3] и уложили по святым вселенским соборам и по правилом святых отец.

Которые крестьяне от сего числа пред сим за 15 лет в книгах 101-го году положены, и тем быть за теми, за кем писаных; а буде те крестьяне вышли за кого иного, и в том есть на крестьян тех или на тех, кто их держит, челобитье, и те дела не вершены, или кто сентебря по 1-е число сего года будет бить челом, и тех крестьян отдавати по тем книгам[4], с женами и детми и со всеми их животы, тем, за кем они писаны, до сроку Рождества Христова 116 году без пожилаго, а не отдаст кто на тот срок, ино на нем брати за приим и пожилое по сему уложению; а не было о которых крестьянех челобитья по сесь день и сентебря по 1-е не будет, и тех после того не отдавати, а написати их в книги за тем, за кем они ныне живут, и предь за пятнатцать лет о крестьянех суда не давати и крестьян не вывозити [не возврасчать].

А буде которые отныне, из-за кого вышед, переидут к иному кому бы то ни было, и тот, к[5] кому придет[5], примет противо сего нашего сборного уложениа, и у того, крестьянина взяв, перевести ему со всеми того крестьянина пожитки [туда], откуду он перебежал; а двор если тот крестьянин строил, заплатити чего судит, а двора не во-

[1] *В рукописи* Иване Иване.

[2] *Здесь и далее квадратные скобки в рукописи.*

[3] *В рукописи* еми.

[4] *В рукописи далее зачеркнуто* со всеми и. *У Татищева (далее —* Т). *следующих пяти слов нет.*

[5]–[5] Т отс.

зити; да с него же на царя государя за то, что принял противно уложениа, доправити десять рублев: не принимай чужаго; да с него же за пожилое тому, чей крестьянин, за двор за [1] всякой год по три рубли, и за холостаго тоже на год по три рубли.

А придет к кому крестьянин нанятся в работу на лето или на зиму или на весь год, а не семьею, и кто наимет не боле года, в том не винити за прием и пожилаго не правити, потому что государь его сведом, где он живет.

А побежит женка или вдова или девка в чужую отчину и выдет замуж, и того крестьянина [2], который женится на чюжей женке, отдати тому, чья женка, со всеми его животы и з детми, кои от тоя беглыя родились; а буде у того крестьянина [2] дети есть от первой жены, и до тех дела нет: с мачихою не отдавать, а буде они малы, то пустити с отцом, доколе коему минет от рода [3] 15 лет.

А которые люди держат рабу до осмнатцати лет девку, а вдову молоду после мужа более дву лет, а парня холостаго за 20 лет, а не женят и воли им не дают, и той вдове, или девке, или парню идти к казначею, а казначею, опытав о том, и доведут, что им те лета минули, а государь их не женит, ино тем дати отпускные [4] в Москве казначею, а в иных городех наместником и судиам; а будет [5] государь их бити челом о краже или сносе, и ему в том отказати и суда не давати: не держи не жанатых над закон божий и правила святых отец, да не умножится блуд и скверно деяние в людех.

А которые после сего уложениа крестьяне, или холоп, или раба побежит от своего государя и придет к иному, государю искати своего холопа и рабу и крестьянина в пятнатцати [6] летах [от побега], а за пятнатцать лет не искати и суда не давати.

А в городех наместником [7], и воеводам и судиам [7], и диаком, и всяким приказным людем наведыватися во всем их в езде [уезде] или ведомстве, чрез старост и сотников

[1] Т на.
[2] Т мужика.
[3] В *рукописи* рада.
[4] В *рукописи* откупные.
[5] В *рукописи* будь.
[6] В *рукописи* патнатца.
[7–7] Т воеводам.

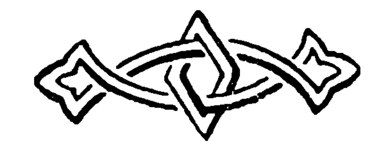
и свясчеников, нет ли где пришлых [1] вновь, и где ему скажут, и ему оных брати и спрашивати накрепко: чей он, и откуда [2] и когда бежал, и где сколко жил, и не подговорил [3] ли его кто, и буде скажет кто его подговорил и доведет на него [уличит] и того подговоршика казнити торговою казнию и взять с него порука, что ему отвести того беглаго к его государю; да с него же в казну [4] взяти пени десять рублев, а с приемщиков, со всякого, кто его принимал и более седми дней держал, доправити в казну по десять рублев, за двор и за одинакого мужика, а за бабу и за девку по три рубля за прием.

А примут чьего холопа, или крестьянина [5], или женку [6] в царевы и великаго князя села или волости, или в черные волости, или в патриарши и святителские и монастырские села, ино за прием имати [7] на волостелех [на прикащиках] [7a] и на старосте, кто [8] ту волость тогда ведал [управлял] и пришлаго принял; а пожилые [9] и за дворы имати на тех селех и волостях, а в городех на всех посадских по сему уложению.

А которой наместник, или судиа или диак и иной [10] приказной человек о пришлых в его в езде проведывать, и сыскивать, и допрашивать не будет и за прием в [11] денгах [12] полготит [12] [не взысчет] [12], а доведут на него в том, и с него те денги доправити вдвое и от дела отбросити, и впредь ему ни у какова государева [13] дела не быти.

[1] Т *далее* людей.
[2] В *рукописи* отку.
[3] В *рукописи* поговорил.
[4] В *рукописи слова* в казну *помещены над строкой.*
[5] В *рукописи* крестьяниина.
[6] Т рабу.
[7] Т правити.
[7a] Т или на приказщиках.
[8] В *рукописи* то.
[9] В *рукописи далее зачеркнуто:* имати.
[10] В *рукописи* инной.
[11] Т деньги.
[12–12] Т брать не станет.
[13] В *рукописи слово* государева помещено над строкой.

И. И. Смирнов, Восстание Болотникова 1606—1607 гг., Госполитиздат, 1951, стр. 535—537.



Историко-правовой обзор

Запись о Земском соборе 1549 года

Запись сохранила ценнейшие сведения о заседаниях первого Земского собора 27—28 февраля 1549 г., на котором было провозглашено начало реформ государственного аппарата. После этого собора пришло к власти правительство Адашева, начавшее реализацию намеченной программы. На соборе 1549 года еще присутствовали только представители класса феодалов — боярская дума, Освященный собор, представители московского и городового дворянства. В работах Земского собора торгово-промышленные люди впервые приняли участие в 1566 году.

Земский собор — центральное сословное представительное учреждение, появление которого свидетельствует о сложении сословно-представительной монархии в России (см. С. В. Юшков, К вопросу о сословно-представительной монархии в России, «Советское государство и право» 1950 г. № 10, стр. 39 и сл.). Некоторые исследователи (С. В. Юшков и др.) считают, что первым Земским собором был собор 1550 года, о котором упомянуто в так называемой «речи» Ивана Грозного на Лобном месте, сохранившейся в Хрущевской степенной книге. Однако, как доказал и С. Ф. Платонов и другие, эта речь является подделкой (конец XVII в.), возможно, представляющей собой памфлет по поводу деятельности молодого Петра I (В. Н. Автократов, Речь Ивана Грозного 1550 года как политический памфлет конца XVII века («Труды отдела древнерусской литературы», т. XI, М.—Л., 1955).

Для понимания деятельности собора 1549 года важное значение имеет выступление Ивана IV на Стоглавом соборе, в котором царь говорил, что «в предыдущее лета бил есми вам челом и з бояры своими о своем согрешении, а бояре такоже и вы нас в наших винах благословили и простили, а яз по вашему прощению и благословению бояр своих в прежних их винах во всех пожаловал и простил, да им же заповедал со всеми християны царствия своего в предних во всяких делех помиритися на срок. И боляре мои и все приказныя люди и кормленщики со всеми землями помирилися во всяких делех. Да благословилъся есми у вас

тогды же Судебник исправити по старине и утвердити, чтоб был праведен суд и всякия дела непоколебима во веки. И по вашему благословению Судебник исправил и великия заповеди написал, чтобы то было прямо и брежно, суд бы был праведен безпосулно во всяких делех. Да устроил по всем землям моего государьства старосты, и целовалники, и сотцкие, и пятидесятцкие по всем городом, и по пригородом, и по волостем, и по погостом и у детей боярских и уставныя грамоты пописал. Се судебник перед вами и уставныя грамоты, прочтите и разсудите, чтоб было дело наше по бозе в род и род неподвижимо по вашему благословению, аще достойно сие дело на святом соборе утвердив и вечное благословение получив и подписати на Судебники и на уставной грамоте, которой в казне быти» («Труды Новгородской ученой архивной комиссии», в. 1, Новгород, 1912, стр. 16—17). Б. А. Романов полагает, что речь Ивана IV могла быть составлена задолго до Стоглава — около июля — августа 1550 года (7058 г.), тогда «преидущее лето», о котором говорил царь, окажется действительно 7057 (сентябрь 1548 — август 1549 г.), когда и происходили заседания февральского собора 1549 года («Судебники XV—XVI вв.», стр. 190).

Говорил бояром — И. И. Смирнов полагает, что далее перечислены поименно члены Ближней думы (И. И. Смирнов, Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 г., Исторические записки, кн. 43, стр. 156). Для этого утверждения достаточно веских оснований нет. Перед нами выборочный перечень членов боярской думы (в которую входило около 30 бояр). Д. Ф. Бельский упоминается как боярин уже летом 1520 года (умер, очевидно, 13 января 1551 г.). В апреле 1540 года боярином был Ю. М. Булгаков (умер до 28 июня 1562 г.). Ф. А. Булгаков — боярин в декабре 1547 года, умер вскоре после июня 1566 года. Между декабрем 1548 года и январем 1550 года боярином стал П. М. Щенятев (казнен 5 августа 1565 г.). Д. Ф. Палецкий — боярин уже в июне 1547 года (умер вскоре после 1 сентября 1558 г.). В. Д. Пронский — боярин в январе 1547 года (умер в 1551 г.). А. Б. Горбатый — боярин уже в 1544 году (казнен 1 февраля 1565 г.).

Сердца на них не держал — не гневался.

Учнут бити челом — С. О. Шмидт полагает, что в результате деятельности собора 1549 года был создан во главе с А. Ф. Адашевым специальный Челобитный приказ, разбиравший жалобы на бояр и сделавшийся одним из основных центральных учреждений.

Наместником детей боярских не судити. Указом 28 февраля 1549 г. дети боярские изымались из юрисдикции наместников (за исключением дел о «душегубстве», «татьбе» и «разбое» с поличным). Этот указ — крупный шаг по пути удовлетворения дворянских требований и ограничения боярского своеволия.

Вопросы Ивана IV митрополиту Макарию

Иван IV в вопросах, адресованных митрополиту Макарию, излагал проект важнейших социальных и политических реформ, выработанный правительством А. Адашева после собора 1549 года. Обычно исследователи вслед за И. Н. Ждановым связывали эти вопросы с деятельностью Стоглавого собора 1551 года (И. Н. Жданов, Сочинения, т. I, СПб., 1906, стр. 174), среди материалов которого они сохранились в рукописи игумена Волоколамского монастыря Ефимия Туркова. Однако ст. 3 вопросов свидетельствует о том, что они составлены еще до сентябрьского приговора 1550 года, а ст. 1 — даже до июньского приговора 1550 года. Судя по ст. 1, Вопросы были написаны Иваном IV во время похода под Казань, когда царь находился под стенами этого города («как приехали х Казани и с кем ни пошлют... бывает дело не крепко»).

Сходен с Вопросами ряд положений проекта реформ, предложенных в 1549 году публицистом Ермолаем-Еразмом (см. Летопись занятий Археографической комиссии в. XXXIV).

Ст. 1. Статья говорит о необходимости ограничения местничества и первых мероприятиях в этой области (см. Владимирской приговор от декабря 1549 года). В июле 1550 года в соответствии с этим был принят новый приговор о местничестве.

Наряжался есми х Казани. Иван IV отправился в Казанский поход 24 ноября 1549 г.

В Володимере — во Владимире Иван IV был с 3 декабря 1549 г. по 7 января 1550 г.

В Нижнем Новегороде — в Нижнем Новгороде Иван IV был 18—23 января.

Приехали х Казани — под Казанью Иван IV был 14—15 февраля, а 23 марта 1550 г. он возвратился в Москву.

Ст. 2. Статья говорит о необходимости провести проверку земельных владений с целью наделения малоземельных и безземельных феодалов за счет земель, приобретенных в годы боярского правления. Намечавшееся мероприятие отвечало прежде всего интересам дворянства и должно было ограничить землевладение феодальной аристократии. Однако правительству Адашева не удалось его осуществить; сорвана была и попытка испомещения «тысячников» под Москвою в октябре 1550 года.

По книгам — о вотчинных книгах см. приговор 1558 года.

Ст. 3. Вопрос о монастырских слободах получил компромиссное решение в сентябрьском приговоре 1550 года и ст. 98 Стоглава.

В дедовы и батковы в уставные книги — см. об указе Ивана III и Василия III в обзоре указа 11 мая 1551 г.

Ст. 4. Корчмы (таверны) в годы обострения классовой борьбы представляли особую опасность, так как могли явиться местом скопления элементов, недовольных существовавшим строем. Поэтому правительство рядом мероприятий борется с корчемством. 28 декабря 1547 г. были закрыты корчмы в Новгороде. Ликвидировать корчмы в Пскове предлагали и Ермолай-Еразм. См. также Послание новгородского архиепископа Феодосия против корчем (ДАИ, т. I, № 41).

Ст. Ст. 5—7. Статьи отмечают важную реформу таможенной системы — ликвидацию проездных пошлин (мыта) внутри страны за счет увеличения тамги. Мыт на порубежных заставах должен был взиматься попрежнему. Таможенные перегородки между отдельными землями и уездами Русского государства, отражавшие незавершенность процесса изживания экономической раздробленности, препятствовали дальнейшему развитию товарно-денежных отношений в стране. Однако в середине XVI века не сложились

еще в полной мере экономические предпосылки для осуществления намеченной реформы, и только торговым уставом 1653 года (СГГ и Д, III, стр. 490—493), принятым в условиях складывания «всероссийского рынка», проездные и прогоночные пошлины были ликвидированы.

Заповедных товаров — товаров, ввоз которых из-за рубежа был запрещен.

Ст. 8. Для контроля над вотчинным землевладением предлагалось завести специальные книги, куда записывались бы все сделки на землю светских феодалов. В соответствии с размером вотчины должны быть и служилые обязанности землевладельцев. Этот проект был частично осуществлен (см. указ 11 января 1558 г. в составе Сводного судебника, упоминающий о вотчинных книгах). В 1556 году принято специальное уложение о службе.

Ст. 9. Статья предлагает ввести строгий контроль над верстанием земли «в поместье».

Ст. 10. Статья, исходя из принципа о невыходе земли из службы, предполагает решить вопрос о «вдовых боярынях». Молодая вдова служилого феодала должна была обязательно выйти замуж вторично за сына боярского, который и выполнял служилые обязанности с земли, переходившей к нему вместе с этой вдовой. Если боярыня была стара, то она должна была выдать замуж свою дочь. В случае отсутствия у нее дочери земля этой боярыни должна была перейти к ее племяннику, или (при отсутствии такового) отписывалась государю, а сама вдова постригалась в монахини.

Ст. 11. Ногайская орда была союзником Русского государя в борьбе с Казанью. Из Ногаев на Русь приходили караваны прекрасных лошадей, продававшихся на русских рынках. Статья запрещает чинить «лихо» ногайским гостям или товарам. В начале февраля 1549 года в ответ на ногайское посольство, просившее помощи для борьбы с Турцией и Крымом, отправлено после пятилетнего перерыва в сношениях с ногаями русское посольство. 12 апреля 1550 г. выехали из Москвы и ногайские послы (Прод. ДРВ, ч. VIII, стр. 218). Статья 11 связана с этими сношениями Москвы с Ногаями.

Ст. 12. Статья сообщает о решении Ивана IV начать повсеместную опись земель, которая должна была дать

материалы как для перераспределения земель внутри класса феодалов, так и для проведения финансовых реформ.

В ходе этой описи земель была введена единая окладная поземельная единица, так называемая «большая соха» — 800 четвертей «доброй земли» в одном поле для земель служилых феодалов, 600 четвертей для церковных и дворцовых земель и 500 четвертей — для земель черносошных крестьян. Устанавливалась, следовательно, различная степень обложения в соответствии с социальной принадлежностью землевладельца; при одинаковом количестве земель больше всего налогов шло с земель черносошных крестьян; несколько менее — с земель духовных феодалов и меньше всего — с земель светских феодалов. Введение большой сохи, следовательно, отвечало прежде всего интересам служилых феодалов. Первые сведения о начале переписи относятся к октябрю 1551 года (ГБЛ Беляев № 96).

1550 г. сентября 15. Приговор о монастырских слободах

В 1550 году правительство Адашева и Сильвестра, используя поддержку близких к ним нестяжателей, рассматривало вопрос о ликвидации церковно-монастырского землевладения. Однако иосифлянскому большинству русской церкви удалось воспрепятствовать осуществлению секуляризационных планов русского правительства. Митрополит Макарий составил специальный ответ, который обосновывает незыблемость права духовных феодалов на владение недвижимым имуществом (опубликован Н. Тихонравовым в «Летописях русской литературы и древностей», т. V, М., 1869, стр. 129—136). Этот ответ частично вошел и в Стоглав — Сборник постановлений церковного собора 1551 г. Правительству Адашева и Сильвестра удалось провести только отдельные мероприятия, несколько ограничившие рост монастырских земель (см. в Сводном Судебнике приговор 11 мая 1551 г., запрещавший монастырям покупку земель и др.). К их числу относится и приговор о слободах 15 сентября 1550 г., вошедший в Стоглав в качестве особой (98 или 94) главы.

Согласно приговору 1550 года, монастырям и владыкам запрещалось основывать новые слободы под угрозой их конфискации. Старые слободы сохранялись за церковными феодалами. Правда, в них запрещалось ставить новые дворы (за исключением случаев семейного раздела). Из новых слобод выводились на посад бежавшие туда посадские люди — закладчики. Запрещался впредь прием в эти слободы городских людей новоприходцев (кроме казаков). Разрешается прием новоприходцев только из среды сельского населения — притом лишь в опустевшие дворы. Срок этого приема устанавливался один в году (Юрьев день осенний). В этот же срок могли поселяне вотчинных слобод выйти от них на государев посад или в деревню. В целом приговор 1550 года носил компромиссный характер, ибо сохранял за духовными феодалами старые слободы и предоставлял некоторые возможности для пополнения их населения со стороны. Вопрос о частновладельческих слободах был решен лишь Соборным Уложением 1649 года. (Подробнее о приговоре см. П. П. Смирнов, Посадские люди и их классовая борьба до середины XVI века, т. I, М.—Л., 1947, стр. 112 и сл.)

Тот приговор —имеется в виду, очевидно, недошедший до нас более ранний приговор Ивана IV о слободах. Соответствующие уставы о слободах были еще при Иване III и Василии III (см. царские вопросы от февраля 1550 года, где говорится о монастырских слободах).

Запись 1550 г. о проекте испомещения избранной тысячи

В октябре 1550 года была составлена Тысячная книга, содержавшая указ об испомещении под Москвою свыше 1070 человек «лучших слуг» и их поименный перечень. Основную массу «тысячников» составляли провинциальные дети боярские, не имевшие земель в Московском уезде и наделявшиеся в дополнение к их старым владениям поместьями в районе Москвы (60—70 км вокруг столицы), с тем чтобы они всегда были «готовыми на посылки».

Состав тысячников показывает ту социальную среду, в интересах которой была задумана реформа. Тысячники в дальнейшем составили основную массу государева двора

(см. Дворовую тетрадь 1551—1552 гг.)[1] и явились кадрами для комплектования командного состава армии и для замещения высших правительственных должностей. До настоящего времени считалось, что испомещение тысячников под Москвой было осуществлено. Однако, очевидно, октябрьский указ 1550 года остался лишь проектом реформы и в действие введен не был. За это говорит отсутствие каких-либо сведений о реформе в исторических источниках (кроме самой тысячной книги и связанных с нею дворянских родословий XVII века) и анализ писцовых книг Московского и соседних уездов. Писцовые книги 70—80-х годов XVI века, указывающие на имена владельцев поместий 50—60-х годов, из 1070 тысячников дают лишь около 70 имен, которые в той или иной мере могут быть сопоставлены с тысячниками. Это, конечно, слишком мало для того, чтобы говорить об испомещении всех тысячников. В боярской книге 1556 года упомянуты 14 служилых людей-тысячников из Новгорода, поместья которых исчислены только в обжах, и 14 псковичей с поместьями, исчисленными в вытях. Поскольку «обжа» была в 50-х годах XVI века новгородской, а «выть» — псковской окладной единицей (в отличие от московских «четвертей»), постольку, следовательно, эти лица под Москвою земель не имели, то есть были испомещены, несмотря на «указ» 1550 года. Проект указа 1550 года, вероятно, не осуществили из-за сопротивления боярской аристократии и в связи с недостатком резерва свободных земель (для реформы нужно было примерно 220 000 гектаров земли). Вместе с тем опыт подготовки к испомещению тысячников использован был позднее, при введении опричнины.

В числяках и в ординцах — о них см. ПРП, в. III, стр. 308. Земли их находились в Верейском уезде.

В перевесных деревнях и в тетеревничих. В деревнях, жители которых специализировались на птичьей охоте для нужд великокняжеского (царского) хозяйства.

---

[1] И. И. Смирнов в своей рецензии на «Тысячную книгу» («Вопросы истории» 1950 г. № 7, стр. 116) полагал, что Дворовая тетрадь была составлена в начале 60-х годов XVI века. Однако сейчас обнаружен Музейный список с этого памятника с датой 1551—1552 гг. (ГИМ Муз., № 3417), решающий этот вопрос окончательно.

Запись о частичной отмене местничества в 1550 г.

Местничество, определявшее порядок назначения представителей господствующего класса на военные и административные должности, прежде всего в соответствии с происхождением («родовитостью»), отвечало интересам феодальной аристократии и препятствовало укреплению политических позиций дворянства и повышению боеспособности русской армии. Уже в декабре 1549 года, в обстановке начавшегося казанского похода, был издан первый приговор об ограничении местничества, а в июле 1550 г. — новый приговор, являвшийся его развитием.

Приговором 1550 года правительство Адашева стремилось не отменить, а урегулировать местнические споры. Прежде всего вводилось старшинство первого (большого) воеводы большого полка по сравнению с воеводами всех других полков и тем самым укреплялось единоначалие в армии. Устанавливались местнические взаимоотношения между воеводами. Приговор повышал роль и самостоятельное значение воевод на время военных операций, ликвидируя местнические счеты на время военных действий.

Окончательно ликвидировано местничество было только в 1682 году, в период становления абсолютистской монархии в России. Для понимания приговора 1550 года см. приводимый нами текст декабрьского приговора 1549 года. «Лета 7058 декабря царь государь великий князь Иван Васильевич всеа [1] Русии [1] приговорил со отцем своим Макарьем митрополитом, и с братьею своею со князем Юрьем Васильевичем и со князем Володимером Андреевичем, и своими бояры, да в наряд в служебной велел написати дьяком своим Ивану Елизарову с товарищи, велел руки свои приложити, где как быти на цареве и великова князя службе боярам и воеводам [2]. В большом полку быти большому воеводе. А кто будет в большом полку другой воевода, и тому другому воеводе ни до одного полку до больших и до других воевод дела нет и щету, были ему без мест [3]. А правой руки воеводам больше быти левые руки

[1-1] *В публикации* всерусский.

[2] *В публикациях далее* дьяк Иван Елизаров. *Очевидно, в подлиннике это была помета дьяка.*

[3] *В публикации далее* Печатник и дьяк Никита Фуников.

воевод, а передовому полку и сторожевому полку воеводам [до [1]] правые руки воевод дела и щету нет, быти им в тех полкех без мест для царя и великого князя дела [2]. А князем и дворянам большим и детем боярским на цареве великого князя службе с бояры и с воеводами и с лехкими [3] воеводы [3] царева и великова князя дела для быти без мест.

И в наряд служебнай царь и велики князь велел писати: детям боярским и дворянам большим лучитца на цареве и великаго князя службе быти с воеводами не по их отечеству, и в том их отечеству парухи никоторые нету [4]. А которые дворяне большие будут с воеводами где на службе не по своему отечеству, а вперед, где лучится из тех дворян, кому быти большим, самим быти в воеводах с теми же воеводами, с которыми они были, и с теми воеводами тогда дать щет по их отечеству.

Дьяк Андрей Васильев уложил о наряде и применения ему доведется разряде».

(Отечественные записки, т. XXVIII, № 78, СПб., 1826, стр. 427—428).

Запись об отмене кормлений и Уложение о службе 1555—1556 гг.

Запись о частичной отмене местничества в 1550 году, отмене кормлений и Уложение о службе 1550—1556 гг. помещены в списке Оболенского Никоновской летописи (в продолжении Летописца начала царства), в качестве вставки после изложения событий 21 марта 1556 г. (Текст у Татищева, помеченный 20 сентября 1555 г., заимствован из Никоновской летописи). Источниками этой записи являются документы государственного архива («казны»).

«Приговор государев» о частичной отмене местничества представляет собой вольное изложение июньского приговора 1550 года.

Сложнее обстоит дело с «приговором о кормлении» 1555—1556 гг. Скорее всего, такого приговора, единовре-

[1] *В публикации нет.*

[2] *В публикации далее* дьяк Андрей Васильев.

[3–3] *В публикации* Мокшин воевода.

[4] *В публикации далее* дьяк Угрим Ивов (надо — Львов).

менно отменявшего кормление во всем государстве и вводившего земское и губное управление, не было. Это управление вводилось в разное время в отдельных уездах (см. акты местного управления). 21 августа 1556 г. было издано уложение о губных делах (см. Уставную книгу Разбойного приказа), содержание которого отлично от «приговора» в летописи. Очевидно, «запись» обобщает законодательную практику середины XVI века. В 1555—1556 гг. в разное время, судя по Боярской книге 1556 года, власть кормленщиков-наместников во многих русских городах и волостях была заменена земскими властями; в это же время ряд уездов получил губное управление.

Первая (вводная) мотивированная часть «Приговора» содержит объяснение причин его ведения. Она не только обличает злоупотребления кормленщиков, но защищает их от «мужичья».

По своему характеру эта часть далека от законодательных памятников. Вторая часть «Приговора» церковно-нравоучительного содержания, излагающая представление о царской власти, о духе идеологии правительства Адашева. В третьей части «Приговора» излагается в самых общих чертах лишь направление реформ местного управления 50-х годов XVI века (составитель даже не уточняет, какую реформу — губную или земскую — имеет он в виду и т. д.). «Приговор», очевидно, является продуктом творчества канцелярии А. Адашева, в которой составлялся летописцем начала царства, с приписками кого-либо из его сподвижников. (См. А. А. Зимин, Летопись начала царства, памятник официальной политической идеологии середины XII в. Доклады и сообщения института истории АН СССР, ч. 10, М., 1956.)

Более точно изложено в Никоновской летописи «Уложение о службе 1555—1556 гг.». Об Уложении 1555—1556 гг. сообщает и Боярская книга 1556 года, содержавшая постатейную роспись служилых людей. Возможно, оно было введено летом 1556 года, когда Иван IV во время Серпуховского смотра военно-служилых людей ввел «новые оклады» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 270—271). Согласно Уложению, каждый служилый человек, кроме своего личного участия в военной службе, должен был выставлять с имеющейся в его распоряжении вотчинной или поместной земли

вооруженных воинов из числа его «людей» (холопов) по норме: со 100 четвертей «доброй» земли в одном поле — один конный воин в полном вооружении. Уложение о службе отвечало интересам широких кругов дворянства, так как вводило строгую регламентацию службы в соответствии с размером земельных владений. Оно обеспечивало возможность строгого учета и проверки военной службы феодала и должно было содействовать росту поместной армии.

1607 г. марта 9 — Соборное уложение Василия Шуйского

Уложение 9 марта 1607 г. о крестьянах сохранилось в изложении В. Н. Татищева в двух текстах: первый — в печатном издании Судебника и дополнительных статей; второй — более исправный — совсем недавно издан по рукописи XVIII века И. И. Смирновым (его мы перепечатываем в Памятниках русского права). Уложение, о подлинности которого исследователи (в том числе Н. М. Карамзин, С. Ф. Платонов, П. Милюков) высказывали сомнения, очевидно, только немного стилизовано Татищевым, получившим его из Чердынского архива.

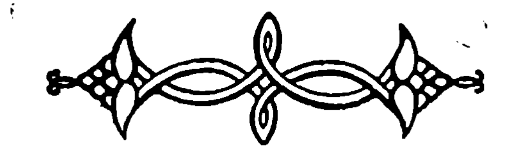
В вводной части Уложения 1607 года связывается ликвидация крестьянского выхода с законодательной деятельностью Бориса Годунова (указ 1597 года) и составлением в 1592—1593 гг. писцовых книг. Однако эти мероприятия вызвали обострение классовой борьбы в стране («в народе волнение велие»), что заставило правительство царя Бориса дать крестьянам «переход» (имеются в виду законы 1601—1602 гг.). «Великие распри» и «убивства смертные» продолжались. Тогда Василий Шуйский 9 марта 1607 г. издал новое уложение о крестьянах, готовясь к завершению борьбы с восстанием Болотникова (указ 7 марта 1607 г. о холопах см. в уставной книге Холопьего суда). Суть нового уложения сводилась к окончательной отмене крестьянского перехода и закрепощению крестьян в соответствии с их записью в писцовые книги. При этом иски о бежавших с 1592—1593 гг. крестьянах рассматривались только в течение полугода до 1 сентября 1607 г., после чего они больше не принимались. Закон устанавливал пятнадцатилетний срок сыска беглых крестьян и холопов и, таким образом, отменял закон Лжедмитрия I 1606 года

о пятилетнем сроке сыска (см. Сводный Судебник). Уложением 1607 года вводились различные меры наказания для тех, кто укрывал беглых, а также для местных властей, не принимавших надлежащих мер для их разыскания. При этом властям вменялось проявлять инициативу при сыске беглых крестьян. Уложение 9 марта 1607 г. было принято в интересах широких кругов ~~дворян-помещиков~~, поддержкой которых стремилось заручиться правительство Василия Шуйского в борьбе с восставшими холопами и крестьянами.

Насилия немощным от сильных. — Речь идет, очевидно, о злоупотреблениях со стороны крупных феодалов, которые добивались различными путями своза крестьян у «немосчных» помещиков.

А которых люди держат рабу. — Уложение декларативно объявляет, что холопы и раба должны быть отпущены на свободу даже против воли господина, если их хозяин не разрешает им вступать в брак в течение двух лет после истечения 18-летия (для рабы) и 20-летия (для холопа). В данном случае, как и в приговоре 7 марта 1607 г., правительство Шуйского делало вид, что стремилось облегчить участь холопов.

За пожилое... три рубли. — Пожилое раньше вносилось хозяину при выходе крестьянина от него, теперь оно превращается в штраф за держание беглого.



ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Полное собрание русских летописей, т. XIII.

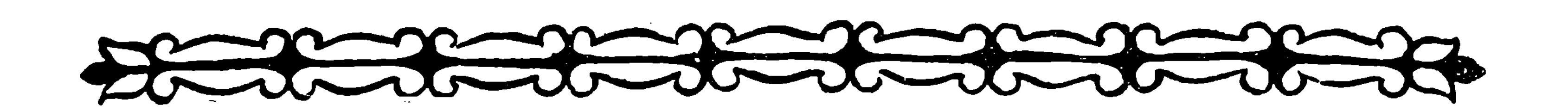
Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века. Подготовил к изданию А. А. Зимин, М.—Л., 1950.

П. Н. Милюков, Древнейшая разрядная книга, М., 1901.

С. О. Шмидт, Продолжение хронографа 1512 г., Исторический архив, кн. VII.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. С. В. Бахрушин, Научные труды, т. II., М., 1954.
2. А. В. Бородин, Уложение о службе 1556 г., «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову», Пб., 1922.
3. С. Б. Веселовский, Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном, Исторические записки, кн. 15.
4. И. Н. Жданов, Сочинения, т. 1, СПб., 1906.
5. А. А. Зимин, К истории военных реформ 50-х годов XVI века, Исторические записки, кн. 55 (печатается).
6. Очерки истории СССР, Период феодализма, Конец XV — начала XVII в., М., 1955.
7. И. И. Смирнов, Иван Грозный, Л., 1944.
8. А. В. Чернов, Вооруженные силы Русского государства XV — XVII вв. М., 1954.
9. С. О. Шмидт, Правительственная деятельность А. Ф. Адашева, Ученые записки МГУ, в. 167, М.. 1954.
10. С. О. Шмидт, Челобитенный приказ в середине XVI в., «Известия Академии наук», Серия истории и философии, 1950, т. III, № 5.
11. С. В. Юшков, К вопросу о сословно-представительной монархии в России, «Советское государство и право» 1950 г. № 10.



ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

СУДЕБНИК 1589 г.

СВОДНЫЙ СУДЕБНИК

ПРИЛОЖЕНИЯ

Зимин Александр Александрович
Поляк Александр Григорьевич
Каштанов Сергей Михайлович
Копанев Александр Ильич

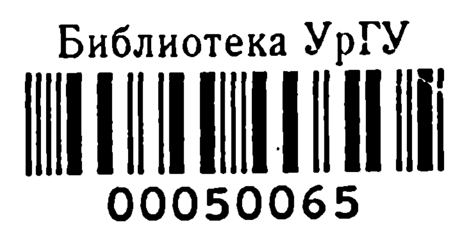
„ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ПРАВА",
выпуск четвертый

Редактор *Г. А. Правкин*
Орнаментальное оформление четвертого выпуска художника *Л. С. Морозовой*
Художественный и технический редактор *А. Н. Макарова*

Сдано в набор 6/II 1956 г. Подписано к печати 19/IV 1956 г. Формат бумаги 60×92¹/₁₆.
Объем: физ. печ. л. 39,5; условн. печ. л. 39,5; учетно-изд. л. 32,70. Тираж 5000 экз.
А05132. Зак. 892. Цена 11 р. 80 к.

Госюриздат — Москва, Ж — 4, Товарищеский пер., 19.

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности. 4-я типография им. Евг. Соколовой. Ленинград, Измайловский пр., 29.



СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
82	2 снизу	Игоря	Григория
222	12 сверху	ср. 388, дело в;	ф. 388, дело, 1;
355	11 снизу	не указывается	, как правило, не указывается
553	9 сверху	1551	1550
556	17 сверху	ОПОР	ОИДР
556	20 сверху	(„5“	(„*S*“)
583	20 сверху	*П. Н. Лимонов*	*П. Н. Милюков*
592	16 снизу	июньского	июльского
597	24 сверху	были	не были
600	12 снизу	XII в.	XVI в.

Заказ 982.